

Археологические вести – 15 –

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

—

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Археологические ВЕСТИ

- 15 -

МОСКВА НАУКА 2008

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е.Н. НОСОВ (главный редактор),
академик В.Л. ЯНИН, М.Ю. ВАХТИНА,
Т.С. ДОРОФЕЕВА (ответственный секретарь), Н.Ю. СМИРНОВ,
Н.В. ХВОЩИНСКАЯ (составитель и зам. главного редактора), Л.Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Е. МУСИЦ,
кандидат исторических наук В.Н. СЕДЫХ

В оформлении издания использованы фотографии И.П. Лазаретова
на могильнике Тюрим в Республике Хакасия:
на первой странице переплета – ограды погребений;
на четвертой – сосуд с резным геометрическим орнаментом.

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. –
1992–

№ 15 / [гл. ред. Е.Н. Носов]. – М. : Наука, 2008. – 281 с. – ISBN
978-5-02-035201-8 (в пер.).

В выпуск включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы раскопок палеолитического Азербайджанского местонахождения (Черноморское побережье Кавказа), погребальных комплексов эпохи сиуну: Гол Мод 2 (Монголия) и Царам (Забайкалье), Нижегородского кремля XIII–XV вв. Наряду с публикацией результатов комплексных исследований дается анализ отдельных категорий археологического материала, в частности мечей-акинаков скифского времени, вотивных свинцовых предметов из Ольвии, древнерусских каменных резных иконок. Специальный раздел составляют работы по актуальным проблемам археологии бронзового века; в них проводится анализ социальной структуры древних обществ и аспектов культурогенеза. В сборнике представлена информация о важнейших международных конференциях, дан обзор новейших отечественных и зарубежных публикаций по археологии. Среди авторов выпуска – ученые из России, Украины, Монголии, Китая, США, Франции. Для археологов, этнографов, историков.

Темплан 2007-1-349

ISBN 978-5-02-035201-8

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство «Наука»,
продолжающееся издание «Археологические вести»
(разработка, оформление), 1992 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление,
Издательство «Наука», 2008

Содержание

Наши юбиляры

Василий Прокофьевич Любин. К 90-летию со дня рождения	11
Маргарита Николаевна Пшеницына. К 70-летию со дня рождения	12
Анатолий Александрович Семенцов. К 70-летию со дня рождения	13
Николай Дмитриевич Праслов. К 70-летию со дня рождения	14
Геннадий Павлович Григорьев. К 70-летию со дня рождения	15
Лев Михайлович Всеинов. К 70-летию со дня рождения	16

Новые открытия и исследования

<i>В.Е. Щелинский</i> Азербейское ашельское местонахождение на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа	18
<i>И.П. Лазартов</i> Могильник Тюрим (о времени появления атишичной керамики в карасукских комплексах)	37
<i>Брайан К. Миллер, Франсис Оллард, Димаджав Эрдэнэбатор, Кристин Ли</i> Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2 (Монголия, 2002–2005 годы)	55
<i>Мишель Пираццолли-Серстевенс</i> Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам	71
<i>Ю.Г. Кокорина</i> Меч, акинак, кинжал – какой термин выбрать? (к постановке проблемы)	75
<i>М.Ю. Вахтина</i> О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша	84
<i>А.В. Буйских, В.М. Зубарь</i> К проблеме функциональной атрибуции памятников Маячного полуострова	91
<i>М.В. Скржинская</i> Главные храмы и праздники античных государств Северного Причерноморья в литературных и эпиграфических источниках	102
<i>И.Ю. Шауб</i> Культ Дяониса и свинцовые votives из Ольвии	112
<i>В.Ю. Соболев</i> Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI	118
<i>В.Г. Пуцко</i> Резная иконка в Ельце: Деисус в новгородской каменной пластике XIV века	133

<i>Н.Н. Грибов, В.А. Лапшин</i> Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках	141
<i>А.Н. Егорьков</i> О цементационном получении бронзы и латуни в древности	157
Материалы заседания Древнерусского семинара кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета, посвященного памяти Н.Н. Воронина	163
<i>Вал.А. Булкин</i> К юбилею Николая Николаевича Воронина	164
<i>М.В. Медведева</i> Документальное наследие Николая Николаевича Воронина в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН	165
<i>А.М. Гордин</i> Фрески Боголюбовской церкви (по материалам раскопок Н.Н. Воронина 1934–1939 годов)	172
<i>А.В. Жерас</i> К вопросу об организации плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси в конце XII – первой четверти XIII века	181
<i>П.Е. Бельский</i> Трехпрестольные храмы в новгородской архитектуре второй трети XII века	186

Актуальные проблемы археологии

<i>М.Б. Рысин</i> Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века	193

Обзоры и рецензии

Еще раз о культуре <i>Philip G. Chase. The Emergence of Culture: The Evolution of a Uniquely Human Way of Life. 221 p. (hardback). 2006. N.Y.: Springer. (Рец. Л.Б. Вишняцкого)</i>	231
Облик Косинны на пороге XXI века (новая биография Косинны в труде Г. Грюнерта) <i>Grünert H. Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker: Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik. 405 S., 62 Abb. – (Vorgeschichtliche Forschungen, Bd. 22). 2002. Leidorf; Rabden: VML. (Рец. Л.С. Клейна)</i>	234
Важное исследование об истории древнегреческого оружия <i>Baittinger H. Die Angriffswaffen aus Olympia // Olympische Forschungen. Bd. XXIX. 257 S., 67 Taf. 2001. B.; N.Y.: Walter de Gruyter. (Рец. Ю.А. Виноградова)</i>	237
Новые погребальные памятники эпохи Великого переселения народов на среднем Дунае <i>Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. 352 p., 78 fig., 46 pl. 2006. P.: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 22. (Рец. И.П. Засецкой, А.Г. Фурсьева)</i>	241
Клады Болоховской земли <i>Якубовський В.І. Скарби Болохівської Землі. 2-ге вид., доп. 159 с.; ілюстр. 2003. Кам'янець-Подільський; Медобори. (Рец. Н.В. Жилиной)</i>	244

Музееведение и археология – две составляющие в изучении древнерусской моды и кожаного ремесла <i>Осипов Д.О.</i> Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с., 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. – (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7). (Рец. А.В. Курбатова)	246

Сотрудничество Восток–Запад

<i>С.А. Васильев</i> Возобновляя традиции отечественной науки: Всероссийский археологический съезд «Современные проблемы археологии России» (Россия, Новосибирск, 23–27 октября 2006 г.)	255
<i>С.А. Васильев</i> Международные конференции по палеолиту Северной и Средней Азии	259
<i>Л.Б. Кирчо</i> Семь тысячелетий культуры и цивилизации Тепе Гиссар (Seven Thousand Years of Culture and Civilization of Tepe Hissar) (Иран, Дамган, 17–18 февраля 2007 г.) ...	263
<i>А.Е. Мусин</i> Sacralia Ruthenica: 12-ая Ежегодная встреча Европейской Ассоциации археологов (Польша, Краков, 19–24 сентября 2006 г.)	265
<i>А.Н. Кирпичников, Н.И. Платонова</i> I Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» (Россия, Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.)	269

Персоналии

<i>Н.Н. Скаун, Т.А. Шаровская, В.Е. Шелинский</i> Памяти Галины Федоровны Коробковой (9.03.1933–27.08.2007)	274

Хроника

<i>С.А. Кулаков</i> Институт истории материальной культуры РАН в 2006 году	276
Список сокращений	280

Contents

Our Jubilees

Vasily P. Lyubin. To the 90 th Anniversary	11
Margarita N. Pshenitsyna. To the 70 th Anniversary	12
Anatoliy A. Sementsov. To the 70 th Anniversary	13
Nikolay D. Praslov. To the 70 th Anniversary	14
Gennadiy P. Grigor'ev. To the 70 th Anniversary	15
Lev M. Vseviiov. To the 70 th Anniversary	16

New Discoveries and studies

<i>V.E. Shchelinsky</i> The Acheulian site of Aderba on the Black Sea Coast of the North-Western Caucasus ...	18
<i>I.I. Lazaretov</i> The Cemetery of Tyurim (the Appearance of Atypical Pottery in Karasuk Complexes) ...	37
<i>B. Miller, F. Allard, D. Erdenebaatar, Chr. Lee</i> A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery (Mongolia, 2002–2005)	55
<i>M. Pirazzoli-i' Serstevens</i> Chinese Inscription from Xiongnu Elite Barrow in Tsaraam Cemetery	71
<i>Yu.G. Kokorina</i> Sword, Dagger or Acinaces – What Term to Chose? (Formulation of the Problem)	75
<i>M.Yu. Vakhtina</i> About the Serpents on the Handles of the Bronze Krater from v. Martonosha	84
<i>A.V. Buyskikh, V.M. Zubar'</i> The Problem of the Function of the Sites on the Mayachny Peninsula (<i>Crimea</i>)	91
<i>M.V. Skrzhinskaya</i> The Major Temples and Festivals in Ancient States of the Northern Black Sea Region in Literary and Epigraphic Sources	102
<i>I.Yu. Schaub</i> The Cult of Dionysus and Lead Votives from Olbia	112
<i>V.Yu. Sobolev</i> Berezitsy VI – a Burial Ground of the Final Stage of the Culture of Long Barrows	118
<i>V.G. Putsko</i> A Small Carved Icon from Yelets: Deisis in the Novgorodian Stone Plastic Arts of the 14 th Century	133
<i>N.N. Gribov, V.A. Lapshin</i> The Nizhny-Novgorod Kremlin in the 13 th –14 th and 15 th Centuries	141

<i>A.N. Yegor'kov</i>	
Bronze and Brass Production by Cementation in Antiquity	157
Materials of the Meeting of the Ancient-Russian Seminar of the Chair of the History of Arts, St.-Petersburg State University, in Memory of N.N. Voronin	163
<i>Val.A. Bulkin</i>	
For the Jubilee of Nikolay Nikolayevich Voronin	164
<i>M.V. Medvedeva</i>	
The Documentary Heritage of Nikolay Nikolayevich Voronin in the Scientific Archives of Institute for the History of Material Culture of <i>Russina Academy of Sciences</i>	165
<i>A.M. Gordin</i>	
Frescos of the Bogolyubovo Church (Materials of N.N. Voronin's Excavations of 1934–1939)	172
<i>A.V. Zherve</i>	
The Organization of Construction of Buildings of Plinth-Bricks in North-Eastern Rus in the End of the 12 th – First Quarter of the 13 th Century	181
<i>P.E. Bel'skiy</i>	
Three-Altar Temples in the Novgorodian Architecture of the Second Third of the 12 th Century	186

Topical problems of archaeology

<i>M.B. Rysin</i>	
The Uspensky Stage of the Caucasus Metalworking in the Middle Bronze Age	193

Review articles and book reviews

Once again about culture	
<i>Philip G. Chase. The Emergence of Culture. The Evolution of a Uniquely Human Way of Life.</i> 227 p. (hardback). 2006. N.Y.: Springer. (Rev. by L.B. Vishnyatskiy)	231
The figure of Kosinna on the threshold of the 21st century (new biography of Kosinna in G. Grünert's work)	
<i>Grünert H. Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker. Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik.</i> 405 S., 62 Abb. (Vorgesichtliche Forschungen. Bd. 22). 2002. Leidorf; Rahden: VML. (Rev. by L.S. Klein)	234
Important research on the history of Greek weapons	
<i>Bainger H. Die Angriffswaffen aus Olympia // Olympische Forschungen.</i> Bd. XXIX. 257 s., 67 taf. 2001. B.; N.Y.: Walter de Gruyter. (Rev. by Yu.A. Vinogradov)	237
New funerary sites of the Great Migrations epoch on the Middle Danube	
<i>Ivanišević V., Kazanski M., Mastikova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migration.</i> 352 p., 78 fig., 46 pl. 2006. P.: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 22. (Rev. by I.P. Zasetzkaya, A.G. Furas'ev)	241
Hoards of the Bolokhov land	
<i>Якубовський В.І. Скарби Болохівської Землі. 2-ге вид., доп. 159 с.: ілюстр. 2003. Кам'янець-Подільський; Медобори.</i> (Rev. by N.V. Zhilina)	244
Museum science and archaeology – the two constituents in studies of the Ancient Russian fashion and leather dressing	
<i>Осунов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с., 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. – (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7).</i> (Rev. by A.V. Kurbatov)	246

The East-West cooperation

<i>S.A. Vasil'ev</i>	
Resuscitating the Traditions of Russian Science: All-Russian Archaeological Congress. «The Modern Problems of the Archaeology in Russia» (Russia, Novosibirsk, October 23–27, 2006)	255
<i>S.A. Vasil'ev</i>	
International Conferences on the Palaeolithic of Northern and Central Asia	259
<i>L.B. Kircho</i>	
Seven Thousand Years of Culture and Civilization of Tepe Hissar (Iran, Damgan, February 17–18, 2007)	263
<i>A.E. Musin</i>	
Sacralia Ruthenica: The 12th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (Poland, Krakov, September 19–24, 2006)	265
<i>A.N. Kirpichnikov, N.I. Platonova</i>	
The 1st International Symposium Archaeology and History of Lithuania and North-Western Russia (Russia, Saint-Petersburg, December 4–8, 2006)	269

Personalia

<i>N.N. Skakun, T.A. Sharovskaya, V.E. Shchelinsky</i>	
In Memory of Galina F. Korobkova (9.03.1933–27.08.2007)	274

Chronicle

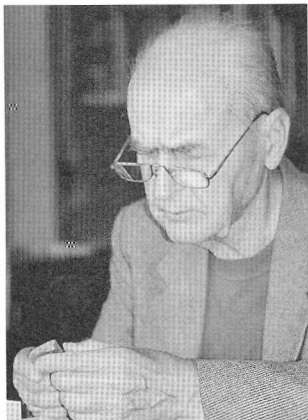
<i>S.A. Kulakov</i>	
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in 2006 ..	276
List of abbreviations	280

Василий Прокофьевич ЛЮБИН К 90-летию со дня рождения

13 января 2008 г. исполнилось 90 лет доктору исторических наук, профессору Василию Прокофьевичу Любину – ведущему научному сотруднику консультанту Отдела палеолита. В нашей стране Василий Прокофьевич – подлинный «патриарх» науки о древнейшем человеке, всемирно признанный авторитет в области изучения нижнего и среднего палеолита.

Обозревая поразительные по продуктивности итоги деятельности В.П. Любина, трудно поверить, что все это сделано человеком, вошедшим в науку в зрелом возрасте. Ветеран войны, боевой офицер, В.П. Любин только в послевоенные годы приступил к занятиям археологией. После защиты кандидатской диссертации, посвященной каменному веку Юго-Осетии, он начал работать в Секторе палеолита ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, где прошел путь до ведущего научного сотрудника, заведующего сектором.

В золотой фонд мировой доистории вошли исследованные им Кударские пещеры в Юго-Осетии. Маршруты изысканий В.П. Любина пролегли практически по всем краям и республикам Северного Кавказа, охватили территорию Армении. Богатейшие материалы получены им при полевых работах в Туркмении. Особая страница

в биографии ученого – исследование палеолита Западной Африки.

В.П. Любиным разработаны основы применяемой в нашей стране методики полевого изучения пещерных комплексов. Среди отечественных исследователей палеолита В.П. Любину нет равных в тонкости анализа изделий из камня.

Среди многочисленных трудов В.П. Любина – монументальные монографии: «Мустьерские культуры Кавказа», «Ашельская эпоха на Кавказе» (вышедшая в свет на русском и французском языках), «Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I», «Ранняя преистория Кавказа» (две последние – в соавторстве с Е.В. Беляевой), «Палеолит Республики Кот д'Ивуар» (совместно с Ф.И. Геде), «Неандертальцы Гурского ущелья», а также крупные разделы в изданиях «Палеолит мира», «Палеолит СССР».

В.П. Любин воспитал блестящую плеяду учеников – специалистов, успешно разрабатывающих проблемы палеолита разных эпох и территорий. Поразительное творческое долголетие, жизнелюбие, энергичность, открытость, неизменная готовность поделиться своими богатейшими познаниями – вот основные черты В.П. Любина. Пожелаем нашему юбиляру с той же энергией продолжать свой неустанный поиск.

Мargarита Николаевна ПШЕНИЦЫНА К 70-летию со дня рождения

Мargarита Николаевна Пшеницына работает в ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН с 1962 г. В 1958 г., будучи студенткой IV курса кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета, она впервые поехала в Сибирь в составе Красноярской экспедиции, которой руководил д.и.н. М.П. Грязнов, ставший позднее ее наставником и учителем. Первым памятником, в раскопках которого довелось участвовать двадцатилетней студентке, был могильник тагарской культуры Гришкин Лог I. С этого времени Margarита Николаевна связала свою научную судьбу с Сибирью. В Красноярской экспедиции ярко проявились ее организаторские способности и талант полевого исследователя. Изучая эталонные памятники афанасьевской и карасукской культур, Margarита Николаевна совершенствовала методику раскопок погребений, основу которой заложил М.П. Грязнов.

В 1975 г. Margarита Николаевна успешно защитила кандидатскую диссертацию «Культура племен среднего Енисея во II-I вв. до н.э. (тегинский этап)». Первый оппонент диссертации д.и.н. Л.Р. Кыласов отметил огромную роль Margarиты Николаевны в раскопках эталонных памятников Сибири близ горы Барсучиха, у поселка Разлив в Хакасии и у горы Тесей. Вскоре после за-

щиты диссертации Margarита Николаевна возглавила Бейскую новостроечную экспедицию.

Итоги научных исследований М.Н. Пшеницыной опубликованы во многих работах, среди которых следует отметить коллективную монографию «Комплекс археологических памятников у горы Тесей на Енисее» под редакцией М.П. Грязнова, а также раздел «Тесинский этап» в одном из томов серии «Археология СССР» – «Степная полоса Азиатской части СССР» в скифо-сарматское время».

Время не изменило характера Margarиты Николаевны, закаленного многолетними экспедициями в суровых условиях Сибири. Она по-прежнему деловита и энергична. Ее полевые отчеты информативны. Ее научные планы по исследованию различных могильников тагарской культуры перспективны. Ее надежды связаны с новыми археологическими открытиями, сопутствующими ей как удачливому полевому исследователю. Margarита Николаевна человек увлеченный, она всегда предана археологии. За это мы ее любим, уважаем и ценим. Работа в ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, которой Margarита Николаевна отдала 45 лет своей жизни, является образцом высокого служения идеалам науки, выбранной в молодости.

**Анатолий Александрович
СЕМЕНЦОВ**
К 70-летию
со дня рождения

Анатолию Александровичу Семенцову 5 июня 2007 г. исполнилось 70 лет. А.А. Семенцов – высококлассный специалист в области физики и электроники, прекрасный и разносторонний человек огромной работоспособности и исключительной скромности.

Анатолий Александрович принадлежит поколению, пережившему все тяготы военного лихолетья: и голод, и холод, и нужду. Зимой 1942 г. по Дороге жизни его эвакуировали из блокадного Ленинграда в Тверскую область.

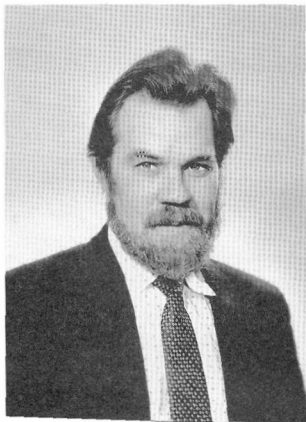
После окончания с отличием ЛЭТИ им. В.И. Ульянова в 1961 г. Анатолий Александрович был принят на работу в радиоуглеродную лабораторию Ленинградского отделения Института археологии, организованную в конце 1956 г. на базе ЛОИА и Радиового института, которой руководили известнейшие специалисты С.И. Руденко (ЛОИА) и И.Е. Старик (РИАН). Здесь он разработал и сконструировал установку для измерения активности радиоуглерода со стабилизацией измерительного процесса, что увеличило достоверность и надежность получаемых дат. Долгое время этот принцип применялся в радиоуглеродных лаборато-

риях страны. В 1973 г. после защиты кандидатской диссертации в ФТИ РАН им. А.Ф. Иоффе Анатолий Александрович перешел работать в Отдел астрофизических процессов ФТИ. В 1978 г. он был приглашен в Институт разведывательной геофизики, где занимался разработкой приборов для авиационного поиска полезных ископаемых.

Вместе с археологами ЛОИА Анатолий Александрович продолжал участвовать в экспедициях в Якутии, на Селигере и в других местах. В 1995 г. он вернулся в ИИМК РАН. Анатолий Александрович создал новые современные установки с высокой эффективностью и воспроизводимостью данных. Признание работы лаборатории в России и за рубежом – большая заслуга ученого.

Сохранить молодость Анатолию Александровичу помогают его занятия спортом: зимой его можно увидеть в лесу на лыжне, летом – на байдарке. У него прекрасная жена, две дочери, шесть внуков и три правнука.

Желаем ему еще многих творческих успехов и долголетия. Именно на таких специалистах держится сейчас отечественная наука.

**Николай Дмитриевич
ПРАСЛОВ
К 70-летию
со дня рождения**

15 октября 2007 г. мы празднуем 70-летие ведущего научного сотрудника Отдела палеолита, доктора исторических наук Николая Дмитриевича Праслова. Н.Д. Праслов пользуется заслуженным признанием среди российских и зарубежных археологов как один из лучших специалистов по палеолиту Восточной Европы.

Жизненный путь Н.Д. Праслова был, пожалуй, самым сложным среди наших сотрудников. Деревенскому мальчику пришлось пережить все ужасы войны, оккупации, послевоенного голода, утрату родителей. Правда, село, в котором выпало жить Коле Праслову, называлось Костенки и, подобно многим сверстникам, он каждое лето с лопатой в руках работал на раскопках. Смысленный юноша привлек внимание начальника экспедиции А.Н. Рогачева, и перед Н.Д. Прасловым открылся путь в науку.

После окончания университета Н.Д. Праслов начал самостоятельные работы на юге России в качестве сотрудника Таганрогского музея, а с 1962 г. перешел на работу в ЛОИА. Блестяще защищенная в 1965 г. и позднее опубликованная в виде монографии кандидатская работа «Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижне-

го Дона» сразу привлекала внимание специалистов по палеолиту.

Список полевых исследований Н.Д. Праслова впечатляет: многолетние работы в Костенках, разведки и раскопки на нижнем и среднем Дону, в Приазовье, на Северном Кавказе; десятки открытых памятников от древнейших раннепалеолитических местонахождений до стоянок верхнего палеолита.

Среди печатных работ Н.Д. Праслова книги «Палеолит бассейна Днепра и Приазовья» (совместно с П.И. Борисковским), «Верхнепалеолитическое поселение Золотовка 1 на нижнем Дону» (совместно с В.Е. Шелинским), а также большие разделы в фундаментальных обобщающих трудах «Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону» и «Палеолит СССР».

Нельзя обойти стороной преподавательскую деятельность Н.Д. Праслова. Приняв эстафету преподавания археологии палеолита на кафедре Ленинградского университета из рук П.И. Борисковского, Н.Д. Праслов успешно выступал с лекциями во многих университетах у нас в стране и за рубежом. В год славного юбилея желаем Н.Д. Праслову крепкого здоровья и новых достижений.

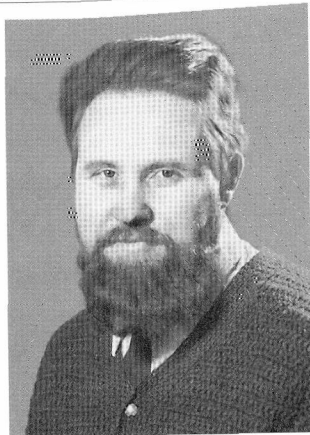
**Геннадий Павлович
ГРИГОРЬЕВ**
**К 70-летию
со дня рождения**

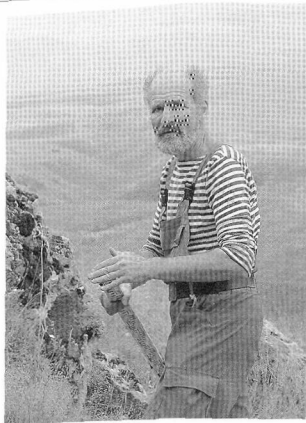
26 января 2007 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела палеолита ИИМК РАН, доктору исторических наук Геннадию Павловичу Григорьеву. Г.П. Григорьев – один из крупнейших в нашей стране специалистов по археологии палеолита, тонкий знаток типологии каменных индустрий, прекрасный полевик.

Г.П. Григорьев работает в ИИМК РАН с 1960 г. Для Г.П. Григорьева характерен необычайно широкий спектр научных интересов, охватывающий все разделы палеолитоведения – от вопросов происхождения человека и древнейших стоянок Африки до проблем выделения культур в верхнем палеолите Русской равнины. Особую роль в его научном творчестве играют вопросы теории археологической науки и изучения памятников древнейшего искусства. На протяжении нескольких десятилетий Г.П. Григорьев совместно с М.Д. Гвоздовер руководил раскопками стоянки

Авдеево, продолжающимися и поныне. При этом им разработана оригинальная методика тонкого микростратиграфического исследования мощного палеолитического культурного слоя. Из числа многочисленных работ Г.П. Григорьева выделяются капитальные монографии «Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*» и «Палеолит мира. Палеолит Африки».

Г.П. Григорьев активно занимается преподавательской деятельностью на историческом и философском факультетах СПбГУ, им изданы программы ряда лекционных курсов. Блестящий полемист, неутомимый и порой язвительный критик, Г.П. Григорьев на протяжении всей своей работы в Отделе палеолита выступает в роли неизменного «нарушителя спокойствия», инициатора самых жарких споров. Пожелаем нашему юбиляру и впредь не терять своего юношеского задора.

Лев Михайлович ВСЕВИОВ К 70-летию со дня рождения

15 января 2008 г. отметил свой 70-летний юбилей заведующий библиотечкой ИИМК Лев Михайлович Всевиов. Всякому, кто знает этого подтянутого, молодцеватого человека, трудно представить, что его настала столь «весома» дата. Бросающаяся в глаза благородная сдержанность, безупречные манеры, мужественный характер, *ненапускная скромность и постоянное расположение к людям воскрешают почти забытый ныне героический образ рыцаря без страха и упрека. Для всех остается загадкой, из каких семейных и общественных глубин черпал он и оттачивал в себе (дита военного лихолетья и послевоенной разрухи) самые достойные качества поколения, чья молодость пришлось на вольные шестидесятые годы XX в.?* Честность, ответственность, трудолюбие, нестяжательство, неискаемый романтизм – вот те черты, что в полной мере отражают личность Льва Михайловича.

Многие годы Лев Михайлович верно служит на библиотечной ниве, начав свой путь с неприметной должности работника абонемента. Первое знакомство с библиотечкой произошло гораздо раньше, когда студенту-вечернику позволили в нее записаться. Знакомство с институтом также пришлось на студенческую пору вместе с первыми поездками в экспедиции. Молодому человеку повезло с умными, серьезными наставниками. В поле

«царила» М.А. Тиханова, в библиотеке – Н.А. Винбер, позже – Р.Ш. Левина. Обладая необходимыми задатками научного работника, Лев Михайлович очень быстро приобрел и другие важные качества профессионала высшей пробы: *безукоризненную четкость и спокойное отношение к ежедневному кропотливому, подчас рутинному, делу. Это обстоятельство стало основополагающим в его работе при составлении библиографического указателя археологической литературы. Необходимый во всех отношениях справочник, давно превратившись из коллективного издания в монографическое, продолжает выходить в свет, благодаря активным усилиям и завидному усердию юбиляра.*

Деятельность Льва Михайловича на посту заведующего библиотекой весьма разнообразна и не ограничивается научно-библиографической областью. Четко спланированный процесс руководства вверенным ему подразделением обеспечивает здоровую рабочую атмосферу, полную энергии и задора. Несмотря на привычные для библиотеки трудности, работа в ее стенах приносит коллективу истинную радость, а главное – понимание своей полезности и сопричастности научной жизни. По отзывам читателей, библиотека, возглавляемая Львом Михайловичем, – лучшее место для исследований и научных свер-

шений. Теплый, доброжелательный климат здесь – безусловная заслуга начальника, всегда спешащего на помощь в раскрытии тайн библиотечного собрания.

Юбилейные чествования со всей очевидностью показали известность Льва Михайловича как маститого библиографа, искусного полевика, профес-

сионального библиотекаря. Они также стали фактом сердечной признательности человеку с истинно широкой, открытой и щедрой душой. Редакция присоединяется к пожеланиям крепкого здоровья, бодрости духа и многих физических сил юбиляру в его служении на благо науки и на радость всем окружающим.

Новые открытия и исследования

Адербиевское ашельское местонахождение на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа¹

В.Е. Щелинский²

Памятники ашельской эпохи распространены на Кавказе довольно широко, хотя и очень неравномерно. При этом среди них имеются как местонахождения открытого типа, расположенные на речных и морских террасах, так и хорошо стратифицированные пещерные памятники (Любин, 1998). Учет и изучение этих разнотипных местонахождений, отражающих производственные различия и сезонную смену мест обитания первобытных человеческих коллективов, позволяют с большей детальностью исследовать условия природной среды, хозяйственно-производственную деятельность и конкретные особенности культурной адаптации ашельских людей в различных районах обширной и неодинаковой в природно-географическом отношении территории Кавказа.

В настоящее время меньше всего изучен ашель самой западной сравнительно низкой части Кавказа. Геологи выделяют ее по орографическим и геологическим критериям в качестве самостоятельного сегмента под названием Северо-Западный Кавказ, считая его равнозначным Центральному, Восточному и Юго-Восточному отрезкам Большого Кавказа. Территория Северо-Западного Кавказа протянулась неширокой полосой (20–60 км) с северо-запада на юго-восток от района г. Анапы и до Пшехско-Адлерской зоны попе-

речных тектонических разломов, расположенной несколько к северо-западу от горы Фишт приблизительно на линии, условно проводимой между городами Адлер и Майкоп (Милановский, Хайн, 1963, С. 7–8, 229). На юго-востоке Северо-Западный Кавказ смыкается с высокогорным Центральным Кавказом и субтропическим Южным Закавказьем. К северо-западу слагающие его горные хребты сильно понижаются и плавно сливаются с всхолмленной Закубанской предгорной равниной и Азово-Кубанской низменностью Западного Предкавказья, характеризующимися умеренным климатом и природными условиями, близкими к природе южнорусских степей. В этом как раз и состоит уникальность географического положения Северо-Западного Кавказа на стыке Кавказских гор и степных районов Русской равнины и специфика его природной среды, несомненно имевшая место и в плейстоцене, что не могло не оказывать влияния на характер социально-культурных процессов развития человеческих сообществ на этой территории на протяжении всего палеолита.

Ашельских памятников на Северо-Западном Кавказе выявлено уже довольно много, и это указывает на благоприятные условия для обитания здесь людей в ашельское время. При этом интересно, что большинство этих памятников располагается на северном склоне и сосредоточено в одной небольшой зоне, а именно в средней части Закубания на территории между левобережными притоками Кубани – Псекупсом и Лабой (Формозов, 1965, С. 9–27; Аутлев, 1988, С. 5–9). Примечательно также, что площадь распространения их охватывает подгорную часть Закубанской равни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН (программа фундаментальных исследований «Адаптация народов и культур к изменяющимся природной среде, социальным и техногенным трансформациям»).

² Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трассологическая лаборатория.

ны и частично низкие предгорья, где сохранились отложения высоких террас (Муратов, 1969б. С. 168). Совершенно очевидно, что этот район особенно привлекал ашельских охотников. Вероятнее всего, здесь были богатые охотничьи угодья, безопасные и удобные места для стоянок и, что не менее важно, легко доступное хорошее сырье для производства орудий. Анализ распределения находок на памятниках позволяет предполагать, что стоянки охотников располагались в поймах и на невысоких мысах по берегам рек (Муратов, 1969б. С. 169).

Однако выявленные многочисленные ашельские памятники Закубанья, к сожалению, в большинстве своем весьма ущербны и трудны для изучения, так как сильно разрушены природными процессами. Одни из них представляют собой пункты единичных находок. Другие являются местонахождениями, хотя и с многочисленными каменными изделиями, но также собранными на поверхности, основательно переотложенными и чаще всего разновременными и не имеющими сколько-нибудь определенной геологической привязки. Датировать их можно лишь путем геоморфологических сопоставлений и технико-типологического анализа, что, конечно, ненадежно и не дает возможности разделить эти находки на культурно-хронологические комплексы. Правда, некоторые исследователи пытаются выполнить эту сложную задачу и установить технико-типологические отличия отдельных памятников (Голованова, 1986; 1994; Голованова, Дороничев, 2003. С. 6–9; Несметнов, Голованова, 1988. С. 23–50).

На южном склоне Северо-Западного Кавказа ашельские памятники до недавнего времени были большой редкостью. Самые известные – это находки рубил в нижних слоях Ахштырской пещеры близ г. Адлера (Замятин, 1961. С. 116; Векилова, 1967. С. 84; Щелинский, 2006. С. 30–31). Они имеют четкую стратиграфическую позицию и датируются временем не моложе рисс-вюрма (Муратов, Фриденберг, 1974. С. 180; Несметнов, 1999. С. 322).

Затем выяснилось, что ашельские памятники имеются и на морских террасах, широко развитых на Черноморском побережье. В 1965 г. было открыто Кадошское ашельское местонахождение в окрестностях г. Туапсе, характеризующееся вполне определенными геологическими условиями. Изделий в нем немного, но среди них есть два прекрасно выраженных рубила (Щелинский, 1987. С. 62–65; 2006. С. 29–30; Щелинский, Газишян, 1980. С. 244–248). Находки залегали у кровли и на размытой поверхности делювиальных зеленоватожелтых суглинков с выветрелым щебнем, перекрывающих морские отложения террасы. По мнению геологов, эта терраса является, скорее всего, раннепашадской (раннеузунларской) и, следова-

тельно, покровные отложения на ней, включающие каменные изделия, могут иметь среднеплейстоценовый возраст (Несметнов, 1999. С. 221).

Не менее важное ашельское местонахождение выявлено на мысе Широком в 15 км к северо-западу от г. Туапсе (Щелинский, 1971; 2004). Судя по геологической ситуации, это местонахождение моложе Кадошского (ранневюрмское). Каменные изделия в нем, включая превосходное рубило, связаны с корой выветривания, погребенной в покровных отложениях на морской ашейской террасе и синхронной шахейским (карангатским, неотюрским) морским отложениям, сопоставимым с OIS 5c (Щелинский, 2006. С. 16; Несметнов, 1999. С. 96).

Наконец, еще одно из известных сейчас на побережье ашельских местонахождений (Азербийское) расположено значительно севернее, около г. Геленджика. Материалы его до сих пор не были опубликованы.

Азербийское ашельское местонахождение, открытое автором еще в 1966 г., находится в 6 км к юго-востоку от г. Геленджика на берегу р. Азербий у пос. Светлого, в 5 км от моря (рис. 1).

Надо сказать, что в этом довольно засушливом районе Черноморского побережья р. Азербий является одной из крупных рек, и в древности она, несомненно, привлекала к себе людей. Неподалеку от нее протекает р. Мезыб. Обе реки сливаются в одно русло у курортного пос. Дивноморское.

Для окрестностей местонахождения характерен слабо расчлененный рельеф с широкими и невысокими террасами. Лишь на северо-восточной стороне местности высятся Маркотхский хребет (высота около 800 м над уровнем моря). Он в значительной мере защищает низовья р. Азербий от холодных и нередко очень сильных северо-восточных ветров. Долина реки на участке от этого хребта до впадения в море выработана в плотных флишевых породах (песчаники, известняки, мергели) кампанского яруса верхнего мела (Геологическая карта СССР, 1967) и имеет асимметричные склоны. Правый в устье имеет крутизну 20–25° и высоту около 200 м. Выше по течению он выполаживается до 10–15° и снижается до 100 м. Левый склон более пологий и менее высокий. Днище долины реки на протяжении 2,5 км от устья имеет ширину 200–250 м. Выше по течению, вплоть до пос. Светлого, оно постепенно расширяется до 600 м, а затем резко сужается до 100–125 м на участке, где река прорезает Маркотхский хребет. Русло реки слабо извилистое, шириной на всем протяжении 5–7 м.

Речные террасы долины реки хорошо сохранились в ее наибольшем расширении – на левобережье у пос. Светлого. Именно в этом месте, на юго-восточной окраине поселка и располагается

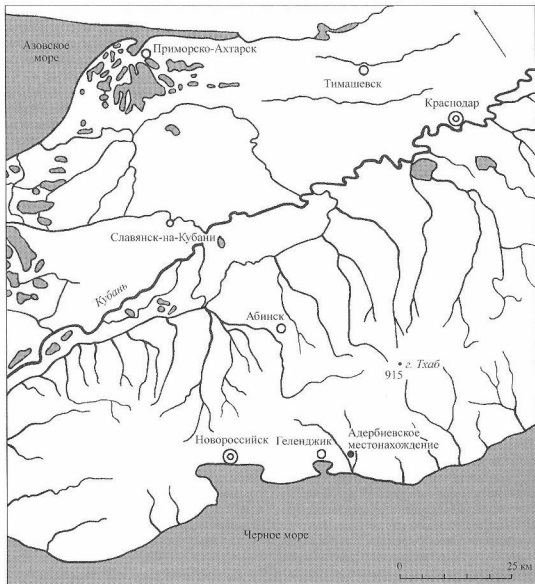

Рис. 1. Расположение Адерби́евского ашельского местонахождения

Fig. 1. Situation of the Acheulian site of Aderba

ашельское местонахождение. Среди террас особенно четко выражены первая, третья, четвертая и пятая надпойменные террасы.

Первая надпойменная терраса на левобережье имеет ширину 200–250 м и прислоняется к доколу более древних террас. На правом берегу она прослеживается уже в основании коренного склона долины. Высота ее 3–5 м. Сложена терраса суглинками с редкой галькой и гравием, ниже которых лежат бурые и голубовато-серые глины.

Вторая надпойменная терраса плохо сохранилась и представляет собой довольно узкие останцы, имеющие высоту 8–10 м. Сложена она галечниками и гравием с прослоями бурых глин, залегающими на коренном доколе высотой 1,5–2,0 м. Надо отметить, что вниз по течению реки эта тер-

раса заметно понижается и в устье р. Мезыб высота кровли ее аллювия, по наблюдениям геолога А.Б. Островского (устное сообщение), составляет всего лишь 2,0–2,5 м.

Третья надпойменная терраса представлена широкими участками в основном на левобережье. Поверхность ее ровная, заметно наклонена в сторону русла и имеет высоту 12–17 м над уровнем реки. От более низких террас она отделяется сильно выположенным уступом высотой от 2 до 7 м. Терраса повсеместно распахана, засажена виноградником или застроена домами. На поверхности ее, в местах, доступных для осмотра, обычно много галек и вскрывается аллювий, поверх которого почти отсутствуют покровные отложения. Это, несомненно, связано с процессами размыва поверхности

террасы, а также со значительной удаленностью ее от коренных склонов долины, поставляющих пролювиально-делювиальные отложения.

Четвертая надпойменная терраса представлена так же хорошо, как и третья. Однако ее строение установить довольно сложно. Дело в том, что в ряде мест она выражена лишь в виде абразивных поверхностей, с которых снесена почти вся рыхлая толща. На них обычно обнажаются коренные породы мелового флиша, и только в понижениях можно обнаружить фрагменты маломощной щебнистой почвы с присутствием речных галек. Основные же отложения террасы были перемещены эрозийными процессами вниз по склону на ее уступ и прилегающую к нему тыловую часть более низкой третьей надпойменной террасы. В других местах распространения четвертой террасы, приближенных к склону долины, она, напротив, перекрыта многометровой толщей делювиально-пролювиальных отложений. По предварительным данным, высота этой террасы над урезом реки составляет 23–35 м.

Пятая надпойменная терраса выявлена в одном месте у восточного края пос. Светлого в виде крупного останца, с юга и запада ограниченного крутыми высокими уступами. Поверхность останца возвышается над урезом реки приблизительно на 65 м. Она довольно ровная, сильно эродированная, на ней изредка встречаются грубо окатанные выветрелые гальки и гравий. В основном же она обнажена.

Геологическая датировка отмеченных террас р. Адербы, несмотря на их четкую выраженность, сопряжена со значительными трудностями. Это связано прежде всего с тем, что вблизи от них на берегу моря нет датированных морских террас, с которыми их можно было бы сопоставить. На почти полное отсутствие сохранившихся плейстоценовых морских террас в районе р. Мезыб и к северо-западу от ее устья и до г. Анапы указывают многие геологи. И объяснение этому они видят в тектоническом опускании береговой полосы на этом участке Черноморского побережья (Несмеянов, Измайлов, 1995. С. 105). Наличие описанных мною прекрасно сохранившихся плейстоценовых речных террас в долине р. Адербы в некотором отдалении от прибрежной зоны вполне согласуется с этим предположением. Важно подчеркнуть, что эти террасы, по крайней мере нижние из них, образуют непрерывную серию и имеют точно такую же последовательность, как и террасы в других долинах кавказских причерноморских рек, где они лучше изучены и продатированы. Поэтому возраст террас р. Адербы может быть предварительно определен по аналогии с изученными террасами на побережье. Этому не препятствует то обстоятельство, что разновозрастные террасы в до-

линах рек часто имеют разные высоты вследствие воздействия на них неодинаковых по характеру и амплитуде неотектонических процессов.

Первая надпойменная терраса р. Адербы, несомненно, является голоценовой. При этом, как и во многих других местах, она, по-видимому, сложена мощной толщей переслаивающихся галечников и лагунно-старичных глин, расположенных в основной своей части ниже современного уровня рек. Такие осадки выполаживают доголоценовый врез днища долины и отлагались главным образом во время последней черноморской трансгрессии, характеризовавшейся преимущественно более низким, по сравнению с современным, уровнем Черного моря (Островский и др., 1977а. С. 136–137).

Аллювий второй надпойменной террасы имеет позднеплейстоценовый возраст и сопоставляется с тарханкутским (сурожским) комплексом морских осадков, находящихся ниже современного уровня моря. Возраст верхней части этих осадков около 25 тыс. лет (Абрамов, 1989; Несмеянов, Измайлов, 1995. С. 66). Существует, правда, мнение, что вторая терраса кавказских рек соответствует позднекарагатской террасе (Муратов, 1969а. С. 16).

Третья надпойменная терраса обычно коррелируется с карагатской (шахейской) террасой, имеющей возраст 74–88 тыс. лет (Островский и др., 1977б. С. 67). Эта терраса в свою очередь сопоставляется с неотирренской террасой Средиземного моря, для которой имеются ураноиниевые датировки в 75–95 тыс. лет (Несмеянов, 1995. С. 95).

Четвертая терраса, естественно, древнее. Морским аналогом ее является айшейская (позднеайшейская) терраса, относимая некоторыми исследователями к начальной фазе карагатской трансгрессии Черного моря (Чепальга и др., 1989. С. 116) и имеющая возраст 125 тыс. лет (OIS 5e) (Арсланов и др., 1985. С. 49).

О возрасте пятой террасы р. Адербы предположить что-либо невозможно, так как она представлена единственным изолированным останцом. Очевидно лишь то, что она не моложе среднего плейстоцена.

Археологический материал местонахождения полностью собран на поверхности и представлен только каменными изделиями. Почти все оны изготовлены из кремневых песчаников нескольких разновидностей серого, светло-серого и желтовато-серого цвета, в отдельных случаях пестроцветных. Единичные предметы сделаны из известняка. Это исходное каменное сырье целиком является местным, использовалось в виде галек, происходящих из древних аллювиальных отложений р. Адербы.

Площадь сбора находок была довольно значительной и состояла из трех обособленных участков, засаженных виноградником и периодически распаиваемых, — северного, южного и западного

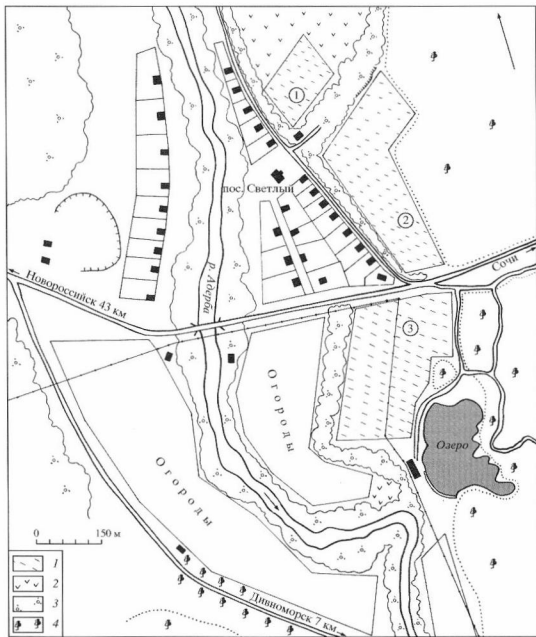

Рис. 2. Схема расположения Адербиевского ашельского местонахождения на окраине пос. Светлого близ г. Геленджика

1 – северный участок местонахождения каменных орудий; 2 – южный участок; 3 – западный участок
Условные обозначения: 1 – виноградники; 2 – пойменная часть реки; 3 – кустарник; 4 – лиственные деревья

Fig. 2. Situation of the Acheulian site of Aderba on suburb of v. Svetly near city Gelendjik

1 – northern area of finds of stone tools; 2 – southern area; 3 – western area

Notations: 1 – vineyards; 2 – floodplain area of the river; 3 – shrubs; 4 – deciduous trees

(рис. 2). Северный и южный участки разделены балкой, южный и западный – автодорогой Новороссийск–Сочи.

Находки, обнаруженные на местонахождении, безусловно, разновременные. Среди них имеются поздние вещи (неолит, энеолит, бронза?), такие как гальки с перехватом (грузила), сильно сработанные отбойники и свежие отщепы. Найдена одна каменная мотыжка. Все эти изделия отлича-

ются хорошей сохранностью (почти без патины, невыветрелые и неокатанные).

Однако вместе с ними на распаханых участках виноградников найдены и гораздо более древние изделия, имеющие среднепалеолитический облик. В отличие от поздних вещей они патинизированные, нередко выветрелые, с карбонатным налетом и марганцевистыми пятнами на поверхности и отчетливо окатанные.

Северный участок

Меньше всего находок обнаружено на северном участке (рис. 2). Он представляет собой слабо наклоненную к реке распаханную поверхность четвертой надпойменной террасы р. Адербы, перекрытую делювиальными отложениями. Шурфом, поставленным на месте находок на высоте 31 м над уровнем реки, была зафиксирована следующая стратиграфия (сверху вниз):

- Слой 1.** Суглинок темно-серый, гумусированный, внизу буроватый, с многочисленной оглаженной щебонкой и дресвой известняков. Переход к нижележащему слою постепенный. Мощность – 0,4 м.
- Слой 2.** Глина светло-желтая с коричневатым оттенком, с многочисленной оглаженной щебонкой, дресвой, редкими гальками и окатышами известковых конкреций. В подошве слоя обломочный материал достигает 30–35% и концентрируется горизонтом толщиной 10–15 см. Переход к нижележащему слою четкий, линия контакта неровная, волнистая. Мощность – 0,6 м.
- Слой 3.** Глина сизовато-коричневая, неоднородная по цвету, плотная, оскольчатой структуры, с крапинками и разводами окислов марганца, включает рыхлае комочки и твердые известковые конкреции. Контакт с нижележащим слоем постепенный. Мощность – 1,5 м.
- Слой 4.** Глина сизовато-желтая с пятнами ожелезнения, плотная, оскольчатой структуры, содержит порошкообразную известь и твердые известковые конкреции. Мощность (видимая) – 3,5 м.

Делювиальный характер представленных отложений не вызывает сомнений. К сожалению, находки в них не обнаружены, а собранные на участке изделия геологически никак не датируются.

Найдено всего четыре каменных изделия, относящихся к среднему палеолиту. Изделия имеют патину, но невыветрелые и неокатанные. Среди них выделяются два разнотипных двусторонне обработанных орудия. Одно является двойным асимметричным остроконечником (рис. 3, 1), изготовленным, по-видимому, на толстом отщепе (6,9 × 4,0 × 2,5 см) из серого песчаника. Орудие почти сплошь обработано с обеих сторон. Максимальная ширина и толщина приходятся на его нижнюю половину. Поперечное сечение двояковыпуклое. Одно лезвие вогнутое, другое – дугообразно выпуклое. Лезвия сходятся на концах. Дистальный конец отломан. Орудие обработано сколами с значительным использованием ретуши и, возможно, является заброванным экземпляром. Второе двусторонне обработанное орудие определяется как двухлезвийный нож сегментовидной формы (кайл-мессер) с обработанным обухом (рис. 3, 4). Изготовлено оно на отщепе из серого песчаника (6,6 × 4,6 × 1,3 см). Орудие отличается тщательностью обработки, оно сплошь оббито с обеих сторон плоскими сколами, лезвия подправлены ретушью.

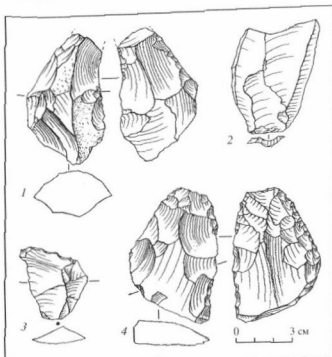

Рис. 3. Адербиенское местонахождение. Северный участок
1 – двусторонне обработанный двойной асимметричный остроконечник (фрагментарный); 2, 3 – левадуазские отщепы; 4 – двусторонне обработанный нож (кайл-мессер)

Fig. 3. Adera. Northern part

1 – bifacially worked double asymmetric point (fragmentary); 2, 3 – levallois flakes; 4 – bifacially worked knife (keilmesser)

Поперечное сечение плоско-выпуклое. Одно лезвие длинное, слабовыпуклое. Другое – более короткое, прямое. Лезвия сходятся на дистальном конце, утонченным продольным сколом. Укороченное лезвие плавно переходит в обухок выпуклой формы. Почти половина обуха обработана встречной вертикальной ретушью, другая его часть представляет собой остатки вертикальной поверхности облома края исходной заготовки.

Две другие находки являются тонкими левадуазскими отщепами (длина их 5,5 и 3,5 см), изготовленными из светло-коричневого и серого песчаника (рис. 3, 2, 3).

Южный участок

На южном участке местонахождения условия находок были другими (рис. 2). Здесь они собраны на размытой поверхности и логовом уступе четвертой надпойменной террасы, а также в тыловой части третьей надпойменной террасы р. Адербы. При этом на четвертой террасе изделия встречались там, где распахкой были обнажены желтые и коричневые суглинки с большим количеством выветрелого щебня и речной гальки. На третьей террасе изделия обнаружены преимущественно среди распаханного аллювиального галечника с желто-коричневым суглинком.

Шурф, поставленный на этой террасе вблизи ее тылового перегиба на высоте около 17 м над рекой, не дал находок, однако отложения, вскрытые им, представляют интерес в плане привязки к ним изделий, собранных на поверхности. Эти отложения в шурфе были следующими (сверху вниз):

Слой 1. Суглинок темно-серый, гумусированный, тяжелый, с редкой светлой угловатой щебенкой известняков и единичными гальками диаметром 2–4 см. В нижней части слоя пятнами прослеживается глина нижележащего слоя (результат пропашки). Нижний контакт отчетливый. Мощность – 0,4 м.

Слой 2. Глина коричневатая с красноватым оттенком, плотная, оскольчатой структуры и с глянцем на гранях отделистости, содержит редкие гальки диаметром 2–8 см, постепенно переходит в галечник. Мощность – 0,45 м.

Слой 3. Галечник плотный, скрепленный известковистым коричневатого-желтым песчано-гравийным заполнителем, грубо-слоистый. Преобладающий размер галек 4–6 см, встречаются валуны до 30 см в поперечнике. Гальки угловато-округлой и уплощенной формы, шероховатые, с желтовато-белым карбонатным налетом, представлены серыми и желтовато-серыми песчаниками, реже известняками. Мощность (видимая) – 0,65 м.

В данном разрезе наиболее интересен слой галечника (слой 3), содержащий гальки с белесой карбонатной коркой. Дело в том, что такую же карбонатную корку имеют и некоторые изделия, найденные на поверхности. К тому же эти изделия окатанные. Поэтому есть основание предполагать, что первоначально они залегали именно в слое галечника, а на поверхности оказались в результате распада участка. Если это так, то можно ориентировочно судить и о геологическом возрасте находок, вернее, об их верхнем возрастном пределе. Можно заключить, что они не моложе аллювия третьей надпойменной террасы р. Адербы, которая, как отмечалось, сопоставима с шахейской (среднекарангатской) террасой Черноморского побережья и OIS 5c. Но на самом деле изделия могут иметь более ранний возраст, соответствующий возрасту четвертой надпойменной террасы, коррелируемой с ашейской (раннекарангатской) террасой и OIS 5e. С четвертой террасы изделия могли быть смыты эрозивными процессами в русло реки во время формирования аллювия третьей террасы.

На южном участке местонахождения обнаружено 28 изделий, несомненно, среднепалеолитического возраста:

Нуклеусы	3 экз.
Отщепы	9 экз.
Двусторонне обработанные орудия	10 экз.
Чопер	1 экз.
Отщепы с частичной обработкой	5 экз.

Нуклеусы (3 экз.). Два нуклеуса относятся к классическому леваллуазскому типу (черепаховидные). Один из них сильно сработанный, овальной формы и слегка укороченных пропорций (7,0 × 8,2 × 2,4 см), изготовлен на гальке из светлого-серого песчаника (рис. 4, 1). Изделие окатанное, с пятнами карбонатной корки на поверхности. Второй нуклеус не столь выразительный (рис. 4, 5). Он крупный (10,2 × 10,8 × 6,4 см), овально-подтреугольной формы, изготовлен на гальке серого песчаника. Ударная площадка покрыта галечной коркой. Изделие слабоокатанное. Третий нуклеус тоже леваллуазский, но другого типа – одноплощадочный параллельного расщепления (рис. 4, 6). Он подчетыреугольной формы, сильно сработанный, изготовлен на гальке желтовато-серого песчаника (6,5 × 5,3 × 2,3 см). Изделие окатанное, на поверхности его местами имеется белесая карбонатная корка.

Отщепы. Для характеристики этих изделий важны не только отщепы без дополнительной обработки (9 экз.), но и сколы, превращенные в орудия с вторичной обработкой (8 экз.). По типам они распределяются следующим образом:

Леваллуазские отщепы	2 экз.
Обушковые отщепы	3 экз.
Массивные отщепы	5 экз.
Первичные отщепы	3 экз.
Полупервичный отщеп	1 экз.
Реберчатый отщеп	1 экз.
Изогнутый отщеп	1 экз.
Фрагмент неопределимого отщепа	1 экз.

Обращает на себя внимание единичность леваллуазских сколов, хотя, как было показано, имеются в коллекции нуклеусы являются леваллуазскими и сработанными. Оба леваллуазских отщепа (длина 7,2 и 5,3 см) не лучшего качества; ударная площадка у них гладкая (рис. 4, 4). Изделия неокатанные. Обушковые отщепы, которые можно считать разновидностью заготовок, тоже довольно грубые (длина их 8,7–5,2 см). Ударная площадка на двух отщепах крупнофасетированная. Один отщеп окатанный. Массивные отщепы, по-видимому, изготавливались преднамеренно и служили заготовками для разных орудий. От леваллуазских сколов они отличаются прежде всего отсутствием соответствующей огранки. Длина их колеблется от 7,5 до 12,4 см, толщина от 2,5 до 3,8 см. Остальные отщепы относятся к техническим сколам, они образовались при подготовке нуклеусов к расщеплению и в процессе изготовления бифасов.

Орудия с вторичной обработкой. Состав этих орудий своеобразный. Среди них нет обычных для инвентаря среднепалеолитических стоянок скребел и остроконечников. Имеются только двусторонне обработанные орудия, чопер и отщепы с

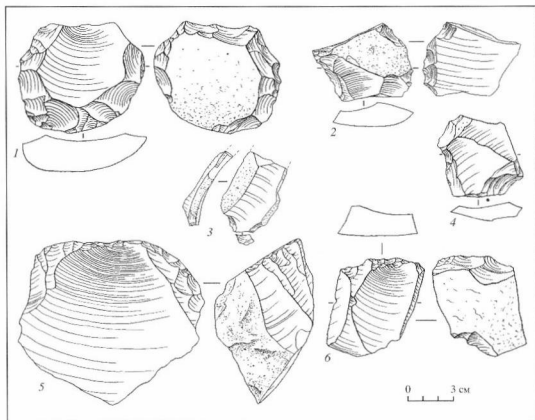

Рис. 4. Адербиевское местонахождение. Южный участок

1, 5, 6 – леваалюзские нуклеусы; 2 – фрагмент неопределимого орудия; 3 – полунервничный отщеп; 4 – леваалюзский отщеп

Fig. 4. Aderba. Southern part

1, 5, 6 – levallois cores; 2 – a fragment indefinable tool; 3 – semi-cortical flake; 4 – levallois flake

частичной обработкой. Такой состав изделий, несомненно, указывает на производственные особенности стоянок.

Двусторонне обработанные орудия (10 экз.). Они составляют наиболее крупную группу орудий, различающихся, однако, в технико-морфологическом отношении. При этом особенно выделяются рубила и рубильца.

Рубила (3 экз.). Представлены рубила овальной (2 экз.) и подтреугольной (1 экз.) формы. Одно овальное рубило (немного повреждено) изготовлено на гальке коричневатого-серого песчаника ($11,8 \times 8,3 \times 3,4$ см) и имеет двустороннюю частичную обработку (рис. 5, 1). Поперечное сечение его двояковыпуклое. Максимальные толщина и ширина почти по всей длине орудия одинаковые. Интенсивно обработана одна сторона, другая обработана по одному краю. Продольные края прямые, с извилистой кромкой, оформлены довольно плоскими сколами. При этом лезвие, наиболее интенсивно обработанное с обеих сторон, зубчатое, без следов выравнивающей ретуши. Дистальный конец выпуклый, слабоизвилистый, оформлен оббивкой сколами с одной стороны. Основание ору-

дия хорошо выражено и представляет собой частично обработанный почти вертикальный край гальки, использованной для изготовления орудия. Второе овальное рубило имеет более интенсивную обработку (рис. 5, 2). Орудие слегка окатанное, местами с карбонатной коркой. Оно изготовлено из желтовато-серого песчаника ($10,3 \times 7,4 \times 2,9$ см), имеет двояковыпуклое поперечное сечение и непрерывное лезвие по всему периметру изделия. Дистальный конец его заужен боковыми и продольными сколами с обеих сторон, основание (пятка) не выражено. Максимальная толщина и ширина приходятся на середину орудия. Оформлено орудие разнонаклонными крупными сколами. При этом края его извилистые, с нерегулярной дополнительной обработкой мелкими сколами и ретушью.

Подтреугольное рубило (рис. 6, 1) изготовлено на гальке из светло-серого песчаника ($11,7 \times 9,5 \times 5,3$ см). Орудие имеет частичную обработку и выглядит явно незавершенным, хотя основные признаки его намечены вполне отчетливо. Максимальная ширина и толщина орудия приходятся на его основание. Поперечное сечение плос-

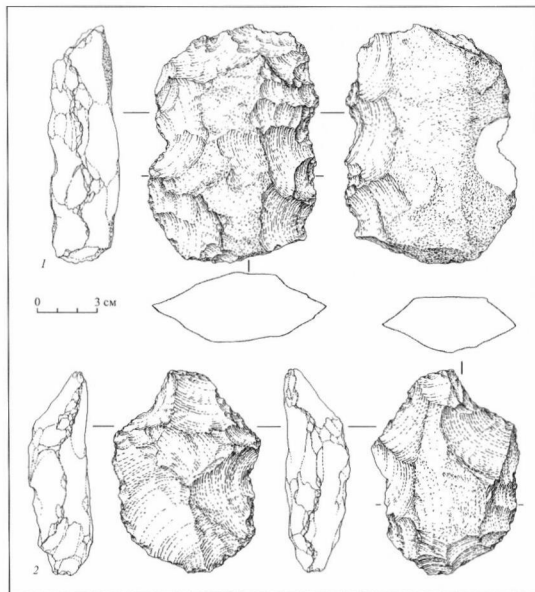

Рис. 5. Адербиевское местонахождение. Южный участок
1, 2 – рубила

Fig. 5. Aderba. Southern part
1, 2 – handaxes

ко-выпуклое. Нижняя сторона плоская, что в значительной степени обусловлено ее уплощающей оббивкой, которой в черне оформлены также лезвия и острие. Верхняя сторона, напротив, угловато выпуклая и на большей части ее сохраняется галечная корка. На этой стороне интенсивно обработано одно лезвие, тогда как обработка другого лезвия и острия незначительная. Лезвия извилистые. Острие узкое, но толстое. В оформлении его использовано продольное скалывание. Основание массивное, выпуклое и представляет собой необработанный край гальки, из которой сделано рубило.

Рубильца (4 экз.). Одно из них является вполне законченным изделием (рис. 6, 2). Оно окатанное.

Орудие имеет миндалевидную форму и плоско-выпуклое поперечное сечение, изготовлено из желтовато-серого песчаника ($9,6 \times 5,8 \times 3,5$ см). Максимальная ширина и толщина приходятся на его середину. Одна сторона плоская и на большей части оббита крупными сколами. Другая сторона выпуклая, особенно в нижней половине, где от встречных сколов образовалось ребро. Она оббита крупными и мелкими сколами. Лезвия сходились на дистальном конце (отломан в древности), они разных очертаний. Одно лезвие почти прямое, другое – угловато-выпуклое и состоит как бы из двух частей. Верхняя половина этого лезвия сравнительно тонкая, нижняя, примыкающая к

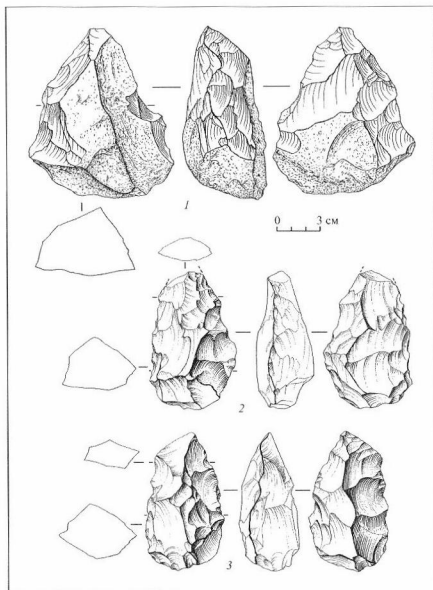

Рис. 6. Адербиевское местонахождение. Южный участок

1 – рубило; 2 – плоско-выпуклое рубильце; 3 – двояковыпуклое рубильце

Fig. 6. Aderba. Southern part

1 – handaxe; 2 – flat-convex small handaxe; 3 – convexo-convex small handaxe

основанию, более толстая, имеет крутую оббивку и служила, скорее, обушком, чем лезвием. Основные орудия слегка суженные и частично утончено обработкой с обеих сторон. Орудие, хотя и является по всем признакам рубильцем, в то же время отчасти сходно с двусторонне обработанным ножом.

Другое рубильце, по-видимому, незаконченное (рис. 6, 3). Оно имеет миндалевидную форму и удлиненные пропорции, изготовлено из полосчато-окрашенного малиново-желто-серого песчаника. Поверхность его нижней части имеет заметную водную заглаженность. При сравнительно небольших размерах ($9,5 \times 5,2 \times 3,9$ см) орудие выглядит непропорционально толстым. Поперечное сече-

ние его двояковыпуклое, обе стороны обработаны одинаково преимущественно крупными сколами. Лезвия извилистые, сходятся к острию, немного сдвинутому по отношению к длинной оси орудия. При этом острие довольно тонкое, с одной стороны подправлено плоской ретушью. Основание орудия, напротив, толстое и тщательно обработано.

Два изделия из этой группы точнее будет определить как заготовки рубилец с плоско-выпуклым поперечным сечением. Оба изготовлены на массивных отщепах желтовато-серого и серого песчаника. Одно из них подтреугольной формы и слегка удлиненное ($9,6 \times 6,6 \times 3,7$ см) (рис. 7, 1). У него

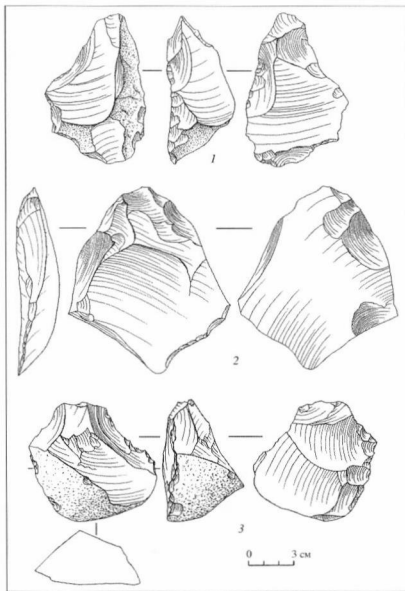

Рис. 7. Адербиевское местонахождение. Южный участок
1, 3 – заготовки плоско-выпуклых рубилец; 2 – частичный бифас

Fig. 7. Aderba. Southern part
1, 3 – blanks of flat-convex small handaxe; 2 – partial biface

обработаны главным образом острие и частично лезвия. При этом обработка грубая, двусторонняя. Нижняя сторона плоская и даже вогнутая (вентральная сторона исходного отщеп), обработана несколькими сколами, формирующими в основном дистальное острие. Верхняя сторона сильно выпуклая, обработка ее незначительная. Боковые края, сходящиеся к острию, извилистые. Острие узкое, режущее, утончено мелкими сколами с обеих сторон. Основание тонкое, выпуклое, с зазубренным краем.

Форма второго изделия ($7,6 \times 7,5 \times 3,6$ см) аморфная (рис. 7, 3). Интенсивнее оббита его нижняя сторона. Лезвия извилистые, неоформленные,

сходятся к узкому поперечному дистальному концу. Основание массивное и почти необработанное.

Остальные двусторонние обработанные орудия довольно оригинальные.

Примечательно изделие, которое, несомненно, относится к *никовидным орудиям* (рис. 8, 1). Это крупное массивное орудие, изготовленное на угловатой гальке желтовато-серого песчаника ($15 \times 13,2 \times 6,5$ см). Края его местами имеют свежие повреждения. Орудие грубо обработано нерегулярными крупными и мелкими сколами. Основным рабочим элементом его является выделенный обработкой заостренный толстый дистальный конец, имеющий треугольное поперечное сечение.

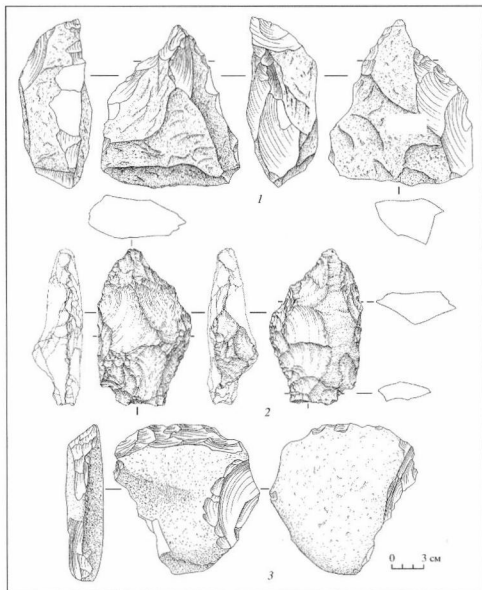

Рис. 8. Адербиевское местонахождение. Южный участок

1 – пиковидное орудие; 2 – двусторонне обработанный нож (кайльмессер); 3 – чоппер

Fig. 8. Aderba. Southern part

1 – pick; 2 – bifacially worked knife (keilmesser); 3 – chopper

Нижняя сторона этого конца плоская, почти не обработанная. Верхняя – сильновыпуклая, в виде дугообразного продольного гребня, образованного двумя крупными противолежащими снятиями, ориентированными сверху вниз по направлению к боковым краям орудия. Края эти являются извилистыми лезвиями, грубо обработанными единичными сколами с обеих сторон, сходящимися к острию. Основание широкое (самая широкая часть орудия) и представляет собой необработанный край гальки.

Надо отметить также *частичный бифас* (рис. 7, 2), изготовленный на отщепе из серого песчаника ($12,4 \times 9,9 \times 2,5$ см). Изделие слабоокатан-

ное, с карбонатной коркой. Определяющим признаком этого орудия является его тонкий, узкий и закругленный дистальный конец, оформленный серией плоских сколов с обеих сторон. Боковые края, сходящиеся на дистальном конце, грубо оббиты. Нижняя часть орудия наиболее тонкая и почти необработанная.

Наконец, очень интересно двусторонне обработанное орудие, которое является *архаичной формой ножа кайльмессерного типа* (рис. 8, 2). Орудие крупное, изготовлено на гальке желтовато-серого песчаника ($14,8 \times 8,8 \times 4,3$ см). Оно имеет подтреугольно-сегментовидную форму, заостренный дистальный конец и суженное основание. Макси-

мальная ширина и толщина изделия приходится на его середину. Поперечное сечение плоское-выпуклое. Нижняя сторона сравнительно плоская, оббита в основном крупными и мелкими уплощающими сколами, формирующими также рабочие лезвия. Противоположная, верхняя сторона выпуклая из-за выступающей на ней части обушка. Она сплошь обработана сколами, формирующими не только лезвие, но и обушок. Оружие двухлезвийное. Основное длинное лезвие сильно выпуклое, извилистое, обработано с обеих сторон преимущественно крупными и мелкими сколами и частично ретушью. Второе лезвие занимает противоположный край орудия. Оно короткое (около одной трети длины орудия), слабо выпуклое и тоже обработано главным образом крупными и мелкими сколами. Лезвия сходятся на дистальном конце, образуя узкое толстое острие. Короткое лезвие смыкается с обушком, отделяясь от него маловыраженным уступом. Обушок широкий (самая толстая часть орудия) и протягивается почти до основания. Образован он наполовину оббитым встречными сколами вертикальным краем использованной для орудия гальки. Основание узкое, частично утончено двусторонними сколами. По морфологическим признакам данное орудие относится к двухлезвийным кайль-мессерам с обработанным обушком (Шелинский, Кулаков, 2005. С. 45–51).

Чопер. Крупное орудие (рис. 8, 3), изготовленное на плоской гальке из серого песчаника (14,3 × 13 × 3,5 см). На левом крае имеется недавнее повреждение. Лезвие широкое (наиболее широкая часть орудия), дугообразно выпуклое, обработано мелкими сколами, часть из которых заканчивается заламами. Боковые края грубо оббиты. Основание необработанное.

Отщепы с частичной обработкой (6 экз.). Это разные отщепы (обушковые, массивные и др.) длиной 5,5–9,5 см, у которых на одном или нескольких краях имеется нерегулярная ретушь или негативы беспорядочных краевых сколов (рис. 4, 2). Пять орудий изготовлены из песчаника, одно – из известняка. Одно орудие окатанное.

Условия находок на западном участке местонахождения были такими же, как на южном (рис. 2). Единственное отличие заключалось в том, что здесь, и на четвертой, и на третьей надпойменных террасах находки собраны среди распаханных галечников этих террас. Важно отметить, что найденные изделия в большинстве своем в той или иной степени окатанные и на некоторых из них сохранилась белесая корка карбонатного налета. Все это указывает на то, что изделия, найденные на данном участке, имеют тот же возраст, что и описанные выше находки с южного участка местонахождения.

Западный участок

На западном участке местонахождения обнаружено 29 среднепалеолитических изделий, среди которых представлены:

Нуклеусы	3 экз.
Отщепы без дополнительной обработки	10 экз.
Орудия	16 экз.

Нуклеусы (3 экз.). Собственно нуклеусов два. Один левалдузский, конвергентного расщепления, для отщепов. Он подчетыреугольной формы, укороченных пропорций (10,5 × 7,8 × 3,5 см), изготовлен из желтовато-серого песчаника, по-видимому, на массивном отщепе. Другой нуклеус грубопризматический для удлиненных отщепов, изготовлен на гальке из того же песчаника (9,2 × 7,7 × 4,5 см). Оба нуклеуса слабо сработанные. Третье изделие является заготовкой левалдузского черепаховидного нуклеуса (рис. 9, 4). Оно овальной формы с сильно выпуклой тыльной стороной, изготовлено на гальке серого песчаника (11,7 × 9 × 4,1 см). На заготовке подготовлены две ударные площадки. Одна располагается на коротком крае, она слегка обработана, другая – ориентирована к первой под прямым углом и охватывает длинный продольный край исходной гальки. Эта площадка дугообразно выпуклая и интенсивно обработанная. Верхняя сторона (поверхность скалывания нуклеуса) почти плоская и оббита наполовину сколами, снятыми с обеих ударных площадок.

Отщепы. Всего в коллекции 19 отщепов, при этом девять использованы в качестве заготовок для орудий с вторичной обработкой и нуклеуса. Большинство составляют грубые массивные и двугранные отщепы (9 экз.), а также первичные и полупервичные сколы (7 экз.). Левалдузских отщепов только два, обушковый – один. Левалдузские отщепы (длина их 6,5 и 8,6 см) невысокого качества с гладкой и двугранной ударной площадкой. Один из них овальный, другой подчетыреугольный (рис. 11, 2).

Орудия образуют три группы: двусторонне обработанные орудия, чоперы и орудия на отщепах. **Двусторонне обработанные орудия** (3 экз.). В эту категорию изделий входят два рубила и один нож.

Рубила. Одно рубило овальное (рис. 10, 1). Край его немного поврежден при пропашке земли. Орудие изготовлено на плоской гальке из светло-серого песчаника (13 × 9,4 × 3,2 см) и имеет двустороннюю частичную обработку; на обеих сторонах его сохранились крупные участки галечной корки. Лезвия извилистые. Дистальный конец слегка сужен. Основание является наиболее толстой частью орудия, оно образовано

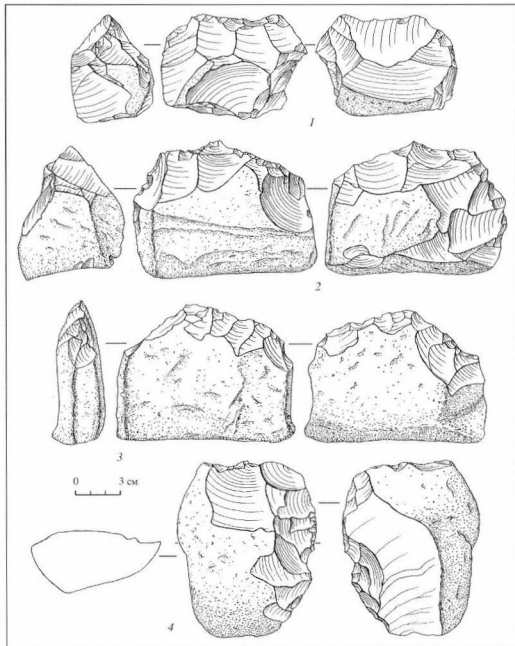

Рис. 9. Адербиевское местонахождение. Западный участок

1-3 – чопперы; 4 – заготовка леваллуазского нуклеуса

Fig. 9. Aderba. Western part

1-3 – choppers; 4 – blank of levallois core

вертикальной плоскостью слома края гальки, использованной в качестве заготовки для рубила. Второе рубило миндалевидное, с непрерывным лезвием по всему периметру (рис. 10, 2). Орудие было сломано в древности, по-видимому, в процессе изготовления (отломана дистальная часть). Рубило изготовлено на гальке из того же светло-серого песчаника (размер сохранившейся большей части орудия – $11,4 \times 10 \times 4,3$ см) и также имеет двустороннюю частичную обработку. Бо-

ковые части лезвия оформлены сколами и выровнены ретушью

Двусторонне обработанный нож (кайльмессер). Орудие двухлезвийное, овальной формы (рис. 10, 3), изготовлено на плоской гальке из светло-серого песчаника ($8,9 \times 7,2 \times 2,7$ см). Плоскo-выпуклая отделка отсутствует, но одна сторона орудия обработана более интенсивно преимущественно крупными сколами. Одно лезвие длинное, плавно переходит в второе короткое лезвие, рас-

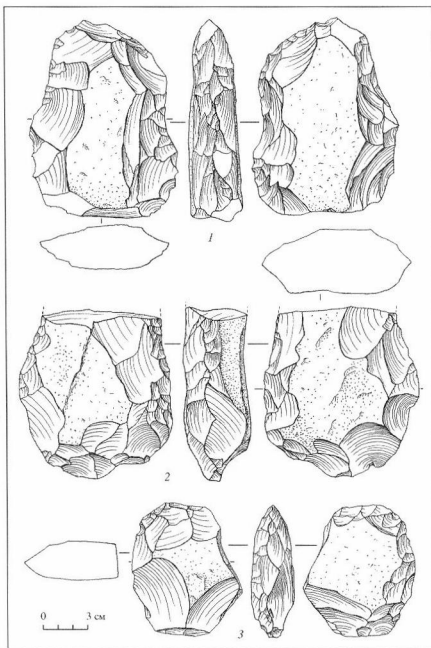

Рис. 10. Азербийское местонахождение. Западный участок
1, 2 – рубила; 3 – двусторонне обработанный нож (кайлmesser)

Fig. 10. Aderba. Western part
1, 2 – handaxes; 3 – bifacially worked knife (keilmesser)

полагающиеся на дистальном крае орудия. Это лезвие примыкает к обушку, занимающему весь боковой край, противолежащий основному лезвию. Обушок широкий, угловатопыпуклый, обработан вертикальными сколами. Основание суженное и является остатками ударной площадки, подготовленной для снятия сколов с целью утончения самого основания.

Чопперы (4 экз.). Все эти орудия изготовлены на гальках из светло-серого и серого песчаника. Они

относятся к двусторонним типам и имеют подчетырехугольную форму. При этом три орудия укороченных пропорций (рис. 9, 1–3). Различаются они в основном формой рабочего лезвия. Два (размеры – $12,3 \times 9,7 \times 4,8$; $6,7 \times 9,3 \times 5,1$ см) с прямым извилистым лезвием (рис. 9, 1), два других (размеры – $8,7 \times 11,1 \times 6,2$ см; $8,7 \times 11,5 \times 2,9$ см) имеют угловатопыпуклое (заостренное) лезвие (рис. 9, 2, 3). На трех орудиях, помимо лезвия, частично обработаны один или оба боковых края (рис. 9, 1, 2).

Орудия на сколах (10 экз.). Интересны четыре орудия.

Остроконечное орудие (рис. 11, 1), изготовленное на массивном двугранном удлинённом отщепе из желтовато-серого песчаника ($9,0 \times 4,4 \times 2,8$ см), оформлено грубой ретушью с обеих сторон, на дистальном конце ретушь преимущественно венгеральная.

Орудие с подтёской (рис. 11, 4). В качестве заготовки для него использован толстый двугранный подтреугольный отщеп из серого песчаника ($7,0 \times 5,5 \times 2,7$ см). Орудие характеризуется относительно узким и тонким слабовыпуклым дистальным концом, оформленным продолговатыми продольными сколами с обеих сторон. Грубой двусторонней ретушью обработан также один из продольных краёв орудия.

Скребок на отщепе (рис. 11, 5). Орудие овальной формы ($7,3 \times 6,5 \times 2,5$ см), изготовлено на толстом отщепе из серого песчаника с помощью грубой ретуши. Обработано приблизительно две трети периметра орудия.

Орудие с выемчатым лезвием (рис. 11, 6). Это крупное орудие ($10,3 \times 8,2 \times 2,4$ см) изготовлено на первичном отщепе из серого песчаника.

Остальные шесть орудий являются разными отщепами длиной от 5,9 до 12,5 см с негативами бессистемных единичных сколов или нерегулярной двусторонней ретушью (рис. 11, 2, 3). В некоторых случаях эта ретушь является, скорее всего, повреждением отщепов в результате залегания их в речных галечниках.

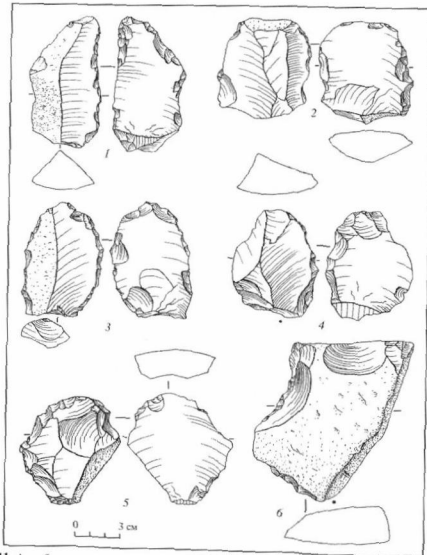

Рис. 11. Адербиевское местонахождение. Западный участок

1 – остроконечное орудие; 2, 3 – отщепы с ретушью; 4 – орудие с подтёской; 5 – скребок; 6 – орудие с выемчатым лезвием

Fig. 11. Aderba. Western part

1 – pointed tool; 2, 3 – flakes with retouch; 4 – tool with thinned distal the end; 5 – scraper; 6 – notched tool

* * *

Описанный археологический материал, без сомнения, относится к среднему палеолиту. Однако он перерожден и в какой-то мере разновременный. Это касается находок всех трех участков местонахождения, выделение которых, конечно, является искусственным. Перед нами крупное по площади местонахождение, представляющее собой отчасти разрушенных природными процессами стоянок первобытных людей, посещающих это место, по-видимому, на протяжении длительного времени. Анализ геологической ситуации залегания изделий на местонахождении позволяет предполагать, что оно синхронно древнекарантагским (не исключено, и среднекарантагским) отложениям Черноморского побережья и может быть датировано временем в интервале OIS 5e–5c (приблизительно 100–120 тыс. лет назад).

Археологический материал местонахождения, без сомнения, является ашельским. На это указывают формы и технология изготовления представленных изделий, хотя нельзя не заметить, что состав этих изделий неполон и как бы отсортирован. Сохранились не самые лучшие изделия, так как данное местонахождение имеет все признаки «мастерской», где основным видом деятельности людей было изготовление полуфабрикатов и орудий, уносившихся в другие места. Тем не менее основные технико-типологические особенности археологического материала местонахождения выражены вполне определенно. Они заключаются прежде всего в сочетании в нем рубил и чопперов, а также в присутствии специальных двусторонне обработанных ножей (кайльmesserov). Существенным отличительным признаком материала является и наличие классических (черепаховидных) левалуазских нуклеусов.

Прямые аналогии Азербейсовскому ашельскому местонахождению проследить пока сложно. Вместе с тем можно констатировать, что оно ничем резко не выделяется среди других ашельских местонахождений Кавказского Причерноморья и существенно дополняет наши представления об ашеле всего Северо-Западного Кавказа.

Абрамов С.Е., 1989. Результаты изучения условий развития и режима экзогенных геологических процессов в пределах Азово-Черноморского побережья Краснодарского края. Отчет Черноморской инженерно-геологической, гидрогеологической и геоэкологической партии за 1983–1988 годы. Сочи.

Арсланов Х.А. и др., 1985. – Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Измайлов Я.А., Карпов В.А., Чепалыга А.Л. О современном состоянии геохронологии плейстоцена Черного моря // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Геохронология четвертичного периода», 18–21 ноября 1985 г., Москва, Тагдин.

Аутлев П.У., 1988. Исследование каменного века Закубаца за годы Советской власти // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Векслюва Е.А., 1967. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961–1965 годах // Исследования памятников каменного века / КСИА. М. № 111.

Геологическая карта СССР, 1967. – Геологическая карта СССР. Серия Кавказская. М.

Голованова Л.В., 1986. Ашельские памятники Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Голованова Л.В., 1994. Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 3.

Замитин С.Н., 1961. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.Л.

Любин В.П., 1998. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.

Милановский Е.Е., Хайн В.Е., 1963. Геологическое строение Кавказа. М.

Муратов В.М., 1969а. Геологическая история южных приморских районов Причерноморские районы // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.

Муратов В.М., 1969б. Палеогеографические условия палеолитических стоянок Северного Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.

Муратов В.М., Фриденберг Э.О., 1974. Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.

Несмеилов С.А., 1999. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. М.

Несмеилов С.А., Голованова Л.В., 1988. Геоморфологическое положение палеолита в среднем течении р. Белой Майкопского района // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Несмеилов С.А., Измайлов Я.А., 1995. Тектонические деформации черноморских террас кавказского побережья России. М.

Островский А.Б. и др., 1977а. – Островский А.Б., Измайлов Я.А., Балабанов И.П., Скиба С.И., Скрябина Н.Г., Арсланов Х.А., Гей Н.А., Супрунов И.И. Новые данные о палеогеографическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.

Островский А.Б. и др., 1977б. – Островский А.Б., Измайлов Я.А., Шеллов А.П., Арсланов Х.А., Тертычный И.И., Гей Н.А., Пиотровская Т.Ю., Муратов В.М., Шелчинский В.Е., Балабанов И.П., Скиба С.И. Новые данные о стратиграфии и геохронологии плейстоценовых морских террас Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманской области // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Чепалыга А.Л. и др., 1989. – Чепалыга А.Л., Михайлеску К.Д., Измайлов Я.А., Маркова А.К., Кац Ю.И., Янко В.В. Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Черного моря // Четвертичный период. Стратиграфия. М.

Шелчинский В.Е., 1971. Широкий Мыс – позднелепидит-

- ческое местонахождение на Черноморском побережье Кавказа // КСИА. М. Вып. 126: Палеолит и неолит.
- Щелинский В.Е., 1987. Новые находки раннепалеолитических изделий на мысе Кадош // КСИА. М. Вып. 189: Каменный век.
- Щелинский В.Е., 2004. Поздний палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 4.

- Щелинский В.Е., 2006. Среднепалеолитический комплекс местонахождения Широкий Мыс (Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа) // АВ. СПб., № 13.
- Щелинский В.Е., Гагаилян В.М., 1980. Ашльское рубило из окрестностей Туапсе // СА. М. № 4.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2005. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). СПб.

The Acheulian site of Aderba on the Black Sea Coast of the North-Western Caucasus

V.E. Shchelinsky

Many Acheulian sites are known in the North-Western Caucasus. It is interesting that the majority of them are situated on the northern slope and mainly in one rather small zone, namely in the central part of Transkuban, in territory between two left-bank confluents of the Kuban' river – the Psekups and the Laba. It is also noteworthy that the area of their distribution covers the foothills of the Transkuban plains and parts of the lower foothills where some Pleistocene deposits of the high terraces are preserved. Evidently, Acheulian hunters were strongly attracted by the conditions of this area. It is likely that these places were abundant hunting grounds, presented safe and convenient positions for sites, and had sources of easily accessible quality raw material for the manufacturing of instruments, whose importance should not be underestimated. The distribution analysis of the findings permits us to assume, that the hunter's sites were situated in the flood-lands and on low promontories on the river banks.

However the numerous Acheulian sites of Transkuban that were found, are unfortunately mostly damaged, mainly by natural processes, and thus are difficult for studying. Some sites consist even of single finds. Others present numerous stone artifacts, but which are found on the surface and in the river, and thus they usually pertain to different time periods and don't have a precise geological binding, having been repeatedly moved. The only possibility of dating these finds is offered by geomorphological comparisons and the technical-typological analysis. However these methods are usually unreliable and do not permit the classification of these finds on certain cultural–chronological complexes.

Until recently Acheulian sites were very rare on the southern side of North-Western Caucasus. The best known finds were the handaxes from the bottom layers of the Ahshytskaya cave near the city Adler. These finds have a precise stratigraphical placement are dated not later than the beginning of the Upper Pleistocene (riss-wurm).

Afterwards, the presence of Acheulian sites on the sea terraces as well was discovered. These are especially well-formed in the region of the Black Sea coast. The

geological position of these sites is also rather certain. Two non contemporary sites that have recently come to light are discussed: the site of Kadosh and site of Shiroky Mys, located near the city of Tuapse. The first one is dates as belonging probably to the end of the Middle Pleistocene, while the second one to the early Interstadial Upper Pleistocene (OIS 5c).

The article presents not yet published materials from the Acheulian site of Aderba, located on the Black Sea coast of the Caucasus. It is situated on the Aderba River, 6 km to the southeast from the city Gelendjik and 5 km from the sea. This site was destroyed by erosive processes and by modern agricultural activity, thus the archaeological material (stone artifacts, mostly from dense sandstone) was collected on a surface. Nevertheless the finds are positioned in rather clear geological conditions. They were collected on the ploughed up surfaces of the third and fourth terraces of Aderba River, and frequently there where yellow and brown loam and pebbles of these terraces were uncovered by ploughing. Another important dating attribute of these finds is that many of them have been significantly water-worn. It is supposed that originally they were situated in the alluvium terraces, and were revealed by ploughing.

The geological dating of the site of Aderba is based on determining of the age of the third and fourth terraces of the Aderba River. Geologists are unanimous regarding this evaluation. In all the river valleys of the Caucasus Black Sea region the third and fourth terraces are usually correlated with two top Karangat' sea terraces of the coastal zone: the Shahe and the Ashe, conforming to the local scheme, corresponding to OIS 5c and 5e, respectively.

The findings of Aderba represent the remains of the sites of Middle Paleolithic hunters destroyed by natural processes. Apparently these sites were visited for a consistent period of time. The analysis of a geological situation of the artifacts permits their dating according to the interval OIS 5e-5c (approximately 100–120 thousand years ago).

The archaeological material of site of Aderba is undoubtedly Acheulian. This is confirmed by the forms

and the manufacturing techniques of the artifacts although one must take in account that the collection of these products is incomplete and seems filtered. Unfortunately the conserved artifacts are not the best ones, since this site resembles a «workshop» where the basic type of activity was manufacturing half-finished products and tools, which were consequently taken away elsewhere. Nevertheless the basic technical-typological features of this site's archaeological material are expressed quite clearly. They consist in a combination

of handaxes and choppers, and also in the presence of special bifacially worked knives (keilmessern). Another essential distinctive attribute of the material is the presence of classical Levallois cores (tortoise).

So far it is difficult to find direct analogies to the Acheulian site of Aderba. However it is possible to say that it doesn't differ greatly with other Acheulian sites of the Caucasus Black Sea region and this site essentially fulfills our understanding about the Acheulian of all the North-Western Caucasus.

Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах)¹

И.П. Лазаретов²

Погребальные памятники карасукской культуры эпохи поздней бронзы широко распространены в степной зоне среднего Енисея. Могильники этого времени, состоящие из многих десятков и сотен захоронений, на протяжении XX в. неоднократно становились объектами археологического исследования. К настоящему моменту раскопано уже свыше трех тысяч карасукских погребений. К сожалению, большая часть этих материалов до сих пор не введена в научный оборот. Публикация артефактов из отдельно взятого небольшого комплекса, к тому же исследованного частично, не в состоянии заполнить образовавшийся разрыв между количеством накопленных и изданных данных. Ценность могильника Тюрим заключается в другом. Его материалы позволяют уточнить момент появления в карасукских памятниках Южной Сибири серии погребений с атипичной керамикой и поставить вопрос о причинах трансформации культуры на позднем этапе ее существования.

Могильник Тюрим находится в северо-западной части Хакасско-Минусинской котловины на территории Ширинского района Республики Хакасия. Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Тюрим, на 23 км автодороги Шира – Ефремкино – Коммунар. Захоронения устроены на относительно пологом участке горного склона, ограниченном с севера и юга крутыми подъемами со скальными выходами, а с востока – болотистой поймой реки. Могильник состоит не менее чем из 20–30 курганов, но уверенно можно идентифицировать только шесть сооружений (рис. 1). В остальных случаях захоронения перекрыты слоем селевых отложений и на поверхность выступают лишь отдельные камни и плиты песчаника, поставленные на ребро. Определить общее количество и форму оград без раскопок здесь невозможно. К тому же часть погребальных сооружений полностью уничтожена при прокладке автодороги.

В 2004 г. Средне-Енисейской экспедицией ИИМК РАН на могильнике Тюрим было исследовано три кургана, частично разрушенных при расширении кювета. Все работы производились вручную, без применения техники. Для выявления стратиграфии памятника оставались бровки, проходящие приблизительно по оси курганов. После фиксации бровки разбирались и расчищались каменные сооружения. Все высоты и глубины, приводимые в публикации, даны от уровня древней дневной поверхности в месте расположения каждого конкретного объекта.

В работе экспедиции принимал непосредственное участие сотрудник Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН А.В. Поляков и студенты исторического факультета Хакасского государственного университета. Все полевые чертежи выполнены художником О.А. Кочевой, зарисовки вещевого материала произведены Д.А. Кирилловой и С.В. Александровым. Половозрастные определения погребенных проведены антропологом Н.И. Лазаретов.

Курган 1. До раскопок курган не имел четко выраженных внешних признаков и был обнаружен лишь по отдельным камням, выступающим над поверхностью земли. Предполагалось, что на этой площадке находятся две-три небольшие индивидуальные ограды. Заложённые раскопы, однако, постепенно расширялись и в результате образовали единое пространство, заполненное дробленой плиткой песчаника и мелкими камнями. В результате расчистки было установлено, что здесь располагается комплекс из 13 пристроенных друг к другу оград (рис. 2). Основной являлась ограда с могилы № 1, 2. Она имела круглую форму, диаметр около 12 м и была сложена из грубых плит песчаника на уровне древней дневной поверхности. Местами сохранилась кладка из трех-четырех слоев плит на высоту до 0,4 м. Верхние ряды камней под давлением грунта сползли вниз по склону, внутрь ограды. Южная половина сооружения до центральной могилы № 1 полностью разрушена при прокладке дороги. Могила № 2 была смещена к северу от центра ограды и не пострадала. Не исключено, что в южной части сооружения находились другие могилы, уничтоженные современными строителями. Независимыми сооружениями на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Президиума РАН (программа фундаментальных исследований «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

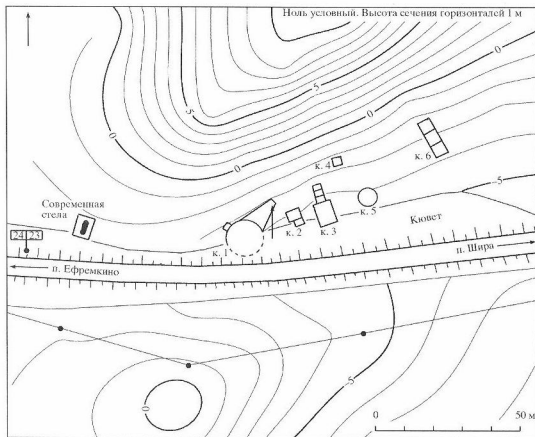

Рис. 1. План расположения курганов могильника Тюрием

Fig. 1. Plan of the location of mounds at the cemetery of Tyurim

начальной стадии функционирования комплекса были ограды могил № 3, 4. Они располагались к северо-востоку от большой ограды. Эти три сооружения до определенного момента существовали раздельно. В дальнейшем пространство между тремя первичными оградками было заполнено пристройками и в результате образовался единый комплекс сооружений (см. фото на переплете).

Могила № 1. В центре основной ограды располагался каменный ящик из плит песчаника размером $1,85 \times 0,8$ м и высотой 0,8 м (рис. 3, 1). Южный угол ящика частично разрушен при строительстве дороги. Погребение разграблено в древности. В заполнении ямы обнаружены кости скелета мужчины старше 55 лет и ребенка в возрасте до 1 года. Вещей нет.

Могила № 2. В северной части основной ограды находился каменный ящик из плит песчаника размером $1,2 \times 0,55$ м и высотой 0,65 м (рис. 3, 2). Могила была перекрыта камнями брусчатой формы. Погребение не потревожено. На дне ямы обнаружен скелет ребенка в возрасте около 10 лет, положенного, вероятно, на левый бок влоборота. Ноги согнуты в коленях. Покойник ориентирован головой на северо-восток. Перед лицом погребен-

ного, в восточном углу ямы, стоял сосуд с резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 1; фото на переплете). Под черепом ребенка найдено бронзовое височное кольцо (рис. 4, 2). У коленей погребенного компактной кучкой лежали кости овцы: лопатка, голень, бедро и ребра.

Могила № 3. Круглая ограда диаметром 3,7 м сложена из плит песчаника на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером $0,9 \times 0,45$ м и высотой 0,5 м (рис. 3, 3). Плиты боковых стен углублены в материк ниже уровня дна ямы. Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. Ребенок 3–4 лет лежал на левом боку влоборота, головой на северо-восток. На месте сохранился череп, кости ног и левое плечо. Перед лицом погребенного, в восточном углу могилы, стоял сосуд с резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 4). Второй сосуд, без орнамента (рис. 4, 3), располагался ближе к ногам. Оба горшка были накрыты прямоугольными плитками песчаника. Под черепом ребенка найдены два бронзовых височных кольца (рис. 4, 5, 6).

Могила № 4. Круглая ограда диаметром 2,8 м сложена из плит песчаника на уровне древней

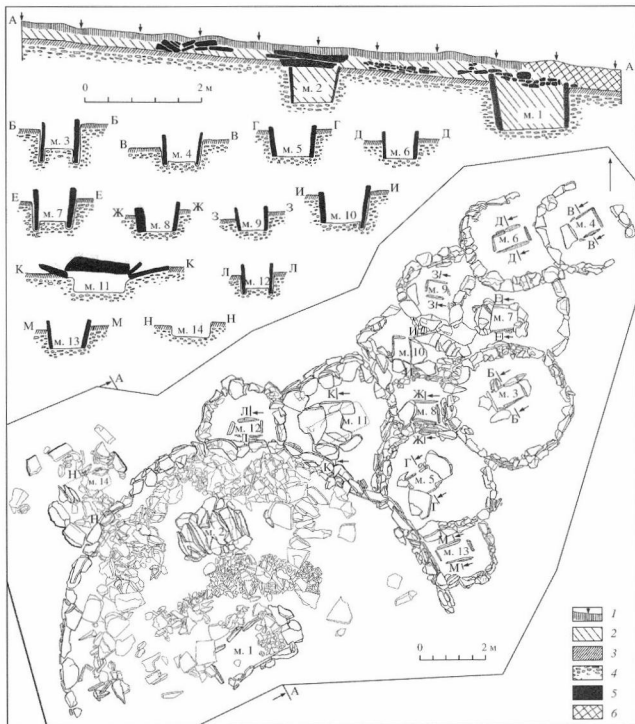

Рис. 2. План и разрезы кургана 1 могильника Тюрим

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – гумусированный грунт; 3 – погребенная почва; 4 – материк; 5 – камень; 6 – современный перекоп

Fig. 2. Plan and sections of Kurgan 1 at the cemetery of Tyurim

Notations: 1 – surface soil; 2 – humified soil; 3 – buried soil; 4 – bedrock; 5 – stone; 6 – layer disturbed by modern digging

дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером $0,8 \times 0,5$ м и высотой 0,5 м (рис. 3, 4). Плиты боковых стен углублены в материк ниже уровня дна ямы. Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями.

В восточном углу могилы стоял сосуд с резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 11). Он был накрыт плохо сохранившейся плиткой песчаника. В заполнении могилы найдено 30 каменных бусин, пять бронзовых трубочек-пронизок и три

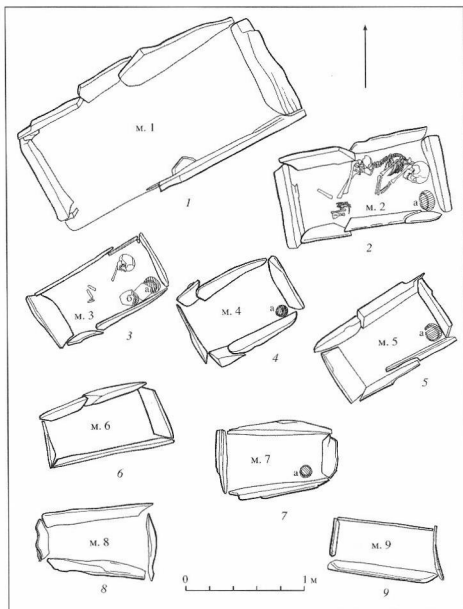

Рис. 3. Погребения 1–9 кургана 1 могильника Тюрим

1 – могила № 1; 2 – могила № 2; 3 – могила № 3; 4 – могила № 4; 5 – могила № 5; 6 – могила № 6; 7 – могила № 7; 8 – могила № 8; 9 – могила № 9

Fig. 3. Burials nos. 1–9 of Kurgan 1 at the cemetery of Tyurim

1 – grave N 1; 2 – grave N 2; 3 – grave N 3; 4 – grave N 4; 5 – grave N 5; 6 – grave N 6; 7 – grave N 7; 8 – grave N 8; 9 – grave N 9

височных кольца (рис. 4, 7–10). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 5. Круглая пристройка диаметром около 3,5 м, соединяющая ограду могил № 1 и 2 с оградой могилы № 3. Она сложена из плит песчаника на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером 0,8 × 0,4 м и высотой 0,5 м (рис. 3, 5). Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. В восточном углу могилы стоял сосуд, орнаментированный рядами наклонных

оттисков штампа, образующих горизонтальную «елочку» (рис. 4, 12). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 6. Круглая пристройка диаметром около 3 м примыкает к ограде могилы № 4. Она сложена из плит песчаника на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером 0,8 × 0,4 м и высотой 0,5 м (рис. 3, 6). Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. Костей погребенного и вещей не сохранилось.

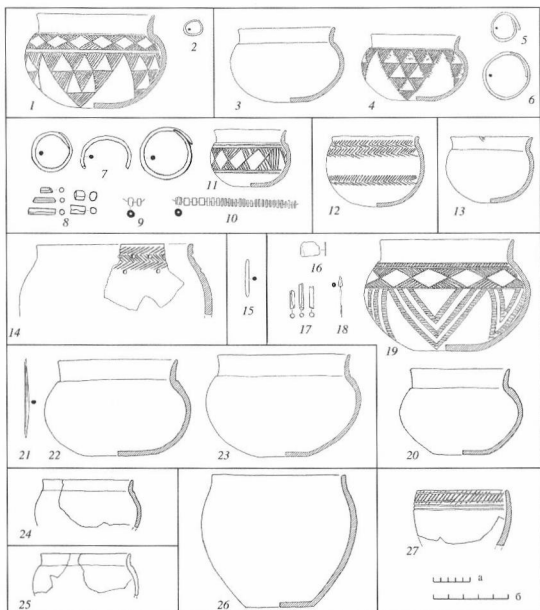

Рис. 4. Инвентарь погребений кургана 1 могильника Тюрим

1, 2 – могила № 2; 3–6 – могила № 3; 7–11 – могила № 4; 12 – могила № 5; 13 – могила № 7; 14 – могила № 8; 15 – могила № 9; 16–20 – могила № 10; 21–23 – могила № 11; 24 – могила № 12; 25 – заполнение ограды; 26 – могила № 13; 27 – могила № 14. 1, 3, 4, 11–14, 19, 20, 22–27 – керамика; 2, 5–8, 15–18, 21 – бронза; 9, 10 – камень.
Масштаб: а – для керамики; б – для вещей

Fig. 4. Grave goods from Kurgan 1 at the cemetery of Tyurim

1, 2 – grave N 2; 3–6 – grave N 3; 7–11 – grave N 4; 12 – grave N 5; 13 – grave N 7; 14 – grave N 8; 15 – grave N 9; 16–20 – grave N 10; 21–23 – grave N 11; 24 – grave N 12; 25 – fills of the fence; 26 – grave N 13; 27 – grave N 14. 1, 3, 4, 11–14, 19, 20, 22–27 – pottery; 2, 5–8, 15–18, 21 – bronze; 9, 10 – stone
Scale: a – for pottery; b – for other artifacts

Могила № 7. Круглая пристройка диаметром 3,5 м, соединяющая ограду могилы № 3 с оградой могилы № 6. Она сложена из глыб рваного камня на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером 0,8 × 0,4 м и высотой 0,55 м (рис. 3, 7). Плиты боковых стен углублены в материк ниже уровня дна ямы. Перекрытие из плит песчаника проби-

то грабителями. В восточном углу могилы стоял сосуд без орнамента (рис. 4, 13). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 8. Круглая пристройка диаметром около 2 м примыкает к оградкам могил № 3 и 5. Она сложена из мелких камней (рис. 2). В центре ограды располагался трапециевидный каменный ящик размером 0,85 × 0,45(0,3) м и высотой 0,5 м

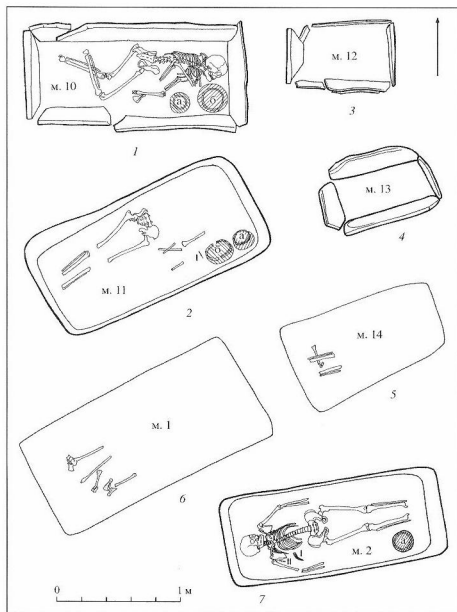

Рис. 5. Погребения могильника Тюрим

Курган 1: 1 – могила № 10; 2 – могила № 11; 3 – могила № 12; 4 – могила № 13; 5 – могила № 14. Курган 2: 6 – могила № 1; 7 – могила № 2

Fig. 5. Burials of at the cemetery of Tyurim

Kurgan 1: 1 – grave N 10; 2 – grave N 11; 3 – grave N 12; 4 – grave N 13; 5 – grave N 14. Kurgan 2: 6 – grave N 1; 7 – grave N 2

(рис. 3, 8). Перекрытие из плит песчаника пробито грабителями. В заполнении ямы обнаружены фрагменты сосуда, украшенного рядами наклонных отгисков штампа и ямками (рис. 4, 14). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 9. Круглая пристройка диаметром 2,5 м примыкает к оградкам могил № 6 и 7. Она сложена из плит песчаника на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером 0,8 × 0,35 м и высотой 0,4 м (рис. 3, 9). Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. В заполнении могилы

найдено бронзовое шило (рис. 4, 15). Костей погребенного не сохранилось.

Могила № 10. Круглая пристройка диаметром около 2 м примыкает к оградкам могил № 8 и 9. Она сложена из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером 1,5 × 0,6 м и высотой 0,6 м (рис. 5, 1). Перекрытие из плит песчаника частично разрушено грабителями. В могиле похоронена девушка в возрасте около 16 лет. Она лежала на левом боку, возможно, влоборота, головой на восток. При ограблении верхняя

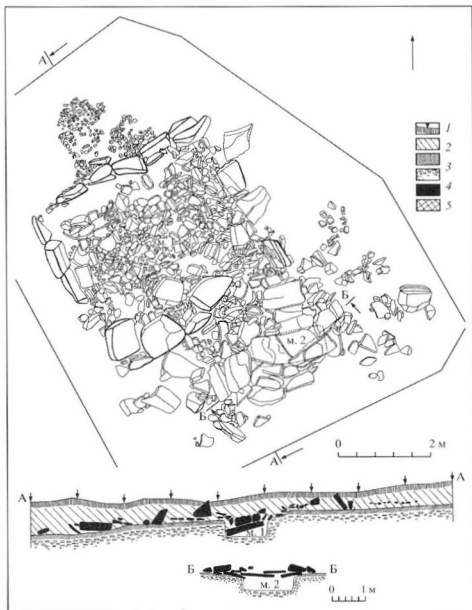

Рис. 6. План и разрезы кургана 2 могильника Тюрим

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – гумусированный грунт; 3 – погребенная почва; 4 – материк; 5 – камень; 6 – современный перекоп

Fig. 6. Plan and sections of Kurgan 2 at the cemetery of Tyurim

Notations: 1 – surface soil; 2 – humified soil; 3 – buried soil; 4 – bedrock; 5 – stone; 6 – layer disturbed by modern digging

часть скелета завалилась вперед. Перед лицом погребенной стоял сосуд с резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 19). Рядом располагался сосуд без орнамента (рис. 4, 20). Возле таза покойницы кучкой лежали кости овцы: лопатка и голень. В заполнении могилы найдены бронзовая пластинка, три пронизки и шило (рис. 4, 16–18).

Могила № 11. Круглая пристройка диаметром около 3 м примыкает к оградкам могил № 5, 8 и 10. Она сложена из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагалась грунтовая яма размером 1,7 × 0,8 м и

глубиной 0,35 м (рис. 5, 2). Перекрытие из плит песчаника в северо-восточной части разрушено грабителями. В могиле похоронена девушка 15–17 лет. Она лежала на левом боку, вероятно, вполборота, головой на восток. Сохранилась нижняя часть скелета и кости левой руки. Перед лицом погребенной стояли два сосуда без орнамента (рис. 4, 22, 23). Рядом с ними найдено бронзовое шило (рис. 4, 21). У кисти покойницы лежала голень барана.

Могила № 12. Круглая пристройка диаметром 2,5 м примыкает к оградкам могил № 1, 2 и 11.

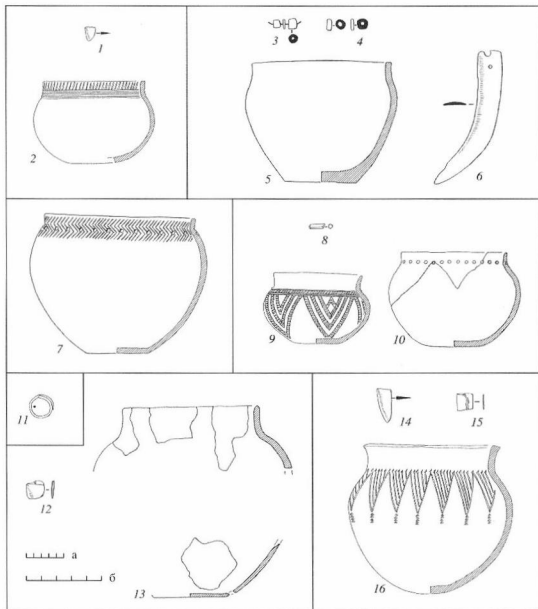

Рис. 7. Инвентарь погребений могильника Тюризм

Курган 2: 1, 2 – могила № 1; 3–6 – могила № 2. Курган 3: 7 – могила № 1; 8–10 – могила № 3; 11 – могила № 2; 12, 13 – могила № 4; 14–16 – могила № 5. 1, 8, 11, 12, 14, 15 – бронза; 2, 5, 7, 9, 10, 13, 16 – керамика; 3, 4 – камень; 6 – кость

Масштаб: а – для керамики; б – для вещей

Fig. 7. Grave goods at the cemetery of Tyurizm

Kurgan 2: 1, 2 – grave N 1; 3–6 – grave N 2. Kurgan 3: 7 – grave N 1; 8–10 – grave N 3; 11 – grave N 2; 12, 13 – grave N 4; 14–16 – grave N 5. 1, 8, 11, 12, 14, 15 – bronze; 2, 5, 7, 9, 10, 13, 16 – pottery; 3, 4 – stone; 6 – bone

Scale: a – for pottery; б – for other artifacts

Она сложена из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 2). В центре ограды располагался каменный ящик размером $0,7 \times 0,45$ м и высотой 0,4 м (рис. 5, 4). Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. В заполнении могилы найдены фрагменты сосуда без орнамента (рис. 4, 24). Костей погребенного не сохранилось.

Могила № 13. Круглая пристройка диаметром 2 м примыкает к оградкам могил № 1, 2 и 5 (рис. 2).

В центре ограды располагался каменный ящик размером $0,7 \times 0,45$ м и высотой 0,4 м (рис. 5, 4). Перекрытие из плит песчаника разрушено грабителями. В заполнении могилы найдены фрагменты крупного плоскодонного сосуда без орнамента (рис. 4, 26). Костей погребенного не сохранилось.

Могила № 14. Прямоугольная пристройка размером $2,5 \times 2,5$ м примыкает к северо-западной части ограды могил № 1 и 2. Она сложена из мас-

сивных глыб рваного камня на уровне древней дневной поверхности и находится в стороне от других пристроек (рис. 2). В центре ограды располагалась грунтовая яма размером $1,25 \times 0,65$ м и глубиной 0,25 м (рис. 5, 5). Перекрытие разрушено грабителями. В могиле похоронен ребенок 8–9 лет. Он лежал на спине, головой на северо-восток. На месте сохранились только кости ног ниже колена. Под правой голенью ребенка обнаружена голень барана. В заполнении могилы найдены фрагменты сосуда, орнаментированного рядом оттисков штампа и прочерченными линиями (рис. 4, 27). Среди разбросанных камней пристройки могилы 14 обнаружены фрагменты еще одного сосуда, вероятно переброшенного сюда грабителями (рис. 4, 25).

Курган 2. Был обнаружен по отдельным камням, выступающим над поверхностью земли. Имел прямоугольную ограду размером $4,5 \times 4,0$ м, сложенную на уровне древней погребенной почвы из крупных глыб рваного камня (рис. 6). Высота стен достигала 0,6 м. Внутреннее пространство сооружения заполнено камнями меньшего размера. К юго-восточной стенке основной ограды сделана пристройка аналогичной конструкции размером $2,5 \times 2,0$ м. Юго-восточная часть пристройки повреждена при строительстве дороги.

Могила № 1. В центре основной ограды располагалась грунтовая яма размером $1,85 \times 0,85$ м и глубиной 0,5 м (рис. 5, 6). Перекрытие могилы из плоских камней частично разрушено грабителями. Часть мелких камней выброшена за северо-западную стенку ограды. На дне ямы, в непо потревоженном состоянии, сохранились правая стопа и малые берцовые кости мужчины старше 40 лет, лежавшего на спине, головой на северо-восток. У левой голени погребенного компактно располагались две лопатки и две голени овцы. В заполнении могилы найдены фрагменты керамического сосуда (рис. 7, 2) и обломок лезвия бронзового ножа (рис. 7, 1).

Могила № 2. В пристройке находилась грунтовая яма размером $1,6 \times 0,7$ м и глубиной 0,45 м (рис. 5, 7). Могила была перекрыта плоскими камнями. На дне ямы обнаружен полностью сохранившийся скелет женщины старше 55 лет, лежавшей вытянуто на спине, головой на юго-запад. У правой лопатки погребенной найдено пять каменных бусин и костяной нож (рис. 7, 3, 4, 6). В ногах, у правой голени женщины стоял плоскодонный сосуд без орнамента (рис. 7, 5).

Курган 3. Был обнаружен по отдельным камням, выступающим над поверхностью земли. Объект имел прямоугольную ограду размером $6,2 \times 9,0$ м, сложенную из плоских камней на уровне

древней погребенной почвы (рис. 8). Сохранилась кладка из 3–4 рядов плит на высоту 0,4 м. Юго-восточная часть сооружения разрушена при строительстве автодороги. В северном и западном углах конструкции выявлены остатки угловых камней. Сами стелы разрушены. В ограде, в ряд по линии северо-запад – юго-восток, располагались три наземные каменные цисты (могилы № 1–3), примыкающие друг к другу. Каждой из них соответствовал маленький каменный ящичек, пристроенный с внешней стороны к северо-восточной стенке ограды. Они были сложены из брусчатых камней на уровне древней дневной поверхности. Размеры ящичков $0,5 \times 0,5$ м и высота 0,1 м. Следов захоронений в них не обнаружено. Вероятно, они предназначались не для погребения детей, а для каких-то иных целей.

К северо-западной стенке основной ограды была сделана круглая пристройка диаметром 2,8 м, сложенная из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 8). К ее северо-восточной стенке также пристроен каменный ящичек. Его размер $0,35 \times 0,3$ м и высота 0,3 м. Следов захоронения в нем не обнаружено. В пристройке располагалась могила № 4.

С северо-запада к сооружению могилы № 4 была сделана пристройка с могилой № 5. Ограда округлой формы имела диаметр около 3,5 м и была сложена из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 8). К ее северо-восточной стенке также пристроен каменный ящичек размером $0,3 \times 0,3$ м и высотой 0,2 м. Следов захоронения в нем не обнаружено.

С северо-запада к сооружению могилы № 5 была сделана пристройка с могилой № 6. Ограда круглой формы имела диаметр около 2,5 м и была сложена из плоских камней на уровне древней дневной поверхности (рис. 8). К ее северо-восточной стенке также пристроен каменный ящичек размером $0,3 \times 0,3$ м и высотой 0,2 м. Следов захоронения в нем не обнаружено.

Могила № 1 (юго-восточная). В основной ограде на уровне древней дневной поверхности сложена циста из крупных валунов кубической и прямоугольной формы, уложенных в 2–4 слоя (рис. 9, 1). Внутренний размер камеры $1,9 \times 0,8$ м и высота 0,6 м. С внешней стороны конструкция обложена камнями меньшего размера. Перекрытие полностью разрушено грабителями. На дне камеры, в восточном углу, обнаружен развал сосуда, орнаментированного рядом наклонных оттисков штампа и ямками (рис. 7, 7). В заполнении могилы встречены отдельные кости мужчины (?) старше 45 лет.

Могила № 2 (центральная). В центре основной ограды на уровне древней дневной поверхности сложена циста из крупных валунов кубической и

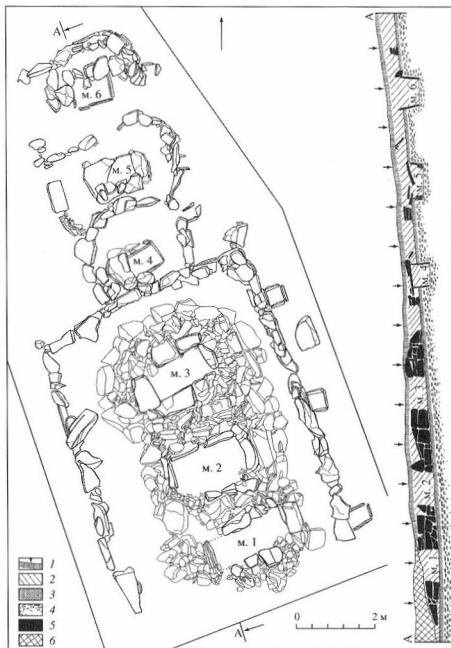

Рис. 8. План и разрезы кургана 3 могильника Тюрим

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – гумусированный грунт; 3 – погребенная почва; 4 – материк; 5 – камень; 6 – современный перекоп

Fig. 8. Plan and sections of Kurgan 3 at the cemetery of Tyurim

Notations: 1 – surface soil; 2 – humified soil; 3 – buried soil; 4 – bedrock; 5 – stone; 6 – layer disturbed by modern digging

прямоугольной формы, уложенных в 2–4 слоя (рис. 9, 4). Внутренний размер камеры $1,9 \times 1,1$ м и высота 0,6 м. С внешней стороны конструкция обложена камнями меньшего размера. Перекрытие полностью разрушено грабителями. В заполнении могилы встречены отдельные кости ребенка 9–10 лет и бронзовое височное кольцо (рис. 7, 11).

Могилы № 3 (северо-западной). В основной ограде на уровне древней дневной поверхности сложена циста из крупных валунов кубической и прямо-

угольной формы, уложенных в 2–4 слоя (рис. 9, 5). Внутренний размер камеры $1,65 \times 0,75$ м и высота 0,6 м. С внешней стороны конструкция обложена камнями меньшего размера. Перекрытие полностью разрушено грабителями. На дне камеры, в восточном углу, обнаружен развал сосуда с геометрическим орнаментом (рис. 7, 9). В заполнении могилы встречены отдельные кости подростка в возрасте около 13 лет, фрагменты второго сосуда и бронзовая пронизка (рис. 7, 8, 10).

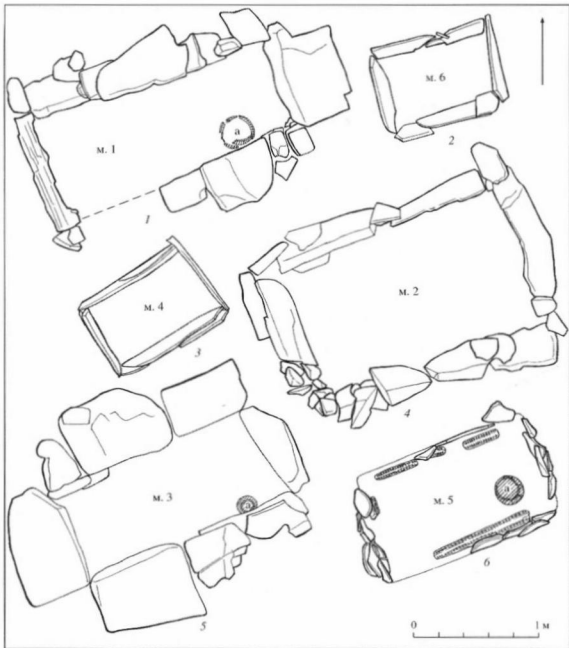

Рис. 9. Погребения кургана 3 могильника Тюрим

1 – могила № 1; 2 – могила № 6; 3 – могила № 4; 4 – могила № 2; 5 – могила № 3; 6 – могила № 5

Fig. 9. Burials of Kurgan 3 at the cemetery of Tyurim

1 – grave N 1; 2 – grave N 6; 3 – grave N 4; 4 – grave N 2; 5 – grave N 3; 6 – grave N 5

Могила № 4. В пристройке обнаружен каменный ящик размером $0,9 \times 0,5$ м и высотой 0,6 м (рис. 9, 3). Перекрытие могилы разрушено грабителями. В заполнении ямы найдены фрагменты крупного сосуда без орнамента и бронзовая обоймочка (рис. 7, 12, 13). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 5. В пристройке выявлена грунтовая яма размером $1,5 \times 0,9$ м и глубиной 0,4 м (рис. 9, 6). Перекрытие могилы из плит песчаника частич-

но разрушено грабителями. В могиле сохранились остатки сруба в два венца из бревнышек диаметром до 10 см. Пространство между срубом и стенками ямы было заполнено плитками песчаника, стоящими на ребре. На дне могилы, в восточном углу, обнаружен крупный сосуд с резным геометрическим орнаментом (рис. 7, 16). В заполнении ямы найдены бронзовая обоймочка и обломок лезвия ножа (рис. 7, 14, 15). Кости ребенка не сохранились.

Могила № 6. В пристройке находился каменный ящик размером 0,85 × 0,5 м и высотой 0,6 м (рис. 9, 2). Перекрытие могилы разрушено грабителями. Кости ребенка не сохранились. Вещей нет.

Большинство захоронений могильника Тюриом относятся к начальному этапу эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Курган 2 и пристройка с могилой № 14 кургана 1 сооружены позднее. По своей конструкции эти два объекта заметно отличаются от карасукских оград. Они прямоугольной формы и сложены из массивных глыб рваного камня, доставленных с ближайших скальных выходов. Захоронения произведены в неглубоких грунтовых ямах. Могилы, по-видимому, были перекрыты бревенчатым накатом, а затем несколькими слоями мелких камней. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на северо-восток. Найденные в могилах сосуды имеют округлое дно и украшены в верхней части рядом наклонных оттисков штампа и прочерченными горизонтальными линиями (рис. 4, 27; 7, 2). Судя по конструкциям погребальных сооружений, позе и ориентировке покойников, особенностям посуды, эти два захоронения относятся к северной группе памятников III (лугавского) этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины (Лазаретов, 2006). Более точная их датировка затруднительна в силу малочисленности и невыразительности материала.

Погребение 2 кургана 2 является впускным и датируется подгоровским этапом тагарской культуры раннего железного века. Могила была устроена на месте детского захоронения эпохи бронзы и полностью его уничтожила. От других захоронений Тюриома это погребение отличается ориентировкой покойника (головой на юго-запад) и нетипичным размещением посуды (справа в ногах). Такая ситуация в памятниках подгоровского этапа тагарской культуры возможна только при наличии в могиле двух сосудов, один из которых располагается у головы погребенного. Не исключено, что в данном погребении также имелась вторая емкость, но сделанная из органического материала: кожи, бересты или дерева. Впускной характер захоронения, отсутствие второго керамического сосуда и предметов сопроводительного инвентаря, выполненных из металла, указывает на низкий социальный статус погребенного здесь человека.

Карасукские погребения № 1–13 кургана 1 и погребения № 4–6 кургана 2 совершены в круглых оградах, сложенных на уровне древней дневной поверхности. В качестве строительного материала использовались плиты песчаника различной толщины. Причем доставлены они были издалека, так как в непосредственной близости от памятника источников такого сырья нами не обнаружено.

Подобная практика тщательного отбора строительного материала особенно характерна для карасукской культуры Хакасско-Минусинской котловины. В отличие от представителей других этнических групп, охотно возводивших курганы из самых разных видов каменного сырья, носители карасукской культуры применяли только песчаник, даже если его приходилось возить за десятки километров. В связи с этим необходимо отметить, что при возведении оград могил № 7 и 8 кургана 1 древними строителями были использованы глыбы рваного камня, доставленные со скальных выходов, расположенных рядом с могильником. В данном случае мы имеем несомненное нарушение традиционного карасукского погребального канона.

Таким же отклонением можно считать применение глыб рваного камня при строительстве погребений № 1–3 кургана 2. Захоронения в наземных или слегка углубленных цистах достаточно распространенное явление в карасукских могильниках, но при их сооружении всегда использовался плитняк. Цисты, сложенные из валунов на уровне древнего дневного горизонта, появляются только на III (лугавского) этапе эпохи поздней бронзы. Они распространены преимущественно в бассейне р. Уйбат и напоминают по своему облику погребения монгул-тайгинского типа Тувы (Чузунов, 1994, С. 44; Кузьмин, Лазаретов, 1995, С. 35). Столь же нетипичным для носителей карасукской культуры является захоронение могилы № 11 кургана 1, совершено в грунтовой яме. Особенно выделяется на общем фоне могильника погребение № 5 кургана 2, устроенное в грунтовой яме со срубом и дополнительной каменной забутовкой. По конструкции оно в точности соотносится с лугавским эталоном погребальных сооружений, получившим массовое распространение на III этапе эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Причем все эти нестандартные могилы располагаются в едином контексте с обычными каменными ящиками, составленными из плит песчаника и в точности соответствующими карасукскому погребальному канону. Никаких оснований считать их более поздними или впускными захоронениями у нас нет.

Основная ограда кургана 2 с погребениями № 1–3 была сложена из плит песчаника на уровне древней дневной поверхности, но в отличие от других карасукских сооружений могильника Тюриом она имела прямоугольную форму. В ее западном и северном углах сохранились фрагменты вертикально установленных стел. Ограды аналогичной конструкции, с угловыми камнями, ранее были обнаружены в могильниках Барсучиха I, Карасук I, Варча I и единично в других карасукских комплексах. В действительности их количество было значительно большим, чем отмечено в полевых отче-

тах. У прямоугольных сооружений, сложенных из плитняка, угловые камни надежно фиксируются только в тех случаях, когда они встроены в кладку стен, рассекая ее по диагонали. Фрагменты поставленных на ребро плит, расположенных вилотную к стенкам ограда с внешней стороны, отчетливо просматриваются на чертежах многих сооружений, но в текстовом описании они, как правило, не упоминаются. Еще сложнее отследить наличие выраженных угловых камней у оград, целиком сделанных из плит песчаника, поставленных на ребро. В современном состоянии все плиты таких сооружений имеют одинаковую высоту. Только в трех могильниках (Кюргенер I, Потрошилово II, Белый Яр V) зафиксированы конструкции с дополнительными камнями, рассекающими по диагонали углы оград из поставленных на ребро плит.

Долгое время считалось, что традиция установки вертикальных объектов в углах погребальных сооружений получила распространение в Хакасско-Минусинской котловине только в начале I тысячелетия до н.э. на III (лугавском) этапе эпохи поздней бронзы. Недавние раскопки выявили наличие угловых камней в оградах целого ряда памятников окуневской культуры, что позволило удеревнить момент их появления по крайней мере до рубежа III–II тысячелетий до н.э. (Лазаретов, 1997. С. 22, 27; *Лештнев*, 2001. С. 116; *Гультов*, *Подольский*, *Цыганков*, 2006. Рис. 2). При этом между двумя проявлениями единой моды образовался значительный хронологический разрыв. Находки в Тюриме и других могильниках сокращают возникший пробел между окуневской и лугавской традициями установки вертикальных объектов в углах погребальных сооружений, но только частично. Они не дают однозначного ответа на вопрос о механизме длительного сохранения и передачи этого своеобразного обычая. Проблема заключается в том, что в комплексах I (карасукского) этапа эпохи поздней бронзы угловые камни до сих пор не обнаружены. Это неудивительно, поскольку ранние карасукские могильники преимущественно локализируются в северных районах Хакасско-Минусинской котловины, где между ними и окуневскими комплексами вклиниваются памятники андроновской культуры (Поляков, 2002. С. 209–213).

Прямой контакт между носителями окуневской и карасукской культур на этой территории был невозможен. Он мог состояться не ранее хронологического горизонта I–B, когда карасукское население стало активно продвигаться на юг региона, постепенно вытесняя и ассимилируя представителей окуневской культуры. Именно таким образом можно объяснить отдельные окуневские реминисценции, в том числе и угловые камни, появившиеся на II (карасук-лугавском) этапе развития культуры эпохи поздней бронзы.

Не исключена и другая трактовка наблюдаемого явления, если допустить, что процесс имел дискретный характер. Традиция возведения угловых камней могла временно прекратить свое существование вместе с окуневской культурой, а затем была повторно привнесена на территорию Хакасско-Минусинской котловины извне. В частности, обычай установки вертикальных объектов отмечается в культуре херексурсов Монголии и Тувы. Причем они имеются не только у прямоугольных оград, но и у круглых сооружений (*Худяков*, 1987. Рис. 1–3; *Новгородова*, 1989. С. 213). Ближайшим аналогом последних является круглая ограда с четырьмя вертикальными стенами (одна не сохранилась), расположенными через равные промежутки, обращенная в кургане 5 могильника Аңдач чоң (*Bokovenko, Legrand*, 2000). Эти плиты были врыты с внешней стороны сооружения симметрично относительно друг друга, образуя две взаимно перпендикулярные линии по оси северо-запад–юго-восток и юго-запад–северо-восток. Таким же образом развернуты диагональные стены, встроенные в кладку прямоугольных оград II этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. По своей конструкции эти сооружения оказываются гораздо ближе херексурам Монголии и Тувы, чем оградкам окуневской культуры. Данная аналогия представляется вполне оправданной, поскольку именно на II этапе эпохи поздней бронзы в Южной Сибири получают массовое распространение бронзовые изделия центрально-азиатского облика (ножи с наверхшиями, оформленными в виде головок животных, трехнопочными и грибовидными наверхшиями, ножи с трапециевидным расширением на окончании, серги с цилиндрическими выступами), имеющие исходные прототипы на территории Северного Китая и Монголии. Таким образом, возрождение традиции установки угловых камней и одновременное появление новых категорий бронзовых изделий могут быть частью единого процесса, связанного с проникновением в Хакасско-Минусинскую котловину нового населения с юго-востока.

Курганы 1 и 2 отличаются друг от друга еще в одном существенном аспекте – способе размещения пристроек. Для большинства карасукских памятников, в том числе для кургана I могильника Тюрим, характерна «свободная» схема, позволяющая делать пристройки с захоронениями как взрослых, так и детей к любой из сторон основной ограды. В лугавских могильниках действовала более «строгая» система, допускавшая подхоронение половозрелых людей только к северо-западной или юго-восточной стенке центральной ограды. Детские погребения всегда размещались к северо-востоку от взрослых. В кургане 2 захоронения взрослых и детей встроены в единый ряд. Такая

«линейная» схема расположения могил эпизодически встречается в комплексах II и самого начала III этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. В дальнейшем ее полностью вытесняет строгая лугаская система, просуществовавшая в неизменном виде до конца подгорновского этапа тагарской культуры. Суммируя отличия между двумя группами захоронений могильника Тюрим в конструкциях погребальных сооружений, можно отметить, что курган 2 по целому ряду признаков (прямоугольная ограда с угловыми камнями, линейная схема размещения пристроек, нестандартное оформление большинства могил) занимает промежуточное положение между классическими карасукскими и лугаскими комплексами. Он строился явно позже кургана 1, хотя хронологический разрыв между ними, скорее всего, был незначительным.

Еще одно зримое расхождение двух близких по времени комплексов – наличие при каждом из погребений кургана 2 небольших каменных ящичков, составленных из трех плиток и расположенных за северо-восточной стеной ограды. В литературе уже высказывалось мнение, что данные конструкции не являются разрушенными захоронениями младенцев, а имеют иное функциональное назначение (Паульс, 2000, С. 108–109). Это отчетливо видно и по ящичкам, соответствующим могилам № 1–3 кургана 2. Они были сложены на уровне древней дневной поверхности из брусчатых камней и имели высоту не более 0,1 м. Разместить в них погребение даже новорожденного ребенка невозможно. В других случаях каменные ящички сооружены из установившихся на ребро плиток песчаника, выступают из земли на 0,3–0,4 м и хорошо соотносятся по высоте с оградой. У обычных могил верхние края плит располагаются на уровне древней дневной поверхности или чуть выше. Археологические материалы могильника Тюрим в силу своей фрагментарности не противоречат предположению Е.Д. Паульса о возможной приуроченности ящичков к захоронениям женщин или девочек, однако сама идея дифференциации этого явления по половому признаку вызывает сомнения. Как правило, в пределах одного комплекса количество ящичков точно соответствует числу погребений (от 1 до 6). Следовательно, во всех могилах таких курганов должны были быть похоронены женщины. Тогда должны существовать и обособленные мужские комплексы захоронений, чего в действительности не наблюдается. Кроме того, имеется множество достоверных женских погребений, при которых каменные ящички почему-то отсутствуют. Скорее всего, причина их сооружения была иной и, ее еще только предстоит определить.

Металлический инвентарь, обнаруженный в могильнике Тюрим, оказался очень немногочислен-

ным и крайне невыразительным. Найденные в погребениях бронзовые височные кольца, пронизки, шпилья относятся к наиболее распространенным категориям инвентаря, лишенным четкой этнической и хронологической привязки. Эти предметы бытуют в неизменном виде на протяжении длительного времени и в широком территориальном диапазоне.

Керамическая посуда из кургана 1 могильника Тюрим отчетливо распадается на две самостоятельные группы. Одна, наиболее массовая, представлена классическими карасукскими сосудами двух разновидностей: горшками со сложным резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 1, 4, 11, 19) и лощенными сосудами (рис. 4, 3, 13, 20, 24, 25) без орнамента (типы I-а и I-б, по А.В. Полякову). Они имеют небольшой объем, приземистые пропорции, широкое устье и относительно невысокую гладкую шейку, отделенную от тулова четко выраженный уступом. Дно округлое или слегка уплощенное, позволяющее сосудам сохранять вертикальное положение на ровной поверхности. Горшки сделаны из плотного, хорошо отмученного теста и тщательно залощены. Такое сочетание признаков характерно для посуды хронологического горизонта I-б эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины (Поляков, 2006, С. 16). Другая группа представлена двумя сосудами (рис. 4, 14, 26). Они имеют значительно больший объем, вытянутые пропорции и низкий венчик с прямым срезом, плавно переходящий в тулово. Дно у сосудов плоское, поверхность не залощена, а тесто более рыхлое с большим количеством отщепителя. Один из горшков орнаментирован в верхней части тремя разнонаправленными рядами наклонных насечек, образующих горизонтальную «елочку», дополненных двумя линиями ямок. Следует отметить, что горшковидные формы сосудов и украшение зоны венчика совершенно не характерны для карасукской керамической традиции. Посуду с такими характеристиками мы выделяем в особую группу и называем атипичной. Еще один горшок из кургана 1 могильника Тюрим может рассматриваться в качестве синкретичной формы, сочетающей особенности двух керамических традиций (рис. 4, 12). Это небольшой круглодонный сосуд, достаточно приземистых пропорций, близких карасукским. В то же время низкий, плавно отогнутый венчик и особенно орнаментация, состоящая из двух рядов горизонтальной «елочки» в верхней части сосуда и дополнительного пояса «елочки» – в нижней, указывают на его принадлежность к атипичной посуде.

Примечательно, что атипичные сосуды кургана 1, вне всякого сомнения, синхронны карасукской посуде. Погребения с этими сосудами располагаются в едином комплексе с карасукскими захоро-

нениями и конструктивно от них ничем не отличаются. Очередность сооружения первоначальных оград и последующих пристроек кургана четко определяется. Все захоронения можно условно разделить на три хронологические группы. Первой была построена большая круглая ограда с погребениями № 1 и 2. К северо-востоку, на небольшом удалении от нее, по отдельности были возведены еще две круглые ограды с погребениями № 3 и 4. Они представляют ранний пласт захоронений и содержат только карасукскую посуду. Все остальные сооружения примыкали к трем уже существовавшим оградкам. Ко второй группе принадлежат погребения № 5–10. В них, наряду с классической карасукской керамикой, представлены и явно атипичные сосуды. К еще более позднему времени относятся захоронения № 11 и 12. В них обнаружены карасукские лощеные сосуды без орнамента. Пристройкой погребения № 13 с атипичным сосудом может принадлежать как ко второй, так и к третьей группе захоронений кургана. Причем карасукская посуда кургана 1 отчетливо демонстрирует тенденцию постепенного сокращения числа богато украшенных сосудов и увеличения числа горшков без орнамента. В первой группе могил соотношения ориентированных и неориентированных сосудов (без учета атипичных) 3 : 1, во второй – 1 : 2, в третьей – 0 : 3.

Совместное залегание карасукской и атипичной посуды проследжено и в основной ограде кургана 3 могильника Тюрим. Погребения, к сожалению, полностью разграблены, уцелела только керамика. В могиле № 3 найдены два карасукских сосуда с уплощенным дном, небольшого объема и призматических пропорций. Один из них имел невысокую гладкую шейку, отделенную от тулова слабовыраженным уступом, и был украшен резной геометрической орнаментацией (рис. 7, 9). У второго сосуда переход от венчика к тулову оформлен плавным изгибом, а орнаментация состоит из ряда ямок (рис. 7, 10). Такое сочетание типов посуды в карасукских погребениях возможно в конце хронологического горизонта I-б или самом начале II этапа эпохи поздней бронзы. Горшок же из могилы № 1 кургана 3 по размерам, профилировке, манере орнаментации и другим параметрам практически идентичен атипичному сосуду из погребения № 8 кургана 1 (рис. 7, 7). Преднамеренно вытянуто-прямоугольная форма основной ограды кургана 3 не оставляет сомнений в том, что она с самого начала строилась с расчетом на производство нескольких захоронений. Одинаковая конструкция самих могил и наличие при каждой из них миниатюрного каменного ящичка лишний раз подчеркивают их одновременность. Следовательно, карасукская и атипичная керамика здесь также оказываются синхронны либо очень близки во времени.

Посуда из детских пристроек кургана 3 относится уже ко II этапу эпохи поздней бронзы и несет на себе отчетливые следы воздействия двух исходных керамических традиций (рис. 7, 13, 16). Крупные размеры сосудов, вытянутые пропорции, плавная профилировка при переходе от шейки к тулову и отсутствие лощения сближают их с атипичной посудой. Участие карасукской керамической традиции проявилось в пережиточной геометрической орнаментации и округлодонности одного из сосудов. Определенный дуализм просматривается и в манере оформления среза венчиков: есть округлый, есть и прямой.

Присутствие атипичной посуды в составе некоторых карасукских комплексов установлено уже давно. В частности, Н.Л. Членова обратила внимание на ряд сосудов из могильника Малые Копыны III, которые, по ее мнению, представляли промежуточный вариант между окуневской, лугавской и одной из групп карасукской посуды (Членова, 1977. С. 102). В дальнейшем ею был выделен особый ананешский тип керамики, восходящий к посуде лесостепного варианта еловской культуры и сыгравший большую роль в формировании карасукской культуры. Были также отмечены определенные параллели в вещевом комплексе (бронзовая серга с приемником) и в погребальном обряде (захоронения на правом боку) ананешских могил с андроновской и ирменской культурами Западной Сибири, что указывало на северо-восточный путь их проникновения в Хакасско-Минусинскую котловину (Членова, 1992. С. 73–75; 1998. С. 673–674). Эту же технологическую традицию имел в виду автор данной статьи, говоря о посуде поселения Торгажак и группах погребений с валиковой керамикой в составе карасукских могильников. Ее появление в Хакасско-Минусинской котловине увязывалось с продвижением из районов Центральной Азии нового населения, принявшего активное участие, наряду с носителями карасукской культуры, в формировании комплексов лугавского типа (Лазаретов, 1991. С. 105–107; 1993. С. 129–132). Наименования «валиковая керамика» или «ананешский тип» сегодня представляются нам не вполне удачными. Налепные и формованные валики имеются только на 20–30% сосудов данной керамической традиции, а в ряде комплексов, таких как Малые Копыны III или Тюрим, они и вовсе отсутствуют. Материалы стоянки Анаш также не могут служить образцом для выделения самостоятельного типа памятников, поскольку представляют собой случайные сборы разновременной посуды с разрушенного, нестратифицированного поселения. Мы используем термины «атипичная посуда» и «атипичные погребения» в качестве временного определения применительно к инокультурным находкам в составе карасукских комплексов. Только

после выделения эталонных могильников и поселений с однородным материалом эта группа обретет свое окончательное название.

В настоящее время количество атипичных комплексов существенно увеличилось, что позволяет конкретизировать их суммарную характеристику, уточнить момент появления в Хакасско-Минусинской котловине нового населения и оценить степень его воздействия на карасукскую культуру. Наиболее представительные территориально обособленные группы атипичных погребений выявлены в составе карасукских могильников Малые Копены III и Кюргенер I. Посуда, обнаруженная в этих захоронениях, обладает устойчивой комбинацией признаков, позволяющих безошибочно отличать ее от карасукской керамики (Членова, 1972. Табл. 16, 17–19; Зяблин, 1977. Рис. 5, 10, 14, 16, 18–20). Как правило, это крупные сосуды вытянутых пропорций с плоским или уплощенным дном. Переход от шейки к тулову оформлен плавным изгибом, а венчик имеет прямой срез. Сосуды изготовлены из рыхлого, комковатого теста с большой примесью дресвы. Обработка поверхности грубая, следы лощения отсутствуют. Орнаментация, состоящая из рядов отрисков гладкого или зубчатого штампа, тяготеет к верхней части сосудов. Зачастую декорированным оказывается верхний и даже внутренний срез венчика. Полосы отпечатков могут иметь наклон в одну сторону либо в противоположные, образуя ряды горизонтальной «елочки». Обязательными элементами декора являются полоса отрисков штампа по краю венчика и ряд ямочных вдавлений на шейке. Часть сосудов украшена налепными и формованными валиками (Членова, 1972. Табл. 16, 17, 19). В нескольких случаях основная орнаментальная композиция дополнена группами отрисков, образующими вертикальные «тяжи» (Зяблин, 1977. Рис. 5, 17, 20). Отдельные погребения с атипичной посудой обнаружены и в других карасукских могильниках (Сухое Озеро II, Ужур, Арбан I, Потрошилово II, Тюрим) (Членова, 1966. Рис. 4, 1; Савинов, Поляков, 2007. Рис. 7, 5; 8, 18).

Кроме общей керамической традиции, атипичные захоронения объединяет целый ряд сходных особенностей могильных конструкций и погребального обряда. Это наличие грунтовых ям, либо ям со срубями и дополнительной, иногда частичной, облицовкой плитами. Захоронения на боку, а не на боку влоборота, к тому же на правом, а не на левом, как полагалось карасукомскому населению. Иное размещение рук покойника – перед грудью. Высокий процент погребений с юго-западной ориентировкой и частое отсутствие ямы жертвенного животного. Эти характерные признаки позволяют отнести к атипичной группе еще несколько полностью разграбленных или безынвентар-

ных захоронений из состава карасукских могильников.

Ключевым фактором для понимания роли нового населения в формировании памятников эпохи поздней бронзы является момент его появления на среднем Енисее. Первоначально могильник Малые Копены III был отнесен автором раскопок к каменнололжскому этапу карасукской культуры и датирован второй половиной VIII в. до н.э. (Зяблин, 1977. С. 37–38). Основанием для столь поздней датировки в немалой степени послужило определенное сходство атипичной керамики (удлиненность пропорций, полосы из наклонных отрисков штампа, вертикальные «тяжи», обязательная орнаментация зоны венчика) с посудой III (лугавского) этапа эпохи поздней бронзы и наличие в антропологической серии памятника черепов с явно выраженными тагарскими чертами. Эту же группу Н.Л. Членова датировала в широких пределах с XI по VI в. до н.э. Причем из ее работ не вполне ясно, вошла ли атипичная керамика в уже сложившуюся карасукскую культуру и растворилась в ней (Членова, 1992. С. 75) или сыграла большую роль в сложении карасукской культуры (Членова, 1998. С. 673). Материалы могильника Тюрим позволяют достаточно точно определить время появления атипичной посуды в памятниках Хакасско-Минусинской котловины. И в кургане 1, и в кургане 3 она залегает совместно с карасукской керамикой конца хронологического горизонта I–6 – самого начала II этапа эпохи поздней бронзы. По результатам радиоуглеродного анализа серии образцов из кургана 1 могильника Анчлч чоң этот период может быть датирован XII–XI вв. до н.э. (Алексеев и др., 2005. С. 104–107, 237–239). Следовательно, носители атипичной традиции не могли принимать участия в формировании карасукской культуры в ее раннем, классическом варианте. Зато их вклад в сложение комплексов II (карасук-лугавского) этапа эпохи поздней бронзы трудно переоценить. Именно под воздействием атипичной керамической традиции происходит трансформация карасукской посуды – удлиняются пропорции горшков, заметно увеличивается их объем. В короткий срок вырождаются и исчезают сосуды с уступом, деградирует пышная геометрическая орнаментация. Распространяется декор из рядов наклонных отрисков штампа, горизонтальных «елочек», различных видов насечек, украшение налепными и формованными валиками. Появляются новые типы посуды: плоскостные «бадейки» и сосуды с ручками.

В памятниках II этапа эпохи поздней бронзы отмечается повышенная изменчивость могильных конструкций и погребального обряда. Часть оград и могил сооружается из нетрадиционных материалов. Наряду с обычными карасукскими каменными ящиками, перекрытыми плитами, периодиче-

ски встречаются конструкции с использованием дерева (рамы, срубы с каменной облицовкой, бревенчатые накаты). Во многих могилах отсутствуют мясо жертвенного животного, а количество сосудов сильно варьируется. Известны захоронения с четырьмя, шестью и даже одиннадцатью сосудами при одном покойнике. На правобережье Енисея массовое распространение получают захоронения на правом боку, а в южных районах Минусинской котловины карасукская, северо-восточная ориентировка погребенных повсеместно заменяется на юго-западную.

Большинство атипичных захоронений в составе карасукских могильников содержит мало бронзовых предметов, либо вовсе безындентарно. Это обстоятельство затрудняет культурную атрибуцию целого ряда металлических изделий. Обращает на себя внимание тот факт, что многие так называемые «карасукские» бронзы (ножи с головками животных, трехнопочными, грибовидными навершиями, перстни, лапчатые привески и пр.) отсутствуют в карасукских комплексах I этапа эпохи поздней бронзы (Поляков, 2002, С. 209–213). Они появляются только в могильниках II этапа одновременно с атипичной керамикой. Причем зона их концентрации совпадает с районами, где последняя воздействия атипичной погребальной и керамической традиции проявились наиболее весомо — на юге Минусинской котловины и на правобережье Енисея. Если учесть, что часть бронзовых изделий, получивших распространение на II этапе эпохи поздней бронзы, имеет свои истоки в комплексах Монголии и Северного Китая, то южный путь продвижения в Хакасско-Минусинскую котловину носителей атипичной традиции представляется нам более обоснованным.

Необходимо отметить, что новации в области погребальных конструкций, обряда и инвентаря, связанные с атипичной традицией, не исчезли и не растворились в карасукской культуре, а в несколько трансформированном виде продолжили свое существование в комплексах III (лугавского) этапа, где перечисленные выше особенности стали основными. Все это позволяет рассматривать II (карасук-лугавский) этап эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины как период взаимодействия двух этнических групп, закончившийся окончательным их слиянием и выработкой единой синкретичной культуры, впитавшей особенности как карасукской, так и атипичной традиций.

Алексеев и др., 2005. — Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюк Н.Н., Кук Г., ван дер Плукт Й., Поссерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.

- Гультов С.Б., Подольский М.Л., Цыганков И.Н., 2006. Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.
- Зяблин Л.П., 1977. Карасукский могильник Малые Копенны III, М.
- Кузьмин Н.Ю., Лазаретов И.П., 1995. Памятники эпохи поздней бронзы долины р. Уйбат // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.
- Лазаретов И.П., 1991. Относительная хронология каменоложских памятников юга Хакасии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Лазаретов И.П., 1993. К вопросу о валиковой керамике в Южной Сибири // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. Ч. 1.
- Лазаретов И.П., 1997. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.
- Лазаретов И.П., 2006. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Леонтьев С.И., 2001. Памятник окуневской культуры курган Черновая XI // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 4(8).
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.
- Паульс Е.Д., 2000. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины: (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.
- Поляков А.В., 2002. Схема периодизации классической этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.
- Поляков А.В., 2006. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: (по материалу погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Савинов Д.Г., Поляков А.В., 2007. Могильник Арбан I: (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // АВ. М. № 14.
- Худяков Ю.С., 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Челюнова Н.Л., 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины: (по материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Новосибирск. Вып. № 2.
- Челюнова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Челюнова Н.Л., 1977. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Челюнова Н.Л., 1992. К реконструкции культурно-этнического состава населения Минусинской котловины в карасукскую эпоху: (анахский тип керамики) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск. Ч. 1.
- Челюнова Н.Л., 1998. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск. Т. 1.
- Чугунов К.В., 1994. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы: (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб. № 8.
- Bokovenko N., Legrand S., 2000. Das karasukzeitliche Gräberfeld Ancil Con in Chakassien // Eurasia Antiqua. B. Bd. 6.

The Cemetery of Tyurim (the Appearance of Atypical Pottery in Karasuk Complexes)

I.I. Lazaretov

In this paper considered are materials from the cemetery of Tyurim where a group of burials has been distinguished with atypical pottery differing in a number of features from the classical Karasuk ware. On the basis of analysis of the horizontal stratigraphy of the site, the time of its appearance has been reliably determined as the end of the I – beginning of the II stage of the late Bronze Age. Representative groups of burials with similar ware have been identified among those of the burial grounds of Malye Kopeny III, Kyurgenner I etc., enabling us to suppose that some new population penetrated the area of the Khakassian-Minusinsk Basin during the Karasuk period. That population was characterized by fences with corner stones, pit-graves with wooden structures, the position of the buried laid on the right

side, and the south-western orientation of the deceased. The pottery is distinguished by its rough appearance, flat bottoms, elongated proportions and the absence of a ledge profilation in the place of the transition between the neck and the body of the vessel. Probably, exactly with that people the mass distribution of bronze objects of the Central-Asiatic appearance in southern Siberia was connected. The incomers influenced strongly the Karasuk culture bringing it to a fundamental transformation. The interaction and blending of the two ethnically different groups in the Khakassian-Minusinsk Basin at the turn of the 2nd and 1st millennium BC resulted in the formation of the culture of the Lugavskoye type in which the two original constituents were organically combined.

Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод 2

(Монголия, 2002–2005 годы)

Брайан К. Миллер, Франсис Оллард,
Димаджав Эрдэнэбатор, Кристин Ли¹

В июле 2001 г. в рамках «Проекта по изучению раннего кочевого животноводства в Хануйской долине в Монголии» был обнаружен и картографирован крупный могильник, связанный, как предполагалось, с сюнну – мощной конфедерацией кочевников-животноводов, упоминаемой в письменных источниках китайской династии Хань². С III в. до н.э. по II в. н.э. конфедерация сюнну располагалась на части современной Монголии и окружающих территориях (Allard et al., 2002). Могильник, названный Гол Мод 2, находится на севере Центральной Монголии, к северу от Хангайского горного хребта, приблизительно в 12 км к востоку от р. Хануй, в сомоне Ондор-Улан Архангайского аймака. Памятник расположен на высоте 1800 м над уровнем моря (48°00'00" с.ш. 101°13'00" в.д.) в песках у подножия холмов, стоящих по краям долины. На территории могильника, простирающегося на 2,2 км с запада на восток и 1,3 км с севера на юг, размещается более 400 погребений (рис. 1, врезка). Примечательно, что среди погребений имеется в общей сложности 98 гробниц, визуально определяемая конструкция которых включает пандусы, выводящие на платформы, обычно четырехугольные в плане. Общая длина гробниц, включая пандусы и платформы, составляет от 8 до 83 м, а их

ориентация (по направлению от пандуса к платформе) варьируется между 329° и 002° (то есть северо-восток – север), причем погребения расположены по большей части со стороны реки, протекающей у подножия плавно го склона. Также были выявлены разведки и нанесены на план примерно 250 круглых «сопроводительных захоронений» меньшего размера, размещенных, как правило, по дуге с восточной или западной стороны некоторых из самых крупных гробниц с пандусами. Третья разновидность захоронений включает приблизительно 85 больших круглых погребений, по всей видимости не связанных с другими. Их максимальный диаметр достигает 28,3 м. Плохая различимость камней на поверхности затрудняет выявление индивидуальных сопроводительных погребений, а их расположение не всегда позволяет определить с уверенностью, связаны ли они с пандусными гробницами или это независимые круглые захоронения.

С момента открытия и составления плана Гол Мод 2 в 2001 г. в рамках проекта «Хануйская долина» на могильнике проводились исследования в течение трех лет (2002, 2004 и 2005 гг.). Работы велись на 27 сопроводительных погребениях, расположенных по дуге вдоль восточной стороны одного из наиболее значительных сооружений могильника – погребального комплекса № 1 – 83-метровой по длине конструкции (пока не исследованной) с пандусом, которая на сегодняшний день является самым крупным из известных погребений сюнну (рис. 1). Данная статья является кратким отчетом о результатах раскопок сопроводительных погребений № 1–27, а также погребения № 29, расположенного к северу от платформы.

Погребальный комплекс № 1 является наиболее значительным сооружением могильника Гол Мод 2. Основные исследования в рамках проекта велись с 2002 г. на многочисленной группе связанных с ним сопроводительных захоронений, что позволило исследовать их структуру и содержание. Несмотря на то что к началу работ (2001 г.) дерн полностью покрывал погребальный комплекс, выходящие на поверхность камни расположенных по дуге погребений позволяли выявить одну хорошо

¹ Брайан К. Миллер – Пенсильванский университет, millerbk@sas.upenn.edu.

Франсис Оллард – Индианский университет Пенсильвании, allard@iup.edu.

Димаджав Эрдэнэбатор – Институт истории Академии наук Монголии, edimaajav@yahoo.com.

Кристин Ли – Университет штата Аризона, christine.lee@asu.edu.

² Авторы хотели бы выразить благодарность следующим лицам за их помощь на различных стадиях проекта в течение трех полевых сезонов. За помощь в полевых работах: Нацагын Батболд (Институт археологии, Монголия), Шаун Голдинг, Ашика Суидберг, Брейден Мейтер, Ли Холуви. За анализ фаунистических остатков: Эрика Мажжоре. За антропологический анализ (погребение № 3): Жерар Гань (Монреальский университет). Особую благодарность авторы выражают Гарриет Бобель и Вики Карас из Института музейной реставрации (Смитсоновский институт) за их помощь в полевой реставрации и консервации и Лесли Узбер, также сотруднику Института музейной реставрации за исследование бронзового диска и полушария, найденных в погребении № 21.

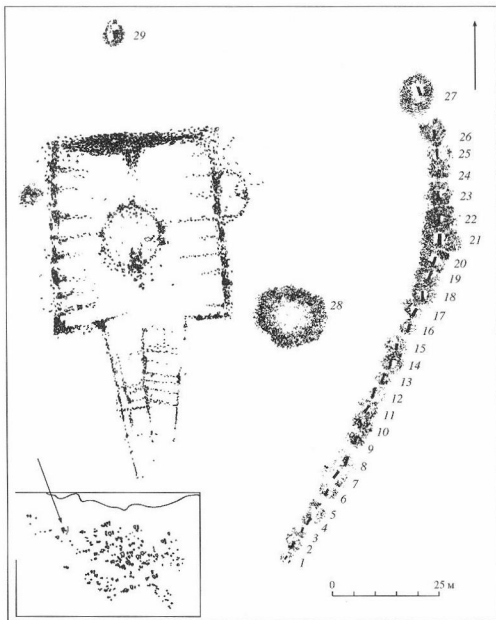

Рис. 1. Могильник Гол Мод 2

Погребальный комплекс 1 и его местонахождение на территории могильника Гол Мод 2 (врезка). Для каждого из сопроводительных захоронений указан номер могилы и положение гроба. Поверхностные камни фиксируют очертания и структуру центральной пандусной гробницы

Fig. 1. Gol Mod 2 cemetery

Tomb 1 complex and its location in the (inset). Burial number and coffin placement are indicated for each of the satellite burials. Surface stones mark the outline and structure of the central ramped tomb

заметную особенность, а именно общую тенденцию к расширению площади захоронений по направлению вверх (то есть с юга на север) от дуги. Хотя в процессе удаления дерна были установлены ошибки, допущенные нами при первоначальной оценке местонахождения и размера малых погребений, общее впечатление о плановом характере групповых захоронений только усилилось. В результате раскопок 27 сопроводительных погребений, расположенных по дуге (все они, по-видимо-

му, были ограблены еще в древности), были выявлены дополнительные особенности сооружений и содержимого погребений и одновременно получены свидетельства, позволяющие рассматривать погребальный комплекс № 1 как крупное погребальное сооружение, относящееся к соннускому периоду. Не менее важным является и то, что эти материалы могут дать представление о таких процессах и явлениях, как социальная динамика, погребальная практика и внешние связи сонну,

обсуждение которых до сих пор зачастую сводилось к толкованию китайских текстов, часто отрывочных и необъективных по отношению к северным кочевым соседям империи Хань. Нет никакого сомнения в том, насколько полезными для разрешения данных проблем будут систематические археологические исследования памятников сюнну и интерпретация полученных материалов. Такая работа уже проведена на памятниках, аналогичных Гол Мод 2 (Navaan, 1999; Mission..., 2003; Dorjsuren, 1961; Rudenko, 1969; Kato et al., 1994; Коновалов, 1976; Миняев, Сахаровская, 2002), и исследования продолжаютя на других могильниках и поселениях. Ниже приводится краткий обзор основных результатов исследований погребального комплекса № 1 могильника Гол Мод 2. Полученные данные также представлены в таблице.

Могильные ямы и гробы. Удаление напластований, покрывавших 27 сопроводительных захоронений, расположенных к востоку от центральной гробницы с пандусом, показало, что соседние погребения были расположены вплотную друг к другу, образуя непрерывную дугу с максимальным изгибом у ее северного конца. Все могилы дуги были вырыты в песке. Хотя окружности, выложенные из камней, отмечавшие на поверхности периметр каждого захоронения, не всегда имели правильную форму, тем не менее наблюдается общая тенденция (правда, не везде выдержанная до конца) к увеличению площади поверхностных круговых выкладок при движении вверх по дуге. Даже учитывая то, что при ограблении погребений в древности круги на поверхности были в некоторых местах нарушены и во многих случаях растянуты, тем не менее, наблюдаются явные различия между

Таблица. Сопроводительные погребения погребального комплекса 1 могильника Гол Мод 2

Table. Satellite burials of Tomb complex 1 Gol Mod 2

№ погребения	Глубина, см	Ориентация, градусы	Тип гроба	Размер гроба: длина, ширина, см	Возраст, лет	Пол	Фаунистические остатки	Предметы из железа	Прочие находки
1	118	26	Деревянный гроб с предходной камерой	102 × 24					Черепок от керамического доньшка
2	103	15	Деревянный гроб	156 × 44	15–20		<i>Лошадь</i> : фрагмент лопатки	Трехзвенные удила (?), 2 петли, 3 застежки, 3 кольца, 4 пуговицы, 2 украшения одежды, 2 ременные принадлежности	
3	125	7	Деревянный гроб	136 × 39	6–7		<i>Лошадь</i> : череп, атлант, 4 нижние конечности <i>Мелкий рогатый скот</i> : 4 черепа, 10 метаподий, 19 фаланг	6 колец, квадратная пряжка, застежка, пуговина, круг	267 астрагалов (36 с пометками)
4	125	32	Деревянный гроб	121 × 41	>7			Квадратная пряжка, застежка, круг	
5			Скелет отсутствовал					Круг	
6	136	27	Деревянный гроб	188 × 40	>5			2 кольца, 2 застежки, квадратная пряжка, 2 ременные принадлежности, петля, круг	Черепок от керамического доньшка
7	177	35	Деревянный гроб	193 × 52	20–25	М	<i>Мелкий рогатый скот</i> : плечевая кость, 2 поясничных позвонка	Шарнир, 3 гвоздя, 3 булавки, застежка со шпилькой, 3 пуговицы, 2 кольца, 2 ременные петли, круг	Фрагмент ткани

Таблица (продолжение)

Table (continuation)

№ погребения	Глубина, см	Ориентация, градусы	Тип гроба	Размер гроба: длина, ширина, см	Возраст, лет	Пол	Фаунистические остатки	Предметы из железа	Прочие находки
8	124	16	Деревянный гроб	203 × 55	30–35	М	<i>Мелкий розгатый скот</i> : плечевая кость, фрагменты зубов	Петля, пуговица, гвоздь, нож	
9	154	19	Деревянный гроб	205 × 46			<i>Мелкий розгатый скот</i> : плечевая кость, 4 фрагмента диафиза длинной кости	Шарнир, 2 кольца, пуговица, застежка, петля, ремennые сетли, 2 квадратные пряжки, ремennая принадлежность, лезвие, небольшое лезвие	
10	120	5–15	Остатки дерева от гроба		17–25	М	<i>Мелкий розгатый скот</i> : метаподий		
11	129	32	Деревянный гроб	182 × 52	35–40	М	<i>Лошадь</i> : череп, атлант, лучевая кость, локтевая кость, 3 фаланги <i>Корова</i> : рог <i>Мелкий розгатый скот</i> : фрагменты черепа, 3 резца, плечевая кость, 3 фаланги	4 кольца, 6 пуговиц, квадратная пряжка, украшение одежды, скрученная петля, 4 квадрата, гребень (?), 2 наконечника стрел, 5 древков стрел	
12	101	13	Деревянный гроб	220 × 52	17–25			Кольцо, 2 звена цепочки, лезвие	
13	185	22	Деревянный гроб	185 × 42	40–45		<i>Лошадь</i> : череп, резцы	2 кольца, овальное кольцо, квадрат, 2 украшения одежды, квадратная пряжка, кольцо и квадратная пряжка, трезельные удила, 2 наконечника стрел, лезвие	Черноглиняный сосуд с широким горлом
14	152	7	Деревянный гроб	185 × 60	25–30	М	<i>Корова</i> : фрагмент диафиза ребра	6 колец, 3 украшения одежды, 3 квадратные пряжки, 4 квадрата, кольцевидная пуговица, пуговица, застежка, петля, 3 ремennые принадлежности, фрагменты трезельных удил, 2 стержня, круг, 3 наконечника стрел	
15	130	16	Деревянный гроб	153 × 62	25–30		<i>Неидентифицированное крупное млекопитающее</i> : фрагмент метаподия	7 колец, ремennая принадлежность, застежка, крюк, фрагмент круга	

Таблица (продолжение)

Table (continuation)

№ по- гребня	Глу- бина, см	Ори- ента- ция, гра- дусы	Тип гроба	Размер гроба: длина, ширина, см	Возраст, лет	Пол	Фундаментальные остатки	Предметы из железа	Прочие находки
16	120	15	Деревянный гроб	187 × 58	Adult	М			Фрагмент венчика бронзового блюда
17	153	23	Каменный ящик и деревянный гроб	185 × 51	Adult		<i>Лошадь:</i> череп, атланг, 4 подья, 6 фаланг <i>Корова:</i> череп, атланг, 4 фаланги	Квадратная пряж- ка, 7 колец, 2 ремесные при- надлежности, треньзельные удила, стержень, 7 наконечников стрел	Черноглиня- ный черепок, катушковид- ная янтарная бусина
18	114	3	Деревянный гроб	210 × 60	25-30	М	<i>Лошадь:</i> грудные позвонок	2 квадратные пряжки, кольце- видная пряжка, 3 украшения одежды, 3 пуго- вицы, ремесная принадлежность, застежка, 9 колец, деталь ножен (?), треньзельные удила, 9 гвоздей, 10 на- конечников стрел	Черноглиня- ные черепки, 3 черноглиня- ных широко- горлых сосуда
19	195	15	Деревянный гроб и крышка сверху	189 × 45			<i>Лошадь:</i> фраг- менты нижней челюсти, резец, молочный пре- моляр, моляр, 2 фаланги <i>Корова:</i> 3 фа- ланги <i>Мелкий розатый скот:</i> фрагменты зубов, фаланга	Квадратная петля, 2 овальные петли, 7 колец, гвоздь, круг	Черноглиня- ные черепки, 2 черноглиня- ных широко- горлых сосуда
20	201	17	Деревянный гроб	193 × 46	30-40	М	<i>Лошадь:</i> фраг- менты зубов, 14 фаланг <i>Корова:</i> череп, 6 фаланг <i>Мелкий розатый скот:</i> нижняя че- люсть с денти- цией, верхняя челюсть с денти- цией, плечевая кость, 11 фаланг	Котелок, квад- ратная пряжка, круг, петли, 4 кольца, 4 гвоздя, 12 наконечников стрел, втулка наконечника стре- лы со свистком	Китайское бронзовое зеркало типа TLV (поло- винка), черно- глиняные че- репки (от 3 сосудов), зо- лотая фольга (на железных фрагментах), остатки семян
21	218	3	Внешняя дере- вянная камера и внутри дере- вянный гроб с железным ре- шетчатым укра- шением и четы- рехлистниками	298 × 76 и 184 × 62	Adult		<i>Лошадь:</i> череп, шейные позво- нки, поясничные позвонок, луче- вая кость, локте- вая кость, крестец, 2 подья, 13 фаланг <i>Корова:</i> 2 чере- па, 6 шейных	Скрученная петля, 3 квадратные пряжки, 2 кольце- вые пряжки, круг- лая пряжка с зо- лотой фольгой, 5 колец, кольцо с золотой фольгой, 3 круга, неболь- шое лезвие, трен-	Бронзовый диск с пле- теным брон- зовым коль- цом и брон- зовым полу- шарием (все завернуто в многослой- ную ткань).

Таблица (продолжение)

Table (continuation)

№ погребения	Глубина, см	Ориентация, градусы	Тип гроба	Размер гроба: длина, ширина, см	Возраст, лет	Пол	Фаунистические остатки	Предметы из железа	Прочие находки
							позвонков, поясничные позвонки, 2 крестца, 4 подия, 6 метаподий, 26 фаланг <i>Мелкий рогатый скот:</i> фрагменты нижней челюсти, фрагменты верхней челюсти, фрагменты зубов, фрагменты диафиза ребра, бедренная кость, 3 подия, фаланга	зельные удила, 2 стержня, 16 наконечников стрел, наконечник стрелы с черенком свистка, 2 гвоздя	<i>янтарная</i> бусина, золотая фольга (на фрагментах железа)
22	235	2	Каменный ящик и деревянный гроб	205 × 62	Adult	М	<i>Лошадь:</i> череп, 9 подий, 10 фаланг	8 украшений одежды, скрученная петля, квадратная пряжка, 3 ременные принадлежности, 4 квадрата, 12 колец, фрагмент псалма, небольшое лезвие, длинное лезвие, 4 гвоздя	Бронзовый диск с 2 каменными бусинами (все завернуто в многослойную ткань), <i>янтарная</i> бусина
23	196	1	Каменный ящик и деревянный гроб	189 × 56	25–30	М	<i>Неидентифицированное крупное млекопитающее:</i> фрагмент локтевой кости	Гвоздь, 3 фрагмента псалма, 4 кольца, 3 овальных кольца, 3 квадратные пряжки	
24	111	7	Деревянный гроб	180 × 58	Adult		<i>Лошадь:</i> 3 черепа, 3 шейных позвонка, подий, 2 фаланги <i>Корова:</i> череп, 2 подия, 5 фаланг <i>Мелкий рогатый скот:</i> череп	Колокольчик, 2 квадратные пряжки, 12 колец, украшение одежды, 2 квадрата, 6 гвоздей, круг	Черноглиняные черепки и донышко горшка (с пометкой), золотая серьга
25	149	352	Деревянный гроб	215 × 55	Adult		<i>Лошадь:</i> плечевая кость	Застежка, 20 колец, 2 петли, 3 квадратные пряжки, 2 крюка, 4 гвоздя, 3 наконечника стрел	Фрагменты венчика бронзового сосуда, фрагмент бронзовой сферы, бронзовая деталь с золотой фольгой
26	159	354	Деревянный гроб	190 × 58	Adult		<i>Неидентифицированное крупное млекопитающее:</i>	2 застежки, 2 застежки с золотой фольгой, кольцо с	Фрагмент плоского кольца из

Таблица (окончание)

Table (continuation)

№ погребения	Глубина, см	Ориентация, градусы	Тип гроба	Размер гроба: длина, ширина, см	Возраст, лет	Пол	Фаунистические остатки	Предметы из железа	Прочие находки
							<i>такоже</i> : фрагмент диафиза длинной кости	золотой фольгой, 4 квадратные пряжки, круглая пряжка, 9 колец, квадрат, 5 гвоздей, пуговица, 2 соединенные овальные петли, 4 наконечника стрел, нож, нож с петлей на конце, детали конской уздечки: трензельные удила, 2 псалы, 4 кольца, 6 пуговиц, 3 квадратные пряжки, квадратная петля, 2 украшения одежды, 3 овальные пряжки, скрученная петля	полированного зеленого камня (<i>би?</i>), золотая фольга, бронзовый фрагмент
27	212	344	Каменный ящик и деревянный гроб, украшенный решеткой и четырехугольниками	208 × 57	30–35	М	<i>Лошадь</i> : 3 пре-моляра, большая берцовая кость, 2 подвоя <i>Мелкий рогатый скот</i> : фрагменты черепа, фрагменты грудных позвонков, фрагменты диафиза ребер, фрагменты диафиза длинной кости, фрагмент лопатки, плечевая кость, лучевая кость, 10 подвоя, метаподий, 10 фаланг	2 квадратные пряжки, застежка, крюк, 4 кольца, овальное кольцо, 4 наконечника стрел, черенок наконечника стрелы, гвоздь, шеколда	Бронзовый круг с петлей на обратной стороне

погребением № 1 с каменной выкладкой, покрывающей площадь шириной приблизительно 3 м, и погребениями № 21 и 27, обозначенными на поверхности гораздо большей площадью круговых выкладок. Единственным примечательным исключением из данной тенденции является часть дуги, включающая погребения № 22–26, наземные выкладки которых меньше, чем у погребений № 21 и 27.

В могильных ямах сопроводительных погребений найдены остатки деревянных гробов. Исключение составляло только погребение № 5, где остатков дерева не обнаружено. Глубина могильных ям (от уровня дна гроба до современной поверх-

ности) составляла от 101 см до 235 см. Хотя и не имелось явной зависимости между размещением погребений в дуге и глубиной положения гроба, погребения в северной части дуги в целом глубже, чем у ее южной оконечности (рис. 2, I). Гробы по большей части длинные, узкие, трапециевидной формы, с выступающими наружу боковыми сторонами; верхняя часть слегка шире нижней (рис. 3, 3). Наряду с более простыми одианными гробами имелись погребения с гробами, находящимися в каменных ящиках (погребения № 17, 22, 23, 27). Также найдены один внутренний гроб, заключенный между деревянными стенками и закрытый

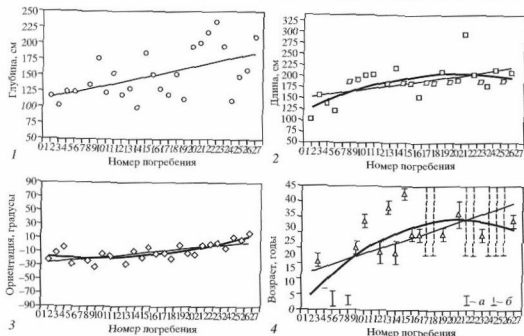

Рис. 2. Могильник Гол Мод 2. Погребальный комплекс 1

1 – глубина погребений от современной поверхности (ось X – номер погребения, ось Y – глубина от современной поверхности, см); 2 – длина гробов (ось X – номер погребения, ось Y – длина, см); 3 – ориентация гробов (ось X – номер погребения, ось Y – ориентация, градусы); 4 – средний возраст погребенного (ось X – номер погребения, ось Y – возраст, лет); а – диапазон определения, б – предположительный интервал для «взрослых»

Fig. 2. Gof Mod 2 cemetery. Tomb 1 complex

1 – burial depth (X – burial number, Y – depth below surface, cm); 2 – coffin length (X – burial number, Y – length, cm); 3 – coffin orientation (X – burial number, Y – orientation, degrees); 4 – average age of deceased (X – burial number, Y – age, years); а – age ranges; б – hashed lines for tentative range of «adults»

сверху крышкой из распиленных пополам бревен (погребение № 21), и два гроба с украшениями в виде решеток и четырехлистников (погребения № 21, 27). Если не считать более короткие гробы № 1–4 и значительно более крупный гроб № 21, практически не наблюдается корреляции между размещением погребений в дуге и длиной гроба (рис. 2, 2). Обращает внимание ориентация гробов, варьирующаяся от 344° до 35° (то есть от слегка отклоняющейся от северного направления к западу до северо-восточной) и имеющая общую тенденцию к повороту против часовой стрелки в направлении вверх по дуге (рис. 2, 3).

Человеческие останки. В двадцати трех из 27 погребений найдены останки людей. В целом сохранность останков была очень плохой: ни у одного из погребенных не сохранилось более 25% скелета. В частности, полностью отсутствовали некоторые элементы скелета, были эродированы окончания длинных костей, а также наблюдалось отслаивание поверхности костей и зубной эмали. В некоторых погребениях, где скелет полностью отсутствовал, были зафиксированы лишь его еле различимые контуры на днище гроба. Пол погребенных был определен, где это было возможно, по морфологии черепов, общей массивности покой-

ного, диаметру головки бедренной кости и форме таза. Из 23 погребений, содержавших костные остатки, девять были идентифицированы как мужские. Из-за фрагментарности костей и/или молодого возраста погребенных еще для 12 индивидов пол определить не удалось, хотя два из них предположительно могли быть мужчинами. Определения возраста базировались на таких характеристиках, как прорезанность зубов, их относительная изношенность, эпифизарное сращивание и зарастание черепных швов. Для каждого из 23 погребенных оценки возраста представлены диапазонами, причем семеро из них идентифицированы просто как «взрослые», т.е. в возрасте от 20 до 50 лет (рис. 2, 4). Несмотря на то что диапазон точности определения возраста не дает возможности уверенно выявить какую-либо зависимость положения захороненных вдоль дуги от возраста погребенных, тем не менее мы можем предположить, что большинство из них имело возраст старше 20 лет, причем дети и подростки хоронились в самых южных погребениях дуги, в то время как в остальной ее части находились могилы индивидов более старшего возраста. Для погребенных в возрасте свыше 20 лет (то есть за погребением № 6) положение могилы относительно дуги не давало никакого указания на возраст покойного, хотя уточнение возраста

(в частности для семи «взрослых»), возможно, выявит более выраженную корреляцию.

Телосложение, оценивавшееся по длине бедренной кости, оказалось возможным определить только для двух мужчин (погребения № 8 и 16). Их рост находился в диапазоне между 158 и 170 см, что соответствует росту 159–173 см, определенному для мужчин, погребенных на стюнском могильнике Эгин-Гол (Bass, 1987; Nelson, Naran, 1999; Waldron, 1994). Из-за плохой сохранности костя-

ков и незначительного количества найденных костных остатков оказалось невозможным провести анализ типичных заболеваний данной популяции. Из четырех индивидов, у которых обнаружены артритические шпоры кости, трое болели артритом верхней области шеи (возможно, вследствие движений головы во время длительной верховой езды), в то время как у четвертого был артрит височно-челюстного сустава (вероятно, вследствие прижизненной потери зуба с компенсацией при

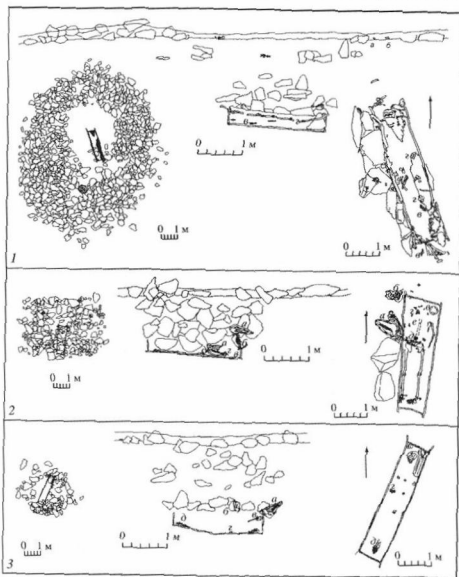

Рис. 3. Могильник Гол Мод 2. Погребальный комплекс 1. Планы каменных выкладок, планы погребений на уровне гроба и разрезы

1 – погребение № 27 (а – бронзовый круг; б – железная застежка; в – железные наконечники стрел; з – железные четырехлистники); 2 – погребение № 24 (а – конские черепа; б – череп крупного рогатого скота; в – доньшко керамического сосуда; з – железный колокольчик; д – железная пряжка; е – золотая серьга); 3 – погребение № 13 (а – конский череп; б – керамический сосуд; в – трезьянные удила; з – железные пошые петли; д – железные наконечники стрел с деревянными черешками)

Fig. 3. Gol Mod 2 cemetery. Tomb 1 complex. Surface stones (with placement of coffin), cross-section, coffin level plan, and contents of selected burials

1 – Burial N 27 (а – bronze circle; б – iron clasp; в – iron arrowheads; з – iron quadrefoils); 2 – Burial N 24 (а – horse skulls; б – cattle skull; в – ceramic jar bottom; з – iron bell; д – iron buckle; е – gold earring); 3 – Burial N 13 (а – horse skull; б – ceramic jar; в – snaffle bit; з – iron bell loops; д – iron arrowheads with wooden shafts)

жевании). У индивида, погребенного в могиле № 27, имелись следы ранения клинком выше левой глазницы, по всей видимости от удара, нанесенного мечом, зажатым в правой руке противника, по левой стороне лица. Вскоре после этого человек умер, так как признаков заживания раны не отмечено.

У популяции не было обнаружено признаков зубного кариеса, что вполне соответствует диете, бедной сахаром и другими углеводами. У пяти индивидов было замечено отщепление зубной эмали, указывающее на вероятность того, что они пользовались своими зубами как орудиями, кусая твердые предметы (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Larsen, 1997). Судя по черепной и дентальной морфологии имеющихся черепов, данные индивиды принадлежали к азиатскому расовому типу. Общие для населения Монголии и Китая признаки включают высокую частоту встречаемости лопаточных резцов и зубных бугорков Карабелли, наличие добавочных косточек черепа, отсутствие срастания швов, а также врожденное отсутствие или маленький размер третьих моляров. Более конкретно можно сказать, что морфология и метрические признаки черепов и зубов указывают не только на то, что индивиды, погребенные в дуге, были сиюну, но также на то, что они могли быть родственниками. Так, высокие овальные черепа данной популяции типичны для других могильников сиюну в Монголии и Китае, в то же время многие из погребенных в дуге имели сходство челюстного и небного тора и одинаковые черепные косточки. Любопытно, что у мужчины, погребенного в могиле № 27, данные черты отсутствовали, в то время как череп был низкий и круглый, а у зубов отмечалась меньшая степень изношенности, чем в других погребениях дуги. Не исключено, что перед тем, как попасть в район Гол Мод 2, данный индивид провел ранние годы в другом регионе. По-видимому, немаловажно, что низкие округлые черепа типичны для представителей сяньби, исконной территорией которых являлись предположительно Восточная Монголия или Маньчжурия (Su, 1977).

Фаунистические остатки. Двадцать три из двадцати девяти раскопанных сопроводительных погребений содержали фаунистические остатки. Диапазон этих материалов был ограничен следующими таксонами: лошадь, корова и мелкий рогатый скот. Среди обнаруженных частей скелета в основном были кости черепа, позвоночника и нижние конечности (подия, метаподия и фаланги), что достаточно характерно для всех трех указанных таксонов в могильнике Гол Мод 2, а также в других могильниках сиюну в Монголии и Бурятии. Количество фаунистических находок различалось

для разных погребений: в некоторых содержалось большое количество фаунистических материалов (например, погребение № 21), а в других – единичная кость или фрагмент кости (например, погребение № 14). Степень сохранности фаунистических остатков в целом была хорошей. Тем не менее аналогично человеческим останкам большая часть костей, находившихся на гробе или около него, были сильно повреждены корнями растений.

Из 27 сопроводительных погребений дуги 14 погребений содержали остатки скелета лошади. Найденные кости включали обычно череп, шейные позвонки и нижние конечности. Из данных 14 погребений девять содержали конские черепа, в том числе семь целых. Для остатков десяти лошадей из восьми погребений (девять черепов и фрагменты челюсти и зубы из погребения № 19) оказалось возможным определить возраст на основе последовательности прорезания зубов или характера истертости нижних резцов. Восемь лошадей имели возраст от двух до шести лет, в то время как для двух лошадей из погребений № 22 и 24 был определен приблизительный возраст 10 лет и 15–17 лет соответственно. Для семи лошадей также был определен пол: три жеребца и четыре кобылы. Следы разделки были зафиксированы на челюстях конского черепа из погребения № 13 и двух челюстях из погребения № 24. У одной из лошадей из погребения № 24 имелся значительно более широкий и глубокий разрез на правой челюсти, сделанный, по-видимому, иным инструментом, чем те, чьи следы зафиксированы на прочих черепках. На обнаруженных конских позвонках следов разделки не имелось.

Костные остатки крупного рогатого скота присутствовали только в пяти из 27 захоронений, причем погребение № 24 содержало останки двух коров. Как и в случае конских останков, найденные кости крупного рогатого скота состояли преимущественно из черепов, позвонков и частей нижних конечностей. Возраст четырех из шести особей был определен на основании средней прорезанности зубов: одна – двух-двух с половиной лет и три выше двух с половиной лет. Пятая особь была идентифицирована по эпифизарному несращению как не достигшая зрелого возраста. Пол не представлялось возможным определить ни для одной особи. На трех нижних челюстях и на одном шейном позвонке были обнаружены следы разделки.

Одиннадцать погребений в пределах дуги содержали костные остатки мелкого рогатого скота. Эти остатки опять же состояли в основном из черепов, позвонков и частей нижних конечностей, хотя в большинстве своем фрагментированных. Используя в качестве показателя возраста несращенные эпифизы, можно было сделать заключение, что большинство особей на момент забоя не достигло зрелого возраста. Для погребения № 24

возраст особей (9–12 месяцев) был определен более точно по средней прорезанности зубов. Четыре особи из погребения № 3, у которых сохранились довольно целые черепа, судя по наличию молочных зубов, предположительно тоже не достигли зрелого возраста. Половой состав мелкого рогатого скота определить было невозможно. Единственной обработанной костью была плечевая из погребения № 8, на дистальном конце которой отмечались разделочные зарубки.

Особого внимания заслуживает погребение № 21, в котором находились череп, позвонки и кости нижних конечностей взрослой самки лошади и двух коров, а также многочисленные части нижних и верхних челюстей и нижних конечностей мелкого рогатого скота. Вместе с этими типичными находками имелись также крестцы, правда, без тазовых костей, лошади и двух коров. Еще более необычный состав костных остатков животных был обнаружен в погребении № 29, которое располагалось непосредственно к северу от платформы центральной гробницы и, таким образом, находилось на некотором расстоянии от рассмотренных выше погребений дуги. Структура данного погребения очень похожа на структуру погребений дуги: круг камней на поверхности и могильная яма глубиной значительно больше метра. Однако, в отличие от человеческих захоронений в составе дуги, погребение № 29 содержало только останки одной лошади, ориентированной на север (аналогично человеческим скелетам), у которой отсутствовала голова и два позвонка. Отсутствие головы не позволяло определить ни пол, ни возраст животного, хотя наличие полностью сращенных костей свидетельствовало в пользу того, что это была зрелая особь.

Артефакты. Несмотря на то что, по-видимому, все сопроводительные погребения дуги были ограблены, при раскопках было найдено множество как типичных, так и не совсем обычных предметов, некоторые из которых, вероятно, не были смещены при ограблении могил. Железные предметы, составляющие основную массу найденных изделий, включают ряд декоративных накладок или деталей снаряжения, которые имели отношение к костюму погребенных или к убранству/снаряжению лошадей: ременные застежки, пряжки, ременное снаряжение, петли, пуговицы, удила, кольца, булавки, а также другие предметы, функцию которых невозможно было определить из-за сильной их корродированности. Прочие железные предметы включали ножи, гвозди, наконечники стрел, лезвия, котел и колокольчик (табл. 1, рис. 4). Керамическая посуда в большинстве своем была представлена немногочисленными темно-серыми черепками с примесью песка в глине и из-

редка почти целыми сосудами. Черепки принадлежали различным небольшим кувшинчикам с широким горлом, либо более крупным сосудам с широкими плечиками и конусообразным дном – обе разновидности являются обычными находками и на других памятниках сюнну.

Особый интерес представляют не совсем обычные предметы, обнаруженные в некоторых погребениях. Они могут указывать на то, что до ограбления могил подобных предметов здесь могло быть и больше (рис. 5). Фрагмент бронзовых сосудов и другой инвентарь были найдены в погребениях № 16, 25. Типичный двуручный железный котелок стельного облика был обнаружен в южной части гроба в погребении № 20 (рис. 6, 4г), причем в северном конце гроба были найдены остатки семян, которые еще предстоит идентифицировать. Три янтарные бусины, найденные в погребениях № 17 (рис. 5, 1), 21, 22, типичны для ожерелий, встречающихся на других могильниках сюнну. Фрагмент кольца из полированного зеленого камня, вероятно аналогичного китайским нефритовым дискам так называемого стиля *би*, был обнаружен близко к поверхности в погребении № 26. Железные предметы, лакированные тонкой золотой фольгой, найдены в погребениях № 20, 21, 25, 26. В погребении № 24 обнаружена небольшая плевневидная золотая серьга, а также небольшой железный колокольчик (рис. 4, 7). Такие колокольчики, напоминающие более крупные бронзовые китайские аналоги, встречаются и на других сюннских памятниках. Третий необычный предмет из погребения № 24 представляет собой донце глиняного горшка, с нижней стороны которого имеется квадратное вдавление с рельефным знаком в виде трезубца (рис. 5, 2). Такой же знак зафиксирован на сосуде из памятника Бурхан-Толгой в Северной Монголии (Turbat et al., 2003). Скопление в общей сложности из 267 полированных бараньих бедренных костей (астргалов) было обнаружено в северном конце гроба в погребении № 3 (рис. 6, 1в). Особый интерес представляли 36 астргалов, на которых были вырезаны различные символы, причем некоторые из них ранее были неизвестны. Помеченные астргалы встречаются и на других памятниках, особенно на Иволгинском поселении (Давыдова, 1995; 1996), однако астргалы с резьбой из погребения № 3 составляют почти половину всех известных помеченных лодыжечных костей сюннуского периода, и в данное время их анализ еще не завершен (Erdenebaatar et al., 2002; Davataatsren, 2006).

Наконец, заслуживают внимания еще три предмета: два бронзовых диска, найденных в погребениях № 21, 22, и китайское бронзовое зеркало типа TLV, обнаруженное в погребении № 20.

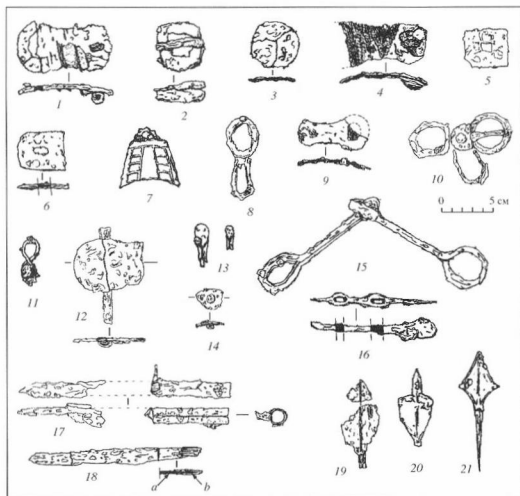

Рис. 4. Могильник Гол Мод 2. Погребальный комплекс 1. Отдельные находки из железа

1 – застёжка (погребение № 2); 2 – квадратная пряжка (погребение № 23); 3 – кружок (погребение № 3); 4 – застёжка с остатками ткани (погребение № 6); 5, 6 – квадраты (погребения № 11, 22); 7 – колокольчик (погребение № 24); 8 – ремённые петли (погребение № 9); 9 – деталь ремня (погребение № 6); 10 – ремённые петли с пряжкой (погребение № 13); 11 – скрученная петля (погребение № 22); 12 – застёжка

с язычком (погребение № 7); 13 – украшения одежды (погребение № 2); 14 – пуговица (погребение № 8); 15 – трёхзлыные удила (погребение № 13); 16 – псалий (погребение № 23); 17 – нож (погребение № 8); 18 – лезвие (погребение № 12); 19, 21 – трёхлопастные наконечники стрел (погребения № 27, 13); 20 – трёхлопастный наконечник стрелы с выделенным острием (погребение № 13)

Fig. 4. Gol Mod 2 cemetery. Tomb 1 complex. Selected Iron artifacts

1 – clasp (Burial N 2); 2 – square buckle (Burial N 23); 3 – circle (Burial N 3); 4 – clasp with textile remains (Burial N 6); 5, 6 – squares (Burials N 11, 22); 7 – bell (Burial N 24); 8 – strapping loops (Burial N 9); 9 – strapping (Burial N 6); 10 – strapping loops with buckle (Burial N 13); 11 – twisted loop (Burial N 22);

12 – clasp with pin (Burial N 7); 13 – garment ornaments (Burial N 2); 14 – button (Burial N 8); 15 – saffle bit (Burial N 13); 16 – check piece (Burial N 23); 17 – knife (Burial N 8); 18 – blade (Burial N 12); 19, 21 – three-wing arrowhead (Burials N 27, 13); 20 – three-wing tapered-point arrowhead (Burial N 13)

Каждый из бронзовых дисков был завернут в ткань (сохранились ее остатки) и сопровождался украшениями, привязанными с помощью шнурков. Диск из погребения № 22 (рис. 5, 4) был найден вместе с каменными бусинами, а диск из погребения № 21 был найден рядом с небольшим полым бронзовым полушарием с отверстиями. Хотя эти диски несколько отличаются друг от друга по стилю, их простая форма сильно контрастирует с китайским бронзовым зеркалом типа TLV (рис. 5, 3), размер и замысловатый орнамент которого указывают на то, что оно изготовлено, по всей вероятности, в Китае периода Ван Ман (9–23 гг. н.э.)

или чуть позднее³. Таким образом, мы впервые получаем возможность хотя бы приблизительной датировки погребального комплекса № 1.

* * *

Несмотря на ограбление могил в древности, обнаруженные вещевые комплексы позволяют нам констатировать ряд важных особенностей. Во-первых, как показывает таблица и вышеперечисленные особые находки, наблюдается общая закономерность к возрастанию численности и раз-

³ По личному сообщению Лай Гуолон (университет Флориды).

воображения погребального инвентаря в направлении к северной оконечности дуги, причем из погребений № 20–27 получено наибольшее количество необычных находок. Во-вторых, некоторые из найденных предметов, по всей вероятности, попали сюда (либо вследствие торговли или обмена, либо в результате военных действий) из регионов, расположенных за пределами территории сюнну. Так китайское зеркало типа TLV скорее всего

было изготовлено в царстве Хань, на юге, а такие изделия, как предмет из полированного зеленого камня и железный колокольчик, если и не были завезены, то во всяком случае копировали изделия из других регионов (например, Китая). В-третьих, некоторые из комплексов погребального инвентаря указывают на особый прижизненный статус захороненного. Например, бараны астрагалы были найдены в детской могиле

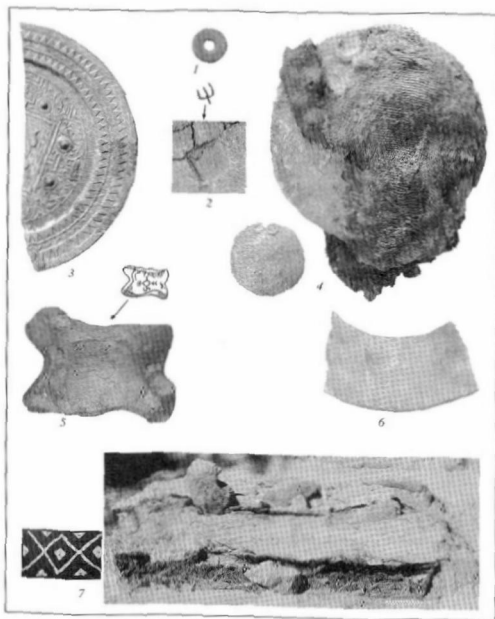

Рис. 5. Могильник Гол Мод 2. Погребальный комплекс 1. Особые находки из погребений

1 – янтарная катушкообразная бусина (погребение № 17); 2 – керамическое дно с пометкой-тажкой (погребение № 24); 3 – китайское бронзовое зеркало типа TLV (погребение № 20); 4 – бронзовый диск, завернутый в ткань (погребение № 22); 5 – астрагал с пометкой (погребение № 3); 6 – полированный зеленый камень (погребение № 26); 7 – железное решетчатое и четырехлепестковое украшение деревянного гроба (погребение № 27)

Fig. 5. Gou Mod 2 cemetery. Tomb 1 complex. Selected unusual finds

1 – amber spool-shaped bead (Burial N 17); 2 – mark on ceramic bottom (Burial N 24); 3 – Chinese «TLV» bronze mirror (Burial N 20); 4 – bronze disk wrapped in textile (Burial N 22); 5 – astragalus with mark (Burial N 3);

6 – polished green stone (Burial N 26); 7 – iron latticework and quadri-foil decoration on wood coffin (Burial N 27)

6 – polished green stone (Burial N 26); 7 – iron latticework and quadri-foil decoration on wood coffin (Burial N 27)

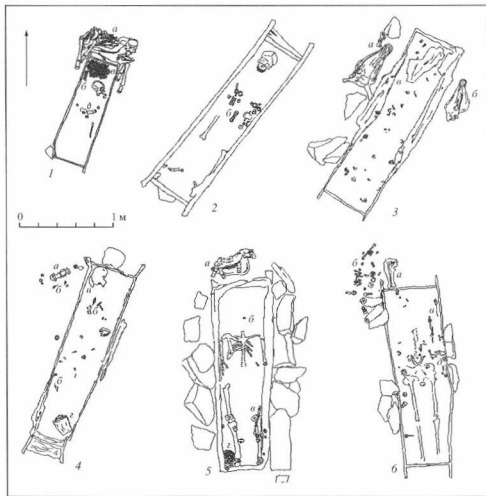

Рис. 6. Могильник Гол Мод 2. Погребальный комплекс 1. Планы погребений

1 – погребение № 3 (*a* – конские и бараньи черепа и нижние части ног; *b* – бараньи ребра; *в* – астрагалы; *z* – железный круг; *д* – железные застежки и кольца); 2 – погребение № 7 (*a* – железная пряжка со шпилькой; *б* – железная ременная петля); 3 – погребение № 17 (*a* – череп и копыто крупного рогатого скота; *б* – конский череп и копыто; *в* – янтарная катушковидная бусина); 4 – погребение № 20 (*a* – конские копыта; *б* – железные наконечники стрел; *в* – китай-

ское бронзовое зеркало; *z* – железный котелок); 5 – погребение № 22 (*a* – конские череп и копыта; *б* – янтарная бусина; *в* – железное лезвие (обломанное); *z* – бронзовое зеркало в тканевом футляре); 6 – погребение № 26 (*a* – конская лопатка; *б* – железные детали конской сбруи – кольца, пряжки, стержни, трезельные удила; *в* – железные наконечники стрел; *z* – железный круг; *д* – железная застежка с золотой фольгой)

Fig. 6. Gol Mod 2 cemetery. Tomb 1 complex. Coffin level plan and contents of selected burials

1 – Burial N 3 (*a* – horse and sheep skulls and lower legs; *b* – sheep ribs; *в* – astragali; *z* – iron circle; *д* – iron clasps and rings); 2 – Burial N 7 (*a* – iron clasp pin; *б* – iron strapping loop); 3 – Burial N 17 (*a* – cattle skull and hoof; *б* – horse skull and hoof; *в* – amber spool bead); 4 – Burial N 20 (*a* – horse hooves; *б* – iron arrowheads; *в* – bronze Chinese mirror;

z – iron cauldron); 5 – Burial N 22 (*a* – horse skull and hooves; *б* – amber bead; *в* – iron blade, broken; *z* – bronze mirror wrapped in textile); 6 – Burial N 26 (*a* – horse scapula; *б* – iron horse trappings-rings, buckles, shanks, snaffle bit; *в* – iron arrowheads; *z* – iron circle; *д* – iron clasps with gold foil)

(погребение № 3), что достаточно интересно, поскольку лодыжечные кости встречаются в погребальных комплексах более поздних периодов, и даже в настоящее время они продолжают использоваться как игральные кости. Бронзовые диски, полушарие и бусины, найденные в соседних могилах № 21, 22, предполагают особую (и весьма возможно сходную) роль, которую играли похороненные в них при жизни, причем обе могилы также демонстрируют отступление от многих рассмотренных выше закономерностей погребальной практики, наблюдавшихся в располо-

женных по дуге захоронениях. Так погребение № 21 имело одну из двух самых больших каменных кладок на поверхности, занимало вторую позицию по глубине расположения гроба (самый глубокий гроб зафиксирован в погребении № 22), включало самый большой набор погребального инвентаря, один из двух гробов с решетчатым украшением (вторым было погребение № 27) и значительно больше фаунистических остатков, чем в других могилах. Такое сочетание признаков в данном секторе дуги (то есть захоронения № 21 и 22) указывает на то, что здесь захо-

ронены два лица, особый статус которых подчеркивался упомянутыми выше выразительными бронзовыми предметами и бусинами. Погребение № 27, расположенное в северном конце дуги, – другой пример крупного и богатого инвентарем погребения, в котором было захоронено лицо, вероятно занимавшее важное положение в сюннуском обществе. Возможно, то же самое относится к еще более крупному, но пока еще не раскопанному погребению № 28, поверхностная периметральная каменная выкладка которого расположена рядом с юго-восточным углом центральной платформы.

Разведки и раскопки последних трех полевых сезонов на могильнике Гол Мод 2 открыл погребальный комплекс с прекрасной планировкой, состоящий из крупной пандусовой гробницы, по бокам которой расположен ряд сопроводительных погребений. Продуманное расположение сопроводительных погребений в составе погребального ансамбля подтверждается рядом характерных особенностей: точное позиционирование и тесная близость захоронений вдоль дуги, более менее одинаковое расстояние этих захоронений от центральной платформы, ориентация гробов, как правило, соответствующая линии дуги, регулярный интервал между соседними гробами, размещение наиболее важных захоронений непосредственно к востоку от платформы, а также расположение погребения № 29 по северо-восточной оси, проходящей через пандус и середину платформы. Такие детали указывают на возможность того, что могильные ямы были вырыты одновременно и были предприняты усилия, чтобы разместить гробы на определенном расстоянии друг от друга и ориентировать их соответствующим образом. Хотя в северной части дуги такая особенность погребальной практики выражена по некоторым признакам более явно, не исключено, что весь ряд захоронений по дуге проводился таким же образом. Одновременно с продолжающимся анализом и публикацией материалов могильника Гол Мод 2, представленных в данной статье, в предстоящий полевой сезон усилия будут сосредоточены на раскопках погребения под центральной платформой и крупного погребения № 28 рядом с ней. В окрестностях комплекса гробницы № 1 будут также проведены разведочные раскопки с целью обнаружения других (возможно, не только погребальных) сооружений. Археологическое изучение всех особенностей погребального комплекса № 1, несомненно, дополнит и расширит данные о погребальной практике кочевой верхушки сюнну, в то время как исследование захоронений более мелкой знати поможет прояснить общественно-политическую структуру сюнну.

- Давыдова А.В., 1995. Иволгинское городище // Archaeological Sites of the Xiongnu. St.Petersburg, Vol. 1.
- Давыдова А.В., 1996. Иволгинский могильник // Archaeological Sites of the Xiongnu. St.Petersburg, Vol. 2.
- Коновалов П.Б., 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2002. Сопроводительные захоронения «дарского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. СПб. № 9.
- Allard et al., 2002. – Allard F., Diimaajav E., Natsagyn B., Miller B., 2002. A Xiongnu cemetery found in Mongolia // *Antiquity*. № 76.
- Allard F., Diimaajav E., 2005. Khirigsuurs, Ritual and Mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. 79 (№ 305).
- Allard et al., 2006. – Allard F., Diimaajav E., Houle J.-L. Recent Archaeological Research in the Khanuy River Valley, Central Mongolia // *Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology* / eds. D. Pteron, L. Popova, A.T. Smith. Colloquia Pontica 13, Leiden.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C., 1998. *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge.
- Bass W.M., 1987. *Human osteology: A laboratory and field manual*, 3rd ed. Columbus.
- Batsaikhan Z., 2002. *Khunnu. Ulaanbaatar: National University of Mongolia*.
- Davaatseren B., 2006. *Khunnugiin bichgiin asuudal* // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2.1.
- Di Cosmo N., 1994. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History // *Journal of Asian Studies* 53.4.
- Di Cosmo N., 2002. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asia*. Cambridge.
- Dorjsuren Ts., 1961. *Umard Khunnu* // *Arheologiiin Sudlal* 1 Fasc. 5.
- Diimaajav E., 2000. *Khunnugiin Arheologiiin Sudalga* // *Arheologiiin Sudlal*. Vol. 20. Fasc. 6.
- Diimaajav et al., 2002. – Diimaajav E., Allard F., Natsagyn B., Miller B. *Khunnugiin bulshnaas tamgatai shagai* // *Tukhiin sudlal* 33 Fasc. 17.
- Honeychurch W., Chunag A., 2006. *States on Horseback: The Rise of Inner Asian Confederations and Empires* // *Archaeology of Asia* / Ed. Miriam Stark, Oxford.
- Kato et al., 1994. – Kato Sh., Bayar D., Tsevendorj D. *Archaeological Research // A report on the joint investigation under the Mongolian and Japanese «Gurvan Gol» historic relic project*. Tokyo.
- Larsen C.S., 1997. *Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton*. Cambridge.
- Mission archéologique française en Mongolie, 2003. *Mongolie: le premier empire des steppes*. Arles.
- Navaan D., 1999. *Khunnugin uv soyol: arheologiiin sudalgaany material*. Ulaanbaatar.
- Nelson A.R., Naran B., 1999. *Bioarchaeology of the joint Mongolian-American Egiin Gol expedition burial sample: 1994–1999 field seasons*. Ulaanbaatar.
- Rudenko S.I., 1969. *Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula*. Bonn.
- Su Bai, 1977. Dongbei, Nei Menggu diqu de Xianbei yiji – Xianbei yiji jilu zhi yi Wenwu. 5.
- Turbat et al., 2003. – Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenbat U. *Egiin Golyn sav nutag dakh' arheologiiin Dursгалууд*. Ulaanbaatar.
- Turbat Ts., 2004. *Khunnugin jitiin irgeidin bulsh*. Ulaanbaatar.
- Waldron T., 1994. *Counting the dead: The epidemiology of skeletal populations*. N.Y.

A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery (Mongolia, 2002–2005)

**Bryan K. Miller, Francis Allard,
Diimaajav Erdenebaatar, Christine Lee**

In July 2001, the 'Khanuy Valley Project on Early Nomadic Pastoralism in Mongolia' located and mapped a large cemetery believed to be associated with the Xiongnu, a powerful confederacy of mobile pastoralists that is mentioned in China's Han dynasty texts and that came to occupy portions of present-day Mongolia and surrounding regions between the 3rd century BCE and 2nd century CE. Named Gol Mod 2, the cemetery is located north of the Khangai mountain range in central-north Mongolia, some 12 kilometers east of the river Khanuy in Arkhangai aimag's Ondor Ulaan sum, in a sandy level area of the valley's flanking hills at an elevation of 1800 meters (N48°00'00'' E101°13'00''). The cemetery, which measures 2,2 km west-east and 1,3 km north-south, consists of over 400 burials. Of note, the burials include a total of 98 tombs whose external visible structure consists of a ramp leading up to a (usually) four-sided platform. Total tomb length (including the ramp and platform) ranges from 8 to 83 meters, while the orientation of the tombs (looking up from the ramp toward the platform) varies between 329° and 002°. (i.e. northwest – north), with the tombs generally pointing toward the stream at the bottom of the gentle slope. The

survey also identified and mapped a total of about 250 small circular 'satellite burials' that were usually placed in an arc on the east or west side of some of the largest ramped tombs. A third category of tombs includes approximately 85 large, circular, and apparently independent burials whose maximum diameter is 28,3 meters. The limited visibility of surface stones sometimes hinders the identification of individual satellite tombs, while their location does not always permit a clear determination of whether they are associated with a ramped tomb, or are in fact independent circular burials. Since the initial discovery and mapping of Gol Mod 2 in 2001, the Khanuy Valley project has carried out three field seasons at the cemetery (in 2002, 2004, and 2005). Work has focused on the excavation of 27 satellite burials arranged in an arc along the east side of the cemetery's prominent 'Tomb 1 complex', whose (as yet unexcavated) 83 meter long ramp-platform tomb is the largest Xiongnu burial known to date anywhere. This brief report focuses on the results of the excavations of satellite burials № 1–27, as well as burial № 29, which is located to the immediate north of the platform.

Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам

Мишель Пираццоли-Серстевенс¹

Скотоводческие племена сюнну, известные также как азиатские гуны, доминировали в степной части Центральной Азии на протяжении II в. до н.э. – II в. н.э. Систематические исследования археологических памятников сюнну ведутся уже более ста лет. К настоящему времени получены данные, характеризующие как поселенческие комплексы, так и могильники разных типов (Мишуев, 1996). В последние годы впервые с использованием современных археологических методов был исследован элитный комплекс захоронений сюнну. Он расположен в Забайкалье, неподалеку от пос. Наушки в пади Царам. Комплекс исследовался Забайкальской экспедицией ИИМК РАН в течение полевых сезонов 1998–2005 гг. (Мишуев, Сахаровская, 2002, 2007). В течение этого времени в центральном кургане комплекса № 7 было найдено большое количество престижных предметов, таких как шелковые ткани, нефритовые, золотые, серебряные и бронзовые изделия. Дальнейшее изучение этой категории находок имеет важное значение для характеристики сюннуского общества и его культуры.

Среди находок из Царама много китайских изделий. Такие вещи, как колесница, зеркала, лакированные чашечки, посох и другие, имеют большое значение и для хронологии сюннских памятников, и для характеристики связей между сюнну и империей Хань. Среди китайских изделий особое внимание привлекает лакированная шкатулка из кургана № 7. Она была найдена в западном наружном коридоре как часть инвентаря погребальной куклы № 2 (одной из четырех, найденных в этом кургане). Кукла была сформирована из черепа младенца в возрасте нескольких месяцев и лакированных деревянных палочек, которые обозначали длинные конечности. Погребальный инвентарь куклы состоял из железных пластин пояса, подвешенной к поясу низки бус, ожерелья и лакированной китайской шкатулки. Шкатулка, найденная на глубине 17 м, была полностью раздвлена массой заполнения могильной ямы и смещением бревен погребальной камеры, поэтому ее форма и размер не восстанавливаются. Внешняя поверхность шкатулки была покрыта коричневым лаком и орнаментирована прочерченным геометрическим узором и полосками красного лака. На крышке шкатулки можно увидеть изображение четырехлепестковой розетки, типичной для подобных изделий. Внутри шкатулки были найдены два деревянных гробика, комплект железных иголок и деревянный футляр для них, два небольших берестяных туеска, фрагмент китайского зеркала и фрагмент слюды.

На внешней поверхности шкатулки между двумя гравированными параллельными линиями были прочерчены несколько китайских иероглифов. Они располагались двумя группами, разделенными небольшой орнаментальной зоной, но, несомненно, образовывали одну надпись. Эта надпись неполная: начальная ее часть разрушена, несколько других иероглифов также утеряно. Сохранившаяся часть надписи состоит из 24 иероглифов (рис. 1).

Первый полный иероглиф (после разрушенной части надписи) означает «год» (年). Перед ним можно видеть горизонтальную линию, которая является частью иероглифа, означающего порядковый номер года. Это число может быть любым из тех, в иероглифическом написание которых присутствует нижняя горизонтальная линия. Однако особенности надписи и стиль орнамента на шкатулке (см. ниже) позволяют соотнести момент ее изготовления с эпохой Западной Хань, когда каждый девиз правления насчитывал обычно пять-шесть лет. Поэтому можно считать, что год девиза правления был под номером два, три или, что менее вероятно, пять. Можно предположить, что первые четыре иероглифа были типичны для таких надписей и означали девиз правления и порядковый номер года под этим девизом. Однако среди последующих иероглифов в сохранившейся части надписи перечислены мастер, изготовивший шкатулку, а также чиновники, наблюдавшие за работой и проверившие ее. Перед именами чиновников стоит иероглиф «чен» (臣 – «ваш покорный слуга»). Такой термин использовался только в том случае, если изделие изготавливалось для использования императором. Это обстоятельство позволяет считать, что в действительности надпись из Царама начиналась с иероглифов 乘與 («чэнью» – для использования императором). Это выражение, несомненно, написанное перед девизом правления, было разрушено вместе с иероглифами, его означавшими.

Следующие два иероглифа (после иероглифа «год») 考工 «као гу» – это название императорской мастерской. За ними следует знак из двух

¹ Directeur d'études, Ecole pratique des Hautes Etudes, Sorbonne University, Paris. michel@epoh.cnrs.fr

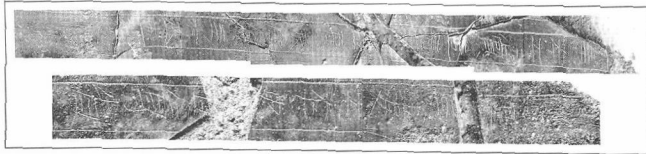

Рис. 1. Иероглифическая надпись на лакированной шкатулке из Царама (фото Е.Ю. Гири)

Fig. 1. Hieroglyphic inscription on a lacquered box from Tsaram (photo by E.Yu. Giry)

коротких горизонтальных линий (二), который означает, что повторяется предыдущий иероглиф (в данном случае – «гун»). Таким образом, эта часть надписи может быть прочитана как 考工工 «као гун гун» – мастер мастерской Каогуи. Далее названо имя мастера, изготовившего шкатулку, – Шан (賞造). Мастерская Каогуи, где была изготовлена царамская шкатулка, была одной из двух императорских мастерских в ханьской столице Чанань. Продукция этих мастерских (Каогуи и Гунгуи) немного уступала по качеству официальным мастерским Шу и Гуанхан в провинции Сычуань, но тем не менее часто использовалась в качестве «дипломатического подарка» (подробнее об этих мастерских см.: Barbieri-Low, 2001; Hong Shi, 2005). Стиль украшений и стиль надписи на царамской шкатулке также соответствуют стилю императорской мастерской в Чанани и явно отличаются от надписей из официальной мастерской Шу, найденных в Нони-У-ле. Известно всего лишь пятнадцать изделий с надписями (не считая царамской), сделанных в мастерских Каогуи или Гунгуи (Hong Shi, 2005, P. 407–408).

Далее в царамской надписи перечислены имена и должности лиц, наблюдавших за изготовлением («чжу» – 主) и инспектировавших продукцию («чин» – 臣). Каждому имени предшествует иероглиф «чен» 臣 – ваш покорный слуга. Эта часть надписи может быть восстановлена следующим образом.

Наблюдали: [...] [...] 臣康 – [...] [...] ваш покорный слуга Кан, 掾臣安 – руководитель отдела лаков ваш покорный слуга Ан (имена чиновников Кан и Ан прочитаны профессором Гао Чун-ван). Утраченные иероглифы скорее всего были «сефу» 叡夫 («надзиратель мастерской»). В таком случае эта часть надписи может быть прочитана так: 叡夫臣康 – надзиратель мастерской ваш покорный слуга Кан.

Окончание надписи может быть прочитано следующим образом. Инспектировали: 右丞臣 [...] – правый помощник директора ваш покорный слуга [...], 令臣 [...] – директор ваш покорный слу-

га [...], 護工卒史臣尊 – руководитель инспекции мастерской ваш покорный слуга Жун (последнее имя дано условно, так как чтение иероглифа затруднительно).

С учетом сделанных замечаний царамскую надпись можно реконструировать: [乘輿] [...] [...] [...] 年考工工賞造叡夫臣康掾安主右丞臣 [...] [...] 令臣 [...] 護工卒史臣尊省

Перевод: [Для использования императором] изготовил в [...] году девица [...] в императорской мастерской Каогуи мастер Шан. Руководили (наблюдали): надзиратель мастерской ваш покорный слуга Кан, руководитель отдела лаков ваш покорный слуга Ан. Инспектировали: правый помощник директора ваш покорный слуга [...], – директор ваш покорный слуга [...] и начальник инспекции мастерской ваш покорный слуга Жун.

Царамская надпись дает некоторые основания для датировки шкатулки. На основании стиля надписи можно утверждать, что шкатулка изготовлена не ранее, чем в период 36–27 гг. до н.э., так как разграничение между теми, кто делал, руководил и наблюдал, появляется именно в этот период. Шкатулка не могла быть сделана в период правления Ван Мана (9–24 гг. н.э.), так как в этот период иероглиф «чжу» (主 – руководить) был заменен на «чжан» (掌). В правление поздней династии Хань иероглиф «чжу» использовался снова.

Некоторые выводы можно сделать и при изучении стиля гравированного орнамента на шкатулке. Он выполнен легкими линиями, расположенными не слишком часто, отчего орнамент кажется воздушным. Такой стиль характерен для эпохи до правления Ван Мана, тогда как начиная с периода Ван Мана и в эпоху Поздней Хань гравированные линии становятся более частыми и орнамент выглядит слишком плотным. Орнамент в виде ромбов и вертикальных прочерченных линий на царамской шкатулке очень напоминает орнамент на шкатулке, датированной 4 г. н.э. (Umehara, 1943. № 26, Pl. XXVIII, № 26), сходный мотив можно видеть также и на шкатулке,

изготовленной в 43 г. до н.э. (Umehara, 1943. № 6, Pl. III).

В могильнике Царам в комплексе 7 были найдены фрагменты и других лакированных изделий: части чашечек в северном наружном коридоре центрального кургана и в сопроводительном погребении 16. Рисованный лаком узор на этих чашечках аналогичен узору на лакированных предметах, изготовленных в провинции Сычуань и датироваемых между 8 г. до н.э. и 4 г. н.э. Этот стиль был скопирован в ханьской столице Чанань и воспроизводился там некоторое время.

Изложенные наблюдения позволяют считать, что наиболее вероятной датой изготовления царамской шкатулки является период между 8 г. до н.э. и 4 г. н.э. Разумеется, предложенная дата является лишь terminus post quem для комплекса 7, так

как престижные изделия могли бытовать достаточно долго, до того как они стали частью погребального инвентаря.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2002. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. СПб. № 9.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М., 2007. Элитный комплекс захоронений сююня в пади Царам // РА. М. № 1.

Barbieri-Low Anthony J., 2001. The organization of imperial workshops during the Han dynasty: PhD diss. Princeton University.

Hong Shi, 2005. Zhanguo Qin Han shiqi qiqi de shengchan yu guanli // Kaogu xuebao. № 4.

Minyayev S., 1996. Archéologie des Xiongnu en Russie – nouvelles découvertes et quelques problèmes // Arts Asiatiques. P. T. 51.

Umehara Sueji, 1943. Shina Kandai kinenmei shikki zuzetsu. Kyōtō.

Chinese Inscription from Xiongnu Elite Barrow in Tsaraam Cemetery

Michèle Pirazzoli-t'Serstevens

Recent years first elite Xiongnu burial complex in the Tsaraam valley was systematically investigated using modern archaeological methods. A lot of prestigious objects like jade objects, silk, unique gold plaques, silver, bronze and iron implements were discovered in the central barrow no. 7 (Миняев, Сахаровская, 2002; 2007). Future investigation of the finds will provide important insights on the society and culture of the Xiongnu alliance.

There is a number of Chinese items among the finds. Objects of this kind like chariot, mirrors, lacquered cups, stick and other ones are very important both for chronology of the Xiongnu archaeological sites and for illustration of contacts between Xiongnu nobles and Han court. A lacquered box with a Chinese inscription from the central barrow no. 7 deserves special attention. This box was found in the western outside corridor as a part of grave inventory of the burial doll no. 2, one of four found in the barrow. The doll was composed of the skull of a baby (some months old) and small lacquered wooden sticks which shaped members. The grave inventory of the doll consisted of a belt with iron plaques, a line of beads on the belt, a necklace and Chinese lacquered box. This box was found on the 17-th meters deep, it was destroyed very hard by a pressure of soil, stones and moving of logs of the burial chamber. Therefore it is impossible to reconstruct correctly the shape and the size of the box. The outside surface of the box was covered by brown lacquer and ornamented by incised lines and red painted lines. The quatrefoil motif on the center of the cover is very similar to the same motif on other Chinese boxes. Inside the box were found two wooden combs, a fragment of Chinese mirror, a

fragment of mica, a small birch-bark container, a set of iron needles and a wooden needle-box.

The Chinese inscription was incised on the outside surface of the box between ornamental incised parallel lines. The characters are concentrated into groups separated by a small ornamental zone, but they undoubtedly form one inscription. This inscription is incomplete – the first part of the inscription was destroyed, some other characters are missing as well. A preserved part of the inscription consisted of 24 characters, which are presented in the fig. 1.

The first readable character (after the destroyed part of the box) is 年 (nian – «year»). Before the character one can see an horizontal line which in fact is a part of the character of the year of the regnal title. As the regnal titles of the Western Han were changed every five years or so, and as the lacquer box does not seem to date from the Eastern Han (when regnal titles last for longer periods), this year could be «second» or «third» or «fifth».

This mention [regnal title] [year] is typical at the beginning of inscriptions of this kind. Follow the name of the master artisan who directed the work in the imperial workshop and the names of the officials who managed and inspected the workshop. The names of each official is preceded by the character 臣 («chen» – your servant) which is used only in the inscription when the piece was fit for use by the emperor. From this fact I infer that the inscription started with the characters 乘輿 (chengyu – «for use by the emperor»). The mention was written before the regnal title and year and was destroyed with them.

The two following characters (after «nian») are 考工 («kao gong» imperial workshop), followed by a sign 二

which indicates that the preceding character (here «gong») is duplicated. Thus this part of the inscription can be read as «kaogong gong». The second «gong» character means here «master artisan». The *kaogong* (考工) workshop, where the box was made was an imperial workshop at the Han capital Chang'an. The two imperial workshops in Chang'an, the Gonggong (供工) and the Kaogong, whose production was in quantity and quality a little inferior to the production of the Shu and Guanghan official workshops of Sichuan, made many pieces to be given as diplomatic presents (see, on these two workshops: *Barbieri-Low*, 2001; *Hong Shi*, 2005. P. 381–410).

The style of the inscription and of the décor of the Tsaraam box corresponds to the style of the Chang'an Imperial workshops as well. Unfortunately fifteen pieces with inscription coming from the Gonggong or the Kaogong (not including the Tsaraam piece) have been published so far (*Hong Shi*, 2005. P. 407–408). Their inscription style is different from the Shu official workshops' inscriptions found in Noin-Ula.

After the name of the master artisan Shang who made the box (工賞造), the inscription listed the people (functions and names) who managed (zhu 主) and inspected (xing 省) the workshop. Each name is preceded by the character «chen» (your servant).

[番 (?) 夫 (?)] 臣康 – [the workshop overseer] your servant Kang,

掾臣安 – the lacquer bureau head your servant An (the names Kang and An were read by prof. Gao Chongwen). Missing characters here could be reconstruct as 番夫 («sefu» – the workshop overseer). If so, this part of the inscription could be read as:

番夫臣康 – the workshop overseer your servant Kang.

Inspected by:

主右丞臣 [...] – the Assistant Director of the Right your servant [...],

令臣 [...] – the Director your servant [...]

護工卒史臣尊 – the Commandery Clerk for Workshop Inspection your servant Zun (? – I'm not sure for reading of the name – *M.P.*).

Thus the Tsaraam inscription can be reconstructed like this:

[乘輿] [...] [...] [...] 年考工工賞造番夫臣康掾臣安主右丞臣 [...] [...] 令臣 [...] 護工卒史臣尊省

The translation:

[Fit for use by the emperor] made in the [?] year of the [?] era] by the master artisan of the Kaogong imperial workshop Shang. Managed by the workshop overseer your servant Kang, the lacquer bureau head your servant An. Inspected by the Assistant Director of the Right your servant [...], the Director your servant [...] and the Commandery Clerk for Workshop Inspection your servant Zun.

The indications of datation that the inscription gives at the moment are as follow.

The style of the inscription. The piece is probably not earlier than 36–27 BC, because it is in this period 36–27 BC that the distinction between «made» (zao), «managed» (zhu) and «inspected» (xing), as it is written in the inscription, appears. The piece was certainly not made during the Wang Mang reign (9–24 A.D.), because during this period the character 主 (zhu – «managed by») is replaced by 掌 («zhang»). During the later Han, the character «zhu» is used again.

The style of the painted décor. The rather thin painted outlines and the rather spaced out composition could indicate a date prior to Wang Mang and to the Later Han when the lines become thicker and the composition more crowded.

The incised decor on the Tsaraam's box, made of rhombs and small incised vertical lines, is very similar to the decor on a lacquered box dated 4 A.D., but a similar motif can also be seen on a lacquered box dated 43 BC (*Umehara Sueji*, 1943. Pl. XXVIII. N°26 and *id.* 6; Pl. III).

Some fragments of other lacquered pieces were found in the Tsaraam's complex no. 7: in the northern corridor of burial chamber of the central barrow and in the no. 16 sacrifice burial. The painted décor on these lacquered pieces is similar to the one painted on lacquered objects manufactured in the official workshops of Sichuan province during the period between 8 BC and 4 A.D. This style was copied by the imperial workshops at the Han capital Chang'an and was maintained there maybe a little longer.

Thus, I believe that the period between 8 BC and 4 A.D. could a possible date for the lacquer box from Tsaraam. Of course the date is only as *terminus post quem* for the complex no. 7 since prestigious lacquer pieces could have been preserved for some time as family value before being used as grave goods.

Меч, акинак, кинжал – какой термин выбрать? (к постановке проблемы)

Ю.Г. Кокорина¹

«Меч», «акинак», «кинжал» – эти термины для обозначения оружия ближнего боя часто употребляются как эквивалентные в скифологии. Специалистам-скифологам это не мешает понять, о чем идет речь, но создает трудности при изучении клинкового оружия ближнего боя скифо-сибирского мира. Трудности увеличиваются при создании компьютерных баз данных. В этом случае разночтения недопустимы, поскольку неудовлетворительное состояние терминологии становится препятствием при использовании новых методологических разработок применительно к истории скифского вооружения (Черненко, 1980. С. 11).

Цель данной работы – предложить вниманию читателя критерии классификации скифского наступательного клинкового оружия ближнего боя, в результате чего понятия «меч», «акинак» и «кинжал» могут найти свою дефиницию. Подчеркну, что автор предлагает лишь один из возможных путей решения терминологической проблемы.

Главное требование к термину – однозначность (Lomte, 1994. С. 55), а также отсутствие противоречия между значением исходного слова, послужившего для образования термина, и его значения в данной терминологии, соответствие нормам языка, краткость, отсутствие элементов, не имеющих смысловой нагрузки, способность перехода от более простых понятий к более полным, инвариантность, т.е. неизменность их форм (Гринев, 1993. С. 34–37).

По конструкции скифские мечи и кинжалы абсолютно одинаковы, различаются только размерами. Повторюсь, что цель данной статьи – установить терминологический порядок, а не всесторонне исследовать метрику скифских мечей.

В основу работы положены опубликованные данные о длине и ширине клинков 99 скифских мечей, кинжалов и акинаков VII–IV вв. до н.э. (учитывались только целые экземпляры), происходящих с территорий степного и лесостепного Причерноморья и Северного Кавказа. Длина рукоятей почти всех рассмотренных мечей одинакова и равна 8 см, поэтому представляется необходимым рассмотреть метрику клинков. Длины

клинков были распределены нами по возрастанию – от 18 до 98 см. Как видно из таблицы, встречаются клинки с длиной от 18 до 24 см, далее следует разрыв, потом длины группируются в интервале от 42 до 72 см, далее опять следует разрыв в значениях длин, после которого встречаются длины от 72 см. Таким образом, можно предположить, что имеют место определенные интервалы в размерах клинков. Таким, например, является интервал в 24 см. Внутри этих интервалов встречаются более мелкие, о которых речь пойдет ниже.

Понятием «интервал» широко пользуются математики. Одним из разделов прикладной математики является интервальный анализ, и в современной математической литературе принято говорить даже об «интервальной математике» (Шохин, 1981. С. 3–4). Интервалом (от латинского *intervalum* – промежуток, расстояние) в математике называют множество точек на прямой, заключенных между точками А и В, иногда расширяя это понятие до обозначения любого связанного множества на прямой (МЭС, 1988. С. 239). В математике выделяется четыре вида интервала: $a \leq x \leq b$ – замкнутый интервал; $a < x < b$ – открытый интервал; $a < x \leq b$ – полуоткрытый интервал, замкнутый справа; $a \leq x < b$ – полуоткрытый интервал, замкнутый слева. Если b стремится к бесконечности, то такие интервалы являются замкнутыми, и открытыми бесконечными интервалами, когда $x > a$ (Крамер, 1948. С. 21). Интервальный анализ используется в математике для учета ошибок округления при проведении расчетов на цифровых ЭВМ. Так как точное представление чисел невозможно в машине с конечной разрядной сеткой, то результат каждого достаточно сложного расчета содержит некоторую ошибку, обусловленную погрешностями округления входных данных. Для учета этой ошибки можно каждую величину представить парой чисел, которые ограничивают ее сверху и снизу и имеют точное представление на ЭВМ. Таким образом, каждая величина заменяется содержащим ее интервалом (МЭС, 1988. С. 232–240). Думается, что аналогичный подход правомерен и к рассмотрению длин скифских мечей, акинаков и кинжалов: мы вносим в один интервал длины клинков, расположенные, как натуральные числа, на прямой в порядке возрастания, и в зависимости от того, какие закономерности прослеживаются в распределении длин, т.е. какие длины встречаются чаще,

¹ Россия. 119992. Москва, Воробьевы Горы. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Кафедра археологии.

какие вообще не встречаются. Но при этом каждая длина попадает в определенный промежуток, который вполне сопоставим с математическим интервалом.

В нашем случае имеет место открытый бесконечный интервал, когда длина клинка до 24 см, два полуоткрытых интервала, замкнутых справа, когда длина клинка от 24 до 48 см, от 48 до 72 см и один открытый интервал, когда длина клинка 72 см и более. Ширина клинка также может быть представлена в виде интервала длиной 1 см: клинки с шириной от 3 до 4 см, от 4 до 5 см, от 5 до 6 см, от 6 до 7 см, от 7 до 8 см, от 8 до 9 см.

Построим полигон № 1, в котором по горизонтали отложим интервал длины клинка, а по вертикали – ширины клинка. В ячейках полигона проставим номера вещей по КATALOGУ, у которых длина и ширина соответствуют принятым нами интервалам. Первая закономерность, которая заметна при рассмотрении интервала – группировка точек вокруг прямой, идущей по его диагонали от правого верхнего угла к левому нижнему. Это указывает на линейную зависимость между длиной и шириной клинка: чем длиннее меч (акинак или кинжал), тем шире его клинок.

Кроме этого, наблюдаются скопления точек в определенных ячейках полигона, что позволяет говорить о трех размерных классах клинков: первый – с шириной от 2 до 3 см и длиной до 24 см, второй – с шириной от 3 до 4 см и длиной от 24 до 48 см, и третий – с шириной от 5 до 6 см и длиной от 48 до 72 см. Есть еще и четвертый класс, крайне немногочисленный – с шириной от 6 до 7 см или даже 8 см и длиной от 72 см.

Таким образом, можно предположить, что у скифов существовало три основных класса клинкового вооружения ближнего боя.

Но вернемся к таблице 1, в которой длины клинков размещены по возрастанию, и рассмотрим ее подробнее. Прослеживаются разрывы в длинах клинков от 24 до 32 см, 38 см и 42–44 см, больше всего клинков с длиной около 48 см и 54 см. Таким образом, прослеживается более короткий интервал длиной в 8 см. Построим полигон № 2 с этим интервалом по изложенным выше принципам.

Его рассмотрение позволяет несколько уточнить полученные ранее данные, но не противоречит им. Так, выделяются четыре группы клинков мечей (акинаков, кинжалов): с длиной до 24 см, от 32 до 48 см, от 48 до 64 см, свыше 72 см. Показатели ширины клинков те же, что и при рассмотрении полигона № 1, построенного нами ранее. Примечательно, что интервал в 8 см уместается в 24 см ровно 3 раза, что указывает на непротиворечивость полученных ранее выводов.

Таким образом, можно предположить, что у скифов существовало три класса клинкового во-

оружия ближнего боя: с шириной клинка от 3 до 4 см и длиной до 24 см, которые могут быть названы *кинжалами*, с шириной клинка от 4 см до 5 см и длиной от 24 до 48 см, которые могут быть названы *акинаками*, и с шириной клинка от 5 до 6 см и длиной до 72 см, которые могут быть названы *мечами*. Возможно, существовала еще незначительная группа мечей длиной свыше 72 см, которые могут быть условно названы длинными мечами.

Примечательно, что длина интервала может быть равна 8 см. Такова и длина рукоятей большинства скифских мечей. Отметим, что в иранском мире существовала мера длины, равная 8 см, которая называлась «ладонь» (БСЭ, 1951. С. 346).

Ираноязычность скифского этноса является общепризнанной. В свете этого можно предположить, что скифы использовали систему мер, известную нам по персидским источникам, – систему, свойственную всем иранцам. Как и в большинстве древних систем, в ее основу были положены основные параметры тела человека. Более детальная реконструкция скифской системы мер возможна только при проведении серий замеров различных предметов скифской материальной культуры.

Тот факт, что интервал длин клинков скифского оружия ближнего боя равен 8 см, и, как показывает рассмотрение полигона № 2, клинки длиной от 24 до 32 см и от 64 до 72 см являются редкостью, позволяет предположить, что, формируя заготовку для меча (акинака, кинжала) и выковывая клинок, древний мастер откладывал меру, равную ладони. Думается, что изучение метрики позволит дополнить имеющиеся реконструкции процесса изготовления скифского оружия.

Вероятно, на основании расширенной выборки можно будет прийти к определенным культурно-историческим выводам, некоторые из которых можно наметить уже сейчас. Так, три из девяти мечей с шириной клинка, равной 6 см, были обнаружены на территории Северного Кавказа. Это может указывать на особую ремесленную традицию и, возможно, собственную региональную систему мер.

Следует отметить, что на закономерности в изменении размеров клинков скифских мечей, кинжалов и акинаков, близкие выявленным в данной работе, уже обращалось внимание. Так, А.И. Мелюкова отмечала, что «большинство скифских мечей довольно короткие. Их длина колеблется от 0,50 м до 0,70 м. Реже встречаются мечи длиной до 1 м или несколько более. Кинжалы имели длину 30–40 см» (Мелюкова, 1989. С. 93). Что касается термина «акинак», то Б.Н. Граков употреблял его как название и скифского меча, и скифского

кинжала: «Меч короткий, 45–60 см длины. Очень редко длиннее. Иногда это кинжал 30–45 см. Его называли персидским словом 'акинак'» (Граков, 1971. С. 92). М.В. Горелик отличал кинжалы от мечей по длине клинка: кинжалы – с клинком от 25–30 до 50 см, мечи – с клинком 60–70 см (Горелик, 1993. С. 15). В результате проведенного нами исследования удалось установить, что у скифов существовало не два, а три класса клинкового оружия ближнего боя, различающихся размерами клинков, а определенные нами абсолютные их значения близки к уже отмечавшимся в науке.

Вышеописанные закономерности выявлены на основании относительно небольшой выборки в 99 экземпляров, но при 95% доверительном интервале данная выборка – около 100 – может быть признана оптимальной (Шапова, 1988. С. 102).

Скифские мечи (акинаки и кинжалы) были синхронны, совместны и гетерогенны по своему происхождению, т.е. они существовали в одну историческую эпоху, принадлежали одной археологической культуре, но происходили из разных мастерских, о чем свидетельствует само наличие интервалов, а не абсолютное совпадение длин во всех трех классах. У скифов существовала стойкая ремесленная традиция, развивавшаяся и усложнявшаяся, использовались определенные меры, но стандарта

в изготовлении мечей (акинаков и кинжалов) не было. Возможно, это следует связывать с различными антропометрическими характеристиками конкретных воинов, для которых и делался специально каждый меч (акинак, кинжал). Делался, безусловно, на заказ.

Подводя итог, можно предложить следующие дефиниции для трех классов скифского клинкового оружия ближнего боя:

Кинжал – оружие ближнего боя с шириной клинка от 3 до 4 см и длиной от 24 см.

Акинак – оружие ближнего боя с шириной клинка от 4 до 5 см и длиной от 24 до 48 см.

Меч – оружие ближнего боя с шириной клинка от 5 до 6 см и длиной до 72 см.

Предлагаемые термины отвечают требованиям, предъявляемым к научной терминологии: они не противоречат лексическим значениям этих слов; они однозначны; для определения значения этих понятий использовано минимальное количество слов; они не синонимичны, соответствуют нормам языка; от них можно образовывать более сложные термины, они достаточно известны в науке, хотя ранее, как показывает анализ их использования, отсутствовали ясные критерии их применения. После того как данные термины получили четкое обоснование, представляется возможным вновь предложить их научному сообществу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог. Мечи, акинаки и кинжалы, размеры клинков которых учтены в статье

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
1	Музей исторических драгоценностей Украины	VII	Белозор, Скорый, 1985. Рис. 1
2	Курская обл.	VII–VI	Апальков, 1995. Рис. 3
3	Рогозцы	VII–VI	Апальков, 1995. Рис. 3
4	ГКИМ, без №	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 15, 2
5	Каневский уезд	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 18, 5
6	Медвин (1906)	VI	Ковпаненко, 1981. Рис. 36, 13
7	Чигирин	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 15, 4
8	Чигирин	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 15, 5
9	Куриловка, курган 77	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 15, 10

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
10	Сухино	VI	Мелюкова, 1964. Табл. 16, 2
11	Некрополь Тирамбы	VI	Сокольский, 1954. Рис. 1
12	Иинцево	VI	Медведев, 1999. Рис. 51, 1
13	Тамбов	VI	Медведев, 1999. Рис. 51, 2
14	Туголуково	VI	Медведев, 1999. Рис. 51, 3
15	Кай-Кодзор	VI	Новичихин, 1997. Рис. 2
16	Ивановский склад	VI–V	Мелюкова, 1964. Табл. 20, 7
17	Александровка	VI–V	Мурзин, 1984. Рис. 15, 3
18	Русский Бишкин	VI–V	Либеров, 1965. Рис. 6, С. 35
19	Сергеевка	VI–V	Либеров, 1965. Табл. 17, 9

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
20	Монастырщина	VI-V	<i>Либров</i> , 1965. Табл. 17, 10
21	Крымский краеведческий музей	VI-V	<i>Скорый</i> , 1979. Рис. 1
22	Изомовка	VI-V	<i>Скорый</i> , 1986. Рис. 1
23	Верхнее Подонье	VI-V	<i>Шоков</i> , 1967. Рис. 1
24	Золотое, погребение 7	VI-V	<i>Корпусова, Орлов</i> , 1978. Рис. 4, 3
25	Золотое, погребение 8	VI-V	<i>Корпусова, Орлов</i> , 1978. Рис. 4, 15
26	Павловск	VI-V	<i>Медведев</i> , 1999. Рис. 51, 5
27	Софиевка	VI-V	<i>Галинская</i> , 1968. Рис. 10, 1
28	Собрание Бобринского	V	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 20, 1
29	Киевский музей	V	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 20, 8
30	Грищенцы	V	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 20, 10
31	Екатеринославская губерния	V	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 20, 11
32	Журовка	V	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 20, 12
33	Акташский могильник, курган 48	V	<i>Бессонова, Скорый</i> , 1986. Рис. 4, 1
34	Ялхой-Мохк	V	<i>Махортых</i> , 1987. Рис. 2
35	Новокиевка	V	<i>Евдокимов, Мурзин</i> , 1984. Рис. 1.
36	Низы	V	<i>Кулатова, Супруненко</i> , 2004. С. 148
37	Менский музей	V	<i>Яковенко, Покотило</i> , 1979. Рис. 1
38	Славянка, курган 13	V	<i>Волковой, Лихачев, Шалобудов</i> , 1979. Рис. 8, 3
39	Елизаветовский могильник, курган 15	V	<i>Копылов</i> , 1980. Рис. 1, 1
40	Елизаветовский могильник, курган 40	V	<i>Копылов</i> , 1980. Рис. 1, 2
41	Елизаветовский могильник, курган 28, погребение 2	V	<i>Копылов</i> , 1980. Рис. 1, 3
42	Елизаветовский могильник, курган 36	V	<i>Копылов</i> , 1980. Рис. 1, 5
43	Елизаветовский могильник, курган 39	V	<i>Копылов</i> , 1980. Рис. 1, 9

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
44	Ораное	V	<i>Петровская</i> , 1971. Рис. 1, 1
45	Сухумская Гора	V	<i>Есанн, Потребова</i> , 1895. Рис. 11
46	Большая Гомельщина	V	<i>Шрамко</i> , 1983. Рис. 2, 1
47	Абрамовка, курган 1	V	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
48	Заборье	V	<i>Петровская, Иванов</i> , 1975. С. 64
49	Гамария	V	<i>Петренко</i> , 1967. Табл. 33, 14
50	Львовский исторический музей	V	<i>Косинов, Павлик</i> , 1992. Рис. 1
51	Народный музей поселка городского типа Анна	V	<i>Корнюшин, Пузикова</i> , 1995. С. 32
52	Красный Лиман	V	<i>Кравец, Шаецов</i> , 1987. Рис. 1
53	Горловка	V	<i>Моруженко</i> , 1974. Рис. 1
54	Мачеха, курган 13	V	<i>Коваленко</i> , 1970. Рис. 4, 18
55	Гладковищина	V	<i>Григорьев</i> , 1994. Рис. 4, 16
56	Афанасьевка	V	<i>Ворошица</i> , 1962. Рис. 1, 1
57	Червиговка	V	<i>Медведев</i> , 1999. Рис. 51, 6
58	Носаки, курган 7	V	<i>Бидзила и др.</i> , 1977. С. 125
59	Верхнетарасовка	V	<i>Мурзин, Евдокимов</i> , 1977. С. 56
60	Ассиновская	V	<i>Бурков, Дударев, Махортых</i> , 1994. Рис. 2, 17
61	Скраглевка	V	<i>Скорый</i> , 1994. Рис. 4.
62	Пастырское	V-IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 1, 1
63	Волковцы	V-IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 2, 1
64	Михалевка	V-IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 3, 1
65	Киев	V-IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 3, 2
66	Волковцы	V-IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 4, 2
67	Дубновский р-н Ровенской обл.	IV	<i>Махортых, Нефлев</i> , 2001. Рис. 2, 2
68	Народный музей поселка городского типа Анна	IV	<i>Корнюшин, Пузикова</i> , 1995. С. 32

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
69	Максевка, курган 489	IV	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 18, 9
70	Ковали	IV	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 18, 11
71	Толстая Могила	IV	<i>Черненко</i> , 1975. Рис. 5, 1
72	Чертомлык	IV	<i>Мелюкова</i> , 1964. Табл. 18, 3
73	II Николаевский могильник	IV	<i>Мелюкова</i> , 1971. Рис. 6, 1
74	II Николаевский могильник	IV	<i>Мелюкова</i> , 1971. Рис. 6, 2
75	Никополь, курган 2, погребение 17, группа I	IV	<i>Граков</i> . Рис. 4, 1
76	Никополь, курган 19/21, погребение 2, группа II	IV	<i>Граков</i> , 1962. Рис. 4, 2
77	Садювка	IV	<i>Медведев</i> , 1999. Рис. 51, 20
78	Большая Белозерка	IV	<i>Отрошенко</i> , 1984. С. 123
79	Частые, курган 11	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
80	Частые, курган 3	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
81	Русская Гростянка, курган 7	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
82	Русская Гростянка, курган 17	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
83	Дуровка, курган 9	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
84	Дуровка, курган 9	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)

№	Место находки и/или хранения	Дата (вв. до н.э.)	Публикация
85	Дуровка, курган 10	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
86	Дуровка, курган 15	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
87	Дуровка, курган 15	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
88	Староживотинное, курган 38	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
89	Ближнее Стояново, курган 38	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
90	Владимировка, курган 5	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
91	Колбино-1, курган 7	IV	<i>Савченко</i> , 2004. Табл. 13 (данные о размерах)
92	Уляп, курган 4, погребение 11	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 6, 1
93	Уляп, курган 4, погребение 29	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 21, 4
94	Уляп, курган 6, погребение 7	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 40, 2
95	Уляп, курган 12, погребение 21	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 84, 3
96	Уляп, курган 13, погребение 7	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 146, 4
97	Уляп, курган 13, погребение 21	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 160, 1
98	Уляп, курган 15, погребение 8	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 172, 8
99	Уляп, курган 15, погребение 51	IV–III	<i>Лесков</i> и др., 2005. Рис. 203, 8

Таблица. Длины клинков, расположенные в порядке возрастания

Table. Lengths of blades presented in the increasing order

№ п/п	№ по каталогу	Место находки и/или хранения	Ширина клинка, С	Длина клинка, L
1	52	Красный Лыман	3,2	9
2	37	Менский музей	4	15
3	57	Черниговка	3,5	16
4	36	Низы	3,7	17
5	7	Чигирин	3	18
6	26	Павловск	5	18,5

№ п/п	№ по каталогу	Место находки и/или хранения	Ширина клинка, С	Длина клинка, L
7	18	Русский Бишквин	3	19
8	48	Заборье	3	19
9	20	Монастырщина	4	19,5
10	9	Курлиловка, курган 77	4	20
11	43	Елизаветовский могильник, курган 39	3,5	20

Таблица (окончание)

Table (continuation)

№ п/п	№ по каталогу	Место находки и/или хранения	Ширина клинка, С	Длина клинка, L
12	2	Курская обл.	3	21
13	59	Верхнестарославка	2,5	21
14	62	Пастырское	3	21,5
15	66	Волковцы	3	22
16	16	Иванковский склад	4	22,5
17	19	Сергеевка	2,5	23
18	46	Большая Гомельщина	4	24
19	45	Сухумская Гора	6	24
20	38	Славянка, курган 13	5,5	24
21	25	Золотое, погребение 8	2,5	24
22	98	Уляп, курган 15, погребение 8	4,2	25
23	23	Верхнее Подонье	4	26
24	8	Чигирин	3	27
25	63	Волковцы	3,9	27
26	75	Никополь, курган 2, погребение 17, группа I	3	27
27	76	Никополь, курган 2, погребение 19/21, группа II	4	28
28	51	Анна	5	28
29	50	Львовский исторический музей	3	28,5
30	67	Дубновский р-н Ровенской обл	5,3	28,5
31	77	Садовка	4	28,5
32	24	Зототое, погребение 7	3,2	28,5
33	35	Новокиевка	3	29
34	15	Кай-Кодзор	4	29
35	5	Каневский уезд	3,5	30
36	54	Мачеха, курган 13	5	30
37	11	Некрополь Тирамбы	4,5	30
38	6	Медвин	4	32
39	28	Собрание Бобринского	3	32
40	56	Афанасьевка	2,8	32
41	13	Тамбов	3,5	32
42	74	II Николаевский могильник	4	33
43	90	Владимировка, курган 5	4,6	34
44	65	Киев	3,7	34
45	95	Уляп, курган 12, погребение 21	3	34
46	53	Горловка	2,8	34,5
47	99	Уляп, курган 15, погребение 51	4,2	34,5
48	4	ГКИМ, без №	3,5	35
49	17	Александровка	4	36
50	1	Музей исторических драгоценностей Украины	2,9	36,5
51	96	Уляп, курган 13, погребение 7	3,2	37
52	39	Елизаветовский могильник, курган 15	4,5	37
53	29	Киевский музей	5	38
54	32	Журовка	4,5	38
55	68	Анна	3	38,8
56	40	Елизаветовский могильник, курган 40	4,5	40

№ п/п	№ по каталогу	Место находки и/или хранения	Ширина клинка, С	Длина клинка, L
57	96	Уляп, курган 13, погребение 21	4,2	40,5
58	14	Туголуково	4	41
59	58	Носаки, курган 7	6	41
60	49	Гамарня	4	42
61	94	Уляп, курган 6, погребение 7	6,3	42
62	85	Дуровка, курган 10	5,3	42,5
63	3	Рогозцы	6	43
64	89	Ближнее Стояново, курган 8	4,4	44
65	42	Елизаветовский могильник, курган 36	6,2	44
66	73	II Николаевский могильник	6,5	44
67	41	Елизаветовский могильник, курган 28, погребение 2	4,1	45
68	72	Чертомлык	4	46
69	70	Ковали	3,5	47
70	60	Ассиновская	4	47
71	27	Софиевка	6	48
72	86	Дуровка, курган 15	6,4	48,6
73	71	Толстая Могила	5,5	49,5
74	61	Скраглевка	6	50
75	69	Макеевка, курган 489	5,3	51
76	79	Частые, курган 11	5,4	50,3
77	10	Сухино	4	53
78	47	Абрамовка, курган 1	5,4	53
79	78	Большая Белозерка	6,3	53
80	34	Ялхой-Мохк	6	54
81	12	Инясево	3	54
82	30	Грищенцы	5	54,5
83	80	Частые, курган 3	3,6	54,9
84	92	Уляп, курган 4, погребение 11	4,6	55
85	64	Михалевка	4	55
86	83	Дуровка, курган 9	4,8	55,8
87	91	Колбино-1, курган 7	4,8	56
88	84	Дуровка, курган 9	4,8	56,7
89	33	Акташский могильник, курган 48	7	57
90	31	Екатеринославская губерния	5,5	59
91	82	Русская Тростянка, курган 17	8,32	59,8
92	21	Крымский краеведческий музей	5	60
93	93	Уляп, курган 4, погребение 29	7	60
94	44	Ораное	8	72
95	88	Староживотинное, курган 38	4,5	76,6
96	87	Дуровка, курган 15	4,2	85,8
97	81	Русская Тростянка, курган 7	5,05	89
98	22	Изюмовка	5,1	95
99	55	Гладковщина	7	98

Полигон № 1. Распределение длины и ширины клинков по интервалам (приведены номера вещей по каталогу)

Polygon N 1. Distribution of the length and width of blades by intervals (the catalogue numbers of the items are given)

	L ≤ 24	24 < L ≤ 48	48 < L ≤ 72	L > 72		L ≤ 24	24 < L ≤ 48	48 < L ≤ 72	L > 72
3 < C ≤ 4	52, 57, 36, 7, 18, 48, 43, 2, 59, 62, 619, 25	8, 63, 3, 50, 24, 35, 5, 56, 13, 95, 53, 4, 1, 96, 68, 70	34, 12, 80	0	5 < C ≤ 6	26, 38	51, 67, 54, 29, 85, 71	68, 79, 10, 47, 30, 31, 21	81, 22
4 < C ≤ 5	37, 20, 9, 16, 46, 98	23, 76, 77, 15, 11, 6, 74, 90, 65, 19, 17, 39, 32, 40, 96, 14, 49, 89, 41, 72, 60	92, 64, 83, 91, 84	88, 87	6 < C ≤ 7	45	58, 42, 3, 73, 27, 86	61, 78, 34	0
					7 < C ≤ 8	0	0	33	85
					8 < C ≤ 9	0	0	82	93

Полигон № 2. Распределение длины и ширины клинков по интервалам (даны номера вещей по каталогу).

Polygon N 2. Distribution of the length and width of blades by intervals (the catalogue numbers of the items are given)

C	L ≤ 24	24 < L ≤ 32	32 < L ≤ 40	40 < L ≤ 48	48 < L ≤ 56	56 < L ≤ 64	64 < L ≤ 72	72 < L ≤ 80	L > 80
3	52, 25, 57, 36, 7, 18, 48, 43, 2, 19, 59, 62, 6	8, 63, 75, 50, 24, 35, 28, 56, 13	65, 95, 53, 4, 1, 96, 68	70	12, 80	0	0	0	0
4	37, 20, 9, 16, 46	98, 23, 76, 77, 15, 11, 6	74, 90, 99, 17, 39, 32	40, 36, 14, 49, 89, 41, 72, 60	16, 92, 64, 83, 91	84		88	87
5	26, 38	51, 67, 5, 54	29	85	71, 69, 79, 47, 30	31, 21	0	0	81, 22
6	45	0	0	58, 94, 3, 42, 73, 86	61, 78, 34	0	0	0	0
7	0	0	0	0	0	33	0	0	55
8	0	0	0	0	0	82	93	0	0

Апальков Л.Н., 1995. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны // РА. № 2.

Белоаз В.П., Скорый С.А., 1985. Арханский скифский меч из Киева // СА. № 1.

Бессонов С.С., Скорый С.А., 1986. Погребение скифского воина из Актаского могильника в Крыму // РА. № 4.

Бидыля и др., 1977. — Бидыля В.И., Болтрик Ю.В., Мозоловский Б.Н., Савоский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев.

БСЭ, 1958. — Большая Советская Энциклопедия. М. Т. 51.
Бурков С.Б., Дударев С.П., Махорты С.В., 1994. Погребение воина-дружинника у станицы Ассиновской // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Волковой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., 1979. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепровско-донецком // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). Днепрпетровск. Вып. 3.

Воронина Р.Ф., 1962. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // Памятники скифо-сарматской культуры: сб. статей / отв. ред. К.Ф. Смирнов. — (МИА. М. № 115).

Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). М.

Граков Б.Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры: Сб. статей / отв. ред. К.Ф. Смирнов. — (МИА. М. № 115).

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Григорьев В.П., 1994. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов. Киев.

Гринев С.В., 1993. Введение в терминоведение. М.

Евдокимов Г.Л., Мураш В.Ю., 1984. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Іллійська В.А., 1968. З неопублікованих матеріалів скифського часу Лівобережного Лісостепу // Археологія. Київ. Т. 21.

Ковпаненко Г.Т., 1970. Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщине // Археологія. Київ. Т. 24.

Ковпаненко Г.Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев.

- Копылов В.П., 1980. Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. М. Вып. 162: Ранний железный век.
- Корюшица Г.И., Пузиков А.И., 1995. Находки скифо-сарматского времени в Ачинском районе Воронежской области // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.
- Корпусова В.М., Орлов Р.С., 1978. Могильник VI-IV ст. до н.э. на Керченском п-овострове // Археология. Київ. Вып. 28.
- Косинов В.А., Павлик А.А., 1992. Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея // Донецкий археологический сборник. Донецк. № 2.
- Краевец Д.П., Шевцов М.Л., 1987. Скифский князь из Довбасса // СА. № 2.
- Крамер Г., 1948. Математические методы статистики. М.
- Кулатова Л.М., Супруненко О.Б., 2004. Старожитности раннеэпохального века Кременчугского Подпирова // Старожитности Степового Причерноморья і Криму. Запоріжжя. Т. XI.
- Лесков и др., 2005. – Лесков А.М., Белова Е.А., Ксенофопова И.В., Эрлих В.Р., 2005. Мечты Закубаны в середине IV – начале III века до н.э.: погребальные комплексы. М.
- Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М. Вып. Д1–31.
- Лопте Д.С., 1994. Очередные задачи технической терминологии // Татаринен В.А. История отечественной терминологии: классики терминоведения: очерк и хрестоматия. М.
- Махортыц С.В., 1987. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифия Северного Причерноморья. Киев.
- Махортыц С.В., Мелько С.М., 2001. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея Истории Украины // Древности Северского Дона. Луганск.
- Медведев А.Л., 1999. Ранний железный век Лесостепного Подонья. М.
- МЭС, 1988. – Математический энциклопедический словарь. М.
- Мелокова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. М. Вып. Д1–4.
- Мелокова А.И., 1971. Население южного Поднепровья в IV–III вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии: сб. статей / отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляева. – (МИА. М. № 177).
- Мелокова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повои, наперстки // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. – (Археология СССР).
- Моруженко А.А., 1974. Скифский меч из коллекции Археологического музея Донецкого государственного университета // СА. № 2.
- Мураши В.Ю., 1984. Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев.
- Мураши В.Ю., Евдокимов Г.Л., 1977. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовка // Курганы Юга Днепровщизны. Киев.
- Новицихин А.М., 1997. Находки эпохи раннего железа на Шум-речке // Памятники преевропейского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М.
- Отрошенко В.В., 1984. Парадный меч из кургана у с. Веллика Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Поднепровья в V–III вв. до н.э. М.
- Петровська Е.О., 1971. Стародавні знахідки з с. Орано на Київщині // Археологія. Київ. Вып. 13.
- Петровська Е.О., Іванюк І.І., 1975. Акінак з с. Забіря поблизу Київна // Археологія. Київ. Вып. 16.
- Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Нижнем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.
- Скорый С.А., 1979. Меч из собрания Крымского краеведческого музея // СА. № 3.
- Скорый С.А., 1986. Ратескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. № 4.
- Скорый С.А., 1994. О фольклорной локальной группе памятников «скифской культуры» правобережной Лесостепи // Древности Скифов. Киев.
- Соколовский И.И., 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху: сб. статей / отв. ред. М.М. Кобылина. М. – (МИА. № 33).
- Черненко Е.В., 1975. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. Киев.
- Черненко Е.В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Шоков А.Ф., 1967. Второй скифский меч из Верхнего Подонья // Известия Воронежского государственного педагогического института, Воронеж. Т. 63.
- Шохин Ю.И., 1981. Интервальный анализ. М.
- Шрамко Б.А., 1983. Розкопки раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. Київ. Вып. 43.
- Шопова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Яковенко Е.В., Покотило В.Ф., 1979. Скифська зброя в Мельському краєзнавчому музеї // Археологія. Київ. Вып. 30.

Sword, Dagger or Acinaces – What Term to Chose?

(Formulation of the Problem)

Yu.G. Kokorina

The present paper is dedicated to the problem of differences between the terms concerned with Scythian blade weapons. The length and width of the blade may serve as the criteria for the classification of the weapons, the size of the handle being practically identical. Here, the mathematical concept of «interval» is applied which means the locus of points comprised between two points A and B. Sometimes this notion is extended denoting any connected set on a direct line.

The lengths of the swords studied were arranged in the increasing order from 18 cm up to 98 cm thus allowing us to distinguish the intervals in the size of the blades. These intervals amounted to 24 cm. Polygon no. 1 was plotted with the intervals in the length of the blades set horizontally while the width intervals equal to 1 cm were taken as the ordinates.

The analysis of the polygon showed a linear dependence between the length and the width of the blades and

four dimensional classes of blades have been determined. Thus we have grounds to propose the hypothesis that the Scythians had three classes of blade weapons of the close fight: one with the blade width from 3 to 4 cm and the length up to 24 may be called *daggers*, those with the blade width from 4 cm to 5 cm and the length from 24 to 48 cm may be called *acinaci*, and the weapons with the blade width from 5 to 6 cm and up to 72 cm long are to be called *swords*. Possibly, still another though less common group of swords existed with the

length over 72 cm which may be arbitrarily called *long swords*.

Furthermore, a narrower interval equal to 8 cm in the lengths of blades has been distinguished. With its use polygon no. 2 was plotted. This discovery is of special interest since in the Iranian world there was a measure of length equal to 8 cm and called «palm of the hand».

To conclude, four dimensional classes of blade have been identified allowing us to obtain a clear definition for each type of Scythian weapons of close fight.

О змеях на ручке бронзового кратера из села Мартоноша

М.Ю. Вахтина¹

Ручка и верхняя часть (ныне утраченная) бронзового «кратера с волотами» (рис. 1, 1, 2; 2, 1) были найдены в 1870 г. крестьянами-кладонскаателями, раскопавшими курган у с. Мартоноша в среднем Приднепровье, сравнительно недалеко от современной границы степной и лесостепной зон (бывший Елизаветградский уезд Херсонской губ., современная Кировоградская обл.). В 1889 г. В.Н. Ястребов доследовал курган по поручению Археологической комиссии, а также распустил раскопавших его ранее крестьян. Он обнаружил, что восстановить историю раскопки 1870 г. по сбивчивым и противоречивым рассказам участников ее «оказалось делом очень трудным, вследствие беспорядочности раскопки, отдаленности времени ее, преклонных лет спрошенных раскапывателей и, наконец, недостатка сознательности в отношении их к тем сторонам дела, которые представляют важность для науки» (ОАК за 1889 г. С. 30).

Курган, интересовавший В.Н. Ястребова, входил в группу из шести более мелких насыпей и был окружен высоким валом высотой до 2 и двух третей сажени (около 6 м), имевшим три «разрыва» или «въезда» – с восточной, западной и юго-западной сторон. По словам кладонскаателей, раскопавших курган траншеей, на глубине примерно в 2 сажени (немногом более 4 м) от вершины курганной насыпи была обнаружена площадка, по краям которой были вкопаны в землю четыре греческих амфоры (не сохранились) и стоял бронзовый скифский котел с коровьими (?) костями. Здесь же, по указанию находчиков, находился и греческий кратер. *Несколько выше, «в середине кургана, в глубине его», был найден скелет человека, у бедра которого лежал точильный камень, а вокруг – наконечники копий и стрел* (ОАК за 1889 г. С. 30). Докопав курган, В.Н. Ястребов обнаружил незначительный археологический материал (железный наконечник копья, ручку клинковой амфоры, фрагменты керамики, челюсть коня, челюсть собаки) и был вынужден констатировать его «разновременное, но полное разграбление» (ОАК за 1889 г. С. 31). В делах Императорской Археологической комиссии, хранящихся в научном архиве ИИМК РАН, в Книге предметов древностей, най-

денных при раскопках с 1890 по 1894 г. упоминается находка в этом кургане двух человеческих черепов, переданных затем в Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (Книга предметов древностей..., Л. 59, № 301); дальнейшая судьба их неизвестна.

Курган у с. Мартоноша, по-видимому, содержал несколько разновременных погребений; бронзовый кратер, вероятно, относился либо к его основному, либо к одному из самых ранних захоронений. После завершения исследований бронзовый кратер (его верхняя часть), бронзовый скифский котел и греческая амфора были переданы в Музей Одесского общества Истории и Древностей. До наших дней дошли только ручка греческого кратера (рис. 1, 1, 2), хранящаяся в Эрмитаже², и котел (рис. 2, 2), находящийся в Одесском археологическом музее (*Диамант*, 1962. С. 203–205; *Skraby...*, P. 202, № 28).

Ручка кратера украшена изображением Медузы с двумя парами крыльев в позе коленапреклоненного бега вправо (рис. 1, 2). На Медузе длинный хитон без рукавов, левая нога, согнутая в колене, обнажена. У ног ее по обеим сторонам – две змеи. Кратер датируется 530 г. до н.э. (*Piotrowsky, Galanina, Grach*, 1986. P. 21. Pl. 55). Его фрагменты, найденные в кургане у с. Мартоноша, были подробно изданы и проанализированы С.А. Жебелевым и В.М. Мальмбергом в начале XX в. (1907); эта высокопрофессиональная, яркая и интересная работа не утратила своего значения и в наши дни.

Находку этого парадного сосуда обычно рассматривают как результат контактов между греческими колонистами и местным населением региона (*Онайко*, 1966. С. 29–30. Кат. № 212). Скорее всего, кратер попал к представителям варварской аристократии из Ольвии, расположенной в Нижнем Побужье. Фигуры Медуз на ручках кратера из Мартоноши могли ассоциироваться в варварском мире с божеством скифского генеалогического предания, известного по сообщениям письменных источников (*Herod.*, IV, 9; *Diod.*, II, 43, 3), и поэтому греческий сосуд, несомненно, являвшийся в ту эпоху настоящим предметом роскоши как для вар-

² Ручка кратера из кургана у с. Мартоноша в настоящее время хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, инв. № Дн 1870 1/1. Выражаю благодарность хранителю вещи, д.и.н. А.Ю. Алексеевой, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с ее декором.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

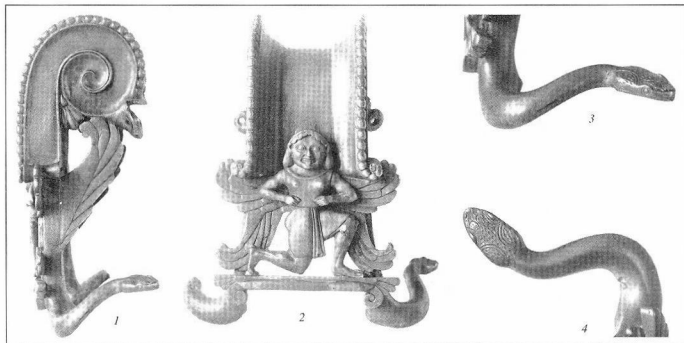

Рис. 1. Фрагменты бронзового кратера из кургана у с. Мартоноша (Жебелев, Мальмберг, 1907)

1 – ручка, вид сбоку; 2 – ручка, вид спереди, 3, 4 – змеи

Fig. 1. Fragments of bronze krater from kurgan near v. Martonosh

1 – handle, view from one side; 2 – handle, view from the front; 3, 4 – serpents

варов, так и для самих греков, мог цениться представителями варварской знати не только как дорогое импортное изделие, но и за свою «смысловую нагрузку».

Металлические кратеры с волготами начали производиться в Греции в конце эпохи архаики (Charbonneaux, 1962. P. 59–60). Мастерские по их производству существовали в различных районах – Лаконике, Северном Пелопоннесе, Южной Италии. Письменные источники сообщают о практике посвящения подобных сосудов (которые делались и из драгоценных металлов) в пан-эллинские святилища, в том числе и восточными владыками, которые заказывали их греческим мастерам. Первым же восточным правителем, отправившим богатые дары в святилище в Дельфах, в числе которых были и шесть золотых кратеров, называют Гигеса, царя Лидии (*Theopomp.* Fr. 219; *Herod.* I. 14), правившего в 685–652 гг. до н.э. Крез послал в Дельфы один кратер из золота и один из серебра (*Herod.* I. 51), а лакедемоняне (то есть спартанцы) послали серебряный кратер в подарок Крезу (*Herod.* I. 70). Кратеры, очевидно, достаточно широко вывозились за пределы Греции. В настоящее

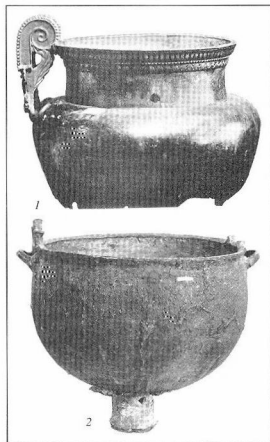

Рис. 2. Бронзовые сосуды из кургана у с. Мартоноша

1 – кратер, фрагмент верхней части (Жебелев, Мальмберг, 1907); 2 – котел (Skarby..., 2006)

Fig. 2. Bronze vessels from kurgan near v. Martonosh

1 – krater, fragment of upper body; 2 – cauldron

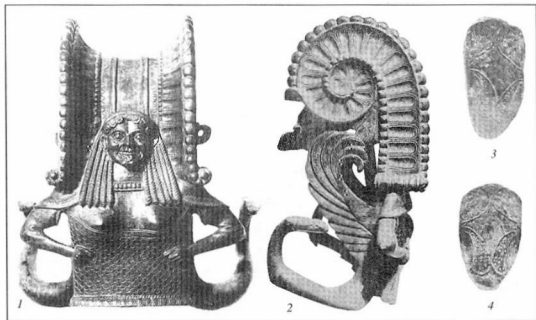

Рис. 3. Ручка кратера из Теребнище (Василев, 1988)

1 – вид спереди; 2 – вид сбоку; 3, 4 – головки змей

Fig. 3. Handle of the krater from Terebnishche

1 – view from the front; 2 – view from one side; 3, 4 – snake heads

время известно восемь подобных сосудов и их фрагментов, причем все они были найдены на периферии античного мира. Как справедливо отметил по этому поводу Д. Стронг, «самые ранние из дорогостоящих металлических изделий архаической Греции... либо делались по заказу восточных владык для посвящения в храмы, либо для торговли на экспорт» (Strong, 1966. P. 55). П. Уэллс полагает, что находки бронзовых греческих кратеров характерны для так называемых контактных зон (между греками и варварами); они как бы маркировали рубежи, которых достигла греческая цивилизация в конце архаической эпохи (Wells, 1980. P. 53–54). Среди сосудов, относящихся к этой группе, самым известным, большим и сложно украшенным является знаменитый кратер из Викаса (Joffroy, 1954; Charbonneaux, 1962. P. 58. Fig. 10a; Колтинский, 1988. С. 117), найденный на юге Франции, высота которого достигала 164 см. Кратер же из Мартоноши представляет собой самую северо-восточную из подобных находок.

Фронтальные фигуры Медуз с парой змей в нижней части достаточно часто украшали ручки подобных сосудов. Такие украшения, кроме упомянутого выше кратера из Викаса, имели ручки, как у кратера из Южной Италии, хранящегося в Мюнхене (Maass, 1978. S. 51), из этого же района происходит еще две подобные ручки, одна из которых хранится в Лувре, а вторая – в Британском музее в Лондоне (Walters, 1899. № 583). Фронтальные фигуры Медуз можно увидеть и на ручках кратера

из погребения 8 в некрополе у с. Теребнище в бывшей Югославии (Василев, 1988. С. 29. Рис. 2) (рис. 3, 1, 2), головки змей на которых трактованы почти так же, как на кратере из Мартоноши (Василев, 1988. С. 41. Рис. 15). Правда, фигуры Медуз на всех упомянутых аналогиях изображены погрудно, ноги их не показаны³.

Не затрагивая всего круга вопросов, связанных с особенностями декора кратера из Мартоноши и обстоятельствами его находки, обратим внимание на «второстепенные» изображения фантастической композиции, представленной на его ручке. Внимательно рассмотрев головы змей, изображенных в нижней части ручки, можно отметить реалистичность трактовки этих персонажей – форму голов, круглые зрачки глаз, щитки на головах и прочее, что отчасти можно заметить и на фотографии (рис. 1, 3, 4). Подобные особенности можно видеть и на фотографии змеиных головок

³ Самую же близкую целостную аналогию позы нашей Медузы можно увидеть на ручке кратера из Киликии, хранящегося в Лувре (De Ridder, 1915. II, п. 425), где Медуза показана в той же позе «коленоупреклоненного бега», что и на кратере из Мартоноши. На эту вещь, как на самое близкое Медузе из Мартоноши по художественным особенностям изображение, указал еще В. Мальмберг (Жебелев, Мальмберг, 1907. С. 50 сл.). Правда, на ручке из Лувра у ног Медузы помещены не змеи, а пара грифонов архаического типа. Позу, близкую позу Медузы из Мартоноши, можно отметить у двух фигурок, украсивших металлические сосуды, которые сейчас хранятся в Веймаре и Бостоне (Jantzen, 1937. Taf. 32, п. 132–134).

кратера из бывшей Югославии (Василев, 1988. С. 41. Рис. 15) (рис. 3, 3, 4). К сожалению, о трактовке изображений змей на ручках других кратеров этой группы, хранящихся в зарубежных музеях, невозможно судить на основе имеющихся в нашем распоряжении изданий.

Реалистичные детали изображений, сходство головок змей на ручках кратеров из кургана у с. Мартоноша (рис. 1, 3, 4) и из Теревинице (рис. 3, 3, 4) привели нас к мысли о том, что на этих сосудах, возможно, представлены вполне реальные и конкретные змеи, облик которых был прекрасно известен греческому мастеру. Для того чтобы проверить это предположение, мы обратились к специалистам из Института зоологии РАН⁴. Сразу же стало очевидным, что змея, представленная на ручке, относится к неядовитым. Об этом однозначно свидетельствует округлая форма ее зрачков. Рептилии, представленные на кратере, относятся к инфраотряду высшие змеи, подсемейству ужеобразные змеи. Это семейство включает в себя обширный род полозов. Интересующая нас змея относится к лазающим полозам (*Elaphe*), которых фундаментальное академическое издание «Жизнь животных» характеризует как «обширную, широко распространенную и процветающую группу змей, объединяющую около 40 видов» (Жизнь животных, 1985. Т. 5. С. 292). Наибольшей известностью и популярностью среди европейских лазающих полозов пользуется *Elaphe longissima* или эскулапов змея. Это название произошло от имени древнегреческого бога медицины и врачевания – Эскулапа (Асклепия), которого античная традиция изображала в виде старца, держащего жезл, вокруг которого обвилась змея. Так, например, он представлен на известной римской копии греческой статуи IV в. до н.э., хранящейся в Национальном музее в Неаполе (Лосев, Тахо-Годи, 2002. С. 147). А.Н. Шеглов, посвятивший скульптурным изображениям Асклепия отдельную статью (Шеглов, 1960), полагает, что все дошедшее до наших дней изображения восходят к широко известной статуе Асклепия, стоявшей в святилище этого бога в Пергаме, которую приписывали мастеру Фиромеху и о которой писал Полибий (Pol. XXXII. 27. 4). Павсаний, описывая другую знаменитую статую Асклепия из золота и слоновой кости, поставленную в священной роше в Эпидавре, где находилось святилище этого бога, сообщает, что Асклепий изображен сидящим на троне, в одной руке он сжимает скипетр, а другую положил на голову змеи (Paus., II. XXVII. 2). Описывая знаменитое святилище Асклепия в Эпидавре, Павса-

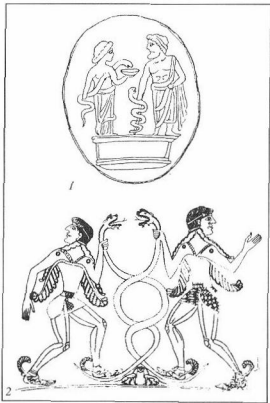

Рис. 4. Изображения змей на греческих памятниках

1 – гемма из Херсонеса (Руслева, 2005); 2 – изображение на критском бронзовом шлеме 625–600 гг. до н.э. (в центре – две змеи, сплетенные друг с другом в виде «кадуцея») (Jeffrey, 1976)

Fig. 4. The serpents at Greek Archaic pottery

1 – gem from Chersonesos; 2 – design on bronze helmet from Crete, c. 625–600 (in the centre is a pair of crested serpents twined in «caduceus pattern»)

ний упоминает и змей: «Другие змеи... и другая их порода с более желтоватой кожей считаются священными змеями Асклепия; к людям они кротки и водятся только в области Эпидавра» (Paus., II. XXVIII. 1). На рельефе из Теген, датирующемся IV в. до н.э., Асклепий изображен вместе со своей дочерью Гигеией, в правой руке у него чаши, к которой тянется змея (Norman, 1986. Pl. 28. Fig. 3). Гигеию также изображали со змеей, которую она поила из чаши. Так, например, она представлена на гемме из Херсонеса (рис. 4, 1), где, вероятно, в древности находилось святилище Асклепия (Шеглов, Голенко, 1965. С. 377. Рис. 4; Руслева, 2005. Рис. на с. 436). От этой образцовой схемы и произошел известный символ медицины, представляющий змею, склоненную над чашей.

Змеи содержались в храмах и святилищах Асклепия, где они получали жертвенные приношения. По мнению А. Вальтона, в греческом мире существовало представление о хтонической змее-целительном. Согласно ее классическому исследованию, посвященному различным аспектам культа Асклепия, представления о том, что после смерти

⁴ Выражаю благодарность зав. Лабораторией наземных позвоночных доктору биологических наук Н.А. Анашовой, проводившей определение.

человека его душа уходит под землю, где спит вместе с телом, характерны для всех индоевропейцев (Walton, 1894, P. 9). По А. Вальтон, связь змеи с представлениями о человеческой душе можно проследить на трех уровнях: 1) змея выступала как воплощение души человека, как ее символ; 2) змея – предок человека, живущий в земле; 3) змея – защитник и хранитель подземных сокровищ (Walton, 1894, P. 12–13). Таким образом, змея, независимо от бога-целителя, могла, по представлениям древних, выступать как целительная сила. Существует и точка зрения о том, что, возможно, сам Асклепий в древнейшие времена в представлении греков был змеем, одной из ипостасей Аполлона (Лосев, Тахо-Годи, 2002, С. 146). В начале III в. до н.э. культ Асклепия начал распространяться в Риме. До нас дошла легенда о том, как на одном из островов Тибра была выпущена священная змея, специально привезенная из знаменитого святилища в Эпидавре. На этом месте и был выстроен храм.

Однако вернемся к конкретному виду змей, послуживших «моделями» для греческого мастера или мастеров, изготовивших кратер, обнаруженный в кургане у с. Мартоноша. Зоологи говорят о таких характерных его чертах: окраска верхней стороны тела эскулаповой змеи варьируется от

желтовато-серой до темно-оливковой и бурой, голова также окрашена однотонно (рис. 5, 1). Длина тела змеи может достигать 2 м. Несмотря на незрелую однотонную окраску, эти змеи очень красивые, благодаря своему гладкому, как бы отполированному телу, грациозности и плавности движений, какой-то особой, свойственной только этому виду элегантности. Любители легко содержат их в неволе, а в некоторых странах Западной Европы для них организованы специальные змеиные парки. Эскулапова змея распространена в настоящее время в Южной и частично Средней Европе, Малой Азии, Северном Иране, на территории бывшего СССР встречается в Молдавии, Юго-Западной Украине, Краснодарском крае и Западном Закавказье. Примечательно, что ученые отмечают хорошую приручаемость данного вида, а широкий его ареал связывают с продвижением римских легионов, войны которых могли возить с собой подобных змей в качестве домашних животных. Предполагают, что эти змеи также могли содержаться в римских термах для развлечения посетителей. Брачные игры этого вида ползозов весьма своеобразны. Самец долго преследует ускользящую самку, а догнав, обвивается вокруг ее тела, после чего обе змеи могут довольно долго передвигаться вместе, а затем застывают на месте, подняв вверх передние части тел (рис. 5, 2) и образуя фигуру, напоминающую лиру или кадудей (Жизнь животных, 1985, С. 292–293).

Змей, застывших в подобной позе, можно видеть в центре композиции, украшавшей архаический бронзовый шлем (рис. 4, 2), датированный 625–600 гг. до н.э., найденный на Крите (Jeffrey, 1976, P. 192, Fig. 3). Здесь, конечно, представлены фантастические рептилии, полностью являющиеся результатом художественного вымысла мастера, – они имеют гребни на головах и небольшие двойные бородки, что придает им сходство с изображениями драконов и других грозных персонажей античной мифологии. Однако их поза, возможно, была внушена мастеру вполне реальными змеями.

Как мы уже упоминали, в античной мифологии змеи соотносились с иным, подземным, хтоническим миром. Кадудей же был атрибутом другого греческого бога, Гермеса. «В руках с этим жезлом, усыпляющим и пробуждающим людей, Гермес выполняет одну из своих древнейших функций проводника душ в Аид, “психопомпа” или помощника на пути в царство мертвых» (Лосев, Тахо-Годи, 2002, С. 113). Согласно представлениям древних, когда после смерти человека душа его отделилась от тела, Гермес прикасался к ней кадудеем и она забывала свою земную жизнь и была готова отправиться в мир мертвых. Изображения Гермеса, держащего в руках кадудей, достаточно часто присутствуют в сценах, соотнесенных с царством мертвых, сценах

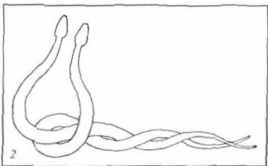

Рис. 5. Эскулапова змея (*Elaphe longissima*) (Жизнь животных, 1985)

1 – фото; 2 – брачный танец

Fig. 5. Asclepiian snake (*Elaphe longissima*)

1 – photo; 2 – courtship

Рис. 6. Сюжеты, представленные на греческой архаической керамике

1 – Персей обезглавливает Медузу, справа – Гермес с кадуцеем (аттическая чернофигурная ойнохос 550 г. до н.э., мастер Амасиса) (Woodford, 2003); 2 – Геракл ведет Керберу, его сопровождает Гермес (аттическая краснофигурное блюдо 520–510 гг. до н.э. мастера Пасиса) (Woodford, 2003)

Fig. 6. Scenes at Greek Archaic pottery

1 – Perseus beheads Medusa, to the right is Hermes holding caduceus (attic black-figured oinochoe, c. 550, by the Amasis Painter) (Woodford, 2003); 2 – Heracles leading Cerberus accompanied by Hermes (Attic red-figured plate, c. 520–510, by Paseas)

умерщвления и вообще в композициях, связанных с темой смерти. Подобные изображения Гермеса, например, можно увидеть на аттической чернофигурной ойнохосе в сцене обезглавливания Медузы Персеем (рис. 6, 1) или же в сцене на аттическом краснофигурном блюде (рис. 6, 2), повествующей о двенадцатом подвиге Геракла – пленении ужасного пса Кербера, охранявшего вход в Аид (Woodford, 2003, P. 128. Fig. 95; P. 176. Fig. 137).

Итак, на ручках двух греческих парадных сосудов эпохи архаики – кратерах из скифского кургана у с. Мартоноши в Приднестровье и из погребения 8 фракийского некрополя Теребнице – запечатлены змеи, имеющие характерные признаки полозов вида *Elaphe longissima* или эскулапова

змея. Вполне возможно предположить, что мастера, изготовившие модели для литья этих сосудов, прекрасно представляли себе этот вид змей, вероятно, наблюдали их вблизи. Не исключена возможность и того, что при внимательном рассмотрении других дошедших до наших дней греческих металлических изделий (прежде всего деталей кратеров, относящихся к той же группе, что и кратер из Мартоноши), в их декоре удастся обнаружить сходные изображения змей с признаками вида *Elaphe longissima*. Особенности облика и поведения этих змей делают их весьма вероятными «кандидатами» на роль храмовых змей, в частности живших некогда при храмах Асклепия. Это предположение согласуется со свидетельствами о том, что металлические кратеры в эпоху архаики принадлежали к категории вещей, приносившихся в качестве пожертвования в храмы. Возможно, традиция не случайно соотносит именно этот вид змей с греческим богом медицины и врачевания – Асклепием. Не исключена вероятность и того, что форма кадуцея, магического жезла Гермеса, произошла от причудливой позы, которую принимают эти змеи во время брачного танца.

Василев В.П., 1988. Бронзови съдове от некропола Требнице // Раскопки и прочувания Българската АН. София. Кн. 19.

Диамант Э.И., 1962. Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана // МАСП. Вып. 4

Жебелев С.А., Мальберг В.К., 1907. Три архаические бронзы из Херсонской губ. // МАР. № 32.

Жизнь животных, 1985. – Жизнь животных. М. Т. 5: Земноводные. Пресмыкающиеся.

Книга предметов древности... – Книга предметов древностей, найденных при раскопках с 1890 по 1894 г. // Научный архив ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1890. Д. 220.

Колчинский Ю.Д., 1988. Великое наследие античной Эллады. М.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А., 2002. Боги и герои Древней Греции. М.

ОАК за 1889 г. СПб. 1892.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Д1–27. М.

Русалева А.С., 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев.

Шеглов А.Н., 1960. Скульптурные изображения Асклепия // Сообщения Херсонского музея. Симферополь. Вып. 1.

Шеглов А.Н., Голенко В.К., 1965. О культуре Асклепия в Херсонесе Таврическом // Dacia, București. Т. IX. Charbonneaux J., 1962. Greek Bronzes. N.Y.

De Ridder A., 1915. Collection de Clerq // Les bronzes antiques. Musée National du Louvre. III. P.

Norman N.J., 1986. Asklepios and Hygieia and the Cult Statue of Tegea // AJA. Vol. 90. N. 4.

Janzen U., 1937. Bronzewerkstätten in Grossgriechenland und Sizilien. B.

Jeffery L.H., 1976. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L.

Joffroy R., 1954. Le trésor de Vix (Côte-d'Or). P.

Maass M., 1978. Antikensammlungen München, Griechische und römische Bronzewecke. B.
 Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1986. Scythian art. The legacy of the Scythian world: mid-7th to 3rd century BC. L. Skrabyny, 2006. – Skrabyny zand morza Czarnego // Treasures from the Black Sea Coast. Odessa; Kraków.
 Strong D.E., 1966. Greek and Roman Silver Plate. L.

Walters H.B., 1899. Catalogue of Bronzes in the British Museum. L.
 Walton A., 1894. The Cult of Asklepios // Cornell Studies in Classical Philology. N. III.
 Wells P., 1980. Culture Contacts and Culture Change. Cambridge.
 Woodford S., 2003. Images of Myths in Classical Antiquity. Cambridge.

About the Serpents on the Handles of the Bronze Krater from v. Martonosha

M.Yu. Vakhtina

On the handle of a bronze volute-crater from the Scythian kurgan near the village of Martonosha in the forest-steppe Dnieper region there are representations of snakes (fig. 1). The krater is dated to 530 BC (Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. P. 21, Pl. 55). At present the handle is housed in the Department of the Archaeology of Eastern Europe and Siberia, State Hermitage.

The handle of the krater was decorated with representations of Medusa with two pairs of wings in the pose of «kneeling run» to the left. At her feet on each side there is a snake. This find was published and analyzed by S.A. Zhebelev and V.M. Malmberg as early as the beginning of the 20th century (1907); often it attracts attention of researchers concerned with problems of the Graeco-Barbarian contacts on the Northern Black Sea littoral in the Archaic period. P. Wells supposes that finds of Greek bronze kraters are characteristic of the so-called «contact zones» (i.e. those between the Greeks and barbarians) as if marking the limits which the Greek civilization had reached in the end of the archaic period (Wells, 1980. P. 53–54).

The handles of similar vessels were fairly often decorated by the figures of Medusa with a pair of snakes below. It is noteworthy that on the Martonosha krater the Greek artisan has depicted the snakes at the feet of Medusa as possessing clearly expressed species traits. Similar traits, judging by the published work, are shown also by the snakes represented on the handles of the krater from Burial 8 at the necropolis near v. Terebnishche (fig. 3) in the former Yugoslavia (Bacutaev, 1988. P. 29. Fig. 2). The realistic details of the representations and similarity of the heads of snakes on the krater handles from the kurgan near v. Martonosha and that from Terebnishche suggest that on these vessels quite real snakes of a particular species are depicted. The

appearance of that species thus must have been fairly well known to Greek artisans. According to the identification of Dr of Life Science N.A. Anan'yeva (Zoological Institute, RAS), represented on the Greek kraters are rat snakes (*Elaphe*) of the genus *Elaphe longissima* or the *Aesculapian* snakes. The latter name derives from Aesculapius or Asclepius – the Greek god of medicine and healing, whom the Classic Greek tradition depicted as an aged man holding a staff with a serpent coiled around it. Hygieia's (daughter of Asclepius) animal was also a serpent, sometimes shown drinking from a saucer held in her hand. From that representation the famous symbol of medicine derives as a serpent bending over a bowl. Snakes were kept in temples and sanctuaries of Asclepius where they were given sacrificial offerings in form of honey cakes.

Rat snakes *Elaphe longissima*, although non-venomous, are of an impressive appearance. They are of silvery colour, sometimes 2 m long. The feature of this species is that they are easily «tamed». Their habitat is fairly wide. Zoologists attribute the spread of *Elaphe longissima* to the movements of Roman legions who carried these snakes throughout Europe as domestic animals. Another vivid peculiarity of this species is that during the courtship game the male and female intertwine forming a figure like a lyre or a caduceus, sometimes retaining that pose and moving in it for a fairly long time. All the above gives us grounds to suppose that the impressive appearance of these snakes, their readiness for taming and their unpretentiousness in life possibly allowed the ancient Greeks to keep them in captivity, particularly as temple snakes. It is, therefore, by no means improbable that their outer appearance was quite common to the Greek artisan who created the composition decorating the handles of the bronze krater from the kurgan near the village of Martonosha.

К проблеме функциональной атрибуции памятников Маячного полуострова

А.В. Буйских, В.М. Зубарь¹

В 1996 г. Гераклейской экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» под общим руководством Г.М. Николаенко были начаты, а в последующие годы продолжены исследования поселения на территории Маячного полуострова на западном склоне Казачьей бухты. Основное внимание было сконцентрировано на его террасной части, где зафиксированы следы античного поселения (Шеглов, 1997. С. 42–54; 2000. С. 53–77). Раскопанные комплексы поселения относятся к нескольким строительным периодам, начальная дата которых до сих пор остается противоречивой. Долгое время начало строительной деятельности на Маячном полуострове датировалось первой – началом второй четверти IV в. до н.э., позднее эта дата была понижена до конца позднеархаического времени (Шеглов, 1999. С. 44–47).

Раскопки этого поселения продолжают до настоящего времени, однако какая-либо информация, даже предварительная, об их результатах отсутствует. Исключения составляют лишь план раскопок 1998 г. и общее фото за 2002 г. (рис. 1), опубликованные Г.М. Николаенко (Николаенко, 1999. С. 71. Рис. 64; Nikolaenko, 2006. Fig. 16), а также монетные находки (Демьянчук и др., 2005. С. 438–446). Однако план первых нескольких лет раскопок без каких-либо комментариев и нумизматический материал, представленный вис археологического контекста, вряд ли могут в необходимой степени восполнить существующий в наших знаниях пробел об археологической ситуации на Маячном полуострове, которая продолжает оставаться во многом неясной из-за отсутствия полноценных публикаций результатов работ конца XX и начала XXI в. (подробнее см.: Зубарь, Буйских, 2006. С. 7–27).

И вот, наконец, в Материалах III Судакской международной научной конференции была опубликована первая заметка интерпретационного характера, посвященная ритуальным конструкциям, происходящим из раскопок памятника, с новыми данными по хронологии поселения (Нессель и др., 2006. С. 253–254). Материал, полученный в результате раскопок, однороден и свидетельствует о том, что поселение возникло не ранее второй четверти IV в. до н.э. и, вероятно, прекратило существование в конце II в. до н.э. (Нессель и др., 2006. С. 253).

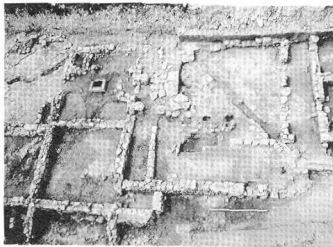

Рис. 1. Северная часть сооружения на Маячном полуострове (Николаенко, 1988)

Fig. 1. The northern section of the structure on the Mayachny Peninsula

Из текста заметки следует, что в исследованном строительном комплексе был открыт «ряд своеобразных объектов», которые были трактованы как имевшие «не жилищно-бытовое, а иное назначение». Это – каменно-черепичные конструкции, которые, на основании наличия следов горения на их верхних гранях, а также исходя из характера находок, обнаруженных в непосредственной близости от них, были интерпретированы в качестве алтарей. Эта трактовка повлекла за собой и новую функцио-

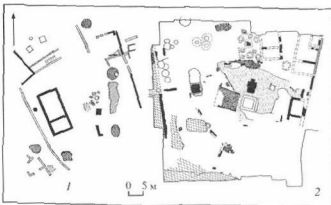

Рис. 2. Темносы в Ольвии

1 – Западный темнос (Русева, 2006); 2 – Восточный темнос (Карасев, 1964)

Fig. 2. Temnosy in Olbia

1 – The Western Temnosy; 2 – The Eastern Temnosy

¹ Украина, 04210, Киев, Пр. Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины. Отдел античной археологии.

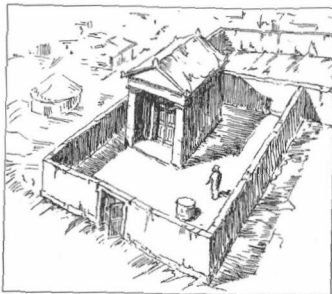

Рис. 3. Храм на теменосе в Бористфене (Крыжицкий, 2001)

Fig. 3. Temple in the temenos of Borysthenes

надленную атрибуцию таких специфических производственных объектов, как виноделие, расположенных рядом, характер которых также был определен как ритуальный. Все сказанное свою очередь позволило прийти к достаточно ответственному выводу о том, что открытый участок «является теменосом поселения» (Нессель и др., 2006. С. 253, 254).

Как известно, теменосы – специфическим образом организованные места для общественного управления полисных культов и религиозных праздников, которые праздновала вся гражданская община, в настоящее время открыты только в четырех городах Северного Причерноморья. Два из них раскопаны в Ольвии (рис. 2), один в Бористфене (рис. 3), один в Херсонесе (рис. 4) и один в Пантикалее (рис. 5). К ним можно добавить также и теменос в Истрии (рис. 6). Поэтому каждый новый теменос все еще является объектом экстраординарного значения не только для Северного Причерноморья, но и всего Причерноморского региона. В свете сказанного становится понятным, что гипотеза о наличии теменоса на поселении, располагавшемся на перешейке Маячного полуострова, заслуживает самого пристального внимания. Однако, с нашей точки зрения, вывод о наличии здесь теменоса поспешен, аргументирован непрофессионально и вряд ли заслуживает быть принятым в историографии в качестве научного открытия.

Однако для доказательства нашей, отличающейся от предложенной авторами, точки зрения необходимо хотя бы кратко упомянуть, что собой представляет античный теменос как архитектурно-планировочная структура и какими необходимыми компонентами он должен был обладать.

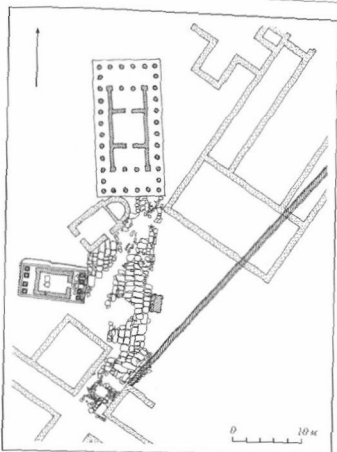

Рис. 4. План теменоса в Херсонесе (Золотарев, Буйских, 1994)

Fig. 4. Plan of the temenos in Chersonesos

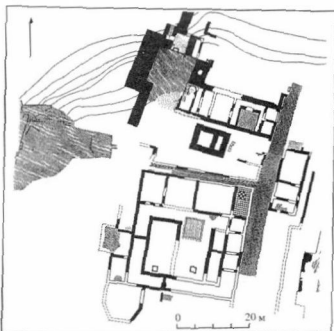

Рис. 5. Теменос в Пантикалее (Толстикова, Виноградова, 1999)

Fig. 5. Temenos in Panticapaeum

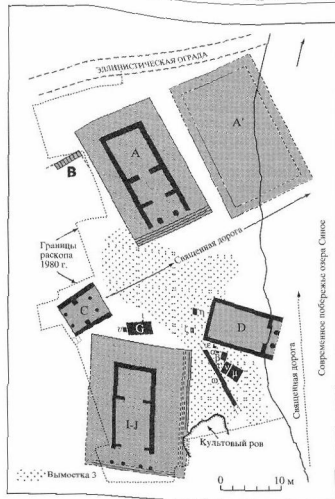

Рис. 6. Теменос в Истрии (Alexandrescu et al., 2005)

Fig. 6. Temenos in Histria

Начиная от архаического времени, не позднее первой половины VI в. до н.э., можно говорить о четкой организованной пространственной структуре, служившей для общественного отправления культов, которая сложилась в городе или за его пределами (Lavas, 1974. S. 19 ff.). Организация такой структуры происходила, как правило, на определенной площади и отделялась от окружающей зоны жилой застройки оградой. Именно ограда и позволяла вычленил теменос из городской инфраструктуры или окружающего ландшафта, если его пространственная организация происходила за пределами городских стен.

Устройство теменоса было необходимым звеном колонизационной практики освоения новой территории группой переселенцев, которую возглавлял ее сакральный предводитель, чей храм был не только его новым домом, но и одним из главных символов новой конституированной гражданской общины (Malkin, 1987. P. 138 ff.). На примере городов Великой Греции, основанных в VIII–VI вв. до н.э. и обладавших регулярной системой городской планировки, известно, что теменос,

являясь составным компонентом общественного центра, часто находился на пересечении двух основных транспортных магистралей (Polignac, 1995. P. 93; Hoepfner, Schwandner, 1994. S. 301).

Каждый теменос обладал необходимым набором структурных элементов, имеющих конкретные функции. Необходимыми элементами его пространственной организации были монументальный храм и вынесенный за его пределы алтарь, поскольку все культовые действия с массовым участием граждан полиса происходили на открытом пространстве, вокруг храма и алтаря. Поэтому ограда, храм и алтарь являются обязательными структурными элементами теменоса, и без их наличия никакая пространственная структура не может называться теменосом (Bergquist, 1967. P. 5–6). Теменосы включали также и различные дополнительные (второстепенные) сооружения, которые, однако, позволяют определить его наличие только в совокупности с перечисленными главными.

Все структурные элементы были связаны с теменосом и подчинены, во-первых, его общественно-ритуальной (в противовес утилитарно-бытовой) функции, во-вторых, обеспечивали непосредственное обслуживание и поддержание этих культовых функций. Среди первых – монументальные пропилеи, имевшие портики, водостоки и вымостки, а также разнообразное votivo-мемориальное памятники, включая votivные колонны, статуи и почетные декреты в честь граждан и иностранцев. Ко вторым можно отнести ботросы, служившие для сброса (или ритуального захоронения) вышедшего из употребления культового инвентаря, мастерские, производившие культовый инвентарь, прежде всего – терракоты, помещения для коллективных ритуальных трапез и хранения этого инвентаря, а также цистерны или колодцы. Помимо храма и алтаря главного патрона теменоса в процессе функционирования на его территории могли появиться храм или храмы и алтари, посвященные другим божествам.

Анализируя планировку теменосов, известных в северопричерноморских центрах, следует констатировать, что в Борисфене открыт наиболее простой, но при этом «классический» с точки зрения его структурных элементов теменос, состоявший из ограды, храма, возможно посвященного Афродите, и алтаря (Назаров, 2001. С. 154 сл.; Крыжицкий, 2001. С. 165 сл.). Оба ольвийских теменоса имели практически все перечисленные основные и дополнительные сооружения. На территории Западного теменоса открыты ограда, остатки фундаментов нескольких храмов, один из которых был посвящен Аполлону Игтросу (Врачу). К нему относятся архитектурные детали, привозная архитектурная терракота. Были также открыты остат-

ки восток, серия алтарей разных типов, пропавшей эллинистического времени, ботросы с представительным набором керамической посуды, в том числе и высокохудожественной расписной, терракот, значительное количество посвященных граффити разным божествам (Русева и др., 2006).

На территории Восточного теменоса обнаружены такие же монументальные сооружения, относившиеся к наиболее раннему этапу его существования (Карасев, 1964. С. 26. Рис. 2). Несмотря на то что реконструкция храма Аполлона Дельфиния первой половины V в. до н.э., выполненная А.Н. Карасевым, была позднее критически пересмотрена (Буйских, 1995. С. 40–42; Крыжичкий, 2005. С. 235–237; ср. Яйленко, 2002. С. 46–58), очевидно, что на теменосе, кроме храмов, располагались алтари, ботросы, востокки и ряд других сооружений. Кроме того, в ботросах обнаружен тот же набор культового инвентаря и жертвенных приношений, что и в ботросах на Западном теменосе, – высокохудожественная парадная посуда, терракоты, граффити (Леви, 1964. С. 134 сл.; Горбунова, 1964. С. 175 сл.).

Особо следует подчеркнуть, что на ольвийских теменосах проследены остатки производственной деятельности. Это мастерская, связанная с изготовлением бронзовых изделий на Восточном теменосе (Карасев, 1964. С. 36). Западный теменос имеет остатки производства различных металлических изделий, прежде всего бронзовых и железных (Русева, 2006. С. 90–91). Их функционирование подтверждено также находками литейных форм практически всего периода существования теменоса (Крутилов, 2006. С. 213 сл.). Продукция этих мастерских, безусловно, предназначалась для культовой практики.

В худшем состоянии, с точки зрения реконструкции и функциональной интерпретации строительных остатков, сохранился теменос на Северо-Восточной площади в Херсонесе. Однако характер архитектурной организации – фундаменты храма, востокки площади перед ним, уложенной на отnivelированную скалу, найденные рядом архитектурные детали – позволили интерпретировать его в качестве теменоса (Золотарев, Буйских, 1994. С. 78 сл.). Наличие нескольких улиц, в том числе и основной магистральной (Главной продольной), от которой начинался вымощенный плитами вход на площадь, позволило предположить и обязательное наличие здесь монументальной ограды, посредством которой эта территория и была отделена от зоны жилой застройки (Буйских, 2005. С. 319 сл.).

Теменос, открытый в Пантикапее, отличается от ольвийских и херсонесского небольшими размерами, что логично объясняется его использова-

нием не гражданской общиной, а членами семьи и ближайшим окружением правящей династии Боспора (Толстикова, Виноградова, 1999. С. 282 сл.). Это предположение основано на анализе расположения теменоса – в непосредственной близости от базилики, в границах укреплений акрополя. Несмотря на отсутствие алтаря, который наверняка должен был находиться перед храмом, исходя из наличия тщательно выровненной скальной террасы, расположение храма на специально огражденной территории полностью отвечает необходимым требованиям организации теменоса.

Теменос в Истрии дает близкую картину его пространственной организации. Наличие изначально незастроенной под жилые дома огражденной площади, на которой было возведено несколько храмов, наиболее ранним из которых являлся храм, посвященный Афродите, монументальных алтарей, ботроса, пропавшей (для эллинистического времени), а также представительного набора находок культового характера – ритуальных сосудов, терракот, посвященных граффити, разнообразных архитектурных деталей от храмов и алтарей, в том числе и мраморных (для эллинистического времени), привозной архитектурной терракоты – выделяют теменос из городского пространства (Alexandrescu et al., 2006).

Приведенные примеры весьма красноречиво свидетельствуют о наличии общих требований, которые должны были выдерживаться при устройстве теменосов, несмотря на их отличие в планировочной организации, и подчинении этим требованиям в строительной практике каждого полиса. И то, что теменосы были расположены в городах, а не в сельской местности, существенной роли не играет. Это сказалось лишь в наличии большего количества дополнительных сооружений, качественного и количественного разнообразия жертвенных приношений. Поэтому, возвращаясь к памятникам, открытым на Маячном полуострове, считаем необходимым подчеркнуть следующее. Несмотря на отсутствие опубликованного плана выводимых в научный оборот объектов, равно как и общей характеристики сооружения, что уже само по себе значительно снижает доказательность предложенной гипотезы, описание достаточно подробно для того, чтобы прийти к противоположному заключению об их функциональной атрибуции.

Представляется очевидным, что из главных элементов, характерных для теменосов, в комплексе открытых сооружений присутствуют только алтари, из вторичных – колодцы и винодельни, определенные авторами в качестве ритуальных. Эти объекты, кроме одного, расположенного во дворе, были выявлены в помещениях (Нессель и др., 2006. С. 253). Уже только эти обстоятельства не позволяют говорить о наличии теменоса в применении к

исследованным объектам. Из приведенного описания также очевидно, что из четырех сооружений алтарем может быть только один, открытый в центре двора, окруженного по периметру помещениями. Расположение алтарей во дворах соответствует общегреческой культурной практике и известно, например, в Ольвии. Это дом в Нижнем городе, во дворе которого был открыт алтарь, использовавшийся в качестве основания треножника (Фармаковский, 1913. С. 53. Рис. 57). Уместно вспомнить и алтари во дворах жилых домов Олинфа, которые, как и комплексы Маячного полуострова, датируются первой половиной IV в. до н.э. (Robinson, Graham, 1938. P. 159).

Остальные объекты, открытые внутри помещений и интерпретируемые как алтари, по нашему убеждению, являются очагами. Аналогичные по своей конструкции и размерам объекты были выявлены в помещениях жилых домов на Северном берегу в Херсонесе (Белов, 1962. С. 144) и также ошибочно атрибутированы в качестве алтарей (рис. 7). Такие объекты со следами горения на поверхности, открытые внутри помещений, являются очагами (Буйских, 1999. С. 26). Аналогичные конструкции открыты в помещениях усадьбы надела № 26 на Гераклейском полуострове, где они были интерпретированы автором раскопок как очаги (жаровни) (Стржелецкий, 1961. С. 103, рис. 97). Учитывая то обстоятельство, что стены в одном из помещений с очагом были покрыты штукатуркой, это помещение можно уверенно интерпретировать в качестве ойкоса.

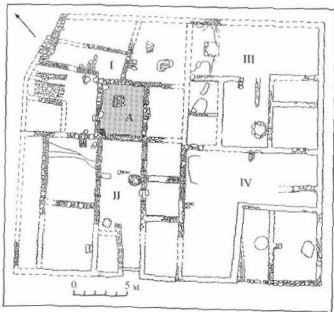

Рис. 7. Жилые дома в XVI квартале Херсонеса (Белов, 1962)

I-IV – помещения, А – помещение с очагом

Fig. 7. Dwelling houses in Quarter XVI of Chersonesos
I-IV – room, А – room with a hearth

Аналогично были интерпретированы стационарные очаги в жилых домах Керкинитиды, причем очаг был сооружен даже в центре андрона (Кутайсов, 1985. С. 178 сл.; 1990. С. 91, 109. Рис. 54). Близкие по размерам и конструкции очаги обнаружены в Калос Лимене, причем не только в жилых помещениях, но и в башне у городских ворот (Кутайсов, Уженич, 1994. С. 49. Рис. 2; Уженич, 2006. С. 82–83. Рис. 48, 2). Представляется, что устройство очагов в жилых домах Херсонеса и Керкинитиды и помещений, которые традиционно не отапливались при помощи очагов, может быть объяснено лишь с учетом климатических условий Северо-Западной Таврики.

Функциональное назначение конструкции в сооружении IV в. до н.э. в Мирмекии (ранее считавшейся алтарем, а само сооружение трактовалось как святилище – Гайдукевич, 1987. С. 48. Рис. 50, 52) недавно было пересмотрено. Сейчас предложена более обоснованная интерпретация этого сооружения как чисто утилитарного. Это привело и к новой интерпретации всего комплекса как жилого, а «алтаря» – как гестии в ойкосе, главном помещении дома (Чистов, 2006. С. 111–112). Добавим, это не единственный «алтарь» в упомянутом сооружении Мирмекии. Второй, аналогичный по своей монолитной конструкции, характеру заполнения и следам горения на поверхности, был открыт в соседнем помещении (Гайдукевич, 1987. С. 26). Однако характер находок, прежде всего наличие керамической жаровни, а также вымощенного каменными плитами пола помещения, позволяют уверенно интерпретировать этот комплекс в качестве кухонного.

Наряду с утилитарно-хозяйственной функцией очаги внутри помещений могли использоваться и для приношений Гестии, богине-хранительнице дома (Зубарь, 2005б. С. 407–408). Причем наличие очага в главном помещении дома – ойкосе, вокруг которого собиралась вся семья, как и алтаря во дворе, соответствует общегреческой практике жилого домостроительства (Robinson, Graham, 1938. P. 159, 185 ff.; Hoepfner, Schwandner, 1994. Abb. 136, 139, 141). Поэтому неудивительно, что очаги в домах, которые и являлись своего рода символами семьи, часто назывались гестиями (Malkin, 1987. P. 125).

Чем же в таком случае являлись сооружения, открытые в междуэтажном пространстве на перешейке Маячного полуострова? Очевидно, что к тому, что называется теменосом, специально организованному и огражденному месту для отправления культурной практики, включающей календарные праздники с участием всех членов гражданской общины, открытые объекты отношения не имеют. Представляется, что их функциональная атрибуция уже давно и надежно была определена

А.Н. Щегловым (1984. С. 54–55), и полученные в результате раскопок новые данные только подтверждают сделанные ранее выводы, которые основывались на комплексном исследовании открытых памятников. К сожалению, этого нельзя сказать об анализе памятников, о которых идет речь. С нашей точки зрения, открытые сооружения имели жилую и производственно-хозяйственную функцию. Культурная функция, которая, безусловно, в этом комплексе сооружений также присутствует, исходя из наличия алтаря во дворе, в данном случае играла второстепенную и соподчиненную первую роль. Только этим можно объяснить строительство домов типичной планировочной схемы, принятой повсеместно в херсонесской строительной практике указанного времени (Буйських, 2007). Здесь же жилая часть совмещалась с помещениями, использовавшимися в производственных целях, связанных с производством вина. Поэтому винодельни могли использоваться только по их прямому назначению и к сакральной стороне жизни населения не имели отношения.

Открытые сооружения, с нашей точки зрения, являлись стандартными и характерными для Херсонесского государства загородными усадьбами, расположение которых на лимитированной параллельными линиями стен пространстве привело к использованию регулярной, отчасти квартальной блокировки. Аналогичные элементы регулярной блокировки зафиксированы в комплексах усадебных построек как на Герacleйском полуострове – в балке Бермана и Хомутовой балке, так и на поселении Северо-Западной Таврии, в частности Маслинах, Беляусе, у бухты Ветриной, в окрестностях Керкинитиды, Панском-1 (комплекс У-7 херсонесского строительного горизонта) (Гриневич, 1928. С. 35–40; 1929. С. 43–44; Сувор, 1942. С. 97; Щеглов, 1978. Рис. 48, 52; Латышева, 1985. С. 100–101, рис.; Дашевская, 1988. С. 35–37; Николаенко, 2001. С. 129–131, участок 347; Harnestad, Stolba, Ščeglov, 2002. Pl. 7; Попова, Коваленко, 2005. С. 10 сл.).

Герacleйская экспедиция под руководством К.Э. Гриневича в 1928–1929 гг. вела работы в балке Бермана. В результате раскопок было установлено, что здесь располагались несколько башен и связанные с ними помещения, которые позволяли рассматривать все памятники как связанные между собой и представлявшие единый строительный и археологический комплекс (Гриневич, 1928. С. 35–40; 1929. С. 43–44; Сувор, 1942. С. 97; Николаенко, 2001. С. 129–131). Первоначально здесь была возведена прямоугольная постройка, которую К.Э. Гриневич считал святилищем второй половины V в. до н.э. (Гриневич, 1929 а. С. 14), позднее, после пожара, она была превращена в «пирамидальную башню» и были сооружены прилега-

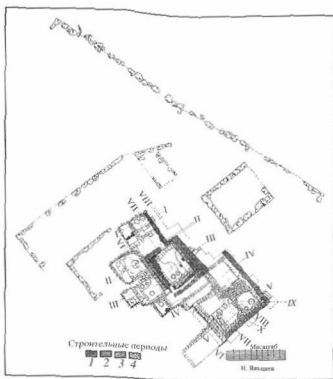

Рис. 8. Усадьба в балке Бермана. Раскопки 1928–1929 гг. (Гриневич, 1928)

Fig. 8. Rural house in Berman Balka. Excavations of 1928–1929

шие к ней помещения жилого и хозяйственного назначения (Гриневич, 1928. С. 50–71; 1929. С. 48; 1929а. С. 14; ср.: Сувор, 1942. С. 121). Весь комплекс был окружен оградой (Гриневич, 1928. С. 62–63; 1929а. С. 10–14), внутрь которой с северной стороны вели ворота, построенные «по типу древнегреческих двойных ворот (типа Дипиллона)» (Гриневич, 1929. С. 47) (рис. 8). Стратиграфические наблюдения и находки позволили заключить, что здесь был открыт многослойный комплекс, который функционировал, несмотря на перестройки, до XII–XIII вв. (Гриневич, 1928. С. 45–50; 1929а. С. 22–24).

Следует согласиться с В.Д. Блаватским в том, что описание результатов работ, сделанные К.Э. Гриневичем, не дают полного представления об исследованных объектах ввиду нечеткости изложения и неясности мыслей автора (Блаватский, 1953. С. 124). Массовый археологический материал не был обработан, а К.Э. Гриневич ограничился только общими информационными публикациями (Стржелецкий, 1961. С. 87). Поэтому странным представляется повторное не критическое описание результатов работ на памятниках в районе балки Бермана, проведенных под руководством К.Э. Гриневича, современными исследователями, которые продолжали работы на этом памятнике в 80-х – 90-х годах XX в., но почему-то не ввели в научный оборот результаты собственных исследо-

ваний (Николаенко, 2001. С. 129–131). Если данные, полученные в ходе этих работ, все еще не обработаны, то лучше было бы использовать характеристику памятника, данную Е.Г. Суворым, который, в отличие от К.Э. Гриневича, четко изложил основные результаты его работ (Блаватский, 1953. С. 125).

В 1990–1992 гг. Гераклеяская экспедиция Херсонесского заповедника возобновила работы на территории укрепленного комплекса в балке Бермана (347, по Г.М. Николаенко), исследование которого были начаты в 1928–1929 гг. (Гриневич, 1928. С. 34–71; 1929. С. 38–50). Было установлено, что на месте более ранней усадьбы, построенной, по мнению К.Э. Гриневича, в конце V в. до н.э. и погибшей в конце IV – начале III в. до н.э., был возведен укрепленный сельскохозяйственный комплекс с двух- или трехэтажной пирамидальной башней, имевшей внешнюю ограду. На его территории открыт ряд помещений, винодельческий комплекс и подвал с пифосами. Ко II–I вв. до н.э. относятся следы пожара, видимо связанного с херсонесско-скифскими войнами. Жизнь на территории комплекса продолжалась в первые века новой эры и эпоху раннего средневековья, о чем свидетельствует керамический комплекс VIII–IX вв. А в XIII–XIV вв. на руинах более ранних построек функционировало сельское поселение (Николаенко, Петровский, 1990. С. 3, 15, 17; 1991. С. 28, 33–36; 1992. С. 1–45).

В 1981 г. Гераклеяской экспедицией Херсонесского заповедника было начато исследование построек и башен в северо-восточной части комплекса, который расположен вдоль юго-западного склона Хомутовой балки (335, по Г.М. Николаенко), на границе размежеванной сельскохозяйственной территории Херсонеса (Николаенко и др., 1981. С. 12–59; Николаенко, 1983. С. 295–296). В ходе раскопок установлено, что одна из башен была возведена в эллинистический период и обнесена противотараным поясом, а в первые века новой эры – перестроена. По склону балки, на протяжении 52 м до следующей башни, раскопано два ряда помещений на глубину римского слоя (Николаенко, 2001. С. 124–125, № 335) (рис. 9), а в южном углу комплекса зачищена кладка круглого в плане сооружения, интерпретированного как башня. С точки зрения Г.М. Николаенко, это был единый комплекс построек с несколькими башнями, пространство между которыми застроено жилыми и хозяйственными помещениями. Функционирование этого комплекса отнесено к последней четверти IV в. до н.э. – IX–XI вв. (Николаенко, 1983. С. 296; 1988. С. 205–206; 2001. С. 125).

Но судя по плану Фр. Дюбуа де Монпере и результатам работ Гераклеяской экспедиции, здесь существовало несколько обычных для хоры

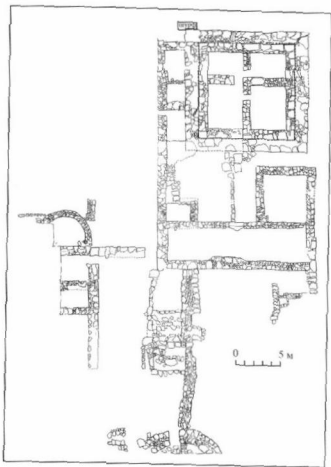

Рис. 9. Комплекс сооружений в Хомутовой балке. Раскопки 1984 г. (Николаенко, 1999)

Fig. 9. Complex of structures in Khotimovaya Balka. Excavations of 1984

Херсонеса усадеб, располагавшихся вплотную друг к другу (рис. 10). Такое компактное их расположение следует объяснять не столько требованиями обороны крайней восточной границы херсонесских земель, сколько близостью источников воды, на что и обратил внимание Фр. Дюбуа де Монпере. Это заключение хорошо согласуется с тем, что в ходе раскопок здесь обнаружены фрагменты водопроводных труб (Николаенко, 2001. С. 125). К сожалению, исходя из знакомства с публикациями, в которых сделана попытка ввести в научный оборот материалы этого комплекса, необходимо признать, что в ходе раскопок не была надлежащим образом прослежена стратиграфия памятника и не выделены разновременные строительные остатки, а керамический материал определен только выборочно. Все это не позволяет в настоящее время убедительно интерпретировать комплекс разновременных построек в Хомутовой балке и заставляет ориентироваться на его план, оставленный Фр. Дюбуа де Монпере, где четко читаются три усадьбы с башнями, расположенные рядом.

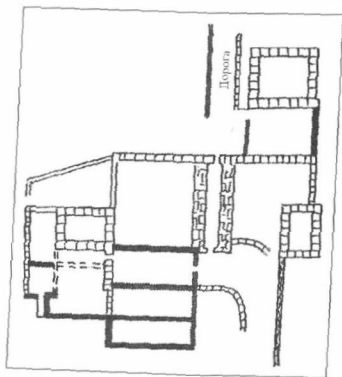

Рис. 10. Усадьбы в Хомутовой балке согласно чертежу Фр. Дюбуа де Монперэ (Николаенко, 1999)

Fig. 10. Rural houses in Khotmutova Balka according to a drawing of F. Dubois de Montpérix

При раскопках городища Маслины, проводившихся экспедицией Харьковского университета под руководством В.А. Латышевой, установлено, что оно имело форму прямоугольника размером 50×80 м и представляло собой густую сеть каменных построек с элементами регулярной планировки (рис. 11). В качестве основы планировочной единицы выступала башня с двором и помещениями, группировавшимися вокруг него, как это имело место и в усадьбах на Гераклийском полуострове (Латышева, 1985. С. 103–104). Организованный таким образом строительный комплекс

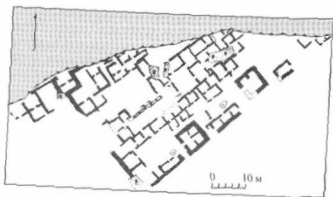

Рис. 11. План застройки городища Маслины (Латышева, 1985)

Fig. 11. Plan of buildings at the settlement-site of Masliny

представлял собой единый организм, сочетавший жилые, оборонительные и хозяйственные функции. Его возникновение относится к последней трети IV в. до н.э., а последующая застройка велась уже в пределах четырехбашенного комплекса, без изменения общих границ. К середине III в. до н.э. строительство комплекса было завершено (Латышева, 1985. С. 100–102).

Анализируя планировку памятника, В.А. Латышева пришла к заключению о том, что в ее основе, как и в основе других аналогичных структур Северо-Западной Таврики, находилась сельскохозяйственная усадьба, представляющая в архитектурно-планировочном отношении комплекс взаимосвязанных помещений, жилых и хозяйственных, группировавшихся вокруг внутреннего двора, являвшегося композиционным центром всего сооружения. Автору раскопок принадлежит и точные наблюдения в отношении изначальной заданности всей планировочной структуры, выразившейся в повторяемости расположения помещений вокруг двора, идентичном расположении башен и единой северо-восточной ориентации комплекса, как и всей усадьбы застройки на хоре Херсонеса (Латышева, 1985. С. 104).

Рассмотрев наиболее полно опубликованные и типичные в планировочном отношении усадьбные комплексы, можно констатировать, что в основе планировочной структуры поселения на перешейке Маячного полуострова, как и других синхронных поселений херсонесской хоры, находилась усадьба, которую следует рассматривать в качестве отдельной ойкиса члена гражданской общины Херсонеса. Именно поэтому прослеженная планировка строительных комплексов, типичная для усадьбного строительства на хоре, не дает оснований говорить о существовании на перешейке Маячного полуострова темемоса, по крайней мере, в его исследовательской части, и рассматривать его в качестве какого-либо исключения из сложившейся, насколько можно заключить, стандартной планировочной структуры, реализованной с теми или иными вариантами на поселениях в разных частях херсонесской хоры. Следует также отметить, что наличие специально выделенного священного участка, но в южной части этого поселения, предполагал в свое время также и А.Н. Шеглов (1994. С. 22). Однако, к сожалению, это предположение также пока не имеет надежных археологических доказательств.

Наличие же выделен в помещениях, начало функционирования которых связано с ранним строительным периодом второй четверти IV в. до н.э., позволяет сделать другой важный вывод, который остался вне поля зрения авторов. Раскопки на Маячном полуострове дали прямые указания на начало собственного производства вина, возмож-

но, товарной направленности, почти на четверть столетия ранее, чем принято считать (Зубарь, 1993. С. 38; 2005а. С. 176). А это, в свою очередь, позволяет иначе посмотреть и на давно, казалось бы, решенную проблему начала массового местного керамического производства в целом, которое пока еще традиционно, несмотря на ряд корректив, относится только к раннеэллинистическому времени (Борисова, 1958. С. 144).

В первую очередь, открытие виноделен на Маячном полуострове в датированном археологическом комплексе может быть использовано в качестве косвенного, но достаточно важного аргумента удревнения даты начала производства амфор в эргастериях Херсонеса, которое еще совсем недавно относилось к началу второй половины IV в. до н.э. (Монахов, 1989. С. 50). Позднее начало выпуска херсонесских амфор было предположительно удревнено до 50-х годов этого столетия (Монахов, Абросимова, 1993. С. 133. Прим. 75). Теперь очевидно, что С.Ю. Монахов в таком предположении не ошибся, и оно получает реальное подтверждение материалами самых ранних из известных пока на хоре Херсонеса виноделен. С нашей точки зрения, начало собственного керамического производства как амфор, так и столовой посуды самым тесным образом связано с началом функционирования херсонесской керамики, появившейся за пределами новой оборонительной линии сразу после ее возведения не позднее конца второй четверти – середины IV в. до н.э. (Буйских, 2005а. С. 150), а не в последний трети этого столетия, как считалось ранее.

Суммируя, остается только надеяться, что новые материалы, полученные в ходе раскопок поселения на западном берегу Казачьей бухты, все же будут в ближайшее время надлежашим образом введены в научный оборот и их не достигнет участь многих других памятников Гераклейского полуострова и Западного Крыма в целом, которые до сих пор остаются недоступными для всестороннего изучения. Современный уровень исследований требует детального анализа планировочной структуры каждого памятника и керамического комплекса, как это было сделано в публикациях поселений «Чайка» (Попова, Коваленко, 2005) и усадьбы У-6 на Панском-I (Hannestad, Stolba, Ščeglov, 2002). Именно такие полноценные публикации позволяют уточнять или развивать предварительно интерпретацию этих важных для истории Херсонеса памятников, среди которых памятники Маячного полуострова, безусловно, занимают особенное место. Критический анализ рассмотренной заметки даст достаточно показательный пример того, что только полное и своевременное введение памятника в научный оборот с привлечением широкого круга современ-

ных аналогий позволяет избежать очевидных и серьезных ошибок интерпретационного характера.

- Белов Г.Д., 1962. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. Л. Вып. 3.
- Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Борисова В.В., 1958. Гончарные мастерские Херсонеса // СА. № 4.
- Буйских А.В., 1995. К вопросу о реконструкции храма Аполлона Дельфиния V в. до н.э. из Ольвии // История. Этнография. Культура. Нові дослідження: тези доповідей. Миколаїв.
- Буйских А.В., 1999. Жилые дома на Северном берегу Херсонеса // ХСб. Херсонес. Вып. 10.
- Буйских А.В., 2005. Градостроительство и архитектура // Зубарь В.М. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Киев.
- Буйских А.В., 2005а. К хронологии и атрибуции сооружений в юго-восточных выротах Херсонеса Таврического // БИ. Вып. 9.
- Буйских А.В., 2007. До вивчення планувальної структури житлового будинку в VII кварталі Херсонеса // Археологія. Київ. Вып. 3.
- Буйских А.В., Зубарь В.М., 2007. З приводу теменосу античного поселення на західному березі козачої бухти в околицях Херсонеса // Археологія. Вып. 3, Київ.
- Гайдукевич В.Ф., 1987. Античные города Боспора: Мирмекий. Л.
- Горбунова К.С., 1964. Краснофигурные кидки из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия: теменос и агора. М.: Л.
- Григевич К.Э., 1928. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. // Крым. № 2(8).
- Григевич К.Э., 1929. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. № 2 (10).
- Григевич К.Э., 1929а. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейской экспедиции (7 августа – 4 сентября 1929 г.). Севастополь.
- Дашевская О.Д., 1988. Укреплённые усадьбы Белуся // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Тез. докл. Севастополь.
- Демьянчук и др., 2005. – Демьянчук С.Г., Николенко Г.М., Озгаржевский Г.А., Петроковский А.И. Монетные находки из античного поселения на западном берегу Казачьей бухты // Сугдский сборник. Киев; Судак. Вып. 2.
- Золотарев М.И., Буйских А.В., 1994. Теменос античного Херсонеса: опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. № 4.
- Зубарь В.М., 1993. Херсонес Таврический в античную эпоху: (экономика и социальные отношения). Киев.
- Зубарь В.М., 2005а. Религиозное мировоззрение // Зубарь В.М. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Киев.
- Зубарь В.М., 2005б. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонесе во второй половине IV – первой половине III в. до н.э. // Зубарь В.М. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Киев.
- Зубарь В.М., 2006. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // Проблемы

- истории, филологии, культуры. Москва: Магнитогорск. Вып. 16/1.
- Зубарь В.М., Буйских А.В., 2006. По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова // МАИЭТ. Симферополь. Т. 12. Ч. 1.
- Карасев А.Н., 1964. Монументальные памятники ольвийского темноса // Ольвия: темноса и агора. М.: Л.
- Крутилов В.В., 2006. Литейные формы // МАИЭТ, Симферополь. Suppl. 2: Русева А.С. и др. Древнейший темноса Ольвии Понтийской.
- Крыжичский С.Д., 2001. Храм Афродиты на Березани: реконструкция // ВДИ. М. № 1.
- Крыжичский С.Д., 2005. К вопросу о храме Аполлона Дельфиния в Ольвии // ХСб. Херсонес. Вып. 14.
- Кутайсов В.А., 1985. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. № 3.
- Кутайсов В.А., 1990. Античный город Керкинитиды. Киев.
- Кутайсов В.А., Уженцев В.Б., 1994. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев.
- Латышева В.А., 1985. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // История СССР и зарубежных стран. Харьков. – (Вестник Харьковского университета. № 268).
- Левин Е.И., 1964. Материалы ольвийского темноса // Ольвия: темноса и агора. М.: Л.
- Монахов С.Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов.
- Монахов С.Ю., Абрисов Э.Н., 1993. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. Саратов. Вып. 9.
- Назаров В.В., 2001. Святялице Афродиты в Борнифене // ВДИ. М. № 1.
- Нессель и др., 2006. – Нессель В.А., Николаенко Г.М., Олтаржевский Г.А., Петроковский А.И. Ритуальные конструкции поселения на западном берегу Казачьей бухты // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. Т. 2.
- Николаенко Г.М., 1983. Исследование хоры Херсонеса на Тераклейском полуострове // АО за 1981 г. М.
- Николаенко Г.М., 1988. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э.: (по материалам Тераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.
- Николаенко Г.М., 1999. Хора Херсонеса Таврического: земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь.
- Николаенко Г.М., 2001. Хора Херсонеса Таврического: земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь.
- Николаенко и др., 1981. – Николаенко Г.М., Туровский Е.Я., Гаушков А.Б., Николаева Т.В. Раскопки усадьбы в Хомутовой балке // Николаенко Г.М. Отчет экспедиции Херсонесского заповедника об охранных комплексных исследованиях на хоре Херсонеса в 1981 г. – (НА ИА НАН Украины. Д. 1981/21).
- Николаенко Г.М., Петровский В.А., 1990. Отчет о раскопках укрепленного комплекса в балке Бермана // ИА НЗХТ. Д. 3017–3021.
- Николаенко Г.М., Петровский В.А., 1991. Отчет о раскопках укрепленного комплекса в балке Бермана в 1991 г. // ИА НЗХТ. Д. 3091–3092.
- Николаенко Г.М., Петровский В.А., 1992. Отчет о раскопках укрепленного комплекса в балке Бермана в 1992 г. // ИА НЗХТ. Д. 3120–3121.
- Николаенко Г.М., Филитенко А.А., 2006. Могильник римского времени на водоразделе Омега–Камышовая // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. Т. 2.
- Попова Е.А., Коваленко С.А., 2005. Историко-археологические очерки греческой и позднеримской культуры в Северо-Западном Крыму. М.
- Русева А.С., 2006. Мастерские // МАИЭТ. Suppl. 2: Русева А.С. и др. Древнейший темноса Ольвии Понтийской.
- Русева А.С. и др., 2006. – Русева А.С., Крапина В.В., Крыжичский С.Д. и др. Древнейший темноса Ольвии Понтийской // МАИЭТ. Suppl. 2.
- Стрелецкий С.Ф., 1961. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Вып. 6.
- Суров Е.Г., 1942. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М. Т. 28. Вып. 1.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г., 1999. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову. М.
- Уженцев В.Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь.
- Фармаковский Б.В., 1913. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909–1910 гг. СПб.
- Чистов Д.Е., 2006. «Святялице Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н.э. // БИ. Вып. 13.
- Щеглов А.Н., 1978. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щеглов А.Н., 1984. «Старый» Херсонес и его округа // Античные государства Северного Причерноморья. М. – (Археология СССР).
- Щеглов А.Н., 1994. «Старый» Херсонес Страбона: укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.
- Щеглов А.Н., 1997. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: III. Следы архайского поселения в вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Бахчисарай. Вып. 1.
- Щеглов А.Н., 2000. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: IV. Траншея 1967 г. в вершине Казачьей бухты // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь. Вып. 2.
- Яйленко В.П., 2002. Идентификация и реконструкция эллиной Ольвийского темноса // РА. М. № 3.
- Alexandrescu P. et al., 2005. La Zone Sacrée d'époque grecque (fouilles 1915–1989) // Histria. Bucuresti. VII.
- Bergquist B., 1967. The Greek Archaic Temenos. A Study of Structure and Function. Lund.
- Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N., 2002. Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U 6. Aarhus.
- Hoepfner W., Schwandner E.-L., 1994. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. 2. Aufl. München.
- Lavas G.P., 1974. Altgriechisches Temenos: Baukörper und Raumbildung. Zürich.
- Malkin I., 1987. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden–New York–Kobenhavn–Köln.
- Nikolaenko G.M., 2006. The Chora of Tauric Chersonesos and the Cadastre of the 4th–2nd century BC // Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective / Ed. P.G. Bilde, V.F. Stolba. Aarhus.
- Polignac F. de, 1995. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago–London.
- Robinson D.M., Graham J.W., 1938. The Hellenic House // Excavations at Olynthus. Baltimore. Vol. 8.

The Problem of the Function of the Sites on the Mayachny Peninsula (Crimea)

A.V. Buyskikh, V.M. Zubar'

The new hypothesis on the existence of a temenos at the settlement situated within the area in-between the walls on the Mayachny Peninsula is critically considered. The conclusion on the possibility that there had been a temenos here was deduced *inter alia* from the published results of the recent excavations on the basis of the presence of stone and tile structures with traces of fire. These particular structures have been uncovered in some rooms and in the inner courtyard of the building complex and were interpreted as altars. Moreover, in certain rooms of the building complex, were found wineries and wells, the character of which was identified also as ritual in accordance with the supposed general feature of the excavated building remains. This hypothesis necessitated a comparison to be made between the ruins under publication and the tradition of the construction of temenoi as it is known by materials from the Mediterranean and northern Black Sea area. In terms of that tradition, a temenos was a specifically organized territory separated from the surrounding area of dwelling houses or some rural landscape for the public performance of religious ceremonies or celebration of calendar festivals by members of the civic commune.

The comparison with those temenoi that were found within the northern Black Sea region (Borysthenes on i. Berezan, Olbia, Chersonesos, Panticapaeum) and in Histria on the north-western Black Sea littoral has demonstrated that along with the indispensable temple, altars and a fence the temenoi had also certain specific sets of structures defined by their sacrificial function. In addition, a feature of a temenos is numerous finds of objects which had been votive offerings or used in the ritual practice – painted ceremonial ware, vessels with dedicatory graffiti, sculptures, terracottas and other objects made from ceramics, stone, or metals (mostly nonferrous). The manufacturing shops found in Olbia

within the territory of temenoi served to the religious functions of the latter rather than to any household or economic purposes.

Furthermore, the structures revealed in houses on the isthmus of Mayachny Peninsula were compared with the similar ones excavated earlier within building complexes of the Mayachny Peninsula and in dwelling houses in Chersonesos, Kerkinitis and Kalos Limen, as well as in rural and economic/domestic complexes in north-western Taurica. These all have been attributed reliably as altars. Parallels in dwelling house-building in Greece suggest that they may have been considered also as *Hestiai* while the rooms where they were found were the *oikoi*. In some cases, taking into account the small size of the urban dwellings or rural houses these *oikoi* certainly may have had the functions combined with the kitchen ones using the hearths to their direct purpose. Therefore, only one structure revealed in the inner courtyard of the new building complex on the Mayachny Peninsula may be considered as an altar.

All the above enables us to return to the previous conclusion on the urbanized character of the settlement on the isthmus of the Mayachny Peninsula which consisted of rural houses arranged into quarters similarly to the synchronous house-building in Chersonesos. This fact, in turn, demonstrates once more the predominance of the economic rather than religious function of the site under publication. Furthermore the wineries uncovered at the site undoubtedly were of the domestic and not religious nature. Since they are concerned with the first building period which now is dated to the second quarter of the 4th century BC this fact induces us to review the dates of the beginning of production of marketable wine in Tauric Chersonesos and respectively the beginning of the manufacture of the city's own amphorae *i.e.* of the origin of the Chersonesean ceramic complex.

Главные храмы и праздники античных государств Северного Причерноморья в литературных и эпиграфических источниках

М.В. Скржинская¹

В каждом античном государстве был свой особо почитаемый бог; в его честь справляли главные праздники, сплавившие все свободное население, а жрецы бога играли заметную роль в общественной и политической жизни. Этому божеству принадлежал главный городской храм, где нередко хранилась государственная казна. Поэтому всякие сведения о главных храмах и праздниках имеют существенное значение для воссоздания наших представлений об истории любого греческого полиса.

Изучение античных храмов в Северном Причерноморье издавна привлекает внимание исследователей, главным образом археологов и историков архитектуры. Их в первую очередь интересуют все время пополняющиеся археологические находки, а данные письменных и эпиграфических источников они привлекают в качестве второстепенных и дополнительных. Как пример можно привести обобщающую монографию С.Д. Крыжицкого «Архитектура античных государств Северного Причерноморья», в которой содержатся обширные сведения об архитектуре храмов, даны их реконструкции и приведена обширная библиография.

Иные знания может предоставить внимательный анализ древних надписей и античной литературы, сохранивших свидетельства о многих святилищах и храмах, остатки которых не уцелели. С помощью этих источников можно точно узнать или воссоздать наименования и некоторые функции ряда храмов и праздников в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. В этом ключе специальные исследования за последние десятилетия появились лишь об Апатуре на Тамани, остатки которого до сих пор не обнаружены, а упоминания древних авторов достаточно многочисленны (Тохтасьев, 1986. С. 131–141; Кошеленко, 1999. С. 147–160). Моза работа о праздниках в античных городах Северного Причерноморья (Скржинская, 2005. С. 17–77) нуждается в дополнениях, которые будут изложены в этой статье.

Эллины обычно называли святилища по имени чтимого там бога или героя, либо по их эпитетам или эпитетам, отражающим ипостась или характер

стику божества. Например, древние авторы упоминают несколько Герайонов, храмов Геры в Олимпии, на острове Самосе и других частях Элады (Her. I, 70; Thuc. III, 68; Paus. II, 11, 1; 16, 2; V, 15, 7; VI, 1, 19; VII, 44, 5; IX, 44) или ряд Гераклеидов, святилищ Геракла на Пелопоннесе и в Фивах (Paus. III, 15, 5; IV, 30, 1; VII, 5, 5; IX, 1, 4). Храм Зевса в Мегарах именовался Олимпийским по эпитету этого бога Олимпийский (Paus. I, 40, 43; 41, 1), а храм Аполлона Дидимейского близ Милета называли Дидимейном (Plut. Pomp. 24; *Кобылина*, 1965. С. 97–99). Во всех случаях это прилагательное среднего рода, при котором подразумевалось слово (ῥόνν), а во множественном числе среднего рода подобные прилагательные означали праздники, справлявшиеся при святилище. Таковы были Герайи (τὰ Ἡραῖα) в Олимпии и Коринфе (Paus. II, 24, 2; V, 16, 2) или Аполлоныи (τὰ Ἀπολλώνια) на Делосе (IG. 112. 105; *Граков*, 1939. С. № 22). Иногда храм получал название от какой-то своей части. Наиболее яркие примеры такого рода – Парфенон и Эрехтейон, оба посвященные Афине, но в первом имелось небольшое помещение парфенон, где хранилась афинская казна, а во втором – часть с соляным источником, посвященная легендарному царю Эрехтею (*Жебелев*, 1939. С. 47; *Колобова*, 1961. С. 116).

Колонисты, поселившиеся в Северном Причерноморье, стали называть свои храмы в русле этой общегреческой традиции, на что указывают прямые и косвенные свидетельства письменных и эпиграфических источников. Древнейшее из них относится к храму Аполлона Иестроа (Врача). В Ольвии найден четырехгранный калитер последней четверти VI в. до н.э. с прочерченным на нем графитом Ἰητρούβν. Другое графитом с посвящением Аполлону Врачу на полихромной терракотовой архитектурной детали показывает, что ольвийское святилище Иестроно существовало уже во второй четверти VI в. до н.э. (*Виноградов*, 1989. С. 79), а остатки фундаментов позволяют представить, как храм выглядел в конце VI–V в. до н.э. (*Крыжицкий*, 1998. С. 170–190). Городской праздник около этого храма, наверное, назывался Иестреями или Аполлониями.

Аполлон Врач считался покровителем колонизации и возглавлял пантеоны богов в основанных Милетом колониях на северных и западных бере-

¹ Украина, 01001, Киев, ул. Грушевского, 4. Институт истории НАН Украины, Отдел истории средних веков и раннего нового времени.

гах Понта Евксинского (Рулева, 1992. С. 31). Поэтому можно с достаточным основанием думать, что храмы бога в этой ипостаси назывались Иетроноами не только в Ольвии, но и в других милетских колониях, в частности в Пантикапее. Там, как показывают надписи, Аполлон в этой ипостаси был главным богом и в классический, и в раннеэллинистический периоды (КБН. 6, 10, 25, 974, 1037, 1044). По увлекательным деталям ионийского ордера сделана реконструкция крупнейшего в Северном Причерноморье храма, возвышавшегося на акрополе Пантикапея (Личикян, 1984. С. 156–168).

В V в. до н.э. культ Аполлона с эпиклезой Дельфиний занял в Ольвии главенствующее положение (Рулева, 1992. С. 65–70); его почитание пришло сюда также из Милета, где справлялся праздник Дельфиний около главного городского храма Аполлона в этой ипостаси (Кобылина, 1965. С. 76). Небольшой храм Аполлона Дельфиния, построенный в V в. до н.э. на Центральном темесе, стал главной священной Ольвийского полиса; во второй половине IV в. до н.э. ольвиополиты замесили его более крупным и роскошным зданием (Левин, 1985. С. 76). По всей вероятности, со времени древнейшей своей постройки этот храм, подобно милетскому, назывался Дельфинионом, а основной государственный праздник, завершавшийся у алтаря перед храмом, именовался Дельфиниями, так же как в метрополии. В ольвийских археологических материалах документально засвидетельствована лишь эпikleза Аполлона Дельфиний (Рулева, 1992. С. 42–43), но нет названий храма и праздника. Однако предположение о таких наименованиях главного храма и праздника можно считать весьма вероятными, потому что храмы, алтари и священные участки Аполлона Дельфиния назывались Дельфинионами не только в Милете, но также в Афинах, на островах Эвбея, Хиосе, Фере и др. (RE s. v. Delphinion). Кроме того, ольвийский храм V в. до н.э. внешне напоминал милетский Дельфинион (Личикян, 1984. С. 178–184).

Если проводить аналогии дальше, то можно думать, что Дельфиний в Ольвии, как в Милете и в других городах, справляли весной во время открытия сезона мореплавания, потому что греки считали Аполлона Дельфиния покровителем мореходов. Ольвийский праздник сопровождался торжественной процессией, возлияниями и жертвоприношениями перед храмом, пением гимнов и танцами, сходными с теми, о которых известно по надписям из милетского Дельфиниона (Кобылина, 1965. С. 76).

На Боспоре, особенно в его азиатской части, широко почитали Афродиту Уранию Апатуру. Ее святилища называли Апатурионами, а праздники, проводившиеся около них, — Апатуриями. Это был праздник фратрий, который отмечали в Афинах и

в большинстве ионийских городов (Her. I, 147; And. I, 126; Xen. HG. I, 78; Dem. XXXIX, 4; Theophr. Char. 35), в число которых вошли и милетские колонии в Северном Причерноморье. Античные авторы упоминают два Апатуриона на Азиатском Боспоре: храм в Фанагории (Strab. XI, 2, 10; Steph. Bys. s. v. Apatourion) и загородное святилище (Strab. XI, 2, 10; Plin. NH. VI, 18; Ptol. V, 8, 2). Оно находилось между Фанагорией и Гермонассой на берегу залива, который, согласно ссылке Стефана Византийского на Гекатея Милетского, именовался Апатурионом. Вероятно, это была одна из бухт современного Таманского залива, на дне которого теперь оказались остатки святилища (Тохташев, 1986. С. 141; Зубарев, 1999. С. 135–136). На основании упомянутого сообщения Гекатея можно заключить, что древнейший Апатурион появился на Таманском полуострове уже в архаическое время. Почитавшаяся там Афродита Апатура, известная как «владычица Апатура» (КБН. 35, 75), распространяла свое покровительство на целую область, подобно ольвийской Матери богов «владычице Гидея» (Рулева, 1992. С. 145) или Ахиллу «владыке острова Левка» (IOSPE P. 326). Этим объясняется, почему от эпikleз богини получили наименование залив и селение около святилища.

Название праздника Апатурий первоначально, по-видимому, означало «совместный общий праздник отцов фратрий». Проведение Апатурий давало повод для ежегодных встреч всех членов фратрии, которые могли жить в разных частях государства (Латышев, 1997. С. 134; Parke, 1986. P. 88). Народная же этимология связала наименование праздника со сходно звучащим словом ὄψις (обман). Это отразилось в сюжете единственного сейчас известного боспорского храмового мифа, кратко записанного Страбоном (XI, 2, 10). Боспоряне считали, что праздник Апатурий справлялся в память о том, как в давние времена на их земле гиганты напали на Афродиту, и она победила их хитростью (обманом). Богиня позвала на помощь Геракла, спрятала его в пещере и там, принимая гигантов поодиночке, отдавала их на расправу герою. Возможно, во время Апатурий исполнялись местные гимны на этот сюжет или даже разыгрывались драматические сцены, как на некоторых других греческих празднествах.

По другой эпikleзе Афродиты, по-видимому, был назван основанный милетянами небольшой боспорский город Кепы (Сады), наименование которого некоторые исследователи связывали с якобы находившимися там садами (Гайдукевич, 1949. С. 102; Ланин, 1971. С. 371). Археологические раскопки показали, что начиная с VI в. вплоть до I в. до н.э. главной богиней города была Афродита (Соколовский, 1973. С. 236). Некоторые ее святилища помещались в садах и рощах (Pind. Puth. 24), и

прилегающая к ним местность могла называться по священному саду богини (Strab. XIV, 6, 3). В окрестностях Афин было селение Кепы, получившее свое наименование от находившегося там святилища «Афродита в садах» (Ἀφροδίτη ἡ ἐν κήποις); там близ ее храма высилась замечательная скульптура ученика Фидия Алкамена и древняя статуя Афродиты Урании (Paus. I, 19, 2), чья эпikleза напоминает определения богини в боспорских надписях. Поэтому есть достаточные основания полагать, что название боспорских Кеп происходит от наименования святилища «Афродита в садах» (Яйленко, 1977. С. 220–221).

Более подробно стоит остановиться на анализе письменных и эпиграфических источников о храме верховной богини Херсонеса, потому что в научной литературе, на мой взгляд, был высказан ряд ошибочных суждений при интерпретации сведений о главном херсонесском храме, остатков которого археологам найти не удалось. Этот храм, посвященный Артемиде с эпikleзой Партенос, вероятно, назывался Парфеноном или, по старой транскрипции, Парфеоном.

При слове Парфенон теперь, как правило, возникает единственная ассоциация: это знаменитый мраморный храм, построенный на Акрополе Афин две с половиной тысячи лет тому назад и до сих пор вызывающий всеобщее восхищение, несмотря на значительные утраты. Однако в древности понятие *παρθένον* имело более широкий спектр значений.

В ежедневной речи эллинов слово *παρθένος* означало понятие девушка, а девичья комната в греческом доме называлась парфеноном или чаще во множественном числе, что по-русски можно передать как «девичьи покои». О девичьих в греческих домах теперь редко вспоминают, потому что в произведениях античных авторов обычно упоминаются андрон и гинекей, т.е. мужская и женская половины дома, а о таких помещениях, как комната для гостей (*ξενών*) или девичья (*παρθένον*), речь идет очень редко. Например, в таких покоях находились у себя дома Антигона и Ифигения в трагедиях Еврипида «Финикиянки» (стих 89) и «Ифигения в Тавриде» (стих 826). По современному правилу греческая «θ» передается в русском языке как «т», поэтому слово *παρθένος* и все от него производные будут транскрибироваться таким образом за исключением издавна принятого написания афинского Парфенона.

Афиняне посвятили свой главный храм Афине Полиаде – защитнице города, и сначала обычно называли его просто Храм или Большой храм, а парфеноном, т.е. покоем Афины Девы, первоначально именовалось только сравнительно небольшое закрытое помещение позади огромного главного зала с прославленной статуей богини, испол-

ненной Фидием (Колобова, 1961. С. 116). Особое значение это помещение имело потому, что там под покровительством Афины Партенос хранилась государственная казна. Названный эпитет Афина получила из-за того, что греки считали ее целомудренной, не подвластной чарам Афродиты. В IV в. до н.э. наименование части храма стало перекладываться на все здание. Древнейшее свидетельство об этом сохранилось в речи Демосфена «Против Андротриона» (XXII, 76), написанной в 355 г. до н.э. Там оратор назвал Парфеноном первым в числе нескольких замечательных афинских зданий, таких как Пропилеи, стои и верфи. Однако современник Демосфена Филохор, описывая прославленную статую Фидия, по-прежнему пользовался названием Большой храм (FHG. I. P. 400. Fg. 97), так что наименование всего здания Парфеноном, с которым оно вошло в мировую историю культуры, архитектуры и искусства, окончательно закрепилось за ним позже.

Следует отметить, что из всех богинь-девушек эпитетом *παρθένος* греки чаще всего наделяли Артемиду (Толстой, 1918. С. 117; Der kleine Pauly, Lexicon der Antike. Stuttgart, 1964. s.v. Parthenos). В этой ипостаси ей поклонялись в разных греческих государствах: в Спарте, Галликарнасе, на островах Фере и Леросе, а в Северном Причерноморье – в Херсонесе (Толстой, 1918. С. 147; Соломонович, 1973. С. 76). Афина же, хотя также была целомудренной богиней, гораздо реже определялась эпikleзой Партенос. Афиняне не почитали Афины специально в этой ипостаси, а этот эпитет вообще редко применяли к своей главной богине, преимущественно в стихотворных текстах; в афинских документах постоянно встречается эпikleза богини Полиады и никогда Партенос (Жебелев, 1939. С. 47). Поэтому нет никаких оснований согласиться с предположением А.С. Русаевой, что в Херсонесе утверждение культа Артемиды Партенос было «идеологическим выпадом» основавших город гераклеотов и делосцев, враждебно настроенных к Афинам, которые «пропагандировали культ своей покровительницы и владычицы в ипостаси мудрой и мужественной Партенос». Эта гипотеза построена на ошибочном представлении исследовательницы о том, что «в Афинах особенно почиталась Афина Партенос, которой на акрополе был сооружен величественный храм Партенос», что афинская «Партенос способствовала победе греков над персами», поэтому «делосцы не могли примириться с тем, чтобы исконные Артемидино культывое имя принадлежало только Афине» (Русаева А.С., Русаева М.В., 1999. С. 75, 90). На деле же афиняне никогда особенно не выделяли ипостась Партенос у своей верховной богини, так что колониям из Херсонеса не могли прийти в голову какие-либо враждебные афиня-

нам соображения в связи с установлением культа Артемиды с ее широко распространенной у всех греков эпиклезой Партенос.

Артемиды стала верховным божеством Херсонеса Таврического, основанного Гераклеей Понтийской при участии жителей острова Делоса (*Виноградов, Золотарев, 1999. С. 91–129*), где, согласно верованиям эллинов, родилась богиня (Strab. X, 5, 2; Apollod. Bibl. I, 4; Hugin. 53, 140). Существовала даже легенда, что она сама основала этот город (Mela II, 3). Распространенная у греков эпиклеза Артемиды стала употребляться в Херсонесе чаще всего без имени богини. По надписям известно, что херсонеситы клялись именем Партенос на верность отчизне и верили, что в критические моменты она является на помощь городу (IOSPE I. 343, 344, 355, 401). Изображение богини в разных видах чеканили на херсонесских монетах с IV в. до н.э. до заката античной эпохи (*Бондаренко, 2003. С. 32–42*).

Текст декрета в честь Диофанта сохранил ясное свидетельство о том, что херсонеситы называли Партениями главные городские праздники в честь своей верховной богини (IOSPE I. 352), соответственно ее храм должен был называться Партеионом. Подтверждение этому можно найти в житиях епископов херсонских. Один из них, Капитон, в IV в. н.э. поселился вместе со своим окружением на выделенной им территории между Малой агорой и «местом, называемым Партеионом». Из этих слов «Жития Капитона» можно заключить, что Партеионом назывался не только сам храм, но и окружающий его священный участок. Сохранились тексты «Жития» составлены по более древним источникам позже описанных там событий, так что их авторы могли не совсем ясно представлять реалии прошлого. Так, в их время уже забылось, что херсонесская Партеио была богиней женского рода, потому что как в подробном, так и в сокращенном вариантах «Жития Капитона», написано о желании епископа уничтожить храм бога Партеиона (*Латышев, 1906. С. 14, 20–21, 80*). Однако у составителей не было никаких оснований что-либо изменять в определении района города, где жил Капитон.

В «Житии Василия» Партеионом названа некая пещера в городе, где праведник укрывался от преследований язычников (*Латышев, 1906. С. 59*). По-видимому, здесь речь идет о той части святилища (может быть, это было вырубленное в скале помещение, какие встречаются при раскопках Херсонеса), которое обладало правом асилия, т.е. обеспечивало неприкосновенность укрывавшегося там человека (*Латышев, 1906. С. 53*). Такой привилегией обладали некоторые античные святилища. Например, знаменитый храм Артемиды в Эфесе распространял асилию на значительную ок-

ружающую его территорию (Strab. XIV, 1, 23), а в IV в. до н.э. в святилище Афины в Тегее нашел убежище спартанский царь и прожил там до смерти, так как на родине его обвинили в причастности к гибели полководца Лисандра и грозили за это казнь (Plut. Lys. 30).

Древнейшее эпиграфическое свидетельство о главном херсонесском храме относится к III в. до н.э. В почетном декрете в честь историка Сирика (IOSPE I. 344) записано, что каменную стелу с текстом постановления следует установить в преддверии храма Партенос. Но первый херсонесский храм Артемиды с эпиклезой Партеионом появился раньше, вероятно на рубеже V–IV вв. до н.э., потому что с этого времени можно определенно говорить об утверждении культа этой богини как возглавляющей пантеон города (*Бондаренко, 2003. С. 32*). Не случайно изображением ее профиля украшены первые выпуски местных монет, датированных 390–380 гг. до н.э. (*Анохин, 1977. № 1–7*).

Херсонесский Партеион, наперное неоднократно перестраивавшийся, занимал центральное положение в городе много столетий и был уничтожен во время борьбы за установление христианства. В «Житии епископа Капитона» рассказано, как в построенных по его велению пещерах сгорели мраморные детали и скульптуры святилища верховной херсонесской богини, а известь, полученная из переженного мрамора, пошла на строительство церкви во имя апостола Петра, сооруженной на месте прежнего храма. Если верить данным «Жития Капитона», эти события произошли в первой половине 325 г. (*Латышев, 1906. С. 41*), так что мы имеем уникальный для Северного Причерноморья случай указания конечной даты существования главной святилища античного Херсонеса. Археологам не удалось обнаружить остатков упомянутых языческого и христианского храмов, которые, по-видимому, находились на месте современного Владимирского собора.

Говоря о храме Партеио в Херсонесе, нельзя обойти упоминание о нем в «Географии» Страбона (VII, 4, 2; С. 308). Так как его сообщение вызывает неоднозначное понимание, приведем греческий текст по изданию Х.Л. Джоунза в известной серии текстов античных авторов Loeb Classical Library, а также переводы, предложенные разными исследователями.

Χερρόνιοσ... ἐν ἧ τὸ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονος τύπος, ἢ ἐπιώνυμος καὶ ἡ ὄψις ἢ πρὸς τῆς λέξεωσ ἔστιν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλούμενη Παρθένιον, ἔχον ἐνὸν τῆς δαίμονωσ καὶ ἔδανον.

При непредвзятом чтении «Географии» слова Страбона вряд ли вызовут двойственность их понимания. Вот как они читаются в сделанном Г.А. Стратановским полным русским переводом всего труда географа: «В городе есть святилище Девы

(какого-то божества). В ста стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей» (Стратоновский, 1964. С. 282). Надо отметить, что греческая единая фраза здесь разбита на два предложения. Сходные по смыслу и грамматическому построению переводы существовали во всех отечественных и зарубежных изданиях, пока В.В. Латышев (1909. С. 133–136) не подверг сомнению их правильность.

Ведь получается, что Страбон говорит о двух храмах: одном существующем в городе и названном святилищем (ιερόν), и другом на мысе Партеий (ὑψός), в котором находится деревянное изваяние (εἰδωτός). Справедливо сомневаясь в наличии у херсониситов второго значительного и достойного упоминания храма, В.В. Латышев полагал, что в достоверном географическом описании побережья Крыма, каким был использованный Страбон источник, речь должна идти только о реально существовавшем храме в городе. Поэтому он предложил более сложное, но не противоречащее правилам греческого языка толкование текста, а именно отнести причастие ἔχου не к ближайшему слову мыс Партеий, а к далеко отстоящему от него в начале фразы херсонисскому святилищу (ιερόν), слова же между ними считать вводным предложением. Ученому удалось найти у Страбона несколько случаев, подтверждающих такую возможность толкования текста. Однако в приведенных примерах причастие отделялось максимум четырьмя вводными словами, а не тринадцатью, как в тексте о Херсонесе, поэтому мне кажется убедительной критика С.А. Жебелева (1953. С. 239), усомнившегося в возможности так истолковать сообщение Страбона и настаивавшего на традиционном понимании этой фразы.

Как и Г.А. Стратоновский, исследователи, согласные с В.В. Латышевым, также разбирают в своих переводах одну греческую фразу на две, но делают это иначе: «В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом на расстоянии ста стадий мыс, называемый Партеием. В святилище находится храм богини и ксоанон». Так как подобный перевод соответствовал данным эпиграфики и археологических раскопок, его сочли правильным почти все отечественные ученые, сподка мнений которых приведена в книге М.Е. Бондаренко (2003. С. 26); зарубежные же исследователи и переводчики не приняли такое толкование (Джоуиз, 1994. С. 146).

Недавно А.С. Русыева (1999. С. 78; 2005. С. 263) решила поправить прежние переводы. По ее мнению, чтобы решить, находился ли в городе или за его пределами храм с древней деревянной статуей, нужен более точный перевод, потому что ни один

из предложенных «не является буквальным, так как в них введены те или иные связующие слова. Страбонува справка короче и звучит несколько иначе: В нем (т.е. в Херсонесе) – святилище Партенос, какого-то божества, имя которого носит и мыс перед городом в ста стадиях, называемый Парфением, имеет храм божества и ксоанон». Видимому, этот перевод просто составлен из предположений ранее. Такое впечатление складывается потому, что А.С. Русыева не приводит греческого текста, отличающегося, хотя и незначительно, в разных его изданиях, а также никак не обосновывает свое понимание, в отличие от В.В. Латышева и С.И. Жебелева, давших пространные грамматические объяснения для разъяснения конструкции предложения древнего автора. Указав, что все переводчики на свое усмотрение вводили связующие слова, сама А.С. Русыева пользуется отсутствующим у Страбона глаголом «носит» и опускает глагол «есть», главное же, она без всяких объяснений причастие ἔχου переводит личной формой глагола. Но ведь из-за понимания, куда отнести названное причастие, зависит смысл фразы, так что при буквальном переводе причастный оборот следовало оставить и ясно показать, от какого слова он зависит. Поэтому никакого буквального перевода не получилось, и вопреки желанию его автора вопрос о толковании текста остался не снятым.

Подобным образом, не обращаясь к греческим оригиналам «Житий херсонисских епископов», А.С. Русыева (1999. С. 79, 90; 2005. С. 263) утверждает, что там под словами «идол Партенос» подразумевается ксоан херсонисской богини. Во-первых, слово εἰδωτός (изображение) греки могли отнести к любой статуе, так как оно не имело такого смысла как русское «идол», во-вторых, в одной из лучших рукописей «Жития Капитона» (Латышев, 1906. С. 21) в данном случае употреблено слово «бог» (θεός), так что если в какой-то редакции или старом переводе говорится об идоле, то надо помнить, что со времен Нового Завета это слово применялось к языческим богам, так что здесь не идет речь о статуе. Кроме того, в греческих текстах говорится о разрушении храма Партенос, а не о превращении его в христианскую моделью, как считает А.С. Русыева. Также ни на чем не основано ее утверждение, что в Херсонесе наименование Партенос «появилось в период преследования христианами почитателей Партенос», при этом есть ссылка только на упоминание пещеры Партеон и не учтены другие сведения о местонахождении Партеониа в «Житии Капитона».

Я столь подробно остановилась на критике ряда положений в двух появившихся за последнее время трудах А.С. Русевой потому, что она является авторитетным специалистом в области античной археологии и религии Северного Причерноморья.

Поэтому, по моим наблюдениям, ее перевод Страбона и ссылки на древних писателей уже упоминаются в работах археологов, многие из которых, не зная древнегреческого языка, не могут критически отнестись к перечисленным сведениям о прошлом Херсонеса.

Но вернемся к сообщению Страбона. Мне кажется, следует остановиться на более простом и грамматически ясном понимании интересующего нас текста как повествующего о двух храмах. Анализируя ту или иную часть «Географии», нужно опираться на заключение М.И. Ростовцева: «Страбоном нельзя пользоваться механически. Он только тогда ценен и понятен, если мы в каждом отдельном случае сумеем отдать себе отчет, кто из многочисленных его источников говорит с нами в каждом данном случае» (Ростовцев, 1925. С. 42). На примере глав, посвященных Боспору, исследователь показал, что Страбон обычно не перерабатывал сообщения своего источника, а просто их сокращал (Ростовцев, 1913. С. 370).

Это можно определить и в интересующем нас отрывке, хотя возможно, что контаминация сведений заключалась уже в его источнике. Кроме констатации факта наличия храма в Херсонесе и указания названия мыса Партевий, Страбон записал считавшиеся в древности достоверными сведения о некоем храме Артемиды близ Херсонеса в земле тавров, где Ифигения служила жрицей. Различные версии мифа об Ифигении были широко известны в устной и письменной традиции на протяжении всей античности; в частности один из вариантов предания изложен у Овидия, современника Страбона (Ер. III, 2, 45–95).

Первый раз, называя Партенос «каким-то божеством», Страбон выразился так, потому что не знал, какая именно греческая богиня почиталась в Херсонесе, а непорочными девами наряду с олимпийскими богинями Артемидой, Афиной и Гестией были и другие эллинические божества. Во второй же раз географ опирался на традицию о некой девственной богине в Таврике. Геродот отождествлял ее с Ифигенией (IV, 103), но чаще ею считалась Артемид Тавропола, жрицей которой была Ифигения. В связи с этим следует сделать отступление и напомнить о популярном во всей греческой ойкумене мифе об Ифигении и ее служении в храме богини в земле тавров. Наиболее ярко и подробно в сохранившейся античной литературе миф изложен в трагедиях Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде», короче и по-иному написан об этом Овидий.

В мифе повествовалось о том, как микенский царь Агамемнон разгневал Артемиду тем, что убил на охоте лань, ее священное животное, и похваляясь своим искусством стрелять из лука, не хуже богини. Собравшееся в Авлиде войско под

предводительством Агамемнона не могло отправиться на кораблях на войну с Троей, потому что Артемиде не давала дуть попутному ветру. Богиня соглашалась переменить свой гнев на милость, если ей в жертву принесут дочь Агамемнона Ифигению. В древнейшем варианте мифа Ифигения, по-видимому, погибала на жертвенном костре, но затем предание получило иное завершение. Артемиде в последний момент девушку заменила на костре ланью, а Ифигению перенесла в Таврику и сделала жрицей в своем храме, где тавры совершали кровавые жертвоприношения. Об этом жестоком обычае таврских племен, живших по соседству с Херсонесом, рассказал современник Еврипида Геродот в своей «Истории» (IV, 103).

События, произошедшие уже после окончания Троянской войны, описаны в трагедии «Ифигения в Тавриде», впервые поставленной в афинском театре в 414 г. до н.э. Действие происходит в никогда не существовавшем царстве тавров перед храмом Артемиды. Сюда по велению оракула Аполлона прибывает сын Агамемнона и брат Ифигении Орест вместе со своим другом Пилодом. Они намереваются похитить из храма священное изображение Артемиды, чтобы доставить его в Элладу. Друзья, свхваченные таврами, обречены на смерть и должны быть принесены в жертву богине, а Ифигения как жрица храма обязана освятить жертвоприношение. Из разговора с пленниками она случайно узнает, что перед ней ее родной брат, которого она видела последний раз маленьким ребенком. Тогда Ифигения решает помочь добыть древнюю деревянную статую (ξύλον) Артемиды и бежать на родину вместе с Орестом и Пилодом. Беглецов настигает царь тавров и обрекает на смерть, но внезапно появившаяся богиня Афина освобождает пленников. Она велит Оресту построить в Аттике храм Артемиды, поместить туда похищенный кумир, а Ифигении – стать жрицей этой богини, прозванной в память всего произошедшего Таврополой.

Миф, как присуще этому жанру, существовал в нескольких вариантах, о чем свидетельствуют упоминания античных авторов: например, в Мегарах рассказывали, что Ифигения кончила свои дни в их государстве, а не в Афинах (Paus. I, 43, 1). В Спарте, Аргосе, Лаодикее и даже в греческих колониях Южной Италии считали, что похищенный из Таврики кумир богини был доставлен в местные храмы (Strab. V, 3, 12; XII, 2, 3, 7; Paus. III, 6, 17; Ovid. Met. XIV, 331; Lucan. III, 86; Толстой, 1918. С. 127–128). В храмовых легендах этих городов имелись разные объяснения, как туда доставляли деревянную статую. Павсаний, знакомый с несколькими вариантами подобных легенд, отдает предпочтение версии, которую он слышал в Спарте, считая ее более достоверной, чем афинскую (Paus.

III, 16, 7). Заметные отличия от сюжета в трагедии Еврипида имеются и в пересказе мифа у Овидия (Ер. III, 2, 45–95).

В Аттике действительно существовал храм Артемиды Таврополь; там показывали могилу Ифигении и рассказывали храмовую легенду, на сюжет которой написана трагедия Еврипида. Описанный же трагиком храм в Таврике, около которого разворачивались события пьесы, создан творческой фантазией поэта (*Скржинская*, 1988. С. 179–181), хотя многим исследователям хотелось думать, что Еврипид имел в виду реально существовавший в его время храм близ Херсонеса (*Бабинов*, 1972. С. 29; *Пичикян*, 1975. С. 118–119; *Trell*, 1964. Р. 96).

На Херсонесском и Гераклеюском мысах, а также на Фиоленте, отождествляемых с Партеином Страбона, археологи не нашли никаких остатков античных святилищ (*Бондаренко*, 2003. С. 27; *Зубарь*, 2005. С. 209), а детальный анализ текста трагедии также не обнаруживает каких-либо черт здания, существовавшего во времена Еврипида. В то же время перед мысленным взором драматурга храм Артемиды в Таврике имел вполне определенный облик. Орест и Пиллада говорят, что видят здание, окруженное высокими стенами, к нему надо подниматься по ступеням лестницы, двери закрыты на медные запоры, фриз украшен триглифами, и между ними есть незаполненные пространства, через которые друзья хотят проникнуть внутрь (стихи 96–112). В песне хора трагедии упоминаются колонны и карнизы храма, отделанные золотом (стихи 127, 128). Таким образом, несмотря на принадлежность святилища полудикому племени тавров, поэт изображает его как чисто греческое сооружение, причем относящееся не к современной ему архитектуре, а к архаической эпохе. Только когда в наружной отделке храма применяли золото и оставляли незаполненными промежутки между триглифами – торцами деревянных балок перекрытия крыши (*Зубов*, *Петровский*, 1940. С. 287–288). Расположенные над колоннадой, они составляли ритмичный ряд, и для красоты на каждом торце делали три продольные насечки, от которых произошло название триглифов. Когда с конца VI в. до н.э. греки начали строить каменные храмы, постепенно вытеснившие деревянные, триглифы утратили свою конструктивную роль и превратились в декоративное украшение. Пространства между ними заполнялись плитами, называемыми метогами, которые чаще всего украшали рельефами. Прекрасный пример такого декора мы видим на афинском *Парфеноне*, построенном при жизни Еврипида.

Описанное трагиком строение не могли возвести ни тавры, не обладавшие греческими строительными навыками, ни херсонеситы, которые начали строить более или менее крупные храмы

только в классический период, когда господствовал уже иной архитектурный стиль. Герои трагедии «Ифигения в Тавриде» – дети Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которую античные авторы относили к XIII–XII вв. до н.э. Поэтому Еврипид представил старинный храм Артемиды в виде тех древних храмов, которые он сам видел в Элладе. Таков был храм Аполлона в Дельфах, детально описанный драматургом в трагедии «Ион», и, возможно, он оказал определенное влияние на изображение *таврического храма*. Упоминание этого храма у Овидия также имеет чисто литературное происхождение. Поэт создает образ монументального сооружения, которое, в отличие от описания Еврипида, почти не обладает конкретными чертами (Ер. III, 2, 49–50).

Храм Артемиды на краю земли в далекой для большинства греков почти сказочной Таврике существовал не только в воображении писателей. Античные художники, для которых мифы служили неисчерпаемым источником сюжетов их произведений, неоднократно изображали этот храм в соотвествии со своей фантазией (*Philippart*, 1925. Р. 5–33; *Sechan*, 1967. Р. 385). Например, италийские вазописцы IV в. до н.э. неоднократно рисовали Ифигению, Ореста, Пилладу и храм со статуей Артемиды Таврополь (*Скржинская*, 1988. С. 184–188). Таким образом, устные рассказы, произведения писателей и художников постоянно подкрепляли уверенность большинства греков в реальном существовании храма Артемиды на земле тавров по крайней мере во времена Троянской войны.

Указанное Страбонам точное расстояние в 100 стадиев от Херсонеса до мыса с храмом, на первый взгляд, относится к реальным данным географа. Но, скорее всего, это круглое число пришло в письменный источник из устного предания, в котором подобные характерные для фольклора цифры означают лишь значительное расстояние и добавляли достоверности мифологическим рассказам (*Скржинская*, 1989. С. 90–91). Не случайно мыс Партеий не поддается точной локализации; с ним отождествляют разные мысы близ Херсонеса (*Зубарь*, 2004. С. 57–60), хотя, казалось бы, указано его точное местоположение.

К такому же мифологическому источнику, в конечном счете, относится сообщение географа о ксоане, находящемся в храме Артемиды, хотя многие ученые верят в его реальное существование (*Русьева А.С.*, *Русьева М.В.*, 1999. С. 78; 2005. С. 263; *Зубарь*, 2005. С. 207). Наверное, не случайно статуя названа тем же словом ксоан, неоднократно повторенным в трагедии Еврипида, причем трагик писал о том, что изваяние упало с неба, указывая на его чудесное происхождение (стихи 87, 111, 977, 986, 1359, 1384). Подобная скульптура соответствовала представлениям о мифическом хра-

ме, в котором должно находиться старинное изображение богини, а такими у эллинов были древние примитивные деревянные статуи. Реально же существовавшие и почитаемые статуи Парthenос изображены на херсонесских монетах, и характер их соответствует времени существования городского храма классического и эллинистического времени (*Зограф*, 1922. С. 336–360; *Анохин*, 1977. С. 26; *Русяева А.С., Русяева М.В.*, 1999. С. 117–124, 149; *Бондаренко*, 2003. С. 38–39).

Моему предположению о происхождении ряда сведений Страбона из мифологической традиции не противоречит то обстоятельство, что географ в рассматриваемом месте не ссылается на миф об Ифигении, хотя такие ассоциации обычно возникали у многих писателей. Например, в Перипле псевдо-Скимына в части с описанием конкретных географических пунктов на северном побережье Понта после слов о местоположении Херсонеса автор стал нужным напомнить, что «в это место Таврики, как говорят некоторые, некогда прибыла Ифигения из Авлиды» (стихи 829–831). Отсутствие подобной ссылки у Страбона можно объяснить идущей с древности традицией вычлнять из мифа реальные сведения и отделять их от вымышленных, что наблюдается уже у Геродота. Существование же некоего древнего храма в Таврике за истинное право обладания которым спорили многие греческие святилища.

Приведенные доводы показывают, что текст Страбона надо понимать без особых оговорок о необычном синтаксисе фразы; там написано о двух разных храмах в Таврике, и с надлежащим комментарием это сообщение получает объяснение в контексте сравнения с другими сведениями античных авторов на эту тему.

Отрицая реальность храма, упомянутого географом вне стен Херсонеса, я не отвергаю предположения о том, что в принципе херсонеситы могли иметь какое-то загородное святилище своей богини (*Зубарь*, 2005. С. 207–209). Однако если таковое и было, то его наличие не отразилось вцелевших сочинения древних писателей, которых интересовал лишь мифический храм Артемиды Таврополю и связанный с ним миф об Ифигении в Тавриде.

Итак, письменные и эпиграфические источники дают основание решить, что главный херсонесский храм, посвященный Артемиде в ипостаси Парthenос, назывался Парthenоном, и подобное наименование для храма Артемиды не было уникальным в античном мире. Возможно, название относилось не только к храму, но и к окружающей его священной территории, где стоял алтарь главной богини города и ее статуи, некоторые из которых изображены на местных монетах; какая-то из

них, наверное, находилась внутри храма. Сведения же о древнем ксоне относятся не к реальной храмовой скульптуре, а к мифологическому сюжету о похищении кумира Артемиды. Притвор храма, а вернее пространство перед ним (ведь слово пронаос из декрета Сирикса можно понять в обоих этих смыслах) служило местом, где херсонеситы выставляли статуи с почетными декретами. Во время государственного праздника Парthenии торжественное шествие заканчивалось около этого главного городского храма перед алтарем, на котором совершалось жертвоприношение.

В Северном Причерноморье только об этом храме известно, что он, подобно ряду других в разных греческих городах, обладал правом асиллии, т.е. предоставлял неприкосновенность искавшим в нем убежище. В храме хранилась местная хроника с записями всевозможных событий и чудес, связанных с явлениями богини и ее помощью государству, о чем известно из лапидарных надписей (IOSPE F. 344, 352). Материалы хроники были литературно обработаны в сочинении местного историка Сирикса, и не случайно почетный декрет в его честь стоял около храма богини (*Ростовцев*, 1913. С. 370). Херсонесский Парthenос существовал с рубежа V–IV вв. до н.э. вплоть до конца античной эпохи.

Подводя итоги анализа письменных и эпиграфических источников о главных храмах и праздниках в античных городах Северного Причерноморья, можно прийти к выводу, что они назывались по эпikleзам божества, возглавлявшего пантеон полиса. Наверное, это указывало на то, что здесь бог почитался именно в определенной его ипостаси с характерной для нее функцией. Эти наименования возникли в милетских колониях еще в архаический период и продолжали появляться в классический. В Ольвии и на Боспоре такие названия главных храмов и праздников сохранились в эпоху эллинизма, а в Херсонесе вплоть до заката античности. Все прочие письменные сведения о других храмах и праздниках в Северном Причерноморье сохранились в надписях, и там их называют по имени, а не по эпikleзу бога. Таковы, например, праздники Гермеи, справлявшиеся в Горгиппии (КБН. 1137), боспорские храмы Афродиты, Посейдона, Артемиды, Зевса и Ареса (КБН. 63, 942, 1014, 1115, 1134) или херсонесский храм Афродиты (IOSPE. F. 440).

- Анохин В.А.*, 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев.
Бабинов Ю.А., 1972. Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М.
Бондаренко М.Е., 2003. Пантеон Херсонеса Таврического. М.
Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса. М.

- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И., 1999. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. М.
- Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гриков Б.И., 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. М. № 3.
- Джоуиз К.П., 1994. Херсонес Таврический в надписи из Порто близ Рима // ВДИ. М. № 2.
- Жебелев С.А., 1939. Парфенон в «Парфеноне» // ВДИ. М. № 2.
- Жебелев С.А., 1953. Северное Причерноморье. М.
- Зограф А.Н., 1922. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК. Пг. Т. 2.
- Зубарев В.Г., 1999. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // Древности Боспора. М. Вып. 2.
- Зубарь В.М., 2004. По поводу локализации святилища богини Партенос в окрестностях Херсонеса // Причерноморье. Крым. Русь в истории и культуре: материалы второй междунар. науч. конф. Киев; Судак. Ч. 1.
- Зубарь В.М., 2005. Партенос – верховная богиня Херсонеса // Старожитности степового Причерноморья и Крыму. Запорижж'я. № 12.
- Зубов В.П., Петровский Ф.А., 1940. Архитектура античного мира. М.
- Кобылина М.М., 1965. Милет. М.
- Колобова К.М., 1961. Древний город Афины и его памятники. Л.
- Кошленко Г.А., 1999. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Древности Боспора. М. № 2.
- Крыжичский С.Д., 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжичский С.Д., 1998. Храм Аллодона Врача на Западном теменисе Ольвии (опыт реконструкции) // ВДИ. М. № 1.
- Лапин В.В., 1971. Землеробство, скотоводство, та промысли // Археология Украинской РСР. Киев.
- Латышев В.В., 1906. Жития святых епископов Херсонских // Записки императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб. Т. 8. № 3.
- Латышев В.В., 1909. ПОНТИКА. СПб.
- Латышев В.В., 1997. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб.
- Леви Е.И., 1985. Ольвия: город эпохи эллинизма. Л.
- Пичишки И.Р., 1975. Орднерная архитектура Северного Причерноморья VI–V вв. до н.э. // ВДИ. М. № 1.
- Пичишки И.Р., 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье: античные традиции и влияния. М.
- Ростовцев М.И., 1913. Стробион как источник для истории Боспора // Сборник в честь В.П. Бузескула. Харьков.
- Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Пг.
- Русыева А.С., 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
- Русыева А.С., 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев.
- Русыева А.С., Русыева М.В., 1999. Верховная богиня античной Таврики. Киев.
- Скржинская М.В., 1988. Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР (1986). М.
- Скржинская М.В., 1989. О степени достоверности числовых данных в Скифском рассказе Геродота // ВДИ. М. № 4.
- Скржинская М.В., 2005. Античні свята у Північному Причорномор'ї // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ. № 5.
- Сокольский Н.И., 1973. Культ Афродиты в Келпах в конце VI – начале V вв. до н.э. // ВДИ. М. № 4.
- Соломонович Э.И., 1973. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Страпановский Г.А., 1964. Перевод в кн.: Страбон. География в 17 книгах. Л.
- Толстой И.И., 1918. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг.
- Тохтасев С.Р., 1986. Апатура: история боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. М. № 2.
- Яйленко В.П., 1977. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М.
- IOSPE I², 1916. – Inscriptions antiques orae septentrionalis Ponti Euxini: Graecae et Latinae / Ed. B. Latyschev. Petropoli. T. I.
- Parke H.W., 1986. Festivals of the Athenians. L.
- Philippart H., 1925. Iconographie de l'Iphigénie en Tauride d'Euripide // Revue Belge de Philologie et Histoire. Bruxelles. Vol. 4.
- Sechan L., 1967. Etudes sur la tragédie grecque dans ses rapports avec la céramique. P.
- Trell B.F., 1964. Numismatic Solution of Two Problems in Euripides // The Numismatic Chronicle. L. Vol. 4.

The Major Temples and Festivals in Ancient States of the Northern Black Sea Region in Literary and Epigraphic Sources

M.V. Skrzhinskaya

Analysis of ancient documentary and epigraphic sources has enabled to identify and partly restore the names of the major temples and festivities in Olbia, Chersonesos and some cities of the Bosporus. Originally Apollo Ietros headed the pantheon of deities in the Milesian colonies on the Northern Black Sea littoral. As shown by an Olbian graffito of the 6th century BC, his sanctuaries were called Ietrons while the festivals in his honour respectively were Ietrea or Apollonia.

In the 5th century BC in Olbia, the cult of Apollo in the hypostasis of the Delphinian pushed off to the back-

ground the worship of the god with the *epiklesis* of Ietros. The main Olbian temple in the Central Temenos was called Delphinion and the festivities were Delphinia. In Pantecapeum, on the contrary, until the late 2nd century BC the temple and the festival seemed to retain their old appellation.

On the Asiatic side of the Bosporus where the cult of Aphrodite Urania Apatura was especially popular, there were two large temples – Apaturions – of the goddess: in Phanagoria and outside the city on the shore of the Taman Gulf. The festival of Apatura was held there

from the beginning of Archaic period. In the city of Кепои (Gardens) that goddess was worshipped with the *epiklesis* of «Aphrodite in the Gardens» wherefrom the name of the town took its origin.

From the decree of Diophantes it is known that in Chersonesos, the main festival dedicated to Artemis with the *epiklesis* of Parthenos was called Parthenia. Correspondingly, the temple of the goddess must have had the name of Parthenon that is confirmed by allusions in the texts of the hagiography of Cherson bishops Basil and Kapiton. Here, presented is a detailed analysis of a statement of Strabo (VII, 4, 2; P. 308) which has an ambiguous interpretation in scientific literature. The present author arrives to the conclusion that we are dealing here with two different temples of Parthenos rather

than a single one: the first really existed in Chersonesos whereas the other was created by the fantasy of the Hellenes in the myth about Iphigenia the priestess of Artemis Tauropolos. The belief that in the temple there was an ancient wooden representation of the goddess also belongs to the mythological tradition although many researchers basing on V.V. Latyshev's interpretation of the text supposed that it mentioned a real statue.

The appellations of the main temples and festivals of the Classic period in the northern Black Sea region were based on the tradition common for all Greeks, the selection of the names according to the deity's *epiklesis* suggesting that the deity concerned was worshipped in a particular hypostasis with its characteristic function.

Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии

И.Ю. Шауб¹

Памятники культа Диониса в Ольвии многочисленны и разнообразны. Наиболее интересными являются посвящения Дионису, составленные общиной орфиков. В V в. до н.э. они были вырезаны на костяных пластинках (см.: Русьева, 1978). Впрочем, некоторые исследователи считают эти граффити пифагорейскими².

Самыми интересными из этих пяти пластинок являются первая и третья. На первой из них в верхней части вырезаны слова: $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma \beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$, чуть ниже: $\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\theta\epsilon\alpha$, а в нижней части: $\Delta\iota\omicron$ орфику (т.е. $\Delta\iota\acute{\beta}\nu\mu\omicron\sigma\varsigma$) $\acute{\omicron}\rho\phi\iota\kappa\omicron\iota$ или $\Delta\iota\omicron[\nu\acute{\theta}\omicron\sigma\iota]$ $\acute{\omicron}\rho\phi\iota\kappa\omicron\iota$). М. Уэст (West, 1982, P. 18) обоснованно считает, что эти слова подразумевают веру в жизнь после смерти.

На оборотной стороне третьей пластинки перед словом $\psi\chi\eta$ Ю.Г. Виноградов (см.: Жмудь, 1992, С. 110) читает слово $\theta\acute{\epsilon}\mu\alpha$ – и, таким образом, мы имеем здесь оппозицию тела и души, о которой говорит Платон (Crat. 400c) в том же месте «Кратила», где речь идет об орфическом метемпсихозе. Данные граффити «серьезно укрепляют позицию исследователей, продолжавших, несмотря на возражения, среди которых были и весьма серьезные, отстаивать историческую реальность орфизма как религиозного движения, а не как конгломерата не связанных между собою явлений» (Жмудь, 1992, С. 110).

По словам Л.Я. Жмудя (1992, С. 100), «эти граффити подтвердили то, что можно было предполагать и раньше: фигура мифического царя Орфея действительно связана с Аполлоном, но важнейшим культовым божеством орфизма был тем не менее Дионис». Дополнительные данные о характере орфического Диониса в Ольвии дают рисунки, сопровождающие посвящения Дионису. Корабль фиксирует связь этого бога с морем, а лошадь (впрочем, как и корабль) – либо с загробным миром, либо с Дионисом Заргеем (поскольку конь был одним из его превращений) (Русьева, 1979, С. 79). Свидетельства о связи Диониса с загробным миром известны на протяжении всего существования этого культа в Ольвии (в поздний период это

терракотовые фигурные сосуды, предназначенные для потребительных целей (см.: Русьева, 1992, С. 98–99; что касается догетского периода – см. ниже).

Скорее всего, орфизм проникает в Ольвию не в V в. до н.э. из Афин (Русьева, 1992, С. 97), а еще в VI в. до н.э. из Милета (см.: Penkova, 2003, С. 606 сл.), причем явно на хорошо подготовленную почву. Об этом наглядно свидетельствует существование уже в первой половине V в. до н.э. официального культа Вахха, адептом которого стал скифский царь Скил (Hdt. IV, 79)³.

О наличии в Ольвии культа Диониса Ленея говорит наличие месяца $\Lambda\eta\nu\acute{\alpha}\iota\omicron\nu$ в ее календаре (Виноградов, Русьева, 1980). Этот месяц, равно как и соответствующий праздник в честь Диониса Ленея, вероятно, существовал здесь издревле, о чем можно судить по надписи на бронзовом зеркале из архаического погребения ольвийского некрополя: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и Ленея, сын Демокла, радуйся» (Розанова, 1968). На острове Березань найдено граффито $\Lambda\eta\nu\acute{\alpha}\iota\omicron\varsigma \acute{\alpha}\rho\alpha\chi\acute{\iota}\omicron\varsigma$; сосуд (аск), на котором была прочерчена эта надпись, скорее всего, служил наградой на ленеийских состязаниях в питье вина (Толстой, 1953, № 53). В Ольвии были найдены застольные надписи, связанные с другим праздником в честь Диониса – Антестериями (Толстой, 1953, № 15, 16).

В связи с культом Диониса в Ольвии стоит вспомнить сообщение Геродота (IV, 108) о том, что гелоны (жители города Гелона в земле будинов, по происхождению эллины, некогда выселившиеся из эмпориев) в честь этого бога «каждые 2 года устраивают празднества с оргиями». Что же касается происхождения этого ольвийского культа, то вполне вероятно, что почитание Вахха могло быть принесено сюда первыми колонистами из Милета (Ehrhardt, 1983, P. 169), который, как известно, был основан минойцами. Но в то же время можно предполагать, что расцвет этого культа как в Нижнем Побужье, так и во всем Северном Причерноморье был обусловлен существованием у местных племен схожих эстетических культов шаманистического толка⁴.

¹ Россия, 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел античной археологии.

² А.В. Лебедев (Лебедев, 1989, С. 571) отмечает, что эти граффити можно рассматривать как «древнейший философский текст, найденный на территории СССР». Об отличиях пифагорейства от орфизма см.: Burkert, 1972, 120 сл.

³ О чертах дионисийского мифа в новелле Геродота о Скиле см.: Шауб, 2006.

⁴ Ср.: Жмудь, 1992, С. 104. Прим. 40. Отсутствие эстетических культов у скифов здесь наивно мотивируется ссылкой на правоучительную историю Геродота о царе Скиле.

Возвращаясь к ольвийским орфикам, можно предположить, что их община существовала именно здесь отнюдь не случайно, ведь совсем неподалеку обитали геты, которые, по словам Геродота (Hdt. V, 4), «верили в бессмертие» (*ἀθάνατοι*). Судя по находкам лепной керамики, геты жили и в архаической Ольвии (см.: Марченко, 1988). В этой связи приходится на память свидетельство Вергилия (Vicol. IV, 517–520) о том, что сам Орфей, alter ego Диониса (Загрея) (Wright, 2003, P. 101), «посещал гиперборейские льды, и спешный Танаис, и поля, никогда не освобождающиеся от Рифейских инеев, жалуясь на похищение Эвридики и тщетные дары Диты (Плутона)».

Кроме уже упомянутого сообщения Геродота о вакхических празднествах в Ольвии, о существовании здесь официального культа Диониса свидетельствуют монеты конца V – начала IV в., на аверсе которых представлен букраний, на реверсе – тирс в окружении букв ΟΛΒΙ (или ΟΛ), что говорит о государственном характере чеканки этих монет (Каршиковский, 1988, С. 53; Анохин, 1989, С. 22), а также упоминание жреца Диониса в надписи первой половины IV в. до н.э. (IOSPE I, № 166). О государственном характере культа Диониса в Ольвии свидетельствует и фиксируемая надписями IV–III вв. до н.э. связь этого бога с театром: найдены также керамические тессеры с изображением Диониса (Руслева, 1979, С. 82).

Кроме вышеперечисленных, существует еще целый ряд данных о популярности Диониса в Ольвии. Это и граффити с именем этого бога на обломках киликов и канфаров (Руслева, 1979, С. 83), и изображения бога и его спутников как в терракоте (Руслева, 1992, С. 87), так и в мраморной пластике (Фармаковский, 1926), и многочисленные теофорные имена (свыше 45), образованные от имени этого бога или от названий его праздников (Руслева, 1992, С. 99). Немаловажным свидетельством широкого распространения культа Диониса является и исключительная популярность в Ольвии аттической чернофигурной керамики с изображением самого бога, его спутников и символики его культа (особенно в погребальном контексте, см.: Скудная, 1958; 1988; также см.: Шауб, 2007). В связи с дионисийской символикой специального рассмотрения заслуживают ольвийские свинцовые букраии.

Как уже говорилось выше, в конце V – начале IV в. до н.э. на ольвийских монетах появляются новые символы: букраний (аверс) и тирс (реверс) (см.: Каршиковский, 1960). Это сочетание изображений с уверенностью позволяет предполагать связь букраия с Дионисом. Считается, что изготовившиеся в IV в. до н.э. в Ольвии терракотовые статуэтки бычков (см.: Леви, 1964, С. 170. Рис. 41, 1), найденные в основном при исследовании теме-

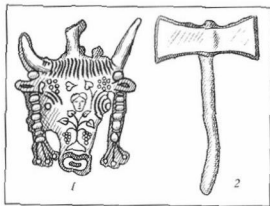

Рис. 1. Свинцовые вотивы. IV–III вв. до н.э. Ольвия
Fig. 1. Lead votives. 4th–3rd century BC. Olbia

носа⁵, служили вотивами этому же богу (Руслева, 1979, С. 89). Однако культовый комплекс (яма), где обломок торса женской статуэтки V в. до н.э. был перекрыт десятью бычьими рогами, «уложенными наподобие венца» (Леви, 1956, С. 66. Рис. 25), наглядно демонстрирует тот факт, что в религиозных представлениях ольвиополитов бык мог сочетаться и с женским началом. О том, что подобная ассоциация женского божества с быком была характерна для верований не только ольвиополитов, но и боспорян, свидетельствуют изображения Европы на быке (см.: Шауб, 2000) и золотые подвески в виде головы богини в калафе, шею которой украшает подвеска в виде бычьей головы (см.: ABC 48. Табл. VII, 11)⁶.

С IV в. до н.э. в Ольвии начинается производство свинцовых букраниев и двулезвийных секир (лабрисов), которые также связывают с культом Диониса. Так, К.И. Зайцева, исследовавшая эти культовые предметы, пишет: «Вероятно, букраии рассматривались как жертва, секиры – как оружие, которым эта жертва приносилась в честь хтонического Диониса. Букраии и секиры служили скромными и дешевыми подношениями в честь хтонического Диониса и бросались в насыпи могил, чтобы Дионис даровал блаженство душе умершего человека и способствовал плодородию почвы, в которой оказывались эти скромные дары» (Зайцева, 1971, С. 97–98; ср.: Зайцева, 2004, С. 370–371) (рис. 1). Не опиравая связи свинцовых

⁵ Кроме того, при раскопках теменина было найдено большое количество бычьих черепов, срезающих слезы, благодаря чему их можно было подвешивать. Некоторые из этих черепов имеют специальные просверленные круглые отверстия, служившие для крепления в них украшений (розеток, лент и т.п.). А.Н. Карасев и Е.И. Леви считают, что это череп жертвенных быков, висевшие на стенах храмов (Карасев, Леви, 1958, С. 140; Леви, 1964, С. 140).

⁶ Аналогичная подвеска найдена в кургане Гайманова Могилы (см.: Ганина, 1974. Рис. 57).

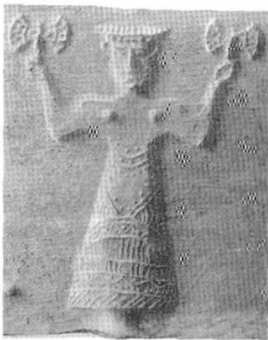

Рис. 2. Литейная форма, XVI в. до н.э. Палаикастро (Крит)
Fig. 2. Casting mould, 16th century BC. Palaikastro (Crete)

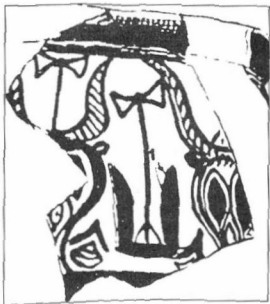

Рис. 3. Фрагмент расписной вазы. XIV в. до н.э. Саламин (Кипр)
Fig. 3. Fragment of painted vase. 14th century BC. Salamis (Cyprus)

букраниев с хтоническим Дионисом, осмелимся утверждать, что наличие среди этих культовых предметов лабрисов, которые отличали и вместе с букраниями и отдельно, свидетельствует о более сложном комплексе связанных с ними религиозных идей. Вероятно, здесь мы имеем дело с воскрешением древних представлений, характерных для религии минойского Крита, где лабрис был не только

одним из главных символов могущества Великой богини, но и одним из ее воплощений? (рис. 2), а букравий (или бычий рога) – символом ее умирающего и воскресающего спутника, почитавшегося в виде быка; таким образом, лабрис над букранием символизировал власть Великой богини над богом-быком (Gimbutas, 1974. P. 187; Андреев, 1997; 2002). Возможно, критская композиция в виде изображения головы быка с лабрисом между рогами обозначала единение мужского и женского начал в природе (Голан, 1993. С. 58)⁹ (рис. 3). Но еще важнее для нас то, что на трипольском костяном культовом предмете в виде головы быка изображена сама богиня (см.: Gimbutas, 1989. Рис. 420) (рис. 4). Таким образом, речь может идти о продолжении или воскрешении в ольвийских культовых предметах древней северопричерноморской традиции¹⁰.

О том, что сами букрании не могли целиком и полностью относиться к донисийским верованиям, свидетельствуют изображения, оттиснутые на этих свинцовых изделиях. Здесь представлены не только виноградные гроздья и листья плюща, но также ветви и побеги других растений, звезда, сочетание звезды и полумесяца, женское лицо¹¹ (см.: Зайцева, 2004. Табл. 1–15). Кроме того, однотип-

⁹ Лабрис на Крите никогда не появляется в руках мужских божеств (Лендберги, 1950. С. 291; о причинах перехода этого культового символа к карийскому Зевсу Лабрандию см.: Schweitzer, 1922). В историческую эпоху лабрис часто изображался в руках амазонок (см.: Шайб, 1993). Любопытно, что лабрис в современном мире является любимым амулетом лезбиянок (см.: Уокер, 2005. С. 137).

¹⁰ В подобных изображениях «ясно просматривается одна из исходных мифологем древнейших религий Европы, Средиземноморья и Передней Азии, соединившая в иерасторжизмом, хотя и внутренне противоречивом единстве женское и мужское начала, воплощенные в образах Великой богини земного плодородия и божественного быка, считавшегося ее сыном и в то же время возлюбленным и суррогатом» (Андреев, 2002. С. 394–395). Столь характерная для минойской культуры теснейшая связь верховного женского божества не только с быком, но и с бараном (Андреев, 2002. С. 395) как воплощениями олодотворяющего мужского начала восходит еще к неолитическому Чатал-Хююку (Мелларт, 1982. С. 91).

¹¹ По мнению Ю.В. Андреева, «комбинация лабриса с букранием или с заменяющими его «рогами посвящения» использовалась в религиозных жанрах минойского искусства... как важный религиозный символ, воплощающий идею иерасторжизмной связи двух главных божеств критского пантеона как в жизни, так и в смерти» (Андреев, 2002. С. 305. Прим. 47).

¹² На поселении Сабатинювка-2, относящемся к Трипольской культуре, было обнаружено культовое место, где наряду с сосудами, украшенными эмалевыми орнаментами, и женской глиняной статуэткой с подобным же орнаментом находились два топора, декаплине лезвиями в разные стороны (Макаревич, 1960. С. 292), которые, таким образом, составляли лабрис.

¹³ Все букрании из Аволонии имеют на лбу подобие изображение женского лица (Венедиков, 1969; Зайцева, 2004. Табл. 16; 20–22).

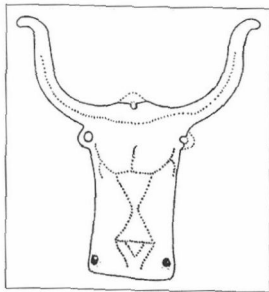

Рис. 4. Костяной предмет. Середина IV тысячелетия до н.э. Западная Украина

Fig. 4. Bone object. Mid-4th millennium. West Ukraine

ные свинцовые изделия в виде головы барана только с натяжкой можно связывать с культом Диониса¹², поскольку баран обычно ассоциировался в верованиях и культе греков с Гермесом (а в дорийских областях – с Аполлоном Карнейским; см.: Кагаров, 1913. С. 260 сл.). В то же время нельзя не отметить, что свинцовые головы баранов могли иметь украшения в виде гроздьев винограда и плюща. Поэтому даже если рассматриваемые свинцовые культовые предметы и были связаны с Дионисом, то этот бог должен был быть весьма архаичским, догреческим «Прадионисом», умирающим и воскресающим божеством растительности, одной из многочисленных ипостасей спутника Великой богини (ср.: Иванов, 1994)¹³.

Подавляющее большинство подобных культовых свинцовых предметов обнаружено в Ольвии (Зайцева, 1971; 2004; см. также: Wasowicz, Zdrojewska, 1998). На Западном теменесе найдено пять фрагментированных литейных форм для изготовления букраниев, в одном случае – вместе с лабрисом (Русева, 1992. С. 97); в частных коллекциях хранятся происходящие из Ольвии каменные формы для отливки лабрисов. Но подобные изделия найдены также и в других местах на Понте: в Аполлонии (см.: Венедиков, 1969. С. 72) и на Бос-

поре (если происхождение свинцовых букраниев из Даницкого музея было указано верно, см.: Wünsch, 1913)¹⁴. Косвенным, но красноречивым свидетельством в пользу нашей интерпретации ольвийских букраниев с лабрисами являются изображения на аттическом чернофигурном скифосе последней трети VI в., найденном в 1901 г. в одном из курганов Черкасского уезда Киевской губернии (см.: Руднева, 1911. Рис. 1–4). Этот сосуд явно попал сюда из Ольвии. На одной его стороне находится погрудное изображение Диониса, фланкированного с обеих сторон бюстами сатиров, сзади которых представлено по дельфину¹⁵; на другой стороне этого сосуда центром аналогичной композиции является выходящее из земли женское божество. Издательница данного скифоса С.Д. Руднева, отметив, что чаще других женских персонажей Диониса сопровождает Ариадна, Кора или Семела, справедливо предположила, что все они являются не просто древними хтоническими богинями, но «различными именами одной и той же богини», т.е. Великой богиней догреческой Эгеиды (Руднева, 1911. С. 138). Таким образом, рассмотренные выше изображения являются еще одним наглядным свидетельством того, что в Северном Причерноморье (причем не только в греческой, но и в варварской среде)¹⁶ была хорошо известна тесная связь между Дионисом и Великой богиней¹⁷.

Очень знаменательным представляется тот факт, что промежуточным звеном между культовыми памятниками минойского Крита и ольвийскими свинцовыми предметами являются схожие свинцовые вотивы из архаических святилищ Артемиды Ортин в Спарте (см.: Wace, 1929. P. 249–284). Как известно, до конца античного периода эта богиня сохраняла характернейшие черты своего минойского прототипа.

Возможно, на примере ольвийских букраниев и лабрисов мы имеем подтверждение глубокой мысли В.И. Иванова (1994. С. 71) о том, что «прадионисийские культы искали синкретической формы, объединяющей обе религии – олимпийскую и хтоническую».

¹² А.С. Русева (Русева, 1979. С. 90) без достаточных оснований связывает эти вотивы с культом кабиров.

¹³ Ю.В. Андреев (Андреев, 2002. С. 399) сомневается в возможности безоговорочного сближения минойского божественного быка с греческим Дионисом. Однако, на наш взгляд, можно уверенно утверждать, что критский бог-бык был «Прадионисом» (см.: Иванов, 1994. С. 147 сл.; Отто, 1996).

¹⁴ На Боспоре найдены золотые подвески в виде женских голов, шею которых украшает изображение быка (Уильямс, Озден, 1995. С. 163. Илл. 103). Кроме того, здесь же встречаются золотые подвески в форме лабриса (Зайцева, 1971. С. 99. Прим. 17). Однако лабрисы в сочетании с букраниями, помимо тех экспонатов даницкого музея, о которых говорит Р. Вюшц, на Боспоре не зафиксированы.

¹⁵ О виде дельфина с Дионисом в Северном Причерноморье см.: Шауб, 2003.

¹⁶ На Боспоре об этой связи свидетельствует целый ряд разнообразных сюжетов черкесских ваз. См., напр.: Шталъ, 1996. С. 37.

¹⁷ О Великой богине в Северном Причерноморье см.: Шауб, 1999.

- Андреев Ю.В., 1997. Мнойская тавромахия в контексте критского цикла мифов // Сб. статей проф. А.И. Зайцева ко дню 70-летия. СПб.
- Андреев Ю.В., 2002. От Евразии к Европе. СПб.
- Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Венедикос И., 1969. Фрагменты в греческом искусстве Понтийской Аполлонии // СА. №3.
- Виноградова Ю.Г., Руслева А.С., 1980. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Ганіна О.Д., 1974. Київський музей історичних коштовностей. Київ.
- Голан А., 1993. Миф и символ. М.
- Жмуев Л.Я., 1992. Орфические граффиты из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.
- Зайцева К.И., 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. Л.
- Зайцева К.И., 2004. Свинцовые изделия в виде головок быков, баранов и секир из Ольвии // БИ. Вып. 7.
- Иванов В.И., 1994. Дионис и радионисивство. СПб.
- Казаров Е.Г., 1913. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.
- Карасев А.Н., Леви Е.И., 1958. Ольвийская агора (по раскопкам 1946-1957 гг.) // СА. № 4.
- Карышковский П.О., 1960. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. № 1.
- Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии. Киев.
- Лебедев А.В., 1989. От переводчика // Фрагменты ранних греческих философов. М. Ч. I.
- Леви Е.И., 1956. Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. - (МИА. М. № 50).
- Леви Е.И., 1964. Материалы ольвийского таможенного // Ольвия: Темосис и агора. М.; Л.
- Макаревич М.Л., 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗООИД. Одесса. I (34).
- Марченко К.К., 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.
- Мелларт Дж., 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.
- Отто Б., 1996. Приносимый в жертву бог // ВДИ. №2.
- Пендлбери Дж., 1950. Археология Крита. М.
- Розанова Н.П., 1968. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М.
- Руднева С.Д., 1911. Чернофигурная котила из кургана Кавской губернии // ИАК. Вып. 40.
- Руслева А.С., 1978. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. №1.
- Руслева А.С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.
- Руслева А.С., 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
- Руслева А.С., 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев.
- Скудниова В.М., 1958. К вопросу о торговых связях Синопя с Боспором в V в. до н.э. // ТТЭ. Л.; М. II.
- Скудниова В.М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.
- Толстой И.И., 1953. Греческие граффиты древних городов Северного Причерноморья. М.
- Уильямс Д., Оттен Д., 1995. Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи. V-IV века до н.э. СПб.
- Уокер Б., 2005. Женская энциклопедия: Символы. Сакральные. Таинства. М.
- Фармаковский Б.В., 1926. Мраморная головка Диониса из Ольвии // СГАИМК. Вып. I.
- Шауб И.Ю., 1993. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Шауб И.Ю., 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3.
- Шауб И.Ю., 2000. О семантике образа Европы // ΣΥΣΤΙΠΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб.
- Шауб И.Ю., 2003. Причерноморско-италийские этюды. II. Религиозно-мифологическое значение дельфина в Ольвии и в Этрурии // Итальянские сборники. № 7.
- Шауб И.Ю., 2006. Черты дионисийского мифа в легенде о скифском царе Скиле // Античный мир и археология. Саратов. Вып. 12.
- Шауб И.Ю., 2007. О семантике находок в некрополе Ольвии VI-VI веков до н.э. // АВ. М. № 14.
- Шталь И.В., 1966. Аримасты и грифы: миф, культ, эпос. Приложение: указатель мифологических сюжетов вазовой росписи керченского стиля из собрания музеев Российской Федерации // Классическая филология на современном этапе. М.
- ABC, 1892. Antiquités du Bosphore Cimmérien / Ed. S. Reinach. P.
- Burkert W., 1972. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge, Mass.
- Ehrhardt N., 1983. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; Bern; N.Y.
- Gimbutas M., 1974. The Gods and Goddesses of Old Europe. L.
- Gimbutas M., 1989. The Language of the Goddess. N.Y.
- IOSPE I, 1916; II, 1890. Inscriptiones antiae orae septentrionalis Ponti Euximae: Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli.
- Penkova E., 2003. Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia // Thracia. Sofia. Vol. 15.
- Schweitzer B., 1922. Herakles. Tübingen.
- Wace A.J., 1929. Lead Figurines // Dawkins R.M., Dickins G. et al. The Sanctuary of Artemis Orthia. L.
- Wasowicz A., Zdrojewska W., 1988. Monuments en plomb d'Olbia Pontique au Musée National de Varsovie. Toruń.
- West M.L., 1982. The Orphics in Olbia // ZPE. Bd. 45.
- Wright G.R.H., 2003. Orpheus with his Head // Thracia. Sofia. Vol. 15.
- Wünsch R., 1913. Die Labrys in Pantikapaion // AFRW. Bd. 16.

The Cult of Dionysus and Lead Votives from Olbia

I.Yu. Schaub

The cult of Dionysus is known from notices of Herodotus as well as from an entire series of archaeological evidence.

In the 4th century BC in Olbia production of lead *bucrania* and double-axes (*labris*), also associated with the cult of Dionysus, began. It is believed that the *bucrania* was regarded by Olbiapolites as sacrifices while double-axe as the weapon by means of which that sacrifice was executed in honour of chthonic Dionysus. Here it is supposed that the presence of double-axes among these religious objects which were casted both together with *bucrania* and independently of the latter suggests a more complicated combination of the related ideas. Possibly we are dealing here with the revival of more ancient concepts characteristic of Minoan Crete where *labris* was one of the main symbols of the power of the Great Goddess while *bucranium* (or bull's horns) was the symbol of the eternal domination of the Great Goddess over the bull-god. It is probable, moreover, that this composition symbolized also the unity of the male and female elements in nature. More important for us is, however, the fact that the goddess herself was represented on a Tripolye ritual object in a form of a bull head. Thus we are possibly dealing in Olbian ritual objects

with a continuity or revival of the ancient tradition of the North Black Sea region.

The fact that the *bucrania* proper could not be related entirely to the Dionysian faith is suggested by the images engraved on the lead objects under consideration. If even these lead ritual objects were really related with Dionysus, that god must have been an extremely archaic pre-Greek «proto-Dionysus» – the dying and resuscitating deity of vegetation and one of the numerous hypostases of the companion of the Great Goddess. Along with Olbia, similar objects are found occasionally also in Apollonia on the Pontus and, presumably, in the Bosporus. The intermediate link between the ritual objects of the Minoan Crete and Olbian lead artefacts is represented by similar votives from the archaic sanctuaries of Artemis Orthia in Sparta. It is well known that until the end of the Classic period that goddess retained the most characteristic features of her Minoan prototype.

It is possible, that the examples of Olbian *bucrania* and *labri* are the argument in favour of the profound idea of V.I. Ivanov that «the pre-Dionysian cults sought a syncretic form uniting the two religions – the Olympian and the chthonic one».

Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI

В.Ю. Соболев¹

В окрестностях д. Березица Струго-Красненского района Псковской области зафиксировано большое скопление археологических древностей эпохи средневековья, включающее более десятка разновременных памятников. Наиболее ранние из них оставлены населением так называемой культуры длинных курганов, а самые поздние могут быть отнесены к развитому древнерусскому времени – вплоть до конца XII в. или даже позднее (рис. 1).

Впервые археологические памятники, находящиеся в окрестностях д. Березица Яблонницкой волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, попали в поле зрения ученых в июне 1879 г., когда слушатель Московского археологического института И.Г. Данилов был командирован в Лугский и Гдовский уезды Санкт-Петербургской губернии с целью, как он сам пишет, собирания «сведений о находящихся здесь древних насыпях», «и затем для опыта предпринял несколько отдельных раскопок» (Данилов, 1879. С. 20). Публикуя отчет о поездке, И.Г. Данилов приводит краткие сведения о памятниках волости, полученные им во время подготовительных работ. В списке указаны «при деревне Березице древнее кладбище близ горы и шесть сопок» (Данилов, 1879. С. 21).

Позднее, в начале XX столетия, памятники были осмотрены преподавателем и воспитателем 3-й Санкт-Петербургской гимназии статским советником Николаем Федоровичем Арпьевым, который зафиксировал могильник, расположенный «частью под самым селением по правому берегу протекающего близ него ручья, частью по левому» (О раскопках..., 1900. Л. 9), и «ряд больших сопок» в 300 саженах к северу от деревни (О раскопках..., 1900. Л. 11). Правобережная часть могильника, судя по отчетной документации Н.Ф. Арпьева, – древнерусское курганное или курганно-жальничное кладбище, уже ко времени указанного обследования была сильно повреждена в результате хозяйственной деятельности, часть насыпей разрушена, камни обкладок съезны крестьянами на фундаменты и для других целей. Левобережная сохранилась значительно лучше и состояла примерно из 20 насыпей с каменной облицовкой и без нее.

Тогда же Н.Ф. Арпьевым были раскопаны две могилы, и одна сопка, располагавшаяся на левом берегу р. Бочицы, у дороги из д. Березица в д. Страшево. Изученные древнерусские насыпи дали следующие результаты: «одна без каменной облицовки, оказавшаяся пустою, другая с каменными обочинами с особо большими валунами в западном и восточном конде могилы; высота могилы 1/2 аршина, длина 3 аршина, ширина 2 арш. В этой могиле на уровне около 1 1/2 арш. от поверхности насыпи найдены два костяка замечательно сохранившиеся; оба лежали рядом головами к западу; большой, как можно думать, мужской – с правой стороны (оженной), меньший, женский – с левой стороны (северной)». Никаких предметов при раскопках не найдено» (О раскопках..., 1900. Л. 10). Исследование сопки велось «с юга траншеей, которой пройдено 3/4 сопки. При углублении траншеи на 1 1/2 аршина открыта на 1/2 аршина от грунта незначительная угловая прослойка; других следов погребения, а равным образом и каких-либо предметов не найдено. Насыпь все время резко делилась на два слоя: нижний – гравий и подзол, верхний – песок полевой желтый. Высота раскопанной сопки 4 арш, диаметр 3 1/2 саж.» (О раскопках..., 1900. Л. 11). Исследованная сопка была наиболее целой, тогда как другие носили отчетливые следы кладокостельских раскопок. Несмотря на проведенный опрос крестьян, тщательный сбор местных легенд и сведений о памятниках древности, другие погребальные сооружения в окрестностях д. Березицы остались Н.Ф. Арпьеву неизвестны.

Более того, по исповитной мне причине, памятники данного микрорегиона не были учтены и при сборе сведений для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии в начале XX в., и, вероятно, как следствие этого, остались не осмотрены Н.Н. Черягиным, Г.П. Гроздиловым и А.А. Иессеным, сотрудниками экспедиции по палеознотологическому обследованию Ленинградской губернии (позднее области), проводившими широкомасштабные разведочные обследования в 1927–1931 гг.

Тщательное обследование Широ-Чернозерского мезозерья и массива сосновых боров между оз. Щир и р. Плюссой, протекающей большой дугой к востоку и северу, было проведено лишь во второй половине 1980-х годов. На протяжении нескольких полевых сезонов на территории микрорегиона

¹ 193060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3. Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева.

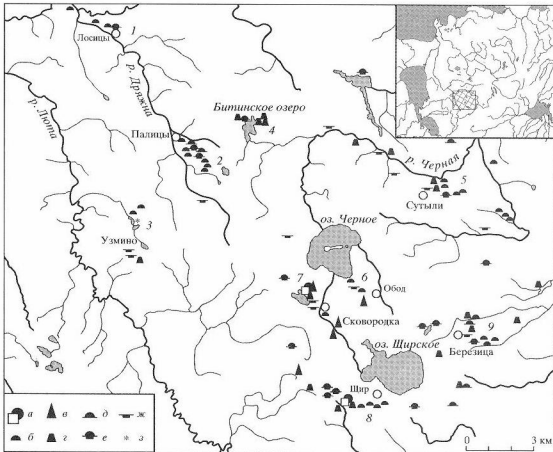

Рис. 1. Археологические памятники Широ-Чернозерского межозерья

1 – Лосицы; 2 – Палицы; 3 – Узмино; 4 – Битино; 5 – Сутьли; 6 – Обод; 7 – Сквородка (Миложь); 8 – Шчир-Яблонце; 9 – Березица

Условные обозначения: а – городище и селище; б – курганные группы и одиночные насыпи КГПДК; в – группы сопкок и одиночные сопки; г – «курганы на стыке ландшафтов»; д – древнерусские курганы; е – кургано-жальничные могильники; ж – жальники и грунтовые могильники; з – клад

Fig. 1. Archaeological sites in the area between lakes Shchir and Chernozero

1 – Lositsy; 2 – Palitsy; 3 – Uzmino; 4 – Bitino; 5 – Sutyli; 6 – Obod; 7 – Skovorodka (Milozh'); 8 – Shchir-Yablonets; 9 – Berezitsa

Notations: а – town-site and settlement-site; б – groups of kurgans and isolated mounds of the culture of long barrows; в – groups of *sopkas* (mounds) and isolated *sopkas*; г – «kurgans at junctions of landscapes»; д – ancient Russian kurgans; е – kurgan and *zhalnik* (*zhalnik* – ground pit lined with stone) cemeteries; ж – *zhalniks* and flat-grave cemeteries; з – hoard

С.Л. Кузьминым велись разведочные работы, результатом которых стала локализация части ранее выявленных, но считавшихся утраченными памятников и открытие большого числа новых (рис. 1). На археологическую карту нанесено несколько компактных скоплений раннесредневековых курганных могильников (некрополей), среди которых и комплекс памятников у д. Березицы (рис. 1). В него входит несколько групп насыпей, относящихся к культуре длинных курганов, из них не менее трех восходят к поздней традиции этой культуры, а также большой древнерусский курганный могильник. На некоторых из этих некрополей С.Л. Кузьминым проведены раскопки в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Поселений, соответствующих этим кладбищам, пока не выявлено.

В середине 1990-х годов при очередном осмотре установлено, что через территорию, занятую могильником Березицы VI, прошла лесозащитная полоса, в отвале которой были собраны кальцинированные кости из разрушенного грунтового погребения. Кроме этого, борозда практически полностью разрушила насыпь кургана № 3 и повредила полы еще трех курганов – № 4, 5 и 7 (рис. 2, 3). Для предотвращения дальнейшего разрушения курганов и грунтовых погребений были предприняты спасательные раскопки могильника, полностью исследованного автором статьи.

Могильник расположен в сосновом лесу на гребне и северном и западном склонах моренной возвышенности (рис. 2). Его территория поросла сосновым лесом с довольно густым лиственным (березовым) и хвойным (еловым и можжевельным)

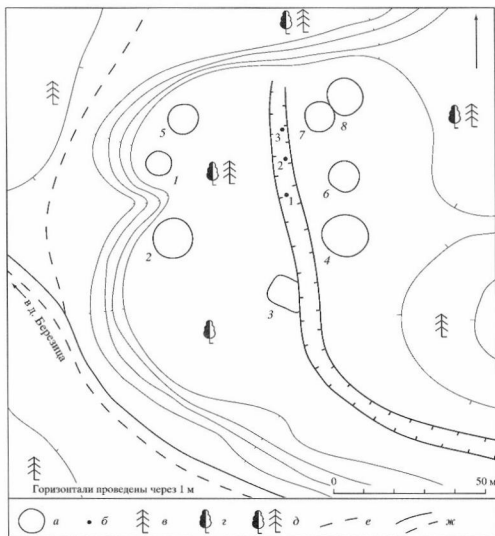

Рис. 2. План курганной группы Березицы VI

Условные обозначения: а – курганные насыпи; б – грунтовые погребения; в – хвойный лес; г – лиственный лес; д – смешанный лес; е – тропы; ж – дороги лесные

Fig. 2. Plan of the kurgan group of Berezitsy VI

Notations: а – mounds; б – flat-grave burials; в – coniferous forest; г – deciduous forest; д – mixed forest; е – paths; ж – forest roads

подлеском. В состав группы входило восемь насыпей округлой в плане формы, высота и размеры которых довольно сильно отличались друг от друга. Курганы были расположены на краю моренной гряды таким образом, что в центре между ними находилось открытое пространство (рис. 3). В центре этой межкурганной площадки, вытянувшись практически в одну линию, размещались три грунтовых захоронения. Такое их расположение привело к тому, что все они были нарушены при распашке лесозащитной борозды (рис. 3), верх всех погребений поврежден, часть костей растащена, и мы можем судить только об их нижней части.

Грунтовые захоронения. Все погребения были совершены в грунтовых ямках, сохранившаяся в

материке форма которых близка к цилиндрической. Глубина ямок колеблется от 15 до 30 см. Кости были очищены от угля и золы и лежали компактной массой. Логично предположить, что во время совершения захоронения кости помещались в какой-то не сохранившейся, например лубяной или берестяной, урне. Севернее остатков грунтового погребения 2 в борозде попеременно с кальцинированными костями из разрушенной части погребения встречено значительное количество фрагментов лепной керамики, среди которых нет ни одного фрагмента донца или придонной части. По-видимому, погребение было накрыто урной сверху. Подобные захоронения, накрытые лепными горшками, – характерная деталь погребальной обрядности населения культуры длинных курга-

нов (КДК). В рассматриваемом могильнике толстостенным сосудом баночной формы (рис. 4, 14) было перекрыто погребение 1, изученное в насыпи кургана 8. В ближайших окрестностях захоронения, перекрытые перевернутыми сосудами, исследованы в разрушенной поле кургана 6 группы Которск VI, рядом с погребением 16 в кургане 1 группы Которск XII и в разрушенной лесозащитной распахшей поле кургана 1 группы Березно II. Погребение в лепном горшке, поставленном вверх дном в неглубокую материковую ямку, было зафиксировано С.Г. Поповым в длинном кургане 25 могильника у д. Сторожинец (Попов, 1992. С. 33), а также Н.Н. Черягиным сразу под дерном в длинном кургане (погребение 6) могильника Безьва III Гдовского района Псковской

области (Хвоцинская, 1997. С. 130). Подобные примеры можно продолжить, привлекая материалы с более широких территорий. Очевидно, что данная деталь обряда встречается практически повсеместно в ареале распространения КДК.

Во всех грунтовых захоронениях среди костей были найдены предметы женского убора. В погребении 1 это остатки ожерелья из оплавленных стеклянных бус (зеленовато-желтого цвета и, вероятно, мозаичных) и четырнадцатигранных призматических сердоликовых бус (рис. 4, 8–12). В погребениях 2 и 3 были найдены бронзовые проволочные колечки небольшого диаметра, имеющие следы пребывания в огне (рис. 4, 1, 4, 6, 7).

Проволочные колечки небольшого диаметра, зачастую интерпретируемые исследователями как височные, распространены очень широко как территориально, так и хронологически, что, по всей вероятности, связано с простотой изготовления и незатейливостью самого украшения. В погребальных памятниках КДК они найдены в комплексах,

² Стоит отметить, что результаты радиоуглеродного датирования, полученные С.Г. Поповым, позволяют отнести группу Которск XII ко второй половине – концу X – началу XI в. В частности для кургана 1 было получено две даты, укладываемые в этот интервал.

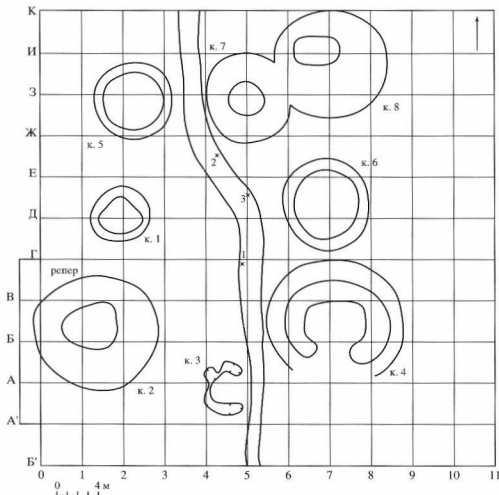

Рис. 3. Курганная группа Березицы VI. Схема раскопа

Fig. 3. Schematic plan of the excavation of the kurgan group of Berezitsy VI

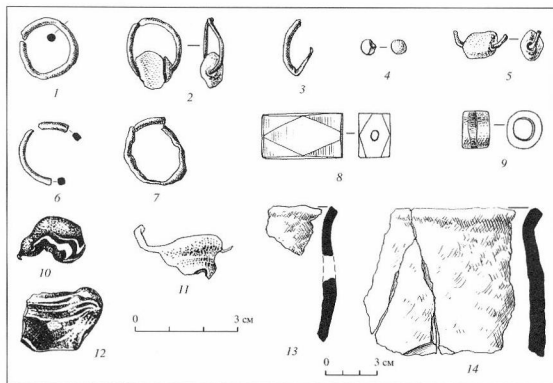

Рис. 4. Курганная группа Бerezitsy VI. Находки

Fig. 4. Kurgan group of Berezitsy VI. Finds

относящихся к поздней фазе существования культуры. Приведем некоторые примеры. Так, подобные колечки известны в погребении 16 в кургане 1 группы Которск XII и в погребении 4 в кургане 3 группы Бerezitsy V. Фрагменты аналогичного кольца были встречены в погребении 5 в кургане 18 группы Рапти-Наволоч III; возможно, в данном захоронении было и не одно колечко, а несколько, так как среди костей и незначительного погребального инвентаря находились остатки четырех-пяти бусин из синего кобальтового стекла, которые как раз и использовались в таких украшениях³. Аналогичные бронзовые и серебряные височные кольца с напуцанными на них синими бусами происходят из длинного кургана № 25 могильника Сторожинец (Попов, Хвоцинская, 2007. С. 207), кургана № 1 группы Безьва III (Хвоцинская, 1997. С. 130), курганов № 5, 6

Рысна-Сааре II и других памятников (Аун, 1992. С. 126).

Курганы. Насыпи могильника по своим конструктивным особенностям довольно четко делятся на две группы. В первую входят курганы № 1, 3, 5 и 6 (рис. 5–8). Все они однотипны – невысокие (высота не превышала 40 см), округлые в плане, окружены кольцевыми ровиками. Кальцинированные кости в виде россыпи обнаружены в верхней части насыпей сразу под дерном. Можно предположить, что какое-то не дошедшее до нас «вместилище», куда были помещены кремнированные останки, находилось непосредственно на вершине насыпи. Емкость из органического материала, в которую сыпаны собранные после кремации кальцинированные кости, истлела. Впоследствии кости оказались рассыпаны по поверхности, частью оползли по склону кургана и оказались перекрыты образовавшимся дерном.

Любопытная конструкция открыта под насыпью кургана № 1. На погребенной почве здесь найдено несколько фрагментов нетолстых досок, составлявших, вероятно, остатки короба или ящика прямоугольной формы, размером около 70 × 50 см; высота сооружения не прослеживается, но вряд ли превышала 40 см – собственно высоту кургана (рис. 5). Ящик был ориентирован длинной осью по линии север–юг. Внутри найдено несколько фрагментов пережженных человеческих кос-

³ Кроме бронзового колечка с напуцанной на него синей бусиной, в кургане в неглубокой ямке овальной в плане формы, размером 0,25 × 0,48 м, впущенной в насыпь на глубину 0,2 м, наполненной хорошо пережженными очищенными от угля костями, найдены фрагмент бронзового проволочного височного кольца, фрагменты сильно оплавленного бронзового предмета (очевидно, узкого пластинчатого браслета плоско-выпуклого сечения) и оплавленные и спешшиеся в комки стеклянные бусы. Среди последних можно различить остатки 4–5 бусин из синего кобальтового стекла, одной шарообразной бусины из прозрачного голубого стекла и печеночно-красное стекло.

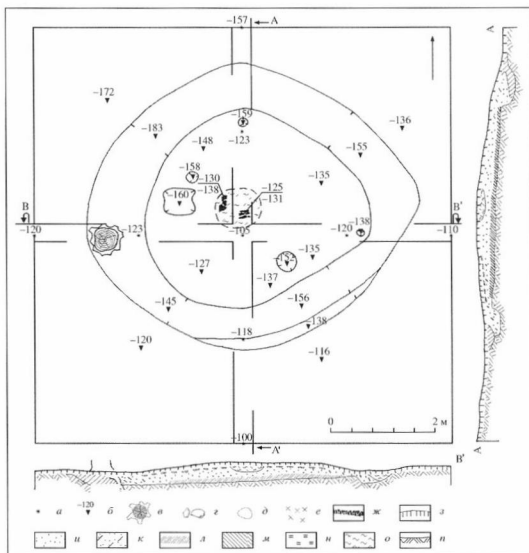

Рис. 5. Бerezitsy VI. Курган 1. План раскопа

Условные обозначения: а – пикеты на бровках; б – нивелировочные отметки материка; в – пни деревьев; г – камни; д – ямы в материке; е – кальцинированные кости; ж – доски и плахи; з – современный дерн; и – желтый песок; к – светло-серый гумусированный песок; л – заполнения ровиков (темно-серый песок); м – темно-серый гумусированный песок (погребенный дерн); н – суглинок; о – серый оподзоленный песок; п – материк

Fig. 5. Berezitsy VI. Kurgan 1. Plan of excavation

Notations: а – piquets on the balks; б – level marks of the bedrock; в – tree stumps; г – stones; д – pits in the bedrock; е – cremation ashes; ж – wooden boards and blocks; з – modern topsoil; и – yellow sand; к – light-grey humus-containing sand; л – fills of the ditches (dark-grey sand); м – dark-grey humus-containing sand (buried topsoil); н – loam; о – grey podzol-containing sand; п – bedrock

тей. Аналогичный ящик найден в 1996 г. при раскопках кургана № 17 в могильнике Рапти-Наволоч III на берегу Черемнецкого озера в Лужском районе Ленинградской области.

Имеющий сложное внутреннее строение курган № 4 сооружен частью из песка, а частью из суглинка (рис. 9). Глинистые почвы вытянутым «языком» вдаются на территорию могильника, на их краю и была воздвигнута насыпь. Прослеживается несколько этапов в ее сооружении. Первый этап его возведения – невысокая насыпь почти правильной подпрямоугольной формы – практически

полностью сложена из довольно плотного суглинка. В бровках прослежены остатки дернин, маркирующие ее вершину. Длинная ось насыпи ориентирована по линии восток–запад. Насыпь была подрезана. По прошествии некоторого времени, в течение которого первоначальная насыпь еще не успела полностью задерноваться, курган досыпали в высоту и окружили кольцевым ровиком. При этом его высота увеличилась почти в 2,5 раза и стала достигать 1 м. С этим этапом связано совершенное в кургане безынвентарное захоронение – россыпь кальцинированных костей на его вершине.

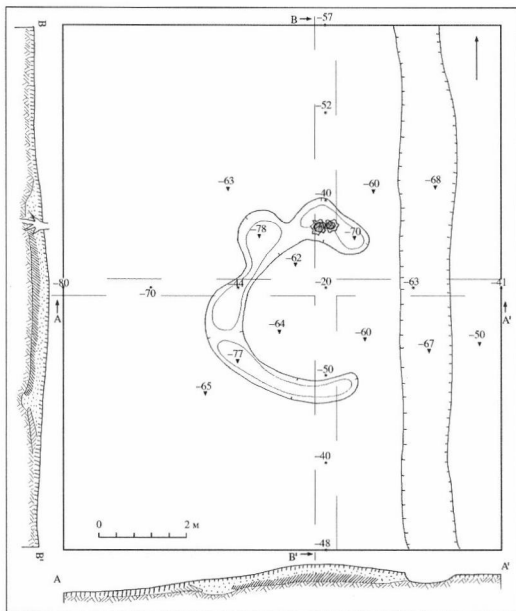

Рис. 6. Бerezitsy VI. Курган 3. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 6. Berezitsy VI. Kurgan 3. Plan of excavation. For notations see fig. 5

Курган, не имевший никаких дополнительных креплений грунта насыпи, практически сразу же начал оплывать в ров.

Примерно по той же схеме был сооружен и курган № 7 (рис. 10). Первоначально широкой подрезкой была оформлена в материке округлая в плане подкурганная площадка. Вероятно, в таком виде курган простоял некоторое время, на что указывает не только начавшая заплывать с внешнего края подрезка, но и необычно толстый для соснового леса слой дерна, к тому же двуслойный – внизу пепельно-серый оподзоленный, а сверху – темно-серый, почти черный, гумусированный песок. По всей вероятности, именно с этим этапом функционирования насыпи связано погребение 1, представ-

лявшее собой овальной формы компактное скопление кальцинированных костей. Погребение оказалось безынвентарным, но интересным по составу и расположению костей. В южной и юго-восточной его частях кости были аккуратно очищены от золы, и среди них выделялись несколько зубов и фрагментов человеческого черепа. В северной же части скопления находились куски более крупных по размерам костей попеременно с кусочками угля, возможно, останки животного. Совместное захоронение человеческих и животных останков фиксировалось в погребальных памятниках КДК и ранее.

На втором этапе существования кургана высота насыпи была увеличена до 40 см. Курган обвели

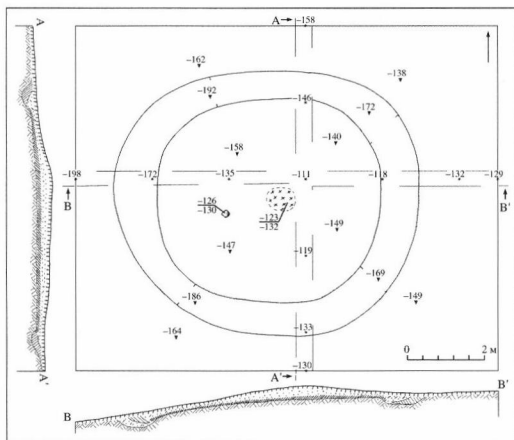

Рис. 7. Березицы VI. Курган 5. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 7. Berezitsy VI. Kurgan 5. Plan of excavation. For notations see fig. 5

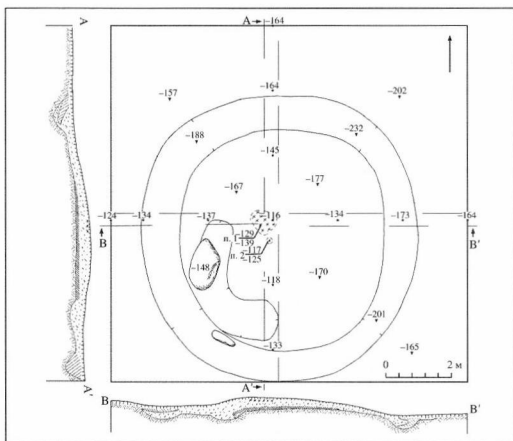

Рис. 8. Березицы VI. Курган 6. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 8. Berezitsy VI. Kurgan 6. Plan of excavation. For notations see fig. 5

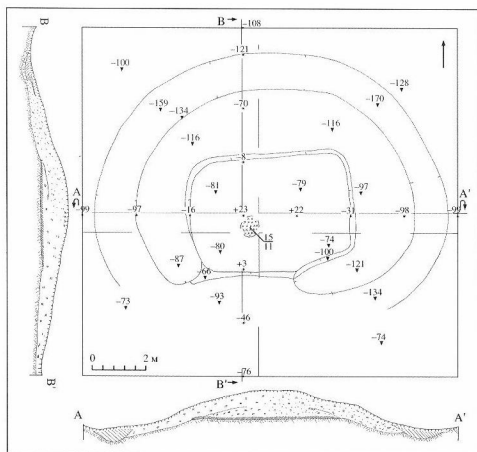

Рис. 9. Бerezitsy VI. Курган 4. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 9. Berezitsy VI. Kurgan 4. Plan of excavation. For notations see fig. 5

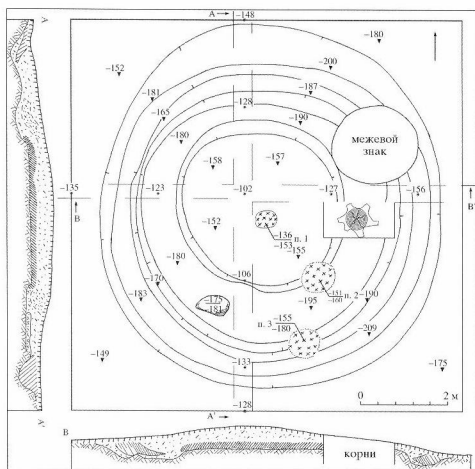

Рис. 10. Бerezitsy VI. Курган 7. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 10. Berezitsy VI. Kurgan 7. Plan of excavation. For notations see fig. 5

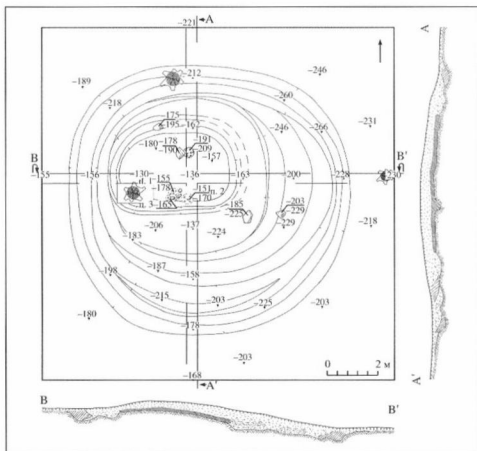

Рис. 11. Бerezitsy VI. Курган 8. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 11. Berezitsy VI. Kurgan 8. Plan of excavation. For notations see fig. 5

кольцевым ровиком большего диаметра, нежели предыдущий. Вероятно, с этим этапом связаны еще одно или несколько погребений, совершенных на его вершине и сползших по склонам в процессе разрушения насыпи. Все эти погребения безынвентарные.

Еще более сложную конструкцию имеет располагавшийся рядом курган № 8, что в некоторой степени связано с его положением в могильнике (рис. 11). Первоначально он представлял собой овальную в плане площадку размером около 3×4 м, вытянутую длинной осью по линии восток–запад и обведенную нешироким и неглубоким ровиком с юго-востока и юго-запада и широким ровом-подрезкой с северо-востока и северо-запада. В таком виде курган просуществовал определенное время, за которое ровик успел полностью заплеть. Дерн на площадке кургана, так же как и у кургана № 7, двуслойный. После этого площадка была обведена еще одной широкой подрезкой, достигавшей 1,5 м с восточной стороны и не прослеживавшейся с запада. Форма кургана стала округлой, диаметр достиг 5 м. Возможно, именно к этому этапу относится погребение 3 – компактное скопление очищенных от угля кальцинированных

костей, имевшее овальную форму. Среди костей найдены несколько сгустков спекшегося, очень сильно пострадавшего от огня голубого стекла, фрагмент бронзового проволочного колечка небольшого диаметра и застывшая капля бронзы (рис. 4, 3). На последнем этапе своего функционирования курган был досыпан в высоту и окружен еще одним ровом-подрезкой, также более широким на восточных секторах и прошедшим по трассе предыдущего на западных. С этим этапом связаны два погребения – 1 и 2. Оба они представляли собой округлой формы компактные скопления очищенных от угля кальцинированных костей. Погребение 1 было накрыто сверху лепным сосудом баночной формы (рис. 4, 14). В нем среди костей найден небольшой сгусток синего стекла. Захоронения были отделены друг от друга несколькими небольшими уплощенными камнями. В погребении 2 обнаружено побывавшее в огне небольшое проволочное бронзовое колечко с напущенной на него синей стеклянной бусиной, по-видимому, дисковидной (рис. 4, 5). Как мы уже отмечали, аналогичные темно-синие бусы на проволочном колечке найдены в могильниках Которск XII, Бerezitsy I и V, Березно I, Рапти-Наволоки III, Сторожинец,

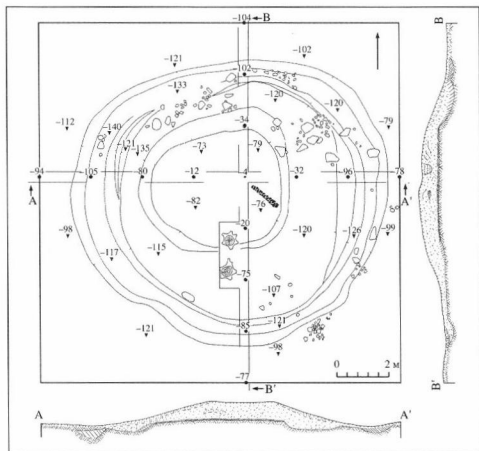

Рис. 12. Бerezitsy VI. Курган 2. План раскопа. Условные обозначения см. рис. 5

Fig. 12. Berezitsy VI. Kurgan 2. Plan of excavation. For notations see fig. 5

Безьва III, Рысна-Сааре II и в кургане № 6 рассматриваемой группы. Заметим, что несколько аналогичных бусин, однако без бронзовых колечек, зафиксированы на селище в урочище Колода Лужского района Ленинградской области. Оба описанных погребения, очевидно, были впущены в вершину насыпи после окончания ее строительства, причем погребение 1 оказалось непосредственно над погребением 3, совершенным на южном краю первоначальной площадки на промежуточном этапе сооружения насыпи.

В целом могильник производит впечатление строившегося по четко определенному, заранее разработанному плану и функционировавшего небольшой отрезок времени. На то, что места расположения курганов были спланированы заранее и на некоторую поспешность в сооружении могильника в целом указывает, на мой взгляд, то, что из восьми курганов два – курганы № 1 и 8 – сооружены в неудобных местах: на крутых склонах современной гряды, а еще два – курганы № 3 и 4 – из нехарактерного для традиций культуры длинных курганов неудобного суглинистого грунта. Копаев ровик кургана № 6, его строители наткнулись на огромный валун (рис. 8), попытались его выкопать

и после неудачи обошли, значительно расширив при этом площадку сооружаемого кургана.

Вещевой комплекс дает возможность лишь для приблизительной датировки могильника. В грунтовых захоронениях найдены перстнеобразные, по всей вероятности, височные кольца и остатки ожерелья, в состав которого входила сердоликовая призматическая бусина восьмигранного сечения (рис. 4, 8). Височные кольца, в целом не свойственные убору населения северных длинных курганов, распространяются в древностях, оставленных населением КДК лишь вместе с другими предметами раннего этапа древнерусской культуры. Видимо, то же можно сказать о бусах из глухого стекла печеночно-красного цвета. Сердоликовые бусы указанного типа имеют на Северо-Западе довольно ограниченный круг аналогий. Такие бусы найдены на селище Которский погост в слое с круговой керамикой и в захоронениях на вершинах двух сопков, исследованных в нижнем течении р. Оредеж. В том и в другом случае они могут быть датированы X столетием (Кузьмин, 1991. С. 156; 1992. С. 20, 21. Рис. 3, 4). Призматические бусы из сердолика известны также в материалах Поволжья – в слое Д старолadoжского Земляного городища, в курганах

№ 5 и 13 в урочище Плакун (*Назаренко, 1985. С. 167, 168. Рис. 6, 4, 6*), в нижних напластованиях Новгорода (*Рябишин, 1995. С. 58–59*). Возможно, к поздней фазе существования КДК тяготеет и описанная деталь погребального обряда – перекрытие некоторых погребений леглым сосудом баночной формы.

Таким образом, могильник Березицы VI можно датировать в пределах X в., возможно, и более узко – второй его половиной. Основанием такой датировки являются находки прежде всего сердоликовых бус, характерных для раннего этапа древнерусской культуры. На материалах данного памятника можно отметить определенный переход от культуры длинных курганов к древнерусской. При сохранении старых традиций в погребальном обряде и инвентаре (колечки с напушенной синей бусиной) в быт этого населения начинают входить вещи уже характерные для последующей эпохи.

Значение данного памятника в изучении процесса сложения культуры древнерусского общества и механизмов перехода от обряда трупосожжения к труположению очевидно. Начало его функционирования приходится на последний этап существования прежней традиции, практически на время ее распада, а прекращение совершения погребений, возможно, связано с крещением местного населения и переходом его к новому типу погребальной обрядности.

Оценивая плотность погребальных памятников конца I тысячелетия в микрорегионе, можно утверждать, что в это время здесь активно шел процесс формирования местного центра, резко превративший на рубеже тысячелетий. В густонаселенном микрорегионе ни одно из поселений не стало древнерусским погостом. В этом кроется коренное отличие от других, расположенных неподалеку аналогичных микрорегионов, например к югу и юго-западу от Щирского озера – погост Щир, или

к западу от оз. Песно, где сформировался Которской погост. Однако почти полная неизученность поселенческих памятников на территории данного микрорегиона не дает возможности в деталях исследовать образование и функционирование погостской системы.

О раскопках..., 1990. – О раскопках г. Статского сов. Н.Ф. Арельева в Лужском уезде СПб. губернии // НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. № 119.

Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.

Данилов И.Г., 1879. Раскопки слушателями института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. (из летних экскурсий слушателей в 1878/79 академическом году) // Сборник Московского археологического института. М. Ки. III.

Кузьмин С.Л., 1991. Которской погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верхних Плюсы // Материалы по археологии Новгородской земли, 1990. М.

Кузьмин С.Л., 1992. Ореджежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.

Назаренко В.А., 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога: новые археологические открытия и исследования. Л.

Попов С.Г., 1992. Работы Гдовского отряда в Восточном Причудье, в бассейнах рек Плюсы и Желчи // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород. Вып. 4.

Попов С.Г., Хвоцкая Н.В., 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского района (к 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Рябишин Е.А., 1995. Начальный этап поступления подорожных камней на север Европы: (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналоги) // Ладога и Северная Русь. СПб.

Хвоцкая Н.Н., 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли: (по материалам могильника Белья) // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КУРГАННАЯ ГРУППА БЕРЕЗИЦЫ VI (СТРУГО-КРАСНЕНСКИЙ РАЙОН ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Курганная группа Березицы VI располагалась в 1,8 км к юго-юго-востоку от д. Березицы, слева от лесной дороги из д. Березицы в д. Новая Деревня, на вершине моренной гряды (рис. 2). Группа поросла смешанным лесом с густым еловым подлеском. Однако к моменту начала раскопок значительная часть леса на территории могильника была вырублена. Кроме того, здесь прошла лесозащитная борозда, в результате чего курганы 4 и 6 получили повреждения, была разрушена почти половина насыпи кургана 3, в отвале борозды между курганами 6 и 7 были обнаружены кальцинированные кости из разрушенного грунтового захоронения.

Территория могильника исследовалась сплошной площадью со вскрытием межкурганного пространства. Для этого на территории могильника была разбита квадратная сетка со стороной 4 м, ориентированная по сторонам света. Пикеты с юга на север получили буквенные обозначения от А до К, а с запада на восток – цифровые от 0 до 11 (рис. 3). В процессе работ была произведена притрезка раскопок к югу, вновь отмеченные пикеты были обозначены как А' и Б'. Общая площадь раскопа составила 1936 м². Могильник исследован полностью.

Курган № 1 располагался в западной части могильника, на краю западного склона моренной гряды (рис. 2; 3). До раско-

пок он представлял собой невысокую, около 0,35 м, насыпь до 5 м в поперечнике. Курган имел неправильную подквадратную форму, была ориентирован углами по сторонам света (рис. 5). Насыпь была обведена ровником, ширина которого достигала 1,0–1,2 м, а глубина – 0,36 м. Раскопки показали, что насыпь была возведена в один прием. Под дерном толщевой 0,04–0,06 м залегал желтый материковый песок насыпи, под которым шел слой погребенного дерна мощностью до 0,12 м. Ниже располагался материк – плотный желто-оранжевый песок. По краям подкурганной площадки были зафиксированы четыре материковые ямки диаметром 0,15–0,4 м и глубиной около 0,2 м. В центре площадки практически на материке под прямым углом друг к другу лежали две деревянные плашки. Рядом с ними прослеживались отпечатки древесного тлена от некоей конструкции, возможно, подпрямоугольной в плане формы. Внутри этого прямоугольника было обнаружено несколько фрагментов кальцинированных костей. Судя по всему, это остатки деревянного ящика, стоявшего в центре кургана. Его размер был не меньше 0,6 × 0,6 м, высота являлась до 0,35 м – сохранявшую высоту кургана. Погребений в кургане обнаружено не было.

Курган № 2 располагался непосредственно к югу от кургана 1 (рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой округлую в плане насыпь диаметром около 9 м и высотой до 1 м, окруженную заплывшим кольцевым ровником (рис. 12). В процессе раскопок была выявлена следующая структура кургана. Первоначально из невысокого естественного холмика была вырезана подкурганная площадка неправильно-округлой в плане формы, размером приблизительно 4,5 × 5,0 м. По всей площадке подкурганной площадки фиксировались погребенный древний оподзоленный дерн в виде прослойки белесого гумусированного песка мощностью около 0,10–0,12 м. В юго-восточной части этой площадки было расчищено обуглившееся бревно (или плаха) длиной около 1,3 м, уложенное на погребенную почву в направлении от центра к краю и слегка «утопленное» в нее. Подкурганная площадка была окружена кольцевым ровом-подрезкой шириной до 3 м и глубиной до 0,3–0,4 м. По дну и склонам рва-подрезки зафиксированы мелкие булыжные камни, не образующие отчетливых конструкций. Над этой площадкой была сооружена насыпь из аморфного слоя гумусированного песка, высотой до 0,3 м от уровня погребенной почвы.

Вторым этапом сооружения насыпи являлся ее досыпка. Окончательный курган перекрыл первоначальную насыпь, увеличив ее высоту не менее чем на 0,4 м, а также окружавший первоначальную насыпь ров-подрезку. Досыпка насыпи была произведена из чистого желто-оранжевого песка. В вершине этой окончательной насыпи прослеживались следы некоей конструкции – волого «вместилца», но всей вероятности предназначенного для помещения туда захоронений. При раскопках вместилище фиксировалось как заполненная светло-серым чистым гумусированным песком яма в вершине насыпи, несколько смещенная к северу от места пересечения бровок. Яма имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами, ее размер составлял около 1,2 × 0,5 м, глубина – 0,4 м. Дерн на вершине насыпи слегка просел в эту яму. Следов захоронения или каких-либо предметов в ее заполнении обнаружено не было.

Окончательная насыпь была вновь окружена кольцевым ровом-подрезкой шириной 1,0–1,2 м и глубиной около 0,2 м, на дне которого также прослеживались незначительные развалы мелких булыжников. Заполнение рва представляло собой серый сильно гумусированный песок. Погребений курган не содержал.

Курган № 3 – самый южный в могильнике (рис. 2; 3). Лесозащитной бороздой была разрушена восточная полая кургана. Сама невысокая насыпь была сильно нарушена корнями де-

ревья, что затрудняло точную фиксацию (рис. 3; 6). До раскопок курган представлял собой невысокую, округлую в плане насыпь, высотой до 0,4 м и диаметром около 3,2 м, с севера, запада и юга окруженную ровником шириной 0,5–1,0 м и глубиной 0,2–0,35 м. Курган был насыпан в один прием. Под дерном мощностью 0,04–0,06 м залегал желтый песок насыпи, под которым находилась слой погребенного дерна, фиксированный в виде прослойки слабо гумусированного сероватого песка мощностью до 0,2 м. Ниже располагался материк – плотный желто-оранжевый песок. Погребений в кургане обнаружено не было.

Курган № 4 располагался в юго-восточной части могильника (рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой насыпь почти конической формы, диаметром 10–11 м, высотой около 1 м, по его основанию прослеживалась заплывший ровик (рис. 9). В результате раскопок установлена последовательность его сооружения и особенности конструкции.

Насыпь кургана была сооружена из разнородного грунта: восточная и южная часть из серого суглинка, северо-западная – из крупнозернистого красноватого песка. Грунт для сооружения насыпи здесь же, очевидно, в основном брался из рва кургана. Глинистые почвы вынутым языком вдаются на территорию могильника; на краю этого языка и был сооружен курган № 4.

В разрезе насыпи можно проследить два этапа ее сооружения. Первоначальная насыпь была возведена на подпрямоугольной в плане подкурганной площадке, вырезанной в материке и ориентированной своей длинной осью по линии запад–восток. При этом с запада, севера и востока площадка, кроме того, была окружена ровником шириной до 2,0–2,3 м и глубиной около 0,5 м. Высота первоначальной насыпи достигала 0,4 м от уровня погребенной почвы; с поверхности маркируется линзами оподзоленного погребенного дерна. Местами склоны первоначальной насыпи прослеживаются по изменению характера и плотности грунта. Позднее эта первоначальная насыпь была обведена мощным кольцевым ровом-подрезкой и перекрыта окончательной насыпью, имеющей коническую форму, благодаря плотности грунта и сохранившуюся до настоящего времени. Ее диаметр составлял около 9 м, а высота – 1 м от уровня материка. Ширина кольцевого рва-подрезки, окружавшего насыпь последнего этапа, достигала 1,8 м, глубина – 0,4 м. С течением времени ров заполнился серым лесным гумусом.

С окончательной насыпью связано погребение, выявленное в вершине кургана сразу под дерном. Оно представляло собой россыпь кальцинированных костей, очищенных от угля, на площадке размером 0,8 × 0,8 м и мощностью около 0,04 м. Погребение безыскусственное.

Курган № 5 располагался в северо-западной части могильника, севернее кургана 1, на краю западного склона морской гряды (рис. 2; 3). До раскопок он представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 5,4–5,9 м и высотой 0,4 м (рис. 7). Насыпь была окружена заплывшим кольцевым ровом шириной до 1 м. В процессе раскопок выявлено следующее строение насыпи: под дерном, имевшим толщину 0,08–0,1 м, залегал желтый песок насыпи, под которым был прослежен слой погребенного дерна мощностью 0,12 м. Курган был сооружен на материковой площадке почти овальной формы, размер которой достигал 5 × 6 м, обведенной кольцевым ровником шириной 0,9–1,2 м и глубиной около 0,25 м. Насыпь частично оползла в ров. С внешней стороны ров залпал серым гумусом. На вершине насыпи, сразу под дерном, было расчищено безыскусственное погребение в виде линзы очищенных от угля кальцинированных костей, диаметром 0,6–0,8 м и толщиной 0,09 м.

Курган № 6 располагался в восточной части могильника между курганами 4 и 8 (рис. 2; 3). До раскопок он представлял

собою округлую в плане насыпь диаметром около 6,3–6,8 м и высотой до 0,48 м (рис. 8). Насыпь была окружена заплывшим колыцевым ровом шириной 0,8 м. Под слоем лесного дерна мощностью до 0,04–0,06 м залегал желтый песок насыпи, ниже которого по всей поверхности подкурганной площадки был прослежен слой погребенного дерна мощностью 0,12 м. В юго-западном секторе кургана была открыта дугообразная яма размером 2,4 × 2,8 м, шириной 0,88–1,2 м и глубиной 0,24 м, в которой был обнаружен валун размером 1,6 × 0,9 м. Вероятно, строители кургана, начав копать ров, наткнулись на валун, не смогли его выкопать и возвели курган немного западнее, так что насыпь перекрыла и камень, и неудачно начатый ров. Кольцевой ров, окружающий сооруженную насыпь, достигал ширины 1,1 м и глубины 0,5 м.

В кургане было зафиксировано два погребения. **Погребение 1** было расчищено сразу под дерном на вершине насыпи и представляло собой россыпь хорошо пережженных, очищенных от угля кальцинированных костей. Россыпь занимала небольшую площадку размером 0,8 × 0,7 м и уходила в глубину на 0,04 м. Среди костей было найдено бронзовое проволоочное колечко с напущенной на него оплавленной темно-синей стеклянной бусиной с печеночно-красным глазком (рис. 4, 2). **Погребение 2** расположено в насыпи кургана на глубине 0,13–0,23 м южнее погребения 1. Оно представляло собой компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей. Диаметр лезвия около 0,2 м, толщина – 0,1 м. Погребение безынвентарное. Вероятно, погребение 2 было совершено во время сооружения насыпи, а погребение 1 рассыпано по поверхности уже готового кургана.

Курган № 7 находился в северной части могильника (рис. 2, 3). До раскопок он представлял собой невысокую, около 0,3 м, округлую в плане насыпь, окруженную едва заметным заплывшим ровиком (рис. 10). Раскопками было выявлено следующее строение насыпи. Под дерновым слоем мощностью около 0,08–0,1 м располагалась насыпь, сооруженная из крупного желтого и красного цвета песка, под которой читался толстый для основного леса слой погребенного дерна; его мощность составляла 0,16–0,2 м. Погребенный дерн имел сложную двуслойную структуру – внизу оподзоленный, а сверху – гумусированный песок. Насыпь была обнесена двумя кольцевыми ровиками.

Процесс сооружения насыпи представляется следующим образом. Первоначально ровом-подрезкой, ширина которого достигала 1,0–1,6 м, а глубина не превышала 0,25–0,3 м, была оформлена в материке округлая в плане подкурганная площадка, по которой ровным слоем был рассыпан грунт, вычерпанный из ровика. Диаметр получившейся площадки составил 3,2–3,4 м. Вероятно, в таком виде курган простоял некоторое время, ров-подрезка начал заполняться с внешнего края гумусом. По всей вероятности, именно с этим этапом существования насыпи связано погребение 1, представлявшее собой овальной формы компактное скопление кальцинированных костей. Погребение безынвентарное, в южной и юго-восточной его частях кости аккуратно очищены от угля, среди них выделялось несколько зубов и фрагментов человеческого черепа, а в северной части находились куски более крупных по размерам костей перемежку с кусочками угля, возможно, остатки животного.

На втором этапе существования кургана высота насыпи была увеличена до 0,40 м, курган был обведен вторым кольцевым ровиком большего диаметра, ширина которого составляла 0,8 м, а глубина достигала 0,3–0,6 м. Вероятно, с этим этапом связаны еще одно или несколько погребений, совершенных на его вершине и сползших на юго-восточный склон в процессе разрушения насыпи. Все эти погребения безынвентарные. При раскопках они фиксировались как шлейф кальцинированных костей, залегающий под дерном и несколько ниже в слое располагаясь насыпи по южному склону кургана.

Две зоны концентрации кальцинированных костей в этом шлейфе с известной долей условности были обозначены как погребения 2 и 3.

Курган № 8 располагался на северной окраине могильника, на самом краю морской гряды, его юго-западная поля впающую примыкала к северо-восточной поля кургана № 7 (рис. 2, 3). До раскопок курган представлял собой невысокую сильно распыляющуюся в северном и восточном направлениях округлую в плане насыпь, размером 8 × 9 м, высота которой достигала 0,45–0,5 м (рис. 11). Раскопки выявили сложное строение насыпи.

Первоначально ровиком и подрезкой в материке была околнурена площадка, имевшая в плане форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированная сторонами по сторонам света. Размер площадки около 3 × 4 м, длинной осью она была вытянута по линии восток–запад. С юго-востока, юга и юго-запада площадка была обнесена ровиком шириной около 0,4 м и глубиной до 0,35 м; с северо-востока, севера и северо-запада она была оформлена ровом-подрезкой шириной до 0,8 м и глубиной около 0,2 м. Грунт, вычерпанный из рва и подрезки – в основном дерн, – был рассыпан по площадке. В таком виде курган просуществовал определенное время, за которое ровик с южной его стороны успел полностью заполнить лесным гумусом. Дерн на площадке кургана двуслойный.

По прошествии некоторого времени площадка была обнесена еще одной широкой подрезкой, достигавшей 1,5 м с восточной стороны и не прослеживавшейся с запада. Форма кургана превратилась в округлую, его диаметр достиг 5 м. Возможно, именно к этому этапу относятся погребение 3 – овальной формы компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей (площадь 0,5 × 0,24 м, мощность около 0,2 м). Среди костей были найдены несколько слитков спекшегося очень сильно пострадавшего от огня толстого стекла, фрагмент бронзового проволоочного колечка небольшого диаметра (рис. 4, 3) и застывшая капля бронзы.

На последнем этапе своего функционирования курган был досыпан в высоту и окружен еще одним ровом-подрезкой, также более широким на восточных секторах и прошедшим по трассе предыдущего на западных. С этим этапом связаны два погребения – 1 и 2. Оба они представляли собой компактные скопления очищенных от угля кальцинированных костей округлой формы. **Погребение 1** имело диаметр около 0,4 м и мощность до 0,25 м, было накрыто сверху лесным сосудом баночной формы (рис. 4, 14). В нем среди костей был найден небольшой ступок синего стекла. От погребения 2 погребение 1 было отделено несколькими небольшими уплывшими камнями. **Погребение 2** имело диаметр около 0,4 м и мощность до 0,2 м. В нем было найдено побывавшее в огне небольшое бронзовое проволоочное колечко с напущенной на него синей стеклянной бусиной (рис. 4, 5), по-видимому дисконидной. Оба этих погребения, очевидно, были вписаны в первую насыпь после окончания ее строительства. Причем погребение 1 оказалось совершенным практически точно над погребением 3.

Грунтовые захоронения. В центральной части некрополя было выявлено три частично разрушенных лесозащитной бороздой грунтовые захоронения, расположенных в ряд (рис. 2, 3).

Грунтовое погребение 1 находилось на границе квадратов В4–В5 и первоначально представляло собой, по всей вероятности, компактное скопление кальцинированных костей, очищенных от угля и золы, располагавшееся в овальной в плане грунтовой ямке с отвесными стенками. Значительная часть погребения была разрушена лесозащитной полосой. Сохранившаяся глубина ямки достигала 0,16 м, размер верхнего сохранившейся части в плане составлял 0,28 × 0,35 м. Среди костей были найдены остатки ожерелья из стеклянных (синих, жел-

то-зеленых) (рис. 4, 9–12) и сердоликовых (призматические и 14-гранные) (рис. 4, 8) бус. Все бусы несут на себе следы пребывания в огне, стеклянные представляют собой аморфные слитки стекла.

Грунтовое погребение 2 было обнаружено в 12 м к северу–северо-западу от грунтового погребения 1 в квадрате Е₄, вблизи от юго-западной поды кургана 7. Оно также представляло собой скопление очищенных от угля кальцинированных костей, нарушенное лесозащитной бороздой. Неповрежденная часть погребения – компактная линза пережженных костей, залегавшая в грунтовой ямке цилиндрической формы диаметром 0,32 м и глубиной 0,28 м. Среди костей были найдены два бронзовых проволочных побывавших в огне колеч-

ка, возможно, височных (рис. 4, 1, 7). К северу от грунтового погребения 2 в отвале борозды было зафиксировано несколько фрагментов венчика и стенок лепного сосуда баночной формы (рис. 4, 13). Представляется вероятным, что это остатки погребальной урны, которой было накрыто грунтовое погребение 2.

Грунтовое погребение 3 выявлено в квадрате Д₅. Оно представляло собой скопление очищенных от угля кальцинированных костей. Неповрежденная его часть представляет собой компактную линзу размером 0,2 × 0,12 м и мощностью около 0,12 м, залегавшую в грунтовой ямке. Среди костей здесь найдено два фрагмента колец из тонкой бронзовой проволоки (рис. 4, 4, 6).

Berezitsy VI – a Burial Ground of the Final Stage of the Culture of Long Barrows

V.Yu. Sobolev

This paper is dedicated to publication of materials from the completely excavated kurgan cemetery of Berezitsy VI located near the village of Berezitsy in the Strugo-Krasnensky region of Pskov oblast.

Within the micro-region under consideration there is a large «cluster» of archaeological sites of the second half and the end of the 1st to the first third of the 2nd millennium AD. Archaeological researches in this region were started in the early 20th century.

The group of kurgans excavated consisted of eight barrows and three flat graves uncovered in the area between the kurgans. All of the burials were cre-

mations with the pyre areas located aside from places of the final deposit of the remains. The objects found among the calcined bones – rings of small diameter made from bronze wire, including some with a glass bead hafted on them, drops of melted glass and bronze, cornelian beads – all show the effects of fire.

The burial rite and the finds allow us to attribute the group under studies to the culture of the Pskov-Novgorod long barrows and to date it to the later stage of the existence of that culture, viz. the second half of the 10th – early 11th century.

Резная иконка в Ельце: Деисус в новгородской каменной пластике XIV века

В.Г. Пуцко¹

Многие из новгородских каменных иконок заслуживают специального изучения, особенно выполненные в XIV в. – в эпоху наиболее высокого развития художественной резьбы и активной работы различных мастеров, отличавшихся индивидуальной манерой. Их произведения являются достижениями пластического искусства малых форм, отражая состояние художественного ремесла того времени. Однако качественный уровень мастерства столь же неодинаков, как и одаренность резчиков, а также их профессиональная подготовка. Обо всем этом позволяют судить только сохранившиеся памятники, рассеянные сегодня по музейным собраниям и частным коллекциям. При своей многочисленности они требуют классификации – группировки их по иконографическим и стилистическим признакам в определенные серии.

Непосредственный повод для этих размышлений, в частности, дает иконка, находящаяся в Елецком краеведческом музее, прежде принадлежавшая, скорее всего, священнику Владимиру Павловичу Кавказскому. С 1887 по 1904 г. он совершал пастырское служение в с. Голубея Брянского уезда Орловской губернии, а в 1905 г. – в Знаменском женском монастыре в Ельце (Тропин, 2002. С. 171–172. Рис. 1). Предварительно произведение было датировано концом XIII – началом XIV в. и отнесено к севернорусской группе икон, производство которых связано с Новгородом. Миграция образцов мелкой средневековой пластики – явление хорошо известное, нередко связанное с судьбой их владельцев. Елецкая иконка в этом плане не исключение. Ее судьба до того момента, когда в конце XIX в. она попала в коллекцию В.Л. Кавказского, неизвестна.

Размер иконы 4,8 × 4,3 × 0,6 см, в основе она прямоугольной формы, с округлым завершением, выполнена из серого с коричневатым оттенком сланца (инв. № 1455). На лицевой стороне в невысоком рельефе представлена деисусная композиция, с восседающим на троне Христом и предстоящими Богородицею и Иоанном Предтечей (рис. 1). Фигура тронного Христа значительно крупнее приземистых большеголовых фигур с молитвенно простертыми руками. Резьба отличается пластической моделировкой, свойственной обычно монументальным рельефам. Потертость поверхности

свидетельствует о длительном существовании объекта, являвшегося молельным; трещина, расколовшая изделие почти по диагонали, появилась сравнительно недавно. Не исключено, что некогда существовала металлическая оправа, скрывающая неровности узкой рельефной рамки, как бы срезавшая верхнюю часть произведения. Форма и близкие к квадрату пропорции, вместе с массивностью фигур, воспринимаются как проявление архаизации, унаследованной от XIII в.

Христос восседает на массивном троне без спинки, с широкой продолговатой подушкой (мутакой), средняя часть которой закрыта спускающейся спереди ковровой тканью; ступни ног опираются на омфалий, трактованный как разновидность мутаки и подобно ей покрытый украшенной каймой тканью. Сидящий на троне Христос представлен фронтально, левой рукой он опирает о колено закрытый кодекс, правая поднята перед грудью в двуперстном благословении; правое колено слегка отклонено в сторону. Фигура выглядит стройной, но низко расположенные спускающиеся ее диспропорцию, а согнутая в локте правая рука кажется короче левой. Окружающий голову нимб с перекрестом обозначен врезанной линией, очерчивающей рельефные элементы; по сторонам

Рис. 1. Деисус. Каменная иконка в Ельце

Fig. 1. Deisis. Small stone icon from Yelets

¹ Россия, 248610. Калуга. Ул. Ленина, 104. Областной художественный музей.

вверху начертаны монограммы, тогда как иные изображения без каких-либо сопроводительных надписей. *Фигуры Богоматери и Иоанна Предтечи* переданы обобщенно: невысокие фигуры увенчаны крупными головами, увеличенные кисти рук молитвенно простерты вверх, гладкие нимбы очерчены широкой бороздой. На одеждах показана широкая орнаментальная кайма, декорированная полосками. Подобной тканью украшен и трон, ножки трона выполнены крупной резьбой. Этот элемент резьбы и выразительно обозначенные скульпыми линиями складки одежды оставляют впечатление декоративности, как, впрочем, и орнаментальный фриз, служащий подножием для искусственно укороченных стоящих фигур. Подобное широкое подножие, украшенное ажурным аркатурным пояском, известно по византийским рельефным изображениям из слоновой кости, где оно вместе с иными признаками характеризует антицизирующие тенденции мастеров X в. (*Goldschmidt, Weitzmann, 1934, № 43–45*). Здесь данный мотив схематизирован почти до неузнаваемости, и все же он важен как показатель генетической связи с элитарными раннемакедонскими образами, примерами неоклассицизма.

Не касаясь вопросов иконографического развития Деисуса, все же надо учесть, что именно X в. становится временем его распространения в византийском искусстве (*Мысливец, 1973, С. 60*), причем встречаются два варианта: со стоящим в рост и с тронным Христом; расположение представленных в молении фигур иное по сравнению с принятым позже, к концу того же столетия; эволюционирует и положение благословляющей руки Христа. В историческом отношении резьба производит двойственное впечатление, поскольку пластика рельефа заставляет вспомнить и о декоративной манере миниатюр греко-восточных рукописей IX–XI вв. (*Grabar, 1972*). Последние действительно могли служить непосредственными образцами, в свою очередь отражая реально существовавшие и пользовавшиеся известностью иконы. Нельзя утверждать, что все известные резные каменные иконки с Деисусом имеют единый общий источник, но некоторые из них явно восходят к одному оригиналу, лишь различно интерпретированному.

Резная икона в Ельце по всем своим признакам может быть включена в круг новгородских произведений мелкой каменной пластики конца XIII – начала XIV в., отражающих этап становления локальной художественной традиции: в ее основе, однако, лежит опыт группы сложившихся мастеров (*Луцко, 2003б, С. 141–152*). Можно говорить по крайней мере о нескольких индивидуальных манерах и о появлении в процессе изготовления миниатюрных рельефов определенной «серийности», преимущественно типологической, не исключав-

шей иконографическую вариативность. Лучшим тому примером служат иконки Гроба Господня (*Луцко, 1998а, С. 159–183*). Резчик иконки Деисуса, о которой идет речь, хотя и опирается на иконописный оригинал, далек от его непосредственного воспроизведения, и не столько «рисует» его композицию, сколько в пределах ее схемы создает новый пластический вариант. Обобщенность изображений здесь сочетается со строгим отбором технических приемов. Мастер, уверенными движениями резца осуществляя «лепку», добивался должной художественной выразительности. Это заметно в передаче лиц с их крупными чертами, жестов, в декоративно-геометрической трактовке одежды. Добиться этого мог только опытный ремесленник, максимально учитывавший возможности материала, в общем, не столь уж мягкого, каким кажется на первый взгляд, отчасти по причине потертости резьбы. Компоновка в целом плотная. Ощущение тяжеловесности, неразделенности силуэтов несколько нейтрализует гладкий фон в верхней части образка. Как было замечено, «весь XIV в., а в значительной степени и XV в., в новгородской пластике проходит под знаком архавизирующих тенденций» (*Рындина, 1978б, С. 259*). Однако последние в действительности служат одним из средств создания образности, будучи использованы большей частью в модифицированном виде. Параллельно при этом осуществляется в Новгороде адаптация византийского наследия (*Луцко, 2001, С. 149–156*)². Своеобразной маркировкой новгородских иконок оказываются двенадцатиконечные декоративные кресты. Подобный крест украшает кодекс на елецком образке. Появляются они с конца XIII в.

Деисусная композиция относится к числу сюжетов, прослеживаемых в мелкой новгородской пластике из камня XIV в. (*Луцко, 1995, С. 78–81*), причем чаще всего она связана с изображением Спаса на престоле (*Луцко, 2005, С. 142–147*). Судить о ее популярности без учета образцов, некоторые рассеяны по частным коллекциям и не введены в научный оборот, пока трудно. Всего известно десять иконок, одна из которых, размером $4,8 \times 3,9 \times 0,8$ см, датируемая XIV–XV вв., находится в монастыре св. Екатерины на Синае (рис. 2, 5) (*Kalavretzou-Maxeiner, 1985, Bd. XV, P. 246, Pl. 92, Cat. A-55*). Она двусторонняя, с поколенным изображением двух святителей на обороте, типично новгородской резьбы, заметно отличающейся от собственно византийской. Русские каменные иконки XIV в. с Деисусом иные по иконографии и стилю, явно отражающие воздействие новых иконописных

² Черты романно-готической пластики, похоже, проникают сюда именно в этом контексте, а не по причине непосредственных связей с Западом.

Рис. 2. Новгородские каменные иконки с изображением Деисуса

Fig. 2. Novgorodian small stone icons with the Deisis group

образцов (Николаева, 1983. С. 104, 115. Табл. 39, 1; 46, 4. Кат. 220, 262). Тем более бессмысленно сопоставлять с рассматриваемым кругом памятников встречающиеся в каменной резьбе малых форм иные иконографические варианты, обязанные

своим появлением другим историко-культурным условиям (Пуцко, 2003в. С. 203–214).

В византийской каменной резьбе малых форм Деисус встречается сравнительно редко, причем в варианте со стоящим Христом (Kalavrezou-

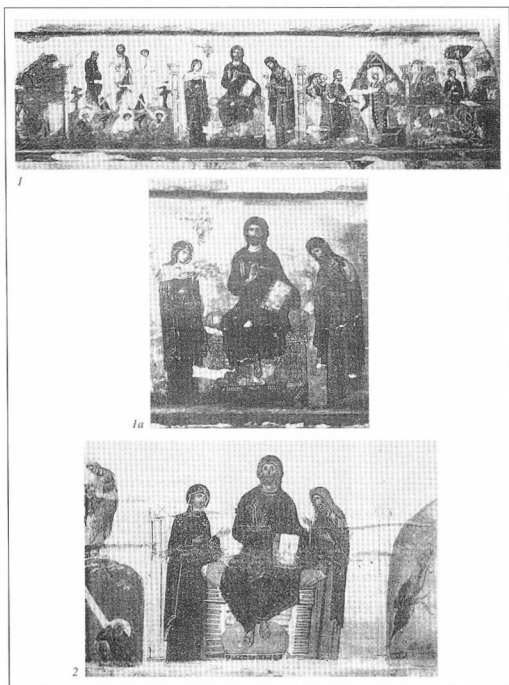

Рис. 3. Фрагмент византийских эпистилiev с изображением Деисуса в монастыре св. Екатерины на Синае
Fig. 3. Fragment of Byzantine epistyles with the representation of the Deisis in the St. Catherine Monastery on the Sinai

Maxeiner, 1985. Cat. 4, A-2, A-27). Медальон XII в. из Гамбурга (диаметр 4,1 см) скорее представляет исключение (Kalavrezou-Maxeiner, 1985. P. 174. Pl. 47. Cat. 91). Между тем деисусная композиция с тронным Христом в указанное время хорошо известна в греческой иконописи, о чем свидетельствуют сохранившиеся произведения в монастыре св. Екатерины на Синае (Sotiriou, 1956. Fig. 57, 96, 113, 115). Среди них эпистилии XII–XIII вв. (рис. 3, 1, 2). Не исключено, что к таким образцам может

восходить фрагментарно сохранившаяся композиция стеатитовой иконки начала XIII в. работы византийско-киевского мастера архаизирующего стиля, занесенной в Грузию (Луцко, 1998б. С. 317. Табл. VIII, 1). Собственно от Деисуса на ней уцелели лишь большеголовые фигуры Богоматери и архангела с частью трона Христа, трактованного в такой же декоративной манере, как на иконке в Ельце. Это частное наблюдение может оказаться существенным для выяснения генезиса одной из

манер новгородской резьбы рубежа XIII–XIV вв. Вместе с тем упомянутый фрагмент, принадлежащий к определенной группе произведений киевского художественного ремесла, хронологически никак не может быть соотнесен с описываемым памятником (Пуцко, 1998б, С. 317–319. Табл. VIII–XII).

Теперь надо уяснить место рассматриваемой иконки среди известных новгородских произведений каменной резьбы малых форм с изображением Деисуса, относимых к XIV в. К ним причисляются произведения, близкие по иконографии и стилю, хотя среди них нет совершенно идентичных, поскольку в каждом случае обнаруживаются свои индивидуальные различия, чаще всего в трактовке деталей. По этой же причине представления об общей эволюции композиции оказываются неоднозначными, так как логика ее развития может не всегда соответствовать хронологии реального выполнения изделий.

Для того чтобы учесть все указанные факторы, приходится для начала выделить иконки, наиболее близкие византийским образцам, даже если они кажутся таковыми лишь по общему впечатлению. К ним, в частности, относится односторонняя трапезническая иконка из глинистого сланца (размер $5,6 \times 4,6 \times 0,8$ см), происходящая из собрания И.С. Остроухова (Москва, ГТГ). Ее принято датировать первой половиной XIV в. (рис. 2, 1) (Николаева, 1983, С. 75–76. Табл. 21, 6. Кат. 113; Сидоренко, 1995, С. 191, 204. Кат. 100). Резьба обращает на себя внимание правильным рисунком и мастерским воспроизведением даже наиболее мелких деталей, сочетанием рельефа с тонкой графической штриховкой, подобно тому, как это встречается в византийских произведениях первой трети XIII в. Иконографический образец явно принадлежит именно к этому времени. Форма, пропорции, характер обрамления типологически не противоречат возможности выполнения в хронологических пределах того же столетия, по крайней мере в его последней трети. Столь же велика причастность к изготовлению иконки греческого мастера, одного из тех резчиков, которые оставили след своего удивительного искусства в Новгороде (подробнее см.: Пуцко, 2000, С. 21–24; 2002б, С. 64–87). Их деятельность пока представляет малоизвестную страницу истории новгородского художественного ремесла, и стремление найти свидетельства их труда все еще вызывает недоверие исследователей. Так или иначе, упомянутая иконка целиком еще связана с комининовским кругом памятников и совершенно не затронута воздействием палеологовского стиля. И это при ее элитарном уровне исполнения, исключаяемом подобную отсталость для резьбы XIV в. Одновременно следует обратить внимание на технический прием густой перекрест-

ной штриховки позема, практически выходящий из применения в византийской пластике после XIII в.

Иного характера почти квадратная иконка из темно-серого сланца (размер $6,5 \times 5,8 \times 1,0$ см), происходящая из собрания Ф.М. Плюшкина (Санкт-Петербург, ГРМ), датируемая началом XIV в. (рис. 2, 2) (Николаева, 1983, С. 29, 74. Табл. 21, 2. Кат. 109). Она была отнесена к продукции новгородской мастерской с чертами романоготической пластики и византийской иконографии, отличающейся дробной передачей складок и поперечной штриховкой. Деисусная композиция здесь вписана в трехлопастную арку, за пределами которой находятся погрудные изображения ангелов, иногда входящих в общую схему. Изображение тронного Христа иконографически подобно представленному на иконке в Ельце, но иных, удлиненных, пропорций с неестественно высоко поднятыми коленями. Фигуры предстоящих Богоматери и Иоанна Предтечи довольно изящны, меньше по масштабу, вследствие чего их головы достигают лишь уровня груди Христа. Его монотонные рельефные черты титлами в виде знака весов. Внизу, между тронном и фигурами предстоящих, находится фриз с ажурным аркатурным пояском, который не может рассматриваться в полной мере как подножие. Он словно отодвигнут на второй план, несмотря на то что именно на него опираются столбики трона. Резьба искусная, притом тщательно выполненная, в несильном рельефе, плавно переходящем к фону. Тип трехлопастной арки характерен для обрамлений фронтиспсных миниатюр византийского круга XII в. (Galavaris, 1969, Fig. 377; Амиранавили, 1966, Ил. 32). Возможно, что это служит указанием на происхождение образа, воспроизведенного в новгородской резьбе. Предполагалось, что иконка будет двусторонней, но на оборотной стороне голова святого и рамка остались лишь намеченными.

Явно тому же самому оригиналу следует и резчик иконы из темно-серого сланца (размер $9,8 \times 6,4 \times 0,5$ см), происходящей из собрания Н.М. Постникова (Москва, ГИМ), датируемой началом XIV в. (рис. 2, 7) (Каталог христианских древностей..., 1888, С. 63. Табл. 29. Кат. 1080; Рындин, 1978а, С. 50. Ил. 32; Николаева, 1983, С. 74–75. Табл. 21, 3. Кат. 110). Она заключена в серебряную рамку, украшенную московской сканью, вероятно уже будущим поврежденной трещиной (Постникова-Лосева, 1981, С. 28–29. Ил. 51). Помещая данную иконку среди новгородских изделий, Т.В. Николаева склонна была считать ее московской по причине особого внимания резчика к передаче мелких деталей и тщательности исполнения. Но в таком случае иначе следовало бы локализовать рассматриваемую почти целиком серию

изделий, и прежде всего — наиболее качественные образцы резьбы. При сравнении с предыдущей иконкой из того же материала бросаются в глаза почти безупречный рисунок и мягкая лепка. *Изыящие* фигуры создают иллюзию присутствия свободного пространства. Подножие с аркатурным пояском, на котором стоят Богоматери и Иоанн Предтеча, трактовано вместе с тем и как основание трона Христа.

Только по отдельным узким валиком полуфигурам ангелов сверху можно догадаться о связи с тем же оригиналом (с трехлопастной аркой) двусторонней иконки из черного камня (размер $6,2 \times 4,8 \times 0,7$ см) из собрания С.Г. Строганова (Санкт-Петербург, ГРМ). Она отличается более обобщенной, как бы несколько затертой резьбой; на оборотной стороне в рост представлены Никола с двумя целителями (рис. 2, 8) (Николаева, 1983. С. 98. Табл. 35, 4. Кат. 200). Произведение относится к XIV в., датировать его точнее невозможно: *фигуры отличаются схематизмом*, правда, довольно выразительным.

К этому же кругу древностей может быть отнесена стеатитовая икона XIV в. (размер $6,0 \times 4,2 \times 0,3$ см) из собрания П.И. Щукина (Москва, ГИМ), иконографической особенностью которой служит замена Иоанна Предтечи преподобным Варлаамом Хутыльским (рис. 2, 9) (Николаева, 1983. С. 98. Табл. 35, 2. Кат. 198; Пуцко, 2002а. С. 285–288. Рис. 6, 2). Вытянутые фигуры, широкие лица с круглыми глазами в сочетании с упрощенностью самой композиции явно свидетельствуют о фольклоризации новгородского художественного ремесла.

Как бы промежуточное место между первыми из упомянутых произведений мелкой пластики и последними занимает иконка, выполненная из темного шифера (размер $5,0 \times 4,2 \times 0,7$ см), находящаяся в Суздале (рис. 2, 6) (Николаева, 1983. С. 121. Табл. 50, 3. Кат. 281). *Ее датировка* начала XIV в., возможно, не лишена оснований, но отнесение произведения к кругу владимирских либо суздальских образов выглядит проблематичным. *Налицо зависимость от того же образца*, что и в описанных произведениях новгородской резьбы.

Было бы явным упрощением полагать, что мелкая каменная пластика в средневековом Новгороде постепенно деградировала, двигаясь от уровня элитарных произведений к массовой ремесленной продукции. Параллельно, причем довольно рано, стало развиваться еще одно направление, характеризующееся низким рельефом, буквально испещренным орнаментализирующей штриховкой, раздельно глубоко врезанными линиями, нанесенными в соответствии с формой, порой весьма каллиграфично. Судить о нем можно уже по монументальному Боровичскому кресту, выполненному на ру-

беже XIII–XIV вв. из плиты серого известняка-ракушечника (Санкт-Петербург, ГРМ) (Порфирова, 1963. С. 184–195; Вагнер, 1980. С. 110–120). Украшающие его изображения сохраняют манеру, выработанную в искусстве малых форм, замечательным образцом которого служит каменная иконка с закругленным верхом (размер $6,6 \times 5,8 \times 0,5$ см) из собрания Е.Е. Егорова (Москва, ГИМ), характерной особенностью которой являются фигуры укороченных пропорций, плотно заполняющие очерченное широкой рамкой пространство (рис. 2, 3) (Николаева, 1983. С. 77. Табл. 21, 9. Кат. 117). В сущности та же самая, уже описанная, денсунная композиция с характерной крупной фигурой трюнного Христа и подиумом с декоративной аркадой здесь несколько иначе интерпретирована. Одежды изображенных буквально испещрены декоративными складками со штриховкой и в разных направлениях. На плече Богоматери круг с розеточным крестом, как на известной иконке Богоматери Умилиение из собрания Н.П. Лихачева (Санкт-Петербург, ГРМ) (Николаева, 1983. С. 29, 73–74. Табл. 21, 1. Кат. 107). По аналогии с последней данное произведение тоже может быть датировано концом XIII — началом XIV в.

Промежуточное место между этой иконкой (рис. 2, 3) и заключенной в сканную оправу (рис. 2, 7) занимает еще одно произведение мелкой пластики, выполненное из темно-коричневого сланца (размер $5,3 \times 4,6 \times 1,0$ см). Это иконка с менее энергично очерченным округлым завершением и изображением на оборотной стороне в рост святых Николаи и Исидора [Пелусиота]. Она правомырно отнесена к началу XIV в. (рис. 2, 4) (Николаева, 1983. С. 91. Табл. 30, 5. Кат. 171). В настоящее время она находится в Санкт-Петербурге (ГРМ). Ее прошлое пока неизвестно. По живописно-пластической лепке фигур не вызывает возражений сближение ее с продукцией новгородской мастерской (Николаева, 1983. С. 31). Соответственно в этот же ряд должна быть поставлена иконка из Елецкого музея (рис. 1), хотя ее выполнение нельзя приписать руке того же самого мастера. В ее резьбе усилен декоративный элемент, иначе трактованы различные детали, в частности жесты. По массивности фигур изображение, скорее, приближается к образу из собрания Е.Е. Егорова (рис. 2, 3). Выразительность манеры сопоставима с резьбой каменной иконки Христа Вседержителя конца XIII — начала XIV в., происходящей из Пскова (Николаева, 1983. С. 114–115. Табл. 46; 2; Пуцко, 2002а. С. 350–351. Рис. 1, 4). Одним словом, новгородский художественный контекст исследуемого нами произведения и его датировка примерно 1300 г. оказываются бесспорными.

Можно высказывать различные предположения относительно непосредственных образцов, которыми пользовались резчики упоминаемых каменных иконок, но при этом трудно отрицать существование единого для всех иконографического источника. Им могла быть лишь широко известная и весьма чтимая в Новгороде икона, уже существовавшая в XIII в. В ином случае трудно было бы объяснить подобную серийность, в то же время исключаящую массовость изделий. Почитание иконы было явно местным, и поэтому не случайно образок XIV в. с тем же сюжетом, найденный на городище Увек, в своей иконографической схеме имеет заметные отличия (Николаева, 1983, С. 146. Табл. 64, 1. Кат. 365, 35). Появляются они и в более поздних собственно новгородских изделиях, будь это упомянутая каменная иконка с Синае (рис. 2, 5) или меднолитая иконка XV–XVI вв. (Декоративно-прикладное искусство..., 1996, С. 390. Кат. 116). Следовательно, реконструируемая на основе пластических реплик икона-реликвия успела исчезнуть, может быть даже в течение XIV в.

Были на Руси и другие чтимые иконы Денсуса, много иконографического извода, скажем, с раскрытым кодексом, что можно видеть не только на псковской иконе первой половины XIV в. из церкви *Николая от Кожи* (Родникова, 1991. С. 293. Кат. 9), а также на ростовском фрагменте новгородской каменной иконки рубежа XIII–XIV вв. (Пущко, 1997. С. 95–102), т.е. речь идет о синхронном явлении. При таком положении вещей трудно пойти дальше фиксации определенных исторических фактов, хотя и связываемых преемственностью с византийскими художественными реалиями, такими как уже упомянутые эпитиллии XII–XIII вв. в монастыре св. Екатерины на Синае (рис. 3, 1, 2). На первый взгляд, находка каменной иконки в Ельде дает немного. К известной серии произведений, включенных в свод памятников мелкой пластики, теперь можно присоединить еще одно, высокого художественного уровня и оригинальной манеры исполнения. Однако это же изделие вызывает пересмотр существующих представлений об образцах новгородской художественной резьбы малых форм и потенциально приводит к новым наблюдениям и выводам. И даже при самом снисходительном отношении к атрибуции материала невозможно игнорировать его источниковедческую ценность. Интерпретация конкретных памятников может порой оказаться спорной, требующей определенных уточнений, хотя с учетом историко-культурного контекста и широкого исторического фона можно избежать грубых ошибок, тем более, когда речь идет о типологических группах изделий художественного ремесла, уже ставших достоянием науки.

- Амиранцивили Ш., 1966. Грузинская миниатюра. М.
- Вазнер Г.К., 1980. От символа к реальности: развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.
- Декоративно-прикладное искусство..., 1996. – Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М.
- Каталог христианских древностей..., 1888. – Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Н.М. Поетниковым. М.
- Мысливец И., 1973. Происхождение «Денсуса» // Византизм: южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: искусство и культура. М.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI – XV в. // САИ. Вып. Е1–60. М.
- Порфиридов Н.Г., 1963. Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры: каменный крест из Боровичей // Древнерусское искусство XV – начала XVI века. М.
- Постникова-Лосева М., 1981. Русская золотая и серебряная скань. М.
- Пущко В.Г., 1995. Сюжеты новгородских каменных икон // Церковная археология: материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. СПб.; Псков. Ч. 2.
- Пущко В.Г., 1997. Ростовский фрагмент новгородской каменной иконы // История и культура Ростовской земли. 1996. Ростов.
- Пущко В.Г., 1998а. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник: сборник памяти Н.В. Пигулевской. СПб. Вып. 98 (35).
- Пущко В.Г., 1998б. Киевское художественное ремесло начала XIII в.: индивидуальные манеры мастеров // *Vyzantynoslavika*. Prague. Т. LIX.
- Пущко В.Г., 2000. Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София (Новгород). № 4.
- Пущко В.Г., 2001. Византийско-новгородские каменные иконы // Пизитримы: историко-культурная роль паломничества. СПб.
- Пущко В.Г., 2002а. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Пущко В.Г., 2002б. Крест Семена Золотилова: memoria Дмитрия Донского? // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. II.
- Пущко В.Г., 2003а. Каменные иконки средневекового Пскова // Псков в российской и европейской истории: (к 1100-летию первого летописного упоминания). М. Т. 2.
- Пущко В.Г., 2003б. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 9(19).
- Пущко В.Г., 2003в. Резная каменная иконка новгородского круга: (о генезисе двухъярусной композиции с Денусом) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 5.
- Пущко В.Г., 2005. Об одной группе каменных икон Спаса на престоле // АВ. СПб. № 12.
- Родникова И.С., 1991. Псковская икона XIII–XVI веков. Л.
- Рыбина А.В., 1978а. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь, XIV–XV веков. М.

- Рындина А.В.*, 19786. Проблема традиций в новгородской пластике XIV–XV вв. // Средневековое искусство: Русь, Грузия. М.
- Сидоренко Г.В.*, 1995. Скульптура, прикладное искусство X–XIV веков // Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV века. М.
- Тропин Н.А.*, 2002. Каменная иконка из фондов Елецкого краеведческого музея // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 1. Серия: История, право. Елец.

- Galavaris G.*, 1969. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nasianzenus. Princeton.
- Goldschmidt A., Weitzmann K.*, 1934. Die byzantinische Elfenbienskulpturen des X–XIII. Jahrhunderts. B. Bd. II.
- Grabar A.*, 1972. Les manuscrits grecs enluménés de provenance italienne (IXe–XIe siècles). P.
- Kalavrezou-Maxeiner I.*, 1985. Byzantine Icons in Steatite // Byzantine Vindobonensia. Wien. Bd. XV.
- Sotiriou G. et M.*, 1956. Icons du Mont Sinai. Athènes. T. I.

A Small Carved Icon from Yelets: Deisis in the Novgorodian Stone Plastic Arts of the 14th Century

V.G. Putsko

In the regional museum of the city of Yelets there is a small stone icon. Its original history is unknown except for that in the late 19th century it came to the collection of the clergyman V.P. Kavkazskiy. The icon made of schist is of rectangular form with rounded top. On the front side represented in a shallow relief is the group of the Deisis with enthroned Christ and Our Lady and St. John the Baptist standing in front (fig. 1). All its traits suggest that this icon belongs to the circle of small stone objects of the Novgorodian plastic arts of the late 12th – early 14th century. These works reflect the stage of the establishment of the local artistic tradition. The Deïsis

composition is a subject which is traceable among the Novgorodian small works of stone since the 14th century, most commonly with the representations of the enthroned Saviour. The total number of similar small icons known is 10 including the Yelets one (fig. 2, 1–9). They all are close in terms of their iconography and style without being absolutely identical. In each case there are some individual features, most often in the treatment of details, but nevertheless one hardly can deny the existence of some source common for all these examples. Probably, that source was some icon well known and held sacred in Novgorod as early as the 13th century.

Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках

Н.Н. Грибов¹, В.А. Лапшин²

Нижний Новгород был заложен Великим князем Юрием Всеволодовичем в 1221 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 1. Стб. 445) при слиянии рек Оки и Волги на землях мордвы как пограничная с Булгарией крепость и плацдарм для освоения новых земель в Поволжье. Поход Батыею зимой–весной 1238 г. привел к захвату и разрушению наиболее значительных северо-восточных городов. Неясна судьба Нижнего Новгорода. Поскольку он не упоминает среди разрушенных городов, В.А. Кучкин отнес его к непострадавшим (Кучкин, 1974. С. 237; 1990. С. 72). Но маловероятно, что татары его миновали в 1237 г., продвигаясь по берегу Волги к Гордцу, или в 1239 г., проходя по берегам Оки и Клязьмы к Гороховцу. Скорее, на фоне гибели крупнейших и старейших городов основанный менее двух десятилетий назад Нижний Новгород был «забыт» летописцем как незначительный пункт.

В политических комбинациях Орды в первой трети XIV в. Нижний Новгород выступает не как политическое целое, а как часть нестабильных новообразований (Кучкин, 1974. С. 241). Однако, по-видимому, именно в это время город вырастает в значительный центр поволжской торговли. В противном случае остается непонятным перенос столицы из Суздаля в Нижний Новгород в 1341 г. при формировании Нижегородского княжества. С одной стороны, это свидетельствовало о выросшем значении города, а с другой способствовало дальнейшему его подъему. Великое княжество Нижегородское просуществовало пятьдесят лет (с 1341 по 1392 г.) при князе Константине Васильевиче (1341–1355) и его сыновьях Андрее (1355–1365), Дмитрие (1365–1383) и Борисе (1383–1388, 1391–1392). Вторая половина XIV в. – период максимального расцвета столицы княжества. Но уже в 1392 г. Василий Дмитриевич Московский купил в Орде ярлык на Нижний Новгород (ПСРЛ, 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 162; 1913. Т. 18. С. 142), самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован, а городом стал управлять московский наместник (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 220; 1910. Т. 23. С. 133; 1921. Т. 24. С. 159). Нижний Новгород переживает период упадка, который заканчивается лишь в начале

XVI в. после строительства нового каменного кремля.

События политической истории подтверждают-ся данными археологии. За последние годы выявлено значительное распространение отложений XIII–XIV вв. (обычно их не удается хронологически расчленить) не только в кремле, но и на посаде (Ануфриева, 2004). Культурный слой XV в. в городе не зафиксирован (Гусева, 1996. С. 45–46). Слой XIII–XIV вв. перекрывают отложения XVI–XVII, а иногда XVIII–XIX вв. Отдельные находки XV в. (Николаенко, 2005. С. 115–116) только подчеркивают контраст с насыщенными слоями предшествующего периода. Раскопки, проведенные в последние годы авторами данной статьи на территории города – в кремле (Лапшин, 2005) и на городище Городок (Грибов, 2005), позволяют проследить изменения топографии Нижнего Новгорода в XIII–XV вв. и объяснить феномен отсутствия археологических следов города в XV в. (рис. 1).

Зимой 2001/02 г. в западной части Нижегородского кремля были предприняты охранные раскопки. Единой площадью вскрыты 970 м². Значительная ее часть пострадала от перекопов XIX–XX вв. Полноценный культурный слой сохранился на площади около 460 м² (47% территории), главным образом в южной части раскопа. Это наиболее масштабные раскопки за всю историю археологического изучения Нижегородского кремля (об истории археологического изучения Нижнего Новгорода см.: Гусева, 1996; Ануфриева, 2005; Николаенко, 2005).

На участке раскопок культурный слой сухой, тонкий (не более 1 м), нарушенный многочисленными перекопами XIX–XX вв. Наибольший интерес представляют комплексы сохранившихся материковых ям: подпольий, подпечных, хозяйственных и столбовых ям, частокольных канавок. Собрана коллекция из 3200 индивидуальных находок и обширная коллекция керамики. Выделены комплексы трех хронологических блоков: XIII–XIV вв., XVI–XVII и XVIII вв. В данной статье мы останавливаемся на комплексах первой хронологической группы. Они количественно преобладают: в это время жизнь на поселении протекала наиболее интенсивно. Среди комплексов материковых ям выделяются группирующиеся в юго-западной части раскопа глубокие обширные подполья. В одной из ям зафиксированы следы трех последовательно сменявших друг друга на протя-

¹ Россия, 603950. Нижний Новгород. Пр. Гагарина, 23. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

² Россия, 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН.

Рис. 1. Взаиморасположение Нижегородского кремля и городища Городок

Fig. 1. Relative locations of the Nizhny-Novgorod Kremlin and town-site of Gorodok

жении XIV в. срубно-столбовых конструкций размерами $3,5 \times 3,5$ м. Обращает на себя внимание стабильность застройки на данном участке. Близкие по размерам и конструкции подполья изучены на Городище под Новгородом, где они интерпретируются как части комплекса княжеского терема (Носов, Горюнова, Плахов, 2005. С. 33–47. Табл. 2–5).

Хронологически значимой спецификой нижегородского культурного слоя является большое количество восточных импортов, золотоордынских или попадавших на Русь через Золотую Орду. Найдено 342 фрагмента кашинной посуды, в том

числе 241 фрагмент в комплексах ям золотоордынского времени, 31 фрагмент – в заполнении поздних ям XVII–XIX вв. и 70 фрагментов – в верхних мешанных слоях. Преобладает обычная для золотоордынских городов кашинная керамика с подглазурной полихромной росписью (рис. 2, 13), гладкая, реже рельефная (Булатов, 1968). В небольшом количестве встречены фрагменты сосудов с бирюзовой поливой и надглазурной росписью желтым люстром. Найдены несколько фрагментов керамики с глухой салатно-зеленой поливой (псевдосладон), имитирующей китайский фарфор. Некоторое количество кашинной керамики

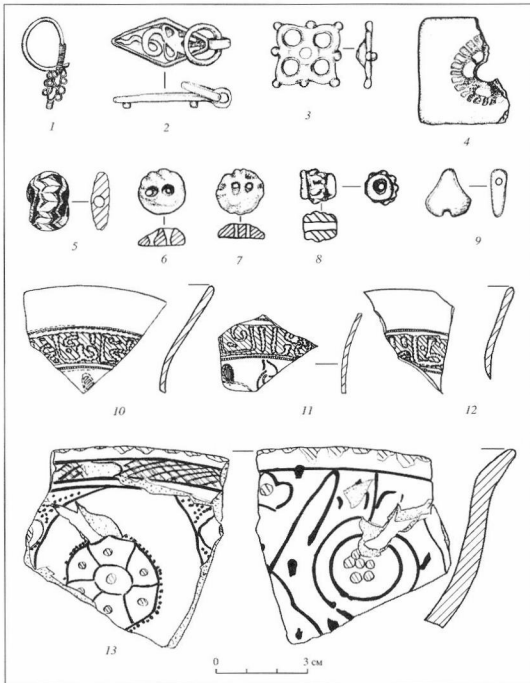

Рис. 2. Находки из раскопа в Нижегородском кремле

1 – серьга; 2, 3 – накладки; 4 – литейная формочка; 5, 8 – бусы; 6, 7 – пуговицы; 9 – подвеска; 10–12 – фрагменты стеклянных бокалов; 13 – венчик миски. 1–3 – бронза; 4 – глина; 5, 10–12 – стекло; 6–9, 13 – кашан

Fig. 2. Finds from the excavation in the Nizhny Novgorod Kremlin

1 – earrings; 2, 3 – mounts; 4 – small casting mould; 5, 8 – beads; 6, 7 – buttons; 9 – pendant; 10–12 – fragments of glass beakers; 13 – bowl rim. 1–3 – bronze; 4 – clay; 5, 10–12 – glass; 6–9, 13 – Kashan

попало в Нижний Новгород через Золотую Орду из более отдаленных регионов. В ее числе иранская ильханской эпохи керамика с полупрозрачной белой поливой и люстровой росписью (Коваль, 1996. С. 238). Одним фрагментом представлена кашанская керамика с глушеной ультрамариновой поливой и росписью эмалями (белой, крас-

ной) и золотом – «ладжвардин», производившаяся в Иране в конце XIII – XIV в. (Коваль, 1997а. С. 191). Характерно, что найден только один достоверный фрагмент поздней кашанской керамики с подглазурной росписью кобальтом, так называемой тимуридской керамики конца XIV – XV в. (Булатов, 1968. С. 102), и происходит он из комп-

лекса, содержащего мешаную керамику XVI–XVIII вв.

Помимо посуды в небольшом количестве найдены и другие изделия из кашина: бусы, пуговицы и веерообразная поливная бирюзовая подвеска (рис. 2, 5–9). Найдено также 18 фрагментов красноглиняной поливной керамики (в том числе с подглазурной гравировкой по ангобу). Эта керамика происходит преимущественно из золотоордынских городов, но частично, вероятно, из центров Крыма и Кавказа (Булатов, 1976). Пять фрагментов керамики с рельефным (колыбным) орнаментом характерны для Хорезма и городов Золотой Орды второй половины XIII–XIV вв. Основная форма – приседельные фляги (Вахтурская, 1959. С. 310–311. Рис. 23, 5; Вишневецкая, 1958. С. 457–458. Рис. 12). Найдены также фрагмент желтоглиняного штампованного сфероконуса. Сфероконусы предназначались для перевозки ртути и других дорогостоящих препаратов на Ближнем Востоке, в Закавказье, Средней Азии и Поволжье, откуда попадали и на Русь (Коваль, 1997б. С. 13).

Китайский фарфор (селадон) является относительно частой находкой в золотоордынских городах Поволжья (Полубояринова, 2003), в Северо-Восточной Руси встречены лишь его единичные фрагменты (Коваль, 1997б. С. 11–12); в данном раскопе найдены четыре фрагмента. Эти находки особенно впечатляют, если сравнить их с данными по Руси в целом. На середину 1990-х годов В.Ю. Коваль учел всего 756 фрагментов восточной керамики золотоордынского периода (Коваль, 1997б. С. 21). Наиболее крупные коллекции происходят из Новгорода Великого и Твери – по 150 фрагментов. Хотя с тех пор количество находок кашинной керамики значительно увеличилось, Нижний Новгород остается непревзойденным по числу находок этой категории.

К импортам, получаемым через золотоордынские города, относятся также 40 фрагментов сиро-египетского стекла с росписью цветными эмальями и золотом (рис. 2, 10–12). В основном это осколки бокалов или стаканов, реже бутылей. Один фрагмент, насколько нам известно, уникален для Руси – это венчик египетской лампы. Такие лампы в арабском средневековье были одним из основных украшений мечетей, однако в Болгаре их фрагменты встречены по всей центральной части городища в богатых сырцовых домах, принадлежавших золотоордынской знати (не менее 150 фрагментов). Эти находки датируются XIV – началом XV в. (Полубояринова, 1988. С. 207–209). К золотоордынским импортам относятся также фрагменты котлов чугунных и каменных; две золотоордынские монеты: хана Джанибека 1342/43 (743 г.х.) (Френ, 1832. С. 10. № 72. Таб. 3. № 59) и хана Бердибека города Гюлистана 1357/58 г. (759 г.х.) (Янина,

1970. С. 203. № 34; Френ, 1832. С. № 111). Интерес представляет фрагмент литевой формы, служившей для отливки свинцовых грузиков в виде тонкого кружка с валикообразным краем и вертикальной ножкой-втулкой в центре (рис. 2, 4). Этот тип хорошо известен по раскопкам поволжских городов Золотой Орды – Сарая Бату, Уека, Водянского городища (Полякова, 1996. С. 247. Рис. 76. № 10, 11, 13, 14). Серьга в виде знака вопроса со спиральной обмоткой на конце типа В-II-3, по Г.Ф. Поляковой (рис. 2, 1). Четыре экземпляра найдены в золотоордынском слое Болгара (Полякова, 1996. С. 174. Рис. 61. 5). По-видимому, к этому же типу относился еще один фрагментированный экземпляр, окислившаяся обмотка которого рассыпалась в момент извлечения из земли. Бляха со следами посеребрения с петлей для бокового ремня литая штифтовая ромбическая с изображением дракона (рис. 2, 2) имеет аналоги в золотоордынском слое Болгара (Полякова, 1996. С. 213. Рис. 68. 6; тип В-Vle-1). Бляха литая штифтовая квадратная ажурная (рис. 2, 3). Точные аналоги ей не найдены. Ажурные литые штифтовые бляхи различной формы (отдел В-XVI, по Г.Ф. Поляковой) найдены в золотоордынском слое Болгара в количестве 15 экз. (Полякова, 1996. С. 211, 220).

Среди обычных для русского средневекового города вещей наиболее массовой, и поэтому хронологически значимой, категорией индивидуальных находок являются стеклянные браслеты (всего найдено 297 фрагментов). В большинстве древнерусских городов наибольшее количество браслетов отмечено в первой трети XIII в. Ю.Л. Шапова выделяет два основных типа распределения браслетов. В городах, подвергшихся монгольскому разгрому или не имевших собственного стекольного производства и получавших браслеты из Киева, наблюдается резкое исчезновение этой категории украшений. В городах, имевших собственное производство и не пострадавших от монгольского нашествия, наблюдается плавное уменьшение количества браслетов. В Новгороде на вторую половину XIII – XIV в. приходится около одной трети находок (Шапова, 1972. С. 173–174). В то же время в Смоленске, где наибольшее количество браслетов отмечено в первой трети XIII в., не пострадавшем от монголов, во второй половине XIII в. браслеты стремительно выходят из употребления (Асташева, 1999. С. 116). В Полоцке браслеты исчезают в начале XIV в. (Шапова, 1972. С. 114).

Для нижегородской хронологии важно, что в большинстве комплексов ям (18 из 21) стеклянные браслеты сочетаются с кашинной керамикой и сиро-египетским стеклом. В трех остальных случаях речь идет об единичных фрагментах в нерепрезентативных комплексах. Таким образом, в Нижнем

Новгородские стеклянные браслеты были широко распространены в XIV в., они не являются хронологическим признаком домонгольского слоя. Аналогичная картина наблюдается только в Твери и Болгаре. В Болгаре основная часть стеклянных браслетов происходит из слоя золотоордынского времени (вторая половина XIII – XIV в.). При этом из 17 браслетов, подвергшихся анализу, 11 изготовлены из стекла по русской рецептуре, 10 из них относятся к золотоордынскому времени. Остальные браслеты, судя по рецептуре стекла, привезены из Византии и Закавказья (Полубояринова, 1988. С. 193). В Твери пик употребления стеклянных браслетов приходится на первую треть XIV в., а выходят из употребления они в 80-е годы XIV в. (Лапшин, 2005. С. 33). Однако в сравнении с Тверью и Болгаром нижегородские материалы демонстрируют своеобразие. В Нижнем Новгороде наблюдается преобладание крученных браслетов над гладкими, на первом месте находятся коричневые и зеленые браслеты (как в Новгороде и Твери), а на втором – бирюзовые (как в Болгаре), соответственно, 22 и 20,36%.

Домонгольские вещи найдены в единичных экземплярах и они не составляют комплексов. Красноглиняные амфоры византийского круга представлены тремя фрагментами. Для этих толстоствяных сосудов характерно рифление и иногда применение белого ангоба. Один обнаруженный фрагмент дна (ножка) имеет воронкообразную форму. Амфоры на Русь поступали в домонгольское время (Коваль, 2003). В данном случае фрагменты амфор перетолщены: они происходят из заполнения ямы 86, датированной по комплексу находок второй половиной XIV в., и из слоя 3 ямы 85, относящегося к XVII в. Бронзовый кистень (тип 2а, по А.Н. Киричникову) (рис. 3, 12) датируется XII–XIII вв. (Киричников, 1966. С. 62. Рис. 12), найден в верхнем мешаном слое. Однозвенное калачевидное кресало с язычком (рис. 3, 11) найдено также в верхнем мешаном слое. Оно датируется по новгородской шкале временем до начала XII в. (Колчин, 1959. С. 99; 1982. С. 163). Однако на периферии и за пределами Руси этот тип бытует и значительно позже. В Болгаре такие кресала найдены в слое XIII–XIV вв. (Савченко, 1996. С. 53). Крест равнобедренный с шарообразными одинарными завершениями лопастей (рис. 3, 2) по новгородской шкале датируется 1025–1268 гг. (Седова, 1981. С. 50–54; Лесман, 1990. С. 66, III. 27); найден в комплексе XVIII в. Фрагмент рубчатого перстня (рис. 3, 6) найден в мешаном слое, датируется по новгородской шкале 1096–1268 гг. (Седова, 1981. С. 122; Лесман, 1990. С. 50, П. 9). Аналогичные перстни найдены в слоях второй половины XIII – XIV в. в Болгаре и на Царевском городище (Полякова, 1996. С. 179). Крест с ромбическими

расширением в средокрестии (фрагмент) (рис. 3, 3) датируется по новгородской шкале временем после 1076 г. (Седова, 1981. С. 50–55; Лесман, 1990. С. 65, III. 26); найден в мешаном слое.

Ряд находок монгольского периода происходит из соответствующих комплексов. Створка квадратной эрколлиона с изображением Богоматери с Младенцем (рис. 3, 9) обнаружена в яме XIV в. Аналогичная эрколлиона с раскопок на Замковой горе в Киеве (створка с Распятием – *Ивакин*, 1999. С. 144. Рис. 1), два экземпляра из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (Ханенко, 1899. Табл. VI, 71; VIII, 98, 99), и два – из Увэка (Полубояринова, 1978. С. 100. Рис. 26). По заключению М.Д. Полубояриновой, эрколлионы из коллекции Ханенко и из Увэка отлиты в одной форме, что позволяет предполагать местом их изготовления Киев (Полубояринова, 1978. С. 100).

Печать-матрица, точеная на станке в форме шахматной пешки (рис. 3, 1), найдена в комплексе XIV в. Такие печати характерны для северорусских городов (Псков, Новгород, Старая Рязань, Серенск, городище Дуна, Тверь, а также Болгар, где найдены русские печати) и особенно для слоев XIV в. (Белецкий, 1975; Гендуев, 1903. С. 20. Табл. II. 11; Колчин, Рыбина, 1982. С. 210–211; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 170. Рис. 109; Лапшин, 1997; Полубояринова, 1971; 1983). Ближайшая иконографическая аналогия изображению – свищовая печать Ярослава Всеволодовича с изображением св. Федора в композиции «чудо о змие» (Янин, 1970. № 369). В.Л. Янин связывает этот тип с последним княжением Ярослава в Новгороде (1230–1236 гг.) (Янин, Гайдуков, 1998. С. 64–65). В равной степени печать с «чудом о змие» могла принадлежать Юрию (Георгию) Всеволодовичу, основателю Нижнего Новгорода. К этому времени изображение могло стать символом города или княжеского дома. Так, Архангел Михаил, патрон Михаила Ярославича Тверского (ум. в 1318 г.), является на аналогичной тверской печати, датированной 1364–1385 гг. Такие печати считаются принадлежностью княжеского хозяйства и, скорее всего, принадлежали не самому князю, а его доверенным лицам, так как предназначались для опечатывания восковым оттиском не только грамот, но и любого княжеского имущества.

Крест-тельник янтарный плоский равнобедренный с прямоугольными окончаниями лопастей (рис. 3, 4) найден в комплексе XIV в. По новгородской шкале датируется последней третью XII – третьей четвертью XV в. (Полубояринова, 1994. С. 81. Рис. 3, 1). Крест-тельник с равноконечными прямоугольными лопастями (рис. 3, 5) найден в комплексе XVIII в. Крест-тельник с равноконечными прямоугольными лопастями (нижняя лопасть утрачена) (рис. 3, 10) найден в мешаном слое.

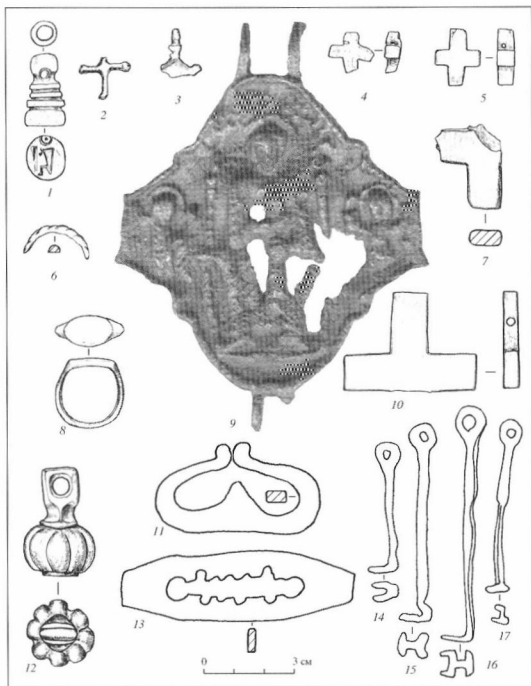

Рис. 3. Находки из раскопа в Нижегородском кремле

1 – печать-матрица; 2–5, 7, 10 – кресты-тельнички; 6, 8 – перстни; 9 – энколпий; 11, 13 – кресала; 12 – кистень; 14–17 – ключи. 1 – кости; 2, 3, 6, 8–10, 12 – бронза; 4 – янтарь; 5, 7 – камень; 11, 13–17 – железо

Fig. 3. Finds from the excavation in the Nizhny Novgorod Kremlin

1 – seal/matrix; 2–5, 7, 10 – cross-pendants; 6, 8 – signet-rings; 9 – reliquary-cross; 11, 13 – fire-steels; 12 – flail; 14–17 – keys. 1 – bone; 2, 3, 6, 8–10, 12 – bronze; 4 – amber; 5, 7 – stone; 11, 13–17 – iron

Крест-тельничек с прямоугольными окончаниями лопастей (фрагментирован, сохранились две лопасти) (рис. 3, 7) найден в мешаном слое. Перстень плосковыпуклый литой с овальным гладким щитком (рис. 3, 8) также происходит из комплекса XIV в. По новгородской шкале перстни овально-щитковые с плоским щитком датируются време-

нем после 1197 г. (Седова, 1981. С. 135–136; Лесман, 1990. С. 52, II. 16). В Болгаре они встречены в слоях золотоордынского времени (Полякова, 1996. С. 178).

Характерен набор типов таких относительно многочисленных категорий находок, как ключи для цилиндрических замков и кресала. Ключи для

цилиндрических замков относится, по классификации Б.А. Колчина, к типу В – 5 экз. (рис. 3, 14), датируемому второй половиной XII – началом XV в.; к типу В1 – 9 экз. (рис. 3, 15), датируемому концом XII – началом XV в.; к типу В2 – 5 экз. (рис. 3, 16), датируемому началом XIII – началом XV в.; к типу Г – 3 экз. (рис. 3, 17), который датируется серединой XIII – первой половиной XV в. (Колчин, 1959. С. 82; 1982. С. 160). Только один ключ плохой сохранности относится к типу Д, датируемому XIV – первой половиной XV в. (Колчин, 1959. С. 82; 1982. С. 160) или типу Е, датируемому XV–XVI вв. (Колчин, 1959. С. 84; 1982. С. 160). Двухзвонные овальные кресала являются ведущей формой (7 экз.). Они близки новгородскому типу овальных кресал, который датируется XIII–XV вв. (Колчин, 1959. С. 103; 1982. С. 163). С кресалами Болгара некоторые экземпляры (рис. 3, 13) сближает фигурное оформление внутреннего выреза (Савченкова, 1996. С. 56).

Из вышесказанного следует, что на данном участке кремля нет слоя домонгольского времени. Для уточнения хронологии выделены комплексы ям с набором из нескольких датированных находок. Таких комплексов около 30. Выяснилось, что заполнение всех ям содержит восточные импорты. Они важны как хронологический индикатор. В.Ю. Коваль выделил два периода поступления импортов через улус Джучи. В раннеордынский период (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) на Северо-Восточную Русь попадало небольшое количество вещей, прежде всего – дорогой керамики, привезенной ордынцами из Китая, Средней Азии, Ирана и Закавказья. В середине – второй половине XIV в. на Русь уже торговым путем поступает в большом количестве каменная керамика, произведенная в золотоордынских городах. В коллекции из Нижегородского кремля абсолютно преобладает именно керамика золотоордынского производства. То есть основная масса комплексов относится к середине – второй половине XIV в. (Коваль, 1997а. С. 16). Переходя от археологической хронологии к исторической, можно заключить, что на исследуемом участке Нижегородского кремля интенсивная жизнь протекала в эпоху независимого Нижегородского великого княжества (1341–1392 гг.).

Возникает вопрос, почему отсутствуют комплексы XIII в. и где их нужно искать. Для этого следует обратиться к топографии Нижегородского кремля. Стены каменного кремля московского периода (построенного в начале XVI в.) охватывают край террасы правого берега Волги в ее наиболее высокой части и спускаются к Подолу по крутому склону. Первая гипотетическая реконструкция территории кремля XIII–XIV вв. принадлежит С.Л. Агафонову (Агафонов, 1976. С. 66). Он исхо-

дил из рельефа, донесенного до нас планами XVIII в., а также из справедливой посылки, что строители укреплений в XIII в. не могли не использовать 30-метровый склон как естественную защиту. Таким образом, кремль XIII–XIV вв., по С.Л. Агафонову, занял верхнюю площадку внутри кремля XVI в., в его южной и юго-западной частях. С запада территория кремля ограничена глубоким оврагом, по которому в средневековые протекала речка Почайна. С юга на северо-запад кремль пересекает Ивановский съезд, который соединяет воротные башни – Дмитровскую, выходящую на верхний посад, и Ивановскую, соединявшую кремль с Подолом – и одновременно разделяет верхнюю площадку кремля на две неравные части. На графической реконструкции С.Л. Агафонова они объединены, но, судя по наблюдениям за трамваем 1989 г., Ивановский овраг был не только не засыпан, но углублен и превращен в ров (Гусева, 1996. С. 36, 44–45), на его западном краю Т.В. Гусева исследовала остатки вала. Эта находка позволила Т.Д. Николаенко предположить, что первоначально укрепления охватывали западную часть Детинца, а позднее их территория была расширена за счет восточного мыса (Николаенко, 2005. С. 102–103).

Расположение храмов XIII в. позволяет предложить другую схему развития городской территории. После закладки крепости в 1221 г. на небольшой подтреугольной восточной площадке, в 1225 г. начинается строительство каменного Спасского собора (ИСПЛ, 1962. Т. I. С. 447). Одновременно в северной части западной площадки строится двор князя с деревянной церковью Архангела Михаила, которую в 1227 г. сменяет каменный храм (Гаицкий, 1886. С. 1–2). Западная часть ограничивалась Ивановским и Почайнским оврагами. Преемственность в расположении храмов сохранялась при строительстве на их месте новых соборов в XIV и XVII вв. (Воронин, 1962. С. 44, 45, 50), что позволяет судить о топографии города XIII в. Строительство практически одновременно двух храмов на самых высоких точках берега к востоку и западу от Ивановского оврага наводит на мысль об изначально двухчастной структуре города. Можно предположить, что собственно детинец со Спасским собором в центре занимал небольшую мыс площадью около 1,5–2,0 га в восточной части кремля. Западная часть между Ивановским и Почайнским оврагами составляла площадь около 8 га. В ее северной части находилась княжеская усадьба с церковью Архангела Михаила.

Археологические исследования в восточной части кремля не проводились. При исследованиях собора Михаила Архангела, проведенных Н.Н. Ворониным в 1960 г., а также при небольших

раскопках, проведенных В.Ф. Черниковым в 1964 г., зафиксированы остатки домонгольского слоя, почти полностью уничтоженного при строительстве и перестройках собора (Воронин, 1962. С. 489; Николаенко, 2005. С. 104). Поэтому мы, к сожалению, вынуждены ограничиться предположениями. Возводились ли укрепления восточной и западной частей одновременно или последовательно, можно выяснить лишь в результате целенаправленных полевых исследований. На примере строительства других городов Северо-Восточной Руси можно предполагать оба варианта. С одной стороны, линии укреплений и Суздалья, и Владимира строились исходя из благоприятных условий рельефа и с «запасом», охватывая большие незаселенные площади (Седова, 1997. С. 134), с другой – мы знаем, что во Владимире княжеская усадьба была построена за пределами детинца Владимира Мономаха 1108 г., и только через 50 лет оказалась в черте новых укреплений Андрея Боголюбского, когда Владимирский кремль приобрел трехчастную структуру (Воронин, 1946. С. 164–165). В Суздальском кремле ранняя застройка была вытянута полосой в одну линию усадеб (шириной 10–15 м) вдоль северного края береговой террасы (Седова, 1997. С. 78–95. Рис. 31).

Исходя из этих аналогий, слов XIII в. в Нижегородском кремле следует искать *следы всего в восточной части кремля и по краю береговой террасы в западной*. Раскоп 2001/02 г. находился в 100 м к югу от края террасы и в 150 м к юго-западу от собора Михаила Архангела. В XIII в. эта территория еще не была освоена, в XIV в. уже густо заселена, а в XV в. – запустела.

Письменные источники крайне скупы на сведения о Нижнем Новгороде XV в. Сохранившиеся в них известия позволяют наметить лишь важнейшие функции города и со значительной долей условности – отдельные черты его облика в это время.

После того как в 1392 г. Великий князь Василий Дмитриевич Московский перекупил в Орде ярлык на Нижний Новгород (ПСРЛ, 1922. Т. 15. С. 162, 163), началась растянувшаяся на 60–70 лет разорительный и кровопролитный период включения нижегородской земли в политическую систему Великого Московского княжества. События этого времени для города и его округа имели катастрофический характер. Угасание поволжской торговли после разгрома золотоордынских городов Тимуром (1395 г.), серия военных катастроф, обусловленных как борьбой нижегородских князей за свою вотчину, так и желанием правителей Золотой Орды восстановить свое былое влияние на Волге (1408 г.) – все это привело к опустошению нижегородских земель в первой половине XV в. Местный актовый материал этого времени

пестрит упоминаниями селищ и пустошей. Разорение коснулось и самого города. Его укрепления обветшали, и в первой трети XV в. никто из отмеченных летописцами нижегородских «сидельцев» – ни нижегородский князь Даниил Борисович в 1414 г. (ПСРЛ, 1922. Т. 15. С. 487), ни галицкий князь Юрий Дмитриевич (в 1425 или в 1430 гг. – ПСРЛ, 1959. Т. 26. С. 183; 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 53; 1910. Т. 23. С. 146, 147) – при возникновении непосредственной военной опасности не рискнул принять бой на нижегородских стенах. Вместо организации обороны города они без лишнего промедления выводили свои войска за город, выбирая в качестве оборонительного рубежа р. Суру. Неудовлетворительное состояние укреплений Нижнего Новгорода в 30-е годы XV в. подтверждается и привлечением для их подновления суздальских крестьян (АСЭИ, 1964. Т. 3. С. 119). Крайне противоречивы и неоднозначны отрывочные упоминания в летописях о Нижнем Новгороде Старом и Нижнем Новгороде Новом (или Меньшим) середины XV в. Первый из них с зимы 1444/45 г. до конца августа 1445 г. был захвачен татарской ордой Улу-Мухаммеда (Кучкин, 1976. С. 229–230). Второй служил крепостью-осадой, где зимой 1445 г. «затворившаяся воевода князя великого» (ПСРЛ, 1910. Т. 23. С. 151).

К началу 50-х годов XV в. возможности сепаратной борьбы потомков нижегородско-суздальских князей были исчерпаны. Нижегородское княжеское окончательное перешло к Василию II (АСЭИ, 1958. Т. 2. С. 492; ДДГ, 1950. С. 156–157), а к 1461–1462 гг. оно было вообще упразднено и его земли превратились в восточную периферию Великого Московского княжества (ДДГ, 1950. С. 197). С 1445 г. летописи периодически фиксируют пребывание в Нижнем Новгороде московских воевод и застав.

Значение города заметно возрастает с возникновением Казанского ханства. С середины XV в. город в устье Оки вновь становится главным опорным пунктом для военных операций на средней Волге. В 1469 г. в нем собирается большое сводное войско, в состав которого входили воины и «купеческие люди» из Москвы, Коломны, Владимира, Суздалья, Ярославля, Костромы и Ростова (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 281). Функция города как центра сбора таможенных пошлин была усилена после взятия Казани в 1487 г., когда для всех купцов и посольств, прибывающих на Русь из Поволжья, был наложен запрет на использование окольного сухопутного пути (Сб. РИО, 1884. С. 87). Как известно, в начале своего далекого путешествия во второй половине 1460-х годов в Нижнем Новгороде две недели провел тверской купец Афанасий Никитин (ПСРЛ, 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 222). В 1470–1480 гг. можно предполагать рост заселения территории

города за счет перемещенных в него «опальных» новгородцев (ПСРЛ, 1922. Т. 15. С. 497–498; 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 238–239). Таким образом, роль Нижнего Новгорода в формирующемся Московском государстве была достаточно заметна, что, наверное, и позволило А.А. Зимину причислить его к крупнейшим городам Руси XV столетия (Зимин, 1991. С. 25). Однако, как оказалось, последний вывод не находит своего археологического подтверждения.

Как же говорилось, археологические исследования на территории детинца нижегородской крепости и в разных местах средневекового посада не выявили следов застройки этого времени. Древнейший период существования города по археологическим данным ограничивается первым десятилетием XV в. Последующий период (до XVI в.) представлен лишь редкими разрозненными не образующими комплексов находками. Время бытования большинства из них выходит за рамки XV в. Это серебряная монета Василия I, единственная денга Василия Темного, медные тверские пулы, чеканенные после 1486 г., фрагменты белоглиняной «коломенской» керамики конца XV – XVII в., железные замки типов Г и Е (по Новгородской классификации). Археологические раскопки, проведенные в разных частях средневекового города, привели исследователей к выводу о катастрофически слабой заселенности его территории в это время (Гусева, 1996. С. 44, 45).

Устранить намеченное противоречие оказалось возможным лишь после расширения района археологических поисков. Свообразным ключом к загадке нижегородского XV в. может служить небольшое, площадью 7200 м², мысовое городище Городок. Оно было обнаружено в 1988 г. в 1,5 км к югу от нижегородского детинца и в 1 км от соответствующей границы городской застройки XIII–XIV вв. (Грибов, 2004. С. 119–120). В настоящее время это единственный памятник Нижегородского Поволжья, на котором раскопками выявлены археологические комплексы интересующего нас периода. Предметное расположение поселения уже само по себе предполагает тесную взаимосвязь с городским центром (рис. 1).

По своему положению на местности Городок типологически напоминает детинец нижегородской крепости. Городище занимает верхнюю площадку высокого мыса, образованного двумя главными отвесными боковой разветвленной овражной системы, прорезающей правый коренной берег р. Оки в 0,8 км от ее устья. Склоны мыса почти повсеместно крутые, каньонообразные, и только с северо-западной стороны, обращенной к реке, они смыкаются в узкий отлогий гребень. Узкий, шириной 30 м, перешеек, соединяющий мыс с платформой береговой террасы, еще в середине

XIX в. был перерезан линией земляных укреплений – валом и рвом, которые хорошо заметны на плане города 1848–1849 гг. (План..., 1992). Впоследствии они были сnivelированы, и в настоящее время связанный с ними микрорельеф безвозвратно утрачен.

В 1996, 2003, 2004 гг. на городище было заложено три раскопа и два шурфа общей площадью 192 м². Раскопочные исследования (на площади 172 м²) были сосредоточены на одной залесенной площадке, расположенной на северо-западной оконечности занимаемого памятником мыса. Культурный слой (мощностью 30 см) в этой части поселения нестратифицирован из-за позднейшей огородной распахивки и сохранился в неповрежденном виде только в заполнении многочисленных материковых углублений.

Особенности планировочной структуры памятника, облик связанной с ним материальной культуры в определенной мере сближают его с поселениями городского типа. На исследованном участке был вскрыт фрагмент усадебной застройки, связанный минимумом с четырьмя различными дворами, разделенными часточковыми оградками. Два параллельных часточка образовывали проезд шириной 2,1 м, ориентированный вдоль бровки берегового обрыва. Судя по высокой концентрации остатков различных сооружений на довольно небольшой площади, можно предполагать высокую плотность застройки. Связанные с усадьбами жилые наземные строения не имели каких-либо фундаментных оснований. Они были локализованы исключительно по подпольным ямам, заполненным развалами глинобитных печей и мощными прослойками рыхлого угленасыщенного грунта, включающего в себя многочисленные фрагменты керамической посуды, кости животных и рыб. Всего на раскопанном участке было выявлено шесть таких углублений. Изучение их стратиграфических разрезов показало, что жилые постройки неоднократно перестраивались или подновлялись.

В заполнении каждой подпольной ямы, помимо многочисленных бытовых предметов и керамики, были обнаружены монеты, которые вместе с находками из «огородного» переотложенного слоя составляют большой и хронологически однородный комплекс.

Собранная на памятнике нумизматическая коллекция состоит из девяти медных и 23 серебряных монет. Анзиграфические медные пулы, скорее всего, можно отнести к местному плохому изученному нижегородскому чекану. У серебряных монет эмитенты были определены у 20 экземпляров. Среди них преобладают монеты чекана Василия Темного (типов 78, 95-97, 104, 126, 127, 255 по монографии Н.Д. Мец – Мец, 1974) и Ивана III (типов 649, 668,

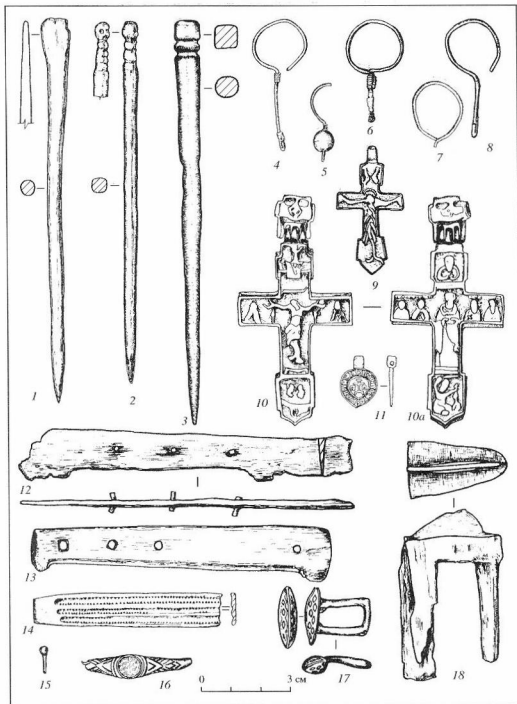

Рис. 4. Находки из раскопок городища Городок

1-3 – писала; 4-8 – серьги; 9 – крест-тельник; 10 – крест-экозильон; 11 – иконка-привеска; 12 – фрагмент пластинчатого ножа; 13 – костяная обкладка рукоятки пластинчатого ножа; 14 – фрагмент браслета; 15 – фрагмент булавки «пуш-йеппи»; 16 – фрагмент перстня; 17 – бронзовая с позолотой застежка; 18 – фрагмент замка. 1-3, 12, 18 – железо; 4-11, 14-17 – бронза; 13 – кость.

Fig. 4. Finds from the excavation at the town-site of Gorodok

1-3 – writing implements; 4-8 – earrings; 9 – cross-pendant; 10 – reliquary-cross; 11 – icon-pendant; 12 – fragment of a laminated knife; 13 – bone facing of the handle of a laminated knife; 14 – fragment of a bracelet; 15 – fragment of a «pus-yeppi» pin; 16 – fragment of a signet-ring; 17 – gilded bronze clasp; 18 – fragment of a lock. 1-3, 12, 18 – iron; 4-11, 14-17 – bronze; 13 – bone

671, 679, 680 по каталогу А.В. Орешникова – Орешников, 1996) (18 экземпляров). Важно отметить, что среди монет Василия II только одна (тип 78 по монографии Н.Д. Мец) датируется промежуточно 1434–1446 гг., тогда как все остальные чеканены в 1446–1462 гг. Одна из определенных монет чеканена от имени Бориса Александровича Тверского (1425–1462 гг.) (тип 234, по А.В. Орешникову). Единственная восточная монета, обнаруженная на памятнике, представляет собой крымское акче Хаджи-Гирея 1462–1463 гг. (тип 159 по каталогу О.Ф. Ретовского – *Retowski*, 1901. Р. 264. Табл. III. № 159). Таким образом, время чеканки подавляющего большинства (90%) определенных нумизматических находок хронологически укладывается в промежуток 1446–1505 гг.

Одной из особенностей данного памятника является высокая насыщенность его культурного слоя различным инвентарем и массовым материалом. За вычетом железных неопределенных предметов и крупных фрагментов керамических сосудов с полным профилем коллекция индивидуальных находок насчитывает 606 единиц. В основном это предметы хозяйственно-бытового назначения (железные ножи, шилья, гвозди, скобы, пробои, рыболовные крючки, пряжки, керамические и каменные прислица, грузила, костяные проколки, иглы, коцельки), имеющие широкие хронологические рамки (рис. 4). Однако некоторые типы встреченных на поселении этих широко распространенных вещей более характерны для XV в. Последнее замечание справедливо для пластинчатых ножей, довольно широко представленных в коллекции (20 фрагментированных и целых экземпляров). Рукоятка этих изделий состояла из двух деревянных или костяных пластин, крепившихся к плоскому пластинчатому черенку с помощью заклепок (рис. 4, 12, 13). Пластинчатые ножи появились на Руси на рубеже XIII–XIV вв., однако широкое их распространение связано только с XV в. (на Нутном раскопе в Новгороде Великом ножи с накладными рукоятками встречены в слоях 20–60 годов XV в.) (*Завьялов, Розанова*, 1992. С. 125). Среди разновидностей навесных замков на памятнике преобладают замки с П-образной дужкой типа Е по новгородской классификации (рис. 4, 18), которые характерны для XV в., хотя они встречаются и в напластованиях последующего столетия (*Колчин*, 1982. С. 160). Среди женских бронзовых украшений численно преобладают серьги в виде знака вопроса различных разновидностей (6 экземпляров) (рис. 4, 4–8). Подобные украшения получили широкое распространение у болгар в золотоордынский период (*Полякова*, 1996. С. 172, 174), на русских памятниках они встречаются в напластованиях XIV–XV вв. (в курганах Ижорского плато, в Новгороде Великом –

до середины XV в.) (*Седова*, 1981. С. 116). С XV в. серьги в виде знака вопроса стали одним из любимых женских украшений народов Поволжья – удмуртов, чувашей, мордвы (*Горюнова*, 1948. С. 29, 39. Табл. I. № 5. Табл. II. № 14, 15; *Шапран*, 2002. С. 257, 258).

Весьма выразителем комплекс собранных на памятнике предметов мелкой христианской пластики (рис. 4, 9, 10). По известным аналогам из датированных комплексов и стилистическим особенностям изготовления некоторых из них может быть соотнесено с XV столетием. К таким изделиям относится бронзовый энколпион с подвижным оглавлением (рис. 4, 10). Его размер 62 × 37 мм. Форма креста характеризуется килевидным окончанием нижней оси и широкой короткой верхней перекладиной. На лицевой стороне изделия изображено распятие с двумя погрудными фигурами предстоящих по бокам и этимасией сверху. Фигура Христа плавно изогнута, голова с отчетливо заметной вытянутой бородой немного наклонена к правому плечу, над ней тонкой дугообразной линией передан нимб. Распластанные руки Спасителя, св. Исаиерно увеличенными кистями и обращенными вверх ладонями, слегка провисли в локтях. Центральную часть изображения второй створки занимает стоящая в полный рост фигура святого (скорее всего, Николая Чудотворца) со сведенными на груди руками. В нижнем килевидном расширении вертикальной оси помещено изображение св. Никиты Бесогона. Фигура святого зафиксирована в сидячем положении, в его правой руке, занесенной над бесом в обличье зайцеподобного существа, зажат продолговатый предмет, напоминающий скалку (тип данного образа характерен для наперстных крестов XV–XVI вв.; *Хухарев*, 1994. С. 214). По особенностям стилистики (подвижному оглавлению, изображению этимасии) изготовлено данное изделие С.В. Гнутова датировала XV в. Среди ближайших его аналогов следует указать находки из г. Плес – из постройки первой половины XV в. (*Травкин*, 1992. С. 6. Рис. 2. № 32, 8, 9) и Искорского городища (в верхнем Прикамье; впервые упоминается в источниках под 1472 г.) (*Макаров*, 2001. С. 118. Рис. 74. № 7). Кроме вышеописанного креста-энколпиона среди обнаруженных на поселении редких образцов мелкой пластики можно назвать костяную иконку-привеску (Богоматерь Одигитрию) с серебряной обоймицей на ушке, бронзовую сержидевидную иконку-привеску с изображением пятнадцатого креста на Голгофе и текстом молитвы (рис. 4, 11) (аналогичную тверской находке из постройки второй половины XV – начала XVI в.; *Солдатенкова, Персов*, 2005. С. 213, 214. Рис. 2, 7, 219), створку от позднего равностороннего бронзового энколпиона с округлыми окончаниями лопастей и квадратом в средокрестии, хорошо

известного по памятникам XIII–XV вв. (Николаева, 1960. С. 102, № 8а; Полуобояринова, 1978. С. 66. Рис. 11. № 7б; Макаров, 2001. С. 104. Рис. 3).

К «городским» находкам традиционно относят железные стили-писала (рис. 4, 1–3). Три таких инструмента были обнаружены по ходу раскопок Горodka. Окончания двух из них оформлены в виде рельефных головок, переходящих в рабочий стержень круглого сечения через короткую рельефную шейку. Новгородские писала такой конфигурации объединены в 15-й тип, датированный в рамках промежутка конца XIV – XVI в. (Медведева, 1997. С. 151). Третий стиль завершается лопаточкой простой треугольной формы, плавно переходящей в рабочий стержень.

В рассматриваемой коллекции выделяются находки, обнаруживающие воинское присутствие на поселении. К ним относятся крупный фрагмент сабельного клинка с широким обухом (толщиной до 8 мм), колесиковая шпора, фрагменты кольчатых удил, железный каркас от футляра ножа, железные подпружные пружины, бронзовые поясные накладки. Вероятно, с проживанием на поселении людей военной профессии можно связать и находку железного хирургического ножа, лезвие которого отковано вместе с массивной рукояткой из одной заготовки (Колчин, 1959. С. 56).

Керамическая коллекция включает в себя 38300 фрагментов и 42 полностью реконструированные формы сосудов. Собранный керамический комплекс фиксирует разрыв в местной гончарной традиции. Многие из встречаемых на памятнике керамических типов не известны ни по раскопкам в Нижнем Новгороде, ни по изучению памятников его округа. Значительная часть используемой на поселении керамической посуды была либо привезена сюда из других мест, либо изготовлена по привезенным образцам. Среди таких областей-импортеров можно уверенно назвать Москву, среднее Поочье и Северо-Западный регион. Московская керамика представлена главным образом красноглиняными гладкими горшками середины XV – начала XVI в. с короткими вертикально поставленными венчиками. Их краевое окончание имеет характерную треугольную форму (Московская керамика..., 1991. С. 58). Для этих сосудов характерны линейная ornamentация в виде нескольких (1–5) полосок, нанесенных по плечико, и хорошо прокаленное тесто с примесью среднезернистого песка. Пооская керамика представлена прежде всего многочисленными «коломенскими» белоглиняными тонкими горшками достаточно стройных пропорций, характерными для конца XV – XVI в. (Коваль, 2001. С. 105). Для них обычны короткие цилиндрические горловины, украшенные полосками линейного орнамента (как правило, разреженного, заходящего на плечико).

Керамические формы, своим происхождением связанные с северо-западными областями, соответствуют появившимся в начале XV в. новгородским широкондонным горшкам типа 8 (Смирнова, 1956. С. 244). Последние легко узнаваемы по сочетанию отогнутого наружу краевого окончания венчика и прикрытой горловины, переходящей в плечико через отчетливый уступ. К числу социально престижных предметов следует отнести белоглиняные покрытые зеленой поливой кумганы, фрагменты которых были во множестве обнаружены на памятнике. Подобная парадная посуда встречается в слоях периода Казанского ханства в г. Казани (Ситдиков, 2005. С. 40, 61. Рис. 8). Заметный процент (более 3%) лепной керамики с примесью шамота, присутствие гончарных форм, профилированных по образцам мордовских сосудов, – являются отражением процесса активного проникновения мордвы в среду местных насельников.

Наиболее вероятной датировкой памятника представляется промежуток середины XV – начала XVI в. Собранные на нем немногочисленные и разрозненные более ранние материалы (второй половины XIII – XIV в. – единичные фрагменты селадонного и кашинного сосудов, фрагмент кашиной бусины, фрагмент стеклянного браслета) были обнаружены в комплексах вместе с монетами XV в. и могут рассматриваться как сохранившиеся в быту архаизмы.

При обращении к историческим реалиям нижегородской земли в хронологических рамках существования данного поселения наиболее вероятной представляется его интерпретация как крепости-осады, которая, помимо размещения военного гарнизона (заставы) и укрытия местного населения при угрозе вражеского нападения, выполняла функции резиденции московской великокняжеской администрации в порубежном тогда Нижнем Новгороде.

Простое мысовое городище, сооружение которого требовало относительно небольших людских ресурсов, является самым распространенным типом русских крепостей, заложенных на Руси в конце XIV – XV в. (Раннопорт, 1961. С. 51). Потребность в таких небольших укрепленных поселениях была обусловлена интенсивным включением обширных географических пространств в состав политико-административной структуры Московской Руси. Небольшие крепости, известные в исторической литературе как осадные городки, в XV–XVI вв. во множестве возникают вблизи крупнейших погостов – волостных центров в Пермь Вычегодской, на Вятке. Помимо очевидного оборонительного предназначения этих поселений, некоторые исследователи предполагают наделение их и административными функциями (Богослов-

ский, 1909. С. 118), что подтверждается материалами археологических раскопок (*Игушев, Кленов, Савельева*, 2000. С. 23, 24). В связи с событиями 1444–1445 и 1467–1469 гг. в летописных сообщениях, связанных с Нижним Новгородом, неоднократно упоминаются осады (в значении близком к понятию защищенных, укрепленных мест) (ПСРЛ, 1910. Т. 23. С. 151; 1949. Т. 25. С. 279). Одну из этих крепостей, в которой зимой 1445 г. после Крещения «затворились» воеводы великого князя Федор Долголядов и пан Юшка Драница (ПСРЛ, 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 104), В.А. Кучкин отождествил с Нижним Новгородом Меньшим – или Новым по Ермолинской летописи (ПСРЛ, 1910. Т. 23. С. 151; *Кучкин*, 1976. С. 230–231). Всесторонне проанализировав летописные тексты, исследователь предположительно локализовал крепость на правом берегу Оки. Наименование этой крепости Нижним Новгородом, очевидно, было связано с передачей этому поселению некоторых важных городских функций. Вполне вероятно, что в середине – второй половине XV в. именно это новое поселение на берегу Оки с «расквартированным» в нем военным гарнизоном служило административным центром нижегородской земли, тогда как Нижний Новгород Старый (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 282; 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 167), в котором сохранялись главные местные святые – каменные Михаил-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы, заложённые почти одновременно с основанием самого города еще в XIII в., оставался преимущественно средоточием культурной и религиозной жизни. К такому заключению подводит описание пребывания в городе в 1469 г. большого сводного войска, собранного Иваном III против казанских татар. Значительно, что уже после того, как «...вои совокупися...» и «...стояще в Новгороде в Нижнем...» перед самым походом, воеводы отправляются «...из Оки под Новгород под старой...к старой церкви Преображения Господня и повелеша ту сущим священником молебна совершати...» (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 282).

По совокупности признаков – наличию укрепленного, близкому расположению к старой (XIII–XIV вв.) нижегородской крепости, меньшим размерам (0,7 га; площадь нижегородского детинца – около 20 га), датировке в пределах периода середины XV – начала XVI в., находкам социально престижного инвентаря, оружия, воинского снаряжения с городищем Городок можно отождествить Нижний Новгород Меньший, известный по сообщению 1445 г. Софийской второй летописи (ПСРЛ, 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 104).

Поселение, связанное с городищем Городок, было заброшено в начале XVI в. Высокая насыщенность культурных напластований находками служит косвенным указанием на внезапный харак-

тер его гибели. Такой катастрофой могло быть нападение казанских татар Мухамед-Эмина осенью 1505 г., когда был сожжен и нижегородский посад, и опустошены городские окрестности (ПСРЛ, 1901. Т. 12. С. 259). В первое десятилетие XVI в. в Нижнем Новгороде безвозвезд каменный кремль и необходимость в восстановлении небольшой крепости в предместье старого города пропала сама собой.

- Агафонов С.Л.*, 1976. Нижегородский кремль, Горький.
- Ануфриева И.В.*, 2004. Новые археологические материалы по исторической топографии Нижнего Новгорода // НИКА. Нижний Новгород
- Ануфриева И.В.*, 2005. Археологические исследования на территории Нижнего Новгорода во второй половине XIX – середине XX в. // НИКА. Нижний Новгород.
- Асташева И.И.*, 1999. Хронология смоленских древностей // *Археологический сборник*. – (Труды ГИМ. Вып. 111).
- АСЭИ, 1958. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М. Т. 2.
- АСЭИ, 1964. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М. Т. 3.
- Белецкий В.Д.*, 1975. Костяная печать из Пскова // *СГЭ. Л.* Вып. 40.
- Богословский М.М.*, 1909. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М. Т. 1.
- Булатов Н.М.*, 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // *СА. № 4.*
- Булатов Н.М.*, 1976. Классификация красноглиной поливной керамики золотоордынских городов // *Средневековые памятники Поволжья. М.*
- Вахтурская Н.И.*, 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // *Тр. Хорезмийской экспедиции. М. Т. IV.*
- Вишневская О.А.*, 1958. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // *Тр. Хорезмийской экспедиции. М. Т. II.*
- Воронин Н.Н.*, 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // *СА. Т. VIII.*
- Воронин Н.Н.*, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2: XIII–XV ст. М.
- Гаццский А.С.*, 1886. Нижегородский летописец. Нижний Новгород.
- Гендуле Ю.Г.*, 1903. Городище Дуна. СПб.
- Горохова Е.И.*, 1948. Сарлейский могильник // *Археологический сборник. Саранск. Т. 1.*
- Грибов Н.Н.*, 2004. Охранные раскопки средневековых поселений в окрестности Нижнего Новгорода // *Археологические открытия 2003 года. М.*
- Грибов Н.Н.*, 2005. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской области // *НИКА. Нижний Новгород.*
- Гусева Т.В.*, 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // *НИКА. Нижний Новгород.*
- Даркевич В.Г., Борисевич Г.В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- ДДГ, 1950. – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.

- Завидов В.И., Розанова Л.С., 1992. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славянский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.
- Зимин А.А., 1991. Витязь на распутье. М.
- Ивакин Г.Ю., 1999. Енколпнион-квадрифолий з Київна // Археологія. Київ. № 2.
- Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А., 2000. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Вып. Е 1–36.
- Коваль В.Ю., 1996. Иранская лостровая керамика в средневековой Руси // ТТЗ. Тверь. Вып. 1.
- Коваль В.Ю., 1997а. Восточная подливная керамика в средневековой Твери // ТТЗ. Тверь. Вып. 2.
- Коваль В.Ю., 1997б. Керамика Востока и Византии на Руси: (конец IX – XVII вв.); автореф. ... дис. ... канд. ист. наук. М.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Велкого: (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции // под ред. А.В. Аршиковского, Б.А. Колчина. М. Т. II. – (МИА. № 65).
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кучкин В.А., 1974. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. М.
- Кучкин В.А., 1976. О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. № 5.
- Кучкин В.А., 1990. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках: (число и политико-географическое размещение) // История СССР. № 6.
- Лашин В.А., 1997. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Кошцешии. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 1.
- Лашин В.А., 2005. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестник Нижегородского университета. Серия История. Нижний Новгород. Вып. 1(4).
- Лашин В.А., 2005. Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестник Нижегородского государственного университета. Великий Новгород. № 33.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск.
- Мединцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Мец И.Д., 1974. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (материалы к свободному каталогу). М. Ч. 3.
- Московская керамика..., 1991. – Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
- Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея: каталог. Загорск.
- Николаева Т.Д., 2005. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам (краткий очерк) // НИКА. Нижний Новгород.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Палхов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.
- Орешникова А.В., 1996. Русские монеты до 1547 года. Репр. воспроизведение издания 1896 г. М.
- План..., 1992. – План губернского города Нижнего-Новгорода Нижегородской губернии снят запасным землемером Медведевым и классным топографом Лебедевым (съёмка 1848–49 гг.). Нижний Новгород (переиздание).
- Полубяринова М.Д., 1971. Костяная печать из Серенска // КСИА. № 125.
- Полубяринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
- Полубяринова М.Д., 1983. Две костяные печати из Болгары // КСИА. № 175.
- Полубяринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.
- Полубяринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // [Первые] Новгородские археологические чтения: материалы научн. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Аршиковского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. / под ред. В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова. Новгород.
- Полубяринова М.Д., 2003. Китайский селадон из Болгары // РА. № 2.
- Полюкова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- ПСРЛ, 1841. – Полное собрание русских летописей. СПб.–Пг.–М.; Л.
- Т. 1. Лаврентьевская летопись. 3-е изд. М., 1962;
- Т. 6. Вып. 2. Софийская летопись. М., 2001;
- Т. 12. Патриаршая (Никоновская) летопись. СПб., 1901;
- Т. 15. Вып. 1. Тверская летопись. Пг., 1922;
- Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913;
- Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910;
- Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921;
- Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949;
- Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- Ранпопорт Г.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. М.; Л. № 105.
- Савченкова Л.Л., 1996. Черный металл Болгары: типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Сб. РИО, 1884. – Сборник императорского русского исторического общества. СПб. Т. 41.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
- Ситишков А., 2005. Археологическое изучение ханской Казани: (материалы исследований Казанского кремля 1994–2003 гг.) // Татарская археология. Казань. № 1–2.
- Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода: (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической

- экспедиции // под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М. Т. I. – (МИА. № 55).
- Солодатовичева В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // *Статистико-географический сборник*. Книга III: Крест как личная святыня. М.
- Травкин П.Н., 1992. Находки из плесских жилищ первой половины XV в. // *Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья*. Иваново.
- Френ Х.М., 1832. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.И., 1899. Древности русские: кресты и образки. Киев. Вып. I.
- Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // ТАС. Тверь. Вып. I.

- Шапран И.Г., 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна р. Вятки в XVI – начале XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I–II.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. III.
- Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М. – (МИА. № 164).
- Retowski O., 1901. Die Münzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М. Т. 2. Вып. 3.

The Nizhny-Novgorod Kremlin in the 13th–14th and 15th Centuries

N.N. Gribov, V.A. Lapshin

The new evidence obtained by the present authors during excavations in the territory of Nizhny Novgorod – in the Kremlin (V.A. Lapshin) and at the town-site of Gorodok (N.N. Gribov) – has enabled us to trace the changes in the topography of the city during the 13th–15th centuries (fig. 1).

Nizhny Novgorod was founded in 1221 as a frontier fortress on the border with Volga Bulgaria and as a base for occupation of new lands in the Volga region. Having survived during the crisis caused by Batu's raid in 1238, apparently as early as the beginning of the 14th century the city became a significant centre of the Volga trade. This is shown by the fact that in 1341 the capital was moved from Suzdal to Nizhny Novgorod in the course of the formation of the Nizhny-Novgorod principality. The Grand Principality of Nizhny Novgorod survived for fifty years. In 1392 Vasily Dmitrievich of Moscow bought in the Golden Horde the *yarlyk* (order) on Nizhny Novgorod and the independent see of the latter was abolished. The city began to be administered by a Moscow governor and again it entered a period of decline. The significance of Nizhny Novgorod grew considerably with the appearance of the Kazan Khanate in the beginning of the 16th century when a new stone *kremlin* (central fortress) was built in the city.

In the present paper, events of the political history are compared with archaeological evidence. In 2001–2002, rescuing excavations were started in the western section of the Nizhny-Novgorod Kremlin. A continuous area of 970 sq. m has been excavated. Those were the most large-scale excavations during the entire history of the archaeological studies of the Nizhny-Novgorod Kremlin. The complexes of three chronological blocks have been identified: 13th–15th century, 16th–17th century and the 18th century. Here, the authors will focus on the complexes of the first chronological group. The latter are predominant in number since that was the period of the most active occupation of the settlement.

Artefacts of the pre-Mongolian types have been found only as single objects constituting no complexes. The other finds are dated widely to the 13th–14th century. A chronologically significant feature of the Nizhny-Novgorod occupation level is a considerable number of oriental imports – those manufactured in the Golden Horde or carried to Rus via the Horde (fig. 2). Nizhny Novgorod is far in advance of other Russian cities in the number of finds of Kashan pottery (342 fragments). Among the finds fairly common in a medieval Russian town (fig. 3), the most numerous and therefore also chronologically significant are glass bracelets – their total amounting to 297 fragments. For the chronology of Nizhny Novgorod it is important that in the majority of pit assemblages, glass bracelets are found together with the Kashan pottery and Syro-Egyptian glass. Glass bracelets are thus quite common in the 14th century and in no way are any trait of the pre-Mongolian level. A similar situation is characteristic only of Tver and Bulgar. It follows from the facts mentioned above that within the area under consideration in the Kremlin no layers of the pre-Mongolian period are present. In terms of the general dynamics of the importation of oriental pottery to Rus in the 14th century (Коваль, 1997), the majority of the assemblages must be dated to the middle – second half of the 14th century. Passing on to the historical chronology from the archaeological one we have grounds to conclude that the excavated area of the Nizhny-Novgorod Kremlin was actively occupied during the period of the independent Nizhny-Novgorod Principality (1341–1392).

The question arises as to the reasons why there are no complexes of the 13th century and where they are to be sought. For the answer we must consider the topography of the city. Here, a scheme of the development of the Kremlin is proposed and grounded. According to it, the Kremlin's territory was from its origin a two-part struc-

ture. In 1221, construction of a small wood-and-earth fortress was started in the eastern section of the Kremlin, while in the western one, the court of the prince was being built. The defences comprised in their western part a vast area still unoccupied by houses, which was completely built-up only in the period of the peak of the Nizhny-Novgorod Grand Princedom in the 40s–90s. The layers of the 14th century are to be searched primarily in the eastern section of the Kremlin and along the edge of the riverside terrace – in the western part.

No cultural layer of the 15th century is found in the Nizhny-Novgorod Kremlin. The period until the early 16th century is represented by only occasional isolated finds constituting no complexes. The question as to where we must search the town of the 15th century (which, judging by the written sources, seems to have played a fairly important role in the arising Moscow state) is answered by the results of excavations at the town-site of Gorodok. This site with an area of 0.7 hectares lies 1.5 km south of the Nizhny-Novgorod *detinets* (kremmlin) and 1 km from the respective boundary of the urban area built-up in the 13th–14th century (fig. 1). During the excavations of 1996, 2003, and 2004, a sector densely built-up with structures related with at least four different estates was revealed within a total area of 192 sq. m. The finds constitute a chronologically homogenous assemblage (fig. 4). Most of the 32 coins found here were minted in Moscow within the time gap

of 1446–1505. The scarce and unrelated older materials of the second half of the 13th–14th century were uncovered among the complexes which included coins of the 15th century and thus may have been just some archaisms surviving in the everyday life.

Taking into consideration the historical realities of the Nizhny-Novgorod state within the chronological frame of the existence of the settlement regarded, its most tenable interpretation seems to be that of a fortified base which along with quartering of the military garrison combined the function of the residence of the Moscow Grand-Prince administration at what was then a frontier. The settlement may be related with Nizhny Novgorod Maly (i.e. the Younger) or Nizhny Novgorod the New mentioned in the chronicles. Here, in the winter of 1445, Grand Prince's voevodes (military governors) Feodor Dolgoyadov and pan Yushka Dranitsa withstood a siege. The site of Gorodok was abandoned in the early 16th century. The high concentration of artefacts in the site's cultural layers suggests indirectly a sudden character of its downfall. The catastrophe may have been due to the attack of the Kazan Tartars under Muhamed-Emin in the autumn of 1505, when also the Nizhny-Novgorod *posad* (i.e. the part of a Russian settlement lying outside the walls of the fortified core) was burnt down and the city's outskirts devastated. In the first decade of the 16th century a stone kremlin was built in Nizhny Novgorod so that the necessity to restore the small fortress on the outskirts of the old city vanished of itself.

О цементационном получении бронзы и латуни в древности

А.Н. Егорьков¹

Бронза². Традиционно считается, что причины широкого использования бронзы в древности связаны прежде всего с легкостью выплавки олова из основной оловянной руды – касситерита и возможностью получения сплавов с требуемыми свойствами при его прямом дозированном сплавлении с медью (Галибин, 1990. С. 180, 181). Однако уже в 1979 г. английским исследователем Дж.А. Чарлзом (Charles, 1979) высказано мнение, что основным способом получения бронзы в древности была цементация, т.е. восстановление основной оловянной руды – касситерита, являющегося по своей химической природе диоксидом олова, древесным углем на поверхности расплавленной меди с одновременным насыщением ее оловом. К такому выводу автора привели несколько обстоятельств. Во-первых, относительная редкость находок оловянных предметов, причем, по мнению исследователя, это отнюдь не связано с аллотропным изменением олова, «оловянной чумой», приводящей к возникновению рассыпающегося серого олова, поскольку олово с примесью других элементов обладает достаточной устойчивостью, а отдельные древние оловянные артефакты все же до нас дошли. Во-вторых, растворение олова в меди во время процесса его образования, т.е. его уход из зоны реакции, способствует сдвигу реакционного равновесия в сторону образования олова и тем самым более полному и легкому протеканию реакции восстановления касситерита. В-третьих, реакция восстановления диоксида олова сильно эндотермична, т.е. протекает с большим поглощением тепла, вследствие чего для поддержания хода процесса

требуется более высокая, чем для начала самой реакции, температура топочных газов. Автор указывает также, что цементация позволяет проводить этот процесс при более низких температурах. Поскольку причины, по которым цементационное получение бронзы дает возможности осуществлять процесс при пониженных температурах, не были объяснены, рассмотрим их здесь.

Как известно, процесс теплопередачи описывается уравнением

$$Q = KF(t_1 - t_2),$$

где Q (Дж/с) – количество подводимого тепла к аппарату (тиглю, где проводится процесс) в единицу времени; F (m^2) – площадь, через которую подводится тепло; t_1 и t_2 (K, °C) – температуры соответственно наружной и внутренней стенки тигля; K (Дж/ $m^2 \cdot c \cdot K$) – коэффициент теплопередачи, учитывающий теплоотдачу от греющего агента к наружной стенке тигля, теплопроводность материала стенки и теплоотдачу от внутренней стенки к реагентам. Увеличение объема тигля из-за присутствия меди приводит к увеличению поверхности, через которую подается тепло в реакцию, и, следовательно, к возможности снижения множителя $(t_1 - t_2)$, что при постоянстве внутренней температуры дает возможность снизить температуру греющего агента – топочных газов. Не вдаваясь глубоко в смысл коэффициента теплопередачи, заметим лишь, что присутствие в тигле расплавленной хорошо проводящей тепло меди способствует лучшей теплоотдаче от внутренней стенки в зону реакции, т.е. ведет к увеличению коэффициента теплопередачи и, следовательно, к возможности еще большего снижения температуры греющего агента.

Можно указать и еще одно преимущество цементации: она сводит трехстадийный процесс получения бронзы к двум стадиям, открывая тем самым возможность для экономии времени, материалов и трудозатрат.

Как видим, цементация для получения оловянной бронзы имеет значительные преимущества перед процессом, включающим выплавку каждого металла в отдельности, и поэтому предположение о широком использовании цементации в древности вполне оправдано.

Свидетельство цементационного получения оловянной бронзы в древности можно видеть и в

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория археологических технологий.

² Здесь речь идет лишь об искусственной оловянной бронзе и не рассматривается бронза мышьяковая, сурьмяная и в которой из-за естественного присутствия в медной руде образующих ее элементов, а также их летучести, граничу контролируемого введения во многих случаях определить затруднительно. Не затрагиваем и высоконикелевую бронзу, использовавшуюся для выпуска в Кабулистане во II в. до н.э. никелевых монет с именами греко-бактрийских царей Евтидана II, Агафокла и Панталона. В составе их металла содержится до 20% никеля при 77% меди (Массон, 1934. С. 45, 46). Вероятно, для производства монетного металла использовались медные руды с аномально высоким содержанием никеля, поскольку последний как элемент был выделен лишь в XVIII столетии.

том, что в древнем, начиная с бронзового века, фаянс, а затем стекло, очень часто окрашенном медью, иногда обнаруживается и олово, которое из-за разного с медью характера рудопоявления, в общем случае нельзя считать естественной примесью в меди. Соотношение меди и олова при этом не выходит за рамки их соотношения в бронзе, что расценивается исследователями как использование бронзы в древнем стеклоделии (Галибин, 2001, С. 50). При таком подходе, однако, возникает закономерный вопрос: почему древними использовалась дорогая бронза, когда для этой цели с таким же успехом подошла бы и более дешевая медь? Более того, чтобы использовать бронзу в стеклоделии, следует вернуться от металла к оксиду, в результате чего выплавка бронзы для ее использования в стеклоделии становится с технической точки зрения абсолютно бессмысленной. Представляется, что для окрашивания фаянса, стеатита, стекла и других материалов в древности использовали не вторичные оксиды, полученные из уже выплавленной бронзы, а металлургические шлаки, причем шлаки цементационного получения бронзы наиболее подходящи для целей стеклоделия, поскольку в них, в отличие от шлаков выплавки самой меди, значительно ниже содержание железа, которое, так же как и медь, является хромоформным элементом для стекла и подобных материалов. Чистота выплавленной из руды меди связана в первую очередь с успешным переводом в шлак загрязняющих руду примесей, главные из которых – соединения кремния и железа, причем вывод кремнезема в шлак осуществляется при добавлении соединений железа. Понятно, что выплавка меди из загрязненных руд всегда дает шлаки с высоким содержанием железа, не подходящие для окрашивания материалов, где требовались цвета, даваемые соединениями меди.

Примерно с начала новой эры, с широким распространением латуни, олово в значительной мере выплавлялось уже как самостоятельный металл и традиционно легировалось более дешевым свинцом. Такой сплав, пьютер (англ. *pewter*), из-за зветктического характера был гораздо более легкоплавким, чем само олово, и уже в римское время шел на изготовление столовой посуды (Forshell, 1992, P. 25), утвари, ювелирных украшений. Так, и на отечественных территориях Поднепровья в раннеславянских кладках VII в. наряду с латунинами, нередко попадаются украшения и из свинцово-оловянного сплава (Горюнова, 1992; Егорьков, Шеглова, 2000). Любопытно при этом, что при подавляющем преобладании среди медных сплавов латуни найденные в составе кладов бубенцы нередко легированы не цинком, а, как показывают недавние выполненные компьютером анализы, более подходящим для получения звучного металла оловом.

Латунь, сплав меди с цинком, как теперь установлено, получали еще в древности, однако в исторической схеме использования меди и сплавов на ее основе латунь замыкает хронологический ряд медь – бронза – латунь. Причины, по которым латунь в Европе в значительной мере стала вытеснять бронзу, начиная с римского времени, обусловлены гораздо большей доступностью цинка, чем олова, в природе, а также тем, что для такого широкого вида использования, как изготовление монет, украшений и утвари, латунь по свойствам не уступала бронзе. Латунь, таким образом, явилась дешевой заменой бронзы: это видно хотя бы из того, что отечественное ценовое соотношение олова и цинка в 80-е годы XX в. составляло 20 : 1 (Химические..., 1983). Заменить бронзу латуней не могла там, где к свойствам сплавов предъявлялись особые требования, такие как прочность на разрыв (пунечная бронза) или ударный коэффициент восстановления (колокольная бронза). Латунь, впрочем, нашла свое специфическое использование. Давно замеченная и трудно воспроизводимая в ином материале декоративность высокоцинковой латуни, так называемая аурихалка, по преданию, передаваемому Платоном, часто цитируемому современными исследователями латуни (Craddock, 1978, 1980; Гасанова, 2002), была использована в Атлантиде для украшения дворцовых стен. В I в. аурихалк использовался для чеканки сестерциев и дупондиев Августа (Зварич, 1978). Вместе с тем широкое внедрение латуни стало возможным лишь при освоении сложных для своего времени технологий, что и определило ее замыкающее место в хронологическом ряду широкого использования медных сплавов.

До недавнего времени некоторые исследователи скептически относились к существованию латуни в древности (Craddock, 1978, P. 3), при этом указывалось на то, что многие артефакты не достоверны, происходят из коллекций, а не взяты непосредственно из раскопок, получены от перекупщиков, неправильно проанализированы и т.п. В настоящее время, когда опубликованы новые находки латунных предметов, относящиеся в основном к бронзовому веку (Гак, 2002; Геворкян, 1980; Thornton et al., 2002; Zhou Weirong, 2001), сомнения рассеялись, и на первый план вышел вопрос о том, насколько осознанно действовали древние металлурги при получении латуни (Craddock et al., 2003). В настоящей работе не ставим целью дать разбор древних находок цинка и латуни, он дан в вышедших недавно обзорах (Гак, 2004; Гасанова, 2002), а также в цитируемых здесь работах английского исследователя П.Т. Крэддока. Останемся лишь на особенностях технологии получения латуни в древности.

Взгляды исследователей на время появления и технологию получения латуни зачастую расходятся

ся в зависимости от доступности информации об артефактах и собственного способа их интерпретации. Этому же способствует и все еще недостаточное число и неполнота археологических находок в местах непосредственного производства латуни и медных сплавов вообще. Ожидать скорого установления единых взглядов на время и место появления латуни, а также на технологию ее производства вряд ли возможно, однако представляется, что эти вопросы следует решать на основании установления химического состава артефактов и соотношения его с возможностями металлургических технологий. Ниже автором изложено свое понимание технологии получения латуни в древности.

В обзорах литературных данных по цинку и латуни цитированы многочисленные свидетельства древних и средневековых авторов о том, что цинк как элемент был получен, и латуни, следовательно, могла производиться при непосредственном сплавлении цинка с медью. По всей видимости, это соответствует действительности. Однако предполагаемая сложность получения цинка, вызванная его низкой температурой кипения (917 °С) и самопроизвольным горением паров на воздухе, а также сложность его сплавления с медью, имеющей температуру плавления (1073 °С) выше температуры кипения цинка, привели исследователей к выводу о том, что основным способом получения латуни в древности была цементация. Между тем здесь уместно обратить внимание и на другое: давно отмеченную в учебниках, написанных, в частности, такими признанными авторитетами, как Д.И. Менделеев, способность цинка восстанавливаться углем из оксида при температуре красного калильного жара, т.е. при температурах ниже температуры его кипения и перегонки, которая осуществляется уже в бедокалильном жару. Более того, Д.И. Менделеев указывает, что вообще «Переработка цинковых соединений на металл. цинк совершается чрезвычайно легко...» (Менделеев, 1873. С. 172). Следует, таким образом, полагать, что основным способом получения латуни цементация стала из-за явных преимуществ по сравнению с прямым сплавлением металлов, в том числе и сокращения стадий процесса, о чем уже сказано выше применительно к бронзе.

Хотя некоторые авторы высказывают мысли относительно вида использованного в древности минерального сырья (Thornton et al., 2002. P. 1459) или приводят результаты модельных опытов по получению латуни (Zhou Weirong, 2001. P. 89), подробно технологию цементационного получения разбирает лишь П.Т. Крэддок (Craddock, 1978. P. 9–11; 1985. P. 23–25).

В представлении английского исследователя процесс цементации в древности осуществлялся

посредством нагрева смеси измельченной меди, оксида цинка и древесного угля в запечатанном (sealed – Craddock, 1978. P. 9) или закрытом (closed – Craddock et al., 1980. P. 57; Craddock, 1985. P. 23) тигле при температурах около 1000 °С, т.е. выше температуры кипения цинка, но ниже температуры плавления меди. Образующиеся пары цинка насыщают медь, при этом достигается равновесие, и, при отсутствии в меди свинца и олова, получается латуни с содержанием цинка 28%. Свинец и олово препятствуют вхождению цинка в медь, причем олово снижает предельное содержание цинка в конечной латуни на величину своего содержания в исходной меди, а свинец, проявляя еще большую активность, на двукратную величину своего содержания³. По мнению исследователя, причина такого действия олова и свинца состоит в том, что они придают меди легкоплавкость, в результате чего в процессе цементации медь плавится и стекает на дно тигля, вследствие чего уменьшается ее поверхность и снижается поглощение паров цинка.

Такая реконструкция процесса вызывает много вопросов. Каким способом осуществлялась герметизация тигля? Куда уходили газы реакции? Какое давление развивалось в «запечатанном» тигле и какое уплотнение могло бы его выдержать? Почему массообмен в системе пар–твердое тело предпочтительнее массообмена в системе пар–жидкость? Как осуществлялось поддержание требуемой температуры в строго заданных пределах? Наконец, если могли получать элементный цинк, который затем можно сплавить с медью в любой пропорции, то почему не описаны латуни с содержанием цинка, например, 40%, имеющие прекрасный золотистый цвет и широко используемые в современной практике? Указание об использовании мосинеками латуней с содержанием цинка до 50% (Иерусалимская, 1986. С. 101, 105) вряд ли можно признать достоверным из-за отсутствия конкретных анализов.

Помимо возникших вопросов, в литературе можно найти и сведения, опровергающие способность свинца препятствовать вхождению цинка в медь при цементационной организации процесса. То что свинец снижает цементационный предел, было полностью опровергнуто опубликованными А.Г. Дьяченко (Дьяченко, 1978. С. 32) анализами металла малого Цепляевского клада раннеславянского времени (вторая половина VI в.) из Белгородской области. Из пяти предметов три оказались сделанными из явно цементационной латуни с содержанием цинка даже несколько большим макси-

³ В последней из цитированных в данном абзаце статье П.Т. Крэддок меняет роль олова и свинца на противоположную (Craddock, 1985. P. 25).

мального по П.Т. Крэддоку, около 30%, при концентрации свинца 2,6–3,1%. По логике П.Т. Крэддока, цементационная латунь с таким содержанием цинка и свинца существовать не может. Между тем данные по составу целляевской латуни абсолютно непредвзятые, поскольку сам исследователь вовсе не ставил задачи подтвердить или опровергнуть цементационный характер такой латуни, а данные спектрального анализа подтверждены к тому же и результатами параллельного химического определения в металле основных компонентов. Намеренное введение свинца в высокоцинковые латуни бесмысленно, в то время как свинцовые минералы – типичная примесь и к цинковым, и к медным рудам, а следовательно, в цементацию бралась медь, изначально содержащая свинец. Такое несоответствие взглядам П.Т. Крэддока уже было отмечено, а кроме того, найдены и другие однотипные раннеславянские латуни (Елорцов, Шелова, 2001. С. 288, 289). В литературе можно найти и другие примеры латуней с высоким содержанием цинка и заметным содержанием свинца и олова. Так, Р.С. Орловым опубликован состав раннеславянской, несомненно цементационной, латуни с содержанием цинка 28%, олова 1,5% и свинца 1,4% (Орлов, 1989). Заметное содержание свинца можно видеть и в латунях, в которых содержание цинка превышает даже 30% (Schreiner et al., 2000, P. 296).

С тем, что цементационная латунь получалась в герметично закрытых тиглях, никак нельзя согласиться, поскольку при этом не найдутся ответы на поставленные выше вопросы, да и, например, средневековый китайский рецепт, приводимый в уже цитированной здесь работе (Zhou Weirong, 2001, P. 9), никакой герметизации не предусматривает. Более того, сам П.Т. Крэддок, цитируя древнеримских авторов Диоскорида и Плиния, указывает на выделение в процессе цементации белого дыма, оксида цинка, и заключает, что значительная часть цинка из тигля, в котором проводилась цементация, терялась (much of the zinc was being lost from the cementation crucibles) (Craddock, 1978, P. 9).

Представить протекание процесса цементации можно, не прибегая к предположению о герметичности тигля. Отличие цементации для получения латуни от рассмотренного выше цементационного получения бронзы следует видеть прежде всего в том, что смитсонит (рудный карбонат цинка) с медью смешивали, а не вели процесс восстановления на поверхности меди, как в случае получения оловянной бронзы. При достижении температуры «красного калильного жара» происходит восстановление цинка, который частично стекает вниз, растворяя и увлекая часть меди с собой, а частично сам насыщает медь, снижая температуру ее плавления. Естественно, что в системе жид-

кость–твердое тело массообмен происходит гораздо более интенсивно, чем в системе газ–твердое тело, и такой процесс не занимает много времени. Кроме того, концентрация меди в цинке на две тигля нарастает из-за просадки слоя вследствие выгорания угля. До кипения цинка не доходит, поскольку вследствие эбулоскопического эффекта от растворения меди температура кипения цинка по мере растворения в нем меди повышается. При дальнейшем увеличении температуры медь полностью расплавляется и стекает на дно тигля, образуя однородную латунь.

Решающую роль для получения высокого содержания цинка в меди играет правильный подбор крупности кусков меди и высоты слоя шихты. Во избежание выброса шихты из тигля от возгонки оксида цинка куски меди не могут быть слишком мелкими, в то время как при повышенной их крупности происходит пророск паров оксида цинка, приводящий к потере цинка и снижению его содержания в конечной латуни. К этому же приводит и избыток взятой в цементацию меди. Существование оптимального размера кусков меди приводит к появлению экстремума у зависимости содержания цинка от размера кусков меди, который и представляет собой тот самый цементационный предел, оцениваемый П.Т. Крэддоком в 28% (в действительности он, конечно же, несколько выше). По-видимому, что несоблюдение оптимальных условий цементации приведет к получению латуни с пониженным содержанием цинка, а потому не следует, как это иногда делается, априори считать, что такая латунь разбавлена медью (Енцосова, 1999, С. 7; Кириичников, 2002, С. 241) или, более того, нецементационная (Смекалова, Дюков, 2001, С. 79). Если бы каждая латунь выходила из цементации с содержанием цинка 28%, то появление сестерциев и дупондиев Августа из аурихалка вряд ли бы стало возможным из-за легкости подделки. Металл этих монет, которые являлись типичными кредитными деньгами, появился в результате освоения новых технологий и, как слагаемую стоимость, нес в себе значительное «know-how», не столь долгое хождение этих монет (Craddock, 1978, P. 14) явилось следствием уже повсеместного освоения технологий получения высокоцинковой латуни.

Приводимый в уже цитированной здесь работе (Zhou Weirong, 2001) средневековый китайский рецепт получения цементационной латуни помимо собственно цементации включает и стадию подготовки, состоящую в разложении смитсонита до оксида цинка, для чего смесь меди и смитсонита нагревается в течение двух суток в железном сосуде. Эта операция имеет целью снизить газовыделение на стадии цементации и в результате этого использовать куски меди меньшего размера, обеспечива-

ющие меньший проскок паров оксида цинка. Разложение карбоната цинка не требует высоких температур, и выбор в качестве материала сосуда железа не случаен: оно хорошо проводит тепло, что позволяет держать температуру греющего агента не слишком высокой и тем самым избежать возможных перегревов, сопровождаемых обильным газообразованием и выбросом шихты из сосуда. Если же взять непосредственно в цементацию смитсонит, то газовыделение будет значительным из-за одновременного разложения карбоната, что приведет к необходимости использовать более крупные куски меди для предотвращения выброса шихты из тигля. Следствием же большей крупности кусков станет больший вынос оксида цинка из тигля и снижение содержания цинка в конечном продукте; этим, вероятно, следует объяснить частое видимое низкое содержание цинка в древних латунях, хотя два обнаруженных в Китае предмета из высокоцинковой латуни (25,6 и 32% Zn), относимые к 4100–3600 гг. до н.э. (Zhou Weirong, 2001. P. 88), по-прежнему вызывают лишь недоумение.

Гак Е.И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста.

Гак Е.И., 2004. О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. М.; Элиста.

Галибин В.А., 1990. Древние сплавы на медной основе // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.

Гасанова А.М., 2002. История познания и использования цинка и латуни. Баку.

Геворкян А.С., 1980. Из истории древней металлургии Армянского нагорья. Ереван.

Горюнова В.М., 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепрья // АВ. СПб. № 1.

Дьяченко А.Г., 1978. Технология изготовления предметов из Цепляевскогоклада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.

Зварич В.В., 1978. Нумизматический словарь. 3-е изд. Львов.

Егорьков А.Н., Шеглова О.А., 2000. Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей автов» // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. Київ. № 4.

Егорьков А.Н., Шеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Ениосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездово: (по материалам курганов и поселения); автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Иерусалимская А.А., 1986. Древняя латунь на торговых путях Кавказа: (по материалам Моңцевой Балки) // СА. № 4.

Кирпичников А.Н., 2002. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Орлов Р.С., 1989. Химический состав украшений Битицкого клада 1984 года // Проблемы археологии Сумщины. Сумы.

Массон М.Е., 1934. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л.

Менделеев Д.И., 1873. Основы химии. 2-е изд. СПб. Ч. 2.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л., 2001. Монетные сплавы государства Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.

Химические..., 1983. – Химические реактивы и высокочистые химические вещества. 2-е изд. М.

Charles J.A., 1979. The development of the usage of tin and tin-bronze: some problems // The search for ancient tin / ed. by A.D. Franklin et al. Smithsonian Institution Press, Wash.

Craddock P.T., 1978. The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilizations. 3. The origin and early use of brass // Journal of Archaeological Science. Vol. 5.

Craddock P.T., 1985. Medieval copper alloy production and West African bronze analysis – Part 1 // Archaeometry. Vol. 27, № 1.

Craddock et al., 1990. – Craddock P.T., Burnet A.M., Preston K. Hellenistic copper-base coinage and the origins of brass // British Museum Occasional Papers. № 18.

Craddock et al., 2003. – Craddock P.T., Cowell M.R., Stead I.M. Europe's earliest brasses? // Historical Metallurgy Society News. № 54.

Forshell H., 1992. The inception of copper mining in Falun, Stockholm.

Schreiner et al., 2000. – Schreiner M., Schaffer A., Spindler P., Dolezel P., Daim F. Materialanalytische Untersuchungen an Metallobjekten möglicher byzantinischer Provenienz // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck.

Thornton et al., 2002. – Thornton C.P., Lambert-Karlovsky C.C., Liezers M., Young S.M.M. On pins and needles: tracing and evolution of copper-base alloying at Tepe Yahya, Iran, via ICP-MS analysis of common-place items // Journal of Archaeological Science. Vol. 29.

Zhou Weirong, 2001. The emergence and development of brass-smelting techniques in China // Bulletin of the Metals Museum. Vol. 34.

Bronze and Brass Production by Cementation in Antiquity

A.N. Yegor'kov

As pointed out by J.A. Charles (1979) the main method of production of bronze in antiquity was cementation which possesses certain advantages as compared to dissolution of elemental tin in copper. These advantages are: (1) omission of the stage of smelting of elemental tin during the bronze-manufacturing process; (2) dissolution of the produced tin in copper promotes the reaction of reduction of tin from cassiterite; (3) possibility to produce bronze at a lower temperature than that needed for obtaining pure tin from cassiterite. The explanation of the latter phenomenon, neglected by J.A. Charles, is presented in this paper. According to the equation for heat transfer, the decrease of the temperature of the process is achieved through the increase of the area and acceleration of heat transfer from the inner wall of crucible due to the high heat conductivity of copper.

As to brass, it is possible that in antiquity smelting of elemental zinc was used and production of brass could really be carried out by the direct addition of zinc to copper. Nevertheless, the advantages of cementation for alloy production, as pointed out by J.A. Charles, are so obvious that this technique must be considered as far more predominant in brass production. This is evident, e.g., from the absence of artifacts from aureate brass with 40% zinc content.

A hypothetical technique of brass fabrication in antiquity is here proposed. The author believes that brass was produced by the cementation process, and not in closed nor sealed crucibles, as it is described in the works of

P.T. Craddock *et al.* (1978, 1983, 1985, 2003), but in unsealed ones instead. It is proposed here, that the main role in production of brass with high contents of zinc by means of cementation was filled by the size of copper pieces and preliminary decomposition of calamine (or smithsonite according to the American and Russian geological nomenclature) in the same crucible thus minimizing the emission of gases which lead to slopping of the mixture from the crucible during the process. Such an operation allowed to diminish the size of copper pieces and thus to increase the absorption area. Accordingly, higher zinc contents were achieved in the final brass, and the content of 28%, mentioned by P.T. Craddock as the maximum, may have been to some extent exceeded. Moreover, P.T. Craddock advocates that lead and tin in the melt reduce the absorption of zinc and diminish its final content. However, the results of analyses published recently in quite a number of articles show that high zinc contents (28% or more) can be accompanied in brasses by moderate quantities of tin or, more often, lead (Дьяченко, 1978; Орлов, 1989; Schreiner *et al.*, 2000; Егор'ков, Щеглова, 2001). On the other hand, it would be misleading to consider each brass with a lowered zinc content as diluted by copper or, still less tenable, as produced not by cementation.

The dramatic fate of August's *sestertii* and *dupondii*, which disappeared quickly from circulation, owed to the expansion of the technique of high-zinc brass production at the beginning of the 1st millennium AD.

Материалы заседания Древнерусского семинара кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета, посвященного памяти Н.Н. Воронина

16 декабря 2005 г. в рамках Древнерусского семинара кафедры истории искусства исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета состоялось научное заседание памяти одного из крупнейших российских исследователей древнерусской архитектуры Николая Николаевича Воронина (1904–1976). Оно открылось вступительным словом руководителя семинара Вал.А. Булкина о научном наследии ученого. Личности Н.Н. Воронина, яркой и многогранной, были посвящены выступление-воспоминание О.Г. Гусевой, а также эмоциональный рассказ Т.В. Рождественской (СПбГУ) о письмах Николая Николаевича, хранящихся в семейном архиве Рождественских¹. Прозвучавшие на юбилейном заседании доклады, связанные с исследовательскими интересами Николая Николаевича, подготовлены, главным образом, бывшими студентами факультета, а ныне – сотрудниками ГМИ СПб. (А.В. Жервэ), ГРМ (С.М. Новаковская), Государственного Эрмитажа (А.М. Гордин, П.Л. Зыков, Е.Н. Торшин), а также студентами и недавними выпускниками кафедры истории искусства (А.А. Абельцева, П.Е. Бельский). Часть из них публикуется в настоящем издании.

Годы формирования научных интересов Н.Н. Воронина, его становление как ученого прошли в стенах ГАИМК, ИИМК, в связи с чем, публикация подготовленные к печати доклады участни-

ков юбилейного заседания, редакция дополняет эти материалы статьей М.В. Медведевой (ИИМК РАН) о документальном наследии Николая Николаевича Воронина в Научном архиве ИИМК РАН.

On December 16, 2005, within the frame of the Ancient-Russian Seminar at the Chair of the History of Arts, St.-Petersburg State University, a scientific meeting was held in honour of one of the most prominent Russian researchers of ancient Russian architecture Nikolay Nikolayevich Voronin (1904–1976). It was opened with an introductory speech of the head of the Seminar Val.A. Bulkin on the scientific heritage of the scholar. Dedicated to the vivid and many-sided figure of Nikolay N. Voronin were O.G. Guseva's speech-recollection as well as the emotional account of T.V. Rozhdstvenskaya (SPbSU) about the letters of Nikolay N. Voronin kept in the family archives of the Rozhdstvensky's. The lectures given at the jubilee meeting and concerned with the research interests of Voronin were presented mostly by former students of the Faculty, – now assistants of the SPb. State Museum of History (A.V. Zherve), the State Russian Museum (S.M. Novakovskaya), the State Hermitage (A.M. Gordin, P.L. Zykov, E.N. Torshin), – as well as by present and recently graduated students of the Chair of the History of Arts (A.A. Abelentseva, P.E. Bel'skiy). Some of these papers are published in the present collection.

The years of establishment of the scientific interests of Nikolay N. Voronin and his formation as a scholar were spent within the walls of the Institute of Material Culture (GAIMK/IIMK) wherefore the editorial board has supplemented the published here materials of the participants of the jubilee meeting by a paper of M.V. Medvedeva (IIMK RAS) on the documentary heritage of Nikolay Nikolayevich Voronin in the Scientific Archives of IIMK RAS.

¹ В архиве семьи хранится около 40 писем Н.Н. Воронина к Ирине Павловне Стуккей (Рождественской) (1906–1979). Прочсть о них можно в статье Т.В. Рождественской «И чем я Вас всех отблагодарю...» (Н.П. Сычев и Н.Н. Воронин в письмах 1940-х гг.». См.: Искусство Древней Руси и его исследователи / под ред. Вал.А. Булкина. СПб., 2002. С. 252–260. – (Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6).

К юбилею Николая Николаевича ВОРОНИНА

Вал. А. Булкин¹

Имя Николая Николаевича Воронина давно стало знаковым для науки XX в. о древнерусском искусстве. Его вклад в изучение культуры отечественного средневековья, архитектуры, живописи и прикладного искусства получил всеобщее признание еще при жизни ученого. Всесторонний подход к явлениям культуры и искусства, зоркость художественного видения и точность анализа памятников Древней Руси предопределили достоверность и долговременность оценок, предложенных в многочисленных трудах исследователя. Большая их часть остается основополагающей для современной науки о культуре и искусстве Древней Руси.

Н.Н. Воронин принадлежал к генерации ученых, сложившейся в 20–30-е годы XX в. Сильной стороной молодых исследователей этого времени было стремление увидеть изучаемый предмет в реальных связях с историей, социальной жизнью, идеологическими и политическими коллизиями. Такой подход способствовал изживанию субъективных коллизий в истолковании историко-культурного материала, создавал благоприятную перспективу для успешного решения назревших научных проблем.

Диапазон исследовательских интересов Н.Н. Воронина необычайно широк. Об этом убедительно писал Г.К. Вагнер в предисловии к посвященному Н.Н. Воронину сборнику «Средневековая Русь». В свою очередь отметим, что высокий уровень, глубина и объективность трудов ученого были предопределены тем, что он, особенно в трудах, созданных в период расцвета его многостороннего таланта, выступает как историк, искусствовед и археолог. Основа научного наследия Н.Н. Воронина – его труды по истории древнерусской архитектуры. Что делает их актуальными до сегодняшнего дня? Ответ в самом общем виде мог бы, по-моему, про-

звучать так: неизменный историзм как метод, достоверность критически проанализированных письменных источников и добытого раскопками архитектурно-археологического материала, точное видение художественной формы и отношение к ней как к историческому источнику.

Н.Н. Воронину принадлежит заслуга последовательного исторического обоснования и стилистической характеристики главных этапов древнерусского зодчества X – начала XIII в. Архитектура Киевской Руси X–XI вв., выделенная им в особый историко-художественный период, рассматривалась как основа последующего развития русского зодчества. Зодчество XII – начала XIII в., в свою очередь, предстало в качестве самого раннего подготовительного этапа архитектурных коллизий XV–XVI вв. Среди особо важных открытий Н.Н. Воронина, касающихся общей картины исторического развития зодчества, отметим еще одно. Им выделено целое направление в архитектуре конца XII – начала XIII в., доказана общерусская основа творческого поиска зодчих различных школ: «В русской архитектуре XII–XIII вв. крепло национальное течение, выраженное в развитии и углублении критического переосмысления крестово-купольной системы» (Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества // Архитектура СССР. 1944. № 5).

В краткой заметке нет возможности даже бегло отметить многочисленные заслуги ученого перед нашей культурой и наукой. Но было бы, пожалуй, проступком не упомянуть «труд жизни» ученого – фундаментальный двухтомник «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.».

Заседание Древнерусского семинара кафедры истории искусства СПбГУ, приуроченное к 100-летию со дня рождения Н.Н. Воронина, и прочитанные на нем небольшие доклады – наша скромная дань светлой памяти замечательного исследователя истории культуры Древней Руси.

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург. Менделеевская линия, 5. СПбГУ. Исторический факультет.

Документальное наследие Николая Николаевича ВОРОНИНА в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН

М.В. Медведа

В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится рукописная, графическая и фотодокументация, связанная с деятельностью Николая Николаевича Воронина, выдающегося российского ученого, исследователя древнерусской архитектуры. Основная часть материалов относится к периоду его обучения в аспирантуре и работы научным сотрудником в Академии истории материальной культуры (1928–1941 гг.). Они представлены в фондах Государственной академии истории материальной культуры, Института истории материальной культуры АН СССР. Архивные материалы включают биографические документы; отчеты о полевых исследованиях; чертежи и фотографии, сделанные в процессе археологических работ и командировок по обследованию памятников архитектуры.

Биографические данные содержатся в личных делах Н.Н. Воронина и трудовой книжке. Наибольший интерес представляют несколько вариантов автобиографий, написанных в разные годы в связи с изменениями его статуса в ГАИМК: *поступление в аспирантуру (от 23 мая 1927 г.), присуждение Н.Н. Воронину ученой степени кандидата исторических наук, утверждение его научным сотрудником (от 23 ноября 1933 г.) и позже старшим научным сотрудником (от 10 октября 1937 г.), представление документов на соискание степени доктора исторических наук (от 14 июня 1941 г.).* Если объединить все сведения из этих документов, можно получить довольно подробное, насколько это возможно для тех лет, описание жизненных фактов и научной деятельности исследователя до 1941 г.

«Родился в гор. Владимире в 1904 г. в семье земского техника¹. В 1914 г. поступил в казенную мужскую гимназию, где проучился до февральской революции. В 1914 г. отец купил небольшой участок леса и построил дачу для семьи, вложив в это все свои сбережения (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 9). После февральской революции участвовал в работе по организации трудовой школы. В трудовой школе проучился два года

и, по причине тяжелого материального положения семьи, принужден был оставить школу (окончил 6 классов), и осенью 1918 г. поступил сотрудником во Владимирский Исторический Музей. Здесь впервые я заинтересовался музейной работой и занялся изучением истории и материальной культуры местного края. В течение почти двух лет (1918–1920) работы в Музее занятия мои менялись: работать приходилось по библиотеке, по проведению экскурсий, описи коллекций, экспозиции и т.п. В 1920 г., с немного улучшившимся материальным положением семьи, поступил во Владимирский Институт Народного Образования и службу оставил. В 1920–1921 гг. прослушал старшую подготовительную группу его. В этом же году участвовал в работе Музея по эвакуации в губхранилища имущества дворян Воронцовых (Владимирского у.). 1921–1922 гг. – перешел на первый курс Политико-просветительного отделения ИНО, которое и окончил летом 1923 г., сдав программу за II и III курс в течение года. В 1921 г. в летний период состоял членом инициативной тройки по организации Губ. комитета помощи голодающим Поволжья и был командирован Губисполкомом в Москву для налаживания связей с центром. Летом 1922 г. работал по проведению сельскохозяйственной статистической переписи в Мелейковском у. Владимирской губ. в течение месяца. Весной 1923 г., в связи с практикой выпускаемых ИНО, был зачислен в Союз работников просвещения. Осенью 1923 г. по командировке союза поступил в Ленинградский Государственный Университет на археологическое отделение ФОНА. [...] Уже на первом курсе мои интересы определились, и я стал заниматься материальной культурой России, ближайше интересоваясь Владимиро-Суздальским краем. Специально занимался историей древнерусского искусства и в особенности зодчества под руководством профессора К.К. Романова, который привлек меня к работе разряда древнерусского зодчества ГАИМК (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 35). В течение каникул летних и зимних, имея командировки от Академии Материальной Культуры, получал возможность заниматься на месте изучением памятников. Два доклада по памятникам русского зодчества были сделаны мною в разряде русского зодчества Ака-

¹ Россия, 198191. Санкт-Петербург. Дворянская наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.

² Все сокращения в тексте приведены согласно архивным документам.

демия Материальной Культуры. Сообщение о росписи Успенского собора во Владимире было сделано в семинаре Университета. В 1924–1925 гг. совмещал работу в Университете с архивными курсами при Ленинградском Отделении Центрархива, которые и окончил в апреле месяце 1925 г. Кроме того, в течение летних каникул я занимался во Владимирском Архивном Бюро, практически – во централизации архивов губернии, и научно – над материалами XVIII в. На основании их сделал два доклада в местном научном Обществе (ныне краеведческое), один из них «Крестыианское движение XVIII в. во Владимирской губернии по неизданным материалам», напечатан в органе Губкома РКПб (1925 г. «Агитатор-Пропандист № 3, 4). [...] Летом 1926 г. по окончании Университета работал в Суздалье по изучению особенностей техники и стиля Суздальского собора XIII в. [...] Доклад о наблюдениях над Суздальским собором был сделан в разряде русско-го зодчества ГАИМК 17.III.1927» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Л. 3–3об.).

«По окончании университета готовился к аспирантским экзаменам, в 1926 г. испытаний не выдержал и продолжал готовиться, работая по договору в архиве Ленинградского Областного Комитета Союза «Медсантруд» (X-1926 г. – VII-1927 г.); осенью 1927 г. испытания выдержал и с I-1928 г. был зачислен аспирантом Государственной Академии Истории материальной культуры. Специализировался по истории русского зодчества (руководитель К.К. Романов³), имел ряд научных командировок (по средней России, Поволжью, Украине и Белоруссии) и написал несколько научных работ по своей специальности, аспирантуру окончил I-1931 г., представив диссертацию «Очерки по истории русского зодчества XV–XVII вв.» (напечатано в 1934 г. в «Известиях» ГАИМК)» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 9об.).

³ Именно К.К. Романов содействовал поступлению Н.Н. Воронина в аспирантуру ГАИМК. В Архиве ИИМК РАН сохранился написанный им отзыв на Н.Н. Воронина от I. VI. 1927 г.

«Н.Н. Воронин [...] в течение двух периодов летних каникул получал поручения от Академии Истории Материальной Культуры по Разряду Русского зодчества и Комиссии по охране и регистрации памятников.

Работы показывают в Н.Н. Воронине хорошего наблюдателя над памятником в натуре, [...] хорошего исследователя форм зодчества.

Назначенный ко оставлению при Ленинградском Государственном Университете Н.Н. Воронин не выдержал однако положенных испытаний в специальной Комиссии; по утрате делового работника мне казалось бы мало целесообразной и новое представление его к аспирантуре с допуском к новым экзаменам мне казалось бы крайне желательным. Представление же к аспирантуре через Гос. Академию Истории Материальной Культуры мне казалось бы естественным вследствие как указанных работ Воронина по поручению Академии, так и хорошо выполненных докладов о них в Разряде Русского зодчества».

«За время аспирантуры был членом аспирантского бюро, представителем аспирантов в Президиуме ГАИМК, членом академической комиссии по подготовке кадров, делегатом Академии на Ленинградской конференции музеев и I конференции Вузоз и НИУ.

По окончании аспирантуры работал полгода (II–XI–1931 г.) заведующим архивом треста «Ленсельпром» (Ленинград), где по линии общественной работы был редактором стенгазеты. В ноябре 1931 г. – был призван в Красную Армию, зачислен в команду одногодичников, службу окончил со званием командира взвода запаса; за время командирской стажировки был дважды награжден командованием XI дивизии (за отличную стрелковую подготовку взвода – денежной премией и благодарностью в приказе по Дивизии), и командованием роты (за боевую и политическую подготовку взвода – чмооданом); сборы в запасе проходил при Ленинградском полку ВОГПУ.

[...] По окончании действительной военной службы с XII–1932 г. по II–1933 г. работал старшим инспектором по городу и области Ленинградского Архивного Управления, откуда ушел вопреки желанию директора, т.к. хотел возобновить научную работу в ГАИМК (потому был уволен «за отказ от работы») [...] В XI–1932 г. зачислен научным сотрудником I разряда в ГАИМК, 23/V–1933 г. назначен ученым секретарем феодального сектора, а затем, I/1934 г. Института, в мае–июле 1935 г. замещал ученого секретаря Академии, 15/II–1936 г. утверждён Наркомпросом в звании члена ученого совета Академии. [...] 31/XII–1935 г. Высшей Аттестационной Комиссией НКП утверждён звание действительного члена Института и присуждена ученая степень кандидата исторических наук⁴. С 1932 г. [...] работаю только в ГАИМК; с 1935 г. веду исследовательскую тему (по договору) по кабинету истории архитектуры Весоюзной Академии Художеств» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 9об.–10).

«С 1941 г. исполняю обязанности заведующего сектором Древней Руси, руковожу аспирантом. В 1935 г. вел курс истории СССР на курсах Высшего комсостава Милиции, в 1939–1940 гг. – курс истории древнерусского искусства в Пединституте им. Герцена, в 1940–1941 гг. – спецкурс по культуре и зодчеству Владимиро-Суздальской Руси в ЛГУ.

С 1934 г. веду раскопочные работы по изучению материальной культуры северо-восточной Руси⁵, результатом которых в значительной мере и является представленная диссертация «Владимиро-

⁴ Согласно архивным документам Н.Н. Воронин был утверждён в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 7).

⁵ С 1934 г. Н.Н. Воронин ежегодно руководил Владимиро-Суздальской археологической экспедицией Академии истории материальной культуры.

Суздальское зодчество XI–XIII вв.⁶. Кроме этой работы опубликовано и печатается 34 научных работы и в рукописи 25» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 36).

В автобиографиях Н.Н. Воронина из собрания архива ИИМК РАН содержатся сведения и о его семье: «Женился в 1926 г.; состав семьи: жена, ребенок, тетка жены [...]. Жена Г.Ф. Корзухина, работает старшим научным сотрудником Государственного Русского музея. Ее отец, Ф.А. Корзухин, архитектор, по сословию помещик, работает по проектированию электростанций. Мать Е.Ф. Корзухина – дом. хозяйка [...].

Состав семьи отца (моего): сам отец – механик Владимирского Опытного завода прецизионного оборудования, неоднократно премировався за освоение производства точных импортных станков⁷. Мать Е.И. Воронина – домашняя хозяйка, сейчас владеет деревянным домом, в котором и живут» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 100б.).

⁶ Докторская диссертация Н.Н. Воронина «Архитектурные памятники Владимиро-Суздальской Руси XI–XIII вв.» была готова уже весной 1941 г. Тезисы диссертации прошли утверждение в Институте истории материальной культуры в апреле 1941 г. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 33), и только начало Великой Отечественной войны задержало ее защиту до 1944 г.

⁷ Сверху сделана пометка карандашом «20.X.37 г. арестован во Владимире органами НКВД».

Последний документ из личного дела Н.Н. Воронина – выписка из приказа по Институту истории материальной культуры о его мобилизации в ряды Красной Армии – датирована 16 июля 1941 г. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. Л. 41). Одним из самых важных этапов деятельности Н.Н. Воронина, несомненно, являются годы аспирантуры и работы в ГАИМК. Именно в этот период он сформировался как талантливый ученый и крупнейший исследователь древнерусской архитектуры и искусства. С ГАИМК связаны его первые архитектурно-археологические работы. Практически за десятилетие Н.Н. Воронин прошел путь от аспиранта Академии до заведующего сектором и начальника экспедиции. Приведенные рукописные и фотографические документы из архива ИИМК РАН в полной мере отражают, насколько плодотворной и многогранной была научная и полевая деятельность Н.Н. Воронина в этот период жизни.

Архивные материалы по полевым исследованиям, научным работам, командировкам Николая Николаевича хранятся и в рукописной и в фотографической части Научного архива ИИМК РАН. В рукописном отделе они представлены отчетами об архитектурно-археологических работах под руководством Н.Н. Воронина и чертежами к ним, а также к докладам и публикациям ученого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

Отчеты о полевых исследованиях Н.Н. Воронина

1934 г. Раскопки во Владимире и Боголюбове. Дневник, чертежи, описи находок и фотоснимков. Фонд 2. Оп. 1. 1934 г. № 161.

1935 г. Дневник раскопок памятников древнерусского зодчества во Владимире. Опись находок во Владимире и Боголюбове. Фонд 2. Оп. 1. 1935. № 121, № 122.

1936 г. Отчет о раскопках в Суздале в 1936 г. Дневник, рисунки вещей (не вошедших в отчет), определение костей. Фонд 2. Оп. 1. 1936 г. № 246, № 294–296. 1937 г. № 33. Л. 10.

Раскопки ворот Дезица в г. Владимире в 1936 г. Фонд 2. Оп. 1. № 33. Л. 10.

Обследование Микулина городища Калининской обл. в 1936 г. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 188. Л. 350б.

1937 г. Работы Владимиро-Суздальской экспедиции. Дневник, полевая опись, результаты анализов металла, определение костей, описи находок из раскопок во Владимире и Боголюбове, переданных во Владимирский музей. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 151–157.

Краткие отчеты о работе Владимиро-Суздальской экспедиции в 1937 г. во Владимире и округе (Осовецкое горо-

дище). Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 258. Л. 37–45. № 259. Л. 33. № 260. Л. 68–76. № 242. Л. 23–24.

Отчет и переписка о командировке в Калинин для организации раскопок на Микулином городище в 1937 г. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 134, 133.

1938 г. Краткие отчеты о работе Владимиро-Суздальской экспедиции в 1938 г. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 258. Л. 37–45. № 260. Л. 68–76.

1939 г. Краткий отчет о раскопках Успенского собора в г. Ростове в 1939 г. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 260. Л. 49, 85.

Краткий отчет о раскопках в г. Переславле-Залесском в 1939 г. Фонд 2. Оп. 1. 1937 г. № 260. Л. 50–52, 86–88.

Чертежи к полевым работам и публикациям Н.Н. Воронина

Раскопки Н.Н. Воронина в Боголюбове и Владимире в 1934 г. План и разрезы гребнища Всеволода во Владимирском Успенском соборе с реконструкциями и фрагментами тканей из гребнища. План и разрез стены в Боголюбове. Р-1. № 784. Л. 1–5.

Раскопки Н.Н. Воронина в Суздале в 1936 г. Планы, разрезы и профили раскопок. Р-1. № 348. Л. 1–9.

Раскопки Н.Н. Воронина во Владимире в 1937 г. Планы, профили раскопа в Детинце и его ворот, стен и двора. Чертежи курганов у озера Вахчер и Осовецкого городища. Р-1. № 687. Л. 1–36.

Работы экспедиции под руководством Н.Н. Воронина в Переславле-Залесском в 1939 г. Общий план и профили раскопа, материалы исследований гробниц в Спасском соборе. Р-1. № 947. Л. 1–9.

Работы экспедиции под руководством Н.Н. Воронина в Боголюбове в 1939 г. Чертежи. Р-1. № 948. Л. 1–4.

Чертеж к отчету Н.Н. Воронина о разведках в Ростовском кремле в 1939 г. Р-1. № 980. Л. 1–7.

Чертеж южной башни в Боголюбове по разведкам 1934 г. и 1939 г. Р-1. № 1085. Л. 1

Работы экспедиции под руководством Н.Н. Воронина в Ярославле в 1940 г. Чертежи. Р-1. № 949. Л. 1–20.

Чертежи А.Д. Варганова к статье Н.Н. Воронина. План и западный фасад Суздальского собора. Р-1. № 950. Л. 1–2.

Материалы к статье Н.Н. Воронина. Реконструкция землянки по раскопкам в Ярославле. Р-1. № 1086. Л. 1.

5) Н.Н. Воронин на раскопках в Ярославле. Снимок сделан 21 сентября 1940 г. Коллекция 2975. О. 3382/101 (рис. 5).

6) Н.Н. Воронин, Д.А. Авдусин с сыном, П.А. Раппопорт в Гнездово в 1967 г. Коллекция 2376. Альбом О. 2697/122.

Материалы исследований

Боголюбове

Исследования Н.Н. Воронина в Боголюбове в 1934–1939 гг. Чертежи: реконструкция дворцового комплекса, общий план раскопок, собор, башни, переход, карта расположения Боголюбובה и Покровского монастыря. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1007. Альбом О.1516/19, 21–25. Негативов – 6 ед. хр. Отпечатков – 6 ед. хр.

Материалы раскопок Н.Н. Воронина в Боголюбове в 1934–1935 гг. Фасад кладок южной стены, чертеж восточного крыла. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1939 г. к «Отчету о полевых исследованиях 1934–1936 гг.», составленному Археологическим Комитетом. Коллекция 974. Альбом О.1439/18. Негатив – 1 ед. хр. Отпечатков – 1 ед. хр.

Материалы к отчету Н.Н. Воронина о раскопках в Боголюбове в 1935 г. Архитектурные детали церкви Покрова на Нерли из обследования А.Ф. Солнцева в 1895 г. Рисунки и чертежи. Пересъемка выполнена в фотолаборатории ГАИМК в 1936 г. Коллекция 657. Альбом О.1117/32–42. Негативов – 11 ед. хр. Отпечатков – 11 ед. хр.

Материалы Боголюбовской экспедиции Всероссийской Академии Художеств под руководством Н.Н. Воронина в 1937 г. Виды Собора и дворцовый переход. Снимки процесса полевых исследований и находок. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1938 и 1941 гг. Коллекция 860. Альбом О.1381/1–64. Негативов – 65 ед. хр. Отпечатков – 64 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина в Боголюбове в 1938 г. План северного перехода дворцового комплекса. Материалы

Материалы фотоотдела Научного архива ИИМК РАН

Персоналия

1) Н.Н. Воронин, в группе работников Ярославского Музея в 1940 г. Коллекция 1108. Альбом О.2511/23 (рис. 1).

2) Портрет Н.Н. Воронина, сотрудника Института истории материальной культуры. 1941 г. Коллекция 1109. Негатив – Г 28874 (рис. 2).

3) Н.Н. Воронин на юбилейном заседании Государственного Исторического музея в 1960 г. Коллекция 1475. Альбом Q 831/201–203 (рис. 3).

4) Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт на раскопках церкви в Боголюбове, Июнь 1954 г. Коллекция 2321. Альбом О.3377/121 (рис. 4).

Рис. 1. Н.Н. Воронин в группе работников Ярославского музея. 1940 г.

Fig. 1. N.N. Voronin among the personnel of the Yaroslavl Museum. 1940

полевых работ в Боголобове, Суздалье и Кидекше. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1124, 938. Альбом О.1396/1–87. Негативов – 87 ед. хр. Отпечатков – 87 ед. хр.

Материалы Владимиро-Суздальской экспедиции 1939 г. Раскопки Н.Н. Воронина в Боголобове и исследования архитектурных памятников во Владимире, Суздалье, Ростове, Переяславле, Горьком. Коллекция 1100. Альбомы О.1497, О.1498. Негативов – 140 ед. хр. Отпечатков – 137 ед. хр.

Раскопки у церкви Покрова на Нерли близ Боголюбова в июне 1954 г. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1981 г. Коллекция 2321. Альбом О. 3377/108–121. Негативов – 1 пленочная катушка. Отпечатков – 14 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина в Боголюбове разных лет. Вид мостовой, каменные капители. Реконструкция общего вида церкви Покрова на Нерли. Коллекция 2321. Альбомы О.1516/61–64, F 230/31. Отпечатков – 5 ед. хр.

Фотография чертежа реконструкции княжеского двора в Боголюбове, выполненной Н.Н. Ворониным для выставки отчетного Пленума ИИМК в 1958 г. Коллекция 2013. Альбом F 230/27. Отпечаток – 1 ед. хр.

Реконструкции двора в Боголюбове на основании раскопок Н.Н. Воронина. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1940 г. Коллекция 1023. Альбом О.1558/67–70. Негативов – 4 ед. хр. Отпечатков – 4 ед. хр.

Суздаль

Материалы Суздальской экспедиции 1936 г. под руководством Н.Н. Воронина. Раскопки в Кремлевской дуге Суздаля и у церкви Николая. Полевая работа, чертежи, находки. Общие виды кремля и архитектурных памятников Суздаля. Коллекция 755. Альбом О.1238. Негативов – 64 ед. хр. Отпечатков – 64 ед. хр.

Владимир

Материалы работ Н.Н. Воронина 1934 г. во Владимире и Боголюбове. Исследования гробницы Всеволода и Андрея Боголюбского в Успенском Соборе во Владимире.

Рис. 2. Н.Н. Воронин. 1941 г.

Fig. 2. N.N. Voronin. 1941

Фотографии фрагментов ткани из гробницы, сделанные Н.П. Тихоновым. Раскопки городской стены и собора в Боголюбове. Обследование церкви Покрова на Нерли. Коллекция 448. Альбом О. 957. Негативов – 68 ед. хр. Отпечатков – 68 ед. хр.

Рис. 3. Н.Н. Воронин на юбилейном заседании Государственного Исторического музея. 1960 г.

Fig. 3. N.N. Voronin at a jubilee meeting at the State Historical Museum. 1960

Рис. 4. Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт на раскопках церкви в Боголюбове, Июнь 1954 г.

Fig. 4. N.N. Voronin and P.A. Rappoport at the excavation of the church in Bogolyubovo, June, 1954

Раскопки Н.Н. Воронина во Владимире в 1934–1935 гг. Исследование гробницы Всеволода: разрез гробницы и общий вид после вскрытия. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1939 г. к «Отчету о полевых исследованиях 1934–1936 гг.», составленному Археологическим комитетом. Коллекция 974. Альбом О.1439/19–20. Негативов – 2 ед. хр. Отпечатков – 2 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина в Детинце г. Владимира в 1936 г. Процесс полевых исследований, чертежи, находки. Коллекция 756. Альбом О.1239. Негативов – 63 ед. хр. Отпечатков – 63 ед. хр.

Рис. 5. Н.Н. Воронин на раскопках в Ярославле. 21 сентября 1940 г.

Fig. 5. N.N. Voronin at the excavation in Yaroslavl. September 21, 1940

Работы Н.Н. Воронина во Владимире в 1937 г. Раскопки стены и ворот детинца. Процесс полевых исследований, чертежи, находки. Раскопки Вахчерских курганов. Коллекция 821. Альбомы О.1314, О.1315. Негативов – 115 ед. хр. Отпечатков – 115 ед. хр.

Материалы Владимирской экспедиции ИИМК 1938 г., работавшей под руководством Н.Н. Воронина. Полевая работа. Коллекция 939. Альбом О.1397. Негативов – 20 ед. хр. Отпечатков – 22 ед. хр.

Материалы Владимирской экспедиции 1938 г. под руководством Н.Н. Воронина. Схема разведок в окрестностях Дмитриевского собора. Фотография сделана в фотолаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1007. Альбом О.1516/4. Негатив – 1 ед. хр. Отпечатков – 1 ед. хр.

Материалы Владимирско-Суздальской экспедиции 1939 г. под руководством Н.Н. Воронина. Раскопки у Спасского собора в Переславе. Полевые чертежи, Рисунок Дмитриевского собора во Владимире В.А. Жуковского. Коллекция 1124. Альбом О.1498/71–73. Негативов – 3 ед. хр. Отпечатков – 3 ед. хр.

Исследования Н.Н. Воронина во Владимире 1938–1939 гг. Чертежи: разрез, фасад, план шурфа у южной апсиды Успенского собора, фундамент Всеволодовой стены; фасад, план и разрез собора Княгинина монастыря. Фотографии сделаны в фотолаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1007. Альбом О.1516/8, 15–18. Негативов – 5 ед. хр. Отпечатков – 5 ед. хр.

Фотографии архитектурных памятников Владимирско-Суздальской земли, сделанные Н.Н. Ворониным в период с 1925 г. по 1938 г. Общий вид Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, фрески Успенского собора во Владимире и собора в Боголюбове. Коллекция 1379. Альбом О.1692/77, О.180/58–59. Негативов – 3 ед. хр. Отпечатков – 3 ед. хр.

Ростов

Исследования Н.Н. Воронина в Ростове в 1939 г. Схема раскопа у Успенского собора. Фотография сделана в фотолаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1007. Альбом О.1516/27. Негатив – 1 ед. хр. Отпечатков – 1 ед. хр.

Материалы Н.Н. Воронина по обследованию церкви в с. Толпино (Рязанская губ.) в 1928 г. Общие виды. Фотографии сделаны в лаборатории Института исторических

технологий в 1934 г. Коллекция 397. Альбом О. 957/57-59. Отпечатков - 3 ед. хр.

Смоленск

Материалы Смоленской экспедиции 1962-1963 гг. Раскопки Н.Н. Воронина в церкви XII века в Смоленске (между Рачевой и Шейновкой). Фрески южной галереи с изображениями птиц (рисунки художника Государственного Эрмитажа В. Соколовского). Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1964 г. Коллекция 2239. Альбом О.1536/83-84. Негативов - 2 ед. хр. Отпечатков - 2 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина 1962, 1964 гг. в Смоленске в церкви «на Протоке» и в церкви «в Чернушках». Видны раскопки. Аэрофотосъемка. Коллекция 2239. Негативы П. 76847 - I 76848. Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1970 г. Негативов - 2 ед. хр. Отпечатков - 2 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина 1966 г. церкви «на Рачевке» в Смоленске. План раскопа, план-реконструкция храма, деталь кладки, рисунки кирпичей с клеймами. Коллекция 1900. Альбом О. 2708/1-5. Негативов - 5 ед. хр. Отпечатков - 5 ед. хр.

Раскопки Н.Н. Воронина 1967 г. «Окошного» кладбища в Смоленске. План участка, раскопки, профили и рисунки. Коллекция 2239. Альбом 1536/85-93. Негативов - 9 ед. хр. Отпечатков - 9 ед. хр.

Ярославль

Раскопки Н.Н. Воронина 1940 г. у церкви «Спаса на Городу» и на территории Стрелки в Ярославле. Чертежи, находки, древности из собрания музея. Коллекция 1124. Альбом О.1524. Негативов - 69 ед. хр. Отпечатков - 62 ед. хр.

Материалы к работам

Материалы к диссертации Н.Н. Воронина «Владимиросудзальская архитектура». Памятники Боголюбова, Владимира, Звенигорода, Москвы, Нижнего Новгорода, Кидеши. Переславля-Залесского, Ростова, Суздаля, Юрьева-Польского. Фотографии сделаны в лаборатории ИИМК в 1941 г. Коллекция 1007. Альбом О.1516.

Материалы к работе Н.Н. Воронина «Владимиросудзальская архитектура». Видны Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, чертежи собора Рождественского монастыря во Владимире, реконструкция Успенского собора. Коллекция 1007. Альбом О. 2708/8-30. Негативов - 24 ед. хр. Отпечатков - 23 ед. хр.

Рождественский собор в Суздале. Репродукция с чертежа директора Суздальского Музея, выполненная по заказу Н.Н. Воронина в фотолaborатории ГАИМК в 1936 г. Коллекция 707. Альбом О. 957/72. Негатив - 1 ед. хр. Отпечатков - 1 ед. хр.

Материалы к работе Н.Н. Воронина «История культуры Древней Руси». Архитектурные памятники Суздаля, Боголюбова, Владимира, Новгорода, Смоленска, Киева, Чернигова. Фотографии деталей деревянных русских домов. Снимки сделаны в фотолaborатории ИИМК в 1940 г.

Репродукции с фотографий ИИМК или из изданий. Коллекция 990. Альбомы О.1467, О.1117.

Материалы Н.Н. Воронина к «Путеводителю по Владимиру и Боголюбову». Фотографии сделаны в фотолaborатории ИИМК в 1938 г. Коллекция 881. Альбом О.1252/48-49. Негативов - 2 ед. хр. Отпечатков - 2 ед. хр.

Материалы к работе Н.Н. Воронина по социальной топографии города XII-XIII вв. План генерального межевания дачи в г. Владимире в 1768 г. из архива Главного Штаба. План г. Владимира 1715 г. из собрания картографического института АН СССР. Пересъемка выполнена в фотолaborатории ИИМК в 1936 г. Коллекция 616. Альбом О.1058/24-25. Негативов - 2 ед. хр. Отпечатков - 2 ед. хр.

Материалы, выполненные в фотолaborатории ИИМК в 1938 г. по заказу Н.Н. Воронина. Пересъемка фотографий археологических работ И.П. Крылова и А.П. Шебекина из дела археологической комиссии о раскопках Тверской Археологической Комиссии на городище в г. Старица (Тверская губ.) в 1903 г. Коллекция 951. Альбом О.1058/32-39. Негативов - 8 ед. хр. Отпечатков - 8 ед. хр.

Материалы к работе Н.Н. Воронина «Феодалная деревня XIII-XV вв.». Видны сел и деревень на рисунках альбома Мейерберга и «Путешествия в Московию» Олсария. Пересъемка выполнена И.Ф. Чистяковым в 1933 г. Коллекция 267. Альбом О. 780. Негативов - 28 ед. хр. Отпечатков - 28 ед. хр.

Материалы к статье Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта «Смоленский детинец». План раскопа, фасады стен, план и реконструкция церкви на Соборной горе (по раскопкам 1964-1965 гг.). Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1966 г. Коллекция 1900. Альбом О. 2289/79-82. Негативов - 4 ед. хр. Отпечатков - 4 ед. хр.

Материалы к работе Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII-XIII вв.». Фотографии сделаны в лаборатории ЛОИА в 1976 г. Коллекция 2432. Альбом О. 3097/1-57, 64-82; О. 3229/29-37. Негативов - 85 ед. хр. Отпечатков - 84 ед. хр.

Материалы, выполненные по заказу Н.Н. Воронина в лаборатории ИИМК в 1951 г. Пересъемка чертежей Коложской церкви в Гродно художника В.В. Грязнова и архитектора П.П. Покрышкина (1904 г.). Коллекция 1494. Альбом О.1610/34. Негативы П. 51707-51711. Негативов - 6 ед. хр. Отпечатков - 1 ед. хр.

Фотографии миниатюр «Жития Бориса и Глеба», приобретенные Н.Н. Ворониным в 1940 г. для фотархива ИИМК. Коллекция 1106. Альбом Q 695. Отпечатков - 16 ед. хр.

Фотографии средневековых рельефов из собрания Череповецкого Музея, снятые по заказу Н.Н. Воронина. Снимки сделаны в Череповецком музее в 1941 г. фотографом Ефимовским. Коллекция 1157. Альбом О.1117/75-91. Отпечатков - 17 ед. хр.

НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 56. - Личное дело Воронина Н.Н.

НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. - Дело Н.Н. Воронина (Николай Николаевич).

Фрески Боголюбовской церкви

(по материалам раскопок Н.Н. Воронина 1934–1939 годов)¹

А.М. Гордиг

Тот, кому довелось держать в руках полевые дневники Николая Николаевича Воронина, навсегда запомнит безукоризненную, педантичную аккуратность этих тетрадей, выразительную точность контурных зарисовок, бисерный без помарок почерк (записи, как и зарисовки, делались тонко отточенным карандашом).

Этот педантизм и высочайшая профессиональная добросовестность Николая Николаевича распространялись в том числе и на находки фресковых фрагментов. Его пионерские архитектурные раскопки в городах Ростово-Суздальской Руси имеют приоритет и в этой области. Именно Н.Н. Воронину довелось первым обнаружить обломки фресок суздальского Мономахова собора (при разведке в Городском саду в 1936 г.). Им же в 1954 г. *впервые открыты in situ* следы росписи ростовского собора 1213–1231 гг., *впрочем, как и сами кладки, ошибочно отнесенные к XII в.* Именно Николай Николаевич открыл росписи в одной из построек Юрия Долгорукого, церкви святого Георгия во Владимире (находки левкасных гвоздей), и только благодаря его раскопкам в распоряжении исследователей имеются два кусочка фресок владимирской церкви Спаса, заложенной в 1162–1164 г., и, что особенно ценно, фрагменты раскрашенных резных деталей надвратной церкви Владимирского детинца 1196–1197 гг. (фрагменты фресок, к сожалению, были утрачены). Аналогичным образом свидетельством росписи первоначального собора Княгинина монастыря 1200–1202 гг. служат сегодня лишь два крохотных обломка, найденных Николаем Николаевичем в 1938 г. Можно вспомнить еще считанные находки фресок при археологических исследованиях Спасского собора в Переславле-Залесском в 1939 г. и Архангельского собора в Нижнем Новгороде в 1960 г., находки фресковых гвоздей (и только гвоз-

дей!) при раскопках 1940 г. на Стрелке в Ярославле или в 1954 г. у церкви «Покрова на Нерли»... И все же наиболее масштабное открытие – разумеется, после блестящих смоленских находок, которым посвящена вышедшая уже посмертно монография «Смоленская живопись XII–XIII веков», – связано с исследованиями, которые, видимо, и для самого Николая Николаевича были главным его достижением как начинающего ученого – с раскопками Боголюбовского замка, и более конкретно, церкви Рождества Богородицы, возведенной, согласно косвенным указаниям письменных источников, в 1158–1160 гг. *Даже те скромные остатки этого храма, которые мы видим сегодня в экспозиционных шурфах, не могут не восхищать великолепным качеством камнетесной работы, мощью кладки, изяществом архитектурных профилей.*

Основные раскопки в Боголюбове (выражаясь профессиональным языком, Николай Николаевич Воронин копал от Всероссийской Академии художеств), проходили с 1934 по 1939 гг. с перерывом на сезон 1936 г. При этом наиболее важные для нашей темы исследования в интерьере дворцовой церкви были осуществлены в июле–августе 1938 г.

Казалось бы, все, что относится к находкам фресок, подробнее изложено в первом томе «Зодчества Северо-Восточной Руси XII–XV веков», на страницах которого, как и в своем путеводителе по владимирским достопамятностям, автор даже попытался вообразить, как сочетались между собой преобладающие «зеленые, синие и охровые тона» настенной росписи, желто-зеленый ковер майоликового пола хор и сверкающее золотом «медяное дно» боголюбовской церкви (Воронин, 1961, С. 228, 313). Тем не менее обращение к материалу полевого отчета, экспедиционному дневнику, фотоснимкам и, разумеется, к самим фрескам позволяет гораздо выше оценить значимость сделанных в 1938 г. находок, не говоря уже о той дополнительной информации, которую оно дает.

Вначале рассмотрим то, что было открыто *in situ*. Это, прежде всего, шесть крупных и еще несколько мелких фрагментов росписи на камнях второго ряда напольной кладки южной межаксиальной перемычки и южной стены диаконика, суммарной площадью примерно 1,5 м² (рис. 1). То были «части нижнего яруса росписи, представлявшей собой ряд белых завес со светло-зелеными склад-

¹ Пользуясь случаем поблагодарить заведующую Отделом археологических исследований Владимирско-Суздальского музея-заповедника М.Е. Родину, оказавшую всяческое содействие в ознакомлении с архитектурно-археологическими коллекциями Н.Н. Воронина и помощь в работе над этой статьей, а также консультировавшую меня заведующую архитектурным сектором музея Т.П. Тимофееву. Отдельная благодарность руководителю Научного архива ИИМК РАН Г.В. Длужневской и директору Госархива Владимирской области З.Г. Основу за предоставленный иллюстративный материал.

² Россия, 190000. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж.

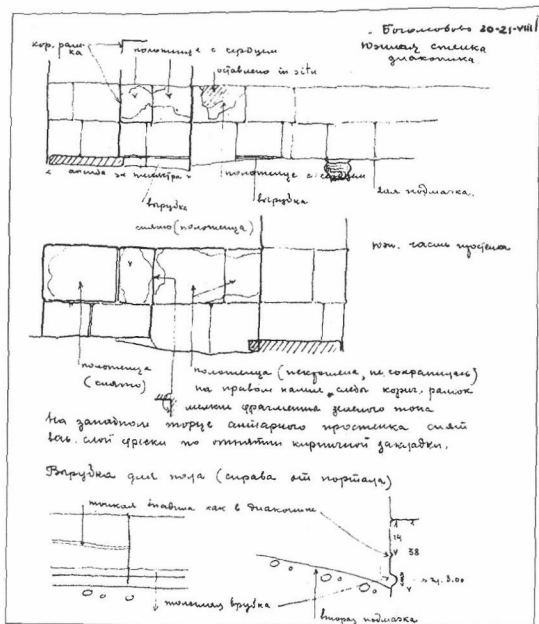

Рис. 1. Боголюбово, Церковь Рождества Богородицы. Схемы размещения фресковых фрагментов в диаконике и вырубке для пола в кладке южной стены. Страница из экспедиционного дневника Н.Н. Воронина, 1938 г. (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 523. Л. 56 об.)

Fig. 1. Bogolyubovo, Church of the Nativity of the Virgin. Schemes of the positions of fragmentary frescos in the deacon room and the cuttings for the floor in the masonry of the southern wall. Page from N.N. Voronin's diary, 1938

ками» и повторявшимся на южной стене «светлоохровым орнаментом из сердцевидных медальонов с аканфом внутри и отогнутыми наружу отростками». Образчик еще одного орнамента – «из красно-коричневых рамок с круглыми выступами» – был открыт на правом плечике южной апсиды (Воронин, 1961, С. 228). Последний, равно как и половину больших фрагментов (все – на межапсидной стенке), удалось снять на марлю специально вызванному для этой цели специалисту из ГТГ (им оказался художник-реставратор Герасим Вла-

димирович Цыган³). Остальные оказались для этой операции слишком ветхи. На своем месте, правее южной лопатки диаконика, остался всего один неполный фрагмент «полотенца с сердцем».

Не исключено, разумеется, что изображению подвесных пелен в алтарной части церкви к западу

³ К великому сожалению, его крайне содержательная командировка тридцать восьмого года в Боголюбово и Суздаль в архиве Третьяковской галереи почти не отражена (см. Приложение).

от алтарной преграды соответствовала имитация мраморных облицовочных панелей, хотя во всех ранних ростово-суздальских храмах, где мотив цокольной росписи нам известен, исключая разве что Успенский собор во Владимире, это обязательно полотенеца – в церкви Бориса и Глеба в Кидекше и Покрова на Нерли, в переславском (кроме столпов), ростовском и суздальском соборах, соборе Рождества монастыря (северная галерея) и Дмитриевском соборе во Владимире. Уже в Мономаховом соборе (около 1110 г.) именно полотенеца, а не полилития, фрагменты которой также найдены при раскопках, украшали основание западной стены наоса.

Возвращаясь к орнаментам, широко известным благодаря публикации их прорисовок (Воронин, 1961, Рис. 104, а, б), необходимо отметить, что оба – и сердцевидный крич (весьма важный элемент средневизантийской орнаментики в целом), и так называемая рамка с округлыми, крестовидно расположенными отростками – суть обычные для живописи византийского мира текстильные узоры, встречающиеся в декоре полотенец как греческих, так и русских домонгольских памятников (по причинам сугубо археологическим – прежде всего, смоленских). Правда, «рамка» обыкновенно имеет форму кольца либо овала (и без горошины в центре); отступление от этого правила в Боголюбовской росписи, возможно, объясняется местоположением узора на крайне узком простенке пещица апсиды, хотя «следы корич. рамок», как кажется, отмечены Н.Н. Ворониным и на примыкающем к левому пещице камне межапсидной стенки (рис. 1). Наконец, говоря о «светло-зеленых складках», следует помнить, что именно зеленый цвет предписывался негласным каноном для моделировки белых материй и одежд. Там, где он присутствовал в палитре, норма эта соблюдалась неукоснительно.

Сохранились ли хоть один фрагмент боголюбовских полотенец? Н.Н. Воронин сообщал, что снятые на марлю куски хранятся во Владимирском музее. Несомненно, они были переданы туда в 1938 г., однако сегодня обнаружить их следы не удается.

Бывавшим в Боголюбове известно, что не только стенки диаконика, но и фусты южных подкупольных колонн в музеефицированном раскопе, увы, давно стерильны в отношении фресок. Тем большую ценность имеют публикуемые здесь фотографии только что раскрытых оснований колонн (рис. 2), дополняющие те два интерьерных снимка, которые воспроизведены в «Зодчестве Северо-Восточной Руси» (Воронин, 1961, Рис. 100, а, б). В частности, эти фотографии укрепляют во мне мнение, что роспись колонн «под белый с серыми жидкими мрамор» являла собой нечто

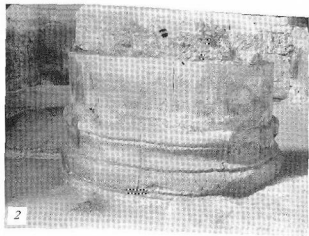
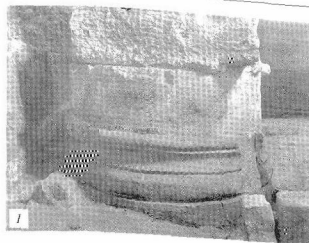

Fig. 2. Bogolyubovo. Church of the Nativity of the Virgin. Foundations of the under-cupola columns. In the lower part of the shaft the remains of painting are recognizable

1 – юго-западный столп; 2 – юго-восточный столп. Снимки Н.Н. Воронина, 1938 г. (НА ИИМК РАН, ФА, 0.1396.26 и 29)

Fig. 2. Bogolyubovo. Church of the Nativity of the Virgin. Foundations of the under-cupola columns. In the lower part of the shaft the remains of painting are recognizable

1 – south-western column; 2 – south-eastern column. Photos by N.N. Voronin, 1938

менее формализованное и даже более искусное, нежели доминирующий в древнерусском стенном письме XII в. «струйчатый орнамент» или стандартные для романских росписей муровые разводы, «под агат». Указать даже приблизительные параллели этой имитации весьма затруднительно – по той простой причине, что в Византии, как и во всем Средиземноморье, строители, естественно, предпочитали использовать колонны из благородного, не требующего окраски камня, и что на самой Руси боголюбовская церковь – едва ли не первый и надолго единственный пример храма на четырех колоннах. Сколь же богат был унаследованный от античности репертуар живописной имитации камня, наглядно демонстрирует средневековая миниатюра, в первую очередь – знаменитые обрамления таблиц евангельских канонов (см., например, лати-

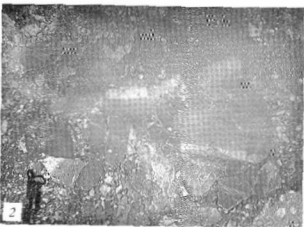

Рис. 3. Боголюбово. Церковь Рождества Богородицы. Пласт фресок в слое осыпи у южного портала (кв. 9) в процессе расчистки. Снимки Н.Н. Воронина, 1938 г. (НА ИИМК РАН, ФА. 0.1396.27 и 28)

Fig. 3. Bogolyubovo, Church of the Nativity of the Virgin. «Pieces of frescos in the collapsed layer near the southern portal» in the course of clearing out. Photos by N.N. Voronin, 1938

руемый первой половиной XI в. cod. 2364 Греческой Национальной Библиотеки, ф. 2v-7 – *Marava-Chatzincicolaon, Toufexi-Paschou*, 1978. Cat. 16).

Исключительно благодаря снимкам Николая Николаевича из фотоархива ИИМК узнаем, что обнаруженные в мощном слое разрушения церкви фресковые фрагменты залегали, по крайней мере, кое-где целыми пластинами (рис. 3). Пусть черно-белые снимки и не дают понять, что же собственно тут было изображено, все же они вполне подтверждают то смутное представление о почерке мастеров, которое складывается на основе непосредственного знакомства с уцелевшими штурчними фрагментами фресок. На фоне известных нам русских церковных росписей второй трети XII в. их элегантная, немного камерная манера не представляет собой нечто изолированное и даже заставляет вспомнить такой программный памятник византийской живописи этой эпохи, как Нерези (1165 г.).

По словам Н.Н. Воронина, «в нижнем слое белокаменного лома от разрушения собора было собрано до 1000 мелких обломков фресок зеленого, синего, темно-синего, охрового, розовато-серого тона. Преобладают зеленые, синие и охровые тона, что, может быть, дает представление о доминирующей цветовой гамме росписи» (Воронин, 1961, С. 228). В полевой статистике фигурирует более 857 фрагментов, в том числе 205 фрагментов зеленых тонов, 140 – синевато-черных (фон), темно-синих, синих и голубоватых, 81 – охристый, молочно-охристый, молочно-коричневый и желтый, 34 – розовато-серых, 33 – «беленых», 220 – «с долинным»⁴. Фрески залегали в слое щебня и известковой засыпи, покоившемся «непосредственно на древнем полу собора»: в диаконике и квадрате 10. Н.Н. Воронин выделял в нем два горизонта, из которых фресковыми обломками особенно был насыщен верхний (в нижнем, кажется, было найдено большее число широкошляпочных левкасных гвоздей). Распределение находок по квадратам весьма неравномерно: от одного фрагмента желтофонной фрески в квадрате 5 и десяти-одиннадцати в квадрате 1 и 4 до 126-ти в диаконике, 180-ти в квадрате 3 и 145-ти сплош «мелкий лом свыше 100» фрагментов в квадрате 9 (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 75–88; НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 29. Л. 6).

Как следует из передаточной описи, скрепленной подписями Н. Воронина и научного сотрудника Владимирского музея В. Залесского, датированной 31 августа 1938 г., ящики и упаковки с зашированными поквратно обломками фресок и фресковыми гвоздями, в числе прочих находок, по окончании сезона были отсланы на верху боголюбовских «палат», в переходе на хоры⁵ (лишь четыре фрагмента из квадрата 2 были зашифрованы отдельно от остальных фресок своего квадрата; обломки фресок из квадрата 10, как и положено, были зашифрованы и упакованы посылкой). Часть фресок и даже гвоздей оказалась среди наиболее ярких и важных артефактов, отобранных руководителем раскопок для отчетной археологической выставки в ИИМК в Ленинграде (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 98–100 об.).

Ныне существующая коллекция, принятая на постоянное хранение в 1958 г. (отсюда музейный шифр В-58), насчитывает всего-навсего полсотни фресковых обломков (из них один на экспозиции) и один левкасный гвоздь, т.е. 5% от найденного. Вместе с тем ее вполне представительный харак-

⁴ Отсутствуют данные по квадрату 7; данные о количестве молочно-охристых, розоватых и костяных фрагментов по квадрату 3 приведены в дневник суммарно (40 штук) и поэтому не могут быть учтены.

⁵ Надо заметить, что передача музею находок 1935–1937 гг. состоялась в те же дни.

тер (достаточно сказать, что уцелели почти все отмеченные Н.Н. Ворониным фрагменты с аканфом) наводит на грустную мысль, что перед нами результат сознательной выборки, связанной с уничтожением остальной части коллекции. Впрочем, близкое совпадение с выборкой, произведенной в 1938 г. самим Николаем Николаевичем, подсказывает иное, более правдоподобное объяснение: сохранилась, пусть и не без потерь, именно та часть боголюбовских находок, что побывала в Ленинграде⁶. В количественном отношении уцелело от без малого 3,5 до 9,5% фресок из квадратов 2–4, 8–10 и диаконика (полевые шифры 322, 352, 358, 409, 419, 442, 449 и 466); упомянутый средних размеров гвоздь (диаметр шляпки 4 см, длина обломанной ножки 6 см) происходит из девятого квадрата.

Чем же любопытен этот материал? Как и положено для белокаменной постройки, основную массу фрескового боя составляют достаточно тонкие (преимущественно 7–10 мм) и ровные с испода «пластинки», в данном случае – с четкими, острыми краями. Затеков краски на сколах почти нет. Впрочем, эти следы затеков в волосяные трещинки свежего левкаса наиболее характерны для образцов однотонных, в том числе фоновых, залиток или разгранок, а их в составе выборки совсем немного. Штукатурка однослойная. Образцы двухслойного грунта (числом не менее семи) – результат обычного приема стыковки дашеши и свежего левкаса внахлест: толщина нижнего слоя может быть 4–9 мм, верхнего – 2,5–8,0 мм. На сводах, где, как показывают другие примеры, в частности Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире (Цейтлина, Некрасов, Бальгина, 1989. С. 15; Филатов, 1972. С. 144), штукатурный левкас действительно наносился в два слоя (или лучше сказать, в два этапа), – слоистость столь четко не наблюдается, да и толщина штукатурки бывает намного больше. Сам по себе технологический прием был связан с использованием в качестве арматуры фресковых гвоздей: пока их забивали, наскоро затертый нижний намет не успевал схватиться, а потому прочно соединялся с верхним, более тонким слоем собственно левкаса.

Именно со сводами должно связать резко выделяющиеся на общем фоне полдюжины обломков (из диаконика, квадратов 4 и 9), толщиной до 4,5 см. Не будь известно их происхождение, эти обломки легко было бы принять за фрески каково-нибудь плинфяного храма в одном – едва ли не любом – из древнерусских княжеств.

Дело в том, что штукатурное тесто боголюбовских фресок полностью отвечает выработанной на Руси к середине XII в. усредненной рецептуре левкаса: жирная воздушная известь, немного мелкой сечки (уже не мякны, как в XI – начале XII в.), судя по всему, костре, топы, немного мелкой крошки известняка, т.е. того же белого камня и туфа, и совсем немного мелкой цемьянки – в данном случае, видимо, специально обожженной глины. Помимо этих отощающих добавок присутствуют отдельные (величиной до 1 мм²) зерна кварцевого песка (естественный компонент известняковой породы), а также порой достаточно крупные кусочки древесного угля: известь от них, как кажется, не очищали вполне сознательно⁷. И если настоящая цемьянка из владимиро-суздальских фресковых грунтов быстро исчезает (в идентичных, судя по описанию, левкасах Успенского собора (1161 г.) и Покрова на Нерли ее уже нет), то частицы угля надолго остаются их устойчивой технологической чертой. Хотя именно они были главной причиной образования мелких каверн, в том числе и на очень гладко затертой поверхности фресок боголюбовской церкви.

Известная примета почерка иконографов Андрея Боголюбского – предварительный рисунок и, частью, подмалевок, желтой охрой вместо красной (то же в росписи переласкового собора, Золотых ворот, Покрова на Нерли): на фрагменты с подмалевком либо наброском желтой охрой приходится ни много ни мало три пятых вышедшей коллекции; на фрагменты, где подмалевок красно-охровый, – всего одна десятая. Разнообразно по фактуре графья, преимущественно все же мягкая (в общей сложности десятков образцов).

Два фоновых темно-синих фрагмента сохранили остатки тончайшего слоя голубца (лазурита?). Холодноватые-зеленые поэмы традиционно писались по сине-рефтяной подготовке. Разгранки, точнее какая-то их часть, были приглушенного коричневатого-вишневого оттенка, с непременным белдыльным интамом.

Как верно отмечал Н.Н. Воронин, «...цветовая гамма росписи была сдержанна и изысканна» (Воронин, 1967. С. 116). Глубокое пристрастие к неброским, теплым полутонам, к полученным из смеси краскам и гармоничным, но эффективным цветовым переходам, часто акцентированным с помощью белыл – едва ли не доминантная черта русской монументальной живописи середины XII в. Вместе с тем даже на этом фоне палитра боголюбовских фресок выделяется подчеркнутым благородством: в ней не заметно ядовитых оттенков, зато немало

⁶ Данный вывод подкрепляется и другими примерами. Так, две вышеупомянутые фресочки из Киягинина монастыря единственные уцелевшие с довоенных лет помимо боголюбовских, также побывали на выставке в ИИМК.

⁷ Ср.: «Фреска: левкас с мелким углем и примесью мелко толченого кирпича, различной толщины от 4,5 до 1–0,75 см» (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 79).

свежих и открытых тонов, и ее невозможно назвать ни тусклой, ни бедной, ни минорной. Особого замечания заслуживает большая нежность палевых – розового, серо-голубого, зеленого и прочих оттенков, которая так гармонирует с легкими, динамичными, порою нервными росчерками белых «светов». Развитость графических схем моделировки «доличного» полупрозрачными и густыми пробами неожиданно велика, особенно в сравнении с довольно робкой проделкой одежды на известном фрагменте переславской фрески (ГИМ) или одедами пророков из аркатурно-колончатого пояса владимирской Златоверхой, трактованными (сколько можно ныне судить) в духе широкой живописной манеры, для 1161 г. уже немного архаичной.

Опознается, как минимум, три образца личного письма: верхняя часть фронтального лика (глаза и лоб), правый глаз и один неопределенный фрагмент – возможно, часть щеки и носа. Первый (из диаконика) сильно потерт и мал. Полные размеры лика – не более чем 6 × 4 см. Возмется, весьма вероятно, что это личико дитяти или человеческой души, представлявшейся, как известно, в обличье младенца. Глаз (из квадрата 9) позволяет оценить величину другого лика: приблизительно 13 × 10 см. Таким образом, речь идет о фигуре того же скромного масштаба, что и, скажем, персонажи сохранившихся фресок Кидекши или Дмитриевского собора во Владимире. Подобная же по габаритам фигура угадывается за обломком нимба (из квадрата 10): желтого, на синева-сером фоне, с глубокой и прерывистой графией, без видимых следов обводки, диаметром порядка 25 см. «Охровый нимб на темном фоне (синева-черном)⁸» применительно к квадрату 3 отмечает в дневнике и Н.Н. Воронин.

Лики были написаны санкирным приемом, получившим широкое распространение в русской монументальной живописи со второй четверти – середины XII в. Поверх единого для головы и нимба желто-охрового подмалева в границах лика наносился тонкий, но плотный слой холодноватого зеленого санкиря (разбеленного глаукопита?), на основе которого мягким золотистым «вохрением», легкими белыми движениями и тончайшими красновато-коричневыми описями моделировался рельеф. Глаз (если это в самом деле глаз) демонстрирует, пусть и изыщную, но на удивление сухую орнаментально-плоскостную его трактовку. Тонально названные фрагменты достаточно близки личному всеволодовым росписей, и прежде всего, росписей Дмитриевского собора.

Происходящие из юго-западного угла под хорами (квадраты 2, 3, 9 и 10) фрагменты стилизованного аканфа вызвали у Н.Н. Воронина вполне понятную ассоциацию с аканфовыми дугами ароч-

ных обрамлений персонажей всеволодовой росписи Успенского собора во Владимире. Увы, ни один из этих фрагментов не дает не только полного рапорта орнамента, но и полной ширины ленты: приблизительно реконструируемая ширина составляет 7–8 см. В реальности многие, если не все, дошедшие до нас фрагменты с аканфом относятся вовсе не к арочным обрамлениям или медальонам, но, как доказывает совпадение их с зонами «дневных швов», к лентам горизонтальных и, возможно, вертикальных композиционных разранок, подобных тем, что сегодня известны по остаткам купольной росписи Покрова на Нерли (*Цейтлина, Некрасов, Бальгина*, 1989. С. 16; НА ИИМК РАН. РА. Ф. Р-1. 1860 г. Д. 13. Л. 1, 8, 9) и росписи свода арки Золотых ворот во Владимире⁹. Сопадает и колористическое решение: коричневатый либо синеватый рефтяной рисунок поверх неизменной белой подготовки и традиционно зеленой⁹ подоски тени в основании ленты, т.е. воображаемого полуавала резного беломраморного карниза или тяги. Сам рисунок при этом, как видно, несколько варьировался. Левая из двух опубликованных прописей – обе присутствуют и в полевом дневнике (Воронин, 1961. Рис. 104, а) – идентифицируется с одним из самых крупных фрагментов, происходящим из квадрата 2, оригинал другой, с оgrabленными рисунком более мелких аканфовых листков, судя по всему, утрачен, однако из пояснительных надписей на странице дневника видно, что рисунок был охровый и что по крайней мере с одной стороны орнамент граничил с черно-синей фоновой заливкой (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 77).

В качестве фризových разранок геометризированный белофонный аканф был использован и в росписи неизвестной новгородской повалуши, датируемой первой половиной – серединой XII в. (Гуревич, 1964. С. 101; Спегальский, 1972. С. 156, Рис. 63). Возможно, именно такова и есть его изначальная роль в монументальных росписях, подобно тому, как у византийских миниатюристов X–XII вв. данный тип аканфа служил исключительно для орнаментации карнизов архитектурных задников.

Несмотря на предание о сожжении боголюбивой церкви Батьем (Аристарх, 1878. С. 6–7), следов воздействия огня существующие фрагменты фресок не обнаруживают. Вообще с учетом почти 600-летней жизни росписи и храма сохранность красочного слоя вполне удовлетворительная. В основном наблюдаются сильные потери, вы-

⁸ Благодаря художнику-реставратору А.П. Некрасова за возможность ознакомиться с его мастерскими акварельными копиями названных фресок.

⁹ То же оттенка, что и складки полотенец? Светло-зеленая краска боголюбивой росписи теплее, чем обычный глаукопит.

крошки (главным образом на участках многослойного письма), размытость охр. Нынешняя чрезвычайная блеклость ряда фрагментов афонского орнамента – достаточно обычный для зоны «дневных швов» феномен (Филатов, 1972. С. 145), видимо, объясняемый особенно быстрым высыханием нанесенного внахлест и тонко притертого свежего левкаса.

Бедность развала фресковыми находками – их сумма едва ли превышала по площади то, что было открыто в диаконике in situ – еще не доказывает фрагментированного состояния росписи на момент падения некоторой части стен и сводов церкви в 1722 г. Ибо может всего лишь означать, что фрески продолжали удерживаться как на упавших, так и на оставшихся на месте камнях, позднее прущенных на перетеску и в кладку нового собора. Кроме того, нельзя не учитывать нивелировку развала в ходе строительных работ 1749–1755 гг.

Полное молчание о стеном письме монастырских описей 1689, 1696 и 1702 гг. склоняет к мысли, что оно было забелено. Тем более что пресловутые «варварские архитектурные упражнения»¹⁰ игумена Ипполита (1684–1695) – растеска окон и выломка хор – давали тому прекрасный повод. Трудно сомневаться, что «от сильного пробивания стен во окна» не только «свод... помалу нача разседатися, и великия являтися скважины...», но и обрушилась немалая часть стенового левкаса. Отсутствие явных следов побелки на извлеченных из завала обломках, как показывает опыт, мало о чем говорит.

Но, даже если стенопись была забелена, память о ней в начале и в середине XVIII в. была весьма свежа. Слово бы по контрасту с описями позднее монастырское житие Андрея Боголюбского (Н.Н. Воронин датировал его временем канонизации князя) и «Летопись» игумена Аристарха (1767–1769) упоминают о ней с редкой настойчивостью, причем последняя – непосредственно в связи с гибелью храма. «Отчего (то есть от разборки хор и растески окон. – А.Г.) такова великолетняя и богатоустраенная церковь (уву!) падеся; в ней же претруднейшим греческим иконописанием и стены все украшены быша...» (Аристарх, 1878. С. 15).

Находки, сделанные вне собора, в большинстве должны быть связаны с разрушением все той же интерьерной росписи. Так, из тридцати фресковых обломков, найденных в ходе раскопок оснований южного перехода и башни (1939 г.), девять происходили из содержавшего керамику XVIII в. слоя возле самой стены собора и восемь («зеленого и желтого тонов») – из песчаной засыпки внутри фундамента паперти 1766 г., восточный отрезок которого был сложен с использованием древнего теса-

ного камня¹¹ (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 55. Л. 5 об., 8, 100–100 об.). При вскрытии внешнего контура южной половины апсид и южной стены до портала (1935 г.) «нижний слой чернозема» над белокаменной вымосткой у апсид дал «несколько кованых левкасных гвоздей» – по описи, два гвоздя; наиболее вероятно, что они попали сюда из вышележащего слоя разрушения и строительства XVIII в. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 121. Л. 13; Д. 122. Л. 1; Воронин, 1961. С. 212). С расползшимся пятном разрушения собора, видимо, следует связывать встреченные, как раз в направлении его падения (юг–восток), при зачистке остатков окольной стены Боголюбова-города (1934 г.) три левкасных гвоздя (в том числе, согласно полевой описи, один «с куском проржавевшей извести») и «кусок штукатурки с краской» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 161. Л. 83–83 об.). Несомненно, подобные находки из переложенного слоя можно ожидать и в будущем.

Среди вышеназванных тридцати обломков из раскопок южного перехода на хоры 12 («малиновый и синий тона») происходили из прикрывающего гумусированного слоя мусора «над бутом южной башни», т.е., возможно, были от росписи этой самой башни. (Следует учитывать, впрочем, что стратиграфия данного участка крайне нарушена поздними погребениями и строительством.) С росписью арки (?) перехода могут быть осторожно связаны упоминаемые полевым дневником, но, кажется, опущенные в описи «обломочки зеленого и красного тона фресок» в россыпи старого бута, прикрывавшего 2-метровую полосу «плитной вымостки XII века» (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 55. Л. 29, 38, 101). Понски остатков дворца (1938 г.) перед келейным корпусом дали всего один обломок фрески, также в слое над плитной вымосткой, но целый ряд левкасных гвоздей в более верхних гумусных слоях (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Л. 98–98 об.). Наконец, при расчистке оснований перехода ко двору (1937 г.), рухнувшего, как показала стратиграфия, еще в XIII в. (Воронин, 1961. С. 260) близ пешеходного пролета, на разной глубине (в основном выше слоя развалин) было найдено 7 обломков фресок, преимущественно светло-зеленого (в том числе «зеленый орнамент!»), но также и серого, фонового, тона¹²

¹¹ «Один из [белых] [каменной] фундамента восточной перемычки паперти, – занисывает Николай Николаевич, – оказался арочным» и, добавив мы, с дырочками от левкасных гвоздей (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 55. Л. 28, 30 об., рис.).

¹² Два из этих семи, с полевыми номерами 56 и 101, сохранились: рыльщик, с приростом несква грунт первого, надо заметить, несколько отличен от грунта всех остальных. Оба зеленого в разбеле цвета. Уцелел и один левкасный гвоздь с обломанной (5,3 см), в извести, ножкой и совсем небольшой шляпкой (2,5 см).

¹⁰ Выражение Н.Н. Воронина.

(НА ИИМК РАН. РА. Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 155. Л. 1–3 об.). Именно это позволило предположить, что «арки и своды проездного и пешеходного пролета перехода... были украшены фресковой росписью» (Воронин, 1961. С. 240), т.е. надо полагать, орнаментами в виде выходящих по белому полю зеленых, а с учетом находок под южным переходом, возможно, и красных побегов (либо же с красной «опушкой» на стыках архитектурных плоскостей). «На северной арке перехода на хоры, – добавляет И.Н. Воронин, имея в виду сохранившийся северный переход, – во время реставрационных работ 1937 г. были обнаружены следы орнаментальной фрески XII в. (определение Ю.А. Олсуфьева)... Следы фресковой росписи (зеленые фоны) были прослежены Ю.А. Олсуфьевым также на стенах и своде винтовой лестницы башни» (Воронин, 1961. С. 240). Подтверждением этому свидетельству служит публикуемый ниже акт осмотра: всякие натурные подтверждения давно и безвозвратно утрачены.

Как видно из слов И.Н. Воронина, указанный осмотр проводился по его просьбе. Кстати, внимательное знакомство с актом подтверждает ошибочность апелляции ученого – в доказательство росписи аркатурно-колончатого пояса церкви – к «обрезанной» фигуре св. Леонтия в росписи былой фасадной аркатуры перехода (на верхней площадке лестничной башни). Вместо этого ложного довода можно, однако, указать другой, пусть также косвенный, – широкий шаг аркатуры.

Надо ли говорить, что элементы фасадной росписи Боголюбовского замка прекрасно вписываются в древнерусскую и, шире, общеевропейскую художественную практику своего времени. Как вспоминали В.А. Богусевич и Н.В. Холостенко в связи с находкою, наряду с фрагментами орнаментальной интерьерной росписи так называемого одноканального терема в Чернигове, его расписанной

черно-красными узорами наружной штукатурки, – «в фольклоре и письменных источниках неоднократно упоминается об «узорчатых», «расписных» теремах князей» (Богусевич, Холостенко, 1952. С. 39).

Боголюбовские находки по-прежнему будят наше воображение. То особое изящество форм и тщательность отделки, что так выделяет «палатинскую капеллу» из общего числа построек князя Андрея Юрьевича, отличали и стиль ее росписи. И это, наверное, главный штрих, который найденные в 1938 г. фрагменты добавляют к «портрету» первого поколения владимирских «церковных росписников». В то же время решительных доказательств того, что эти художники были выписаны непосредственно из Византии, они не дают. Версия киевского происхождения мастеров, которую разделял и И.Н. Воронин (1961. С. 312), остается, таким образом, одной из возможных. Помимо Киева могут быть названы и Полоцк (параллели с фресками храма-усыпальницы и храмов Бельчицкого монастыря очевидны), и Смоленск, где в середине века начинается постоянное плитняное строительство. Хотя «предыдущее место работы» еще не определяет ни выучки, ни национальности изобразителя.

Без сомнения, сохранись добытый И.Н. Ворониным материал лучше, наши суждения и догадки были бы намного содержательнее и точнее. Тем более бережного к себе отношения требует то, что пока еще, к счастью, скрыто почти под двумя третями площади собора и, быть может, к юго-востоку от его апсид. Раскопки, буде они здесь состоятся, потребуют самой тщательной подготовки, включая обеспечение подробной и качественной фиксации, а также постоянного присутствия на раскопе профессионалов-реставраторов. И торопиться с проведением этих работ, наверное, не стоит.

ПРИЛОЖЕНИЕ

5 августа 1938,
№ 132

(Штамп Владимирского музея)

При проводимых Всерос. Академией художеств и Владимирским музеем работах по раскрытию древних полов в Боголюбовском соборе на стенах диакошника обнаружился фрагменты орнаментальной фресковой росписи, совершенно истерзанной и отслаивающейся от стен. Необходим осмотр их специалистом реставратором на предмет закрепления или снятия со стен. Музей просит срочно выслать соответствующего специалиста; проезд и суточные оплачиваются Музеем.

Государственной Третьяковской галерее

Зам. директора Музея [подпись неразб.]
Руководитель археол.
работ ВАХ И. Воронин

ОР ГТГ. Ф. 8.ХИ. Д.1337. Письмо из Владимирского краеведческого музея в ГТГ (рукой И.Н. Воронина).

А К Т

23 августа 1938 года мы, нижеподписавшиеся, художник-реставратор Гос. Третьяковской галереи Г.В. Цыган, руководитель археологических работ в Боголюбове стар. научн. сотрудник АН СССР Н.Н. Воронин, сотрудник Б.И. Григорьев составили настоящий акт о нижеследующем:

1. Фрагменты фресок на старых частях стен диаконика Боголюбовского собора, раскрытых при раскопках 1938 года, находились под *нетронутом* пластом *чернозема* и *известковой* засыпки, то есть были при раскопках сохранены при их первоначальном режиме.

2. До снятия этого, прикрывавшего фрески пласта, выходы фресок прослеживаются по южной стенке диаконика и по южной поверхности алтарного простенка, верхний край фрагментов показывает, что штукатурка отслоилась от белокаменной кладки стены и отклонена от нее мелкими кусочками земли и известки, самая штукатурка истрескалась и красочный слой на ней почти не держится. В лучшем состоянии фрагмент на северной стороне алтарного простенка и на правом плечике апсиды диаконика.

3. По тщательной расчистке на южной стенке диаконика обнаружен крайне ветхий фрагмент росписи орнаментального характера по белому фону полотнища светло-зеленые складки и светло-охровый орнамент – сердцеобразная фигура *острjem* *вверх* с *лепестками* на *внешнюю* сторону, с *аканфовым* листом *внутри*. Фресковая поверхность не выдерживает ни прочитки флейсом¹³, ни продувания, наклеенная на рыбьем клею *марла* *отслаивает* краску и не держится. Фрагмент сохранить не удалось, также *разрушены* *небольшие* фрагменты росписи справа от описанной, подобного же характера.

4. В подобном же состоянии оказались фрагменты в правой части алтарного простенка, представлявшие слабые следы краски (зеленые линии, следы *желтой охры*), закрепить их не было возможности.

5. Сняты со стен на марлю фрагменты росписи с левой части южной стены алтарного простенка и с его торцевой части. Фрагменты узора из *коричневой* рамки на *правом* плечике апсиды диаконика. На месте оставлен фрагмент фрески на северной поверхности простенка диаконика. Снят на марлю фрагмент фрески около вола на южной стенке диаконика (около открытого в полу горшка XII в.)

Реставратор ГТГ (Цыган)

Руководитель археол. работ ВАРХ

Сотрудник АН СССР (Воронин)

Сотрудник археолог. работ (Григорьев)

(Печать Владимирского краеведческого музея)

Копия верна, подлинник находится

в делах музея

Бухгалтер Герасимова

ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524. Воронин Н.Н. Дневники, отчеты и рисунки чертежей раскопок в Боголюбове 1938 г. На 121 листе (машинистка), Л. 95.

А К Т

г. Владимир. 1937 года, августа 18-го дня.

По заданию Владимирского Музея Экспедицией Гос. Третьяковской Галереи для укрепления фресок Андрея Рублева в б. Успенском соборе были осмотрены с целью установления наличия древних фресок бывшая церковь Покрова на Нерли и Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбове.

Покров на Нерли. – Под слоем масляной краски местами сохранился тонкий слой штукатурки, покрытый красным тоном. Местами, где означенная штукатурка опала, нанесена более новая штукатурка, покрытая по красному тону белыми полосами в виде окантовок. Не лишено возможности, что упомянутые фрагменты штукатурки, окрашенные в красный тон, являются остатками древнего внутреннего оформления. При удалении масляного слоя означенные фрагменты желательно все же сохранить.

Палаты Андрея Боголюбского. – Штукатурка палат, судя по ее виду, принадлежит позднему времени. На изображении Леонтия штукатурка дала отпущину. Прорезанный тут вырез в штукатурке не обнаружил более древнего слоя. На северной стене палаты, прилегающей к собору, была произведена проба вскрытая под записью XIX века еще два слоя росписей, причем последние две записи меняли первоначальный рисунок (под одеждами двух записей обнаружены пальцы). Однако роспись на месте пробы не старше, надо думать, XVIII века (судя по рисунку и по цветам)¹⁴.

На западной стене той же палаты в композиции перенесения тела кн. Андрея в церковь под записью XIX века обнаружена шпаклевка, под которой найден красно-коричневый тон, могущий быть древним. В таком случае в данном месте возможно наличие фрагмента древней штукатурки. Ввиду того что современные росписи палат могут повторять сюжетку древних росписей, их следует сохранить.

¹³ Флейс (правильнее – флейц) – широкая плоская мягкая кисть, употребляемая в живописи и в малярном деле (толковый словарь Д.Н. Ушакова).

¹⁴ Известно о росписи «палат» в 1764 и 1891 гг., причем в последнем случае художникам были предложены в качестве образца незадолго перед тем возобновленные фрески Успенского собора во Владимире. «Прилегающая к собору» палата – помещение перехода.

На лестнице под побелкой, местами, и, по-видимому, на фрагментах стеной штукатурки, обнаружен зеленый тон, могущий быть древним. В арке под палатой, прилегающей к собору, заложеной кирпичом в XVII веке, имеется тонкий слой штукатурки со следами древней росписи (надо думать орнамент). При удалении кирпича XVII века следует *принять меры к сохранению этого штукатурного слоя.*

ПОДПИСИ (Оласуфьев)
(Баранов)
(Цыган)

ОР ГТГ. Ф. 8.XII. Д. 395. Акт состояния сохранности фресок б. и. Покрова на Нерли и Палаты Андрея Боголюбского в Боголюбове (машинотпись). Л. 1-1 об.

ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 524.

НА НИМК РАН, РА. Ф. Р-1. 1860 г. Д. 13; Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 161; Ф. 2. Оп. 1. 1935 г. Д. 121; Д. 122; Ф. 2. Оп. 1. 1937 г. Д. 155; Ф. 35. Оп. 1. 1938 г. Д. 29; Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 55.

- Аристарх, 1878. – Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767-1769 годах // ЧОИДР. М. Кн. 1.
- Бозусевич В.А., Холостенко Н.В., 1952. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. // КСИА АН УССР. Киев. Вып. 1.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. М. Т. 1.
- Воронин Н.Н., 1967. Владимир, Боголюбове, Суздаль, Юрьев-Польской: Книга-спутник по древним городам Владимирской земли. Изд. 3-е, перераб. М.
- Гуревич Ф.Д., 1964. Дом боярина XII в. в древнерусском Новгороде // КСИА. М. Вып. 94.
- Стегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX-XIII вв. Л.
- Филатов В.В., 1972. Художественно-технологические особенности росписи Дмитриевского собора во Владимире // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М.
- Цейтлина М.М., Некрасов А.П., Бальгина Л.П., 1989. Исследование фрагментов стеной живописи церкви Покрова на Нерли // Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры: обзорная информация. М. Вып. 4.
- Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Ch., 1978. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Vol. I. Manuscripts of New Testament Texts 10th-12th century. Athens.

К вопросу об организации плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси в конце XII – первой четверти XIII века

А.В. Жервз¹

К плинфяному строительству Северо-Восточной Руси XII-XIII вв. Н.Н. Воронин возвращался на протяжении многих лет изучения древнерусского зодчества. Из-за отсутствия материалов ученый лишь обозначил эту тему в своих исследованиях. Более подробно ее рассмотрел О.М. Иоаннисян, который отнес начало плинфяного строительства в столице княжества – Владимире – к 1194 г. и предположил, что в 1210-х годах в Ярославле оно было продолжено «мастерами из артели князя Рюрика Ростиславича». По мнению исследователя, артель мог возглавлять зодчий Петр Милонег, строивший в Киеве, Чернигове, Новгороде-Северском и Путивле (Воронин, 1962. С. 15-18, 55-67; Иоаннисян, 1985. С. 51; 1997. С. 21-37). Археологические данные, полученные в течение последних 10 лет,

позволили переосмыслить ранее известные факты.

Особенностью изучения плинфяного строительства князя Всеволода III, как и его старшего сына Константина, является практически полное отсутствие сохранившихся памятников (Жервз, 2003. С. 111-124). При рассмотрении строительных традиций данная особенность позволяет перенести основной акцент с характеристики архитектуры на анализ строительных материалов, там где это возможно, привлекая сведения письменных источников и данные археологии. В статье мы рассматриваем вопрос о преемственности между строительной деятельностью Всеволода III и его сыновей, пытаемся составить представление об организации строительных работ и обсудить вопрос о возможности или невозможности выделения плинфяного зодчества Северо-Восточной Руси в самостоятельную традицию. Особенно важно также

¹ Россия. 199034. Санкт-Петербург. Петропавловская крепость, 3. Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

определить место этого явления в истории древнерусской архитектуры конца XII – первой трети XIII в.

В процессе изучения плинфяного зодчества Всеволода III нами были выявлены несколько строительных импульсов. Первый, самый ранний импульс, следы которого прослежены в Дмитриевском (конец 1180-х – ок. 1191 г.) и Рождественском (1191–1196 гг.) белокаменных соборах, связан со Смоленском, его строительной традицией и князем Рюриком Ростиславичем. Нам удалось уточнить время его появления в Северо-Восточной Руси. Опубликованный Н.Н. Ворониным «знак Рюриковичей» на ложке одной из плинф, найденных около Дмитриевского собора, имеет ближайшую аналогию в строительных материалах из церкви св. Василия на Смядльни (ок. 1191 г.), заказчиком которой был Рюрик Ростиславич. Единичный фрагмент подобной «смоленской» плинфы был обнаружен в фундаментах Рождественского собора и также может быть датирован временем около 1191 г., т.е. моментом закладки собора (Жервэ, 2003. С. 112. Рис. 1; 120). На сегодняшний день «смоленская» плинфа, относимая ко времени Всеволода III, в Северо-Восточной Руси более нигде не встречена, за исключением еще одного, не проверенного пока случая. По словам владимирского археолога В.П. Глазова, характерная тонкая плинфа была встречена в нижних частях Успенского собора Княгинина монастыря. Сведений о способе ее изготовления и возможных знаках нет. Подобная толщина плинфы может относиться как к «смоленской», так и к «черниговской» технологии формовки.

Появление «смоленской» плинфы на Северо-Востоке Руси в качестве нового строительного материала мы склонны связывать с родственными отношениями между этими княжескими домами. Дочь Всеволода III Верхуслava в 1189 г. была отдана за смоленского князя Ростислава Рюриковича, сына Рюрика Ростиславича (ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 407; ПСРЛ, 1989. Т. XXXVIII. С. 157)².

Следующий, южнорусский импульс, следы которого прослежены на двух владимирских памятниках конца XII – начала XIII в. – около церкви Ризоположения на Золотых воротах и в Успенском соборе Княгинина монастыря, связан уже с иной строительной традицией – черниговской.

Оговорюсь, что для памятников Северо-Восточной Руси данного периода применительно к технологии изготовления строительного материала – плинфы, мы используем термин «черниговская» вместо термина «киево-черниговская» тра-

диция, применяемого для характеристики архитектуры. На владимирских плинфах четко прослеживается черниговский след, но нигде не зафиксирован киевский, представленный, например, в материалах из церкви св. Василия в Овруче.

Весьма интересен фрагмент плинфы, обнаруженный в подсыпке древнего Козлова вала г. Владимира и, вероятно, относящийся к расположенной поблизости Ризоположенской церкви на Золотых воротах (1164 г.). Верхняя постель покрыта коричневой поливой с нанесенным поверх нее петлевидным рисунком белого цвета. Несмотря на то что технология изготовления этой плинфы неясна, толщина 6 см говорит в пользу не смоленской, а скорее, черниговской традиции. Использование плинфы в качестве плитки пола – весьма необычно. Ближайшие аналогии петлевидному узору встречаются на плитках из разведок И.Н. Воронина 1953 г. во Владимире, относимых ученым к Успенскому собору (1185–1189 гг. или позднее) и/или к надвратной церкви Иоакима и Анны (1196 г.), а также плитки из церкви св. Апостолов в Белгороде (1197 г.). Петлевидный узор на плинфе, вероятнее всего, может быть связан с мастерами-плиточниками, работавшими у свата Всеволода III – Рюрика Ростиславича, княжившего в то время в Белгороде, или его сына Ростислава Рюриковича. Именно княжеский знак последнего, как установил Е.Н. Торшина, был выбит на одном из камней в кладке Золотых ворот и в основании живописи над водосвятной чашей в Боголюбском замке (Жервэ, 2003. С. 120–122. Рис. 4, 5). Впрочем, князь Ростислав мог выступать в этих двух постройках и как вкладчик.

Наиболее интересным с точки зрения плинфяного строительства оказывается Успенский собор Княгинина монастыря (1200–1202 гг.). Плинфа, использованная в нем, имеет ярко выраженные черниговские черты: формовка, форматы, сортмент, метка на постели в виде трузбуца. В то же время вслед за И.Н. Ворониным мы придерживаемся мнения, что особенности устройства фундаментов, вероятно, боковые плоские апсиды и ряд других признаков, свидетельствуют об участии смоленских мастеров (Жервэ, 2003. С. 122. Рис. 2, 6, 7). Если наше предположение верно, то Успенский собор оказывается первым памятником, на котором две плинфяные строительные традиции – смоленская и черниговская – соединились. Каким образом это могло произойти? По мнению О.М. Иоаннисяна, такое соединение объясняется появлением

³ Благодарю Е.Н. Торшину за указание на подобные фундаменты у Михайловской церкви в Чернигове 1174 г. или, по версии В.П. Коваленко, рубеж XII–XIII вв., но, если наблюдение И.Н. Воронина о примыкающей кладке, уходящей под центральную апсиду, верно, то совокупность фундаментов и формы апсид мы по-прежнему считаем смоленской.

² «В лето 6697 (1189) Князь великий Всеволод отдал дочерю свою Верхуславу Белугороду за Рюриковича Ростислава месяца июля в 30 день».

мастеров из артели Рюрика Ростиславича, возглавляемой Петром Милонегом, в состав которой входили и смоленские мастера. Но как показал Е.Н. Торшин, в строительстве Рюрика Ростиславича до возведения церкви св. Параскевы-Пятницы в Чернигове (церкви св. Василия в Овруче, св. Апостолов в Белгороде, и на Вознесенском спуске в Киеве) отсутствуют черниговские черты (Торшин, 1999. С. 59). Помимо плинфы, при строительстве собора в качестве декора, вероятно, были использованы и белокаменные детали, найденные в слое разрушения XV в. Таким образом, при возведении Успенского собора нашли отражение черты трех строительных традиций. Наиболее вероятным нам представляется не приход готовой части артели от князя Рюрика, а сбор необходимой для строительства собора группы мастеров во Владимире усилиями князя Всеволода III или его приставника.

Что касается появления черниговской плинфы в постройках Владимира, то оно может объясняться и родственными отношениями княжеских домов Чернигова и Владимира. В 1187 г. князь Всеволод III отдал свою дочь, Всееславу за Ростислава Ярославича Черниговского, внука Всеволода Ольговича (ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 405)⁴.

После 1202 г. летописи не упоминают о строительстве Всеволода III до его кончины в 1212 г., за исключением 1207 г., когда во Владимире старший сын Всеволода Константин освящает каменную церковь Михаила на своем дворе (ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 433)⁵. Ее возведение, надо полагать, длилось несколько лет и, следовательно, было начато около 1204–1205 гг.

В 1983 г. в ходе прокладки коммуникаций на территории Княгинина монастыря была вскрыта прямоугольная в плане постройка из плинфы на известковом растворе, разделенная внутренней перегородкой на два помещения. О находке сообщил владимирский археолог В.П. Глазов, который датировал постройку домонгольским временем и связал ее с «дворцом Марии Шварновны» – жены Всеволода III, основательницы монастыря. На наш взгляд, раскрытое сооружение, предельно назовем его «палатой», может быть датировано более узко, временем между окончанием строительства собора и началом закладки церкви Михаила на княжеском дворе (1202–1204/05 гг.).

⁴ «Того же лета (6695–1187) Всеволод Юргевич Володимиръ влукъ Милонаховъ отдалъ дщерь свою Всееславу Чернигову за Ярославича Ростислава внука Всеволода Ольговича и ведена бысть месяца июля в 11 день на память святой мученицы Еоуфимьи.»

⁵ «Тое же зими осыати Костянтинъ, церковь святого Михаила на дворе своем месяца ноября в 25 день на память святого Климента юже бе сам создаль и украсилъ иконами: честными...».

Таким образом, по крайней мере на протяжении восьмидесяти лет – с 1200 по 1207 гг. – можно говорить о непрерывности плинфяного строительства во Владимире, связанного, вероятнее всего, с черниговской плинфотворительной традицией. И все же разрыв преемственности мастеров Всеволода III и Константина, вероятнее всего, произошел.

Время княжения Константина Всеволодовича Мудрого, как называют его В.Н. Татищев, а именно 10-е годы XIII столетия, – это расцвет церковного плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси. Лаврентьевская летопись, начиная с 1213 г., сообщает практически о ежегодных закладках храмов в городах, где правил Константин. 1213 г. – Успенский собор в Ростове; 1214 г. – Борисоглебская церковь в Ростове на княжеском дворе (завершена в 1218 г.); 1215 г. – Успенская церковь в Ярославле на княжеском дворе; 1216 г. – Спасский собор в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле (завершен в 1224 г.); 1218 г. – Крестовоздвиженская церковь на торгу во Владимире (завершена в тот же год); 1219 г. – «великое свещение» собора Рождественского монастыря (ПСРЛ, 1997. Т. I. С. 437–444). Шесть строительных мероприятий за 7 лет – это колоссальные темпы строительства и, следовательно, значительный приток строительных кадров!

В строительной деятельности старшего сына Всеволода III четко выделяются три этапа: ростовский (1214–1218 гг.), ярославский (1215–1216/17 гг.) и владимирский (1216/17–1219 гг.). Ростовский этап существует самостоятельно, а ярославский сменяется владимирским. Анализ строительного материала из большинства упомянутых построек привел нас к выводу о существовании нескольких групп мастеров-плинфотворителей, каждая из которых работала на своем объекте. В Ростове – это ярко выраженная смоленско-полоцкая традиция с небольшим процентом плинфы, сформированной в черниговской технике (Торшин, 1994. С. 183–187), в Ярославле и Владимире – черниговская (Яганов, Рузаева, 2005. см. Прилож. 1; Жервэ, 1999. С. 65–68). При этом материалы из Успенской церкви и Спасского собора в Ярославле отличаются друг от друга технологически: по формовке и сортанту лекальных кирпичей. В то же время прослежена полная корреляция между материалами из Спасского собора в Ярославле и Рождественского собора во Владимире. Две черниговские традиции совмещают в себе материалы из неизвестной постройки на территории Рождественского монастыря, обнаруженные в 2004 г. и датированные нами временем третьего владимирского этапа, т.е. 1216–1219 гг.

Картину строительства времени Константина можно реконструировать следующим образом. Для первых трех храмов в Ростове и Ярославле (до

1216 гг.) применялся свой тип строительного материала, т.е. на каждом из объектов работала самостоятельная группа мастеров-плинфотворителей. В 1216–1217 гг. прекращаются работы в Ярославле и начинается ремонт в Рождественском соборе Рождественского монастыря во Владимире, окончившийся «великим священием» собора в 1219 г. На двух памятниках (неизвестной постройке в Рождественском монастыре Владимира и Борисоглебской церкви в Ростове) прослеживается смешанный состав плинфоделов. Появление нескольких типов строительного материала на памятниках времени Константина относится нами ко второй половине 1210-х годов⁶.

Выход о нескольких группах плинфотворителей соотносится и с политической ситуацией в Северо-Восточной Руси 1210-х годов. Первые несколько лет после смерти Всеволода III Константин живет в своих северных вотчинах – Ростове и Ярославле, не являясь старейшим князем, хотя строительная инициатива и необходимые возможности полностью находятся в его руках. После Липецкой битвы 1216 г., когда Константин получает старейшинство и переезжает во Владимир, строительство ведется одновременно уже в трех центрах на трех-четыре стройплощадках – не прекращаясь на княжеских дворах и с продолжительным перерывом в Спасском монастыре Ярославля. С 1216 г. ведутся активные ремонтные работы и строительство во Владимире, куда приглашаются мастера-плинфодельцы обеих черниговских традиций из Ярославля. Вероятно, на завершающем этапе строительства (около 1217–1218 гг.) в Ростове также оказываются черниговские мастера, которые формируют плинфу в иной, отличной от смоленско-полоцкой, традиции. Во время княжения Константина в летописи отмечено окончание строительства лишь Борисоглебской церкви в Ростове. Остальные храмы либо не упомянуты в сохранившихся письменных источниках, либо достраивались при сыновьях Константина.

Вопрос о преемственности между строительной деятельностью Всеволода III и его сыновей неоднозначен. С одной стороны, продолжение белокаменного и плинфяного строительства Константином Всеволодовичем в технике и материалах, близких к строительству 1190–1200-х годов свидетельствует в пользу преемственности между мастерами, работавшими у Всеволода III, и мастерами,

строившими у Константина. Строго говоря, период с 1207 по 1213 г., т.е. 6 лет, мог бы быть заполнен двумя-тремя неизвестными каменными постройками и тем самым оказаться желаемым недостающим звеном в цепи. С другой стороны, есть обстоятельства, указывающие на некий новый виток строительства в Северо-Восточной Руси 1210-х годов. Во-первых, летошное молчание о каменном строительстве с 1202 по 1212 г. и дальнейший подробный перечень работ времени княжения Константина. Во-вторых, начало строительства в 1213 г. с закладки белокаменного собора, техника обработки квадров которого и белокаменная резьба сильно отличаются от приемов мастеров, работавших у Всеволода III (Иоаннисян и др., 1999, С. 258). Далее изготовление строительных материалов Борисоглебской церкви в Ростове (1214–1218 гг.) в смоленской или смоленско-полоцкой технологической традиции. Строительство этой церкви, в отличие от ярославских церквей, велось без применения белокаменных деталей. Все эти обстоятельства указывают, на наш взгляд, на новый, отличный от предыдущего, состав участников строительства и говорят не о преемственности традиции, а скорее, о ее разрыве.

В этой связи следует вернуться к вопросу о возможности или невозможности выделения плинфяного зодчества Северо-Восточной Руси в самостоятельную традицию. К сожалению, данных, для того чтобы говорить об архитектурных особенностях памятников, по-прежнему недостаточно, но если на данном этапе изучения рассматривать только один технологический аспект строительства, а именно – строительные материалы, то самостоятельной традиции в их изготовлении нет. Можно говорить лишь о местном варианте смоленской или черниговской традиции. Ситуация с плинфяным строительством Северо-Восточной Руси находит определенные параллели с зодчеством Рязанского княжества, но этот сюжет является темой отдельного исследования.

В заключение необходимо остановиться на гипотезе О.М. Иоаннисяна о происхождении архитектурной и строительной традиции плинфяного строительства Северо-Восточной Руси рубежа XII–XIII вв. По мнению исследователя, эту традицию следует связывать с деятельностью артели, принадлежавшей Рюрику Ростиславичу, во главе которой находился Петр Милонег. В 1190-е годы артель работала в Киеве и Киевской земле, возводя храмы в Овруче, Белгороде, Киеве. Затем мастера переместились в Чернигов и Новгород-Северский и там возвели Пятницкую церковь и Спасский собор. Далее ими строились храмы в Северо-Восточной Руси: комплекс построек в Спассо-Преображенском монастыре в Ярославле.

⁶ Появление второго (черниговского) типа плинфы в Борисоглебской церкви в Ростове мы относим к концу строительства, т.е. к 1217–1218 гг. Косвенно на это обстоятельство указывает общее небольшое количество «черниговской» плинфы по сравнению с первым (смоленско-полоцким) типом. Кроме того, впервые такой тип материала зафиксирован в Спасском соборе в Ярославле (1216 г.) и пока не встречен среди находок около Успенской церкви (1215 г.).

Как уже говорилось, данных для сопоставления архитектурной составляющей этой традиции с памятниками Северо-Восточной Руси пока недостаточно, а имеющиеся в наличии материалы требуют дополнительного археологического изучения. Кроме того, если учесть задержку в строительстве Спасского собора в Ярославле и его окончание в 1224 г., время бытования «артели Рюрика Ростиславича» следует датировать без малого тремя десятилетиями. В то же время состав артели для одновременного возведения нескольких построек, например в период княжения Константина, должен был насчитывать не один десяток человек.

Разрыв в традиции, явненность строительства, разница в технологии изготовления строительных материалов указывают на иную схему отношений между заказчиком и мастером(-ами), сформированную Вал. А. Булкиным (Булкин, 1998. С. 232–238). Для выполнения конкретных работ были созданы временные объединения, группы строителей, в составе которых находились мастера-плинфоделы из южнорусских земель и Смоленска или Полоцка, резчики по белому камню и ряд других. Наличие династических браков не противоречит этому предположению. Матримониальные отношения свидетельствуют, скорее, не о принадлежности «строительной артели» определенному владельцу, с последующей ее передачей родственникам во временное пользование, а о культурных, эстетических, технологических, функциональных и иных приоритетах, положенных в основу строительства.

Вероятно, исследование новых памятников этой эпохи: комплекса построек Успенского Княгинина монастыря, церкви Михаила Архангела и Воздвижения на Торгу во Владимире, доисследование Борисоглебского собора в Ростове, изучение Успенского собора в Ярославле поможет ответить на вопрос об архитектурном облике плинфяных храмов Северо-Восточной Руси.

Что касается попытки определения места плинфяного зодчества Северо-Восточной Руси в истории древнерусской архитектуры конца XII – первой трети XIII в., то для черниговского и смоленского зодчества этого периода значение обнару-

женных следов плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси, обладающих чертами этих строительных традиций, весьма велико, поскольку и лакува, имеющиеся в черниговском строительстве рубежа XII–XIII вв., и размытые датировки смоленских памятников этого времени, могут быть скорректированы за счет материалов точно датированных памятников Владимира, Ростова, Ярославля.

- Булкин Вал. А., 1998. «Приставник над делателями церковными» и организация каменного строительства в домонгольский период // История и культура древних и средневековых обществ: проблемы археологии. СПб. Вып. 4.
- Воронин Н.Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М. Т. II.
- Жерво А.В., 1999. Плинфа Рождественского собора во Владимире // Средневековая архитектура и монументальное искусство: (вторые Раппопортовские чтения). СПб.
- Жерво А.В., 2003. Плинфяное строительство князя Всеволода Большое Гнездо // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: (архитектурно-археологический семинар). СПб.
- Иоаннисян О.М., 1985. О киево-черниговской традиции в зодчестве Северо-Восточной Руси конца XII – начала XIII вв. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»; тез. докл. Чернигов.
- Иоаннисян О.М., 1997. Строительные артели Всеволода III и его наследников // Дмитриевский собор. М.
- Иоаннисян и др., 1999. – Иоаннисян О.М., Леонтьев А.Е., Зыков П.Л., Торишин Е.Н. Памятники древнерусского зодчества XII–XIII вв. в Ростове Великом // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 5.
- ПСРЛ, 1841. – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; М.; Л.
- Т. I: Лаврентьевская летопись, 4-е изд. М., 1997;
- Т. XXXVIII. Летописный свод 1947 г. М.; Л., 1989.
- Торишин Е.Н., 1994. К вопросу о производстве плинфы в Северо-Восточной Руси // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов.
- Торишин Е.Н., 1999. Церковь Параскевы-Пятницы в Чернигове и древнерусское зодчество рубежа XII–XIII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство: (вторые Раппопортовские чтения). СПб.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И., 2005. Архитектурно-археологические исследования ярославского Успенского собора в 2005 г. // Архив ИА РАН. Кн. 2, ч. 1.

Трехпрестольные храмы в новгородской архитектуре второй трети XII века

Л.Е. Бельский¹

В последние годы появился целый ряд публикаций, посвященных особенностям устройства алтарей древнерусских храмов. Изучение трехпрестольных новгородских церквей середины XII в. позволяет под иным ракурсом посмотреть на историю новгородской архитектурной школы в XII столетии.

В ходе раскопок В.Д. Белецкого 1965 г. в каждой из трех апсид церкви Дмитрия Солунского в Пскове были обнаружены престолы. В.Д. Белецкий также обнаружил в южной апсиде яму, которая была практически на всей площади компартамента за престолом. В публикации 1966 г. сообщается о том, что яма занимала собой всю площадь апсиды (Белецкий В., 1966. С. 15; *Pannonorm*, 1982. С. 80). По мнению археолога, яма являлась местом первоначального захоронения князя Всеволода-Гавриила Мстиславича, мощи которого, по свидетельству Стенной книги, были перенесены 27 ноября [1192 г.] из Дмитриевской церкви в Троицкий собор в связи с канонизацией князя (Белецкий В., 1966. С. 15; 1971. С. 277–278). В южных частях заполнения и на дне ямы были найдены 35 обломков богато орнаментированного глиняного сосуда: «Сосуд, очевидно, был специально изготовлен по случаю кончины князя и поставлен по существовавшему обычаю в могилу умершего» (Белецкий В., Белецкий С., 1979. С. 275–279).

В центральной апсиде располагался престолокочег (размер 100 × 100 см), сохранившийся на высоту 15–20 см. К престолу примыкала ступень (высота 22 см, ширина с востока, севера и юга 25 см, с запада – 15 см). Престол был сложен из плинфы и плитняка, ступень – только из плинфы. Фундамент престола (глубинной около 50 см) представлял собой обработанный известняк. Вероятно, престол был расписан (Чукова, 2004. С. 57). В центральной апсиде был обнаружен и сингрон с архиепископским тронном, рукава скамьи завершались посередине боковых стенок апсиды (Чукова, 2004. С. 92). Престол в южной апсиде был сложен из плинфы в сочетании с плитняком и сохранился на 5 рядов кладки в высоту; размер его 95 × 105 см, ориентация по линии север–юг; престол имел форму ковчега; фундамента у престола не было, основанием ему служила двухрядная кладка из крупных известняковых плит (Чукова, 2004. С. 57).

В.Д. Белецким установлено, что престол «однажды на короткое время разбирался до уровня пола и затем вновь был сложен из того же материала и в той же технике. Свидетельством проведенных работ осталась тонкая прослойка чернозема, прослеженная в кладке алтаря на уровне поверхности пола» (Белецкий В., 1966. С. 15; 1971. С. 277–278; *Pannonorm*, 1982. С. 80). Сам цемяночный пол в восточной заперестольной половине диаконика был снят по всей площади апсиды и после проведения работ вторично настилен уже из плитняка; собранные в строительном мусоре под полом в заперестольной части диаконика находки (в том числе предметы храмового убранства) датируются XII в. (Белецкий В., Белецкий С., 1979. С. 275–276). О существовании захоронения в южной апсиде говорит следующее обстоятельство. Пол в храме был цемяночным на песочной подсыпке, только в двух местах он был другим: «между северо-западным столбом и северной стеной храма и помещения диаконика, где вместо цемяночного пола лежала плитняная вымостка» (Белецкий В., 1966. С. 15). Под плитняной же вымосткой у северо-западного столба располагалась захоронения (Белецкий В., 1966. С. 15).

Престол в северной апсиде по типу и технике кладки (сохранились 3 ряда) был аналогичен главному престолу и престолу в южной апсиде (размер 80 × 90 см, ориентация по оси север–юг) (Чукова, 2004. С. 58). Линия алтарной преграды была выявлена лишь перед центральной апсидой: на линии западных сторон восточных столбов в цемяночном полу была прослежена узкая в 18 см шириной полоса с угольным заполнением, где не было цемяночной заливки (Чукова, 2004. С. 30).

В ходе археологических исследований Н.Е. Бранденбурга 1886–1887 гг. в Старой Ладогге в церкви на реке Волхове во всех трех апсидах были найдены конструкции алтаря. В центральной апсиде «на месте престола сохранились четыре вертикально врытых тонких столба из местной плиты, а в вершине абсиды горнее место, в виде каменного сидалища, отделенное по бокам вертикально вставленными плитами; по сторонам горнего места расположено сопрестолдие, в виде полукруглого каменного рундука, выведенного по окружности абсиды» (Бранденбург, 1896. С. 125. Примечание 3; *Бобринской*, 1891а. С. CLV). Высота столбов составляла около 110 см над уровнем древнего пола, квадратные в сечении столбы рас-

¹ Россия. 199034. Санкт-Петербург. Менделеевская линия, д. 5. СПбГУ. Исторический факультет.

полагались на равном (около 60 см) расстоянии друг от друга (Чукова, 2004. С. 56).

В дяковнике были обнаружены остатки отгораживающей южную абсиду от наоса стенки (Бобринской, 1891а. С. СЛIV; Бранденбург, 1892. С. 159; 1896. С. 125. Примечание 3; *Раппопорт*, 1982. С. 77), сложенной из плиты и кирпичца (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1: 1886. Д. 17. Л. 106). Стенка сохранилась на высоту около 0,5 м. «В стене по оси абсиды В-3 — проем (ширина около 1 м) с порогом (высота около 20 см)» (Чукова, 1991. С. 103). По периметру абсиды находился «род каменного плитяного приступка» (Бобринской, 1891а. С. СЛIV; Бранденбург, 1892. С. 159; 1896. С. 125. Примечание 3) (называемый В.В. Суловым «седалищем» — Сулов, 1888. С. 34) шириной 30–40 см, атрибутированный Т.А. Чуковой как, возможно, синтрон (Чукова, 1991. С. 103).

В северной абсиде был расположен «каменный жертвенник» (высота 87 см; размер 85 × 117 см; форма неясна — или ковчег, или блок; ориентирован по оси север-юг), с западной стороны которого располагалась каменная плита («подножие») размером 53 × 106 см. Восточнее жертвенника в северной абсиде открыт «род невысокого плитяного помоста» размером 62 × 117 см, ориентированный по оси север-юг (Чукова, 1991. С. 102–103; Бобринской, 1891а. С. СЛIV; Бранденбург, 1892. С. 159; 1896. С. 125. Примечание 3). На рисунке, сделанном академиком В.М. Максимовым 14 августа 1886 г., видно, что «помост» был такой же высоты или немного ниже престола в северной абсиде (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1: 1886. Д. 17. Л. 113; Бранденбург, 1896. С. 46, Рис. 2). Либо к престолу, либо к «помосту» относится сообщение В.В. Сулова, что «для него складывались особые каменные стеночки» (Сулов, 1888. С. 34). На опубликованном им плане церкви, составленном в 1887 г., изображена примыкающая к полукупроно абсиды конструкция из трех стенок (Сулов, 1888. Табл. IV. Чертеж 55). На чертеже В.В. Сулова в монографии Н.Е. Бранденбурга обозначена только контур престола, о котором В.В. Сулов пишет: «В Северной абсиде уцелела часть кладки (вероятно, основание жертвенника)» (Сулов, 1896. С. 319). Очевидно, в ходе раскопок престол в северной абсиде был разобран, так как на фотографии из дела Императорской Археологической комиссии видна плита перед престолом (подножие?), основание престола и за ним плитяная стенка (помост) (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1: 1886. Д. 17. Л. 107).

В восточном закрестье восточной лопатки северной стены церкви находился угольник (атрибутирован В.В. Суловым — Сулов, 1896. С. 319): «отгороженный из двух на ребре плит-же — род низкого четырехугольного ящичка, закрывавшегося сверху также плитой, обломком которой на нем

найден» (Бобринской, 1891а. С. СЛIV; Бранденбург, 1892. С. 159; 1896. С. 125. Примечание 3). Остатки соли и алтарной преграды не были обнаружены (Бобринской, 1891а. С. СЛIV; НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1: 1886. Д. 17. Л. 31 об., 75 об.).

В церкви на реке Ладозже в центральной абсиде «сохранился оштукатуренный кирпичный, с квадратной плитой наверху, престол и за ним в вершине абсиды горнее место, отделенное на абсидном рундуке двумя вертикально установленными плитями» (Бранденбург, 1896. С. 127. Примечание 4). Размер престола 85 × 107 см, ориентация по оси север-юг (Чукова, 2004. С. 56–57). Также были обнаружены кирпичная стенка, отгораживающая северную абсиду, и стенка из каменных плит, отделяющая южную абсиду от наоса храма (Бобринской, 1891б. С. СХСII; Бранденбург, 1896. С. 127. Примечание 4).

Такой же, как и в церкви на реке Волхове, прямоугольный ящик — угольник обозначен в северо-западном углу северной абсиды на плане церкви, составленном Н.Е. Бранденбургом в 1887 г. (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1: 1886. Д. 17. Л. 104). В жертвеннике за стенкой были встречены горшечные черепки и остатки углей (Бобринской, 1891б. С. СХСII; Бранденбург, 1892. С. 164; 1896. С. 128. Примечание 4).

Незначительные остатки плитняного престола в центральной абсиде церкви Георгия в Старой Ладозе позволили тем не менее С.В. Лалазарову реконструировать его размер (82 × 102 см), предположив его ориентацию по оси север. За престолом, на его оси, располагался запрестольный крест (Лалазаров, 2002б. С. 106, 107). В ходе раскопок 1893 г. В.В. Суловым были выявлены в центральной абсиде древний пол, а также престол XVII в. и примыкающее к стене абсиды «каменное сиденье» (Сулов, 1896. С. 315), до наших дней не сохранившееся, предположительно XVII в. (Сарабянов, 2002а. С. 19, 25, 43). Возможно, что В.В. Сулов обнаружил древнее горнее место XII в.

В ходе реставрации церкви Георгия в Старой Ладозе 1952–1962 гг. под руководством А.А. Драги были обнаружены «ритуальные столы» в южной и северной абсидах (Лалазаров, 2002а. С. 88). «Эти столы, выполненные в плане в виде сегментов и прижатые к восточным стенам абсид... Верхние части столов не сохранились. Внутри стола в жертвеннике расположена прямоугольная ниша — ковчег, выходящая узким устьем на его вертикальную западную стенку. Эта ниша в ритуальном столе жертвенника неоднократно ремонтировалась, что говорит о ее постоянном использовании. С повышением уровня пола она была заложена кирпичом. В ритуальном столе в дяковнике такой ниши нет... Вертикальные грани столов были отполированы до блеска сразу же после их возведения. Яв-

дом со столами в наружных стенах находились внутренние ниши» (Лалазаров, 2002а. С. 107). Алтарная преграда ограждала пространство только центральной апсиды (Лалазаров, 2002а. С. 105–106).

Круг памятников Новгородской земли XII в. с престолом или иными конструкциями в боковых апсидах очерчивается четырьмя вышеописанными церквями. Их датировка спорная. О ктиторах храмов имеются либо противоречивые известия (как о церкви Дмитрия Солунского), либо (как во всех остальных случаях) не имеется никаких. Однако не связывают на первый взгляд между собой храмы обретают необходимую связь при поиске «утраченного звена». Как показали археологические исследования С.В. Лалазарова, первый этап строительства церкви Георгия можно отнести к деятельности новгородского архиепископа Нифонта. Первоначально храм мыслился крестообразным объемом с пониженными угловыми компартаментами, подобно церкви Климента папы Римского в Старой Ладоге и Спасо-Преображенскому собору Мирожского монастыря в Пскове. По мнению С.В. Лалазарова, Георгиевский храм был заложен после сооружения церкви Климента, предположительно в 1154–1155 гг. Смерть заказчика Климентовской и Спасо-Мирожской церквей, Нифонта, 21 апреля 1156 г. и послужила причиной, по которой церковь Георгия в своем первоначальном варианте не была возведена (Лалазаров, 2002а. С. 81–85; 2002б. С. 311).

Обратимся к прототипу церкви Георгия в неосуществленном первоначальном варианте. Церковь Климента в Старой Ладоге, заложенная Нифонтом в 1153 г., из-за крайне плохой археологической сохранности не может дать информации о каких-либо конструкциях в алтаре. Известно лишь, что уровень пола в южной апсиде не совпадал с уровнем пола в остальных помещениях (Царевская, 1999. С. 134. Примечание 89). Однако следует обратить внимание на сообщение Д.А. Сабанеева, что в районе южной апсиды церкви находились «известняковые плиты, поставленные стоймя и образовавшие по-видимому, четырехугольное помещение вроде гробницы; по исследованию почвы между этими плитами там найдено несколько мелких человеческих костей» (Сабанеев, 1886. С. 2, 4).

План церкви Климента, как давно отмечалось историками архитектуры, близок плану Спаского собора Мирожского монастыря. Алтарная часть этих зданий была решена одинаково и в плане, и в объемном отношении: южная и северная апсиды были выделены в обособленные компартименты, а также понижены в отношении к центральному крестообразному объему здания (Большаков, Раппопорт, 1985. С. 115; Булкин, 1986. С. 32).

Алтарная часть собора Мирожского монастыря изучена недостаточно. Известно, что алтарная преграда располагалась только перед центральной апсидой (Сарабянов, 2000. С. 324). В жертвеннике находился фресковый цикл деяний Иоанна Предтечи (сохранилось 9 сцен), в дяконике – архангела Михаила (сохранилось 7 сцен). В.Д. Сарабяновым выдвинута гипотеза о том, что выбор посвящения жертвенника Иоанну Предтече (тогда как в других новгородских храмах, где сохранились фрески, его житийный цикл располагается в южной апсиде) связан с желанием заказчика храма архиепископа Нифонта повторить топографию росписей Успенского собора Киево-Печерского монастыря, монахом которого он некогда был. где жертвенник был посвящен Иоанну Предтече (Сарабянов, 2002б. С. 30).

В.Д. Сарабянов обосновывает свою гипотезу сведениями Павла Алеппского: из книги путешественника, побывавшего в Киеве в 1654 г., известно посвящение северной апсиды Успенского собора Киево-Печерского монастыря Иоанну Предтече, так как в конхе апсиды находился «образ Иоанна Крестителя с двумя крыльями, ибо престол в честь него» (Павел Алеппский, 1897. С. 52).

В ходе раскопок Н.В. Холостенко 1962–1963 гг. в северной апсиде храма была обнаружена часть шиферной плиты, сколотой с восточной стороны, а также нижние части двух профилированных (с четвертями) шиферных столбиков, расположенных по сторонам плиты, которая в местах примыкания к ним имела специальные выемки (в более поздней статье археолог пишет об остатках четырех столбиков (Холостенко, 1972. С. 34; 1975. С. 129). Находки были интерпретированы Н.В. Холостенко как остатки конструкции жертвенника (Холостенко, 1967. С. 64; 1975. С. 129). К западу от шиферной плиты была найдена «выемка в виде полукруга, сделанная из древнего раствора (XI в.), сверху сильно закопченная. В середине ее заполненное углубление» (Холостенко, 1967. С. 64; 1975. С. 129). В это углубление был заделан разбитый в верхней части горшок, заполненный угольками (Холостенко, 1967. С. 64; 1975. С. 129) – он интерпретирован Т.А. Чуковой как угольщик (Чукова, 2004. С. 104).

Престол центральной апсиды собора «представлял собой конструкцию, состоящую из плиты, опирающейся на столбы» (Чукова, 2004. С. 48–49). О том, проходила ли алтарная преграда перед боковыми апсидами, неизвестно (Чукова, 2004. С. 19).

В южной апсиде Успенского собора в конце XVIII в. располагался придел архангела Михаила (Амаросий (Орнатский), 1810. С. 11; [Евгеней (Болховитинов)], 1847. С. 28; П.Л. [Евбединцев], 1894. С. 36–37). Вполне вероятно, что и южная

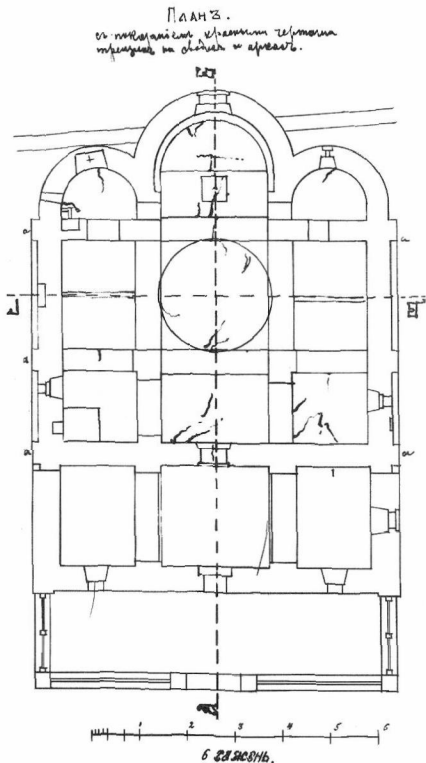

Рис. 1. План Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове, исполненный Г.И. Котовым и М.Т. Преображенским по итогам реставрационных работ 1888–1893 гг. в 1896 г. (НА ИИМК РАН, Ф.А. III 6841)

Fig. 1. Plan of Church of the Transfiguration of the Saviour in the Mirozhsky Monastery in Pskov, drawn by G.I. Kotov and M.T. Preobrazhenskiy in 1896 after the restoration works of 1888–1893

Н.Суслов

План Спасо-Преображенского собора

из Мирожского монастыря из города Пскова.

летоисч. 1893 г.

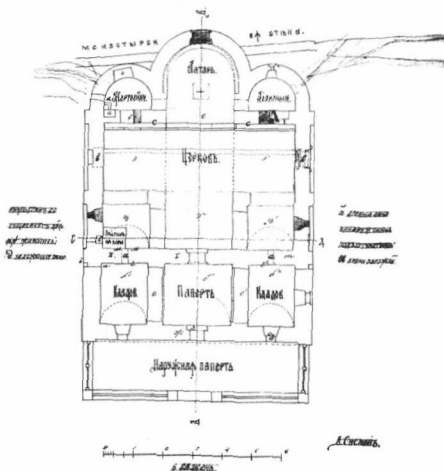
План 1го этажа

Рис. 2. План Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове, исполненный В.В. Суслевым по итогам реставрационных работ 1888–1893 гг. (НА ИИМК РАН. Ф.А. III 106777)

Fig. 2. Plan of Church of the Transfiguration of the Saviour in the Mirozhsky Monastery in Pskov, drawn by V.V. Suslov after the restoration works of 1888–1893

изучения проходов в северную и южную апсиды из наоса. Наличие такого редкого в домонгольское время устройства в Спасо-Мирожском соборе говорит о том, что храм связан с ладожскими храмами. Можно предположить, что архиепископ Нифонт действительно перенес в созданный им храм устройство алтаря Успенского собора в Киеве, а также посвящение боковых апсид. То же самое можно думать и в отношении церкви Климента в Старой Ладоге. В связи с вышесказанным можно предполагать участие Нифонта в постройке

церкви Дмитрия Солунского в Пскове. Церковь на р. Волхове, церковь на р. Ладожке и церковь Георгия в Старой Ладоге были построены уже после Нифонта (на это указывает иное посвящение боковых апсид в Георгиевском храме, расположение не престолов, а иных конструкций в боковых апсидах ладожских храмов), но все же вскоре после его смерти. В связи с этим вероятной становится гипотеза Е.В. Солениковой (Соленикова, 1994, С. 238) о возведении ладожских храмов преемником Нифонта епископом Аркадием.

Научный архив ИИМК РАН, РА:

- Ф. 1. 1886. Д. 17. — О раскопках г. Бранденбурга около Старой Ладого.
- Ф. 1. 1886. Д. 63^а. — О реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском Владимирского губ.
- Ф. 1. 1886. Д. 63^б. — О реставрации Спасского Мирожского собора в Пскове.

Научный архив ИИМК РАН, ФА:

Ш 6841; Ш 106777.

Аморосий (Орнатский), 1810. История Российской иерархии. М. Ч. II.

Белецкий В.Д., 1966. Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского 1144 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год. 10–12 мая 1966 г. Л.; М.

Белецкий В.Д., 1971. Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. М. № 2.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В., 1979. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138 г.) // СА. М. № 3.

Бобринской А., 1891а. Доклад о действиях Императорской Археологической комиссии за 1886 год // Отчет ИАК за 1882–1888 годы с атласом. СПб.

Бобринской А., 1891б. Доклад о действиях Императорской Археологической комиссии за 1887 год // Отчет ИАК за 1882–1888 годы с атласом. СПб.

[*Евгений (Болховитинов)*], 1847. Описание Киево-печерской лавры. Изд. 3-е. Киев.

Боляшкова Л.Н., Ратпопорт П.А., 1985. Раскопки церкви Климента в Старой Ладого // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Бранденбург Н.Е., 1892. Об археологических исследованиях в Старой Ладого в 1886–1887 гг. // Вестник археологии, издаваемый Археологическим институтом. СПб. Вып. VIII.

Бранденбург Н.Е., 1896. Старая Ладого: рисунки и техническое описание академика В.В. Суслова. СПб.

Булкин В.А., 1986. Социальный заказ и церковное строительство на Руси // Отечественное и зарубежное искусство XVIII века: основные проблемы: межвузовский сборник. Л. — (Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 3).

Добинин-Рождественская О.А., 1917. Култ в св. Михаила в латинском средневековье. V–VIII века. Пг.

Лазарев В.Н., 1960. Фрески Старой Ладого. М.

Лазарев С.В., 2002а. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь св. Георгия в Старой Ладого: история, архитектура, фрески. М.

Лазарев С.В., 2002б. Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладого // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.

П. [Лебединцев], 1894. Киево-Печерская Лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии. Изд. 2-е. Киев.

Мурьянов М.Ф., 1973. Этюды к нередицким фрескам // ВВ. М. Т. 34.

Павел Алеппский, 1897. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, состав-

ленное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М. Вып. 2. Кн. IV. Гл. XIV.

Прохоров В.А., 1871. Стенная иконостас (фрески) XII века в церкви св. Георгия в Рюриковой крепости в Старой Ладого // Христианские древности. СПб. Кн. 1–6.

Ратпопорт П.А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Л. *Сабанеев Д.А.*, 1886. Заметка о древней Климентьевской церкви близ Старой Ладого // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб. Т. I Н.С.

Сарабянов В.Д., 2000. Новгородская алтарная преграда домонгольского времени // Иконостас: Пронхождение — Развитие — Символика. М.

Сарабянов В.Д., 2002а. История церкви св. Георгия, ее изучение и реставрация // Церковь св. Георгия в Старой Ладого: история, архитектура, фрески. М.

Сарабянов В.Д., 2002б. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. М.

Сарабянов В.Д., 2002в. Иконографическая программа фресок Георгиевской церкви и система росписи древнерусских храмов середины второй половины века // Церковь св. Георгия в Старой Ладого: история, архитектура, фрески. М.

Соленикова Е.В., 1994. К вопросу о времени строительства домонгольских храмов Старой Ладого (в связи с проблемой заказчика) // Памятники средневековой культуры: открытия и версии (П.С.К.О.В.). СПб.

Сулов В.В., 1888. Материалы к истории древней Новгородско-Псковской архитектуры. СПб.

Сулов В.В., 1893. О Спасо-Преображенском соборе в Мирожском монастыре в г. Пскове // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М. Т. I. № 9/10.

Сулов В.В., 1896. Техническое описание архитектурных памятников Старой Ладого: (поиснительный текст к таблицам) // Бранденбург Н.Е. Старая Ладого: рисунки и техническое описание академика В.В. Суслова. СПб.

Сулов В.В., 1897. О Спасо-Преображенском соборе в Мирожском монастыре в г. Пскове // Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893. М. Т. II (Протоколы).

Суслова А.В., Славина Т.А., 1978. Владимир Сулов. Л.

Холостенко Н.В., 1967. Исследования руин Успенского собора Киево-Печерской Лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Древней Руси. Л.

Холостенко Н.В., 1972. Памятник XI в. — Собор Печерского монастыря // Строительство и архитектура. Киев. № 1.

Холостенко М.В., 1975. Успенский собор Печерского монастыря // Стародавний Київ. Київ.

Царевская Т.Ю., 1999. Фрески церкви Благовещения на Мячине («в Аркажах»). Новгород.

Чукова Т.А., 1991. Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X — первой трети XIII вв. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 496. СПб.

Чукова Т.А., 1994. К вопросу о функциях боковых апсид в древнерусском домонгольском зодчестве // Древний Псков: исследования средневекового города. СПб.

Чукова Т.А., 2004. Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в.: основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.

Актуальные проблемы археологии

Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века

М.Б. Рысив¹

Периодизация северокавказских памятников эпохи палеометалла А.А. Исесена была основана на эволюции ведущих типов металлических изделий. Для раннего бронзового века (далее РБВ) А.А. Исесен выделил два этапа – майкопский и нововосвободненский, а для среднего бронзового века (далее СБВ) – привольненский и костромской (Исесен, 1950). Каждый этап характеризуется набором изделий из металла – в основном орудий и оружия.

В настоящей работе, посвященной уточнению периодизации памятников Кавказа начала СБВ, в качестве базового материала мы предпочли использовать главным образом изделия из металла – в первую очередь оружие, а также орудия труда и различные украшения. Как известно, производство оружия во все времена было сферой применения передовых технологий. Эволюция орудий труда свидетельствует об эволюции производственной деятельности. Изменчивость же «моды» на различные украшения и символы отражает динамику изменения эстетических и идеологических запросов общества. Общественный прогресс в эту эпоху связан теснейшим образом с прогрессом в металлургии, развитие которой являлось стимулом к познанию окружающей среды, способствовало новым открытиям.

Учитывая тенденцию к постоянному совершенствованию металлических изделий, их образцы (особенно оружие) имеют особое значение при решении проблемы датировки и периодизации древних памятников. Следует также принимать во внимание

тот факт, что при различных контактах и связях древних народов заимствования происходили прежде всего в сфере металлопроизводства, в этом смысле его анализ помогает реконструировать многосторонние связи Кавказа, в первую очередь – со странами Древнего Востока, а также пути, ведущие на север в Предкавказье и далее – в степи.

Для уточнения периодизации и хронологии особенно ценны свидетельства кавказско-степных связей в сфере металлообработки, поскольку именно Кавказ на протяжении раннего и среднего бронзового века служил основным источником новаций для населения степной зоны. На первостепенное значение сопоставлений с кавказской шкалой памятников эпохи бронзы указывали все исследователи, занимавшиеся проблемами хронологии и периодизации культур эпохи бронзы степной зоны (Мерперт, 1974; Братченко, 1976; Васильев, 1979; 1980; Гей, 2000; Качалова, 1983; Кузнецов, 1991; Кишико А., 1996; 1999; Кишико В., 1974; Нечитайло, 1991; Смирнов, 1996 и др.).

Актуальность предложенной А.А. Исесеном периодизации обусловлена тем, что в эпоху раннего металла кавказский центр культурогенеза являлся лидирующим для степной зоны Юго-Восточной Европы, а связи с Кавказом играли важную роль в культурогенезе всего региона (Бочкарев, 1991). Однако за последние десятилетия получены новые данные, позволяющие дополнить схему А.А. Исесена еще одним этапом, предшествующим привольненскому. Подобное уточнение шкалы периодизации кавказских памятников стало возможно благодаря открытию в степном Предкавказье и Приазовье новотитаровских и раннекатакомбных (преддонецких) памятников, в которых найдены

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

металлические изделия, типологически предшествующие появлению форм привольненского этапа (представленных в составе эпонимногоклада).

Установлено, что ножи второго привольненского типа впервые появляются в степной зоне в погребениях развитого этапа донецкой катакомбной культуры (Смирнов, 1996; Кишко А., 1990); долотам привольненского типа (со свернутой втулкой) предшествуют долота со стержневым насадом, встречающиеся в позднейших, новотитаровских и раннекатакомбных погребениях, а до вислобушных привольненских топоров в постмайкопских памятниках начала СБВ бытовали архаичные колуновидные орудия, отлитые со стороны брющка, типов Московское и Сочи-Корца (Корневский, 1981). Таким образом, изделия привольненских типов маркируют не ранний этап, а, скорее, этап расцвета металлообработки СБВ на Северном Кавказе. Поэтому следует пересмотреть синхронизацию памятников степной зоны и Кавказа.

Приведем характеристику изделий начального, допривольненского этапа металлообработки СБВ. Проушные топоры отливались в составной глиняной литевой форме, открытой со стороны брющка. От майкопских колунообразных топоров РБВ эти орудия отличаются следующие признаки: выделение нижней стенки втулки, удлинение клина и лезвия, усиление краев обуха валиками ~ ребрами жесткости. Топоры, отливавшиеся в формах, найденных в новотитаровском погребении могильника Лебеди, отличаются от топоров раннего бронзового века только валиками вокруг краев втулки. Появление таких орудий мы связываем с влиянием Закавказья, где в куро-аракских памятниках РБВ найдены литевые формы и прототипы подобных топоров (Бадаани, Ленинкан, Шортепе). В Волго-Уральском регионе в начале СБВ, очевидно, под воздействием традиций кавказской металлообработки колунообразные майкопские топоры сменяются орудиями с выделенной нижней стенкой втулки. Орудия этого типа можно считать псевдо-вислобушными в отличие от настоящих вислобушных топоров, отливавшихся в форму со стороны спинки и принесенных на Северный Кавказ мигрантами из Закавказья в начале СБВ. Импортные вислобушные топоры сачхерского типа отличались удлиненной втулкой, сильным скосом ее верхнего края, узким в плане клином с усложненной профилировкой (Загли-Барзонд, Дзаурикау, Советское, Бамут, Ачхой-Мартан, Андреевская Долина, Эшери). Позднее на Северном Кавказе появляются местные модификации вислобушных топоров (Привольное, Фаскау).

Желобчатые долота со стержневым насадом отличаются от новосвободненских долот РБВ поперечным сечением корпуса (замена круглого сечения – прямоугольным, квадратным, овальным или

многогранным), а также желобком вдоль корпуса некоторых орудий (Андрюковская, Келермеская, Успенское, Первомайское, Александровск, Кулешовка). Удлиненный желобок вдоль корпуса представляет собой усадочную канавку, образовавшуюся при отливке орудия (Андрюковская, Воздвиженская², Успенское, Келермеская). При проковке в большинстве случаев усадочная канавка исчезала, как у новосвободненских долот с круглым в сечении корпусом. В Приазовье и степном Поднепренье в позднейших погребениях также найдены долота со стержневым насадом (как правило, без выделенного черенка, с прямо срезанным обушком), прямым лезвием и подквадратным сечением корпуса. Эти орудия можно сопоставить с подзестрипольскими долотами или стамесками с прямым лезвием без желобка на корпусе (сравни: Дергачев, Манзура, 1991; Черных Л., 1997; Бранченко, 1996). На р. Илек, в Приуралье (Пятилетка, курган № 5, погребение № 2) обнаружено подквадратное в сечении желобчатое долото с выделенным черенком на конце стержня. Такое долото можно отнести к продукции местной металлообработки позднейшей культуры, сложившейся под воздействием кавказского центра металлообработки. Учитывая хронологический разрыв между подзестрипольскими и позднейшими памятниками, следует искать иной источник происхождения стамесок и долот с прямым рабочим лезвием и подквадратным сечением корпуса. Прототипами для подобных орудий (как с выделенным черенком, так и без него) могли послужить передневосточные долота (из Малой Азии и Сирии), изготовлявшиеся в IV–III тысячелетиях до н.э. (Мунчаев, Мернепт, 1997; Müller-Karpe A., 1994).

Плоские тесла подтрапециевидной формы на раннем постмайкопском этапе СБВ встречаются как близкие по пропорциям к новосвободненским, так и более удлиненные, приближающиеся по пропорциям к привольненскому типу. Ранее, выделив тесла успенского этапа, мы предполагали, что разброс их параметров свидетельствует о постепенном удлинении их на протяжении успенского периода от новосвободненских проваряй к привольненским. Однако анализ закавказских тесел из посткуро-аракских памятников позволил увидеть ситуацию с эволюцией тесел в новом свете. Дело в том, что закавказские тесла из памятников культуры ранних курганов (Сачхери, Марткопи, Бедени) близки по пропорциям к привольненскому типу. Далее к югу, на западе Армянского нагорья такие

² Комплекс из Воздвиженской по ряду признаков (коллективное захоронение, топор-молот с лязновидным поперечным сечением, долото подквадратного сечения, с канавкой вдоль всего корпуса) отличается от новосвободненских погребений и сближается с постновосвободненскими памятниками.

Рис. 1. Инвентарь из разрушенного эпонимного погребения у с. Успенское на р. Кубань (Лонатиц, 1993)

1 – долото; 2 – крюк; 3 – шило; 4 – нож; 5 – топор; 6 – тесло; 7 – булава; 1-7 – бронза

Fig. 1. Grave goods from a disturbed type burial site near v. Uspenskoye on the Kuban River (Лонатиц, 1993)

1 – chisel; 2 – hook; 3 – awl; 4 – knife; 5 – axe; 6 – adze; 7 – pin. 1-7 – bronze

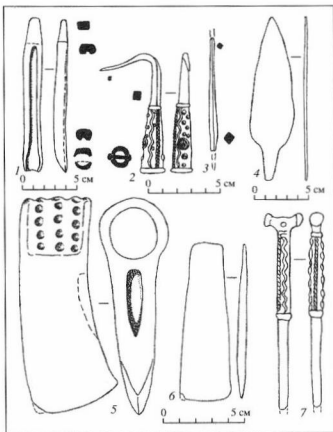
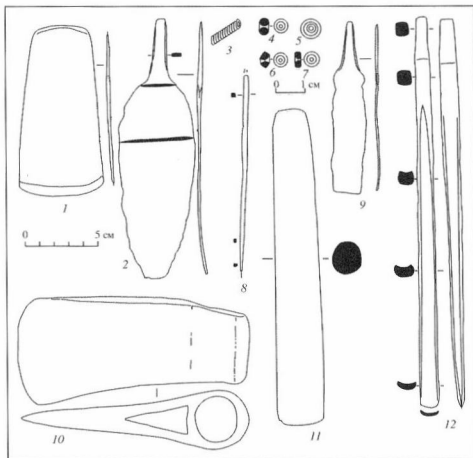

Рис. 2. Инвентарь погребения успенского этапа из ст. Андриковской (раскопки Н.И. Веселовского, 1996 г.)

1 – плоское тесло; 2 – нож; 3 – спиральная пронизка; 4-7 – бусины; 8 – фрагмент булавки; 9 – фрагмент ножа; 10 – проушной топор; 11 – «скипетр»; 12 – долото. 1, 2, 9, 10, 12 – бронза; 3 – золото; 4-6 – сердолик; 7 – горный хрусталь; 8 – серебро; 11 – камень

Fig. 2. Grave goods from a burial of the Uspensky phase from v. Andryukovskaya (excavations of N.I. Veselovskiy, 1996)

1 – flat adze; 2 – knife; 3 – spiral bead; 4-7 – beads; 8 – fragment of a pin; 9 – fragment of a knife; 10 – shaft-hole axe; 11 – «sceptre»; 12 – chisel. 1, 2, 9, 10, 12 – bronze; 3 – gold; 4-6 – cornelian; 7 – rock crystal; 8 – silver; 11 – stone

удлиненные тесла появляются еще в энеолите и бытуют в РБВ и СБВ. Поэтому мы предположили, что плоские тесла удлиненных «привольненских» пропорций попали сначала на Южный Кавказ, где сменили короткие орудия куро-араксской культуры (далее КУАК), а в начале среднего бронзового века распространились на Северный Кавказ и в Предкавказье, где сменили укороченные поство-вободненские тесла (Андрюковская, Тимашевск). При этом комплекс привольненского кла-да сформировался позднее, чем памятники с теслами близких пропорций и другими изделиями допривольненского типа (псевдовислобушными топорами, долотами со стержневым насадом и др.).

Ножи и кинжалы отличаются от новобод-ненских изделий РБВ удлиненным черенком, фор-мой клинка (листовидной, овальной, ромбовидной и пятиугольной), плоским сечением клинка. В этот период изготавливались также кинжалы с отлитой по восковой модели рукояткой, украшенной шну-ровым декором.

Топоры-молоты (металлические и каменные) отличаются от аналогичных орудий РБВ удлинен-ной обуховой частью. Бронзовые топоры-молоты, отлитые по восковой модели, украшены шну-ровым декором. Характерным признаком для метал-лических и каменных топоров-молотов начала СБВ является рельефный поясок из валиков и жел-обков на корпусе вокруг проушины (аналог реб-ра жесткости проушины топоров СБВ).

Крюки с раскованной и свернутой втулкой или отлитые по восковой модели отличаются от ново-вободненских крюков РБВ литым шнуровым ли-бо пуансонным декором, а от крюков привольнен-ского этапа – меньшими абсолютными размерами (на развитом этапе СБВ увеличивается размер «рабочей» части крюков – от изогнутого конца до начала втулки). Нам неизвестны находки крюков с раскованной втулкой на Переднем Востоке. Одна-ко типологически близкие изделия обнаружены в Иране, в Сузах (№ 1277–1281 по каталогу Ф. Тал-лон). Длина изделий 7, 10, 11 см. Длина рабочей ча-сти – 4–5 см. Крюки из Суз датируются от XXIII до XVIII в. до н.э. (Tallon, 1987. С. 294).

Так называемые шилья со стержневым насадом и корпусом подквадратного сечения слабо чувст-вительны к хронологическим изменениям. Все же отметим, что шилья с утолщением-упором на кор-пусе впервые появляются на допривольненском этапе СБВ, хотя продолжают бытовать и позднее, на развитом этапе СБВ.

Для начального этапа СБВ характерны также различные вотивные «булавики» – молоточковид-ные, роговидные, Т-видные (закавказского про-исхождения), а также другие амулеты-украшения; височные подвески, кованые нашинные бляхи, пронизки, стерженьковые подвески и т.п.

Характерные для раннего этапа СБВ типы изде-лий представлены в инвентаре погребения из кур-гана у с. Успенское (рис. 1) на левом берегу р. Кубань³ (Лопатин, 1993), поэтому мы предложили именовать выделенный нами начальный, допри-вольненский, этап металлообработки СБВ Север-ного Кавказа *успенским* (Рысин, 1996а; 1996б).

К началу успенского этапа мы относим прежде всего редкие погребения с яркими металлоносны-ми комплексами (Рысин, 1996а). Одно из Закубан-ья (рис. 2) – ст. Андрюковская⁴ (раскопки Н.И. Веселовского, 1896 г., курган № 6), три дру-гих расположены в Прикубанье – Первомайский, курган № 2, погребение № 2 (рис. 3)⁵, Лебеди I, кур-ган № 3, погребение № 10 (рис. 4) и Тимашевск, курган № 1, погребение № 30 (рис. 5)⁶. В Закубанье к памятникам начала успенского этапа относятся также погребения с долотами со стержневым насадом из Келермесской, из раскопок Ю.Ю. Пио-тровского в 1984 г. (Пиотровский, 1987). К успен-скому этапу мы относим комплекс из погребения кургана № 12 могильника Клады (раскопки А.Д. Резепкина в 1981 г.)⁷. Возможно, к началу успен-ского этапа относится комплекс из раскопок Н.И. Веселовского в ст. Воздвиженской. Все пере-численные памятники с изделиями успенского типа синхронны позднейшим и новотитаровским памятникам в степной зоне (до появления ранних катакомбных погребений), а на Северном Кавказе – так называемому «горизонту с триподами», выде-ленному Р.М. Мунчаевым (Мунчаев, 1986), постку-ро-араксским памятникам и ранним «северокав-казским» погребениям. А.В. Кияшко предложил выделить ранние погребения успенского этапа, предшествующие появлению донецкой катакомб-ной культуры в особый этап, названный им андрю-ковским (Кияшко А., 2002. С. 22–23. Рис. 28). Этот этап, по определению А.В. Кияшко, синхронен позднейшим и раннекатакомбным погребениям. Не возражая против разработки более подробной

³ *Изображение предметов в публикации* А.П. Лопатина до-полнено. Выражаю благодарность А.П. Лопатину за воз-можность ознакомиться с комплексом из Успенского в фон-дах Краеведческого музея г. Армавира.

⁴ Выражаю признательность Ю.Ю. Пиотровскому за воз-можность ознакомиться с комплексом из ст. Андрюковской в фондах Государственного Эрмитажа.

⁵ Изображения инвентаря из Отчета о раскопках, использо-ванные В.А. Трифионовым в публикации (Трифионов, 1991. Рис. 9, 4, 9, 11, 13), не точны. В частности камешный топор-молот был положен в могилу во втором использовании – поверхность скола была выровнена после поломки, а край обточен («снята фаска»). Выражаю благодарность И.В. Кам-инской за возможность ознакомиться с материалами в фондах Краеведческого музея г. Краснодара.

⁶ Каминский, 1993.

⁷ Выражаю благодарность А.Д. Резепкину за возможность ис-пользовать неопубликованные материалы из погребения кургана № 12 могильника Клады.

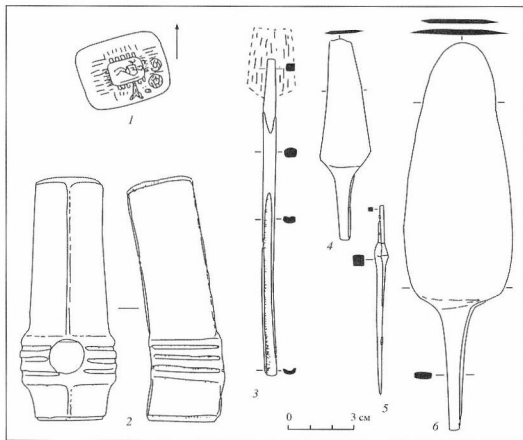

Рис. 3. Инвентарь погребения 2 успенского этапа из с. Первомайского, курган 2 (раскопки А.А. Нехаева, 1979 г.)

1 – план; 2 – орудие из фрагмента проушного топора; 3 – долото; 4, 6 – ножи; 5 – шило с упором. 2 – камень; 3–6 – бронза

Fig. 3. Grave goods from Burial 2 of the Uspensky phase, v. Pervomayskoye, Kurgan 2, (excavations of A.A. Nekhaev, 1979)

1 – plan; 2 – a tool made from a fragment of shaft-hole axe; 3 – chisel; 4, 6 – knives; 5 – awl with a rest. 2 – stone; 3–6 – bronze

периодизации, мы считаем преждевременным выделение дополнительного этапа кавказской металлообработки, до тех пор, пока не сформулированы ясные признаки, отличающие его от успенского этапа. Кроме того, мы полагаем, что принципиальное значение имеют «границы» начала успенского этапа⁸, – от финала новосвободненской культуры до периода «расцвета» так называемой северокавказской культуры (что соответствует горизонту сосудов на ножках и распространению изделий сачхерских типов на Центральном Кавказе). В степной зоне памятники начала успенского этапа соответствуют погребениям ямной и новотитаровской культур с ранними типами молоточковидных булав (в Поволжье – погребениям поздней ямной культуры и ранним погребениям полтавкнской культуры). Повторим, что все известные комплексы начала успенского этапа (Андрюковская, Первомайская, Келермесская, Лебеди, Тима-

шевск и др.) предшествуют появлению наиболее ранних катакомбных памятников в Приазовье и на нижнем Дону (то есть второму этапу по периодизации А.В. Кияшко). Объективная сложность синхронизации этапов периодизации начала СБВ Кавказа и степной зоны связана, на наш взгляд, с особенностью процесса культурогенеза на ранней стадии развития после культурной трансформации. В начале СБВ в Предкавказье еще не завершилось формирование родственной культурной среды, проникаемой для распространения различных новаций, еще не закончилась «кристаллизация» из «расплава» ямных племен, а также субстратных и закавказских племенных групп нового «северокавказского» населения. Характерные для кавказской металлообработки СБВ типы изделий, прежде всего амулеты-украшения, на этом этапе еще не распространялись в степную зону, что и затрудняет синхронизацию памятников начала успенского этапа с памятниками степной зоны. Оформление новой родствен-

⁸ Можно назвать этот этап успенский «А» или андюковский.

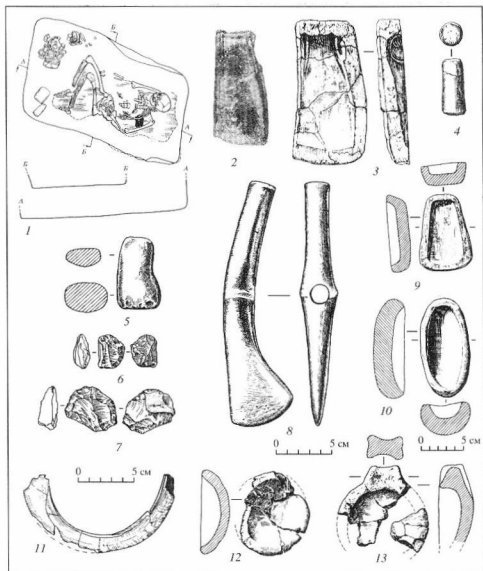

Рис. 4. Инвентарь погребения 10 успешского этапа из могильника Лебеди I, курган 3 (Feà, 2000)

1 – план и разрезы; 2 – гипсовая отливка проушины топора; 3 – створка литейной формы; 4 – сердечник для отливки проушины топора; 5 – каменное орудие; 6, 7 – кремневые орудия; 8 – каменный проушин топор; 9, 10 – литейные формы; 11 – клык кабана; 12 – льячка; 13 – тигель. 3, 4, 9, 10, 12, 13 – глина; 5, 8 – камень; 6, 7 – кремль

Fig. 4. Grave goods from the Burial 10 of the Uspensky phase from the cemetery of Lebedi I, Kurgan 3 (Feà, 2000)

1 – plan and sections; 2 – plaster cast of a shaft-hole axe; 3 – valve of a casting mould; 4 – core for casting an axe with a shaft-hole; 5 – stone tool; 6, 7 – flint tools; 8 – stone shaft-hole axe; 9, 10 – casting moulds; 11 – wild boar tusk; 12 – ladle for molten metal; 13 – crucible. 3, 4, 9, 10, 12, 13 – clay; 5, 8 – stone; 6, 7 – flint

ной и проницаемой культурной среды завершилось позднее, с появлением ранних катакомбных памятников.

Одна особенность погребений начала успешского этапа, связанная, на наш взгляд, с характером культурогенеза СБВ, – это отсутствие в их инвентаре керамических сосудов. Отсутствие сопровождающей покойного керамики тем более примечательно, что рассматриваемые погребения относятся к элитным, ранжированным, судя по обилию металлических изделий. Возможно, отсутствие керамики свидетельствует о появлении нового насе-

ления в долине Кубани и смене керамической традиции в начале СБВ?

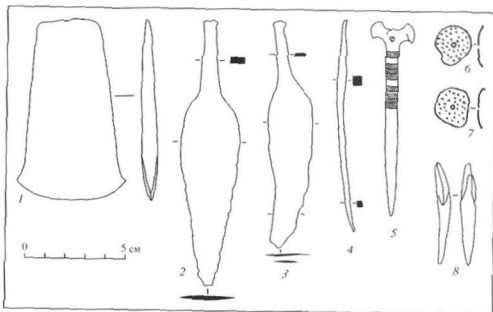
Примечательно, что погребения, рассматриваемые нами как основные при выделении успешского этапа, отличаются богатством сопровождающего инвентаря и большими трудовыми затратами на сооружение надмогильных насыпей. Специфика состава инвентаря таких погребений позволила нам применить по отношению к ним термин «погребения лидеров с производственным инвентарем». Здесь подчеркнуто отличие этих погребений от могил ремесленников (в которых отсутствуют

Рис. 5. Инвентарь погребения 30 успенского этапа из г. Тимашевск, курган 1 (Каминский, 1993)

1 – тесло; 2, 3 – ножи; 4 – шило; 5 – молоточковидная булавка; 6, 7 – слабовыпуклые булвы с пунсовым орнаментом; 8 – зуб животного. 1–4, 6, 7 – бронза; 5 – рог

Fig. 5. Grave goods from Burial 30 of the Uspensky phase from the city of Timashevsk, Kurgan 1 (Kaminskiy, 1993)

1 – adze; 2, 3 – knives; 4 – awl; 5 – hammer pin; 6, 7 – slightly convex mounts with punched pattern; 8 – animal tooth. 1–4, 6, 7 – bronze; 5 – horn

престижные изделия и оружие) и явные параллели с обрядом воздеских погребений предшествующей эпохи (Майкоп, Новосободная), сопровождающий инвентарь которых включал орудия труда и инструменты.

Выделив признаки орудий успенского этапа, мы задались вопросом об *источнике этих новаций*. Как было показано выше, перечисленные орудия демонстрируют явные отличия от изделий предшествующей новосободненской культуры РБВ (на уровне признаков, но не типов изделий), что и позволило нам вычлнить успенский этап. В результате сравнительно-типологического анализа нами установлено, что *прототипы всех новых изделий обнаруживаются на Южном Кавказе в памятниках позднего этапа КУАК, сачхерских курганах (проушной топор с валиками, псевдовислобушный топор успенского типа, Т-видные булавки) и в анатолийских центрах металлообработки РБВ (вислобушный топор, тесло вытянутых «привольненских» пропорций, долота с подквадратным и восьмигранным сечением корпуса, ножи, амулеты-украшения и т.п.)*. Все перечисленные новации были, вероятно, транслированы на Северный Кавказ закавказскими мигрантами, сыгравшими таким образом роль стимулятора культурной трансформации начала СБВ на Северном Кавказе⁹.

Здесь следует остановиться на одном заблуждении, повторяющемся в работах современных ис-

следователей, сопоставляющих кавказские и степные культуры (Гей, 2000; Кишико, 1999; 2002). Взгляд «из степной зоны» на Кавказ и распространение схемы А.А. Иессена на металлообработку Закавказья приводит к ошибочной синхронизации комплексов культур ранних курганов Южного Кавказа (алазано-беденских и сачхерских) с катакомбными памятниками и с привольненским этапом металлообработки Северного Кавказа (Гей, 2000. С. 205).

Выявление южного, анатолийского источника для ведущих типов металлических изделий СБВ позволило нам найти объяснение появлению новаций в металлообработке Кавказа. Здесь не работает схема эволюции типов металлических изделий, предложенная А.А. Иессеном для Закубья. Дело в том, что в Анатолии в период РБВ существовали практически все типы металлических орудий, которые в закавказских курганах и в комплексах Северного Кавказа впервые появились в начале СБВ (на успенском и привольненском этапах). Таким образом, вместо плавной эволюции в конце РБВ на Северном Кавказе происходит смена новосободненского ассортимента металлических изделий на закавказско-анатолийский. Этот процесс, по нашему мнению, составляет основу культурной трансформации финала РБВ на Северном Кавказе. На юге, в Закавказье, с распадом куроараксской общности, мастера ранних курганных культур также осваивают металлические изделия родственными им соседней по Армянскому нагорью. Следовательно, тесла из алазано-беденских курганов, близкие по размерам к привольненским, следует сопоставлять не с последними, но с малоазийскими удлиненными орудиями РБВ. Долота со стержневым насадом успенского этапа, как мы

⁹ Влияние южных центров шло через перевалы, поэтому не случайно памятники с закавказскими чертами, как РБВ так и начала СБВ, располагаются в верховьях рек у выходов перевальных троп (Псебайская, Андриковская; Загли Баронд).

упоминали выше, имели различное сечение корпуса и пропорции (в отличие от «стандартных» новосвободенских орудий). В алзано-беденских курганах обнаружены также же разнообразные долота; та же картина наблюдается и в «исходном районе», в памятниках Малой Азии. Выслобушные топоры сачхерского (марткопского) типа также были заимствованы из анатолийских мастерских, где они изготовлялись уже в первой половине III тысячелетия до н.э. О распространении на Северный Кавказ древневосточных кольцевидных амулетов и стерженьковых фаллических подвесок мы также уже упоминали (Рысин, 1997).

Таким образом, передовые древневосточные центры распространили на Южный Кавказ в ареал ранних курганных культур традиции своей металлообработки, перенесенные затем на Северный Кавказ и в Предкавказье закавказскими мигрантами. Кузнецы степной зоны, в частности ямной и новотитаровской культуры, не только не смогли привести заметные новации в кавказскую металлообработку СБВ, но, напротив, сами усваивали успешные типы изделий с Кавказа (Гей, 2000. С. 150–157. Рис. 46; 47). В частности к успешному этапу мы относим комплексы из могильников Лебеди I, курган № 3, погребение № 10 (конец первого этапа новотитаровской культуры, по А.Н. Гею) и Первомайский, курган № 2, погребение № 2 (погребение ямно-новотитаровского времени, по А.Н. Гею). Никому не приходит в голову связывать происхождение оригинального керамического комплекса беденской культуры со степями Приазовья и Прикубанья, напротив, в новотитаровской посуде явно заметно смешение черт степной ямной и кавказской традиций (например, упоминаемая А.Н. Геом минеральная примесь в тесте, черное лощение, использование петельчатых ручек, характерные формы и декор столовой посуды; Гей, 2000. Рис. 40, 15, 18–21; 42, 7–14; 43, 6–11; 44, 7–18). Как известно, передвижения стенок ямной культурной общности происходили в границах степной зоны, о чем пишет и А.Н. Гей. Поэтому трудно согласиться с его предположением о миграции группы новотитаровского населения через перевалы Главного Кавказа в долины Куры и Алазани, где они, по А.Н. Гею, могли основать династию правителей бедено-алзано-аланской культуры (Гей, 2000. С. 207–209). Кстати, в горах были бы бесполезны неповоротливые телеги-кибитки носителей новотитаровской культуры, тщательно и достоверно реконструированные А.Н. Геом (Гей, 2000. С. 175–191). Новотитаровские телеги заметно отличались от хорошо сохранившихся повозок из беденских погребений (сравни, например: Гей, 2000. Рис. 55; Мелитаури, 1970. С. 8–10; Лордкипанидзе, 1989. Рис. 51). У телеги из Бедени удалось проследить устройство для поворота передней оси, неиз-

вестное мастерам-повозочникам новотитаровской и древнеямной культур. На горных дорогах были необходимы двухколесные арбы, которые и использовались здешним населением уже в РБВ, судя по глиняной модели из куро-аракского слоя поселения Бадаани (Мирцхуава, 1981. С. 51, Таб. XXV, 1). Хорошо сохранившаяся одноосная арба найдена в элитном беденском погребении (Гобещишвили, 1980). В Закавказье обнаружены погребения, совершенные по ямному обряду (на спине, скорсению). Эти могилы встречены в Азербайджане (Ахундов, 2001) и в Грузии (Джанаридзе, 1998). Однако сколько-нибудь значительные влияния «северокавказцев», «ямников» и «катакомбников» на материальную культуру закавказских племен не зафиксированы; напротив, на Северном Кавказе известно уже немало памятников, оставленных переселенцами с юга («посткуро-аракскими», по терминологии В.Л. Ростунова), а их влияние на культуру и в первую очередь на металлообработку «северян» очевидно¹⁰. Переселению жителей Закавказья на север имело место логичное объяснение. Расширение скотоводческого сектора и сегментация общин в условиях малоземелья (еще на развитом этапе КУАК) приводили сначала к освоению высокогорных пастбищ (отгонное скотоводство), а затем и северных склонов Кавказа. При этом малочисленное местное население было, вероятно, ассимилировано пришельцами из Закавказья, а частично вытеснено на равнины Предкавказья, где оно контактировало с племенами ямной и новотитаровской культуры (петропавловская группа в Закубанье, по А.Н. Гею). Отмечается несколько волн распространения кавказского населения и кавказских технологических новаций в степную зону.

Касаясь металлообработки успешного этапа, следует указать прежде всего на набор металлических изделий, находимых в археологических комплексах этого времени. Это топоры, копыя, кинжалы, теса, долота, так называемые бритвы, булавки и различные украшения. Попытаемся перечислить типы артефактов рассмотреть с точки зрения поставленных вначале задач (выделения комплексов начала СБВ и поиска истоков новаций металлообработки).

Бронзовые топоры имели полифункциональное значение, использовались и как орудия и в

¹⁰ Закавказское культурное влияние фиксируется не только на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, но и на поселениях дольменной культуры в Закубанье: формы для отливки выслобушных топоров, обломки очажных подставок, фрагменты чернолощеной керамики со светлой «водлякдой», сосуды с пластинчатыми ручками и ручками-выступами, конусовидные пряслица, глиняные модели колес и т.п. (Рысин, 1992; 1997; Марковин, 1997).

качестве оружия. Для проушных топоров известен типологический ряд, в котором на раннем этапе (ранний этап КУАК, майкопское время) бытовали **клиновидные орудия трапециевидной формы**. Позднее для повышения надежности крепления топора к рукоятке, что было в первую очередь связано с учащением практики боевого применения орудий, края втулки опускаются (вислообушность) либо топор снабжается трубчатой втулкой. При совершенствовании специализированных боевых топоров клин становится уже и длиннее (для увеличения силы наносимого удара), а угол скола лезвия увеличивается. Края втулки снабжаются выступами-валиками, повышавшими ее прочность (прогрессивное усовершенствование). Валики на втулках проушных топоров (как и вислообушность) можно считать признаком, маркирующим орудия среднего бронзового века.

Появление **вислообушных и трубчатобушных боевых топоров** на Древнем Востоке было впервые зафиксировано в памятниках Шумера раннединастического периода. К северу от Шумера, в Северной Месопотамии и в Сирии, подобное оружие распространилось в аккадский период (вторая половина III тысячелетия до н.э.). Известно, что в вооружении войска аккадского правителя Саргона, в отличие от войска правителей **раннединастического времени**, состоящего из ополченцев, существенную роль играл боевой топор (История Древнего Востока, 1983, С. 235–236). Это могло послужить толчком к освоению подобного оружия в широком ареале, охватившем и Кавказ, в частности поэтому **Б.А. Кухтин** полагал, что вислообушные и трубчатобушные топоры (сачхерский тип) являлись местной творческой переработкой передневожостных образцов аккадского времени. Однако в последние десятилетия было установлено, что на западе Армянского нагорья вислообушные топоры изготавливались еще раньше – уже со второй четверти III тысячелетия до н.э. На основании новейших данных, полученных из памятников Армянского нагорья, мы можем реконструировать процесс эволюции втульчатых топоров следующим образом: в эпоху РВВ (вторая четверть III тысячелетия до н.э.) в Закавказье появляются **вислообушные топоры сачхерского или марткопского типа** (Сачхери, Бадаани, Марткопи, курган № 4; *Djaparidze*, 1993; *Джанаридзе*, 1998; 2003). Исходной формой для этих орудий могли послужить орудия, изготавливавшиеся на западе Армянского нагорья, в частности в мастерских Норшунтепе и Арслантепе, где в слоях раннего бронзового века найдены матрицы для их отливки (*Müller-Karpe A.*, 1994. Таф. 42; *Haftmann*, 2000, P. 430). Такие вислообушные топоры отличались в каменных формах через литник со стороны спинки. Сачхерские топоры сближает с переднево-

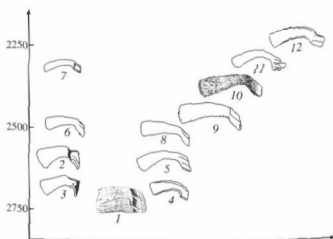

Рис. 6. Вислообушные топоры сачхерского варианта на Кавказе, Армянском нагорье и в Иране

1 – Норшунтепе, слой 18; 2, 3 – Луристан; 4 – Марткопи, курган № 4; 5 – пос. Бадаани; 6 – Сачхери; 7 – Эшери, дольмен № 4; 8 – Загли-Барзанд; 9 – Ачхой-Мартан; 10 – Андreyevskaya Dolina; 11 – Sovetskoye; 12 – Привольненский клад

Fig. 6. Axes with outturned butt of the Sachkheri type from the Caucasus, Armenian Plateau and Iran

1 – Norshuntepe, layer 18; 2, 3 – Luristan; 4 – Martkopi, Barrow N 4; 5 – v. Badaani; 6 – Sachkheri; 7 – Esheri, dolmen N 4; 8 – Zagli-Barzand; 9 – Achkhoy-Martan; 10 – Andreyevskaya Dolina; 11 – Sovetskoye; 12 – Privolnensky hoard

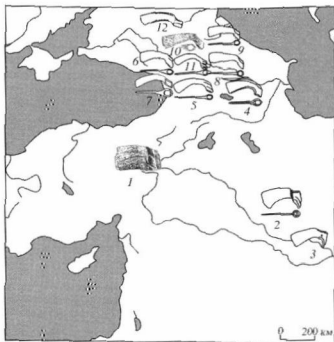

Рис. 7. Распространение вислообушных топоров сачхерского варианта

Fig. 7. Distribution of axes with outturned butt of the Sachkheri variant

сточными экземплярами (Арслантепе, Норшунтепе, Тиль Барсиб, Тепе Гавра, Амул, Луристан) наличие литых валиков на их втулках (рис. 6; 7). В Сузах топоры со свисающим обухом и узким в

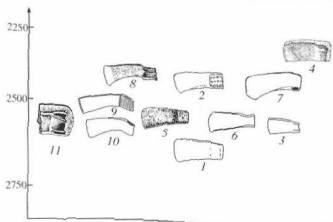

Рис. 8. Псевдоислобушующие топоры успенского варианта на Кавказе и в Предкавказье

1 – Андрыковская; 2 – Успенское; 3 – Лебеди; 4 – Пришиб; 5 – Загли-Барзонд; 6 – Великент, катакомб № 4; 7 – Бичкин-Булак; 8 – Хуап, дольмен; 9 – пос. Бадаани; 10 – Лениакан; 11 – пос. Шортене

Fig. 8. Pseudo-outturned-but axes of the Uspensky variant in the Caucasus and Ciscaucasia

1 – Andryukovskaya; 2 – Uspenskoye; 3 – Lebedi; 4 – Prishib; 5 – Zagli-Barzond; 6 – Velikent, catacomb N 4; 7 – Bichkin-Bulak; 8 – Khuap, dolmen; 9 – v. Badaani; 10 – Leninakan; 11 – v. Shortene

сечения изогнутым клином, отлитые в форму со стороны спинки, найдены также уже в слоях периода РД II (тип С Зс, № 69, 70, по каталогу Ф. Таллон; Tallon, 1987, P. 93).

В это же время в Закавказье в результате усовершенствования местных форм клиновидных

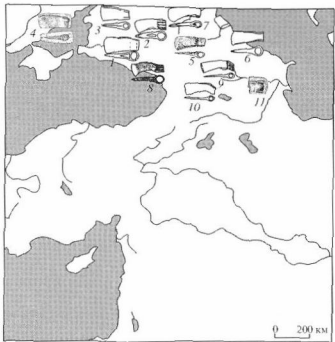

Рис. 9. Распространение псевдоислобушующих топоров успенского варианта

Fig. 9. Distribution of pseudo-outturned-but axes of the Uspensky variant

топоров КУАК появились **топоры с намечающейся вислобушующей**, отлитые в формах со стороны бруска, подобно топорам успенского типа на Северном Кавказе (Меджвирхсви, Брэдзор, Эчмиадзин, Лецинакан – Куцарева, Чубиншвили, 1970. Рис. 4–6; Геворкян, Петросян, 1979. Рис. 1, 2; Picchelaurl, 1997. Табл. 4, 30–33). Топоры с намеченной вислобушующей (или псевдовислобушующей) обнаружены также в поздних памятниках КУАК (поселение Тианети), в Приреравском кладе (Мартirosян, Мнацаканян, 1973), в Эшерском дольмене № 5, дольмене в с. Хуап и в могильниках Сачхери (Picchelaurl, 1997. Табл. 4, 5, 7–9). Изготовители таких топоров на Южном Кавказе заимствуют от сачхерских изделий узкий в плане клин (рис. 8; 9).

Вариацией вислобушующих орудий с удлиненной втулкой и коротким расширенным к лезвию клином являются **орудия беденского типа** (Бедени, Надарбазви, курган № 2, Квемо-Сарали, курган № 9; Тетри-Ццаро, Марткопи, курганы № 3, 5, Сачхери, Хындырстан) (рис. 10; 11).

Оружие сачхерского типа распространялось через перевалы на север (Загли-Барзонд, Дзаурикау, Советское, Ачхой-Мартан, Бамут, Мватлы); проникали на север и топоры беденского типа (Гатын-Кале). Под воздействием южных, закавказских центров металлообработки усовершенствуются местные северокавказские типы проушных топоров, в частности осваивается способ литья орудий в форму со стороны спинки (Корневский, 1981).

На Армянском нагорье вислобушующие топоры найдены на поселениях Караз (вместе с булавкой toggl pin – Koşay, Turfan, 1959) и Норшунтепе в слоях, содержащих керамику кирбет-керакского типа (поздний период КУАК). На поселении Норшунтепе (слой 19 – РБВ II В – 2800–2400 лет до н.э.; слой 8 – РБВ III – 2600–2450 лет до н.э.) найдены двухстворчатые литейные формы для изготовления подобных изделий (Haunrtmann, 1972. Taf. 26, 10; 2000. P. 430; Mellink, 1975. Pl. 39. Fig. 8). Обломок формы для отливки вислобушующего топора найден и в беденском слое поселения Нацаргора (Махарадзе, 1994. С. 78. Табл. LX, 12).

Таким образом, сравнительный анализ этих типов оружия указывает на вероятность их проникновения на Кавказ из региона, расположенного южнее, начиная с раннединастического времени (2800/2700–2600 лет до н.э.).

Плоские топоры с боковыми выступами. Эти изделия в период КУАК на Кавказе ни разу не встречены. Однако литейная форма для отливки такого орудия обнаружена в нижнем культурном слое (слой С1) поселения Квацхела (Джавахишвили, Глонти, 1962. Табл. IV, 289), следовательно,

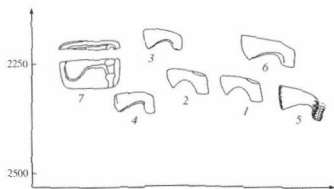

Рис. 10. Вислообушнные топоры беденского варианта на Кавказе

1 – Бедени, курган № 5; 2 – Шулавери; 3 – Марткопи, курган № 3; 4 – Марткопи, курган № 5; 5 – Хындрыстан; 6 – Гатын-Кале, погребение 31; 7 – пос. Пшвери

Fig. 10. Outturned-but axes of the Bedeni variant in the Caucasus
1 – Bedeni, kurgan N 5; 2 – Shulaveri; 3 – Martkopi, kurgan N 3; 4 – Martkopi, kurgan N 5; 5 – Hyndrystan; 6 – Gatin-Kale, burial 31; 7 – v. Pichiori

они производились здесь же, на месте. Изделия этого типа недавно были изучены немецким археологом А. Вессе (Wesse, 1990). Автор выделил три основные разновидности бронзовых топоров с выступами, установил их хронологию и ареал. Исходя из его классификации, орудия, отлитые в литейной форме из Квацхели, относятся к типу ША 1 (Wesse, 1990. P. 36). Топоры этого типа были распространены от Палестины до Центральной

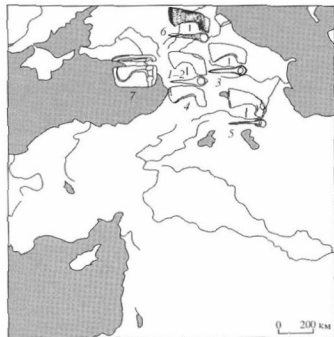

Рис. 11. Распространение вислообушнных топоров беденского варианта

Fig. 11. Distribution of outturned-but axes of the Bedeni variant

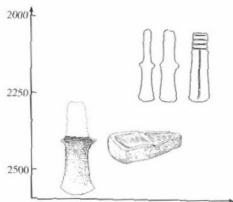

Рис. 12. Плоские теса с выступами III тысячелетия до н.э. на Древнем Востоке, Кавказе и в Приуралье

1 – Тель-Джудейде (Амуq II); 2 – Квасхелеби, слой С 1; 3 – Тюренте-Тепе (Намазга V); 4 – Алтын-Депе и. м. (Намазга V); 5 – Барышниковский курган 6, погребение 3

Fig. 12. Flat adzes with trunions of the 3rd millennium BC in the ancient East, Caucasus and cis-Ural area

1 – Tell Judeidah (Amuq plain); 2 – Kvatskhelibi, layer C 1; 3 – Türente-Tepe (Namazga V); 4 – Altyn-Depe (Namazga V); 5 – Baryshnikovskiy Kurgan 6, burial 3

Анатолии (Wesse, 1990. Karte. 3, 5). Этот тип бытовал только в III тысячелетии до н.э. (Wesse, 1990. Karte 19). Для рассматриваемой нами темы особенно важно установление нижнего хронологического предела появления плоских топоров с выступами. Наиболее ранний из известных экземпляров орудия этого типа происходит из клада в слое 11 Тель-Джудейде, относящегося к раннединастическому времени (Wesse, 1990. Т. II. P. 224. N 452; Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. P. 373. Fig. 293, 1 – Амуq II – 2900/2800–2600 лет). Орудия иных типов, вошедшие в сводку А. Вессе, относятся в основном ко II тысячелетию до н.э.¹¹

Для иранского региона первое появление плоских топоров с боковыми выступами (тип ША 3, по А. Вессе) зафиксировано также не ранее второй трети III тысячелетия до н.э.: экземпляр из Тюренте-Тепе датируется периодом Гиссар III-С, а топор из Алтын-Депе относится к фазе Намазга V (Wesse, 1990. P. 38. N 469, 531; Курчо, 2001). Таким образом, появление плоских топоров с выступами фиксируется с раннединастического времени, следовательно, этот период можно рассматривать в качестве *terminus post quem* для датировки литейной формы из нижнего горизонта слоя «С» в Квацхелебе (рис. 12).

Теса или плоские топоры, представленные в памятниках алазано-беденского этапа, связаны с деревообработкой. А.А. Иессен отметил общую тенденцию в эволюции этой категории орудий,

¹¹ К концу III тысячелетия до н.э. относится, вероятно, экземпляр из Тейхоэ Димайон в Греции, не вошедший в сводку А. Вессе (Bucholz, Karageorghis, 1971. P. 553).

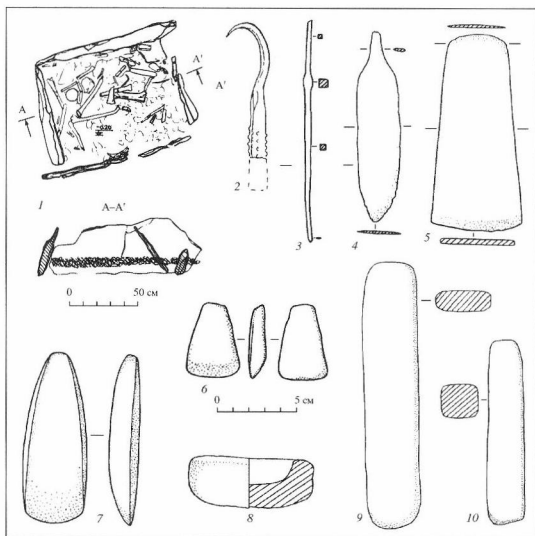

Рис. 13. Инвентарь погребения I успенского этапа из могильника Клады у ст. Новосободной, курган 12 (раскопки А.Д. Резепкина 1981 г.)

1 – план и разрез; 2 – крюк; 3 – шило с упором; 4 – нож; 5 – тесло; 6 – тесловидное орудие; 7 – полированное тесло; 8 – льячка; 9, 10 – орудия. 2-5 – бронза; 6, 7, 9, 10 – камень; 8 – глина

Fig. 13. Grave goods from Burial 1 of the Uspensky phase from the cemetery of Kladay near v. Novosobodnaya, Kurgan 12 (excavations of A.D. Rezapkin, 1981)

1 – plan and section; 2 – hook; 3 – awl with a rest; 4 – knife; 5 – adze; 6 – adze-like tool; 7 – polished adze; 8 – ladle for molten metal; 9, 10 – tools. 2-5 – bronze; 6, 7, 9, 10 – stone; 8 – clay

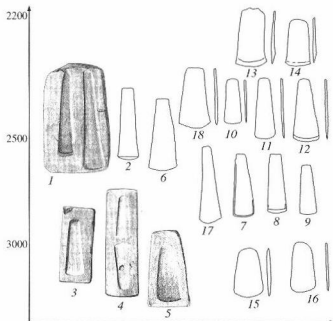

Рис. 14. Плоские тесла на Армянском нагорье и Южном Кавказе

1 – Трой II; 2 – Аладжа; 3, 4 – Арслантепе, слой VI; 5 – Пулур, слой IX; 6 – Караз; 7-9 – Марткопи, курган № 4; 10 – Квемо-Сарали, курган № 9; 11 – Надарбазеви, курган № 1; 12 – Бедени, курган № 5; 13, 14 – Великент, катакомба № 1; 15, 16 – Тельманкенд; 17 – Сачхери; 18 – Хындрыстан

Fig. 14. Flat adzes from the Armenian Plateau and southern Caucasus

1 – Troy II; 2 – Alaca; 3, 4 – Arslan-Tepe, layer VI; 5 – Pular, layer IX; 6 – Karaz; 7-9 – Martkopi, kurgan N 4; 10 – Kvevo-Sarali, kurgan N 9; 11 – Nadarbazevi, kurgan N 1; 12 – Bedeni, kurgan N 5; 13, 14 – Velikent, Catacomb N 1; 15, 16 – Tellmankend; 17 – Sachkheri; 18 – Khundrystan

выражающуюся в их постепенном удлинении и сужении пятки по отношению к лезвию (Иссен, 1950. Табл. I). Существование такой тенденции прослеживается в различных регионах (Черных, 1978; Авилова, Черных, 1989 и др.), что позволяет синхронизировать, в частности, памятники обоих склонов Кавказа.

Морфологические различия тесел выражены их основными пропорциями, для сопоставления которых предложена числовая индексация по соотношению трех параметров, определяющих два показателя: индекс И-1 – отношение длины оружия к ширине лезвия; индекс И-2 – отношение ширины лезвия к ширине пятки (Братченко, 1976. С. 139, 143; 1996. С. 45; Черных Л., 1997. С. 102). Индексы тесел ранних закавказских курганов (Бедени, курган № 5; Квемо-Сарали, курган № 9; Надарбазеви, курган № 2; Марткопи, курган № 4; Сахере, Начеркезеви; Хьндрыстан) варьируются в следующих рамках: И-1 = 2,5–3,2; И-2 = 1,4–2,5. Для Северного Кавказа установлено, что индексы тесел РБВ (новосвободненские памятники) варьируются: И-1 = 1,5–1,96; И-2 = 1,2–1,56 (Северо-Западный Кавказ); И-1 = 2,0–2,15; И-2 = 1,25–1,6¹² (Центральное Предкавказье и Чечня; Резенкин, 1989. С. 9; Черных Л., 1997. С. 102). Очевидно, что тесла из закавказских ранних курганов отличаются по своим параметрам от тесел новосвободненской группы, однако они полностью соответствуют орудиям начала СБВ Северного Кавказа и Предкавказья – привольненского этапа и выделенного нами успешного этапа, предшествующего привольненскому и соответствующего самому началу СБВ на Северном Кавказе (Рысин, 1996а. С. 79. Табл.). Нами установлено, что тесла успешного этапа по своим параметрам варьируются от новосвободненской группы до привольненской: И-1 = 1,5–3,0; И-2 = 1,5–1,85 (И-1 = 2,6; И-2 = 1,8 – привольненский этап).

В частности, близкие параметры демонстрируют орудия из так называемых северокавказских памятников – Абадзехская, Клады, курган № 12 (рис. 13), Константиновская (И-1 = 2,9–3,2; И-2 = 2,0–2,3); из ранних катакомбных погребений – Александровск, Зимогорье (И-1 = 2,4–2,8; И-2 = 1,6–2,2); из позднейших и полтавкинских погребений – Кулешовка, Тамар-Уткуль, Утевка, Колтубанка, Ровное (И-1 = 1,7–2,6; И-2 = 1,4–2,0; рис. 14).

Распространение южными мигрантами через перевалы на Северный Кавказ тесел беденского и сахчерского типа фиксируется наличием этих изделий в погребениях могильников Загли-Барзонд, Ачхой-Мартан и Андреевская долина, где представлены также топоры сахчерского типа.

Несколько отличаются по параметрам тесла из катакомбы № 1 Великентского могильника; один экземпляр здесь совпадает с новосвободненской группой (И-1 = 1,8; И-2 = 1,5), а другие отличаются несколько большей зауженностью пятки (И-1 = 2; И-2 = 1,8–2,0). Великентские тесла относятся к орудиям успешного этапа.

Таким образом, тесла алазано-беденского этапа СБВ по своим параметрам соответствуют орудиям успешного и привольненского этапов СБВ Северного Кавказа. К югу от Кавказа, на Переднем Востоке, тесла с близкими пропорциями обнаружены в комплексах энеолита и РБВ Сирии (Библ, Рас Шамра, Каркемиш), Малой Азии (Соли, Аладжа), Северной Месопотамии (Тепе Гавра) и Армянского нагорья (Арслантепе, Пулур, Караз; рис. 15). В самом Закавказье в РБВ представлены как

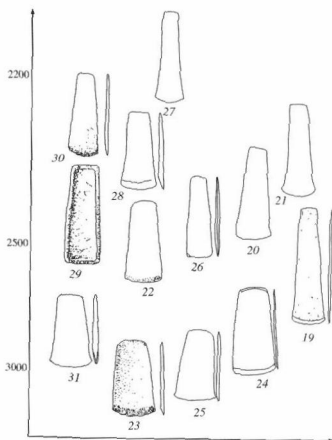

Рис. 15. Плоские тесла на Северном Кавказе и в Предкавказье

19 – Загли-Барзонд, погребение 24; 20 – Ачхой-Мартан; 21 – Андреевская долина; 22 – Клады, курган № 12; 23 – Клады, курган № 31, погребение 5; 24 – Воздвиженская; 25 – Андриуковская; 26 – Успенское; 27 – Привольненский клад; 28 – Кулешовка; 29 – Пришиб; 30 – Александровск; 31 – Тимашевск

Fig. 15. Flat adzes from the northern Caucasus and Ciscaucasia

19 – Zagli-Barzond, burial 24; 20 – Achkhoy-Martan; 21 – Andreyevskaya Dolina; 22 – Klady, Kurgan N 12; 23 – Klady, Kurgan N 31, burial 5; 24 – Vozdvizhenskaya; 25 – Andriyukovskaya; 26 – Uspenskiy; 27 – Privolnenskiy hoard; 28 – Kuleshovka; 29 – Prishib; 30 – Aleksandrovsk; 31 – Timashevsk

¹² Одно орудие здесь имеет индекс И-2 равный 2,0.

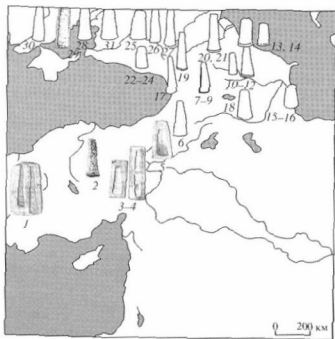

Рис. 16. Распространение плоских тесел

1 – Троя II; 2 – Аладжа; 3, 4 – Арслантепе, слой VI; 5 – Пулур, слой IX; 6 – Караз; 7–9 – Мартопи, курган № 4; 10 – Квемо-Сарали, курган № 9; 11 – Надарбазеви, курган № 1; 12 – Бедени, курган № 5; 13, 14 – Великент, катакомба № 1; 15, 16 – Тельманкенд; 17 – Сачхери; 18 – Кхындрыстан; 19 – Загли-Барзонд, погребение 24; 20 – Ачхой-Мартан; 21 – Андреевская долина; 22 – Клады, курган № 12; 23 – Клады, курган № 31, погребение 5; 24 – Воздвиженская; 25 – Андрюковская; 26 – Успенское; 27 – Приволнский клад; 28 – Кулешовка; 29 – Пришино; 30 – Александровск; 31 – Тимашевск.

Fig. 16. Distribution of flat adzes

1 – Troy-II; 2 – Alaca; 3, 4 – Arslan-Tepe, layer VI; 5 – Pular, layer IX; 6 – Karaz; 7–9 – Martopi, kurgan N 4; 10 – Kvemo-Sarali, kurgan N 9; 11 – Nadarbazevi, kurgan N 1; 12 – Bedeni, kurgan N 5; 13, 14 – Velikent, Catacomb N 1; 15, 16 – Tellmankend; 17 – Sachkheri; 18 – Khyndrystan; 19 – Zagli-Barzond, Burial 24; 20 – Achkhoy-Martan; 21 – Andreyevskaya Dolina; 22 – Klady, Kurgan N 12; 23 – Klady, Kurgan N 31, Burial 5; 24 – Vozdvizhenskaya; 25 – Andryukovskaya; 26 – Uspenskoye; 27 – Privolnysky hoard; 28 – Kuleshovka; 29 – Prishib; 30 – Aleksandrovs; 31 – Timashevsk.

короткие тесла, близкие по параметрам к нововосходненским (Тельманкенд, Дигоми), так и более длинные – например уже упомянутая форма для отливки тесел с выступами из слоя С Квацхелеби (соответствует привольненским параметрам). Следовательно, схему эволюции параметров тесел А.А. Исесена нельзя автоматически переносить на памятники Закавказья. Учитывая соответствие тесел алазано-беденского этапа анатолийским орудиям синхронного и более раннего периода, можно предположить, что тесла удлиненных привольненских пропорций из ранних курганов Южного Кавказа были заимствованы с запада Армянского нагорья. Удлиненные тесла успенского этапа в Предкавказье происходят не от предшествующих нововосходненских (как результат их удлинения), а от закавказских орудий. Это подтверждается случаями прямого импорта закавказских орудий

на север через перевалы Большого Кавказа. Мы полагаем, что закавказское воздействие вызвало удлинение параметров тесел от форм нововосходненского и позднемного этапов до привольненского. В то же время поскольку на Южном Кавказе уже с конца РБВ производились тесла удлиненных привольненских пропорций, будет ошибкой на основании пропорций тесел синхронизировать погребения алазано-беденского этапа с привольненскими памятниками Северного Кавказа (рис. 16).

На Армянском нагорье обнаружены также тесла иных пропорций – с более вытянутым корпусом и узкой пяткой (Приреванский клад); боковые грани корпуса имеют «перелом» на середине длины, выше которого корпус сужается (Мартirosян, Мнацаканян, 1973. Рис. 47, 1–4). Параметры тесел следующие: И-1 = 4,3–4,6; И-2 = 2,2–2,8–4,0. Близкие по пропорциям и по форме корпуса тесла найдены в слоях РБВ-III поселения Икизтепе на севере Малой Азии (Bilgi, 1990. Fig. 16, 225–228).

Желобчатые долота со стержневым насадом. В памятниках раннего этапа СБВ Южного Кавказа найдены желобчатые долота с выраженным подквадратным насадом, которые, как и тесла, являлись орудиями деревообработки. Долото из основного погребения кургана № 3 в Шиндатеви у селения Мартопи (Джанаридзе, Авалишвили, Церетели, 1986. Рис. 4) имело подовальный в сечении корпус, четырехгранный насад и удлиненный желобок; по своим параметрам оно приближается к постнововосходненским орудиям из ст. Келермеской в Закубанье (раскопки Н.И. Веселовского в 1904 г. и Ю.Ю. Пиотровского в 1984 г.). Долото из Сачхере (Джанаридзе, 1961. Рис. 35, 2) – узкое и длинное, с круглым в сечении корпусом; по пропорциям корпуса напоминает экземпляр из Хорезтепе на севере Анатолии, а также узкое удлиненное долото (с подквадратным сечением) из погребения позднего этапа ямной культуры на хуторе Первомайском за Кубани (раскопки А.А. Нехаева в 1982 г.). Долота из Бедени и Квемо-Сарали (Абесадзе, 1974. Рис. 1, 3, 10) имеют восьмигранный в сечении корпус, а экземпляры из Надарбазеви (Абесадзе, 1974. Рис. 1, 6) и из пос. Ахали-Живали (Рашишвили и др., 1984. С. 59. Табл. LXXXIII) – квадратный в сечении корпус; они соответствуют по параметрам орудиям успенского этапа Северного Кавказа (Рысин, 1996а; 1996б. С. 79, 84). Для этого этапа характерно разнообразие форм и пропорций орудий. В Приазовье в комплексе позднего этапа ямной культуры у с. Кулешовка (раскопки Е.В. Максименко в 1967 г.) обнаружено близкое по параметрам долото с восьмигранным сечением корпуса. Долота с выраженным четырехгранным

насадом и подквадратным либо восьмигранным сечением корпуса найдены в погребениях позднего этапа ямной культуры, а также новотитаровского и раннего этапа катакомбной культуры (Долинка, Алитуб, Первомайское, Пятилетка, Александровск, Луганск, Малан и др.).

Таким образом, долота из памятников алазано-беденского этапа можно по их параметрам соотнести с орудиями постновостовободненского, успешского этапа Северного Кавказа, что позволяет синхронизировать памятники, в которых они были найдены. К югу от Кавказа орудия с подквадратным сечением корпуса обнаружены в слоях знеолита и РБВ на памятниках Пулур, Хассек, Иени Хаят Кею, Аладжа, Троя, Арслантепе, Икиштепе, Хорзепте, Каркемиш и др. (*Koşay*, 1951. Pl. CXXXV; *Deshayes*, 1960. Vol. 2. Pl. XII, 14, 17; *Dunand*, 1939. Vol. 2. Pl. LXIX, 2193). Поскольку эти орудия соответствуют по параметрам алазано-беденским, можно предположить, что появление подобных орудий в Закавказье связано с воздействием из соседнего Армянского нагорья (рис. 17)¹³. В Иране, в Сузах также найдены желобчатые долота с черенковым насадом и с удлиненной канавкой – следом усадки металла при литье. Здесь есть орудия как с четырехгранным, так и с восьмигранным в сечении корпусом, близкие к закавказским (*Tallon*, 1987. № 516–521). Черенковые долота из Суз датируются от 2800 до 2000 лет до н.э. Хотя для орудий с восьмигранным сечением корпуса принята явно заниженная, на наш взгляд, датировка периодом III династии Ура, по единственной привлеченной аналогии – долоту изклада в Библе (*Tallon*, 1987. P. 170–171).

Ножи и кинжалы. В памятниках алазано-беденского этапа СБВ Южного Кавказа представлены три типа черенковых ножей и кинжалов. 1. *С удлиненно-подтреугольным клинком*; плечики вогнутые, лезвия вогнутые или прямые; конец клинка закруглен (Амиранистора, Начеркезиви, Элар, Эчмиадзин, Кармирванк). Среди орудий первого типа встречаются парадные экземпляры с орнаментированной литой рукояткой (*Джанаридзе*, 1961. Рис. 32, 1, 2). 2. *С листовидным клинком*; плечики и лезвия выгнуты; конец клинка острый (Марткопи, Удабно, Элар). 3. *С подтреугольным клинком*; плечики выгнутые (округлые), лезвия прямые; конец клинка закруглен (Бедени, Бакурджи, Шулавери, Циורי, Дилича, Хаченагет, Степанакерт и др.).

Орудия с подтреугольным клинком характерны для кавказской металлообработки эпохи ранней бронзы. Многочисленные параллели кинжалам с вогнутыми лезвиями (тип 2с, по Д. Стронаху) обнаруживаются в Малой Азии: Ахладябель, Текейе, Соли, Караташ, Икиштепе (*Stronach*, 1957. Fig. 2, 7; *Mellink*, 1969. Pl. 74. Fig. 22; *Bilgi*, 1990. Fig. 14, 185, 189). В Икиштепе в слое РБВ-III также представлены кинжалы с литой металлической рукояткой, близкие по форме к сачхерским (*Bilgi*, 1984. Fig. 13, 45; 1990. Fig. 14, 182, 183). Напротив, листовидные ножи и кинжалы, найденные только в трех курганах марткопской группы, неизвестны ни в более древних, ни в более поздних памятниках Южного Кавказа. Вопрос их происхождения остается пока открытым. Известно, что на Северном Кавказе листовидные ножи впервые появляются в постновостовободненских памятниках – на успешском этапе (Андрюковская, Келермесская, Фаре, Успенская, Нежинская, Константиновская, Бамут) и становятся характерными для инвентаря «северокавказских», дольменных и катакомбных предкавказских погребений. Примечательно, что по своим параметрам (относительно широкий и короткий клинок с наибольшим расширением у середины его длины) часть ножей из Марткопи особенно близка к экземплярам предкавказской катакомбной культуры. Центры производства листовидных ножей СБВ располагались в Закубанье, центральной части Северного Кавказа и в Центральном Предкавказье.

На Древнем Востоке черенковые ножи с клинком листовидной формы и острым концом известны в памятниках раннединастического и аккадского времени – в Иране (Тепе Гиссар, Шахад, Сузы) и в Пакистане (Мохенджо-Даро, Чандху-Даро – *Горелик*, 1993. Табл. IV, 2, 4, 5; *Mackay et al.*, 1937. Pl. CXXIX, 2, 6, 10; Pl. CXVII, 11; *Schmidt*, 1933; *Hakemi*, 1997. P. 639, 1–3; 640, 8–10, 13–16, 18, 19). В пользу заимствования листовидных ножей алазано-беденского этапа с юга свидетельствует обнаружение такого ножа на промежуточной территории – в Эларе, а также изготовление марткопских экземпляров из оловянистой бронзы, поскольку поступление олова в Закавказье было возможно лишь через Армянское нагорье или Иран (из афганских месторождений). Можно также рассматривать район Марткопи в качестве промежуточной территории при распространении листовидных ножей с Древнего Востока на Северный Кавказ. Это подтверждается обнаружением листовидного ножа в Бамуте, в инвентаре погребения, демонстрирующего признаки культур беденского круга (*Мунчаев*, 1986. С. 27–39. Рис. 3, 5).

Кинжалы первого типа с прямыми или вогнутыми лезвиями время от времени проникали через перевалы на Северный Кавказ. Такие кинжалы

¹³ Южное, анатолийское происхождение кавказских долот подтверждается обнаружением желобчатых долот с выделенным насадом на Балканах, например в погребении ямной культуры в Болгарии (Горан-Слатина, курган № 3, погребение № 8; *Китов, Панайотов, Павлов*, 1991. С. 73. Образец 47, д).

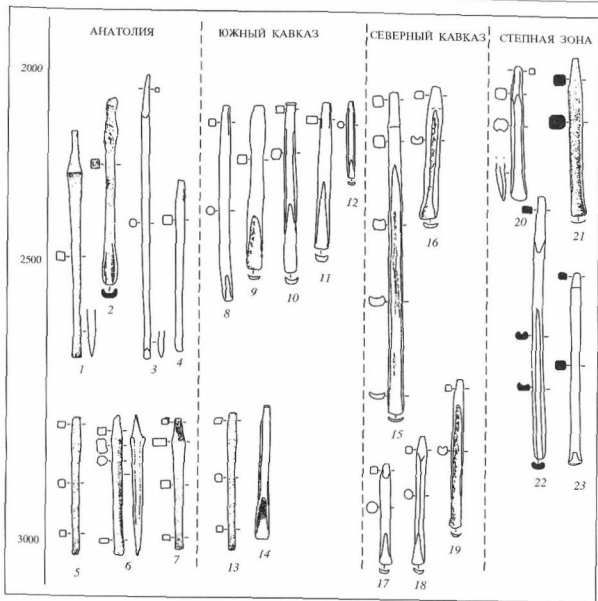

Рис. 17. Долота со стержневым насадом в Анатолии, на Кавказе и в Предкавказье

Анатолия: 1, 2 – Троя II–V; 3 – Хорозтепе (погребения РБВ-III); 4 – Аладжа гробница «Н»; 5 – Пулур (халколит); 6 – Пулур-Сакэль слой VI; 7 – Хассек-Хююк (погребение РБВ-III). *Южный Кавказ:* 8 – Сачхери разрушенное погребение; 9 – Надарбазеви, погребение 1959 г.; 10 – Бедни, погребение 1966 г.; 11 – Марткопи, курган № 3; 12 – Квемо-Сарали, погребение; 13 – Бадаани, поселение РБВ-III; 14 – Зекари, погребение РБВ-II. *Северный Кавказ:* 15 – Андрыковская 1896 г., курган 6, погребение; 16 – Успенское, клад (разрушенное погребение); 17, 18 – Клады, курган 31, погребение 5; 19 – Воздвиженская, погребение. *Степная зона Восточной Европы:* 20 – Кулешовка, курган 1, погребение 2; 21 – Барышниковский, курган 6, погребение 3; 22 – Первомайское, курган 2, погребение 2; 23 – Пятiletка, курган 5, погребение 2

Fig. 17. Chisels from Anatolia, the Caucasus and Ciscaucasia

Anatolia: 1, 2 – Troy II–V; 3 – Khoroz-Tepe (Early Bronze Age burials-III); 4 – Alaca, Tomb «N»; 5 – Pulur (Chalcolithic); 6 – Pulur-Saköl, Layer VI; 7 – Hassék-Hüyük (Early Bronze Age burial-II/II). *Southern Caucasus:* 8 – Sachkheri, disturbed burial; 9 – Nadarbazevi, burial excavated in 1959; 10 – Bedeni, burial excavated in 1966; 11 – Martkopi, Kurgan N 3; 12 – Kvemo-Sarali, burial; 13 – Badaani, Early Bronze Age settlement-III; 14 – Zekari, Early Bronze Age burial-II. *Northern Caucasus:* 15 – Andryukovskaya 1896, kurgan 6, burial; 16 – Uspenskoye, hoard (disturbed burial); 17, 18 – Klady, Kurgan 31, Burial 5; 19 – Vozdvizhenskaya, burial. *Steppe zone of Eastern Europe:* 20 – Kuleshovka, Kurgan 1, Burial 2; 21 – Baryshnikovskiy, Kurgan 6, Burial 3; 22 – Pervomayskoye, Kurgan 2, burial 2; 23 – Pyatiletka, Kurgan 5, Burial 2

известны в Чечне (Ачхой-Мартан – Бурков, Ростунов, 2004. Рис. 2, IX, 9), Северной Осетии (Загли – Ростунов, 1986. Рис. 31, 2), Закубанье (Клады – раскопки А.Д. Резепкина в 1990 г.; Большой Петропавловский могильник – раскопки А.Н. Гея

в 1984 г.). В качестве импорта из района Сачхере (либо подражания сачхерским образцам) можно рассматривать кинжал с металлической рукояткой, украшенной литыми «змейками» и «веревочками», из ст. Константиновской (Tallgren, 1931. P. 139.

Abb. 50). Еще один сильно сточенный нож с литой орнаментированной рукояткой найден на нижнем Дону (Братченко, 1976. Рис. 23, 4). Наконец, из погребения позднего этапа ямной культуры в Поингулье (Старогорожéно) происходит кинжал с металлургической рукояткой, также напоминающий сахарчские экземпляры (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986. Рис. 16, 18). Несмотря на значительное расстояние, находку из Старогорожéно сближает с кавказскими экземплярами не только внешнее сходство и технология изготовления, но и состав металла (мышьяковистая бронза), а также найденные в погребении серебряные спиральные пронизки (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986. Рис. 16, 9, 11). Близость кинжалов из Сачхере и Поингуля позволяет синхронизировать названные памятники. А.Л. Нечитайло сопоставила кинжалы с литой рукояткой из Сачхере и Старогорожéно с новосвободенским кинжалом из раскопок Н.И. Веселовского в могильнике Клады (Нечитайло, 1991. С. 38). На наш взгляд, это сопоставление ошибочно: во-первых, новосвободенские памятники относятся к более древней эпохе и хронологически предшествуют как сахарчским памятникам СБВ Южного Кавказа, так и памятникам позднего этапа ямной культуры Северного Причерноморья; а во-вторых, новосвободенский кинжал имеет рукоятку иной формы (круглого сечения и без отверстий). Можно предположить, что сближающий эти изделия признак (дуговидный «наплав» рукоятки на клинок) свидетельствует о существовании общих прототипов таких кинжалов на Переднем Востоке. Как известно, кинжалы с подобной формой напыва рукоятки на клинок изготовлялись в IV–III тысячелетиях до н.э. в районе Армянского нагорья (Арслантепе, Аладжа, Икзисте). В Иране, в Сузах кинжалы с литой рукояткой относятся ко второй половине III тысячелетия до н.э. (Tallon, 1987. P. 125–127).

В погребениях успешного этапа встречаются черенковые ножи с клинком овальной формы с округлым либо прямо срезанным концом. За подобными орудиями закрепилось наименование ножи-бритвы или бритвы. Заметим, что наименование «бритва» условное, а функционально с бритвами можно связывать, скорее всего, орудия с выемкой на конце клинка. Традиционно ножи-бритвы сопоставляют с орудием из кургана у ст. Костромской (новосвободенская культура) и относят к РБВ. Действительно, «бритвы» встречаются в РБВ памятниках Кавказа и Причерноморья (курган у ст. Костромской, погребение; Нальчикская подкурганная гробница; Жовтневое II, курган 5, погребение 7; Павловский могильник, курган 31, погребение 5; Смела 521, погребение 8 – Братченко, 2001. Рис. 96, 11; Рис. 96, 10; Рис. 95, 18; Рис. 96, 1; Рис. 96, 4). Однако подобные орудия известны и

из комплексов СБВ. Например, «бритвы» найдены в верхнем слое Михайловского поселения на Днепре (поздняя ямная культура – Братченко, 2001. Рис. 95, 12, 13). В Причерноморье орудия с овальным клинком найдены в погребениях поздней ямной культуры: Жданов, Виноградники, курган 1, погребение 7 (Братченко, 2001. Рис. 96, 3); Кривой Рог, Царéва Могила, погребение 10 (Братченко, 2001. Рис. 9; здесь у ножа выемка на конце клинка); Колдыри, курган 2, погребение 2 (Братченко, 2001. Рис. 95, 22). В Закубанье нож с овальным клинком найден в новотитаровском погребении из могильника Батуринский II, курган 3, погребение 11 (Братченко, 2001. Рис. 101, 5). В Центральном Предкавказье ножи-бритвы известны из погребений в ямах, с вытнутыми костюмами: Чограй Ц, курган 16, погребение 16 (Державин, 1991. Рис. 3, 8); Веселая Роща I, курган 27, погребение 4 (Державин, 1991. Рис. 3, 12). Один нож с клинком овальной формы найден в предгорной зоне Кабардино-Балкарии, в подкурганном погребении у пос. Советский вместе с топором сахарчского типа (Чеченов, 1969. Рис. 6). На Южном Кавказе «бритва» с овальным клинком с примосрезанным концом найдена в погребении начала СБВ кургана 4 из поселения Марткопи (Джанаридзе, 1998. Рис. 14, 78).

Ножи-бритвы СБВ отличаются от орудий РБВ по длине и по форме черенка: у орудий РБВ черенок (относительно длины клинка) короче, чем у ножей СБВ; у ножей РБВ черенок имеет трапециевидную форму, и расширенная его часть плавно переходит в основание клинка, а у орудий СБВ черенок прямоугольной формы четко отделяется от основания клинка. Можно предположить южный малоазийский источник появления ножей-бритв с черенком прямоугольной формы на Кавказе и в Предкавказье. Подобные ножи обнаружены, например, в погребениях могильника Караташ-Семайок в Ликии (периоды РБВ II–III). Здесь найдена и «настоящая» бритва с выемкой на овальном конце клинка. Из Анатолии ножи-бритвы могли попасть и на Балканский полуостров, где они известны из памятников круга Езеров и из подкурганного погребения Великая Грота на побережье Адриатики.

Черенковые наконечники копий. На раннем этапе такие наконечники имели *прямой черенок*. В поздних же памятниках КУАК и в ранних курганах Южного Кавказа представлены наконечники с изогнутым черенком (для более надежного крепления наконечника к древку). Таким образом, усовершенствование формы черенка играет роль в их датировке. Наиболее ранние экземпляры подобных усовершенствованных копий появились на Древнем Востоке во второй половине III тысячелетия до н.э.; эта же дата должна быть принята и

качестве *terminus post quem* и для появления подобных копий на Южном Кавказе.

Локальным вариантом усовершенствования насада копий является *прямой черенок с отверстием* для штифта, известный из памятников аккадского периода в Сузах, Телль Джузейде, а также в Луристане¹⁴.

Отсюда такие *наконечники*, очевидно, попадали на Кавказ, где один экземпляр представлен в Кировакане (*Мартироси*, 1964. Рис. 4, в), а другой – в погребении сачхерского могильника Царцигора (*Куфтин*, 1949. Табл. LIX, 1). Копье из Царцигора по форме пера, сечению черенка и наличию округлого ребра вдоль пера сближается с экземпляром из Суз аккадского времени. Поскольку применение штифта для крепления черенкового копья является хронологическим признаком – отличительной чертой поздних изделий – представляется типологически не оправданным сопоставление сачхерского копья с архаичными наконечниками из Арслантепе (без штифтового соединения) – *Кавтарадзе*, 1983. С. 112; *Пхаквадзе*, 1988. С. 56). Таким образом, как полагал Б.А. Куфтин (1949. С. 74), копье из Царцигора может быть датировано аккадским периодом (либо периодом РД III). Эта датировка, вероятно, может быть перенесена на ранние погребения могильника, поскольку копье происходит из насыпи кургана, куда, по мнению Б.А. Куфтина, могли попасть вещи из ранних могил, разрушенных при совершении впускных захоронений¹⁵.

Другой вариант насада копий – с *петлевидной-изогнутым черенком* – представлен на Южном Кавказе двумя экземплярами из погребения беденского этапа в Бакурцихе (*Пицхелаури*, 1982. С. 18. Табл. XX, 1). Копья с подобным насадом известны из Палестины (Гидеон, Мегиддо: *Pritchard*, 1962. P. 16, lower row, right; *Yadin*, 1963. P. 156. Fig. left). Палестинские копья с петлевидной-изогнутым черенком относятся к концу РБВ, *то есть* к 2300–2100 до н.э.

«Штапарты» или «бритвы» (рис. 18). Это условное название своеобразных черенковых орудий, рабочая часть которых представляет собой форму в разной степени расширенного овала. Такие изделия найдены на Южном Кавказе в могиле алазано-беденской группы – в курганах № 2, 5 на Беденском плато, в кургане № 1 в Циури, кургане

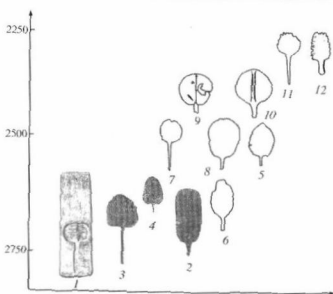

Рис. 18. «Штапарты» на Кавказе и на Переднем Востоке

1 – Арслантепе VI (литейная форма); 2–4 – Караташ-Семаюк; 5 – Беркабер; 6–8 – Марткопи; 9 – Бедени; 10 – Кюдурли; 11, 12 – Советское

Fig. 18. «Standards» from the Caucasus and Near East

1 – Arslantepe VI (mould); 2–4 – Karatas-Semayuk; 5 – Berkaber; 6–8 – Martkopi; 9 – Bedeni; 10 – Kuderli; 11, 12 – Sovetskoye

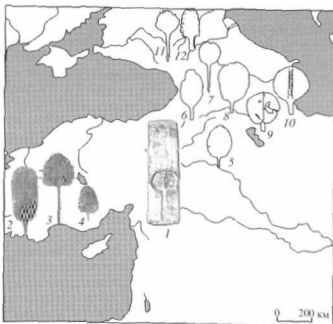

Рис. 19. Распространение «штапартов» на Кавказе и на Переднем Востоке

1 – Арслантепе VI (литейная форма); 2–4 – Караташ-Семаюк; 5 – Беркабер; 6–8 – Марткопи; 9 – Бедени; 10 – Кюдурли; 11, 12 – Советское

Fig. 19. Distribution of the «standards» throughout the Caucasus and Near East

1 – Arslantepe VI (mould); 2–4 – Karatas-Semayuk; 5 – Berkaber; 6–8 – Martkopi; 9 – Bedeni; 10 – Kuderli; 11, 12 – Sovetskoye

¹⁴ В аккадское время подобное штифтовое крепление применяется и для четырехгранных наконечников (Теле Гавра, Мунбага, Ур, Суза; *Müller-Karpe M.*, 1996. P. 287. Abb. 29, 7, 34).

¹⁵ В качестве наконечников копий или дротиков также могут рассматриваться упомянутый экземпляр с отверстием в черенке из Советского и однотипное орудие из урочища Аман-Къел в Кабардино-Балкарии.

№ 3 в Марткопи, погребении № 1 в Храмеби, в кургане Кююрдлю в Азербайджане и в погребении с бедеиной керамикой из селения Беркабер в Армении (*Гобеджишвили*, 1980. Рис. 10, 11; *Дедабришвили*, 1979. Табл. XIV, 3; *Абесадзе*, 1980. Рис. 1, 3, 4, 10; *Джанаридзе*, *Авалишвили*, *Цетели*, 1986. Рис. 3, 4; *Гаспарян*, 1987. С. 231, Рис. 1). Назначение этих предметов трактуется по-разному. Откованные острые края-лезвия могут свидетельствовать в пользу их применения как режущих орудий. Черенок с раскованным концом напоминает насад ножей из синхронных памятников Кавказа. Впрочем, крепление к рукоятке не исключает использование таких предметов в качестве ритуальных «штандалтов». Возможно, часть изделий этого типа являлась зеркалами, хорошо известными по находкам на памятниках Древнего Востока. Иногда по центральной оси «штандалта» располагалось утолщение – ребро жесткости. Изделия подобной формы известны на Древнем Востоке (рис. 19). Литейная форма найдена в слое VI B на поселении Арслантепе (*Müller-Karpe A.*, 1994. Taf. 28, 1D). Наибольшую типологическую близость к кавказским экземплярам демонстрируют «штандалты» из могильника Караташ-Семайюк в Ликии (РВВ-II-III – 2600–2200 лет до н.э.: *Mellink*, 1969. Pl. 74, Fig. 19, 20), а также из синхронных погребений в Тиль Барсобе в Сирии (*Schaeffer*, 1948. P. 83, Fig. 82, 1)¹⁶. В Иране в Сузах найдены бронзовые дисковидные «зеркала» с узким выступом-черенком, также по форме напоминающие кавказские «штандалты» (№ 1233, 1235 по каталогу Ф. Таллон; *Tallon*, 1987. P. 328). Эти предметы датированы в Сузах раннединастическим периодом – от 2800 до 2300 г. до н.э. (*Tallon*, 1987. P. 290). Дисковидные зеркала с черенком найдены в могильнике Гиссара III и на поселении Алтын-Депе (*Кирчо*, 2001). В могиле Гиссара III обнаружена серебряная «сковорода», также напоминающая кавказские «штандалты»: дисковидный предмет с черенком, украшенный концентрическими кольцами и шпичечками. Подобный «штандалт» с черенком найден и в Мохенджо-Даро (*Mackay et al.*, 1937. Pl. CXXX, 25).

Присутствие такого изделия в инвентаре вождьского погребения на Южном Кавказе может отражать заимствования местными вождями южных элементов культурной практики. Эта гипотеза может рассматриваться на фоне таких значимых заимствований, как трупосожжение, размещение праха вождя на погребальной повозке или на носилках, погребения сопровождающих лиц, использование амулетов древневосточных типов и др. Подобные «переклички» предполагают опреде-

ленную степень культурной близости элиты кавказского общества с передневносточной, а также их толерантность. Отметим, что один «штандалт» через перевалы попал на север, в Кабардино-Балкарию, и был обнаружен здесь в подкурганном погребении у пос. Советский вместе с топором сачхерского типа (*Чеченов*, 1969. Рис. 8).

В комплексах встречаются также серии металлических предметов иного, менее утилитарного назначения. В определенной мере они связаны с искусством и духовной сферой. Это различные украшения, имеющие символический характер (амулеты, обереги), часть из которых являлась принадлежностью погребального костюма умершего. Последние, безусловно, являются этнографическим признаком, что позволяет проследить наличие связей с другими этническими группами (или формирование родственной этнокультурной среды). Часть подобных предметов в СБВ появляется впервые, другая часть видоизменяется, трансформируется в изделия иного облика.

Эволюцию ювелирного дела на Переднем Востоке детально проанализировала К. Максвелл-Хислоп (*Maxwell-Hyslop*, 1971), что дает возможность сопоставить кавказские украшения с древневосточными. Автор отмечает принципиальные перемены в развитии ювелирного дела Переднего Востока, произошедшие в аккадский период (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 17–19). С ее точки зрения, в этот период намечается трансформация ювелирного ремесла, которое в предшествующий период обслуживало прежде всего храмовые священные действия. Роль ювелирного дела как в храмовых, так и в семейных ритуалах постепенно возрастала, что стимулировало при Саргоне и его преемниках поиски сырья за пределами Месопотамии.

Есть признаки того, что в аккадский период существовала серьезная нехватка в снабжении Месопотамии золотом и оловом. Это выразилось в экономии золота при использовании его в ювелирном производстве: в частности, бусы из Ура имели медную или пастовую основу и лишь покрывались тонким листовым золотом (техника плакировки); серьги начали изготавливаться меньшей величины; стали популярными бусы и подвески миниатюрных размеров. При изготовлении украшений возросло использование серебра, заменившего золото¹⁷.

Особенностью аккадского периода было распространение месопотамского влияния (в частности, шумерских изделий и технологических приемов) на территорию Анатолии, Ирана, Сирии,

¹⁶ Сходные дисковидные металлические изделия с черенком обнаружены также на севере Ирана, в погребениях Теге Гиссара III.

¹⁷ Распространение бронзовых и серебряных украшений вместо золотых можно объяснить также внедрением таких изделий в широкий обиход и их использованием рядовыми гражданами.

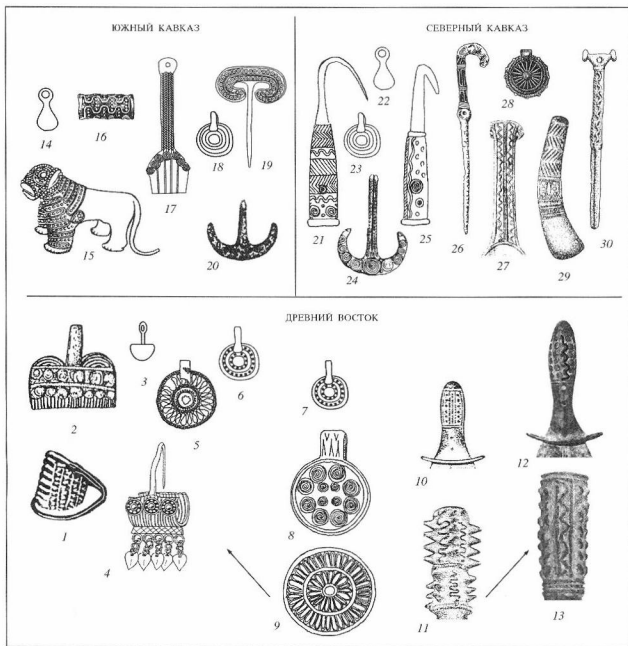

Рис. 20. Происхождение ведущих элементов и мотивов декора металлических изделий среднего бронзового века Кавказа и прототипы некоторых кавказских амулетов-украшений

1, 3, 4 – Троя II; 2 – Эскияпар; 5 – Кюльтепе; 6 – Брак; 7–11 – Ур РД III; 12, 13 – Луристан; 14 – Кваскхелеби; 15, 19 – Цюрих; 16 – Хаченагет; 17, 18, 20 – Сачххери; 21 – Эшери; 22, 23 – Нальчик; 24, 26 – Великент; 25, 30 – Успенское; 27 – Константиновская; 28 – Приазовье; 29 – Черноморское

Технология изготовления изделий: 1, 2, 4–10 – техника зерни и филигранны; 3 – свернутое из листового золота грибовидное навершие припаяно к стерженьку с петелькой для подвешивания; 11–18, 21–30 – техника литья по утрачиваемой восковой модели; 19, 20 – техника литья и чеканки. Стрелками показано направление распространения типов изделий и мотивов их декора

Fig. 20. The origin of the leading elements and motifs of decoration of metal objects of the middle Bronze Age in the Caucasus and prototypes of some Caucasian amulets/ornaments

1, 3, 4 – Troy II; 2 – Eski-Yapar; 5 – Kültepe; 6 – Brak; 7–11 – Ur ED III; 12, 13 – Luristan; 14 – Kvatskhelebi; 15, 19 – Tsnori; 16 – Khachenaget; 17, 18, 20 – Sachkheri; 21 – Esheri; 22, 23 – Nalchik; 24, 26 – Velikent; 25, 30 – Uspenskoye; 27 – Konstantinovskaya; 28 – Azov Sea region; 29 – Chernomorskoye.

Technique of the manufacture: 1, 2, 4–10 – beaded and filigree work; 3 – a mushroom-shaped head rolled up from gold sheet and soldered to a shaft with a suspension loop; 11–18, 21–30 – lost wax technique; 19, 20 – technique of casting and stamping. Marked by the arrows are the direction of distribution of types of artefacts and motifs of their decoration

Кавказа. По-видимому, это объясняется нехваткой сырья в Месопотамии и передвижением в эти области купцов, торговых агентов и ремесленников (в том числе и ювелиров) к местам его добычи. Анатолийские походы Саргона и кампании Нарам-Сина в горы Загроса были предприняты в целях открытия новых маршрутов для доставки сырья (в первую очередь металла и лазурита) в Месопотамию.

Новые центры ювелирного производства в Браке, анатолийском Кюльтепе, Трое и Гиссаре начинают использовать изобретенные шумерами приемы – зернь, филигрань, а также типы украшений, встречающиеся в могильниках Ура, Киша и Урука периода РД III (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 36–37; *Boehmer*, 1972. P. 19. Abb. 2–4). Мастерство, с которым выполнены украшения из Брака и Кюльтепе, позволяет предположить, что здесь работали шумерские ювелиры, переселившиеся ближе к источникам сырья. Одновременно в новых центрах ювелирного производства появились черты, отличавшие их продукцию от изделий шумерских мастеров. Так, если в Шумере филигрань и зернь использовались раздельно (а зернь применялась вообще очень редко), то на украшениях из новых центров эти два приема, как правило, совмещаются в одном изделии, использование же зерни становится одним из маркирующих признаков стиля их продукции.

Исторически важно, что многие новации ювелирного дела Кавказа в СБВ обнаруживают свои прототипы на юге, в памятниках Анатолии, Северной Месопотамии, Сирии и Армянского нагорья РД III и аккадского периода (рис. 20). Это различные медальоны, подвески, серьги, булавки и пр. Так, кольцевидный или дисковидный медальон на металлической «ленте» относится к широко распространенному на Древнем Востоке типу украшений, символизирующих богиню любви и войны Инанну-Иштар-Шавушку. Такие амулеты, изготовленные из золота и серебра, носила древневосточная аристократия. На староассирийском языке эти амулеты обозначались термином *dudittu[m]* (*Дьяконов*, 1990. С. 47). Впервые кольцевидные кулоны появляются в РД III в Шумере и в Северной Месопотамии (Ур, Урук, Брак, Телль Асмар). Отсюда они попадают на Армянское нагорье (Кюльтепе, Аладжа, Хорзтепе, Титрисюк). Кольцевидные кулоны из Брака и Кюльтепе, поразительно напоминающие кавказские экземпляры, датируются концом РД III – началом аккадского периода (XXV–XXIV вв. до н.э.; *Boehmer*, 1972. P. 48; Abb. 3; *Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 29). Кулоны из Брака спаяны из чередующихся гладких и перекрученных золотых проволок (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 29. Pl. 27); в кулоне из Кюльтепе использованы также змеевидно-изогнутая проволока и

зернь (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 47. Pl. 37b). К кулонам припаяна золотая «лента», в петлевидный конец которой продевалась нить ожерелья.

Кулоны и амулеты (кольцевидные и дисковидные) на Кавказе, в отличие от древневосточных, отливались по утрачиваемой восковой модели (обычно из бронзы, редко из серебра), рельефный же декор копирует в деталях орнаментацию древневосточных изделий. Имитируется в литье даже полоска металла, припаянная к древневосточным украшениям. Отмеченные подробности показывают, что древневосточные изделия служили прототипами кавказским, а не являлись дериватами последних, как это трактуют некоторые исследователи (*Черных*, 1978; *Авилова*, *Черных*, 1989 и др.). Наше предположение подтверждается двумя соображениями. Во-первых, тем, что кавказские мастера копировали в литье более совершенные технические приемы древневосточных ювелиров – зернь и филигрань. Во-вторых, древневосточные амулеты являлись продукцией центров златокузнечества, в то время как на Кавказе их копии отливались в небольших общинных мастерских (*Рысин*, 1997. С. 118).

Любопытно распределение подобных кулонов на Кавказе. На Северном Кавказе, где они являются одним из маркирующих признаков так называемой северокавказской общности СБВ, они распространены почти повсеместно, а на Южном Кавказе найдены только в инвентарях могильников Сачхерского района.

Рассматриваемые кулоны распространялись с юга на Северный Кавказ через открывшиеся к тому времени перевали: находки кольцевидных кулонов в Северной Осетии (*Верхнекобанский могильник – раскопки В.Л. Ростунова в 1990 г.*) и в Кабардино-Балкарии (*Нальчик – Деген*, 1941. С. 258. Рис. 35, 36) – у Мамисонского и Крестового перевалов указывают на пути их перемещения. На Южном Кавказе пункты продвижения обозначены находками кулонов в сачхерских могильниках (Сачхере – раскопки Т. Такайшвили 1910 г.; *Корети*, курган в Пасиети – О.М. Джапаридзе, 1955 г.; *Начеркезев*, курган № 2 – О.М. Джапаридзе, 1961. С. 129. Рис. 23, 3. Табл. XII, 5; XIV, 3). Район Сачхере можно рассматривать как промежуточную территорию на пути из Армянского нагорья или Северной Месопотамии на Северный Кавказ. Таким образом, мы получаем еще одно подтверждение для синхронизации памятников СБВ Кавказа (в том числе погребений сачхерских могильников) с комплексами РД III и аккадского периода.

Примечательно, что район среднего течения Куры, где расположены беденские памятники (пос. Берикдееби, Нацаргора, Цихиагора), рас-

считается исследователями как перекресток путей из Триалети и Джавахети (где также много беденских памятников) по ущелью р. Дзама, маршрутов в западном направлении (Гоми – Нацаргора – Сачхери), а также перевальных путей на Северный Кавказ. Такое расположение памятников объясняет, по мнению М.Г. Джалабадзе, появление беденских импортов в Сачхери (Пасети, курган № 1), а также северных влияний в керамике пос. Нацаргора (Джалабадзе, 1998).

Кольцевидные кулоны также синхронизируются с алазано-беденскими памятниками. Такая синхронизация обеспечивается их совместным присутствием с привнесенными из Закавказья беденскими сосудами в инвентаре катакомбы № 1 Великентского могильника (Гаджиев, 1987, С. 11. Рис. 3) и вместе с булавкой беденского облика с плоской головкой и роговидными выступами в склепе № 5 Гинчинского могильника (Гаджиев, 1969, 42. Рис. 18, 12–14, 22). Еще одна подобная булавка найдена на транскавказском перевальном пути в Нижнекобанском могильнике (Ростунов, 2004, Рис. 5, 12). В склепах Гинчинского могильника присутствует также керамика, подражающая беденской столовой посуде (Магомедов, 1984, С. 36). Исследователи неоднократно упоминали о связях беденской и великентской культурных групп, прослеживаемых, в частности, по материалам из великентских катакомбных могильников (Гаджиев, Корневский, 1984; Гаджиев, 1991; Магомедов, 1984; и др.). Однако при установлении синхронизации памятников Южного и Северного Кавказа по материалам склеповых могильников следует учитывать продолжительность бытования подобных комплексов, ибо в некоторых катакомбах содержалось до сотни погребенных.

Длительное функционирование склепов Великента подтверждается присутствием в их инвентаре изделий как раннего, так и среднего этапов металлообработки СБВ Северного Кавказа (Гаджиев, Корневский, 1984, С. 26). При этом вопрос о соотношении беденских импортов в Дагестане с этапами северокавказской металлообработки остается открытым (до полной публикации великентских комплексов). Все же обнаружение в склепах Великента долот со снуриной втулкой, ножей копьевидной формы, литых полусферических колпачков и т.п. может свидетельствовать о совершении здесь погребений на привольном и даже костромском (?) этапах металлообработки СБВ. О вероятном «переживании» беденских культурных традиций на Северном Кавказе свидетельствуют находки беденской посуды в Чечне и в Северной Осетии вместе с керамическими формами, характерными для развитого этапа предкавказской катакомбной культуры (реповидный горшок, курильница на крестовидной подставке –

Зураев, 1991, С. 8; Бурков, 1991, С. 4, 5; Григорьева, 1991, С. 6). В погребении кургана № 3 ст. Черновоярской в Ингушетии (раскопки С.Б. Буркова в 1989 г.) кружка беденского облика найдена вместе с черенковым ножом с широким клинком подромбической формы, так называемым «карасиком» (Джапаридзе, 1998, Рис. 56). Ножи «карасики» распространены в степном Предкавказье в катакомбных погребениях развитого и позднего этапов. В тексте отчета о раскопках С.Б. Буркова упомянуты также фрагменты от горшка реповидной формы, однако в публикации О.М. Джапаридзе этот сосуд реконструирован иначе (Джапаридзе, 1998, Рис. 56). Примечательно также наблюдение над технологией производства украшений из Великента: в катакомбе № 1 все украшения отлиты по восковой модели, а в катакомбе № 9 (раскопки Р.Г. Магомедова в 1983 г.) обнаружены кольцевидные медальоны и булавки, выполненные уже с применением техники филигранн, впервые освоенной на Южном Кавказе на триалетско-кировкаканском этапе СБВ¹⁸. Таким образом, часть великентских склепов использовалась, возможно, и на позднем этапе СБВ. Нам неизвестно, существовала ли в Дагестане в это время «пережиточная» беденская группа, во всяком случае, нет данных о находках в катакомбе № 9 беденской столовой посуды.

Другой тип украшения-амулета, распространившийся в СБВ на Северном Кавказе и также имеющий прототипы на Переднем Востоке, – бронзовый фаллический *стерженек с шариком* на одном конце и с ушком для подвешивания – на другом (Деген, 1941, С. 258. Рис. 36; Корневский, 1984, С. 261. Рис. 141). Подобные фаллические подвески (из золота) представлены в составе ожерелий в кладе «А» в поздней Трое II (Schliemann, 1881, P. 514. № 723, 738). Троянские подвески представляют собой стержень с отверстием в раскованном конце; на другом конце стержня припаяна сфероконическая головка, сформованная из листового золота (Трейстер, 1996, С. 210). Датировка этого клада помещается в пределы периода РД III (Трейстер, 1996, С. 228–234; Korfmann, 1994). Аналогичные подвески найдены также в могилах Аладжи и в погребении РБВ могильника Титрисуюк (роговые) на верхнем Евфрате (Algaze et al., 1995, Fig. 33). Примечательно, что материалы из Титрисуюка демонстрируют разноплановые связи и контакты как с Закавказьем, так и с Центральной Анатolieй и даже с Эгейским регионом (Algaze et

¹⁸ Уникальная биволонтовая подвеска-кулон, изготовленная с применением техники филигранн, из погребения беденского времени в Анакаури (Джапаридзе, 1998, С. 86. Таб. XXXIV) является, видимо, прямым импортом с территории Переднего Востока, где подобная техника применялась уже с середины III тысячелетия до н.э.

al., 1995. P. 39. Fig. 35, 37). На промежуточной территории на Южном Кавказе, такие подвески входят в состав инвентарей сачхерских и виадельских могильников (*Джапаридзе*, 1961. С. 180. Рис. 36. Таб. XX, 9; *Джавахишвили, Глонти*, 1962. С. 62. Табл. XXXVI), отнесенных нами к начальному этапу СБВ. Недавно получено новое подтверждение распространению подобных подвесок с юга через Закавказье: на юге Армении, на городище Гехарот в куро-аракском слое РБВ III обнаружено ожерелье, в состав которого входили 62 бронзовые фаллические подвески, 14 ребристых трубочек и 10 биспиральных подвесок (*Smith et al.*, 2004. P. 23. Fig. 15). Кавказские литые бронзовые фаллические подвески, вероятно, являются подражаниями золотым троянским образцам.

Якоревидные подвески обнаружены на Южном Кавказе в погребении сачхерского могильника Корети и в могильнике Ахчис-вели (*Джапаридзе*, 1961. Таб. XX, 6, 7). На Северном Кавказе якоревидные подвески найдены в склепах Великента, в могильнике у селения Миатлы и в «северокавказском» погребении Усть-Джегутинского могильника (*Нечитайло*, 1978. Рис. 39, 74). Прототипами кавказских якоревидных подвесок являются, вероятно, аналогичные украшения-амулеты из памятников Эгейского региона, датруемые концом РБВ (*Evans*, 1956. P. 100. Fig. 7; *Мацанова*, 2002. С. 223–226). Л. Николава трактует якоря как антропоморфные символы, связанные с культом плодородия (1991. С. 29). Сходная символика угадывается в декоре кавказских «якорей» из Усть-Джегуты и Великента. Другая вероятная интерпретация таких украшений-амулетов – букрани. Попаста на Кавказ «якоря» могли либо эстафетным путем через территорию Анатолии, либо по морю.

Конические подвески-копалчки с петлевой для подвешивания. Найдены конические подвески в могильнике Сачхери. В качестве прототипов сачхерских подвесок можно рассматривать золотые экземпляры из могил Аладжи, синхронизируемые с периодом РД III в Месопотамии.

Булавки. Большое место в инвентарях погребений занимают булавки различного типа, часть из которых предназначалась для застежки одежды.

Булавки с петлевой головкой и проволоочной обмоткой стержня (кипрский тип). Распространение булавок кипрского типа было изучено археологом П. Флуорензосом (*Flourentzos*, 1978. P. 408–419). Подобные булавки имеют широкий ареал и продолжительное бытование. Первые они появились в Египте в додинастический период. В III тысячелетии до н.э. такие булавки распространились в Сирии, Палестине, Месопотамии и Северном Иране. Из Сиро-Палестинского региона

они попадают на Кипр и в Анатолию (*Flourentzos*, 1978. Fig. 3), а из Анатолии – в Центральную и Восточную Европу, где их находят в памятниках начала II тысячелетия до н.э. (*Flourentzos*, 1978. P. 410–416. Fig. 2, 4).

На Кавказе булавки этого типа найдены в погребениях могильников Амираингсгора, Дзагина, Сачхере, Коринто. Сачхерские экземпляры булавок, как отмечают О.М. Джапаридзе и В.Л. Ростоунов, отличаются от кипрских и европейских **утолщением на стержне** у нижнего конца проволоочной обмотки; иногда это утолщение выполнено в **виде дисковидного выступа**, отделяющего нижнюю часть стержня булавки (*Кушнарера, Чубишвили*, 1970. Рис. 43, 10, 21). В.Л. Ростоунов полагает, что такая особенность, как и сравнительно крупные размеры, сачхерских булавок отражают их локальное развитие и свидетельствуют о более позднем их возрасте по сравнению с ближневосточными булавками и с экземплярами из Дзагина и Амираингсгора (*Ростоунов*, 1986. С. 30). Однако датировочные возможности сачхерских булавок с утолщением на стержне автором не были использованы в полной мере. Нами установлено, что среди многих десятков экземпляров подобных булавок из древневосточных комплексов изделия с утолщением на верхней части стержня обнаружены только в восьмом и одиннадцатом слоях Телль-Джудейде в Сирии¹⁹ (*Braidwood R., Braidwood L.*, 1960. P. 376. Fig. 292, 14, 15). Эти образцы датированы раннединастическим временем (РД II–РД III); очевидно, такую датировку можно перенести и на сачхерские погребения с подобными булавками.

Т-образные булавки недавно изучались С.Н. Корневским (1986. С. 12–24). Им была выделена равная группа – I. Ее отличают гладкий стержень, поднятые вверх перекладины и отверстие в центре перекрестья (*Корневский*, 1986. С. 13. Рис. 1, 1–4). Булавки первой группы сосредоточены в сачхерских могильниках Измерети. Кроме того, одна булавка происходит из поселения Хизанаант-гора в Квемо Картли; еще один экземпляр обнаружен в могильнике Загли-Барзанд у селения Кобан в Северной Осетии (*Ростоунов*, 1986. Рис. 2, 3). Булавки первой группы существовали в ранних сачхерских погребениях и в поздних памятниках КУАК (III этап, по периодизации К.Х. Кушнаревой; этап Квацхелеби V).

В степном Предкавказье найдены роговые булавки с горизонтальной перекладиной и утолщенными концами, типологически близкие южнокавказским Т-образным булавам, но традиционно

¹⁹ На датировочное значение экземпляров из Телль-Джудейде указал в свое время Э.М. Гогоадзе, однако он привел ошибочную дату этого памятника – начало III тысячелетия до н.э. (*Гогоадзе*, 1972. С. 102).

именуемые молоточковидными. Мы склонны рассматривать роговые булавки как подражания кавказским металлическим прототипам²⁰.

Анализ **молоточковидных булавок**, привлекающих внимание многих исследователей (Б.А. Латынина, В.А. Сафронов, А.М. Смирнов, В.Я. и А.В. Кияшко, А.Н. Гей, С.Н. Корневский), позволил установить, что ранняя их группа включает экземпляры с цилиндрическим стержнем, сравнительно широкими перекладинами и отверстием в верхней части стержня. Иногда встречается декор из поперечных кольцевых нарезок на стержне и на перекладинах.

Молоточковидные булавки ранней группы (с поднятыми вверх перекладинами) обнаруживаются в погребениях ямной (городцовой) культуры и новотитаровской группы, предшествующих появлению ранних катакомб (Лебеди I, курган № 3, погребение № 7; Большой Петропавловский могильник, курган № 1, погребение № 2; курган № 9, погребение № 9; Красногоровка III, курган № 5, погребение № 13; Маяк II, курган № 3, погребение № 4; Батуриная II, курган № 2, погребение № 12; ст. Перяславская, курган № 2, основное погребение; станция Минутка, курган № 1, погребение № 7). Однако наибольшую типологическую близость к сачхерским Т-образным булавам обнаруживают экземпляры из погребения поздней ямной культуры (или новотитаровской культуры) у хутора Дальнего в Прикубанье (курган № 2, погребение № 16; раскопки Н.Ю. Лимбергс в 1984 г.). Булавки из хутора Дальнего сближаются с сачхерскими по пропорциям, в том числе по соотношению длины стержня и перекладин; а также поднятыми перекладинами.

На Южном Кавказе существовала и разновидность коротких булавок с поднятыми перекладинами (вероятный прототип У-образных булавок, распространенных в горной зоне центра Северного Кавказа?). Подобные булавки с коротким стержнем обнаружены на поселении Арич в Армении (Хачатрян, 1975. С. 57. Рис. 15) и в горах Северной Осетии (погребение № 13 Кобанского могильника; раскопки В.Л. Ростунова в 1991 г.). Роговой экземпляр У-образной булавки с коротким стержнем найден в позднем погребении в Прикубанье – ст. Батуриная, курган № 3, погребение № 4 (Бочкарев и др., 1983. Рис. 2, 19). Подобные по форме серебряные экземпляры обнаружены в составеклада в Библие и в поздней Трое II (Maxwell-Hyslop, 1971. P. 55. Fig. 40).

Распространение через перевалы с юга на север Т-образных булавок фиксируется по находкам в Нальчике, Чегеме и Кобани. В свою очередь рого-

вые молоточковидные булавки проникали с севера на Южный Кавказ. Одна такая находка сделана у южного края перевальных троп в ущелье р. Ксан, у селения Коринто (*Djaparidze*, 1993. P. 489. Abb. 12; *Джпаридзе*, 1994. С. 181). Здесь в подкурганной могиле были обнаружены останки двух погребенных. Возле женского костяка (положенного на спину, с сильно подогнутыми ногами) находились три роговые молоточковидные булавки ранней группы (с цилиндрическим стержнем, широкой перекладной и поперечными кольцевыми нарезками на корпусе и на перекладинах), подвески из просверленных зубов собаки и булава с петле-видной головкой. Около мужского скелета (лежащего скорчено на правом боку) были положены глиняные сосуды и шаровидная каменная булава. Одна из возможных трактовок: это погребение семейной пары, в которой женщина, облаченная в местные украшения, происходила из Предкавказья, а мужчина был южнокавказского происхождения. Таким образом, погребение из Ксанского ущелья также служит примером взаимных контактов населения обоих склонов Кавказа и свидетельствует о синхронности позднейших памятников с ранними курганами (марткопской группы) СБВ²¹.

Любопытно, что серебряные и золотые аналогичные Т-образные или молоточковидные булавки Кавказа обнаружены в слоях поздней Трой II и III, а также в могилах Аладжи (*Branigan*, 1974. Cat. № 2057; *Koşay*, 1951. Pl. CXXVI; CXXXII). Две серебряные Т-образные булавки найдены в погребении BS II поздней фазы культуры ремеддело на Апеннинском полуострове (*Cornaggia Castiglioni*, 1971). Калиброванная датировка костей из погребения с булавами укладывается в 2857–2485 гг. до н.э. (10; *Skeates, Whitehouse*, 1994. P. 188). Роговая молоточковидная булава найдена также в пятом городе Лерны в Греции (*Caskey*, 1956. P. 160. Pl. 47b). Известны находки роговых молоточковидных амулетов из памятников культур шнуровой керамики Центральной Европы. Таким образом, как металлические Т-образные булавки, так и их роговые подражания бытовали на обширной территории (за пределами Кавказа) во второй – третьей четверти III тысячелетия до н.э.

Браслеты. В памятниках рассматриваемого периода представлены различные браслеты – в один оборот и многovitковые²². Последние известны из

²¹ Недавно подобные маленьким «рогатым» булавки были найдены в погребении ямной культуры (курган 7, погребение 9) могильника Кавказский II (Козоменко и др., 2001. С. 178. Табл. 29, 3).

²² В статье, посвященной развитию вооружения Кавказа (Кушнерова, Рысин, 2000), мы указываем на возможность использования многovitковых браслетов в качестве элемента защитного доспеха эпохи бронзы.

²⁰ Уменьшение длины стержня и перекладин мы объясняем особенностями используемого материала – кости, рога.

поздних южнокавказских памятников КУАК (Хизанаант-гора, Квацхела, Элар).

Многочитковые браслеты попадают на Северный Кавказ через перевалы – в Кабардино-Балкарию (Нальчик, Чегем, Лечинка), Северную Осетию (Загли, Дзаурикау), Чечню (Гатын-Кале, Харсеной), Дагестан (Гинчинский могильник). На Древнем Востоке многочитковые браслеты известны в Малой Азии РД III и аккадского времени – в Трое (золотые) и в Икитзепе (бронзовые; Schliemann, 1881. P. 512. № 689–691; Bilgi, 1984. Fig. 17, 245; 1990. Fig. 19, 422).

Налобные ленты-диадемы. Бронзовая диадема из тонкого листа металла с пуансонным орнаментом и отверстиями для привязывания на концах найдена в погребении могильника Квацхела (*Джавахишвили, Глонти*, 1962. Табл. XXXVI). Из Закавказья украшения этого типа попадали на север, где узкая бронзовая налобная лента обнаружена в подкурганном погребении в Кабардинском парке г. Нальчика (*Деген*, 1941. Рис. 34, J). В качестве типологической параллели налобной ленте из Квацхелы Г.Л. Кавтарадзе привел серебряную диадему из Халахридзиани, датируемую серединой III тысячелетия до н.э. Нам известно множество подобных находок, относящихся к середине – второй половине III тысячелетия до н.э.: Ур, Мари, Ашшур, Тепе Гиссар, Аладжауок, Демирчинок, Кючюкюк, Троя, Троада, Мохлос, Платанос и др. Недавно подобная диадема была обнаружена в богатом погребении с бронзовыми кобурами из слоя VI В поселения Арслантепе (*Frangipane*, 2000. Fig. 17, 6). Это погребение датируется началом III тысячелетия до н.э. Таким образом, прототипы кавказских налобных лент следует искать, скорее всего, в перднєвосточном регионе.

Бляхи. В погребениях успешного этапа СБВ на Северном Кавказе и в степной зоне от Приднепровья до Предуралья встречаются кованые выпуклые **дисковидные бляхи** с пуансонным орнаментом и отверстием для крепления в центре (*Кореневский*, 1984; *Трифонов*, 1991; *Гей*, 2001; *Нечитайло*, 1991; *Братченко, Санжаров*, 2001; *Черных Л.*, 1996). Такие бляхи часто встречаются вместе с молоточковидными булавками. Изредка бляхи имеют подквадратную и трапециевидную форму. Остатки органического вещества на некоторых изделиях свидетельствуют, что металлические бляхи крепились на деревянную или кожаную основу. Как правило, кованые бляхи встречаются в погребениях *парам*, реже *подиночке*, однако в Северном Причерноморье в могилах позднего этапа ямной культуры и кемнобинских обнаружены наборы из четырех-шести блях. На привольненском этапе СБВ в погребальном инвентаре вместе

с металлическими булавами встречаются **кованые и литые полусферические бляхи-колпачки**. Поверхность литых колпачков покрыта рельефным геометрическим декором. Предположительно, кованые дисковидные выпуклые бляхи можно отнести к категории амулетов-украшений. Вероятно, такие изделия изготовлялись на Северном Кавказе, откуда в начале СБВ распространились в степную зону юга Восточной Европы. Мастера степной зоны также освоили производство кованых блях, подражающих кавказским амулетам. Литые колпачки импортировались в Приазовье и Поднепровье с Кавказа.

Кованые дисковидные бляшки являются, вероятно, местным, северокавказским типом амулетов-украшений СБВ. Однако нельзя исключать южное происхождение и для этого типа изделий. На Южном Кавказе в подкурганных погребениях начального этапа СБВ также встречаются кованые дисковидные и подквадратные бляхи, покрытые пуансонным орнаментом. В центре и по краям блях имеются отверстия для их крепления к основе из органического материала (*Гозаде*, 1972). В погребениях бляхи встречаются наборами по 4–6 экземпляров. Возможно, в Закавказье металлические бляхи употреблялись в качестве нашивных элементов кожного или войлочного защитного доспеха (*Куцнарева, Рысин*, 2000). Подобный защитный доспех мог быть заимствован с территории Переднего Востока, где он, судя по многочисленным изображениям, использовался уже с середины III тысячелетия до н.э. (*Горелик*, 1993).

Не исключено, что северокавказские мастера, имитируя облик закавказских защитных блях, использовали их в новом качестве, – как амулет-украшение.

Височные кольца или серги являются наиболее распространенным типом металлических украшений населения Кавказа в эпоху бронзы. Смена типов височных колец особенно четко фиксируется на Северном Кавказе: в *майкопских* и *новосовбодженских* погребениях они изготовлялись из золотого прута в один оборот с несомкнутыми концами; иногда такие кольца соединены друг с другом и на них нанизаны бусины из полудрагоценных камней. В памятниках СБВ такие украшения сменяются экземплярами из проволоки в полтора и более оборотов с округлыми, приостренными или раскованными концами; реже встречаются кольца в один оборот с несомкнутыми приостренными концами. В этот период они изготовлялись из бронзы, реже – из серебра. Кольца же из золотой или электронной проволоки на Северном Кавказе встречаются очень редко. Вместе с тем известны экземпляры из бронзы, плакированные тонким листовым золотом (дольмен № 215 на р. Кизинка; *Марковин*, 1997. Рис. 37, 6).

На Южном Кавказе в ранних памятниках КУАК височные кольца не обнаружены. В поздних памятниках КУАК и в курганах алазано-беденского этапа СБВ представлены такие же типы височных колец, как в синхронных памятниках Северного Кавказа (Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 42–45). Примечательно, что, как и на Северном Кавказе, в Закавказье височные кольца изготавливались в основном из бронзы, реже — из серебра; золотые же и электролитные экземпляры встречаются крайне редко (Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 45).

Подобная картина наблюдается и на промежуточной территории — в могильниках, расположенных у перевалов Большого Кавказа. Здесь, в Заглы I и II и в Этикальском могильнике, обнаружены кольца в 1,5 и в 2,5 оборота из бронзовой и серебряной проволоки, имеющие параллели в сергах из Амиранис-гёра, Квацхела, Тквиани и Гиорцишнда (Ростунов, Хашегульгов, 1985. С. 46; 1990. С. 7; 1991. Рис. 1, 4, 5; Ростунов, 1991. С. 37).

Использовать эволюцию типов височных колец для синхронизации культур обоих склонов Кавказа предложил А.Н. Гей (1991. С. 33). По его наблюдениям, в поздних памятниках КУАК, в памятниках типа Сачхере, в ранних курганах алазано-беденского и марткопского круга присутствуют кольца, аналогичные выделяемым им типам 4 и 6, характеризующим финальные новотитаровские и расшекатакомбные памятники; это позволило автору синхронизировать процессы становления курганной культуры в Грузии и катакомбной общины в степной полосе Предкавказья.

Новые материалы и наши наблюдения дают возможность уточнить результаты сравнительного анализа, предпринятого А.Н. Геом. Так, в одном из курганов в Циори обнаружены серги из перекрученной проволоки (тип 5, по А.Н. Гею). Кроме того, в поздних памятниках КУАК и в курганах алазано-беденского этапа СБВ встречаются височные кольца, аналогичные типам 2 и 3, по А.Н. Гею (курганы Эзиани, Мартколи, Дялча, пос. Тианети; Пицхелаури, Варзачицли, 1988. Таб. LVI, 1, 2; Майсурадзе, Абдуцелишвили, 1991. Табл. I, II; Джараридзе, Авалишвили, Церетели, 1986. Рис. 4; Djaparidze, 1993. Abb. 8). Такие же украшения характерны для погребений новотитаровских и позднего этапа ямной культуры Предкавказья. Таким образом, сравнительный анализ височных колец служит аргументом в пользу синхронизации постновосвободенских памятников Северного Кавказа (включая памятники позднего этапа ямной культуры и новотитаровские Предкавказья) с памятниками КУАК (Амиранис-гёра, Квацхела и др.) и с курганами алазано-беденского этапа СБВ. О продвижении на север предельно точных стандартов ювелирного дела свидетельствуют находки литых височных колец, украшенных

рядами «шариков», копирующих зернь (рис. 21). Одно подобное серебряное кольцо обнаружено вместе с топором сачхерского типа в могильнике Ачхой-Мартан на р. Фортанге (раскопки С.Б. Буркова в 1988 г.; Бурков, Ростунов, 2004), а пара золотых колец происходит из раннеполтавского погребения Утевского могильника в Поволжье (Васильев, 1980. Рис. 4, 8). Комплекс из Утевского могильника, в том числе и золотые височные кольца, сопоставляли с новосвободенскими материалами РБВ Кавказа (Васильев, 1980. С. 49–54; Корневский, 1980. С. 61, 64). Мы полагаем, что рассматриваемое погребение относится к постновосвободенскому, успешному этапу металлообработки СБВ, а типологическая близость височных колец позволяет синхронизировать рассматриваемые погребения с памятниками алазано-беденского этапа в Закавказье. В качестве вероятных прототипов можно рассматривать «корзинчатые» серги, украшенные продольными рядами зерни из памятников Переднего Востока второй трети III тысячелетия до н.э. (Троя, Кюльтепе, Эскиятар, Тарс, Тель Брак, Ашшур, Сузы).

Для решения проблемы южных связей кавказского населения и синхронизации памятников Кавказа и Древнего Востока особую ценность приобретает наблюдение К. Максвелл-Хислон относительно того, что серги в полтора оборота становятся популярным украшением и широко распространяются на Переднем Востоке, начиная с РД III периода (Maxwell-Hyslop, 1971. P. 28). В это время здесь (как и на Кавказе) встречаются и массивные экземпляры с приостренными концами, и серги из тонкой проволоки, и образцы с расплюснутыми концами (Maxwell-Hyslop, 1971. Fig. 15. Pl. 17–19, 24, 26). Автор отмечает тенденцию вытеснения золотых височных колец (в массовом обиходе) серебряными и медными, плакированными золотом (Maxwell-Hyslop, 1971. P. 19), что сопоставимо с ситуацией в СБВ на Кавказе. Наконец, прототипами появившихся в начале СБВ на Кавказе серег с раскованными концами могли послужить популярные в РД III и в аккадское время на Переднем Востоке серги с откованными в виде полумесяца концами. Можно уточнить, что височные серги в полтора оборота стали популярными на Древнем Востоке уже в период РД III (Ур, Киш, Аладжа, Троя и др.). Таким образом, эволюция височных колец, как и сравнительное исследование амулетов-украшений в целом, демонстрирует многочисленные параллели системного характера, что позволяет предположить интенсивность контактов в сфере духовной культуры между Кавказом и соседними регионами юга, а также синхронизировать начало СБВ на Кавказе с периодом РД III на Древнем Востоке.

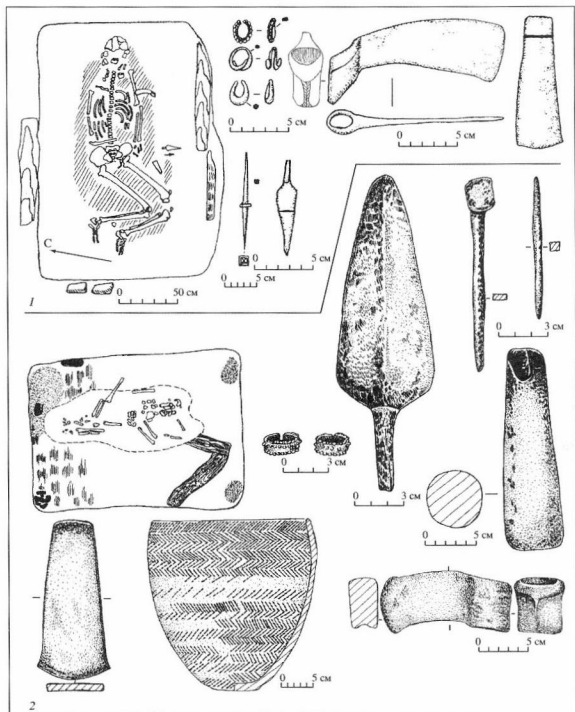

Рис. 21. Комплексы uspenskogo этапа Северного Кавказа и Среднего Поволжья с височными кольцами, украшенными рядами шариков (псевдоперлы)

1 – Ачхой-Мартан курган 1, погребение 30; 2 – Утевка I, курган 1, погребение 1

Fig. 21. Complexes with temple rings (pseudo-pearled work) of the Uspensky phase in the northern Caucasus and central Volga region

1 – Achkhoy-Martan, kurgan 1, burial 30; 2 – Uteвка I, kurgan 1, burial 1

Проанализировав признаки ведущих типов металлических изделий uspenskogo этапа, попытаемся выяснить, что происходило в этот период на Кавказе и в соседних регионах. Начало эпохи средней бронзы на Северном Кавказе и в Предкавказье

характеризуется крупнейшей культурной трансформацией и сменой культур. В ареале, занятом прежде новосвободненскими племенами, активизируются перемещения населения. В Центральном Предкавказье зафиксированы памятни-

ки, оставленные мигрантами из Закавказья по-сткуро-аракского времени (*Бетрозов, Нагов, 1984; Николаева, Сафронов, 1980; Мушчава, 1986; Роступов, 1985; 1998*). Ситез закавказских и местных (степных?) традиций дал начало «северокавказской» культуре (скорее, несколько локальные культуры). На Северо-Восточном Кавказе при активном участии носителей закавказской беденской культуры и степного населения формируются великентская и гинчинская культуры (*Гаджиев, 1991; Магомедов, 1992*). На Северо-Западном Кавказе сложилась дольменная культура. В ее генезисе также принимали участие закавказские мигранты и неизвестные пока носители мегалитических традиций, возможно, средиземноморских (*Марковин, 1978; 1997; Резенкин, 1988; Рысин, 1997; Трифонов, 2001*). В Прикубанье в результате смешения населения степной филиации нововосточной группы (?) и населения ямной культуры формируется новотитаровская культура (*Гей, 2000*). Позднее в Приазовье на местном ямном или новотитаровском субстрате (под культурным воздействием с Кавказа) возникает ядро будущей свиты катакомбных культур (*Братченко, 1976; 2001; Смирнов, 1996; Кияшко, 1999; Гей, 2000; Трифонов, 1991*). Мы разделяем предположение В.Я. Кияшко (1979), поддержанное и развитое сегодня А.В. Кияшко (1996), о культурном родстве «катакомбников» и строителей западнокавказских дольменов. Объединяет дольменную культуру с катакомбными культурами прежде всего повышенное внимание к ритуальной практике, сопровождающей обряды перехода. Первенство, безусловно, принадлежало строителям дольменов, что было обусловлено прочной оседлостью, владением навыками металлообработки, ресурсами горного региона и транзитными путями, ведущими на юг. Все это позволило носителям дольменной культуры длительное время сохранять стабильность и создать уникальные племенные святилища, такие как Серебряный курган и Псынако. Возможно, именно в родственной культурной среде (на Кавказе и в Предкавказье) в СБВ широко распространились культуры со склеповыми погребениями или блок родственными культур (*Гаджиев, 1987; Рысин, 1992; Ахундов, 1999*).

Различные контакты и связи населения новотитаровской и катакомбной культур с населением Кавказа на усненском этапе документируются находками кавказских керамических импортов и местных подражаний им (III группа керамики, по А.В. Кияшко) в Прикубанье, Приазовье и на нижнем Дону (*Кияшко, 1990; Братченко, 1976; 2001; Смирнов, 1996; Трифонов, 1991; Гей, 2000*). Прототипы такой керамики обнаруживаются на поселениях дольменной культуры Западного Кавказа (*Рысин, 1992; 1997; Марковин, 1997*). Кроме выде-

ленной А.В. Кияшко керамики с кавказской технологической традицией, в степном Приазовье и в Прикубанье встречается керамика, сформованная на плетеном (из прутьев) каркасе, оставляющем глубокие бороздки на внутренней поверхности сосуда. Этот своеобразный прием формовки выделен нами в качестве маркирующего признака для посуды западнокавказских поселений строителей дольменов (*Рысин, 1992; 1997*). К кавказской традиции относится и снабжение сосудов разнообразными ручками и специфический способ прикрепления ручек к сосуду при помощи глиняных шпечков (*Рысин, 1997*). Элементы кавказских культурных традиций отмечены в Крыму и Поднепровье, в ареале кемнобионской культуры (*Гей, 2000; Нечитайло, 1991*). Наряду с керамической посудой и деталями погребального обряда, кавказско-степные связи начала СБВ документируются находками в Приазовье, Подонье и Поднепровье импортных металлических изделий и местных подражаний им (плоские тесла, долота, княжаль с металлической рукояткой, ножи, молоточковидные булавы, полусферические бляшки, кольцевидные и дисковидные медальоны, стерженьковые подвески с шариками и пр.; *Нечитайло, 1991; Черных Л., 1996; 1997; Братченко, 2001*).

Существующие сегодня периодизации памятников степных культур не совпадают друг с другом и с периодизацией кавказских культур. Так, на Северном Кавказе дольменная, северокавказская и гинчинская культуры, а также постстуро-аракские памятники относятся к эпохе средней бронзы по культурно-исторической периодизации (Эпоха бронзы Кавказа..., 1994). Они бытовали на протяжении усненского, привольненского и костромского этапов развития северокавказской металлообработки (*Иессен, 1950; Рысин, 1996а*). Синхронные им ямные, новотитаровские и ранние катакомбные памятники в степной зоне относятся к этапу ранней бронзы (*Братченко, 2001; Нечитайло, 1991*²³). Было предложено несколько вариантов периодизаций культур эпохи бронзы на прилегающих к Кавказу территориях нижнего Дона, Приазовья, Предкавказья и Поволжья. Наиболее убедительное сопоставление культурно-хронологических схем приведено в работах В.А. Трифонова (*Трифонов, 1991*, С. 109–165) и А.В. Кияшко (*Кияшко, 1999*, С. 161–177). Основное отличие схем для памятников степной зоны состоит в том, что С.Н. Братченко начальный этап катакомбной культуры на нижнем Дону и Северском Донце называет раннедонским, а А.В. Кияшко, вслед за А.М. Смирновым (*Смирнов, 1996*), выделяет додонецкий или преддонецкий раннекатакомбный пе-

²³ В более поздней работе А.Л. Нечитайло отнесла катакомбные памятники к средней бронзе (*Нечитайло, 2000*, С. 62).

риод. В Прикубанье этому периоду соответствуют предкатакомбная и раннекатакомбная группы В.А. Трифонова и ранняя фаза восточно-приазовской катакомбной культуры по А.Н. Гею (Гей, 2000). В Волго-Уральском регионе в этот период сосуществуют памятники III хронологической группы ямной культуры по Н.Я. Мерперту и первой группы полтавkinской культуры по Н.К. Качаловой. И на Дону, и в Приазовье на этом этапе зафиксировано сосуществование позднейших памятников с раннекатакомбными. В Калмыкии В.П. Шилов выделил предкатакомбный архаринский горизонт, на котором поздние ямные памятники сосуществуют с ранними северокавказскими и полтавkinскими (Шилов, 1985; Шилова, 1992; 2002). Позднее, по А.В. Кияшко и А.М. Смирнову, на нижнем Дону и Северском Донце появляются ранние донецкие катакомбные памятники (в начале среднего бронзового века по периодизации для степной зоны). По С.Н. Братченко в это время начинается средний период донецкой катакомбной культуры. В Прикубанье и Приазовье этот период соответствует второй катакомбной хронологической группе по В.А. Трифонову и поздней фазе восточно-приазовской катакомбной культуры – по А.Н. Гею. В Волго-Уралье в это время существует поздняя вторая группа полтавkinской культуры. Следующему этапу на нижнем Дону, Северском Донце и в Приазовье соответствуют позднедонецкие памятники по А.М. Смирнову, развитая фаза среднего периода донецкой катакомбной культуры – по С.Н. Братченко, развитая донецкая катакомбная культура – по А.В. Кияшко. В Калмыкии появляются памятники предкавказской катакомбной культуры. Развитый и финальный этапы средней бронзы представлены на нижнем Дону и в Приазовье памятниками бахмутско-маньчского типа, а в Калмыкии – памятниками развитого и финального этапов предкавказской катакомбной культуры. В Нижнем Подонье и на Северском Донце в финале среднего бронзового века сформировались (по мнению В.С. Бочкарева, под воздействием населения, переселившегося с Северо-Восточного Кавказа) памятники культуры многоваликовой керамики (Березанская, 1986).

По схеме А.Н. Гея, в Приазовье и Прикубанье ранние катакомбные памятники происходят от новотитаровских (2000). По схеме В.А. Трифонова, в Прикубанье поздние ямные памятники сменяются раннекатакомбными, а в Закубанье – ранними «северокавказскими» памятниками (Трифонов, 1991). Финал средней бронзы в Прикубанье и в Закубанье связан, по В.А. Трифонову, с батуриновскими катакомбными памятниками (оставленными выходцами с Северо-Восточного Кавказа). В Поволжье, по И.Б. Васильеву (Васильев, 1979), Н.К. Качаловой (Качалова, 1962) и П.Ф. Кузнецову (Кузнецов,

1991), позднейшие памятники сосуществуют с полтавkinскими. На среднем Дону позднейшие памятники сменяются среднедонскими катакомбными (Синюк, 1983; Прахин, Матвеев, Бессен, 1991). В финале средней бронзы на средний Дон и в Волго-Донское междуречье расселяются носители культуры многоваликовой керамики. Зафиксированы здесь также памятники покровской группы. На средней Волге полтавkinские и катакомбные памятники сменяются в финале СБВ потаповскими. В Приуралье, по схеме Н.Л. Моргуновой, позднейшие памятники и памятники полтавkinской культуры доживают до финального этапа средней бронзы (Моргунова, 2002) и сменяются синташтинскими памятниками. Согласно периодизации А.В. Кияшко, на втором этапе происходит распространение катакомбной погребальной традиции на различных территориях – на нижнем и среднем Дону, Северском Донце, Приазовье и Прикубанье (Кияшко, 1999, С. 163–172). А.В. Кияшко полагает, что В.А. Трифонов ошибочно выделил предкатакомбную группу памятников в Прикубанье: инвентарь этих погребений по своему облику соответствует находкам в ранних катакомбах нижнего Дона, следовательно, их также можно отнести к раннекатакомбному периоду (Кияшко, 1999, С. 164).

Памятники так называемой северокавказской культуры могли сформироваться на Северном Кавказе в результате смешения закавказских мигрантов с автохтонным кавказским населением и носителями позднейшей культуры. Северокавказские памятники в Закубанье, по В.А. Трифонову, синхронизируются с предкатакомбной и раннекатакомбной группами. В финале средней бронзы эти памятники сменяются поздними катакомбными памятниками и памятниками культуры многоваликовой керамики. По периодизации В.А. Сафронова, в Предкавказье ямные памятники (горизонт «А») сменяются северокавказскими (горизонт «В»), затем памятниками предкавказской катакомбной культуры (горизонт «Д») и срубными (горизонт «Е»; Сафронов, 1974). А.В. Кияшко, сопоставляя свою схему периодизации памятников нижнего Дона со схемой С.Н. Кореневского (Кореневский, 1984) для памятников Центральной части Северного Кавказа, синхронизирует северокавказские памятники ранней фазы со вторым периодом (раннекатакомбным), а памятники поздней фазы – с третьим, раннедонецким периодом (Кияшко, 1999, С. 164). На наш взгляд, А.В. Кияшко ошибается, соотнося начало существования северокавказских памятников с Т-видными буллавками с появлением катакомбных погребений на нижнем Дону и в Приазовье. Надо учитывать, что Т-видные буллавки существовали сравнительно долго на Кавказе и в Предкавказье (Кореневский, 1986).

Ранние типы таких булавок в Закавказье (Хизанант-гора, Квачхелиби В, Сачхери) и Центральной части Северного Кавказа бытовали одновременно с роговыми молоточковидными булавками с цилиндрическим стержнем, характерными для ямных, новотитаровских и «северокавказских» памятников, предшествовавших появлению ранних катакомбных погребений. Подобную ошибку, на наш взгляд, допустил и А.Н. Гея, сопоставивший Т-видную булавку позднего варианта (III группа, по классификации С.Н. Корнеевского) из финально-новотитаровского погребения (Новомышастовская, курган 10, погребение 2) с ранними образцами Т-видных булавок из куро-аракских памятников. В результате, исходя из такой синхронизации, автор считает новотитаровскую культуру в целом «древнее сачхерских, марткопских, беденских и даже поздних куро-аракских памятников», а культуру ранних курганов Закавказья синхронизирует с катакомбными памятниками (Гея, 2000. С. 207). Действительно, сопровождающий эту позднюю разновидность Т-видной булавки инвентарь (Гея, 2000. Рис. 57) соответствует типам изделий так называемого ямно-катакомбного горизонта или второго периода по А.В. Княшко. Ранние же образцы Т-видных булавок, а также инвентарь памятников начала успешного этапа, безусловно, древнее преддонецких катакомбных погребений и синхронизируются с позднесамскими и новотитаровскими памятниками в степной зоне. Для уточнения стратиграфической позиции новотитаровских памятников раннего этапа (по А.Н. Гею) большое значение имеет, на наш взгляд, обнаружение в погребении № 2 кургана № 1 Большого Петропавловского могильника в Закубанье роговой молоточковидной булавки с горизонтальными нарезками на цилиндрическом в сечении стержне (ранний тип булавки). Основное погребение № 3 – скорченное, с восточной ориентировкой – новотитаровское, раннего этапа. На край насыпи основного погребения лег выкид из погребений № 2, 6, впускных и уровня древней погребенной поверхности. Надежно зафиксированная стратиграфия (раскопки А.Н. Гея и О.А. Ульяновой 1982 г.) позволяет синхронизировать погребения № 2, 6 с ориентированными на восток скорченным и вытянутым на спине погребениями первого этапа новотитаровской культуры.

Таким образом, находка молоточковидной булавки раннего типа дает возможность синхронизации позднесамских памятников и новотитаровских памятников раннего этапа. Еще одна роговая молоточковидная булавка ранней группы обнаружена в погребении 7 кургана 3 могильника Лебеди I, которое, по А.Н. Гею, относится к раннему этапу развития новотитаровской культуры (Гея, 2000. Рис. 50, 23). В свою очередь одновременность этих

памятников с памятниками марткопского этапа на Южном Кавказе подтверждается обнаружением роговых молоточковидных булавок с горизонтальными нарезками на цилиндрическом корпусе и «молоточках» (ранней группы) в инвентаре марткопского погребения у селения Коринто (*Джанаридзе*, 1998. С. 155. Рис. 61). Памятники начала успешного этапа на Северном Кавказе следуют непосредственно (?) за финальными новосвободненскими и соотносятся выделенному Р.М. Мунчаевым (1986) для центральной части Северного Кавказа «горизонту с триподами» начала СБВ.

К северу и северо-востоку от Кавказа – в Калмыкии, Нижнем и Среднем Поволжье, на среднем Дону и в Приуралье – в начале СБВ складывается совершенно иная картина, чем в Приазовье и на нижнем Дону. По-видимому, здесь обитали только автохтонные племена позднейшей культуры, продвигавшиеся в Предкавказье, в ареал, занятый прежде майкопским и новосвободненским населением. Здесь не зафиксированы погребения с кавказской керамикой. Вероятно, в Центральном Предкавказье (в отличие от Западного Кавказа) не сформировалась родственная культурная среда, способствовавшая распространению в степную зону керамических импортов и подражаний.

Таким образом, в кавказско-степном регионе в начале СБВ (в сфере металлообработки) фиксируются следующие перемены: во-первых, в степной зоне на порядок возросло количество кавказских импортов и подражаний им; во-вторых, значительно расширился ареал этих находок – от Цоингуля на западе (Старогорожено), до Среднего Поволжья на севере (Утевский могильник) и Приуралья на северо-востоке (Тамар-Уткуль). Другими словами, возросли интенсивность и дальность связей населения Кавказа и степной зоны. На успешном этапе традиции кавказской металлообработки впервые распространились по всему ареалу ямной общности и полтавчинской культуры, а позже и в катакомбном ареале. Наконец, третье отличие состоит в том, что в степной зоне распространяются не только ведущие типы орудий (как это было в РБВ), но и кавказские амулеты-украшения и votивные изделия (булавки, крюки, медальоны, подвески и т.п.). Именно амулеты-украшения новых, неизвестных ранее, типов служат маркерами инвентаря погребений среднего бронзового века на Кавказе. Смена наборов амулетов и votивных изделий отражает смену идеологии, мировоззрения древнего общества (Генслер, 1996) в результате культурной трансформации (Массон, 1997; Рысин, 1997). На наш взгляд, появление в степной зоне кавказских амулетов-украшений и votивных металлических изделий отражает формирование родственной культурной среды со сходными тра-

дичиями обрядов перехода (Рысин, 1996в). Параллельно культурам со склеповым обрядом погребения на Кавказе в степной зоне складывается свита катакомбных культур.

Нам представляется, что в начале успешного этапа (в условиях «проницаемой» для различных новаций родственной культурной среды) произошло формирование свиты культур средней бронзы на Кавказе и в прилегающих к Предкавказью регионах степной зоны. Позднее, на протяжении успешного этапа, происходит дифференциация культур (катакомбных, «северокавказских»), что соответствует этапу расцвета культур СБВ.

В дальнейшем, на привольненском этапе СБВ, продукция кавказских мастерских по-прежнему распространяется в Предкавказье и Нижнем Подонье. На севере и северо-востоке же ареал распространения кавказских типов металлических изделий снова сокращается до границ Нижнего Поволжья. Наконец, в финале СБВ, на костромском этапе изделия кавказских типов встречаются только в Предкавказье и на нижнем Дону. Активизация волго-уральского очага металлообработки проявляется в создании и распространении в степной зоне местных типов *вислобушных* топоров колчатаевского и царевкурганского типов, а также в самостоятельном освоении нового типа оружия – копий со свернутой втулкой. Примечательно, что амулеты-украшения кавказских типов не проникают в этот период на Волгу и в Приуралье. Ассортимент амулетов-украшений также заметно сокращается.

Как можно интерпретировать приведенные факты?

Во-первых, очевидно, что в финале СБВ влияние кавказского очага металлообработки в степной зоне сокращается, возвращаясь к границам нововольненского периода эпохи ранней бронзы. По мнению В.С. Бочкарева, центр кавказского очага культурогенеза в финале СБВ перемещается на Северо-Восточный Кавказ, в Чечню и Дагестан. Как полагает В.С. Бочкарев, здесь были сформированы новации, лежащие в основе развития постакомбных культур Предкавказья и КМК. Однако теперь в Волго-Уральском регионе действует независимый от кавказского, хотя и возникший под его воздействием, местный очаг металлургии и металлообработки.

Во-вторых, сформировавшийся в начале СБВ в степной зоне континуум (родственная культурная среда), *проницаемый* для распространения кавказских технологических и идеологических новаций, также сокращается до границ Подонья и Нижнего Поволжья. Вероятно, это также связано с начавшимся на северо-востоку от Кавказа процессами формирования волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы (Бочкарев, 1991). Сокращение кавказского влияния в степной зоне и

затухание деятельности кавказского очага культурогенеза мы связываем в первую очередь с разрывом южных связей и сокращением притока новаций из Закавказья.

В заключение остановимся на нескольких выводах. Прежде всего отметим, что выделение успешного этапа позволило сперить периодизацию и хронологию памятников степной зоны с уточненной нами кавказской шкалой (Рысин, 2007, Рис. 23). Кроме того, выясняется, что новации в различных сферах (прежде всего в технологической) распространялись по принципу сообщающихся сосудов – от более развитых культур к менее развитым. При контактах передневосточного населения с кавказскими племенами новации распространялись с юга на север, с Армянского нагорья на Кавказ, а далее кавказское население распространяло новации в степную зону Предкавказья, Подонья, Поволжья и Приуралья. Например, племена ямной культуры, переселяясь на юг, в Предкавказье, смешивались с местным кавказским населением и воспринимали местные культурные стереотипы. При расселениях же ямных племен на восток, в Приуралье и за Урал, они сами оказываются в роли «культуртрегеров», носителей более высоких культурных традиций (в том числе за счет воспринятых ими достижений кавказского населения). В результате на восточной окраине «ойкумения» ямной культуры возникают яркие памятники, такие как курганные некрополи р. Илек (Моргунова, Крацов, 1994; Моргунова, 2002) и микелесы афанасьевской культуры на юге Сибири, а металлические изделия кавказских «успешных» типов распространяются даже в Барнаульско-Бийское Приобье (Кирюшин, 2002).

Мы разделяем предположение В.С. Бочкарева о значении родственной среды для осуществления межкультурных контактов и распространения технологических достижений. Поэтому можно предположить, что сокращение *транскавказских* связей на развитом этапе СБВ связано с появлением в Закавказье нового населения (триалетский этап) и разрушением «родственной среды», облегчавшей эти связи ранее. Климатический фактор – похолодание и закрытие перевалов – играл здесь, на наш взгляд, вторичную роль.

Принятие «диффузионистской» гипотезы и трансляции *новаций* металлообработки с юга на север (с Переднего Востока через Кавказ в восточноевропейские степи), на наш взгляд, позволяет лучше объяснить использование металлических изделий сходных типов на обширной территории Евразии, чем гипотеза Е.Н. Черных (Черных, 1978; Черных, Авилова, Орловская, 2000) о существовании на протяжении эпох ранней и средней бронзы так называемой «циркумпонтийской зоны» или циркумпонтийской металлургической

провинции (с общими принципами металлургии и металлообработки), включающей десятки совершенно различных археологических культур от Персидского залива и Леванта до Днепра и Урала.

Наша точка зрения подтверждается, в частности, примером кавказских металлических украшений СБВ, при изготовлении которых копировались в литье более совершенные технологические приемы, употреблявшиеся переднеазиатскими ювелирами, – зернь и филигранны.

Интенсивность межрегиональных контактов периодически возрастает и затухает, подчиняясь определенному ритму. Этот ритм, как показывает анализ связей Кавказа с Поволжьем (Рысин, 2007), определяется, по-видимому, закономерностями возникновения, функционирования и смены центров или очагов культурогенеза. В свою очередь возникновение очагов культурогенеза сначала на Кавказе, а затем в Поволжье могло стимулироваться новыми идеями и технологиями, полученными в результате интенсивных контактов с югом.

Наконец, остаемся на проблеме датировки начала СБВ Кавказа, что соответствует в нашем понимании датировке памятников начала успешного этапа. На наш взгляд, новация, определяющая наступление СБВ, это прежде всего изготовление проушных топоров «псевдовислобушного» типа с валками вокруг краев втулки и вислобушных топоров, отлитых в форму со стороны спинки. Первое появление таких топоров и их матриц зафиксировано на Армянском нагорье в слое РБВ II В (Норшунтепе) и в Иране в слоях РД II (Сузы). Прототипы кавказских украшений-амулетов СБВ обнаруживаются на переднеазиатских памятниках периода РД III. Таким образом, начало СБВ Кавказа можно синхронизировать с раннединастическим периодом Древнего Востока (XXVIII–XXVII вв. до н.э.).

Датировка финального этапа СБВ Кавказа может быть уточнена по распространению костяных и роговых пряжек и фиалковых бусин с выступами. Такие предметы в Предкавказье и Причерноморье встречаются в памятниках культуры многовалковой керамики (КМК) первого и второго этапов ее развития. По западным параллелям эти памятники соответствуют постштурмовым памятникам Центральной Европы и датируются рубежом III–II и началом II тысячелетия до н.э.

Мы должны выразить свое отношение к появившимся в последние годы «универсальным» археологическим схемам, построенным на основе калиброванных радиоуглеродных датировок (Трифонов, 1996; Черных, Авилова, Орловская, 2000). Мы рассматриваем переход от конвенциональных дат к калиброванным датировкам как одно из прогрессивных усовершенствований радиоуглеродного метода датирования археологических памятни-

ков. И тем не менее непонятно стремление «одно-стороннего» удреждения памятников Восточной Европы и Кавказа, без соответствующего пересмотра абсолютной хронологии переднеазиатских культур. В результате беденские курганы (типологически сопоставимые в целом с материалами РД III и аккадского периодов) удреждаются до начала раннединастической эпохи, а памятники «цветущей поры» триалетской культуры – до аккадского периода. Та же методическая ошибка привела к «синхронизации» степных памятников ямной и катакомбной культур с памятниками раннединастического периода. За этим следует вывод о культуртрегерской роли степных скотоводов («ямников», «новотитаровцев» и «катакомбников») в формировании не только курганной культуры Закавказья (Гей, 2000; Кияшко, 2002; Братченко, 2001), но и погребального ритуала «царского» могильника в Уре (Кавтарадзе, 1983). Следует учитывать, что Кавказ пока не обеспечен статистически достоверными сериями датированных по новой методике образцов из археологических памятников эпохи палеометалла. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильнее основывать хронологические построения для кавказско-переднеазиатского региона на традиционных сравнительно-типологических и стратиграфических наблюдениях.

Сравнительно-типологический анализ позволил обнаружить прототипы всех основных видов кавказского оружия и орудий в широком ареале Переднего Востока (Анатолия, Сирия, Палестина, Северная Месопотамия, Западный Иран). Такие прототипы датируются в основном второй третью III тысячелетия до н.э. Более того, выясняется, что новации металлопроизводства, распространявшиеся из Закавказья на Северный Кавказ и в степную зону, составили здесь основу ассортимента типов металлических изделий начала средней бронзы (успешный этап металлообработки). Активизации связей населения обоих склонов Кавказа в финале ранней и в начале средней бронзы способствовало потепление климата, которое вызвало сокращение горного оледенения и открытие перевальных путей. Освоение горных пастбищ закавказскими племенами вызвало их расселение, в том числе на Северный Кавказ. Это подтверждается обнаружением на Северном Кавказе куро-аракских и «посткуро-аракских» (по В.Л. Ростунову) памятников. Расселяясь на равнинах Предкавказья, южные переселенцы вступали в контакты с местным населением. Результатом этих контактов было распространение на Северном Кавказе различных новаций, в первую очередь – традиций южной металлообработки. В то же время элементы степных культур проникают в Закавказье (например, детали погребального обряда, приемы украшения керамики, костяные булавки), а на Северном Кавка-

зе формируются памятники смешанного облика. К таким памятникам можно отнести катакомбные могилы Великента и Манаса, погребения в курганах Дзаурикау, Нальчика, Кишкепа, Утамышя и т.п. Другими словами, мы полагаем, что закавказское влияние послужило формообразующим импульсом в сложении так называемой северокавказской культуры СБВ. Причем это влияние на севере наиболее заметно у выходов главных перевальных путей Центрального Кавказа и Дагестана.

В комплексах встречаются также предметы, имеющие иное, не утилитарное значение. Это различные украшения, несущие символическую нагрузку (амулеты, обереги и пр.). Исторически важно, что многие новации ювелирного дела Кавказа средне-бронзовой эпохи обнаруживают свои корни также на юге – в памятниках Анатолии, Северной Месопотамии, Сирии и южной части Армянского нагорья раннединастического III и аккадского периодов. Поскольку украшения-амулеты на Древнем Востоке имели смысловой, идеологический характер, можно предположить, что население Кавказа воспринимало соответствующие верования и культуры. С юга на Кавказ поступало олово, которое встречается в составе анатолийских бронз уже в начале III тысячелетия до н.э. (РБВ), а в Закавказье впервые зафиксировано в составе металла в кургане марткопского вождя второй трети того же тысячелетия. Привезены с юга были льняные и хлопковые ткани, остатки которых зафиксированы в «дарских» погребениях в Алазанской долине.

Проведенное нами исследование позволило впервые установить ареал и время изготовления прототипов металлических изделий периода средней бронзы, начиная с раннего, успенского, этапа. Итак, судя по картине распространения памятников, новации в металлообработке Кавказа связаны с передневосточными регионами. Очень важно, что эта территория в основном совпадает с ареалом южной миграции носителей куро-араксской культурной общности. Таким образом, кавказское население, в основном хурриты, по И.М. Дьяконову (1968; 1995), расселившееся на Переднем Востоке, образовало родственную культурную среду, способствовавшую восприятию и передаче на Кавказ прогрессивных достижений.

Особенно наглядны тесные и непрерывные связи Кавказа с югом в палеометаллическую эпоху в области вооружения. Развитие и смена систем вооружения на Кавказе и Переднем Востоке происходит параллельно на протяжении IV–II тысячелетий до н.э. (Куцнарева, Рысин, 2000). Северокавказский регион и степная зона несколько отстают в этом отношении от Закавказья вплоть до эпохи поздней бронзы. Такое отставание связано, по-видимому, с определенной эгалитарностью степных скотоводческих общин и особенностями культурно-

генеза степной зоны ранней и средней бронзы (Массон, 1998).

Связи Северного Кавказа с населением степной зоны, по-видимому, были обусловлены интенсификацией южных контактов самих кавказцев. Действительно, в начале СБВ, в период активизации связей и поступления новаций из Закавказья, продукция кавказского центра металлообработки и подражания кавказским изделиям распространяются по всей степной зоне от Днепра до Урала. Формирование родственной культурной среды привело к использованию степным населением не только орудий кавказских типов, но и кавказских амулетов-украшений. Мы полагаем, что именно с распространением кавказского металла, керамической посуды, обрядов и идеологических представлений (новации в погребальном обряде, амулетах и орнаментации посуды) связано формирование на местной ямной основе таких культур, как новотитаровская (Прикубанье) и катакомбная (Приазовье и нижний Дон). В то же время на значительном расстоянии от Кавказа, в Волго-Уральском регионе, кавказское влияние привело к формированию на местном (ямном?) субстрате полтавкннской культуры. В отличие от контактной зоны Предкавказья, сюда не распространялась кавказская керамическая посуда, но восприимчивость кавказские образцы металлических изделий и воспринимались идеологические представления (детали погребальной обрядности, амулеты-украшения). Керамические же комплексы полтавкннской культуры обладают признаками (профиль и орнаментация сосудов гребенчатым штампом), свидетельствующими об участии в ее формировании населения, пришедшего из Сибири.

Под воздействием традиций Кавказа в степях формируются самостоятельные очаги металлообработки, базирующиеся на местных медных месторождениях (Донецк, Каргалы и др.). На развитем, и особенно на финальном этапе металлообработки СБВ (привольненском и костромском), когда связи с Закавказьем прерываются, происходит затухание деятельности кавказского очага культурогенеза и сокращение ареала распространения в степях изделий кавказских типов сначала до границ Нижнего Подонья и Поволжья, а в финале СБВ – Подонья и Предкавказья. В то же время активизируется деятельность Волго-Уральского центра, продукция которого занимает в степной зоне место кавказской.

Абсадае Ц.Н., 1974. Химическое изучение металлических предметов из курганов Кяемо Каргли // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов, Тбилиси. Т. I.
Абсадае Ц.Н., 1980. Металлические изделия ранней и средней бронзы из Кахети // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси. Т. III.

- Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии. М.
- Ахундов Т.И., 1999. Древнейшие курганы Южного Кавказа (культура подкурганных склепов). Баку.
- Ахундов Т.И., 2001. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку.
- Березанская С.С., 1986. Культура многовалковой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Бетрозов Р.Ж., Назоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишик // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.
- Бочкарев В.С., 1991. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Бочкарев В.С., 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Саратов.
- Бочкарев др., 1983. – Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н. Работы Кубанской экспедиции в 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С.Н., 1996. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.
- Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ. Ч. I, II.
- Братченко С.Н., Саижаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверскодонеччини та Донщини (III тис. до н.э.). Луганськ.
- Бурков С.Б., 1991. Закавказские импорты из подкурганных погребений среднего течения Ассы как культурно-хронологический показатель // Университетская экспозиция результатов новоэроенных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Грозный.
- Бурков С.Б., Ростунов В.Л., 2004. Погребения эпохи бронзы из кургана № 1 у сел. Ачхой-Мартан (Чечня) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир. Вып. 3.
- Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы: (ямные и подтавские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев. – (Научные труды Куйбышевского пединститута. Т. 230).
- Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-подтавского времени у сел. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 2.
- Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1987. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. М. Вып. 192.
- Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Гаджиев М.Г., Коренский С.Н., 1984. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Гаспарян С.Е., 1987. Раскопки кургана в селе Беркабер Иджеванского района // ИФЖ. Ереван. № 1.
- Геворкян А., Петросян Л., 1979. Вислоубуший топор из Ленинанка // ВОН АН Арм. ССР. Ереван. № 4.
- Гей А.И., 1991. Височные кольца новотатарской и раннекатакомбной культур степного правобережья Кубани // Древности Кубани. Краснодар.
- Гей А.И., 2000. Новотатарская культура. М.
- Генсен, Ван А., 1999. Обряды перехода: системное изучение обрядов. М.
- Гобеджияшвили Г.Ф., 1980. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси.
- Гогойзе Э.М., 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси (на груз. яз.).
- Горелак М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.
- Григорьева Е.А., 1991. Культовые сосуды (курильницы) из раскопок 1989–1990 гг. // Университетская экспозиция результатов новоэроенных и охранных археологических работ 1989–1990 годов. Грозный.
- Дезен Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л. – (МИА. № 3).
- Дедобришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси.
- Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991. Погребальные комплексы позднего триполья. Кишинев.
- Державин В.Л., 1991. Стенное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Джавашияшвили А.И., Глонати Л.И., 1962. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхельба. Тбилиси.
- Джалабадзе М.Г., 1998. Керамика нос. Бериклдеби: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзового века. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1994. Одно погребение из Ксанского устья Восточной Грузии // Археологический сборник, посвященный 70-летию со дня рождения известного грузинского археолога Отара Джапаридзе. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 1998. К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., 2003. У истоков истории Грузии. Тбилиси.
- Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1986. Отчет работы Кахетской (Марткопской) археологической экспедиции за 1980–1981 гг. // АЭГМГ. Тбилиси. Вып. VIII.
- Дьяконов И.М., 1968. Предыстория армянского народа. Ереван.
- Дьяконов И.М., 1990. Люди города Ура. М.
- Дьяконов И.М., 1995. Алародит // ВДИ. М. № 1.
- Зураев А.В., 1991. Погребение беденской культуры у ст. Черноярской // Тезисы докладов и сообщений третьей зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный.
- Иессен А.А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. М. № XII.
- История Древнего Востока, 1983. М.
- Кавтарадзе Г.Л., 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси.
- Каминский В.Н., 1993. Майкопские погребения из Тямашевского кургана в степном Прикубанье // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. – (Поитыско-кавказские исследования. Т. 1).
- Качалова Н.К., 1962. К вопросу о памятниках подтавской культурно-исторической общности // АСГЭ. Л. Вып. 5.
- Качалова Н.К., 1983. О локальных различиях подтавской культурно-исторической общности // АСГЭ. Л. Вып. 24.

- Кирчо Л.Б., 2001. Особенности производства поселения Алтын-Дене в эпоху палеометалла // *Материалы Южно-Туркменистанской археологической экспедиции*. СПб. Вып. 5.
- Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.
- Китов Г., Панайотов И., Павлов П., 1991. Могилни некрополи в Ловешкяи край: равна бронзова епоха (некрополът Горан-Слатина) // *Разкопки и проучвания*. София. Кн. XXIII.
- Кишко А.В., 1990. Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Кишко А.В., 1996. К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории Волго-Донского междуречья // *Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века*. Волгоград.
- Кишко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кишко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кишко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кишко В.Я., 1979. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы*. Донецк.
- Козюменко и др., 2001. – Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // *Археологические исследования на новостройках Краснодарского края*. Краснодар. Вып. 1.
- Корневский С.Н., 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // *Археология восточно-европейской лесостепи*. Воронеж. Вып. 2.
- Корневский С.Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье*. М.
- Корневский С.Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик. Т. 1.
- Корневский С.Н., 1986. Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // *Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа*. Орджоникидзе.
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Кузнецов П.Ф., 1991. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Куфтия В.А., 1949. Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси.
- Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2000. Вооружение и военное дело населения Кавказа в доуратское время // *SUSITA*. Памяти Ю. В. Андреева. СПб.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- Лопатин А.Л., 1993. Успенский клад эпохи средней бронзы // *Первые чтения по археологии Средней Кубани*. Армавир.
- Лордкипанидзе О.Л., 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Магомедов Р.Г., 1984. Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // *XIII Круковские чтения по археологии Северного Кавказа*. Майкоп.
- Магомедов Р.Г., 1992. Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы: (гинчинская культура); автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Майсурадзе В.Г., Абдуцелишвили М.А., 1991. Ширакская экспедиция 1985–1986 гг. // *ПАИ* в 1986 году. Тбилиси.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Северо-Западного Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии*. М. – (Археология).
- Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Мартirosян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннежелеза. Ереван.
- Мартirosян А.А., Мнацаканян А.О., 1973. Приерванский клад ранней бронзы // *КСИА*. М. Вып. 134.
- Масон В.М., 1997. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла*. СПб.
- Масон В.М., 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // *АВ*. СПб. № 5.
- Махарадзе З.С., 1994. Поселение куро-аракской культуры Цихистора. Тбилиси.
- Мацаюна В., 2002. Глиняные якоря и крюки из многослойного поселения Плоская могила у с. Юнаците // *Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта*. М.
- Мелитаури К., 1970. Четырехколесная боевая колесница в древней Грузии // *Друзья памятников культуры*. Тбилиси. № 21.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.
- Мирчукаева Н., 1981. Отчет о работе археологического отряда Эрдо-Тянетского комплексной экспедиции // *ПАИ* в 1978 году. Тбилиси.
- Моргунова Н.Л., 2002. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // *Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта*. М.
- Моргунова Н.Л., Крайцов А.Ю., 1994. Памятники древней культуры на Илеке, Екатеринбург.
- Мунчаев Р.М., 1986. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1997. Древисший культовый центр в долине Хабур (Северо-Восточная Сирия) // *РА*. М. № 2.
- Нечитайло А.Л., 1964. Археологические разведки Ставропольского музея в 1960 году // *МИСК*. Ставрополь. Вып. 11.
- Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Нечитайло А.Л., 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
- Нечитайло А.Л., 2000. Трансрегиональные связи в культурогенезе восточноевропейских степей в эпоху палеометалла // *Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла* (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.
- Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1990. Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины // *Проблемы изучения катакомбной культуры-исторической общности: (тез. докл. всесоюз. совещ.)*. Запорожье.

- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у сел. Длаурикау // Проблемы археологии Северной Осетии, Орджоникидзе.
- Николаева Л., 1991. Проблемы за культурные взаимоотношения между Югоизточна и Централна Европа през ранната бронзова епоха: автореф. дис. София.
- Пиотровский Ю.Ю., 1987. Новая находка желобчатого долота на Северном Кавказе: (к вопросу о хронологическом положении) // Древности Кубани. Краснодар.
- Пицхелаури К.Н., 1982. Археологические исследования в зонах новостройки Иоро-Алазанского бассейна (1975-1979 гг.) // ПАИ. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., 1982. Исследования Кахетской археологической экспедиции // ПАИ в 1980 году. Тбилиси.
- Пицхелаури К.Н., Варлаамидзе В.К., 1988. Звани – курган № 1 // Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси. Т. VIII.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.
- Пхакадзе Г.Г., 1988. К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV – середина III тыс. до н.э.) // СА. М. № 2.
- Рамшвили и др., 1984. – Рамшвили Р.М., Джорбенадзе В.А., Глойти М.Г., Мухизадашвили Н.З., Робакидзе Ц.Ш., Церетели К.Б. Работы Живальской комплексной археологической экспедиции // ПАИ. Тбилиси.
- Резакин А.Д., 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // ВАА. Майкоп.
- Резакин А.Д., 1989. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: (по материалам археологических памятников нововосодвиженского типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Ростунов В.Л., 1985. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л., 1986. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III – начала II тыс. до н.э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л., 1991. Некоторые вопросы заселения горных районов Северной Осетии и Хевсуретии в конце раннебронзово-эпохи // Тезисы докладов и сообщений третьей зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный.
- Ростунов В.Л., 1998. Природно-климатические условия горной зоны Центрального Кавказа и вопросы ее заселения в эпоху неолита и бронзы // XX Юбилейные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Ставрополь.
- Ростунов В.Л., 2004. Природно-климатические условия и заселение горной зоны Центрального Кавказа в эпоху неолита – средней бронзы // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. Вып. 3.
- Ростунов В.Л., Хашегульзов Б.М., 1985. К хронологии височных подвесок в 1,5-2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Ростунов В.Л., Хашегульзов Б.М., 1990. К этно-культурной истории горной зоны Чечено-Ингушетии в конце ранней и начале среднебронзово-эпохи // Актуальные проблемы истории дореволуционной Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Ростунов В.Л., Хашегульзов Б.М., 1991. Датировка куро-аракских погребений Этникального могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.). Грозный.
- Рысин М.Б., 1992. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском р-не // ВАА. Майкоп.
- Рысин М.Б., 1996а. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой: Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Рысин М.Б., 1996б. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Рысин М.Б., 1996в. К проблеме синхронизации памятников начала средней бронзы на Северном Кавказе и в степной зоне // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): материалы междунар. конф. Донецк. Ч. I.
- Рысин М.Б., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла: (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.
- Рысин М.Б., 2007. Связь Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы: (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. М. Вып. 14.
- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // СМСОП. М. Вып. 7.
- Семенов М.В., 2002. Керамика из среднебронзового слоя поселения Замок в окрестностях города Кисловодска // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки; Кисловодск.
- Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Трейстер М.Ю., 1996. Троицкие клады: (атрибуция, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки. М.
- Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трифонов В.А., 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Трифонов В.А., 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар.
- Хачатрян Т.С., 1975. Древняя культура Ширака. Ереван.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. М. № 4.
- Черных Е.Н., Аюшлова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.
- Черных Л.А., 1996. К вопросу о происхождении кованых славяноукрских блях в комплексах ранней бронзы Украины // Дно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточно-Европейской степи и лесостепи: тез. докл. и материалы российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого археологич. семинара. Воронеж.

- Черных Л.А., 1997. О типологических особенностях металлического инвентаря из памятников ранней бронзы Северного Причерноморья (тесла, долота) // Археологический альманах. Донецк. Вып. 6.
- Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнорусский вариант) // САИ. М. Вып. В 1-3.
- Шилов В.П., 1985. Курган в урочище Бичкин-Будук и проблема хронологии начала средней бронзы в Калмыкии // СА. М. № 2.
- Шишлина Н.И., 1992. Ранний этап средней бронзы Калмыкии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Шишлина Н.И., 2002. К вопросу о начале бронзового века в Северо-Западном Прикаспии // Проблемы археологии Евразии. М.
- Эпоха бронзы Кавказа..., 1994. – Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии // Археология России. М.
- Algabe et al., 1995. – *Algabe G., Goldberg P., Honca D., Matney T., Misir A., Miller Rosen A., Schlee D., Somers L.* Titris höyük, a Small EBA Urban center in SE Anatolia. The 1994 Season // *Anatolica*. Istanbul, XXI.
- Bilgi O., 1984. Metal Objects from İkiztepe-Turkey // *AWA*. München, 1984. Bd. 6.
- Bilgi O., 1990. Metal Objects from İkiztepe-Turkey // *AWA*. München, 1990. Bd. 9/10.
- Boehmer R.M., 1972. Die Kleinfunde von Boğazköy // *Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Oriental-Gesellschaft*. B. Bd. 87, VII.
- Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. Excavations in the Plain of Antioch // *The University of Chicago, Oriental Institute Publications*, Chicago, Vol. 61.
- Branigan K., 1974. Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford.
- Buccholz H.G., Karageorghis V., 1971. Altägäis und Altkypros. Tübingen.
- Caskey J.L., 1956. Excavations at Lerna, 1955 // *Hesperia*. XXV, 2.
- Cornaggia Castiglioni O., 1971. La cultura di Remedello // *Memorie Società Italiane Scienze Naturali*. Milano, Vol. 20, 1.
- Deshayes J., 1960. Les outils de Bronze, de l'Indus au Danube. P. Dunand M., 1939. Fouilles de Byblos 1926–1932. P. Vol. 1.
- Djaparidze O.M., 1993. Über die ethnokulturelle Situation in Georgien gegen Ende des III. Jahrtausend v. Chr. // *Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata*, Roma.
- Evans J., 1956. The «Dolmens» of Malta and the Origins of the Tarxien Cemetery Culture // *PPS*, New Series, L. Vol. 22.
- Flourentzos P., 1978. The so-called «cypriot pin» in the Near East and Europe // *Archeologické zohledy*, Praha. XXX (4).
- Frangipane M., 2000. The Late Chalcolithic/EB I sequence at Arslantepe. Chronological and cultural remarks from a frontier site // *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires*. P.
- Hakemi A., 1997. Shahdad, Archaeological Excavations of a Bronze Age center in Iran // *Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Reports and memoirs*. Rome. XXVII.
- Hauptmann H., 1972. Die Grabungen auf dem Norsuntepe 1970 // *Keban Project 1970 activities*. Ankara. Series 1. N 4.
- Hauptmann H., 2000. Zur Chronologie des 3. Jahrtausends v. Chr. am oberen Euphrat aufgrund der Stratigraphie des Norsuntepe // *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires*. P.
- Korfmann M., 1994. Die Schatzfunde in Moskau – ein erster Eindruck. Sonderbericht Troia-Gold // *Antike Welt*, Kündruckt. H. 4.
- Koşay H.Z., 1951. Türk Tarih Kurumu tarafından yapılan Alaca Höyük Kazisi. 1937–1939' daki çalışmalari ve keşiflere ait ilk rapor // *TTKY*. Ankara. seri V.
- Koşay H., Turfan H., 1959. Ersurum Karaz Kazışı raporu // *Türk Tarih Kurumu Belleten*. Ankara. cilt XXIII.
- Mackay et al., 1937. – *Mackay E.J.H., Hemmy A.S., Guha B.S., Basu P.C.* Further excavations at Mohenjo-Daro. Delhi. Vol. II.
- Maxwell-Hyslop K.R., 1971. Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C. L.
- Mellink M., 1969. Excavations at Karatas-Semayuk in Lycia // *AJA*. Boston. Vol. 73. N 3.
- Mellink M., 1975. Archaeology in Anatolia // *AJA*. Boston. Vol. 79. N 3.
- Müller-Karpe A., 1994. Altanatolisches Metallhandwerk // *Offa-Bücher*, Neumünster. Bd. 75.
- Müller-Karpe M., 1996. Zu den Erdgräbern 18, 20 und 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis mesopotamischer Metallgefäße und Waffen von der Wende des 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. // *JRGZ*. Mainz. 42. 1.
- Pichelaure K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // *AE*. Espelkamp. 4.
- Pritchard J.B., 1962. Civil defense at Gibeon // *Expedition*. Philadelphia, Vol. 5. N 1.
- Schaeffer C.F.A., 1948. Stratigraphie comparée de l'Asie Occidentale. London.
- Schliemann H., 1881. Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Leipzig.
- Schmidt E.F., 1933. Tepe Hissar Excavations of 1931 // *The University of Pennsylvania The Museum Journal*, Philadelphia. Vol. 23 (4).
- Skeates R., Whitehouse R., 1994. Radiocarbon Dating and Italian Prehistory // *Archaeological Monographs / British School Rome*. L. Vol. 8.
- Smith et al., 2004. – *Smith A.T., Badalyan R., Avetisyan P., Zardaryan M.* Early Complex Societies in Southern Caucasia: A Preliminary Report on the 2002 Investigations by Project ArAGATS on the Tsakavot Plain, Republic of Armenia // *AJA*. Boston. Vol. 108. № 1.
- Stronach D.B., 1957. The development and diffusion of metal types in early Bronze Age Anatolia // *AS*. Vol. 7.
- Tallgren A.M., 1931. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // *ESA*. Helsinki. Vol. VI.
- Tailon F., 1987. Métallurgie suseienne I. De la fondation de Suse au XVIII avant J.-C. // *Notes et documents des Musées de France*. P. Vol. 15.
- Wespe A., 1990. Die Armchenbeile der Alten Welt // *Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie*. Bonn. № 3.
- Yadin Y., 1963. The art of Warfare in Biblical Lands. London.

The Uspensky Stage of the Caucasus Metalworking in the Middle Bronze Age

M.B. Rysin

The generally accepted periodic scheme based on the evolution of types of metal artefacts was developed by A.A. Iessen (Иессен, 1950). The effectiveness of this scheme is determined not only by the wide distribution of the Caucasian types of metal objects and by the rapidity of adoption of innovations in metalworking, but also by our poor knowledge of the cultural periods of Caucasian sites, especially those of the Middle Bronze Age (MBA). Thus there is at present no unanimity as to the problem of periods of sites of the so-called North-Caucasian culture, neither we have any periodic scheme for the dolmen culture of the Western Caucasus. Also arguable remains the problem of the cultural periods of the sites abandoned by migrants from the southern slopes of the Caucasus (the post-Kura-Arasian period according to V.L. Rostunov's terminology).

During recent decades, new evidence has been obtained enabling us to supplement A.A. Iessen's scheme with an additional stage preceding the Privolnensky one. The scale of the periods of Caucasian sites has become more exact owing to the discovery of Novotitarovsky and early catacomb (pre-Donetsky) sites in the steppe Ciscaucasia and Azov Sea region.

Types of artefacts characteristic of the early stage of the MBA are represented among the grave goods from a kurgan burial near the village of Uspenskoye on the left bank of the Kuban River (Лопатин, 1993). For that reason M.B. Rysin proposed the name of Uspensky to the initial pre-Privolnensky stage of MBA metalworking in the Northern Caucasus (Рысин, 1996а; 1996в).

It seems of importance to define the chronological boundaries of the «beginning of the Uspensky stage» – from the final period of the Novosvobodnenskaya culture until the «peak» of the so-called North-Caucasian culture (which corresponds to the horizon with stemmed vessels and the distribution of artefacts of the Sachkheri types throughout the Central Caucasus). In the steppe

zone, sites of the early Uspensky stage correspond to the pit-grave and Novotitarovsky burials with the early types of hammer pins with a cylindrical shaft (and to the late pit-grave and early Poltavkinsky burials on the Volga). It must be repeated that all of the known complexes of the beginning of the Uspensky stage (Andryukovskaya, Pervomayskaya, Timashevskaya, Kelermesskaya, Lebedi etc.) are preceding to the appearance of the oldest catacomb sites in the Azov region and on the Lower Don (i.e. to the second stage according A.V. Kiyashko's periodic scheme: A.B. Кушско, 1999).

After the identification of the features of tools of the Uspensky phase, it seemed interesting to study the source of those innovations. These tools clearly demonstrate certain differences (at the level of their traits but not in their types) with artefacts of the antecedent Novosvobodnenskaya culture of the early Bronze Age. It is this fact that has actually allowed us to distinguish the Uspensky stage. Comparative typological analysis has shown that the prototypes of all new objects are found in the southern Caucasus at sites of the late phase of the Kura-Arasian culture. Sachkheri kurgans (shaft-hole axe with cylinders, pseudo-out-turned-butt axe of the Uspensky type, T-shaped pins) and in Anatolian centres of metalworking of the early Bronze Age (outturned-butt axe, elongated «privolnensky» adze, chisels of sub-square or eight-sided section, knives, amulets/ornaments etc.). All of the innovations mentioned were adopted in the northern Caucasus probably through Transcaucasian migrants who thus filled the role of a stimulator of the cultural transformation of the beginning of MBA in the northern Caucasus.

The possible absolute dates of the beginning of the Uspensky phase of MBA are 28/27th–25th centuries BC.

Еще раз о культуре

Philip G. Chase

The Emergence of Culture:
The Evolution of a Uniquely Human Way of Life.
227 p. (hardback). 2006. N.Y.: Springer

Филип Чейз – археолог и археозоолог из университета Пенсильвании в Филадельфии, непреходящий участник и один из руководителей раскопок, проводившихся в последние десятилетия на таких известных памятниках, как Комб Капель, Фонтешевад, Пеш де л'Аз и ряде других. Особое место в сфере его интересов занимают проблемы происхождения символизма и становления культуры в целом. Последней теме и посвящена рецензируемая книга.

Существует два основных подхода к определению культуры. Один из них заключается в том, что ее, прежде чем определить, это такое, заранее уже рассматривают как нечто специфически человеческое, нечто, появляющееся и существующее только вместе с человеком. В этом случае определение культуры фактически сводится к определению специфики человеческого поведения, к поискам того, что отличает его от поведения всех остальных живых существ, и, следуя этим путем, многие авторы приходят к выводу о невозможности определить культуру иначе, как через символизм. Рассуждая таким образом, вполне естественно рассматривать культуру лишь как производное от символизма и ставить саму возможность ее существования в зависимость от наличия способности к использованию символов. При втором подходе упор делается на выявление сущности определяемого феномена безотносительно к тому, кто может быть его носителем. В этом случае к культуре относят обычно все те формы поведения (а также их результаты – вещественные и идеальные), которые основаны на информации, усваиваемой и передаваемой не через гены, а посредством разных форм научения (в том числе и не предполагающих символическую коммуникацию) в процессе взаимодействия особей.

Исторический приоритет, безусловно, принадлежит первому подходу, а лидирующая роль в наши дни – второму. Всего лишь четверть века назад приматологам и другим исследователям поведения животных приходилось доказывать, что культура не является достоянием одного только человека и может – пусть и в зачаточной форме – существовать еще у ряда видов (напр.: Bonner, 1980; McGrew, Tutin, 1978). В конце концов, сторонники этой точки зрения настолько преуспели в ее популяризации, что в наши дни уже антропологам приходится доказывать, что в человеческой культуре все же есть нечто специфическое, нечто такое, чего не найти в поведении ни одного другого живого существа. Книга Филипа Чейза представляет собой весьма оригинальную и, на мой взгляд, в целом успешную попытку выявить и рассмотреть те аспекты человеческой культуры, которые предопределяют ее специфический характер и позволяют считать ее особым, не имеющим прямых аналогий в животном мире, явлением. Эта попытка базируется на анализе большого объема археологических, палеоантропологических, а также приматологических данных, но, благодаря способности автора излагать сложные проблемы простыми словами, его работа может быть интересным и полезным чтением не только для специалистов в перечисленных областях, но и для всех, кто интересуется общими вопросами нашей культурной и биологической эволюции.

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения. Кроме того, в ней есть глоссарий, предназначенный для непрофессионалов, а также приложение, содержащее краткие обзоры хронологии плейстоцена, систематики приматов и типологии палеолитических каменных орудий.

Не трата времени на изложение истории вопроса (хотя это было бы нелишним), автор сразу переходит к сути дела. «Между человеческой культурой и всем тем, что мы можем называть культурой у других видов, – заявляет он уже на первой странице, – существует одно важное отличие, ускользнувшее, как кажется, от внимания большинства исследователей». Суть этого отличия заключается в том, что человеческая культура «представляет собой эмергентное явление», т.е., по крайней мере, часть культурной информации не только усваивается людьми через общение с себе подобными, как это имеет место у многих других видов, но и создается таким же образом, в процессе социального взаимодействия индивидов друг с другом (Р. 2). Мотивации, понятия, верования, правила, ценности, или, иными словами, культурные смыслы, появляющиеся в результате такого взаимодействия, составляют то, что автор рассматривает как квинтэссенцию человеческой культуры и обозначает трудно переводимым на русский язык словосочетанием «*socially created coding*». Пожалуй, лучше всего будет перевести его здесь не дословно, как «социально творимое кодирование» (хотя и такой вариант допустим), а несколько более вольно, но по сути и более точно – как «коллективное» или «социальное смыслообразование». Появление социального смыслообразования является обязательным условием для возникновения еще двух особенностей, составляющих, по Чейзу, специфику человеческой культуры. Во-первых, именно благодаря существованию социально творимых смыслов в виде ценностных ориентаций культура задает мотивацию нашему поведению, что объясняет, почему люди часто «могут действовать таким образом, который явно не выгоден им в плане индивидуального эволюционного успеха» (Р. 49). В частности, *мотивирующая способность* человеческой культуры помогает понять (по крайней мере, частично) тенденцию к альтруистическому поведению, не прибегая при этом к чисто биологическим объяснениям. Во-вторых, культура представляет собой «всеобъемлющее явление, создающее некий всепроникающий интеллектуальный каркас для практически всего, что люди ощущают, думают и делают» (Р. 49).

Эти три наиболее важных, по мнению Ф. Чейза, свойства (социальное смыслообразование, мотивирующая сила, всеобъемлющий и всепроникающий характер) подробно рассматриваются в первой главе, названной «В чем специфика человеческой культуры?». Цель второй главы («Почему культура существует?») – понять эволюционный смысл каждого из них. Автор выдвигает ряд гипотез, призванных объяснить возникновение перечисленных свойств. Это, однако, удастся ему далеко не в полной мере. Более того, даже основной вопрос, столь

четко сформулированный в названии второй главы, оставлен в ней практически без рассмотрения. Видимо, причиной этому уверенность автора в том, что «главный компонент человеческой культуры, а именно социальное смыслообразование, является ... и наиболее легким для объяснения» (Р. 51), поскольку связанные с ним преимущества самоочевидны. Возможно, это и так, и они действительно очевидны. Совсем не очевидно, однако, что именно заставило наших далеких предков использовать свой интеллектуальный и культурный потенциал гораздо более активно, чем это делали предки шимпанзе и других ныне вымерших гоминидов, обладавшие, по всей видимости, такими же или почти такими же способностями. Говоря иными словами, проблема заключается в том, чтобы понять, какие именно факторы обусловили появление и развитие социального смыслообразования у предков человека, и почему эти факторы не оказали подобного же воздействия на поведение и образ жизни других гоминидов, включая, вероятно, и некоторые виды ранних гоминид. К сожалению, автор рецензируемой книги эту проблему просто не замечает, хотя лишь ее решение может открыть путь к ответам на вопросы о том, почему человеческая культура вообще существует и как она возникла.

В третьей главе («Происхождение социального смыслообразования») последовательно решаются две взаимосвязанные задачи. Сначала автор предпринимает обзор данных о поведении приматов, чтобы выяснить, есть ли среди них какие-то еще, кроме человека, виды, представители которых пользуются социально творимыми смыслами в естественных условиях. Хотя Чейз признает, что люди – не единственная группа существ, обладающих интеллектом, достаточным для того, чтобы научиться новым смыслам у себе подобных, и даже приводит ряд фактов, свидетельствующих о вероятной способности некоторых человекообразных обезьян не только перенимать, но и создавать новые смыслы в процессе общения с людьми, его окончательный ответ на рассматриваемый вопрос является отрицательным. «Мне неизвестно, – пишет он, – ни одного примера, когда бы обезьяна научилась новому, изобретенному ей символу, другую обезьяну, и ни одного случая рождения нового символа в процессе общения двух обезьян» (Р. 79). Тем не менее, возвращаясь вновь к этой теме в заключении к книге, автор делает оговорку, что, подобно всем эмпирическим суждениям, вывод об отсутствии у животных в естественных условиях социального смыслообразования может быть опровергнут, благодаря появлению новых данных, или в результате более тщательного анализа имеющихся фактов приматологами (Р. 166).

Оставшаяся часть третьей главы посвящена поиску и анализу палеоантропологических и архео-

логических коррелятов языка (наиболее важной и распространенной формы социального смыслообразования), т.е. таких черт анатомии и видов деятельности наших предков, существование которых не имело бы смысла либо было бы невозможно при отсутствии речи или иных форм символической коммуникации. Установив древность таких анатомических или культурных черт, можно рассматривать ее в качестве, по крайней мере, минимальной даты появления языка. В книге дается очень интересная сводка антропологических материалов, имеющих отношение к этой проблеме, довольно подробно рассматривается вопрос о функциях и времени формирования ряда структур мозга, черепа, гортани и грудного отдела позвоночника, важных для контроля, осуществления и восприятия речи. В итоге автор приходит к выводу, что хотя данные такого рода весьма полезны и позволяют высказать ряд предположений, они пока недостаточны, чтобы что-либо доказать и с уверенностью констатировать существование языка в тот или иной период. Это же относится и к большому числу видов археологических данных, рассматриваемых в заключительном разделе главы. Здесь, однако, имеется одно важное исключение. По мнению Чейза, археологические свидетельства коллективной охоты, а точнее, загонной охоты на стада копытных «служат вполне надежным показателем существования социального смыслообразования» (Р. 115), поскольку «кажется невероятным, чтобы такие охоты можно было организовывать и осуществлять без использования для координации действий участников некоей формы коллективно творимых смыслов» (Р. 117). Поскольку же загонная охота на крупную дичь, судя по всему, существовала уже по крайней мере в конце среднего плейстоцена, эта дата может быть использована для определения минимальной древности социального смыслообразования вообще и языка – в частности, что не противоречит и палеоантропологическим данным.

Соглашаясь со многими из того, что сказано в третьей главе, стоит все же заметить, что аргументация изложенной в ней позиции могла быть еще более убедительной, не упустив автор из вида некоторые очень интересные попытки других исследователей выявить анатомические и археологические корреляты языка. Например, в своем обзоре палеонейрологических данных (то есть данных об эволюции мозга) он оставляет практические без внимания широко известные работы Р. Данбара (*Dunbar*, 1993 и т.д.), чьи выводы, полученные весьма оригинальным путем, вполне согласуются с выводами самого Чейза. Далее, рассматривая археологические свидетельства существования языка, имело бы, видимо, смысл обратить внимание не только на свидетельства загонной охоты, но и

на следы таких видов деятельности, как использование огня и очагов (Ronen, 1988), или, например, дальняя транспортировка сырьевых материалов (Marwick, 2003).

Четвертая и последняя глава книги («Экспансия культуры») посвящена вопросам о том, когда и почему социальное смыслообразование перерастает во всеобъемлющую систему «символической культуры». Автор формулирует ряд оригинальных гипотез и затем приступает к проверке их фактами. Анализ археологических и иных данных о времени происхождения различных форм символизма приводит его к двум выводам. Во-первых, заключает он, между возникновением социального смыслообразования, с одной стороны, и его превращением во всеобъемлющую систему «символической культуры», с другой, существует значительный хронологический зазор. Во-вторых, это превращение следует, скорее всего, рассматривать как следствие необходимости в выработке эффективных средств «мотивации альтруистического поведения, приносящего пользу группе, пусть даже и за счет индивида» (Р. 119). Хотя рассмотренные Чейзом гипотезы далеко не исчерпывают собой число возможных объяснений того, что он называет «экспансия культуры» (на мой взгляд, она была неизбежным следствием постоянно нарастающего усложнения естественной и социальной среды, которое вело ко все большему увеличению объемов информации, необходимой людям для успешного приспособления к окружающему миру и к самим себе), высказанные им идеи очень интересны и в значительной своей части оригинальны.

В целом, я думаю, автор рецензируемой книги вполне преуспел в решении своей главной задачи, т.е. ему удалось показать, в чем именно заключается специфичность человеческой культуры. Тем не менее суть культуры как таковой вряд ли стоит сводить к «социальному смыслообразованию». Как справедливо замечено, антропоцентрический подход к культуре часто служит «препятствием для понимания ее эволюционных корней», и поэтому «широкое ее определение было бы, по-видимому, более стимулирующим» (Laland, Janik, 2006, Р. 542). Под широким определением в данном случае подразумевается то, согласно которому культура – это не только мир социально творимых смыслов, а вообще все формы поведения, основанные на информации, усваиваемой и передаваемой посредством разных форм научения, в том числе и не предполагающих символическую коммуникацию. Если придерживаться такого понимания вопроса, то тогда получается, что вторая часть названия книги Ф. Чейза дает намного более точное представление о ее содержании, чем первая. Эта книга в гораздо большей степени является исследованием «становления специфически челове-

ческого образа жизни», нежели исследованием «происхождения культуры» как таковой. В любом случае, однако, она представляет собой заметный вклад в теорию культуры и в антропологическую литературу последних лет.

- Bonner J.T., 1980. The Evolution of Culture in Animals. Princeton.
 Dunbar R.I.M., 1993. Co-evolution of neocortex size, group size, and language in humans // Behavioral and Brain Sciences. 16.
 Laland K.N., Janik V.M., 2006. The animal cultures debate // TRENDS in Ecology and Evolution. 21.

- Marwick B., 2003. Pleistocene exchange networks as evidence for the evolution of language // Cambridge Archaeological Journal. 13.
 McGrew W.C., Tutin C.E.G., 1978. Evidence for social custom in wild chimpanzees? // Man (N.S.). 13.
 Ronen A., 1998. Domestic fire as evidence for language // Neandertals and Modern Humans in Western Asia. N.Y.

Л.Б. Вишняцкий
 Россия, Санкт-Петербург.
 Институт истории материальной культуры
 РАН
 Отдел палеолита

Облик Косинны на пороге XXI века (новая биография Косинны в труде Г. Грюнерта)

Grünert H.

Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker:
 Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik.
 405 S., 62 Abb. – (Vorgeschichtliche Forschungen. Bd. 22).
 2002. Leidorf; Rahden: VML

Едва ли какой-нибудь еще иностранный археолог столь популярен в русской археологии, как Косинна (ну, разве что Чайлд). О Косинне писали Равдоникас, Брюсов и Монгайт, я также посвятил ему несколько работ, а уж имя его кто только ни поминал. Это естественно: он был предтечей нацистской идеологии в Германии, а в археологию ввел метод картирования и отождествления археологической культуры с этносом, столь важный для участия археологии в решении проблем этногенеза – долгое время наша археология считала это своей главной задачей.

После войны Косинна, связанный нутром с кайзеровской Германией, а двигавшийся к Германии гитлеровской (он не дождал до «националистической революции» 1933 г. двух лет), повис в безвоздушном пространстве между двумя Германиями – демократической ФРГ и социалистической ГДР. В ГДР к нему относились более критически и враждебно, чем в Советском Союзе (ГДР была передовым бастионом социалистического лагеря), а в ФРГ он слишком напоминал позорное прошлое, от которого отделяла денацификация. Поэтому предпочитали его не касаться, забыть (Smolla, 1980). Наиболее близкие по тематике археологи критиковали в конкретных трудах его положения и методы (Wahle, 1941/1952; Eggers, 1950; 1959; Nachmann, 1970), но специальных общих работ ему не посвящали. Моя работа 1974 г. «Косинна с расстояния в 40 лет», опубликованная на немецком языке в ГДР, проломила брешь в этом деле (Klejn,

1974) и была встречена в штыки эпигонами Косинны (Korell, 1975), но одобрена отошедшими от его позиций учениками – Эрнстом Вале и Гербертом Янкуном (личные письма см.: Klejn, 2000, 2006). За ней последовали в Германии аналогичные, но менее детальные статьи Г. Смоллы («Косинна 50 лет спустя» – Smolla, 1984), Ульриха Фейта (Veit, 1984; 2000 и др.). А я через тридцать лет после немецкой публикации смог опубликовать более полный русский текст моей работы с подзаголовком «Косинна 70 лет спустя» (Klejn, 2000).

Вскоре появился фундаментальный труд Гейнца Грюнерта «Густав Косинна: от германиста к преисторику: ученый в кайзеровском рейхе и в Веймарской республике» (Grünert, 2002). Труд этот только недавно прибыл в Петербург (этому я только сейчас пишу на него рецензию). В гедезское время профессор Гейнц Грюнерт заведовал кафедрой первобытной археологии в Берлинском университете ГДР (Университете им. В. Гумбольдта) и редактировал «Этнографisch-Археологische Цейтшрифт», где с конца 60-х по начало 80-х годов не раз печатал мои работы. В 80-е годы он, возможно оценив отношение в сообществе к работам моим и Смоллы о Косинне, занялся изучением биографии и наследия Косинны и ориентировал на это своих студентов (неопубликованное собрание их работ хранится в археологическом семинаре Университета – Beiträge, 1986). После воссоединения Германии, отойдя от руководства кафедрой, стал

публиковать статьи о Косинне и вот обобщил их в этом томе.

В томе более трех десятков глав, следующих в хронологическом порядке по этапам биографии Косинны. Его жизнь и труды прослежены очень детально, все факты основаны на проработке сотен работ Косинны и тысяч документов в 66 архивах. В результате многолетней работы Грюнерта и поддержки (в издании труда) археологов Свободного университета (бывшего Западного Берлина), в частности Бергарда Хэнзеля, мы получили бесценный обобщающий труд, отличный справочник по наследию Косинны и выверенную совокупность оценок его деятельности и произведений.

Хотя я специально изучал биографию и сочинения Косинны, в книге Грюнерта есть немало интересных и неизвестных мне ранее деталей – начиная с объяснения имени Косинны. Он взял себе уже взрослым имя Густаф вместо записанного при рождении стандартного Густав, чтобы звучало ближе к древнегерманскому. Несмотря на свою нелюбовь к славянам, фамилию свою он производил от славянского (мазурского) корня «коза» или «коса» (и Грюнерт считает это возможным), хотя, судя по суффиксам, из славянских корней больше подходит глагол «косить». Даже требовал произносить фамилию со славянским ударением на втором слоге вместо немецкого (на первом), но подчеркивал, что предки давным-давно онемечились, и славянской крови осталось всего капля, потому что все снова и снова предки женились на коренных немцах. Новостью для меня стала и отчужденность консервативно-националистического Густава от старшего брата Рихарда, который был демократом и либералом, ярым сторонником Веймарской республики. Раскопал Грюнерт и подробности первого брака Косинны. Невеста, Катарина, была старше жениха на 14 лет, и к тому же ребенок родился через месяц после свадьбы. Это надолго сделало Косинну не очень приемлемым в бюргерском обществе Штрассбурга (впоследствии он фальсифицировал в автобиографии дату свадьбы, переместив ее на год вперед). Впрочем, брак был вполне благополучным. После смерти жены Косинна женился вторично. На сей раз жена, Маргарета, была младше его на те же 14 лет.

Из школы Гахмана исходило представление, что Косинна называл своим учителем лингвиста Карла Мюлленгофа, не слушая у него лекций в Штрассбурге. Грюнерт установил, что в то время, когда Косинна учился в Берлине, Мюлленгоф преподавал там и действительно был руководителем Косинны. Но затем Косинна переехал в Штрассбург и стал учеником германиста Рудольфа Геннига, у которого получил первый толчок к археологии. Диссертацию защищал у него. К рубежу веков, однако, рассорился с ним. Во-первых, потому,

что тот не принял Косинновских гипотез, а во-вторых, вероятно, потому (это мое предположение), что тот был зятем Рудольфа Вирхова, а Косинна к этому времени рассорился и с недавним кумиром Вирховом. Предполагая, что Вирхов затормозил печатание Косинновской статьи, он назвал его в 1901 г. «самым маленьким из всех духовных тиранов и тормозом для свободной науки». Между тем Вирхов протерил дорогу Косинне. Когда Вирхов умер, реакция Косинны была такой: «Несколько долго длившийся эпизод Вирхова с его страшным хозяйничаньем клики, его несправедливостью, дилетантским уплощением и самообогашением теперь, слава Богу, пришел к концу. Да будет немецкая преистория предохранена от какого-нибудь второго Вирхова» (S. 202). Я знал, что у Косинны была ярая ненависть к австрийцу Муху за первенство в выдвинутой гипотезы о пародии «индогерманцев» в Германии, но я не знал, что перед тем они были очень близкими друзьями. Словом, представление о неуживчивости Косинны приобретает дополнительные черты.

Я полагал, что в его противостоянии с Шухардтом Берлинский университет был на стороне Косинны, так же как Академия – на стороне Шухардта. Я не представлял себе, насколько одним был Косинна на собственном факультете и в Университете – почти все профессора были против него, и он так и не получил до конца своей службы звания ординарного профессора – профессора на полной зарплате и со всеми привилегиями. Не превращали его семинар и в полновесную кафедру. Для поддержки он и создал себе Берлинское общество преистории, в основном из любителей и дилетантов.

В труде Грюнерта формирование националистических взглядов Косинны рассматривается на фоне роста националистических организаций в кайзеровской Германии, а затем при Веймарской республике. Проследжено, на какие газеты подписывался Косинна, с какими националистическими организациями сотрудничал, кому симпатизировал. Что он был немецким шовинистом, был консервативно и милитаристски настроен и что общеизвестно – не любил французоз и славян, особенно ненавидел поляков. Французанность было для меня то, что от открытых выражений антисемитизма он воздерживался, что среди его учеников были евреи, что попытки заинтересовать его участием в антисемитском журнале «Хаммер» («Топор») не удалась. Но на основании устного общения он слыл среди друзей антисемитом, а однажды сорвался и, когда известный индосвропеист Зигмунд Фейст, еврей по происхождению, раскрыл ему гипотезы и методику, он обрушился в печати на Фейста не с аргументированными опровержениями, а с антисемитской бранью (S. 247–248).

Точные параметры получила у Грюнерта школа Косинны. Выясняется, что вся школа была создана в довоенные годы, а после войны Косинна не имел ни сил, ни возможностей собирать вокруг себя учеников. Да и учение его, критикуемое многими, утратило ореол свежести и смелости. Лучшие ученики от него уходили к другим – Кихебуш, Вале, Эберт. Они критиковали его гипотезы, а он не терпел возражений и самостоятельности. Макс Эберт стал сотрудником Шухардта. Основав многотомный энциклопедический «реальный» словарь первобытной археологии, он не пригласил сотрудничать Косинну, а пригласил Кихебуша и Фейста, чем Косинна был очень уязвлен. Эберт и стал преемником Косинны в Берлинском университете. В конце жизни Косинне оставалась только одна надежда – на победу национал-социалистического движения. Нет данных о прямых контактах Косинны с нацистами, но он дружески контактировал со многими втянутыми в движение, а его протеже Ганс Рейнерт еще при жизни Косинны стал видным функционером партии, сотрудником Альфреда Розенберга; по свидетельству вдовы и сына, Косинна с радостью встречал появление нацистских журналов. Он все более горячо устремлялся в эту сторону, и дорожка его к нацизму была прямой.

С другой стороны, он не принял фантастических удревнений «нордической» культуры с выведением ее из-за полярного круга (Герман Вирт), столь увлекавших нацистские верхи. Принято считать, что Косинна ввел только теоретическое обоснование картографического метода, а сам карт почти не представлял. Грюнерт приводит сведения о том, что за опубликованными обобщенными картами (с заштриховкой ареалов) у Косинны стояли собственноручно выработанные точечные карты.

Словом, Грюнерт хорошо поработал, и каждый из тех, кто занимался Косинной и будет заниматься им, сможет найти в этом труде много интересных фактов.

Оценки наследия Косинны в труде Грюнерта взвешены и продуманы. Грюнерт определяет значение Косинны как двойственное, но это общее мнение современных археологов, и у меня нет возражений. Мы несколько расходимся с Грюнертом в формулировках. Я назвал Косинну классиком немецкой археологии; Грюнерт вслед за Эггерсом заявляет, что Косинна не классик. Но здесь расхождение не в оценке Косинны, а в смысле, придаваемом слову «классик». Для Грюнерта классиком заслуживает быть назван только ученый, создавший образцовые работы, которыми можно восхищаться, работы безупречные и позитивные во всех отношениях. Для меня классик – это ученый, вызвавший наиболее ярко некое крупное течение

своего времени и обогативший науку методическими изобретениями. Но даже по первому определению Косинна может претендовать на это звание: его работа об «Орнаментированных железных наконечниках копий» может быть признана образцовой – не менее, чем работа Спишца о раселении славянских племен (по височным кольцам).

Поспорил бы я с утверждением Грюнерта, выраженным в английском резюме его книги: «Ныне становится ясно, что археологические региональные группировки являются главным образом субъективными созданиями археологов и только редко отражают некоторые аспекты реальных исторических процессов» (S. 349). Это утверждение, несколько неожиданное в работе бывшего заведующего кафедрой университета ГДР и редактора марксистского журнала, отражает поветрие гиперскептицизма, модное в Англии, Америке и Скандинавии полвека назад и, видимо, лишь сейчас прибывшее в Германию. Но это был бы спор о методологии современной археологии, а не о биографии Косинны.

Профессор Грюнерт очень строго сосредоточил свое внимание именно на биографии Косинны и на истории создания его работ. Методологической оценкой их и фактуальным их содержанием он занимается значительно меньше. Говоря о «синдроме Косинны» (выражение Смоллы) и предостережении немецких археологов не затрагивать эту тему, он пишет: «Также и богатый фактами взвешенный вклад ленинградского археолога Льва С. Клейна не вызвал никаких новых дискуссий. Он был с интересом принят к сведению, но остался в конечном счете столь же изолированным, как и большая часть самых фундаментальных работ о Косинне и его наследии, выдвинутых на немецком западе после Вале и Эггера с исследователями, становление которых началось в национал-социалистическое время (ссылка на Гахмана, Смоллу и Коссака). Слабым остался и резонанс на публикацию графини Шверин фон Крозинг, ознакомившей читателя с репрезентативной частью наследия Косинны» (S. 345). Но ведь и сам Грюнерт в сущности не обсуждает этих работ. В его книге нет даже историографического рассмотрения предшествовавших биографии Косинны. Между тем дискуссия, отчасти подспудно, на деле шла.

В середине XX в. знаменитые статьи Эрнста Вале и Эггера об этническом определении археологических культур (Wahle, 1941/1952; Eggers, 1950) надолго определили отношение археологического сообщества к этой центральной теме Косинны (на них множество ссылок и у них много подражений). Очень влиятельным был и учебник Эггера «Введение в преемственность» (Eggers, 1959), в котором была живо и с юмором представлена биография

Косинны и показаны пороки его методики. А это был учебник – на нем воспитывалась новая генерация археологов. В своей работе я, как мне кажется, впервые представил концепцию Косинны в систематизированном виде (в виде 13 догм), чего не сделал ни сам Косинна, ни его ученики. Систематизировал я и критику его работ. Пороки его концепции систематизированы и у Гахмана. При знаки действительности моей работы я вижу не столько в том, что после нее в немецкой археологической литературе стали появляться аналогичные работы специально о Косинне (их действительно очень мало), но в том, что с этого времени прекратилось раздвоение сообщения на эллигонов Косинны (типа Мартина Яна и Дитера Корреля) и его искоренителей (типа Равдоникаса и Отто). Пишущие стали придерживаться той взвешенной двойственной оценки Косинны, которую развивает и Грюнерт. В 1980 г. Гюнтер Смолла диагностировал травму, нанесенную немецкой археологии косинизмом и его разгромом, отчеканив формулировку «синдром Косинны» (Smolla, 1980), и эта формулировка была подхвачена в статьях других авторов (Wolfram, 2000 и др.) в их стараниях изжить этот синдром. Все это можно рассматривать как дискуссию, нужно только присмотреться.

Если Грюнерт думает, что после его труда археологи бросятся дискутировать о Косинне, спорить с автором или развивать его идеи, то, скорее всего, он ошибается. Но это вовсе не значит, что труд его бесполезен. Просто функция подобных историографических трудов другая. Его будут внимательно читать, будут долго и с благодарностью использовать, будут неоднократно цитировать. Он создаст более объективное и полное представление о Косинне и облегчит многим понимание его работ в контексте истории страны и науки.

- Klein L.S., 2000. Археология в седле: (Косинна с расстояния в 70 лет) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса. № 4.
- Klein L.S., 2006. Трудно быть Клейном: (мемуары). СПб. *Beiträge*, 1986. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtsforschung an der Berliner Universität 1810–1985. Ungedr. Seminararbeiten, betreut v. H. Grünert. Humboldt-Universität, Fachrichtung Ur- und Frühgeschichte. B.
- Eggers H.J., 1950. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft*. Festschrift Ernst Wahle / Hrsg. H. Kirchner. Heidelberg, Carl Winter.
- Eggers H.J., 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München; Piper.
- Grünert H., 2002. Gustaf Kossinna (1858–1931). Vom Germanisten zum Prähistoriker: Ein Wissenschaftler im Kaiserreich und der Weimarer Republik (Vorgeschichtliche Forschungen 22). Leidorf; Rahden, VML.
- Hachmann R., 1970. Die Goten und Skandinavier. Berlin, Walter de Gruyter.
- Klein L.S., 1974. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* (Halle). Bd. 58. Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Korell D., 1975. Bespr. von Klein 1974. Mannus, N. F., 41.
- Smolla G., 1980. Das Kossinna-Syndrom // *Fundberichte aus Hessen*. Besprechungen Wiesbaden. Jg. 1979/80. N 19/20.
- Smolla G., 1984. Kossinna nach 50 Jahren. Kein Nachruf // *Acta Prähistorica et Archaeologica*. Berlin. 1984/85. N 16/17.
- Veit U., 1984. Gustaf Kossinna und V. Gordon Childe. Ansätze zu einer theoretischen Grundlegung der Vorgeschichte. Saeculum, 35.
- Veit U., 2000. Gustaf Kossinna and his concept of national archaeology // *Archaeology, ideology and society. The German experience*. Frankfurt a. M.
- Wahle E., 1941/1952. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis. 1 // *Sitzungsberichte Heidelberger Akademie der Wiss., Phil.-hist. Kl. Heidelberg*. 1940/41, 2 (2. Aufl. 1952).
- Wolfram S., 2000. «Vorsprung durch Technik» or «Kossinna-Syndrom»? Archaeological theory and social context in post-war West Germany // *Archaeology, ideology and society. The German experience*. Frankfurt a. M.

Л.С. Клейн

Россия. Санкт-Петербург

Важное исследование об истории древнегреческого оружия

Baittinger H.

Die Angriffswaffen aus Olympia // *Olympische Forschungen*. Bd. XXIX. 257 S., 67 Taf. 2001. B.; N.Y.: Walter de Gruyter

В серии «Олимпийские исследования», выпускаемой Германским археологическим институтом (г. Берлин), увидел свет очередной том, на сей раз посвященный находкам древнегреческого наступательного оружия. Без особых преувеличений можно сказать, что выход этого издания давно

ожидался специалистами. Такой повышенный интерес объясняется несколькими обстоятельствами и прежде всего тем, что при раскопках в Олимпии было найдено большое количество предметов вооружения, как оборонительного, так и наступательного. Из святилища происходит весьма представи-

тельная коллекция мечей, а наконечники стрел и даже копий насчитываются здесь сотнями экземпляров. Научный интерес к изданию связан также и с тем, что предыдущая публикация олимпийских материалов этого рода относится к далекому 1944 г. (Weber, 1944. S. 146–165). Автор рецензируемого тома, Хольгер Байтингер, является одним из хорошо известных знатоков в данной области исторического знания. Подготовленное им издание выподнено на хорошем немецком уровне, снабжено *большим количеством таблиц, позволяющих читателю составить полное представление о находках наступательного вооружения, происходящих из раскопок одного из главнейших святилищ Древней Греции.* Для российских археологов вышедший том интересен также по той причине, что позволяет сопоставить материалы Олимпии с находками наступательного оружия, происходящими из раскопок древнегреческих колоний Северного Причерноморья. Это сравнение в ряде случаев позволяет лучше понять своеобразие военного дела колоний в сравнении с метрополией.

Автор начинает изложение материала с одной из наиболее многочисленных групп находок – наконечников стрел, которых в святилище обнаружено 490 экземпляров. Всю их совокупность он, естественно, разделяет на две основные разновидности: черешковые и втульчатые. Черешковые наконечники, как известно, появились на территории Греции еще в бронзовом веке; они не отличаются особым разнообразием форм, большая их часть является двуплощастными (ср.: *Robinson, 1941. P. 384 ff. Pl. CXX, 1913–1915; CXXI–CXXII; Snodgrass, 1964. P. 144 ff.*). Тем не менее Х. Байтингер вполне обоснованно выделял среди них пять типов. Все они распределяются на хронологической шкале от VII в. до н.э. по IV в. до н.э. Специфический тип черешковых наконечников, происходящих из Олимпии, имеет четырехгранное острие (ср.: *Robinson, 1941. P. 392 ff. Pl. CXXIII–CXXIV*). Такие находки датируются V–IV вв. до н.э. и, судя по многочисленным аналогиям, имеют кипрское происхождение (S. 12).

Втульчатые наконечники стрел в бронзовом веке Греции не известны. По мысли автора, они проникли на Балканы в VII в. до н.э. из внутренней Анатолии через ионийские города. Первый тип втульчатых наконечников – это двуплощастные экземпляры с треугольной головкой, имеющей в нижней части с обеих сторон по острому выступу. В основном они относятся к архаическому времени. Можно сразу сказать, что в материалах Северного Причерноморья такие находки практически не зафиксированы (*Виноградов, Фоянков, 2000. С. 98*). Другое дело – двуплощастные наконечники с листовидной головкой и шицом на втулке; автор, указывая на круг их аналогий (Богазкей и др.), по-

чему-то ничего не говорит о скифских материалах (отд. I, тип 2–3; см.: *Мелюкова, 1964. С. 18. Табл. V*). Вообще-то о северопричерноморских находках автор знает благодаря трудам А.И. Мелюковой, Л.К. Галаньиной и А.И. Иванчика, но, как представляется, он не склонен придавать им особого значения.

Второй тип втульчатых наконечников имеет трехлопастное перо. Для датировки крупных экземпляров с треугольной формой головки и выделенной втулкой Х. Байтингер приводит находки из Олинфа, некоторые из которых, как известно, имеют надпись ФИАΙΠΠΟ (*Robinson, 1941. P. 382–383. Pl. CXX, 1907–1909*), т.е. относятся ко времени захвата города войсками Филиппа Македонского в 348 г. до н.э. В собрании находок из Олимпии имеются весьма редкие и даже необычные наконечники, в том числе один экземпляр трехлопастного втульчатого наконечника весьма крупных размеров (более 8 см в длину). Х. Байтингер считает, что, скорее всего, он является наконечником метательного копья (S. 23). Несколькими экземплярами представлены также наконечники с трехгранной пирамидальной головкой.

Более мелкие экземпляры с листовидной формой пера и шицом на втулке автор синхронизирует с лидийским разрушением Смирны приблизительно 600 г. до н.э. (S. 21). Наконечники с почти невыделенной втулкой и ромбической формой пера он считает персидскими. На мой взгляд, более права И.Н. Медведская, связывающая их с культурой среднеазийских лучников, состоявших на службе у Ахеменидов (*Медведская, 1980. С. 35–36*). Тем не менее весьма вероятно, что персидские стрелы вместе с другими образцами трофейного оружия были помещены в святилище в начале V в. до н.э. в ознаменование греческих побед над персами (S. 23–25).

Обращаясь к материалам из Северного Причерноморья, необходимо отметить, что несколько наконечников с ромбической формой пера было найдено в некрополе Ольвии. В.М. Скуднова связывала их происхождение с Грецией (*Скуднова, 1960. С. 70–71. Рис. 8, 1*). Однако все сказанное выше позволяет считать, что они попали сюда в результате похода против скифов персидского царя Дария (*Поллн, 1987. С. 29–30. Рис. 9, 1, 37–40; Полин, 1994. С. 95*).

К третьему типу относятся довольно многочисленные трехгранные наконечники с внутренней втулкой, аналогии которым можно найти в большом количестве среди находок из причерноморских степей (отд. II, тип 5–7; см.: *Мелюкова, 1964. С. 21. Табл. V*). Однако автор им опять не уделил особого внимания. Вообще же заключение Х. Байтингера о появлении втульчатых наконечников стрел в Древней Греции выглядит несколько про-

творчивым (S. 29). По его мнению, черешковые образцы, существовавшие в Греции в геометрическое и раннеархаическое время, в основном были заменены втульчатыми во второй половине VII в. до н.э. Эти типы наконечников, как ему представляется, проникли в ионийские города Малой Азии, а затем и в материковую Грецию из внутренней Анатолии при посредничестве фригийцев и лидийцев. Правда, еще ранее, как признает автор, в течение VIII в. до н.э., конные воины причерноморских степей принесли этот тип на Ближний Восток.

Немалое количество наконечников стрел VI в. до н.э., найденных в Олимпии, по заключению Х. Байтингера, не позволяет говорить о незнании греками лука и стрел в это время. Действительно, имеющиеся факты не противоречат точке зрения, что греки приняли лук «скифского» типа, и именно они распространили его на запад (*Raising*, 1967, 141–142). Вместе с тем письменные источники весьма скупо говорят об участии греческих стрелков из лука в боевых действиях против персов (Herod. IX. 22; IX. 60; Plut. Them. 14; Plut. Arist. 14), а среди находок с полей сражений этого времени как будто доминируют персидские втульчатые трехлопастные наконечники ромбовидной формы или наконечники «северочерноморских» типов. Большое их количество в Олимпии, как уже говорилось, можно связывать с установкой специального памятника (трофея) в честь победы над персами.

Само по себе обилие наконечников стрел VI в. до н.э., найденных в Олимпии, должно привлекать серьезное внимание исследователей. Вряд ли можно признать вполне удовлетворительным объяснение этого факта тем, что греки хорошо знали лук и стрелы, что на службе в Афинах находились «скифские полицейские», вооруженные луками и т.д. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на реалии освоения греками северного берега Черного моря. Всем хорошо известно, что греческую колонизацию и ранний этап развития полисов этого региона можно рассматривать в широких пределах VI в. до н.э. Нельзя ли предположить, что какая-то часть наконечников стрел тех типов, которые так хорошо известны по находкам из Северного Причерноморья, появилась в Олимпии, например, в результате даров колонистов в благодарность богам за благополучное разрешение военных конфликтов с местными варварами, но к этому вопросу будет уместнее вернуться несколько позднее.

Среди находок оружия дальнего боя в Олимпии имеются также пять свинцовых пулей для пращей. О существовании пращи в Древней Греции в нашей литературе почти не говорится, хотя о ее распространении свидетельствуют не только данные археологии (Robinson, 1941, P.418 ff.; Pl.

CXXX–CXXXIV; *Anochin, Rolle*, 1998), но и письменные источники (Thuk., VI. 22; 25; 43; 69; Xen. Anab., III. 3. 16–17).

Доминирующая роль среди находок оружия из Олимпии принадлежит, однако, не наконечникам стрел и тем более не пращным пулям, а наконечникам копий. Такое положение вполне закономерно, ибо, как известно, копье было основным оружием греческого гоплита. К сожалению, до сих пор отсутствует сводка находок наконечников копий, происходящих с территории греческих городов Северного Причерноморья, хотя потребность в таком исследовании уже давно назрела. Что касается находок наконечников копий из Олимпии, то Х. Байтингер делит их на два основных типа: метательные и ударные. Первые представлены сравнительно небольшими по размерам экземплярами, изготовленными как из железа, так и из бронзы. Вообще же большое количество бронзовых наконечников копий, происходящих из Олимпии и других святилищ Древней Греции, задает исследователям весьма непростую задачу. Дело в том, что в обычных археологических контекстах, датирующихся позднее геометрического периода, такие наконечники отсутствуют. Среди объяснений этого странного факта выделяем одно: все они являются посвящениями из Великой Греции или других областей, где бронза все еще превалировала над железом (*Snodgrass*, 1964, P. 134). В связи с этим чрезвычайно любопытна группа бронзовых наконечников с двумя небольшими отверстиями в нижней части пера. Х. Байтингер убедительно связывает их с находками, происходящими из Сицилии, где они датируются последней четвертью VIII – первой половиной VII в. до н.э. Появление их в святилище, вероятнее всего, было связано с особенностями развития западной волны греческой колонизации. Можно предполагать, что копия с такими наконечниками были захвачены в результате борьбы греческих переселенцев с местными италийскими племенами (S. 39). Столь же любопытны находки бронзовых наконечников, которые автор сопоставляет с материалами, происходящими из Калабрии (S. 40). В связи с этим весьма логичным предположением можно возвратиться немного назад и еще раз задаться вопросом, а нельзя ли объяснять присутствие в святилище наконечников стрел скифских типов теми же самими или сходными обстоятельствами из сферы взаимоотношений колонистов с варварскими племенами Северного Причерноморья?

Весьма представительную группу находок составляют различного рода втки (в нашей литературе их также называют подтоками). Как известно, вток надевался на заднюю (нижнюю) часть древка копья, что облегчало для воина обращение с оружием, создавая своего рода противовес, а так-

же позволяло в случае необходимости воткнуть копы в землю для получения надежного упора. Один из самых распространенных и, безусловно, наиболее красивый по оформлению тип втуки изготавливался из бронзы, в длину он имел 30–40 см и состоял из двух основных частей: длинной втулки и еще более длинного четырехугольного в сечении острья; место, где втулка соединяется с острием, оформлялось в виде хорошо смоделированного концентрического валика. Автор считает, что втуки с четырехугольным в сечении острием находились в обращении с конца VI до конца третьей четверти IV в. до н.э. (S. 64). Единичным экземпляром представлено треугольное в сечении острие. Вторым весьма распространенным типом втуков следует считать экземпляры, у которых и втулка, и острие имеют круглую в сечении форму (ср.: *Robinson*, 1941. P. 417–418. Pl. CXXIX, 2171–2173). Немногие из них, вероятно самые ранние, на месте соединения втулки с острием имеют шайбообразное расширение, но в большинстве случаев его нет. Втуки с круглым сечением острья отличаются весьма простой формой. Несмотря на отмеченную простоту, происхождение этого типа нельзя относить далеко вглубь VI в. до н.э. (S. 70). Необходимо отметить также, что среди находок из Олимпии имеются немногочисленные втуки, острие которых имеет трехлопастное оформление, немного напоминающая сильно увеличенный в размерах и сильно вытянутый скифский наконечник стрелы.

Что касается втуков, изготовленных из железа, то они повторяли формы бронзовых, при этом часто упрощая ее. Имеющееся собрание позволяет считать, что самыми многочисленными здесь были втуки с четырехугольным сечением острья. Все они происходят из археологических контекстов, включающих находки керамики архаического и классического времени (S. 72).

Достаточно представительную группу составляют так называемые насадки на древки (*Stockspitzen*), которые от втуков отличаются очень небольшими размерами – 3,5–6,0 см в длину. Как и втуки, они состоят из втулки, как правило орнаментированной пучками резных концентрических линий, и небольшого острья или, скорей, шипа.

Огромный научный интерес представляют обнаруженные в святилище мечи. Наиболее древней находкой среди них является фрагмент верхней части меча, датированного серединой VII в. до н.э., который, вероятно, происходит с Крита (S. 76). Большая часть олимпийских находок, однако, принадлежит типу, получившему название "Naue II" (*Snodgrass*, 1964. P. 93). Эти довольно длинные (75–80 см) железные двулезвийные мечи повторяли форму своих бронзовых предшественников; их рукоять выковывалась вместе с лезвием, при этом

сверху она имела выгнутое навершие, но была лишена перекрестия. Данный тип был вытеснен классическим греческим двулезвийным мечом (ксифосом) приблизительно в середине VI в. до н.э. В сравнении с более ранним типом у него уменьшилась длина, а рукоять получила перекрестие.

В отношении развития перекрестий греческих мечей В.П. Толстикова недавно высказал весьма своеобразную точку зрения. Он считает, что после первой четверти IV в. до н.э., возможно, в результате военной реформы македонского царя Филиппа, в конструкции ксифоса произошла серьезная модификация. По его мнению, тогда были увеличены массивность и вес эфеса меча, что произошло за счет увеличения толщины перекрестия (*Толстикова*, 1999. С. 129). Такая реконструкция, однако, вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, тяжелый эфес непременно должен нарушать привычную уравновешенность оружия, что, естественно, угрожало его потерей на поле боя. Что касается изображений ксифосов с «широким» перекрестием на произведениях античного искусства, на которые ссылается автор, то, скорее всего, мы здесь имеем дело не с модификацией рукояти меча, а с новой манерой оформления верхней части ножен. Находки деталей ножен, происходящие из Олимпии (Таб. 66, 1337–1339), свидетельствуют именно об этом. Дело в том, что в своей верхней части ножи ксифосов всегда оформлялись в виде довольно широкой обоймы. С IV в. до н.э. эта обойма становится более массивной, края ее стали заметно выступать за боковые грани ножен. На внутренней поверхности обоймы имела специальную выемку, в которую входило перекрестие меча, так сказать, «уталпливалось» в ней (*Künzli*, 1997. S. 61–62, Abb. 1). В общем, имеющиеся материалы не позволяют согласиться с В.П. Толстиковой; ксифосов с «широким» перекрестием, как представляется, вообще никогда не существовало.

Кроме двулезвийного ксифоса, в Греции, как известно, существовал однолезвийный меч, который называется махайра или копис. В Олимпии было найдено четыре экземпляра таких мечей, два из которых отличаются хорошей сохранностью (длина – 55 и 58 см). Здесь они могут быть датированы третьей четвертью VI в. до н.э. Хочется еще раз выразить сожаление, что находки мечей, происходящих из античных государств Северного Причерноморья, до сих пор полностью не изучены. Есть основания полагать, однако, что в этом регионе очень популярными стали мечи типа махайры (*Виноградов*, 2004. С. 43, 125; 2006. С. 35–37).

Вряд ли следует еще раз подчеркивать, сколь большое значение для изучения военного дела в Древней Греции имеют находки наступательного оружия из Олимпии. У меня нет сомнений, что фундаментальный труд Х. Байтингера должен за-

нять самое достойное место среди современных научных работ по данной проблематике. Хочется надеяться также, что выход этого тома «Олимпийских исследований» стимулирует появление новых специальных исследований древнереческого вооружения, происходящего из различных частей ойкумены.

Виноградов Ю.А., 2004. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху // *Militaria antiqua*. СПб.

Виноградов Ю.А., 2006. Счастливый город в войне: Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) // *Militaria antiqua*. СПб.

Виноградов Ю.А., Фониюк Д.И., 2000. Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения // *АВ*. СПб. № 7.

Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тысячелетия до н.э. // *СА*. М. № 4.

Медлокова А.А., 1964. Вооружение скифов. М. САИ. Вып. Д1–4.

Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // *Археологія*. Київ. Т. 59.

Полін С.В., 1994. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // *Древности скифов*. Киев.

Скюднова В.М., 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // *ЗООА*. Одесса. Т. 1 (34).

Толстиков В.П., 1999. Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // *Таманский рельеф*. М.

Anochin V.A., Rolle R., 1998. Griechische Schlieuderbleie bei den Mauern von Olbia // *Archäologische Studien in Kontaktzonen der antiken Welt*. Göttingen.

Künzl E., 1997. Waffendekor im Hellenismus // *Journal of Roman military equipment studies*. N 8.

Rausing G., 1967. The Bow: Some notes on its origin and development. Lund.

Robinson D.M., 1941. Metal and Minor Miscellaneous Finds. Excavations at Olynthus, Baltimore. Vol. X.

Snodgrass A., 1964. *Early Greek Armour and Weapons*. Edinburg.

Weber H., 1944. Angriffswaffen // *Olympische Forschungen*. B. Bd. I.

Ю.А. Виноградов

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдела истории античной культуры

Новые погребальные памятники эпохи Великого переселения народов на среднем Дунае

Ivanišević M., Kazanski A., Mastykova A.

Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations.

352 p., 78 fig., 46 pl. 2006.

P.: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance.

Monographies 22

Виминаций (в некоторых отечественных работах – Виминачий) – хорошо известный по письменным и археологическим источникам город на правом берегу Дуная на границе Римской империи и Барбарикума, столица провинции Верхняя Мезия (современная республика Сербия). В силу своего пограничного положения, город постоянно находился в эпицентре различных военно-политических коллизий, начиная с момента возникновения в качестве римского военного лагеря в I в. н.э. и заканчивая эпохой Великого переселения народов, уже будучи крупным торговым и административным центром. В течение заключительного периода своего существования он был дважды захвачен вражескими войсками. Сначала гуннами Атиллы в 441 г., о чем подробно сообщает Приск Панвийский. Затем, после восстановления и сравнительно недолгого периода византийского господства, в са-

мом начале VII в. город вновь пал под натиском варваров, вместе со всей пограничной системой восточно-римского лимеса.

Рецензируемая монография представляет собой исчерпывающую публикацию материалов из трех некрополей (Виминаций I, II и III), зафиксированных в окрестностях этого позднеантичного центра. Общее количество рассматриваемых погребений – 171. При этом могильник № II содержит еще более 3500 захоронений (и кремаций, и ингумаций) римского времени – кладбище римского Виминация I–III вв. н.э.

Вне всякого сомнения, публикация выполнена на высоком научном уровне, отвечающем всем современным не только требованиям, но и пожеланиям. Основной объем книги – это научный каталог находок, сформированный по погребальным комплексам и снабженный обстоятельными гра-

фическими таблицами всего инвентаря (включая керамику), отдельно рисунками и цветными фотографиями предметов по категориям вещей, чертежами и фотографиями самих погребений, а также всеми необходимыми ситуационными и топографическими планами, планиграфическими схемами. В этом отношении данное издание можно смело признать образцовым.

Сам каталог предворяется не менее важной, хотя и краткой, аналитической частью. После традиционной информации об истории обнаружения, изучения и частичной публикации материалов трех могильников авторы переходят к обзору общих сведений о расположении, планировке и размерах каждого из них, а также к рассмотрению погребального обряда. Он в целом достаточно однороден: до 70% всех погребений составляют трупоположения вытянутые на спине, головой на запад, помещенные в простые грунтовые ямы прямоугольной формы. Изредка встречаются каменные гробницы в виде ящиков, сложенных из каменных плит, остатки деревянных конструкций (доски и т.п.), единичны костяки с подогнутыми коленями. Часть погребений разрушена грабителями или распахана, особенно пострадал третий некрополь. Интересной особенностью могильника № II, не отмеченной на первом и втором памятниках, является большое число погребений со следами искусственной деформации черепов.

Далее следует типологический анализ погребального инвентаря, который проводится по категориям и типам находок: фибулы, элементы поясной гарнитуры, подвески, серьги, браслеты, пинцеты, костяные гребни, зеркала, предметы вооружения (мечи с деталями ножен, ножи, наконечники стрел и копий, умбоны и рукояти щитов), керамическая посуда и единичные металлические и стеклянные сосуды. Интересно будет отметить, что при весьма значительном количестве погребений с оружием, лишь единственная находка уверенно соотносится с конской упряжкой – удила из погребения 115. Чаще всего в погребениях зафиксированы в сочетании со стрелами либо только копье, либо меч, но четыре комплекса содержат полный набор: меч (боевой нож), щит с умбоном, копье. Именно в одном из них и найдены упомянутые удила. Возможно, как считают авторы, эти захоронения оставлены представителями привилегированной воинской прослойки, три из них датированы VI в.

Классификация находок сопровождается рассмотрением существующих опорных датировок этих вещей и их аналогов из Западной и Восточной Европы. В ряде случаев авторы не ограничиваются констатацией принятых ныне дат, но и корректируют их, основываясь на собственных наблюдениях. Так, возможность более ранней датировки предложена для маленьких литых фибул с

треугольной ножкой типа Кормадин–Яково (вторая половина V в.). Период бытования узкопластинчатых фибул с подвязанной ножкой, к стати самых многочисленных в некрополях Вимициация, с точки зрения исследователей, должен быть ограничен временем не позднее рубежа VI–VII вв. на основании находок из лагерей дунайского лимеса и византийских городов. Данное наблюдение должно привлечь особое внимание специалистов по раннему средневековью Восточной Европы. Этот тип фибул является здесь одним из важных хронологических индикаторов двух больших групп древностей – раннеславянской (фибулы из антских кладов, несомненно, имеют своими прототипами балканские и среднедунайские изделия) и причерноморско-германской (могильники Южного Крыма, могильник на р. Дюрсо).

Корреляция находок по комплексам погребений позволила выделить три хронологические фазы эволюции могильников: А – конец IV – вторая треть V в. (что соответствует периодам D1, D2 и D2/D3); В – вторая треть V – начало VI в. (периоды D2/D3, D3 и E); С – от начала VI до начала VII в. Последняя фаза подразделяется на три последовательные ступени.

Выделяемый период А представлен всего двумя погребениями из могильника № II, одно из которых женское с ожерельем бус, а второе – воинское с полным набором вооружения (щит, копье, боевой нож), на черепе следы деформации. На наш взгляд, выделение самой ранней фазы на основании всего двух погребальных комплексов, учитывая, что хронологическое разрыва между фазами А и В не наблюдается, не столь жестко оправданно. Скорее, эти два погребения маркируют самое начало фазы В, ее отправную точку, которая в таком случае может быть локализована на временной шкале где-то около 430 г. Вероятно, они действительно указывают на возможность наличия в Вимициации некоего «варваризированного гарнизона», подразделений варваров-федератов накануне нападения на лимес войск Атилы в 441 г., как предполагают авторы.

Инвентарь, типичный для периода В, ярко характеризует культуру восточногерманских племен середины и второй половины V в., хорошо известную и документированную многочисленными погребениями на территории Среднего Подунавья. Правда, последние, в отличие от погребений фазы В Вимициация, часто содержат большое количество оружия. Предметы вооружения здесь помещают в могилы по преимуществу на следующем этапе – С. Авторы исследования предполагают, что после крушения державы Атилы в Вимициации (а также и в соседнем Сингидуне, но чуть позже) осела какая-то группа восточных германцев. Из ранневизантийских письменных источников мы

знаем, что в это время в Паннонии поселились остроготы-федераты, заключившие договор с императором Маркианом (450–457). Они пребывали здесь до конца V столетия, после чего во главе с королем Теодорихом мигрировали в Италию.

В самом начале VI в. в окрестностях города появляется совершенно новая группа варваров-германцев, которым принадлежит погребения фазы С, зафиксированные только на втором из описываемых могильников. Для этого периода характерно большое количество предметов вооружения в могилах, многочисленные византийские веди, в основном это поясная гарнитура и балканские фибулы с подвязанной ножкой. Вариативность погребального инвентаря позволяет выделить несколько социальных уровней населения, чего не удавалось зафиксировать для материалов предшествующего времени.

Среди вещей из погребений фазы С, типичных для германского мира, выделяются фибулы с резным декором и прямоугольной головкой, характерные в это время для народов, обитавших к северу и северо-западу от дунайского бассейна – герулов, лангобардов и тюрингов. Наряду с этими вещами некоторые особенности костюма, в частности традиция ношения подобных фибул в области таза и у ног, также находят параллели среди племен северной части материковой Европы. На данном основании, а также ссылаясь на информацию из источников, которые сообщают о размещении императором Юстинианом герульской дружины численностью 4500 бойцов в Сингидуне, авторы предполагают, что и рядом, в Виминации, могла быть размещена часть того же герульского контингента, которому и принадлежит погребения фазы С. Археологические материалы могильников Виминация и Сингидунa на данном хронологическом срезе очень близки. Ранее их было принято связывать с гетитами. Версия о герульской принадлежности этих материалов была впервые высказана В. Ивановичем и М. Казанским в 2002 г. В рецензируемой монографии эта гипотеза получила дополнительную аргументацию и, несомненно, заслуживает внимания специалистов.

Особо следует остановиться на содержании главы 3, посвященной научной обработке и публикации бус из могильников Виминация I и II, а также двух небольших некрополей Сингидуна. Данный раздел, подготовленный одним из авторов – А.В. Мастыковой, – по праву занимает, пожалуй, центральное место в исследовательской части; на его долю приходится половина объема всего текста (с. 51–117). Автором обработано 1525 экземпляров бус из различных материалов (подавляющее большинство – стеклянные), происходящих из 46 погребальных комплексов.

Прежде всего хотелось бы отметить глубину и скрупулезность исследования. В работе дается подробное описание технологического процесса изготовления и обработки бус, сделанных из стекла, фаянса, янтаря, сердолика, горного хрусталя, а также представлены результаты оптико-спектрального анализа стеклянных изделий (80 образцов). Далее на основании морфологической специфики находок, с учетом материала и техники изготовления выделены 112 типов бус. При этом в большинстве случаев, кроме указания могила, из которых происходит тот или иной тип, приводится подробный список аналогий как из памятников Западной и Центральной Европы, так и из позднееантичных и раннесредневековых памятников Причерноморья и Северного Кавказа. Интересный вывод был получен в процессе исследования химического состава стекла: оказалось, что бусы, найденные в синхронных и близко расположенных центрах – Сингидуне и Виминации – изготовлены, скорее всего, в различных мастерских.

Затем автор останавливается на составе ожерелий, происходящих из отдельных комплексов всех отмеченных могильников и фиксирующих взаимовстречаемость бус различных типов. На данном основании, а также с учетом общей датировки комплекса по вещевым находкам, выделяются типологические и последовательные хронологические группы ожерелий (группы I–V), дата которых определяется в пределах от второй трети V до конца VI в. н.э. Среди исследований центральноевропейских стеклянных бус на сегодняшний день имеется не так много работ, посвященных именно этому хронологическому отрезку. Гораздо лучше изучены позднеримские находки, а также материалы эпохи Меровингов, особенно начиная со второй половины VI в. н.э.

Хотелось бы особо отметить и альбом иллюстраций, сопровождающий раздел книги, посвященный бусам. Подбор цветных рисунков и их высокое качество позволяют читателю получить четкое представление об исследуемом предмете. Здесь представлены и таблицы с изображением разных бус с указанием погребальных комплексов (рис. 49–64), и рисунки, отражающие типологию изделий (рис. 60–70), и воспроизведения целых ожерелий (рис. 71–78).

Представленное в рецензируемой работе полноценное и всестороннее исследование большого количества разнообразных по материалу и технике изготовления бус является важным научным вкладом, который позволяет использовать полученные данные для сравнительного анализа аналогичных материалов из других регионов.

Аналитическая часть книги завершается историко-археологическим очерком о роли варваро-германцев в обороне византийского лимеса на

протяжении конца IV – начала VII в. Динамика культурных трансформаций в погребальном инвентаре Виминация весьма квалифицированно вписана в контекст изменений оборонительной структуры дунайской границы, реконструируемой по письменным источникам. Авторы привлекают также данные нумизматики и эпиграфики. Восстановленная ими картина убеждает своей целостностью и корректировкой различных, в том числе и частных, на первый взгляд, фактов и наблюдений, касающихся огромного по объему материала, который связан с культурой племени Среднего Подунавья в эпоху Великого переселения народов.

Публикация могильников Виминация, на наш взгляд, станет весьма ценным источником по археологии данной эпохи. На территории Среднего Подунавья и, пожалуй, почти всей «варварской» зоны Центральной Европы погребальные комплексы конца IV – начала VI в. представлены в основном единичными захоронениями, либо же небольшими группами могил, которые не дают возможностей для сериации массового материала и, соответственно, разработки региональных хронологи-

ческих шкал. Лишь применительно к эпохе Меровингов в Западной Европе (начиная со второй половины V в.), когда возникают огромные могильники с сотнями погребений, датировка массовых категорий вещей не является большой проблемой. В предшествующее время, «княжеские» погребения эпохи Астилы и пост-астиловской поры, конечно, продолжают оставаться опорными комплексами, но датировка рядовых находок, таких как широко тиражируемые непрестижные детали поясной гарнитуры, фибулы, бусы, другие недорогие украшения, продолжает оставаться размытой, а временами и неопределенной именно в силу тех причин, о которых мы только что упомянули.

Рецензируемая монография, несомненно, способна во многом восполнить этот пробел.

*И. П. Засецкая, А. Г. Фурасов
Россия. Санкт-Петербург.
Государственный Эрмитаж
Отдел археологии
Восточной Европы и Сибири*

Клады Болоховской земли

Якубовський В. І.

Скарби Болохівської Землі. 2-ге вид., доп. 159 с.: ілюстр. 2003.

Кам'янець-Подільський: Медобори

В последние десятилетия в процессе археологического изучения довольно быстро происходит пополнение списка кладов древнерусского времени, которые были учтены в сводной работе Г. Ф. Корзухиной (Корзухина, 1954). В связи с этим отражение новых находок в научной литературе, их полноценная научная характеристика становятся настоятельной необходимостью. Такую задачу по району Болоховской земли (юго-запад Украины) на высоком научном уровне выполняет монография В. И. Якубовского «Скарби Болохівської Землі» (раздел о кладах Изяслава написан А. А. Песковой).

Всего в работе в научный оборот вводятся 24клада, зарытых накануне татаро-монгольского нашествия. В книге представлена убедительная аргументация того, что болоховские центры пали именно от набега монголо-татар в 1259 г., а не от гораздо менее опустошительных нападений Даниила Галицкого в 1241 г. (С. 25).

Клады были открыты в процессе планомерных раскопок, обстоятельства находок и положение вещей детально зафиксированы, полнота комплексов не нарушена – все это увеличивает их инфор-

мативность. Чрезвычайно ценно и введение в научный оборот материала раскопок 1950–1960-х годов, потребовавшее кропотливой работы по анализу полевой документации для восстановления первоначального состава комплексов.

Несомненной заслугой автора является рассмотрение комплексов вещевых кладов в контексте материальной культуры изучаемых поселений и городищ. В работе проводится анализ культурных контактов, делается попытка определить место новых произведений в искусстве Древней Руси.

Следует отметить и важный исторический вывод, сделанный в исследовании: определение периода существования Болоховской земли как автономного политического образования с конца XII в. – по первую половину XIII в. Клады включают серебряные и позолоченные украшения, по мнению автора, принадлежавшие Черниговскому князю роду Ольговичей.

Важным наблюдением является выделение полутораборотных височных колец как характерной детали убора местного славянского населения, потомков древлян и уличей (Рис. 66, 1, 2. С. 28, 106). В полутораборотных кольцах автор усмат-

ривает позднее развитие племенных украшений вольяния, правда, желательно было бы подтвердить это иллюстрациями или типологическим рядом (С. 133).

В работе приведен подробный обзор укрепленных центров Болоховской земли (27 памятников). Они классифицированы на три подтипа: по величине и характеру укреплений.

Книга включает иллюстрации и карты. Одна из карт дает полное представление о расположении городов. Не вполне удачно только то, что на карте обозначены исторические названия центров, а в пояснении к ней под теми же номерами указаны названия археологических памятников.

При публикации материала кладов важны четкие типологические определения. В этом отношении можно сделать некоторые замечания. Так, с одной стороны, типологически разные материалы рассматриваются в одном разделе, а с другой — по отношению к одним и тем же вещам применяются разные термины. Например, в одной типологической подгруппе рассматриваются наручи и витой браслет, представляющие разные категории украшений. Также объединены в одну группу и разные по назначению подвески (С. 57, 80, Рис. 54, 56).

Работа удачно могла бы также дополнена общими таблицами *однотипных* вещей с прорисовками (в заключительном разделе). Только в шестом разделе есть таблица, показывающая представленность типов и категорий (Пискова, 2003, С. 124).

Трехбусинные украшения называются в тексте «сережки киевского типа» (С. 107, 113–117. Рис. 85, 6, 10). В.И. Якубовский возражает против этого устаревшего термина только в связи с тем, что трехбусинные украшения делали не только в Киеве, но и в местных центрах. Однако главное возражение состоит в том, что трехбусинные украшения по назначению не являются серьгами. Хотя именно в кладах Болоховской земли имеется одно из важных подтверждений этого — соединение дужки колта с трехбусинным кольцом.

При описании украшений в работе имеются отдельные неточности: на черневых наручах нет ажурной филигранны, о которой говорится в тексте (Рис. 33; 38, 2; 96, 6. С. 133).

Аналогии украшениям кладов справедливо отмечаются в Киевской и Черниговской землях (в частности — в Княжьей Горе). Киев традиционно понимается как законодатель моды. Вывод о знакомстве местных мастеров с технологическими приемами киевских ювелиров не вызывает сомнений, но, к сожалению, не подкреплен фактически данными (С. 134).

Немало внимания в книге уделяется и вопросу о местных особенностях вещей, которые, по мне-

нию автора, говорят о наличии собственной художественной школы (С. 69). Это положение также остается необоснованным; не определяется и то, что понимается под термином «школа». Наличие матриц для тиснения корпуса колтов и некоторые грубо изготовленные экземпляры украшений подтверждают местное изготовление, но не самостоятельную художественную школу (С. 81, 108). Типологическое сходство вещей еще не свидетельствует об изготовлении в одной мастерской.

Особенность болоховских украшений также иногда переоценивается. Вариант трехбусинных украшений с четырехлепестковой розеткой на бусинах признается особой местной формой (С. 133), но такие украшения распространены повсеместно в Киевской земле, они есть и в Рязани (Жилина, 1998). К своеобразным причислены типичные по форме эмалевые колты (С. 136, Рис. 50).

Интересны реконструкции ювелирного убора, сделанные автором. Их достоинством является внимание к соединению вещей, прослеженному при находке. Замечательно, что реконструируемый В. Якубовским способ укрепления колтов на двух цепях-ряснах из колодочек подтвержден недавней находкой клада в Старой Рязани 2005 г. (Рис. 93–95). Тем не менее к реконструкциям есть ряд конкретных замечаний. Цепи-рясна из бляшек следовало сложить вдвое, как складываются эмалевые рясна с двойным шарниром посередине. Цепь-рясно из клада № 2 Телиженецкого городища разорвана, в ней недостает звеньев, их должно быть четное количество (С. 81, Рис. 94). На красочных рисунках реконструкций соединение украшений все же остается не полностью ясным, система крепления вещей не достаточно четко прорисована.

Очень интересной находкой являются дужки с заостренными уплощенными концами, по конструкции не вполне подходящие для очелья, хотя предлагаемая автором реконструкция допустима. Как показывают болоховские находки, у колтов возможны двусоставные раскрывающиеся дужки для крепления к стигбу рисенной цепи из колодочек. Цепочки, с которыми колты соединены при их находении, могут быть предназначены не для закрепления колта, а для прикрепления к головному убору, как на эмалевых ряснах (Рис. 39).

Интересной оригинальной авторской трактовкой является понимание композиции одного из черневых наручей как изображения языческого обряда в ночь Ивана Купала (Рис. 34). Правильно отмечено, что орнаментальные композиции украшений утратили общий смысловой сюжет.

В заключительном седьмом разделе, посвященном определению роли Болоховских кладов в историко-культурном развитии Древней Руси, сдела-

ны выводы об общей хронологической привязке украшений – конец XII – первая половина XIII в., о распространении киевских и черниговских украшений на Болховский земле в результате династических связей с черниговскими князьями. К сожалению, здесь сохраняется описательность, заключение выиграло бы за счет составления общих типологических таблиц, карт и схем, иллюстрирующих выводы.

Ряд высказанных конкретных замечаний не снижает общего высокого уровня представленной монографии и ее научной значимости. В целом следует считать работу В.И. Якубовского очень полезным и своевременным исследованием. К ней, безусловно, обратятся многие ученые, историки и археологи как для анализа нового конкретного

материала, так и для выработки общего представления о развитии кладовых древностей.

Жилина Н.В., 1998. Трехбусинные украшения древнерусских кладов XII–XIII веков: (типология, эволюция, технология и орнаментика) // Культура славян и Руси. М. Корзухина Г.Ф., 1954. Русский клад. М.; Л.

Пискова Г.О., 2003. Скарби із городища біля міста Шепетівки (Розділ VI) // Якубовський В.І., Скарби Болхівської Землі. Кам'янець-Подільський, 2003.

Якубовський В.І., 2003. Скарби Болхівської Землі. Кам'янець-Подільський.

Н.В. Жилина

Россия, Москва,

Институт археологии РАН

Отдел славяно-русской археологии

Музееведение и археология – две составляющие в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла

Осипов Д.О.

Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006.

М.: Институт археологии РАН. – (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7)

Монография Д.О. Осипова представляет особый жанр научной исторической литературы, предназначенной для широкого круга читателей. В ней в развернутой форме пространно изложены современные научные представления о развитии кожевенного и обувного ремесла в средневековой России. Эту работу отличает углубленный подход к археологическому материалу, так как автор является археологом, многие годы участвующим в раскопках на территории Москвы и городов Подмосковья. Эта книга прежде всего должна быть интересна музейным работникам, музееведам и культурологам. Ее можно рекомендовать в качестве программной или дополнительной литературы в вузах по курсам музееведения, культурологии, истории моды и истории ремесла. Кроме того, данная работа вызовет интерес у археологов, проводящих раскопки в средневековых русских городах, у искусствоведов, этнографов, театральных художников, современных обувщиков-технологов, участников клубов исторической реконструкции и всех интересующихся историей, культурой и бытом средневековой России. Помочь в ее прочтении призваны публикуемые приложения – терминологический словарь, справочники-классификаторы, примеры описания разных форм обуви, а также методы консервации кожи в полевых условиях. Приступая к чтению книги, надо помнить, что история повседневной жизни, раскрытие и нагляд-

ный показ «живых» сцен древнего быта и производственных занятий населения являются одним из действенных средств приобщения людей к познанию исторического прошлого. Многообразие форм отражения повседневности можно видеть, особенно в последние десятилетия, в концепциях новых музейных экспозиций, в иллюстрациях из альбомов, тематических сборников, каталогов и монографий, посвященных истории обществ.

Достоверные данные об особенностях древнерусской одежды, ее аксессуарах и обуви, как правило, рассеяны в специальной научной литературе и малодоступны для широких читателей источников. А некоторые реконструкции древних форм одежды и обуви, способы раскройки, пошива и декорировки остаются неизвестны даже специалистам. Это наглядно показывает изданный в 2002 г. библиографический указатель книг и статей на русском языке за 1710–2001 гг. по теме «История костюма» (Жабрева, 2002). В нем комплексы археологических кожаных изделий – обуви, деталей одежды и другого – представлены очень неполно. В указателе, например, не отражены кожаные аксессуары, бывшие частью повседневного костюма древнерусских горожан – разнообразные чехлы для личных вещей, носимые на пояском ремне, которые рассматривались в ряде археологических сборников (Варфоломеева, 1993; 1994; 1997).

Между тем спрос на исторически достоверную информацию о древней одежде и моде в нашей стране в последнее время возрастает. И он не удовлетворяется уже имеющимися академическими изданиями, в которых не учитываются материалы раскопок и аналитических исследований последних десятилетий (см. *Древняя одежда...*, 1986; *Рубинович, 1964; 1988*). Это касается и кожаной обуви, хорошо сохраняющейся во влажном культурном слое многих древнерусских городов, расположенных в лесной полосе европейской части России. Правомерно будет отметить, что на сегодня археологический материал становится основным, постоянно пополняемым источником для изучения древнего кожаного ремесла. А единственная из крупнейших по объему коллекций кожи, полученная при раскопках средневековой Твери, отражена в научной монографии, имеющей ограниченный тираж (*Курбатов, 2004а*).

Важным моментом книги Д.О. Осипова является разработка системы описания археологических изделий из кожи. Обилие деталей обуви и других кожаных изделий, находимых при раскопках ряда городов, иногда создает трудности при их описании и систематизации. Многие археологи не знакомы с принципами конструирования обуви, приемами ее раскроя и сборки, не владеют специальной терминологией кожаного ремесла. Поэтому в научных отчетах о раскопках, в лучшем случае, включается общая статистика найденных кожаных предметов, без разделения по видам деталей. Иногда, когда систематизация кожаных находок не могут заняться специалисты, большая часть невыразительных предметов (обрезки, обрывки кожи и деталей) выбрасывается после завершения раскопок. Это обусловлено тем, что музеи не заинтересованы (или не приспособлены) хранить массовые археологические находки. Чаще всего в музейные фонды попадают только целые детали или изделия. Между тем оценка уровня развития ремесла, выявление региональных или хронологических особенностей изделий и самого производства, а также многих черт древнего быта, возможны только при изучении всего объема находок. Методическое обоснование такого подхода и его практическое применение предложены в нашей стране, например в работах Е.И. Оятевой и А.В. Курбатов (*Оятева, 1962; 1965; 1970; 1971; Курбатов, 1997. С. 51–69; 2004а*). По этому же пути ведет научные разработки кожаного материала и Д.О. Осипов, взявший на себя нелегкую задачу изучения ремесла в Москве и городах Московской земли. По ряду причин коллекции из раскопок в Москве сохранились не полностью, а их привязка к слоям и сооружениям иногда вызывает сомнения. Для реконструкции древнего ремесла и форм конкретных изделий исследователю необходимо об-

ращаться к изучению материалов из других городов и регионов средневековой России, а также, наряду с детальной проработкой уже имеющихся музейных коллекций, рассматривать и новые материалы, находящиеся при раскопках в Москве, Коломне, Дмитрове.

Обзор источников показывает полную проработку всех археологических находок, хранящихся в московских музеях, включая детальный анализ полевой документации, что позволило связать изделия с определенными слоями или комплексами. В последние годы Д.О. Осипов принимал участие во многих охранных раскопках в Москве и начал изучение кожаных изделий при их непосредственной расчистке в слое. Это помогло ему, например, в оценке комплекса сооружений на ул. Пречистенка, где в 1997 г. был выделен комплекс отходов из сапожной мастерской третьей четверти XVII в. Значительные по объему коллекции кожаных находок XIII–XIV вв. изучены им по раскопкам Коломенского кремля. Также более тысячи обувных деталей и обрезков середины XVIII в. были обработаны при раскопках в Дмитрове.

В своей работе Д.О. Осипов подробно разбирает русские письменные источники, связанные с кожаным и сапожным ремеслами в Москве. Он отмечает стремление сапожников селиться в центральных районах города, близ оживленных улиц и торгового. Такое размещение расширило возможности получения заказов на изделия от горожан и приезжих. Отмечены некоторые источники, свидетельствующие о профессиональном обучении сапожников, обувной моде в России XVI в. и о техническом оснащении кожаных мастерских. Рассмотрены и известия иностранных путешественников XVI–XVII вв., описавших московские порядки, быт и моду. Однако оценка таких описаний не всегда справедлива. Так, в упоминании С. Герберштейна о качестве сапог у русских Д.О. Осипов видит их противопоставление моде на высокие сапоги в Западной Европе. Данное наблюдение С. Герберштейна должно привлечь внимание историков моды, поскольку имеет отношение к смене костюмов в странах большей части Европы. Напомним, что «Записки о Московии» С. Герберштейна написаны им на основе двух посещений России в 1517 и 1526 гг. в качестве посредника на переговорах советников великого князя Василия III с послами великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. Первое издание «Записок» на итальянском языке появилось в 1550 г. в Венеции, затем вышли два издания на латинском языке в 1551 и 1556 гг., а в 1557 и 1563 гг. появились переводы на немецкий язык (*Герберштейн, 1988. С. 5, 7*). Наиболее известный в России перевод А.И. Малеина 1908 г. сделан с латинского издания. Можно видеть, что между посещениями

России и выходом из печати «Записок» С. Герберштейн прожил около четверти века. При чтении «Записок» становится очевидным, что и в цитате, приводимой Д.О. Осиповым, как и во многих других, описывая виденные в России конкретные сцены или явления, С. Герберштейн старается не давать собственных оценок. Объективность этого сочинения неоднократно отмечали историки, в том числе А.Л. Хорошкевич (*Герберштейн*, 1988, С. 7–45), поэтому попытка Д.О. Осипова приписать С. Герберштейну нехарактерное для дипломата противопоставление надо считать досадным недоразумением, появившимся из-за внимания к европейской моде первой четверти XVI в. В период посещения С. Герберштейном России в Европе еще не вошли в моду сапоги.

На титуле московского издания «Записок» изображен известный портрет С. Герберштейна, приложенный к его книге «Благодарному потомству...», изданной в 1564 г. На портрете дипломат изображен в низких туфлях без завязок и с широкими носками, характерными для моды того времени. Эта форма обуви была наваяна периодом Реформации, которая противопоставила традициям готического стиля в одежде, элитарного в основе, более демократичные формы одежды и обуви, удобные в повседневных занятиях. Такую низкую обувь носили не только горожане, но и солдаты. Последнее хорошо видно на картинах и гравюрах первой четверти XVI в. По тонкому наблюдению Ю. Свапи, на развитие стилей и декора обуви в Европе в первой половине XVI в. оказали большое влияние военные успехи Германской империи. На картине «Триумф императора Максимилиана в 1512 г.» показана именно такая обувь, казалось бы непрактичная для военных (*Курбатов*, 2005а, С. 237). Сапоги же в Европе стали общераспространенной и популярной формой обуви в период Семилетней войны 1560-х годов. С этого времени их изображения стали постоянными на картинах и гравюрах. Таким образом, обращение к европейской моде первой половины XVI в. позволяет установить, что С. Герберштейн, при всем желании, не мог сравнивать короткие русские сапоги с длинными западноевропейскими.

Можно согласиться с утверждением Д.О. Осипова, что не всем свидетельствам иностранцев можно одинаково доверять. Однако не следует принимать без должной критики и замечания автора о коренных изменениях костюма только со времени Петровских реформ. Известно, что в придворных кругах русского общества конца XVII в. европейская одежда, видимо, уже давно широко и повседневно использовалась (*Шамин*, 2005, С. 23–25). Особенно те ее формы, которые соответствовали климатическим условиям в России. Более того, можно считать, что европейская обув-

ная мода становилась известной в русских городах практически одновременно ее введению на Западе (*Курбатов*, 2006, С. 369 и сл.).

Далее Д.О. Осипов останавливается на некоторых графических изображениях в русских средневековых рукописях, где показаны разные формы обуви, а также на памятниках художественной пластики. Справедливо его наблюдение, что ранние реалистические изображения русской обуви преимущественно находятся в сочинениях иностранцев. *Едва ли не самым ранним реалистичным изображением обуви, сделанным русским мастером, он называет бронзовую фигуру «мастера Авраама» с Корсунских врат Новгородского Софийского собора.* На ногах мастера показаны сапоги, имеющие ряд конструктивных и декоративных деталей, появившихся на обуви только в начале XVI в. Именно это не позволяет согласиться с Н.В. Рындиной, датировавшей фигуру второй четвертью XV в. (*Курбатов*, 2004б, С. 173).

Вслед за отечественными исследователями Л.И. Якуниной, С.А. Изюмовой и другими Д.О. Осипов признает реалистичность крашеной обуви, изображенной на древнерусских фресках и миниатюрах, но такой пассаж требует особого комментария. И специалисты по средневековому кожевенному делу и кожевники-технологи, изучавшие древние кожи, сходятся во мнении, что *намеренная окраска кожи в средневековой Руси, видимо, не производилась. Нельзя называть окраской тонирование кожи, получаемое при ее дублении, а единственным видом тонирования до XVI в. можно считать отмачивание кожи в настое железных опилок и лома, придающее поверхности темно-коричневый или черный цвет* (*Рабинovich*, 1964, С. 101). В тех единичных случаях, когда в письменных источниках упоминается цветная кожа, видимо, речь идет о привозных изделиях. В частности – известное описание одежды Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи под 6760 (1252) годом: «...сапози зеленого хтза, шти золотом...» (*СНРЯ XI–XVII вв.*, 1981, Вып. 8, С. 84). С XVI в. в сохранившихся описаниях одежд царей и бояр начинают часто упоминаться цветные кожаные изделия – одежда, обувь, оружие, конская упряжь. Но все они относятся к редкому и дорогому сорту кож – хозу (гузу), под которым следует понимать сафьян или близкие по технологии выделки кожи из козьих шкур. Относительно небольшое число красок, использованных на Руси для окраски кож, фиксируется в источниках с XVII в. (*Лукьянов*, 1955, С. 29–30). При этом собственное производное сафьянов в русских городах до второй половины XVII в. остается не подкрепленным реальными фактами. Только в 1666 г. под Москвой был открыт первый «завод» по производству дорого сорта кож – сафьяна. Этот материал применялся для

книжных переплетов, обивки мебели, внутренней части экипажей, пошива рукавиц и др. Кожу красили как отечественными, так и привозимыми из-за границы красками (Федоров, 1887. С. 9). К последним прежде всего относятся сандал желтый, вишневым или красным. Наряду с чернильными орешками для тонирования кож применяли крутик, шафран, лазоревую краску и некоторые другие природные органические красители.

Во второй главе Д.О. Осипов представил методику описания древней обуви на стадии ее камеральной обработки. Эта методика создана им совместно с Ю.А. Лихтер на принципах системного подхода, при котором вещи не разделяются по месту и времени, а термины, описывающие отдельные признаки, считаются приложимыми к изделиям любого происхождения. Основные детали обуви, по предложенной схеме, сведены к 13 элементам, сгруппированным в четыре блока. Описания деталей предлагаются в справочнике-классификаторе. Возможно, подобная систематизация обувных элементов до некоторой степени помогает определению всего многообразия обувных конструкций и отдельных деталей, но она не может заменить технически правильного графического изображения вещей. Именно технические рисунки деталей и схемы их сборки в конструкции дают полное представление о конкретной форме обуви, времени и месте ее изготовления, что, в свою очередь, позволяет видеть в деталях обуви конкретный историко-культурный факт. Надо признать, что вербальное описание находок имеет большое значение для их фондового учета в музеях. В этом отношении знакомство с принципами описания, изложенными в книге Д.О. Осипова, может иметь широкое практическое применение. Несомненный интерес представляет описание видов сырья и возможности его визуального определения, а также экскурсе в технику пошива и декорирования обуви. Однако в описании техники сборки надо добавить, что шивание деталей было возможно растительной, животной (жилами) и металлической нитями, а при классификации декора надо выделять и вырезной орнамент.

В третьей главе обобщаются результаты обработки музейных коллекций кожаной обуви, собранной при раскопках в Москве и Подмоскowie, в том числе и статистика предметов из раскопок в Зарядье. Здесь же приводятся исторические сведения, касающиеся всех видов найденной обуви. Автор отмечает относительно кратковременное бытование в древнерусских городах так называемых ажурных поршней. По нашему мнению, они являются элементом русской обувной моды XIII в. (Курбатов, 2004а, С. 50). Тут же рассматривается и интересный вариант детской мягкой туфли, сделанной из пальца рукавицы, с дополнительно при-

шитым задником. Закрывающая пальцы деталь имеет два шва по бокам носка. Изображение такой по крою обуви встречается на одной из икон Вознесения, написанной в XVII в. (Государственный музей БССР, 1989, № 13). В данном разделе вызывает сомнение ряд выводов. Например, одна туфля XVII в. была определена как рабочая обувь, перешитая из сапога. На рисунке (ил. 51) ясно видна кожаная обивка (штаферка) по верхнему краю, но нет следов пришивания голенища. Представляется не вполне корректным замечание автора об отсутствии в русских городах низких форм обуви (туфель, башмаков) в XV–XVII вв., потому что начиная со второй половины XVI – начала XVII в. в них уже известна низкая обувь, имевшая широкое хождение в странах Западной и Северной Европы. Такая обувь попадает в Россию вместе с европейцами, часто приезжавшими в страну и даже долгое время жившими здесь. В городах северо-запада России, попавших под власть шведской короны после окончания Ливонской войны, такие туфли, видимо, шили уже на месте западные или русские мастера. Возможно, с этим связано и появление в Новгороде особого специалиста – каблучника, отмеченного в писцовой книге 1584 г. Среди городов, где в первой половине XVII в. туфли и башмаки на каблучках были очень широко представлены, можно назвать Мангазею. Широкое знакомство русских с низкой обувью (башмаками) подтверждают ее упоминания в деловых записках, начиная с 1580-х годов (Вахрос, 1959. С. 67–68). Особенно башмаки были популярны у женщин из высших слоев общества, в том числе и у представительниц царской семьи (Прохоров, 1876). Также нельзя согласиться с утверждением Д.О. Осипова, что туфли рантовой конструкции, без задника, так называемые «мули», входят в моду только во второй четверти XVIII в. Эта форма западноевропейской обуви, по-видимому, также появляется в русских городах с конца XVI в. На протяжении XVII в. конструкция и декор туфель и башмаков менялись, отражая динамику смены моделей в других странах Европы.

После общей характеристики видов обуви в третьей главе рассмотрены отдельно все найденные обувные детали. По-видимому, такое деление имеет положительные качества, например, чтобы облегчить музейным работникам и археологам, слабо знакомым с изделиями кожаного ремесла, классификацию находок. Однако деление на детали в рамках описания видов обуви надо считать более цельным для понимания смены обувных конструкций. В отдельных случаях датировка специфических форм обуви и относящихся к ним деталей представляется не вполне доказанной. Это относится к формам сапог, имеющим вытянутый вперед зауженный носок, а также к сапогам, у

которых заостренный носок подошвы загнулся вверх и подшивался в соответствующий вырез на переднем крае головки. По нашему мнению, первые можно считать частью ренессансных влияний, привнесенных в Россию в последней четверти XV в. Тогда как вторые являются самостоятельным русским вариантом такой моды, появившимся не ранее рубежа XV–XVI вв. Это заключение подтверждает изучение ряда коллекций из Пскова, Гдова, Твери (Курбатов, 2004б; 2004в; 2004г; Курбатов, Харлашов, 2004).

Некоторого уточнения требует и даваемое на с. 51–52 описание берцов, а также ранта. Нельзя согласиться с тем, что низкие формы обуви, в которых отсутствуют эти детали, распространяются в русских городах, в том числе Москве, только с XVIII в. Выше отмечено, что западные формы обуви, появившиеся в русских городах со второй половины XVI в., связаны с проживанием в них иностранцев. В приходно-расходной книге Антонинова монастыря за 1580 г. читаем: «Куплено ...сапог телятинные башмачные красные». Поэтому в русских городах появляются особые мастера – башмачники, шьющие обувь западных фасонов. Это, например, уже упоминаемый каблучник в Новгороде. В Казани в писцовой книге 1646 г. упоминают «Полухто Дмитриев башмачник, у него ученик Петрушка Лукоянов» (СлРЯ XI–XVII вв., 1975. Вып. 1. С. 82). Такие мастера были и в Москве. Например, известно, что «[1687] Оброська башмачникъ ... напился пьянъ, въ Яузскихъ воротахъ подрался съ стрельцами» (СлРЯ XI–XVII вв., 1990. Вып. 16. С. 47). С XVIII в. низкая обувь с берцами, видимо, становится повсеместной. Тогда же в обиход вошло и русское слово «кляуша», обозначающее берцы (СлРЯ XVIII в., 1998. Вып. 10. С. 65). Д.О. Осипов при описании внутренних деталей распространение ранта отнес к XVIII в. Как и в случае с другими деталями, здесь видна тенденция исследователя разделять русскую и западную традиции изготовления обуви, пересекающиеся только в период Петровских реформ.

При рассмотрении деталей обуви поднимается вопрос об изготовлении асимметричных форм подошв. Их малое число (не более 1%) в комплексах XII–XVIII вв. Д.О. Осипов склонен связывать с изготовлением обуви для людей, страдавших плоскостопием. Это представляется маловероятным, поскольку самостоятельного лечебного эффекта асимметричная подошва не имеет. Для лечения или профилактики плоскостопия необходимо использовать высокую внутреннюю вставку – супинатор, которая искусственно поддерживает свод стопы. Наличие супинатора в древней обуви или следов его применения не выявлено, поэтому правильно считать, что раскрой асимметричных подошв связан с фасонами обуви.

Дискуссионным можно назвать и мнение исследователя о возможном заимствовании каблука с Востока, где он, по мнению Э. Йеферта, прослеживается на миниатюрах с XIII в. Последнее надо признать недоразумением, основанным на изображениях оттянутой вниз пятки сапог, отражающей эксплуатационную деформацию мягкой обуви. Такая пятка прослеживается на восточных миниатюрах по меньшей мере с X в. (Ruprechtberger, 1994. III. on the p. 31). Появление же в русских городах каблучков прежде всего отмечается на обуви западных фасонов не ранее последней четверти или конца XVI в. Встречающиеся в сапогах XIV – первой половины XVI в. внутренние подпяточные прокладки (обычно 3–4), поднимающие пятку на 0,8–1,0 см, нельзя считать каблучками.

Глава 4 посвящена общим выводам по истории изготовления кожаной обуви. Здесь более подробно, чем в главе 2, разбираются виды кожевенного сырья, способы его выделки, а также техника раскроя, пошива и декорировки обуви. Однако такое дублирование описания технической части работы кожевника и сапожника, прежде данное в главе 2, вряд ли оправдано. Здесь, например, говорится о вынесении дворов кожевников на окраины Москвы. Рассматривая найденные в Москве кожевенно-обувные мастерские, Д.О. Осипов склоняется к мнению С.А. Изюмовой о разделении кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде еще в домонгольское время (Изюмова, 1959. С. 197). С.А. Изюмова писала, что разделение этих ремесел доказывают находки на Неревском раскопе раздельных производственных мест кожевников и сапожников. Об этом же якобы говорит и отсутствие скопленных золы и шерсти в сапожных мастерских XII–XIII вв. на Великой улице. В то же время зольник, открытый на Славне и датированный XII в., судя по отходам производства, был связан с мастерской сапожника. Эту мастерскую С.А. Изюмова относит к ранней стадии развития средневекового ремесла, когда два производства еще не разделялись, но приводимый аргумент опровергается в последующие годы находками «совмещенных» производств как в Новгороде, так и в других городах. В этом вопросе правильнее придерживаться мнения Б.А. Рыбакова, который связывал вопрос о разделении труда в ремеслах с общим подъемом русской культуры XIV–XV вв., когда городское ремесло значительно развилось в техническом отношении (Рыбаков, 1948. С. 695). Добавим, что нет доказательств столь высокого спроса на кожевенную продукцию в домонгольское время, которое сделало бы необходимым разделение специалистов.

Однако этот давний спорный вопрос нельзя решить только указанием на отсутствие следов выделки кож в сапожных мастерских. Один и тот же

мастер мог владеть несколькими участками в городе, на одном из которых он занимался изготовлением кожаных изделий, а на другом, удаленном от зоны жилой застройки, выделывал кожи. Тем более что выделка кож была возможной только в теплое время года, а зимой кожевник мог заниматься пошивом изделий. Отапливаемые помещения для выделки кож не известны по письменным или археологическим источникам до XVII в. Возможно, в середине XVII в. в качестве отопительного устройства могли служить, например, «поварни», такие как упоминают на кожевном дворе у купца Василия Шорина в Нижнем Новгороде (Смирнов, 1948. С. 567). Такую же кожевню описывает Ю.П. Спегальский во Пскове (Спегальский, 1962. С. 112 и сл.).

В целом надо отметить, что в своей книге Д.О. Осипов не дает однозначного и полного ответа на важный вопрос о размещении кожевников – мастеров по выделке кож, который отражал бы понимание системы внутренней организации жизнедеятельности города. Учитывая, что места выделки кож являлись зоной концентрации вредных микроорганизмов, в том числе распространителей различных вирусных инфекций, правомерно предполагать вынесение мест выделки кож за границы плотной городской застройки. Такие данные имеются для разных городов, в том числе и для Москвы. В середине XVI в. кожевники селились «вниз возле реки Москвы» (ПСРЛ, 1904. Т. XIII, 1-я пол. С. 152), т.е. район был вынесен на окраину города. На окраинах появляются особые слободы кожевников: «[1560] Загореса за Язуой ... и двory кожевниковы и гоньчары погореша»; «[1598] Вверхъ по р. Москве къ Лужецкому монастырю по берегу слобода кожевничья 9 дв[оров]»; «[1677] На стене, что во рву, противъ кожемячюй слободы» (СлРЯ XI–XVII вв., 1980. Вып. 7. С. 220–221). Имеются записи о регламентации налогов с таких слобод: «[1673] Въ Беломъ городе, и за городомъ ... кожевные места ... и погребы и всякие оброки изоборчить вновъ» (СлРЯ XI–XVII вв., 1982. Вып. 9. С. 115). Московские слободы с их тягловым населением называли полустаны: «[1671] Кожевничюй полустаны мещане» (СлРЯ XI–XVII вв., 1990. Вып. 16. С. 254). На XVII в. центром кожевнного производства в Москве, судя по источникам, была черная Кожевническая слобода, имевшая в 1632 г. 51 двор, а в 1653 г. – 74 двора. Ее патрональным храмом считалась церковь Троицы в Кожевниках (Звягинцев, 1969. С. 109–126).

При описании технологии изготовления обуви вызывает сомнение заявление Д.О. Осипова о раскрое деталей в древнерусское время с помощью шаблонов – лекал. Специальное изучение этого вопроса привело к выводу об использовании шаблонов – мер сапожных» и «наметов» – только при

обучении сапожному делу (Курбатов, 2003а. С. 181). Кроме того, правомерно было бы называть процесс раскроя и шивания не «технологическим», а «техническим».

Отдельным разделом дается описание различных видов декора обуви, но здесь не учтен такой вид украшения, как разрезы, делаемые на ажурных туфлях, хотя такие туфли и этот вид декора описывались ранее. При упоминании выпивки на сапогах – достаточно редком способе декорировки в русских городах, применительно к данному виду обуви, автор не счел нужным отметить находки голубок и голенищ из Ивангорода и Твери. Кроме того, датировка «продержки» в пределах XI–XII вв. неправомочно заужена. Такой декор встречен на многих туфлях XIII–XIV вв. в Твери (Курбатов, 2004а. С. 45–46). Также заметим, что тиснение встречается не только на обуви XV–XVI вв., но и на изделиях XVIII в. Показанные в альбоме головки обуви с рядами тисненых точек и зигзагообразных линий, относящихся к этому столетию, находят аналогию в синхронных им комплексах из Твери и Владимира.

В главе 5 описывается обувь из других материалов (кроме кожи). При определении древности ваденок автор следует в ряде взглядов историков, писавших о лоявлении обуви из валяной шерсти в России не ранее XVIII в. В русском языке валяную обувь в форме «валенок» впервые отметил Словарь Академии Российской 1789 г. Это – «зимняя простым народом употребляемая обувь, сваленная из овечьей шерсти так плотно, как шляпа» (СлРЯ XVIII в., 1985. Вып. 2. С. 207). В то же время И.С. Вахрос считал, что до XVIII в. такая обувь могла иметь особое название, например *пимы* (Вахрос, 1959. С. 54). Специальное изучение этого вопроса позволяет считать, что валяная обувь упоминается в исторических документах начиная с последней четверти XVI в. (Курбатов, 2005б. С. 47). Самым ранним конкретным упоминанием войлочной обуви является запись в приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 г.: «Купил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын». От 1631 г. сохранилась следующая по времени запись в книге Богородицкого Важского монастыря: «Сапоги войлочные да другие дубленые» (СлРЯ XI–XVII вв., 1975. Вып. 2. С. 310; 12. С. 190). Наиболее многочисленные и разнообразные наименования валяной обуви существовали в Сибири. В XVII в. русские перенили у аборигенов название *коты*, привнося свою технику, материалы и традиции в изготовление. Но кожаные и войлочные коты знали и в средней полосе Европейской России. В таможенной книге Смоленска 1677 г. указаны «десятеры коты волосеные» (СлРЯ XI–XVII вв., 1980. Вып. 7. С. 386). У карел и саамов (лопарей) русские заимствовали *кенги* (*кеньги*) – зимнюю

обувь из меха или войлока (*Вахрос, 1959, С. 105*). В дальнейшем это название распространилось на валенки. Археологические находки войлочной обуви конца XVI–XVII в. очень редки. Одна находка сделана в слое XVI в. в Зарядье (Москва) и имеет вид кожаной обуви, подложенной изнутри войлоком так, чтобы стопа была им прикрыта сверху и снизу (*Рабинович, 1964, С. 228*). Использование войлочных голенищ можно предполагать на обуви первой половины XVII в. из затопярных русских городов Мангазея и Пустозерска (*Курбатов, 2003б, С. 230*).

В книге Д.О. Осипов не дает собственной оценки времени появления и другого вида обуви – плетеных из лыка лаптей. Он отмечает только существующие мнения, хотя ранее придерживался взгляда о бытовании лаптей в Древней Руси (*Осипов, 2004, С. 23*). Обращение к этому вопросу позволило нам сделать вывод о распространении лыковой обуви с XVI в. И этот вывод за последние годы не был поколеблен появлением новых источников (*Курбатов, 2001, С. 230–231*).

Можно согласиться с автором, что в средневековой России обувь на деревянной подошве или полностью деревянная не получила широкого распространения. Однако полностью отрицать существование специальных вариантов такой обуви также нет достаточных оснований. Помимо собственно деревянной обуви, в средние века использовались специальные деревянные колодки для хождения по льду. Их бытование предполагают многочисленные находки железных ледоходных шпивов в виде скобы с загнутыми вверх концами. На нижней стороне шпивов имелся выступ для удержания ноги от скольжения. Такие скобы, надо полагать, набивались на деревянную доску – своего рода подошву, которая крепилась ремнями поверх кожаной обуви. Данных вид ледоходных шпивов был распространен на всей территории Древней Руси, но в научной литературе подобные скобы принято считать подковками, набиваемыми на копыта коней (*Кирпичников, 1973, С. 79–82, Рис. 47*). Ледоходными шпивами для обуви А.Н. Кирпичников считал железные предметы иного вида – треугольные или овальные в плане, а также в форме узкой пластины с загнутыми вверх концами, охватывающие стопу с обувью по бокам. Но шпивы такого вида на территории Руси встречаются значительно реже, чем первые. В то же время они имели широкое хождение в Западной и Северной Европе (*Christl G. and A., 1990, P. 105–109*).

В главе 6 рассмотрены перспективные направления изучения древней обуви, менее всего разработанные к настоящему времени. Одно из них – это диагностика ортопедических заболеваний по виду эксплуатационной деформации обуви и стертости подошвы. Но, перечисляя варианты повреж-

дений археологической обуви, Д.О. Осипов не упоминает некоторых часто встречаемых в археологическом материале возможных признаков ортопедических заболеваний. Это, например, чрезмерная стертость подошвы под большим пальцем при относительно слабой стертости остальной поверхности. Здесь мог иметь место остеохондроз большого пальца, связанный с его механическим повреждением (в результате удара) или переохлаждением. При подгибании большого пальца наибольшей нагрузкой приходится именно на ограниченную площадь подошвы под ним. Следующим заболеванием можно назвать развивающееся плоскостопие, которое определяется по выраженной стертости плантарной стороны подошвы в области свода стопы. Но это предположение будет справедливым, если признать, что обувь носили только на определенной ноге – левой или правой. Признаки такой стертости выделены в материалах средневековой Твери (*Курбатов, 2004а, С. 41*).

Также мало изучен вопрос о клеймении обуви. На сегодня опубликована серия ранних клейм на предметах, найденных в Москве. По заключению Д.О. Осипова, все клейма из Зарядья относятся к середине – второй половине XVII в. Процесс разделения труда в кожевенном и обувном ремеслах в России, особенно в крупнейших городах, по его мнению, в XVII в. приводит к появлению разных специалистов по пошиву обуви. Заметим, что в это же время или несколько ранее клейма на обуви появились и в странах Западной Европы. Например, в Скандинавии такая обувь отнесена к первой половине XVII в. (*Swann, 2001, P. 120–121; Курбатов, 2005а, С. 240*). Подошвы с клеймами принадлежат различным формам, вероятно, женских сапог или башмаков. Данные клейма считают знаками мастеров, выделявших свою продукцию. По предположению Ю. Свани, клейма могли наноситься и оптовые торговцы обувью. Кроме Москвы, выявлены клейма на обуви в нескольких городах России – Пскове, Старой Ладоге (*Ортева, 1965, С. 56–57, Рис. 7, 1, 2*), Выборге (*Курбатов, 2003в, Рис. 7.7; 8.7*), Твери (*Курбатов, 2002, Рис. 9.1; 10.4*), Мангазее (*Курбатов, Овсянников, 1999, Рис. 7.2; 8.5*).

Особый раздел главы посвящен описанию железных обувных подковок. Д.О. Осипов отмечает появление подковок в Москве в слоях не ранее XVI в., подтверждая наблюдения, ранее сделанные по Ивангороду. Можно согласиться с правильностью типологического деления подковок по способу их крепления на обуви – шпипами, гвоздками или их комбинацией. Однако считать все подковки с шпипами врезными явно неправильно. Более того, многочисленные археологические находки показывают, что все разные формы подковок с шпипа-

ми были набиты на нижнюю сторону подошвы или каблука. Врезными можно считать только отдельные варианты высоких узких подковок, которые вставлялись в вырезы на каблуке, что характерно для XVIII–XIX вв. Для XVII в. к ним относятся, например, одна литая подковка с рельефным растительным декором из Мангазеи (*Курбатов, Овсинников, 1999. Рис. 22.6*), а также подобные ей по форме предметы из других городов. На этом фоне выводы Д.О.Осипова о хронологической смене форм подковок выглядят не совсем правомерными. Нахождение в Москве и других городах, наряду с железными, и бронзовых декорированных обувных подковок подтверждает упоминание в записках иностранцев дорогих серебряных подковок, виденных у царя и придворных из царского окружения.

Мало исследована и специальная средневековая ритуальная обувь. Собранная Д.О.Осиповым обувь из погребений разного времени позволила ему сделать вывод о сложении форм специфических покойничьих «тапок» в XIV–XV вв. Нижнюю дату якобы обосновывает обувь из погребений в Спасском соборе московского Спасо-Андроникова монастыря, но этот источник информации надо считать недостоверным. Напомним, что в 1993 г. в раскопе под алтарем Спасского собора, ниже слоя строительных остатков 1457 г., О.Г.Ульянов обнаружил четыре дубовые колоды с захоронениями. Он предложил видеть в двух погребенных мощи первых настоятелей монастыря – преподобных Андроника (ум. 1373) и Саввы (ум. после 1414 г.). В 2001 г. комплексная группа исследователей не только осмотрела костные останки, но и провела реставрацию четырех пар кожаной обуви, параманда и пояса (*Станюкович, 2003. С. 20*). При этом специалист из Центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ В.Н. Звягин дал свое заключение по этим захоронениям. Он отметил, что «по данным эмиссионного спектрального и рентгенофлуоресцентного анализов, а также инфракрасной спектроскопии, погребения, обнаруженные под алтарем Спасского собора Андроникова монастыря, разновременны (1>2>4>3) и могут датироваться XV – началом XVI в.» (*Звягин, 2003. С. 211*). Таким образом, учитывая отсутствие научного отчета О.Г.Ульянова по раскопкам 1993 г., заключение В.Н. Звягина надо признать наиболее надежным показателем времени появления этих захоронений. Наше обращение к изучению погребальной обуви показало, что традиция обувания покойников в особую покрывающую «смертную» обувь, сложилась не ранее конца XV в. (*Курбатов, 2002. С. 167–168*). Но это правомерно только для погребений мирян. Монахи и ранее посмертно обувались в специальные «калги» (*Насырова, Станюкович, 2003. С. 93–94, Рис. 1*).

В заключении своей работы Д.О. Осипов приводит периодизацию изменений обувных форм в Москве с XII по XVIII в. Он выделяет три периода: середина XII – XIII в., начало XIV – XVII в. и начало – середина XVIII в. По нашему мнению, второй этап охватывает исправномерно большой отрезок времени. Он включает два важных периода истории средневековой России – ордынский и московский. Изучение русского кожевального ремесла показывает, что каждый из них имеет свои признаки и в моделях обуви, и в тенденциях развития ремесла. В московский период видны многочисленные черты в обуви и ремесле, неизвестные ранее. Некоторые из них связаны с определенными историческими событиями. Уже отмечалось, что в конце XV в. появляется особая погребальная обувь, а основной повседневной обувью с начала XVI в. становятся сапоги характерной формы. Со второй половины XVI в. начинается активное сближение в технике русского ремесла с западноевропейским, включая проникновение в русский быт западных форм обуви и их декора. В это время входят в обиход плетеные из лыка лапти и впервые упоминаются валяные сапоги. Эти и другие явления и тенденции делают логичным выделение московского периода в отдельный этап.

В целом в настоящем издании имеются существенные недоработки как в компоновке текста по разделам, так и в анализе известных источников. Например, не следовало бы дублировать в разных разделах книги сюжеты о сырье, технике кожевенного и сапожного ремесел и формах обуви. В то же время можно надеяться, что последующее, переработанное и исправленное, издание этой работы станет популярным и настольным пособием для специалистов разного профиля.

Варфоломеева Т.С., 1993. Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок Новгорода // ННЗИА. Новгород. Вып. 7.

Варфоломеева Т.С., 1994. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // ННЗИА. Новгород. Вып. 8.

Варфоломеева Т.С., 1997. Средневековые кожаные футляры для торгового инвентаря // ННЗИА. Новгород. Вып. 11.

Вахров И.С., 1959. Наименования обуви в русском языке. Т. 1: Древнейшие наименования до Петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. – (Приложение к № 6 10. Хельсинки).

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.

Государственный музей БССР, 1989. – Государственный художественный музей БССР: Собрание живописи XV–XX веков. М.

Древняя одежда..., 1986. – Древняя одежда народов Восточной Европы. М. 1986.

Жабрева А.Э., 2002. Русский костюм: Библиографический указатель 1710–2001. СПб.

Звягин В.Н., 2003. Опыт медико-криминалистического исследования церковных захоронений // Проблемы комп-

- лекского изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород.
- Звягинцев Е.А., 1969. Кожевники и их посадское население в XVIII в. // *Старая Москва*. М. Сб. 1.
- Исакова С.А., 1959. К истории кожаного и сапожного ремесла Новгорода Великого // *Труды Новгородской археологической экспедиции* / под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М. Т. II. – (МИА. № 65).
- Кирпичников А.И., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *САИ*. Л. Вып. Е 1–36.
- Курбатов А.В., 1997. Формирование музейных фондов массового археологического материала (теория и практика) // *Музей в современной культуре: науч. труды СПб ГАК*. СПб. Т. 147.
- Курбатов А.В., 2001. К истории лапты на Руси: (жизнь, историографические мифы XVIII в.) // *ТАС*. Тверь. Вып. 4. Т. II.
- Курбатов А.В., 2002. Погоребельная обувь средневековой Руси // *АВ*. СПб. № 9.
- Курбатов А.В., 2003а. «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // *АВ*. СПб. № 10.
- Курбатов А.В., 2003б. Кожаные предметы из Пустозерска // Яниски М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.
- Курбатов А.В., 2003в. Кожаные изделия средневекового Выбора по раскопкам 2000–2001 гг. // *Староладожский сборник: материалы XI конф. «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья»*. СПб.; Старая Ладога. Вып. 6.
- Курбатов А.В., 2004а. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв.: (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А.В., 2004б. Древнерусская обувная мода и время появления фигуры «мастера Авраама» // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: материалы тематической научной конференции*. Санкт–Петербург, 1–4 декабря 2004 г. СПб.
- Курбатов А.В., 2004в. Обувная мода в средневековой Руси: (по находкам из раскопок в Твери) // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. статей памяти проф. И.В. Дубова*. СПб.
- Курбатов А.В., 2004г. Комплекс раннеосновского времени с Зятьмацкого посада г. Твери // *АИИПП*: материалы 50 научного семинара. Псков.
- Курбатов А.В., 2005а. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. *Рец.: June Swann*. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm, 2001. P. 357, Fig. 443 // *АВ*. СПб. № 12.
- Курбатов А.В., 2005б. О времени появления валеной обуви в России // *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: материалы 8-й междунар. науч. конф.*, Санкт–Петербург, 4–7 июля 2005 г. СПб.
- Курбатов А.В., 2006. Русская обувная мода XVII в. по археологическим материалам // *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: материалы 9-й междунар. науч. конф.*, Санкт–Петербург, 4–7 июля 2006 г. СПб.
- Курбатов А.В., Овсянников О.В., 1999. Изделия кожаного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // *АВ*. СПб. № 6.
- Курбатов А.В., Харлашов Б.Н., 2004. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // *АИИПП*: материалы 50 науч. семинара. Псков.
- Лукьянов П.М., 1955. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. М. Т. IV.
- Насырова Н.Ш., Станюкович А.К., 2003. Кожаные изделия из погребальных памятников русского средневековья // *Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей*. Звенигород.
- Осинов Д.О., 2004. К истории лапты на Руси // *Живая старина*. М. № 3(43).
- Оятева Е.И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // *АСГЭ*. Л. Вып. 4.
- Оятева Е.И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляничного городища Старой Ладоги // *АСГЭ*. Л. Вып. 7.
- Оятева Е.И., 1970. Кожаная обувь из средневековых городов Подляши: (краткий обзор публикаций) // *АСГЭ*. Л. Вып. 12.
- Оятева Е.И., 1971. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы: (опыт методологической разработки) // *АСГЭ*. Л. Вып. 13.
- Прохоров В., 1876. Материалы по истории русских одежд XVI и XVII вв. // *Русские древности*. XVI и XVII вв. СПб. ПСРП, 1841. – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; М.; Л.
- Т. XII. 1-я пол. *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью*. СПб., 1904. Издание Археологической комиссии.
- Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве: очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.
- Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.; Л. СЛРЯ XI–XVII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1; М., 1975. Вып. 2; М., 1980. Вып. 7; М., 1981. Вып. 8; М., 1982. Вып. 9; М., 1990. Вып. 16.
- СЛРЯ XVIII вв. Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1985. Вып. 2; СПб., 1998. Вып. 10.
- Смирнов П.П., 1948. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л. Т. II.
- Спегальский Ю.П., 1962. Здание кожаного завода XVII в. в Пскове // *КСИА*. М. Вып. 87.
- Станюкович А.К., 2003. Основные проблемы церковной археологии на современном этапе // *Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей*. Звенигород.
- Федоров И.А., 1887. О состоянии сафьянного дела при царе Алексее Михайловиче // *Издание ТУАК*. Тверь. Вып. 1.
- Шамин С.М., 2005. Мода в России последней четверти XVII столетия // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. М. № 1 (19), март.
- Christl G., von Christl A., von, 1990. *Mittelalterliche Eiskrebse mit Lederfassung aus der Cottbuser Altstadt* // *Ausgrabungen und Funde*. 35.
- Ruprechtberger E.M., 1994. Vom Mount Hermon zum Dжеб Burqush // *Linzer archäologische Forschungen*. Linz. Sonderheft XI.
- Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.

А.В. Курбатов

России, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдел славяно-финской археологии

Возобновляя традиции отечественной науки: Вероссийский археологический съезд «Современные проблемы археологии России» (Россия, Новосибирск, 23–27 октября 2006 г.)

2006 г. войдет в историю развития археологии в нашей стране как время возобновления одной из старейших традиций – проведения археологических съездов. Напомню, что последний в России Пятнадцатый археологический съезд прошел в 1911 г. в Новгороде, а следующий, намеченный на 1914 г. в Пскове, так и не состоялся по причине начала Первой мировой войны. Вопрос о возобновлении данной формы ученых собраний неоднократно поднимался как в советское (однажды было даже объявлено о предстоящем проведении съезда в 1929 г.), так и в постсоветское время, но только благодаря инициативе академика А.П. Деревяноко мечта воплотилась в реальность.

Прекрасно подготовленное и организованное собрание объединило более 350 археологов, приехавших из различных городов нашей страны. Особенно полно были представлены сибирские и дальневосточные научные центры, большие группы археологов прибыли из Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе делегация сотрудников ИИМК РАН (М.В. Авикивич, С.Н. Астахов, Е.В. Беляева, Е.Ю. Гиря, Г.И. Зайцева, М.Е. Килуновская, А.Н. Кирпичников, Г.Ф. Коробкова, Г.М. Левковская, В.П. Любин, Е.Н. Носов, В.В. Питулко, Н.И. Платонова, М.Н. Пшеницына, В.А. Семенов, А.А. Сизнищев, Г.В. Сизнищев, Л.А. Соколова, Н.В. Хвощинская и С.А. Васильев). К сожалению, региональные центры европейской части России оказались куда менее представленными. Участники съезда, помимо объемистого двухтомника текстов докладов (Современные проблемы..., 2006), получили красочное справочно-информационное издание, рассказывающее о деятельности Института археологии и этнографии СО РАН (Институт..., 2006), и специальный номер научно-популярного журнала «Наука из первых рук», посвященного истории изучения древностей в России.

Работа съезда проходила в рамках 12 секций, организованных по большей части в хронологическом порядке – от палеолита до средневековья. Кроме того, отдельно рассматривались проблемы изучения первобытного искусства, междисциплинарных исследований в археологии, истории и теории нашей науки, вопросы охраны национального археологического наследия.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века. Начнем с пленарных докладов. Открывая съезд, А.П. Деревяноко обрисовал широкую картину первоначального расселения человека в Евразии в свете новейших открытий новосибирских археологов на Алтае, в Монголии, Средней Азии и на Кавказе. Более детально нижний палеолит последнего региона был рассмотрен в совместном докладе В.П. Любина и Е.В. Беляевой. Доклад С.А. Васильева был посвящен истории формирования отечественной науки о древнекаменном веке и роли археологических съездов.

На секции I «Развитие культурных традиций в палеолите Евразии», руководимой Х.А. Амирхановым, С.В. Маркиным и С.А. Васильевым, состоялось 23 доклада. Значительная часть сообщений содержала информацию о новых открытиях палеолита в огромном географическом диапазоне – от Дагестана (А.А. Аношкин) до Алтая (С.В. Маркин, М.В. Шуньков, А.В. Постнов), долины Енисея (Е.В. Акимов, Ю.М. Махлаев), Забайкалья (М.В. Константинов, В.И. Ташак) и Монголии (В.С. Славинский). С.Н. Астахов подвел итоги изучения палеолита Тувы. Особое внимание привлекло долгожданное возобновление раскопок в Ушак на Камчатке (И.Ю. Понкратова). В связи с открытием по сути первой четко стратифицированной нижнепалеолитической стоянки в Сибири – Карамы (доклад М.В. Шунькова) – остро

встал вопрос о разработке новых естественнонаучных методов датирования и корреляции имеющихся дат. В этом плане большое значение придается предстоящему открытию в Новосибирске центра коллективного пользования, предназначенного для получения массовых серий абсолютных датировок археологических объектов. Выдающимся событием в нашей археологии стали раскопки верхнепалеолитической Янсковой стоянки в Заполярье. Участники секции высоко оценили как научную значимость исследований В.В. Питулько, так и разрабатываемые им новаторские методические приемы изучения памятников, залегающих в вечномёрзлых толщах.

Особое место в работе секции заняло обсуждение вопросов перехода от среднего к верхнему палеолиту. Уникальность географической позиции нашей страны дает возможность сопоставительного анализа культурных процессов, происходивших в «двух мирах» палеолита – на Русской Равнине и в Сибири, ориентированного на выявление как общих черт, так и региональных особенностей. Этой теме был посвящен ряд докладов, излагавших новые данные по раннему верхнему палеолиту в Костенках (М.В. Аникевич, А.А. Силицын), на Алтае (Е.П. Рыбин) и в Забайкалье (Л.В. Лбова). В очередной раз стала ясна необходимость коллективных проблемных программ, призванных объединить усилия археологов различных центров.

Многообразную картину исследований дополнили доклады, посвященные новейшим результатам трасологических наблюдений (Е.Ю. Гири) и технологии ретуширования каменных орудий (К.А. Колобова).

Следует отметить, что участники съезда не ограничились чтением докладов. Так, выступление Ю.Б. Серикова, посвященное итогам анализа Гаринского местонахождения в Зауралье, вызвало оживленную дискуссию по традиционной теме соотношения охоты на мамонта и использования палеолитическим человеком естественных захоронений остатков зверя. Во время работы секции состоялась презентация изданной читинскими археологами книги «На пользу и развитие русской науки», посвященной памяти выдающихся геологов и археологов – исследователей древностей Азии (На пользу и развитие..., 2006).

Много докладов, связанных с палеолитической тематикой, было представлено на заседаниях секции 2, посвященной проблемам взаимодействия первобытной культуры и природной среды. Среди них выступления по хроностратиграфии палеолита Костенок (М.В. Аникевич, Г.М. Левковская), реконструкция природного окружения палеолитического человека на Алтае (М.В. Шуньков), в Забайкалье (И.И. Разгильдеева), на юге Дальнего Востока (Я.В. Кузьмин). Докладчики остановились на вопросах изучения фауны пещерного палеолита Урала (В.С. Жиганев) и юга Сибири

(Н.Д. Оводов, Н.В. Мартынович), тафономия местонахождения плейстоценовой фауны Западной Сибири (С.К. Васильев, С.В. Лещинский), корреляции развития мамонтовой фауны и палеолитических культур Северной Азии (Я.В. Кузьмин). Проблемы связи размещения памятников с природной обстановкой конца плейстоцена были рассмотрены на материалах Валдая (Г.В. Силицына) и Приангарья (Н.Е. Бердникова). Микростратиграфической характеристикой культурного слоя стоянки Каменная Балка II посвятила свое выступление Е.А. Виноградова. В.В. Попов остановился на воздействии факторов природной среды на облик палеолитических жилищ Костенок. Масштабностью анализа и детальностью проработки проблем отличался доклад А.А. Василевского, посвященный характеристике каменного сырья, использовавшегося древними обитателями Сахалина.

Состоявшийся съезд продемонстрировал качественные изменения в состоянии археологии в России. Печальным следствием бурных политических событий 1990-х годов стала своего рода «атомизация» археологии, замыкание исследователей, озобоченных прежде всего проблемами выживания, в рамках региональных центров. Слабый информационный обмен и трудности с поездками усугубили ситуацию. Сказалось и отсутствие авторитетного координирующего органа в масштабе страны. До сих пор российские археологи оставались по сути единственным в мире крупным профессиональным сообществом, насчитывающим несколько тысяч членов, не имевшим отлаженного механизма регулярных встреч. Между тем подобные собрания ежегодно проводятся как в Европе в рамках деятельности Европейской ассоциации археологов, так и за океаном (Общество американской археологии).

Теперь можно с уверенностью сказать, что старая традиция обрела новое дыхание, и в будущем именно археологические съезды станут основным событием в научной жизни археологов России, местом контактов, обмена информацией и дискуссий.

Следующий археологический съезд состоится в Суздале в 2008 г. и будет посвящен памяти выдающихся представителей отечественной археологии – академиков А.П. Окладникова, Б.А. Рыбакова и Б.Б. Пиотровского.

Современные проблемы..., 2006. – Современные проблемы археологии России. Новосибирск. Т. 1–2.
Институт..., 2006. – Институт археологии и этнографии СО РАН: поиски и открытия. Новосибирск.
На пользу и развитие..., 2006. На пользу и развитие русской науки. Новосибирск.

С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры
РАН
Отдел палеолита

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕШЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Участники Всероссийского археологического съезда «Современные проблемы археологии России», организованного Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, – представители 80 научных учреждений из 40 субъектов РФ – обсудили актуальные проблемы археологических исследований в России, фундаментальные вопросы изучения развития и трансформации древних и средневековых культур на территории Евразии, современное состояние изученности и сохранения археологических памятников в стране. Рассматривая археологическое знание как важнейшую составляющую гуманитарной науки, участники съезда с удовлетворением отметили *существенный прогресс в фундаментальных научных и практических полевых археологических исследованиях, формирующих на основе междисциплинарного подхода всестороннее представление о древних и средневековых культурах нашей страны. Было признано, что в этих условиях особую актуальность приобретает организация всероссийских археологических съездов как научных форумов, на которых будут обсуждаться фундаментальные проблемы археологии и древней истории и практические вопросы сохранения археологического наследия. Традиция проведения подобных съездов была заложена российской археологической наукой во второй половине XIX в. и получила продолжение в Советском Союзе в виде пленумов Института археологии АН.*

Современные археологические изыскания в России ежегодно приносят ценности, составляющие значительный пласт культурного наследия страны. Открытия археологов относятся к выдающимся достижениям российской и мировой науки. Однако современный уровень государственной поддержки археологической науки в стране не соответствует значимости этой сферы гуманитарного знания для формирования национального менталитета, осознания исторических корней, укрепления патриотизма. Выделяемые средства *не позволяют в полной мере реализовать потенциал исследователей и обеспечить общество знаниями о древних и средневековых культурах, которые отвечали бы его современным запросам.* На фоне выдающихся успехов археологии в России очевидна необходимость более широкого финансирования археологической деятельности в РАН, вузах, музеях, органах охраны памятников и учреждениях культуры.

Съезд отмечает неудовлетворительное состояние охраны археологического наследия в стране, масштабные разрушения археологических памятников в зонах современного строительства, в *реконструируемых исторических городах, на берегах водохранилищ. Особую озабоченность вызывает рост грабительских раскопок и торговли археологическим антиквариатом.*

В сложившейся ситуации необходимо:

- максимально тесное сотрудничество археологических учреждений с органами охраны культурного наследия в центральных государственных органах и субъектах РФ;
- развитие взаимодействия и осуществление научно-методического руководства РАН работой организаций археологического профиля, существующих вне системы государственных учреждений;
- прямое участие археологических учреждений РАН в совершенствовании законодательства по вопросам, затрагивающим археологию, с целью сохранения ведущей роли археологических структур РАН в регламентации и контроле за проведением археологических работ в России;
- выделение особого раздела «Объекты археологического наследия» в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» при корректировке закона и принятии поправок к нему с дальнейшей разработкой отдельного закона «Об археологическом наследии России».

Съезд обращается в администрацию Президента РФ,

Правительство РФ и в Федеральное собрание РФ с просьбой:

- ускорить ратификацию «Европейской конвенции об охране археологического наследия»;
- в полной мере учесть предложения РАН при принятии «Положения о порядке выдачи Открытых листов на производство работ на объектах археологического наследия»;
- рассмотреть вопрос о массовом уничтожении объектов археологии в зонах разрушения берегов искусственных водохранилищ и разработать программу по обеспечению сохранности данных объектов;
- открыть специальность «Археология» в системе высшего государственного образования. Ходатайствовать перед Агентством высшего образования Минобразования и науки о формировании и утверждении профильного Гостандарта в системе образовательных стандартов третьего поколения. Поручить профильным кафедрам МГУ, СПбГУ и НГУ подготовку документации для лицензирования специальности «Археология»;
- включить в перечень официальных праздничных мероприятий 2009 г. 150-летнюю годовщину учреждения Археологической комиссии.

Съезд выражает:

- удовлетворение возрождением традиции проведения археологических съездов в России, способствующей интеграции научного сообщества, более тесной координации деятельности научно-исследовательских учреждений РАН, вузов, музеев, государственных органов охраны памятников, научно-производственных центров в области охраны и изучения археологического наследия;

– благодарность организаторам съезда, прежде всего Институту археологии и этнографии СО РАН, и в целом Сибирскому отделению Российской академии наук за инициативу в проведении форума и проделанную организационную работу.

Съезд предлагает:

– всесторонне развивать традицию проведения Всероссийских археологических съездов, регулярно (с периодичностью не более трех лет) организовывать их в различных регионах России на базе научных и университетских центров, ведущих активные археологические исследования.

– провести очередной (XVIII) археологический съезд в 2008 г. и посвятить его 100-летию юбилею академиков, Героев Социалистического Труда А.П. Окладникова, Б.Б. Пиотровского и Б.А. Рыбакова.

Новосибирск, 27 октября 2006 г.

Международные конференции по палеолиту Северной и Средней Азии

Крупномасштабные кампании исследования палеолитических памятников, предпринятые в ряде регионов Евразии коллективом Новосибирского археологического центра под руководством академика А.П. Деревяноко, получили широкую известность в научном мире. Эти предприятия отличаются комплексным подходом, привлечением специалистов разных стран и неизменно сопровождаются оперативной публикацией полученных данных. Благодаря любезному приглашению со стороны А.П. Деревяноко, в 2004 и 2005 гг. большая группа отечественных и зарубежных ученых имела возможность наглядно убедиться в размахе проводимых изысканий. Общим моментом состоявшихся в Узбекистане и на Алтае конференций стала сосредоточенность на углубленном исследовании одной из основных проблем науки об ископаемом человеке, а именно – вопросе о переходе от среднего палеолита к верхнему.

В 2004 г. конференция состоялась в Ташкенте, где была заслушана серия докладов, посвященных вопросам заселения Евразийского материка (А.П. Деревяноко), древнейшим памятником Узбекистана (Р.Х. Сулейманов, У.И. Исламов), особенностям формирования человека современного физического типа (А.Г. Козинцев, С.В. Васильев). Перед заключительной дискуссией состоялся ряд докладов ученых-естествовников, Х. Тульчиев рассказал о палеомагнитных исследованиях лессовой толщи в Узбекистане, А.К. Крахмаль – о датировке пещеры Сель-Унгур, У.К. Абдулвазаров и И.Н. Степанов – о четвертичных палеопочвах Средней Азии.

Основным объектом дискуссии был грот Оби-Рахмат, памятник, на котором, начиная с 1998 г., проводится новая кампания раскопок (Грот Оби-Рахмат, 2004). Из слоя 16 происходят антропологические находки, к сожалению, недостаточные для решения вопроса о видовой принадлежности гоминида. По мнению исследователей памятника, в колонке представлена переходная от среднего к верхнему палеолиту индустрия. Следует отметить, что после знакомства с коллекцией группа участников конференции высказала мнение, что вся последовательность комплексов Оби-Рахмата демонстрирует единую пластичную леваллуа-мустьево-индустрию, сходящую по облику к позднему мустье Ближнего Востока.

Помимо Оби-Рахмата, участники конференции посетили расположенную неподалеку пещеру Пальтау, место старых раскопок на многослойной стоянке Кульбулак, и недавно открытый Р.Х. Су-

леймановым грот в горах Зеравшанского хребта. Последний памятник, получивший название "Ангилак", доставил мустьевоидную индустрию с достаточно поздней датировкой, около 27 тыс. лет для среднего культурного слоя. Кроме осмотра археологических объектов, участники конференции имели возможность ознакомиться с палеолитическими коллекциями, хранящимися в Ташкенте и Самарканде.

В 2005 г. конференция была проведена на базе археологического стационара «Денисова пещера» на северо-западном Алтае. Именно здесь, начиная с 1984 г., новосибирские коллеги ведут изучение большой группы стоянок пещерного и открытого типа. Предварительные результаты изучения основного памятника региона – Денисовой пещеры, были представлены в виде монографии, розданной участникам конференции (Деревяноко и др., 2003). Отдельной книгой изданы немногочисленные пока материалы нижнепалеолитического местонахождения Карамы (Деревяноко и др., 2005). Тексты представленных докладов были оперативно опубликованы до начала собрания (Актуальные проблемы, 2005), как и материалы прошедшей на страницах журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» дискуссии по проблеме генезиса верхнего палеолита (Переход от среднего..., 2005).

На заседаниях была заслушана большая серия докладов, посвященных древнекаменному веку различных эпох и территорий. Часть выступлений дополняла демонстрацию памятников. К таковым относятся доклады А.К. Агаджания и В.С. Зыкиной о палеоклиматических реконструкциях окружения палеолитического человека на Алтае, Г.Ф. Барышниковой и П. Ринна о палеозоологических коллекциях из Денисовой пещеры и Усть-Каракола.

Много докладов затрагивало нижнепалеолитическую проблематику. Общий обзор древнейших миграций человека в Евразии представил А.П. Деревяноко. Подлинной сенсацией стало открытие им совместно с Х.А. Амрихановым среднеледystового местонахождения Дарнагчай в Дагестане. Предметом обсуждения стали ашельские памятники Ближнего Востока (Н. Горен-Имбар), Кавказа (В.П. Любин, Е.В. Беляева), Южной Азии (Д. Мишра), Кореи (Редонг Бае, Хеонг Ву Ли, Ли Юнджо). Среднепалеолитические местонахождения Иорданской долины стали темой доклада А. Ронена и Х. Винтера. Л. Меньян рассказала об индустриях среднего палеолита Ближнего Востока, Л.В. Кулаковская – о комплексах с двусторонне

обработанными формами на западе Украины. К последнему докладу *примыкало по тематике* сообщение В.И. Усика о среднепалеолитических орудиях с признаками повреждения краев. С. Хирукио говорил о современном состоянии проблемы выделения среднего палеолита на востоке Азиатского материка, а С. Акира предложил обзор ранне- и среднепалеолитических местонахождений на территории Японии.

Были рассмотрены общие вопросы перехода от среднего к верхнему палеолиту в Европе, на Ближнем Востоке (О. Бар-Йозеф, М.В. Аникович, А. Оно) и в Корее (Ли Ги-Кил). Другие докладчики посвятили свои выступления итогам изучения конкретных памятников верхнего палеолита Азии. А. Ярошевич представила итоги анализа серии геометрических микролитов из кебарийских стоянок Леванта. Н.И. Дроздов рассказал о результатах раскопок на Афонтовой Горе в Красноярске. А.П. Деревянок и А.Н. Зенин – о недавно открытой многослойной стоянке Толбор IV в северной Монголии. Ли Хонджон – о галечных орудиях в позднем палеолите Кореи. И. Такаси – о пластинчатой технологии в верхнепалеолитических индустриях Японии. Особняком стояло выступление И. Свободы, посвященное предварительным итогам новых работ по каменному веку Египта.

Археологическую тематику дополняли два доклада антропологов – И. Краузе – о проблемах выделения неандертальской ДНК и Б. Вюлы – об итогах изучения костных остатков из Оби-Рахмата.

Основным содержанием работы конференции было посещение памятников, осмотр разрезов и коллекций. Внимание участников было сосредоточено на нижнепалеолитическом местонахождении Карамы, где в среднеплейстоценовых отложениях террасовала р. Ануй на нескольких уровнях встречены изделия, относящиеся к галечной индустрии архаичного облика. Вопросы возраста памятника обсуждаются пока на уровне предварительных оценок; ясно только, что вся толща отложений *лежит выше границы бронзес-матуяма*. Новосибирские исследователи придают особое значение находке левалуазского скела, залегавшего на нижнем участке памятника стратиграфически выше двух уровней залегания галечной индустрии. По их мнению, эта находка *отмечает* древнейшие следы среднего палеолита в регионе.

Богатейшие средне- и верхнепалеолитические материалы получены при раскопках Денисовой пещеры. Участникам экскурсии были продемонстрированы разрезы центрального зала пещерной полости и ведущиеся сейчас раскопки в двух внутренних галереях. В зале выше среднепалеолитической индустрии среднеплейстоценового возраста

(слои 22 и 21; РТЛ-даты от 280 до 170 тыс. лет) *залегают* пачка леваллуа-мустьерских слоев, датированная в диапазоне от 155 до 69 тыс. лет. Она перекрывается *верхнепалеолитическими комплексами* слоев 11 (с радиоуглеродной датировкой около 37 тыс. лет) и 9. Стратиграфическая картина в этой части разреза осложнена ямами, спущенными то ли с уровня девятого, то ли от кровли 11 слоя.

Из числа других пещерных комплексов были продемонстрированы ведущиеся сейчас раскопки *Усть-Канской пещеры*, где вскрывается верхняя часть отложений обширной карстовой полости. Отсюда происходит достаточно однородная мустьерская индустрия с неожиданно поздними датировками в 36 и даже 25 тыс. лет. Другой мустьерский памятник, пещера Окладникова, полностью исчерпана раскопками. Свита верхнепалеолитических слоев в пещере Каминная датирована позднесарматским временем, от 15 до 10 тыс. лет.

Среди стоянок открытого типа наибольшее значение для проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту имеет пункт Усть-Каракол I. Здесь выше леваллуа-мустьерских горизонтов встречена серия ранних *верхнепалеолитических комплексов* (слои с 11 по 9) с неожиданно ранними датировками (РТЛ-дата порядка 50 тыс. лет и серия радиоуглеродных определений от 29 до 35 тыс. лет). Отсюда происходит ориньякская по облику каменная индустрия с торцовыми, коническими и призматическими ядрищами, скребками высокой формы, скребками с носиками, резцами и др.

Непосредственно ниже Денисовой пещеры расположена многослойная стоянка Ануй II. Тут в нижней части разреза вскрыты комплексы средней поры верхнего палеолита с датировками от 28 до 21 тыс. лет. Кроме того, участникам конференции были продемонстрированы разрез относительно мало изученной стоянки Ануй III, давшей своеобразную леваллуа-мустьерскую индустрию с листовидными бифасами, место старых раскопок стоянки Кара-Бом и местонахождение Тюмечин I с *перетолженными среднепалеолитическими остатками*.

Перейдем теперь к некоторым общим вопросам палеолита Северной Азии, которые были предметом обсуждения на конференции. Прежде всего, работы на Алтае означают собой качественно новый этап в исследовании древнекаменного века Сибири. Причем дело здесь не только в накоплении огромной массы нового хорошо стратифицированного и датированного материала. Отрадно отметить, что новосибирские исследователи не пошли по привычному и столь распространенному в нашей археологии еще в недавнее время пути максимального дробления материала на так называемые «археологические культуры». Вместо этого здесь принят современный комплексный подход,

ориентированный на выделение факторов, влияющих на облик комплексов каменного инвентаря, таких, как сырье, применяемая технология, функциональные особенности памятников и вскрываемых участков.

Открытие Карамы знаменует собой решительный поворот в изучении следов древнейших обитателей Сибири. Напомним, что большинство известных до того нижнепалеолитических памятников Северной Азии вызвали много вопросов либо в плане подлинности артефактов (Филимошки, Улалинка), либо по части геологического возраста (Диринг). В тех редких случаях, в Кузбассе, на среднем Енисее и Приангарье), где бесспорные артефакты имеют надежную геологическую привязку, сами предметы немногочисленны и лишь указывают на наличие следов среднеплейстоценового человека в Северной Азии. С открытием Карамы впервые появляется возможность широкого сопоставления сибирских находок с близкими по возрасту комплексами других частей Евразии.

Следующий этап культурного развития, средний палеолит, в связи с открытиями на Алтае необычайно «удлинился» по времени. С одной стороны, материалы из нижних слоев центрального зала Денисовой пещеры как будто демонстрируют необычайно раннее (до 220–280 тыс. лет, судя по датировкам слоя 2) появление среднепалеолитических индустрий с левалуазской техникой. Впрочем, в свете новейших датировок раннего среднего палеолита в Европе и на Ближнем Востоке, такие даты не должны смущать. С другой стороны, материалы пещеры Окладникова и Усть-Канской говорят о существовании очень поздних мустьерских индустрий (см. ниже).

Что касается начальной поры верхнего палеолита, то поразительное впечатление оставляет комплекс слоя 11 Денисовой пещеры с полностью сформировавшейся верхнепалеолитической технологией (включая технику клиновидного нуклеуса!), богатым и разнообразным набором украшений из кости, рога и окаменелостей. Подлинной сенсацией стала находка браслета из мягкого камня – предмета, не имеющего аналогов в палеолите Сибири. Разумеется, до получения серийных датировок по различным уровням этого сложно построенного слоя трудно судить об его хронологической привязке (как и о возможном смешении здесь мустьерских и верхнепалеолитических артефактов). Соотношение радиоуглеродных и РГД-датировок вызывает много споров, тем более что, как правило, верхняя часть разрезов многослойных памятников датируется при помощи радиоуглерода, а нижняя – по методу РГД. Для корреляции получаемых двумя методами значений необходима серия контрольных параллельных датировок.

Новосибирскими исследователями выделены два варианта перехода к верхнепалеолитической технике – карабумовский и усть-каракольский. В первом случае – это «привычный» для территории Сибири вариант перехода с медленным насыщением новыми элементами пластинчатой мустьерской в основе индустрии. Если сходные с Кара-Бомом памятники широко распространены в южносибирском ареале от Алтая до Забайкалья (подробный обзор см.: Васильев, 2000. С. 178–210), то во втором случае мы имеем дело с неожиданной по облику ориньякской индустрией, чье место в системе каменного века Евразии еще предстоит установить.

Если принимать во внимание все полученные датировки, то оказывается, что позднее мустье и верхний палеолит сосуществовали в ограниченном районе в течение длительного времени – от 42–43 до 25–28 тыс. лет, т.е. практически на протяжении всего раннего этапа верхнего палеолита.

Следующий этап – средняя пора верхнего палеолита, время широчайшего распространения в Северной Азии пластинчатых индустрий, хорошо сопоставимых с классическим европейским верхним палеолитом. Давно прошло время, когда явная несхожесть основного в ту пору памятника, представлявшего данный этап, – стоянки Мальта – со всей остальной совокупностью известных индустрий давала повод для достойных страниц научно-фантастического романа гипотез о неких трансконтинентальных миграциях, «пришельцах с Дона на берегах Ангары». В алтайском регионе серия комплексов стоянки Ануй II демонстрирует очень развитую верхнепалеолитическую индустрию «граветтоидного» облика, сопровождаемую великолепной серией листовидных бифасов.

Наконец, большие материалы получены по финальной части верхнего палеолита, представленной здесь пластинчатой индустрией Каминной пещеры, вписывающейся в круг «обычного» южносибирского палеолита и имеющей некоторые аналогии в бедаревских памятниках Томи и кокоревских Енисея. Ранее к финалу палеолита были отнесены также материалы из слоя 9 центрального зала Денисовой пещеры, но в настоящее время отсюда получена дата в 29 тыс. лет, а упоминавшаяся серия радиоуглеродных датировок (около 10 тыс. лет), вероятно, относится к кровле слоя.

Как мы видим, открытие новосибирских археологов на Алтае заставляет во многом по-новому взглянуть на основные проблемы сибирского палеолита. Мне уже доводилось писать о том, что уникальное сосредоточение многочисленных памятников пещерного и открытого типа на северо-западе Горного Алтая приобретает значение «клас-

сического» опорного района для всего палеолита Северной Азии, вполне сопоставимое с ролью стоянок Юго-Западной Франции для археологии Европы (Васильев, 2001. С. 66–77).

Актуальные проблемы..., 2005. – Актуальные проблемы евразийского палеолитоведения. Новосибирск.

Васильев С.А., 2000. Проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири // *Stratum Plus*. № 1.

Васильев С.А., 2001. Некоторые итоги изучения палеолита Алтая и их значение для археологии каменного века // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2.

Грот Оби-Рахмат, 2004. – Грот Оби-Рахмат. Новосибирск.

Деревянко и др., 2003. – Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджаниян А.К. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск.

Деревянко и др., 2005. – Деревянко А.П., Шуньков М.В., Болиховская Н.С. и др. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск.

Переход от среднего..., 2005. – Переход от среднего к верхнему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск.

С.А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдел палеолита

Семь тысячелетий культуры и цивилизации Тепе Гиссар (Иран, Дамган, 17–18 февраля 2007 г.)

17–18 февраля 2007 г. в г. Дамгане (Иран) состоялся международный археологический симпозиум «Семь тысячелетий культуры и цивилизации Тепе Гиссар» (Seven Thousand Years of Culture and Civilization of Tepe Hissar).

Симпозиум был организован Центром археологических исследований Ирана (Тегеран) совместно с Департаментом культурного наследия, ремесел и туризма провинции Семнан (Северный Иран) и Отделением Центра археологических исследований г. Дамгана и, как и предыдущий симпозиум в г. Горган (2005 г.), проводился для решения двух основных задач. С одной стороны, в последние годы в связи с интенсивной хозяйственной деятельностью в Северном Иране идет активное выявление археологических памятников, их обследование и спасательные работы, информация о которых была представлена на симпозиуме. С другой стороны, широкое освещение работы научного мероприятия в местной прессе и на телевидении, а также присутствие на симпозиуме большой группы студентов-археологов Тегеранского университета и Дамганского отделения Исламского Азади университета служили как общеобразовательным целям, так и пропаганде культурного наследия и привлечению широкого общественного внимания к вопросам охраны археологических памятников Северо-Восточного Ирана.

Симпозиум, позволивший объединить решение этих задач, был посвящен Тепе Гиссар – эталонному памятнику эпохи энеолита и бронзы на северной окраине Центрального плато, находившемуся на перекрестке широтных и меридиональных путей древних культурных контактов, яркие археологические комплексы которого являются основой периодизации древнеземледельческих культур Северного Ирана.

Именно роли Тепе Гиссар как ключевого памятника для изучения вопросов синхронизации комплексов и процессов культурных взаимодействий конца V – начала VI тысячелетия до н.э. был посвящен вступительный доклад С. Малека Шахмирзади (Тегеранский университет) «Значение Гиссара для археологических исследований Центрального плато Ирана». К сожалению, из-за болезни автора не состоялся доклад Е. Ягмаи «Отчет о последних раскопках Гиссара» о спасательных работах на памятнике, которые проводились в 1995 г. в связи с прокладкой железной дороги.

В докладе А.Г. Сальман (Пенсильванский университет, США) «Повторное исследование Тепе

Гиссар (публикация материалов раскопок Е. Шмидта и Р. Дайсона)» была представлена подробная информация о результатах обследований и раскопок 1970-х годов экспедиции Р. Дайсона и М. Този, которые подтвердили в целом стратиграфическую последовательность основных археологических комплексов Гиссар I–III и, благодаря применению радиоуглеродного метода, уточнили абсолютные даты. Детальный анализ материалов, собранных на разных участках памятника, показал, что Тепе Гиссар уже в конце IV–III тысячелетия до н.э. представлял собой важный производственный центр металлургии и обработки камня, в частности лазурита.

К. Рустаи (Отделение Центра археологических исследований г. Дамгана) в докладе «Отчет о шурфовках Гиссара для исследования границ поселения» на материалах более чем 70 шурфов показал, что пространство между основными всхолмлениями памятника и вокруг него активно использовалось древним населением для производственной деятельности (многочисленные шлаки и обломки посуды, в том числе и самого раннего периода Гиссар I), и общая площадь поселения составляла свыше 12 га. Найдены также фрагменты позднеолитической керамики, свидетельствующие об обживании этой территории уже в конце VI – начале V тысячелетия до н.э.

В докладе Б. Хельвиг (Археологическая миссия Германского археологического института) «Распространение поселений эпохи бронзы вокруг Центрального плато Ирана» рассматривались материалы недавно открытой группы поселений на границе двух великих пустынь – Деште-Кевир и Деште-Лут. Население этого района в древности занимало преимущественно металлургией и металлообработкой, используя богатые рудные источники меди, свинца, серебра и золота и, вероятно, снабжало сырьем и металлическими изделиями в III тысячелетия до н.э. как Северо-Восточный Иран (Тепе Гиссар), так и Юго-Восточный (Шахри-Сохте) Иран.

Серия докладов была посвящена проблеме освоения территории Северного Ирана древними земледельцами в эпоху становления производящей экономики. Так, в докладе главы Иранского центра археологических исследований Х. Фазели «Процесс неолитизации на Центральном плато Ирана» было показано, что уже в конце VI тысячелетия до н.э. шел активный процесс расселения носителей культуры Чешме-Али из района Рея близ Тегерана в восточном направлении, и памят-

ники этой культуры занимали обширные районы южных предгорий Эльбурса.

В докладе К. Торнтон (Пенсильванский университет, США) «Активное пограничье и неолит Северо-Восточного Ирана» в теоретическом плане рассматривалось понятие «активного пограничья» как зоны взаимодействия раннеземледельческих общин и неолитических охотников и рыболовов Южного Прикаспия в VI тысячелетии до н.э., в результате которого в V тысячелетии до н.э. формируются несколько локальных вариантов культуры эпохи энеолита – на Горганской низменности, в предгорьях Эльбурса и Копетдага.

Два сообщения – С. Сарлака «Гиссар IA-C и Шад Голикан III» и Э. Гараджана «Процесс перехода от халколита к эпохе бронзы на Северо-Востоке Иранского плато» (оба – Тегеранский университет, Иран) были посвящены новым памятникам эпохи энеолита и бронзы, открытым в южных предгорьях и межгорных долинах Копетдага. С. Сарлак в результате обследования небольшого оазиса в районе г. Себзевар выявил на поселении Шад Голикан III раннеэнеолитические слои с пластинчатым кремневым инвентарем и расписной керамикой типа Гиссар I. Э. Гараджан на частично поврежденном в результате строительных работ поселении Тепе Калехан, находящемся в межгорной долине (примерно в 70 км южнее г. Геоктепе в Туркменистане) провел зачистки и небольшие раскопки. Здесь выявлены 6-метровые энеолитические слои конца V–IV тысячелетия до н.э. (остатки строений, ранние сооружения для обжига керамики и расписная посуда), перекрытые 4-метровыми напластованиями позднего энеолита и ранней и поздней бронзы с серой керамикой. Археологические материалы Тепе Калехан близки раннеземледельческим комплексам Южного Туркменистана, а сам памятник перспективен для проведения широких исследований.

В докладе Л.Б. Кирчо (ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия) «Тепе Гиссар и памятники Южного Туркменистана в V–III тысячелетиях до н.э.» были выделены основные этапы культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана эпохи энеолита – начала средней бронзы и населения Северо-Восточного Ирана, и в особенности – Тепе Гиссар. Так, формирование южнотуркменстанской анауской культуры происходило при несомненном участии иранских энеолитических культур (керамика типа Анау IA практически идентична расписной посуде из Шир-Шайн близ Гиссара и Кара Тепе и Исмаилабада в районе Рея), ранние комплексы Юго-Западного Туркменистана находят близкие соотвествия в материалах Гиссар I, а в конце IV – начале III тысячелетия до н.э. целый ряд аналогий в материальной культуре (керамика,

каменные изделия и украшения, терракота) свидетельствует о непосредственных контактах населения Северного Ирана и Южного Туркменистана, связанных, по всей видимости, с торговлей лазуритом и металлом. Продолжавшиеся в III тысячелетии до н.э. культурные взаимодействия послужили, вероятно, одним из факторов формирования в Южном Туркменистане протгородской цивилизации эпохи средней бронзы.

В докладе М. Казанова (Университет г. Ренна, Франция) «Каменные сосуды Тепе Гиссар: производство, типология и распространение, III–II тысячелетия до н.э.» были детально проанализированы каменные сосуды комплекса Гиссар III и показана связь производства таких сосудов на Тепе Гиссар с Древним Египтом и Месопотамией конца III – начала II тысячелетия до н.э.

Близкие соотвествия в материалах комплекса Гиссар III с памятников бактрийско-маргианского комплекса, прослеженные в докладе Р. Бишшони (Институт Восточного Средиземноморья, Рим, Италия) «Тепе Гиссар и проникновение бактрийско-маргианского комплекса в Иран» послужили основанием для гипотезы об активном участии северо-восточного компонента в формировании культуры древних иранцев второй половины II тысячелетия до н.э.

В целом симпозиум показал, что археологические исследования в Иране, активное участие в которых принимают специалисты из Великобритании, Германии, Польши, США и Франции, находятся на подъеме. Особенно важен высокий технический уровень раскопок и лабораторных работ, оперативность публикаций (к сожалению, в основном на фарси), а также широкий территориальный и хронологический охват археологических памятников, что было констатировано в резолюции симпозиума. Необходимо отметить и безукоризненный уровень организации, качественный синхронный перевод и краткую, но интереснейшую экскурсионную программу, включавшую в себя не только посещение Тепе Гиссар, но и ознакомление участников с памятниками археологии и культуры парфянского времени (Шара-Гумбаз), раннесредневековыми караван-сараями и крепостями (в основе которых, как правило, находятся сасанидские памятники) и посещение этнографической горной деревни, организованное Департаментом культурного наследия, ремесел и туризма провинции Семнан.

Л.Б. Кирчо

Россия, Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры
РАН
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа*

Sacralia Ruthenica: 12-я Ежегодная встреча Европейской Ассоциации археологов (Польша, Краков, 19–24 сентября 2006 г.)

Очередная встреча ЕАА как всегда ознаменовалась масштабным научным мероприятием, объединившим как членов Ассоциации, так и исследователей, приглашенных к участию в многочисленных секциях и круглых столах. На сей раз европейских археологов принимал величественный Краков – столица Малопольши. Хозяином встречи стал Институт археологии и этнологии Польской Академии наук в лице его Краковского отделения в сотрудничестве с Институтом праистории Университета Адама Мицкевича в Познани, что лишь оттеняло практическое отсутствие среди участников представителей Ягеллонского университета. Координатором мероприятия была Галина Добжаньска, а главой национального комитета – Ромуальд Шильд, директор института. Организацию съезда обеспечивал специальный сайт: <http://www.cracow2006.e-a-a.org/indexx.htm>, посвященный не столько самому мероприятию, сколько принимающему его городу, а к началу встречи был выпущен солидный том тезисов предполагаемых выступлений (12th Annual Meeting European Association of Archeologists, Cracow, Poland, 19–24 September 2006. Abstracts book, Cracow, 2006, 363 p.).

Ассоциация была создана в 1994 г. на встрече в Любляне (Словения) и сегодня объединяет более 1200 членов из 42 стран. Интересы ее участников простираются от каменного века до археологии современности. Одной из видимых целей создания организации было уничтожение последствий «железного занавеса» и интеграция в европейскую науку археологов Восточной Европы и СНГ, долгое время лишенных полноценных контактов с зарубежными коллегами. Официальные задачи ассоциации, провозглашенные в ее Уставе, новая редакция которого была принята в 2004 г., связаны с развитием археологических исследований и обменом научной информацией, заботой о европейском археологическом наследии, утверждением этических и научных стандартов исследований и организацией международного профессионального сотрудничества. ЕАА имеет «консультативный статус» в Совете Европы. Во главе Ассоциации стоит Исполнительный Совет в лице Президента, которым вплоть до 2009 г. будет Энтони Хардинг, специалист по бронзовому веку и профессор Университета Экстера (Великобритания), казначей,

секретаря и шести членов. Помимо Устава, организация провозгласила свой «Свод правил» (Code of Practice) и свои «Принципы деятельности» (Principles of Conduct). В 1999 г. ЕАА учредила ежегодную премию Европейского Археологического Наследия (The European Archaeological Heritage Prize), лауреатом которой в 2003 г. стал наш коллега Виктор Трифонов. Ассоциация имеет два периодических издания – «The European Journal of Archaeology» (EJA) академического профиля и «The European Archaeologist» – и свой сайт <http://www.e-a-a.org>.

Предшествующие встречи происходили в таких местах как Сант-Яго-де-Компостелла, Испания (1995); Рига, Латвия (1996); Равенна, Италия (1997); Гетеборг, Швеция (1998); Бормут, Великобритания (1999); Лиссабон, Португалия (2000); Эсслинген-на-Некаре, Германия (2001); Фессалоники, Греция (2002); Лион, Франция (2004) и Корк, Ирландия (2005). Девятую встречу 10–14 сентября 2003 г. принимал в год своего юбилея Санкт-Петербург.

Так сложилось, что Ассоциация и ее собрания традиционно представляют «второй эшелон» европейской археологии. Их хроника не затрагивает страницы ведущих периодических изданий России. В лице десятка человек, представлявших отечественную археологию в Кракове, могущество Москвы и Петербурга пришло лишь Уралом и Сибирью: кроме сотрудников ГИМ, МГУ, Института славяноведения, Института культурного и природного наследия, ИИМК РАН, были представлены исследователи из Кемеровского и Екатеринбургского университетов. Среди гостей конференции можно было увидеть и главного редактора «Российской археологии» Л.А. Беляева. Нынешняя встреча объединила более 700 участников из 43 стран, в том числе из Австралии, Японии и Нигерии. Однако скандинавы, несомненно, доминировали, а традиционные культурные и научные приоритеты страны-хозяйки способствовали широкому представительству коллег из Белоруссии и Украины. Логотипом конференции стал денарий короля Владислава Германа (1079–1102), найденный во время раскопок в Краковском Королевском замке на Вавеле. На монете изображен сам правитель, его храм и надпись «C-R-A-C-O-V».

Заседания конференции проходили в Академии физического воспитания, вдали от исторического центра города, почти на границе Кракова и Новой Гуты. Всего было пять пленарных заседаний (Каменный век; Бронзовый и железный век; Рим и его окружение; Средневековая и историческая археология; Культурное наследие и современные инновационные технологии), восемь круглых столов (Транснациональная археология; Как мы должны себя вести? Проблемы археологической этики и профессионального поведения; Конвенция европейского ландшафта: первые шаги; Политические конфликты и современная археология; Наследие холодной войны; Центры керамического производства в Европе; Эко-археология: новые перспективы мусорных проектов; Объединяя археологические знания: создание библиографии европейской праистории) и 51 секция. Тематика секций соответствовала интересам их организаторов и в целом была ожидаемой; назовем лишь некоторые из них: Община и памятник; Расшифровывая слои; Укрепления бронзового и железного века в Европе; Новые исследования; Исследование и обучение; Археология Европы: мировая или местечковая; От микропроб к пространственным анализам погребенных почв; Ключевой источник археологии и педологии; Преемство или разрывы в изучении неолитического ландшафта; Северная Атлантика как археологический регион; Прощание с родиной: индо-европейцы и археология; Добыча кремня в древней Европе: интерпретация археологических фактов; Экспериментальная археология: цели и (не)возможности; Малый мир: новый взгляд на археологию мелких предметов; Археология versus антропология; Возвести мост в прошлое: значение памяти и традиции в становлении и передаче культуры. На фоне уже упомянутых секций, посвященных теоретическим вопросам, и еще двум с характерными названиями «Что стоит за типом?» (руководитель Т. Киллин, Германия) и «Знание, вера и содержание» (руководитель М.Л. Стиг Соренсон, Великобритания) несколько одиноко смотрелся вопрос «Смерть археологической теории?» (руководители – Дж. Бинитифф, Голландия; М. Пире, Великобритания). Для коллег, интересующихся средневековой археологией, могли быть интересны следующие встречи: «География власти: административный, политический и королевский ландшафт в раннем Средневековье» (руководитель – С. Сэмпл, Великобритания); «Сотворение средневекового города: продолжение или новшество; варианты моделей европейской урбанизации» (руководитель – А. Буко, Польша), а также «Крестовые походы, колонизация и обращение: материальные свидетельства на границе средневекового христианского мира» (руководитель – А. Плусковский, Польша). Секция

«Соль земли: производство соли и его контекст» (руководитель – С.Дж. Хартвей, Великобритания) была обусловлена и местной спецификой: недалеко от Кракова, в местечке Величка, существуют известные со средневековой соляные копи. Не обошлось и без гендера в археологии. Название «Что стоит за гендером: “радостное” прошлое вместо “серого” прошедшего» (руководитель – Л. Фернстал, Швеция) играло словами «grey» и «gau», последнее из которых значит не только «радужный».

Несомненный интерес представляли две секции «Материальность смерти: тела, погребения, верования» (руководители – Ф. Фаландер, Швеция; Т. Эстигард, Норвегия) и «Большие курганы и становление общественной власти» (руководитель – Л. Слунки, Польша). Первая была отмечена культурно-антропологическими подходами к археологии архаичных обществ. Во второй приняли активное участие отечественные исследователи, в частности В. Петрухин (Москва) с докладом «Большие княжеские курганы в России: история и археология», где утверждал принадлежность таковых не местной элите, а членам правящей династии Юрьковичей скандинавского происхождения. Существование этой «семьи» угадывается, по мнению ученого, в летописных текстах. Н. Береснева (Екатеринбург) в докладе «Большие курганы как символ памяти, самоидентификации и власти в сибирских обществах эпохи железного века» говорила о важности для архаичного мировоззрения демонстрации социальной иерархии в контексте смерти по сравнению с общественной жизнью. Р. Ливох (Краков) представил материалы важных, но до сих пор не опубликованных раскопок курганного могильника Подгорцы на Западной Украине. Ф. Биерман (Германия) говорил о больших погребальных насыпях в Западной Померании, на Рюгене и в Восточном Мекленбурге около 1100 г.: здесь они возникают как результат политического и религиозного сопротивления христианским обществам. Естественное внимание было уделено большим курганам Скандинавии (Дж. Лунквист, С. Норр, О. Сандквист, Р. Симек), что отражает новый этап в их научном осмыслении, который характерен и для России (Еремеев, 2007; Казанский, 2007). Правда, на севере этот этап связан не столько с историкоисследованием, сколько с абстрактными культурно-антропологическими подходами. Отметим доклады белорусских коллег С. Дерновича «Исторические и культурные контакты между Полоцкой землей и Скандинавией в эпоху викингов по данным археологии» и М. Климова «Сельские поселения Полоцкой земли X – середины XVI в.», прозвучавшие на пленарном заседании. Первый доклад представил сводку европейского оружия и скандинавских украшений изучаемой территории,

отметив их происхождение с памятников, приуроченных к водным путям, и определив промежутки их бытования как IX – первая половина XI в. Второй доклад продемонстрировал археологический факт массового возникновения небольших поселений с незначительной по размеру хозяйственной округой по высокому берегу рек в XIV–XVI вв. Коллеги из России проявили интерес к большим курганам, эоархеологии, раннесредневековой урбанизации, остеологическим исследованиям, проблемам животного мира и человеческого питания, египтологии, проблемам пространственного распределения артефактов в комплексе и христианской культуре.

Почти все секции стали своеобразными «конференциями в конференции» – их участники плохо представляли, что творится за стенами их аудитории. Впрочем, некоторые из них так и планировались. Например, та, в которой я принимал непосредственное участие – «Sacralia Ruthenica – археология и христианизация Восточной Европы (X–XIII вв.)» (руководители – М. Крук, М. Волошин, А. Шуликowska-Гаска, Польша). Организаторы приложили немало усилий, дабы собрать ведущих специалистов Восточной Европы в этой области. В результате получилось интересно, исторично и археологично. Материалы этой секции весьма полно представлены в сборнике тезисов конференции. Г. Ростковский (Варшава) говорил о крестоцеловании в Древней Руси, впрочем, достаточно описательно (ср.: Стефанович, 2004; 2006; Stefanović, 2005). Мой доклад «Смена веры или моды? Христианство и христианизация в археологии Европы» предлагал новые подходы к изучению религиозных процессов по данным археологии, демонстрировал необходимость рассмотрения христианизации отдельного региона в общеевропейском контексте и отказа от стереотипов, порожденных современной христианской культурой и церковной структурой, а также на основе историко-археологических критериев предлагал выделить пять этапов христианизации и становления христианской культуры любого общества. О необходимости такой же осторожности при сопоставлении христианского предания и археологических остатков на примере знаменитого креста-реликвария из Монци, который не может принадлежать эпохе папы Григория Великого (603 г.), но с которым его связывает легенда, говорилось в тезисах выступления Й. Стэккера (Лунд), где также указывалось на важность археологических дат для истории христианского искусства (Staecker, 2006, P. 251). Нашей секции большую честь оказало присутствие крупного болгарского специалиста Л. Дончевой-Петковой (София), которая рассказывала об энколпионах из окрестностей Варны XI–XII вв. Вообще было заявлено много докладов

об энколпионах различных регионов Восточной Европы X–XIII вв.: Венгрии (И. Шатмари), Чехии (К. Хорничкова), Древней Руси (С. Гнутова), Польши (Е. Гиняльски, Т. Дзенковский, А. Коперкевич) и Белоруссии (А. Башков). Белорусским христианским древностям были посвящены доклады К. Лавиш и Х. Барвеновой. Практическая неизвестность в российской литературе материалов белорусских коллег по этой теме требует серьезного изменения ситуации. Очень познавательными оказались сообщения В. Хупало (Львов) о предметах христианского культа из раскопок в Звенигороде, где найден паломнический медальон со святыми всадниками XII–XIII вв. (Hupalo, 2006, P. 258), ближайшая аналогия которому происходит из Новгорода 1270-х годов, и об археологии и быте нового времени бернардинского аббатства в Дубно. О сочетании воинских и христианских элементов в средневековой культуре написали Р. Ливох (Краков) и Т. Курасинский (Лодзь). Г. Баковска (Краков) вновь вернулась к попытке интерпретации знаменитой геммы из Пшемышля как точки пересечения языческих и христианских мотивов.

Нельзя не отметить некоторую «каталогичность» докладов, что предполагало преимущественный рассказ и показ без серьезной аналитики. Пожалуй, лишь К. Хорничкова (Прага) показала действительную роль местных подражаний импортным энколпионам, происходивших из Клава в Олоуце (1858): в ее докладе Богемия представлялась как перекресток культурных связей, что и обеспечило появление здесь локальных типов предметов личного благочестия. Л. Дончева-Петкова (София), говоря о крестах, найденных в Варненском округе, отметила, что все находки датируются временем начиная со второй половины X в., хотя в докладе содержалась идея о появлении некоторых типов реликвариев ранее этого времени.

К самой конференции и непосредственно к ее «христианской» секции в Народном музее Кракова при участии Народного музея в Варшаве была организована выставка со схожим названием «Sacralia Ruthenica», впервые объединившая предметы христианского культа, связанные с личным благочестием VI–XVII вв., преимущественно древнерусского происхождения: энколпионы, иательные кресты, привески-иконки и т.д., происходившие с территории Польши или иным путем попавшие в коллекцию ее музеев, – всего более 100. Вертикально поставленные, прозрачные витрины позволяли рассмотреть каждый предмет с обеих сторон. Здесь можно было увидеть знаменитое ожерелье из недавних раскопок в Малом Данилово ва Подлясье (этим исследованиям был посвящен доклад Д. Краснодубски из Варшавы), которое имеет аналогию в курганных древностях Новгородской земли, а также знаменитый энколпион из Трещца

близ г. Санок, где в качестве священного вложения использована частица метеорита.

Запланированный каталог этой экспозиции, к сожалению, еще не вышел, но после появления его можно будет заказать по электронной почте (*dyskusja.wydawnictwa@muz-nar.krakow.pl*). Совместный доклад организаторов секции был по сути посвящен презентации этой выставки. В нем содержалась особая концепция Рутении как контактной культурной зоны, характеризующейся проникновением предметов христианского культа восточной культуры в среду «латинства». В чем-то эта концепция близка идеям «нового христианства», характерным для современной европейской историографии (*Strzelczyk*, 1997. P. 41–67). Впрочем, христианская тематика в связи с эвангелизацией балканских славян была затронута и вне рамок нашей секции (*Ilic*, 2006. P. 340–341).

Другая, не менее интересная, выставка проходила в Историческом музее Кракова «Краков в христианской Европе X–XIII в.» (*www.mhk.pl*) совместно с Археологическим музеем Кракова, в рамках большой юбилейной программы «Краков–2007», где незадолго до открытия встречи Ассоциации появилась новая экспозиция, которая по своим подходам и замыслу должна быть интересна всякому археологу. Выставка была посвящена 750-летию дарования городу Магдебургского права. Хорошо организованный материал позволил представить средневековый город и его округу в европейском христианском контексте. Среди экспонатов были и предметы из раскопок знаменитого бенедиктинского аббатства в Тынце (XI в.), сыгравшего значительную роль в христианизации края и становлении здесь прочных церковных структур. К открытию выставки был выпущен обьемистый каталог (Krakow..., 2006).

Теплые слова благодарности хочется высказать организаторам как самой «конференции в конференции», так и выставки, за особую культурную программу, предназначенную для нашей группы «христианских археологов». Во время прогулки, осмотрев уникальные материалы Подгорцевского могильника, ее участники прошли по краковскому Планту, Старому Городу, постояли перед алтарем мастера Вита Сквоша в Мариациной базилике на Главной рыночной площади, посетили Collegium Maius Ягеллонского университета и вообще насладились удивительной атмосферой Кракова и Казимежа с их уютными кафе под каштанами.

Во время конференции действовал книжный базар и была представлена шведская Intra-Site Information System (*www.intrasis.com*), обеспечивающая электронную фиксацию находок и памятни-

ков. На сегодняшний день определено время и место 13-й встречи ЕАА – она состоится в Задаре, Хорватия, 18–23 сентября 2007 г. и будет организована местным Университетом и Археологическим музеем. Более того, уже решено, что 14-я встреча Ассоциации в 2008 г. пройдет в Валлетте на острове Мальта.

Еремеев И.И., 2007. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород / ред. Е.Н. Носов, А.Е. Мусин. СПб.

Казанский М.М., 2007. Курганы Старой Упсалы и Восточный Путь // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород. Вып. 21.

Стефанович П.С., 2004. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М. Вып. 5.

Стефанович П.С., 2006. Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования, 2004 год: политические институты Древней Руси. М.

Hupalo V., 2006. Early medieval devotional articles from Zvenigorod (Ukraine) // Abstracts book. 12th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Cracow, Poland, 19–24 September 2006.

Ilic O., 2006. Early Christian Roman Imports in the Territory of the Central Balkan between 4th and 6th centuries // Abstracts book. 12th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Cracow, Poland, 19–24 September 2006.

Krakow..., 2006. – Krakow in Christian Europe in the 10th–13th centuries. Catalogue of the exhibition. Krakow.

Staecker J., 2006. Historical truth versus archaeological reality. Two perspectives on the Monza reliquary // Abstracts book. 12th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Cracow, Poland, 19–24 September 2006.

Stefanović P., 2005. Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? // Cahiers du Mond Russe. P. Vol. 46. № 1–2.

Strzelczyk J., 1997. The Church and Christianity about the year 1000 (the missionary aspect) // Early Christianity in Central and East Europe. Congress. Commission international d'histoire ecclésiastique comparée. Lublin, September 1996 / Ed. P. Urbanczyk. V.1. Warsaw. – (Christianity in East Central Europe and its Relations with the West and the East / Ed. J. Kozłowski).

А.Е. Мусин

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры

РАН

Отдел славяно-финской археологии

I Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» (Россия, Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.)

Первый Международный симпозиум «Археология и история Литвы и Северо-Запада России», состоявшийся в декабре 2006 г. в Институте истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург), стал логическим продолжением международного семинара «Процессы становления средневековых городов Восточной Балтии и Северо-Западной России: сходства и различия», прошедшего 25–28 сентября 2005 г. в Вильнюсе (Литва). Проведение симпозиума стало важной вехой на пути сотрудничества ученых России и Литвы в области археологии после длительного перерыва. Ныне необходимость подобного сотрудничества все в большей степени осознается как российской, так и литовской сторонами.

Практическими целями симпозиума являлись обмен научной информацией и начало реального взаимодействия археологических учреждений России и Литвы. На симпозиуме подчеркивалось, что процессы развития культуры, возникновения городов, становления этнических общностей и т.д. на территории Северной России и Балтии не должны рассматриваться изолированно, с постоянной оглядкой на современные государственные границы. Их необходимо изучать в общем контексте истории Восточной Европы и Циркумбалтийского региона. Исторические процессы на указанных территориях шли взаимосвязанно, начиная с древнейших времен.

В заседаниях приняли участие ученые из различных научно-исследовательских учреждений, музеев и ВУЗов Санкт-Петербурга (ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, СПбГУ, Академия культуры, РНИИ культурного и природного наследия, ФГУП «Геофизика»), Москвы (ИА РАН), Пскова (Псковский археологический центр), Курска (Курский государственный областной музей), Вильнюса (Институт истории Литвы, Центр исследований «Замки Литвы»), Каунаса (Каунасский институт реставрации-проектирования памятников), Кедайняй (Музей Кедайняйского края). В ходе заседаний был заслушан 21 доклад.

Открытие конференции и заседания 4–5 декабря 2006 г. происходили в ИИМК РАН, в Дубовом зале Ново-Михайловского дворца. С приветственным словом к участникам обратились зав. отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН проф. А.Н. Кирпичников и Генеральный консул Литовской Республики в Санкт-Петербурге Эйтивидас Баурунас. В выступлении Э. Баурунаса было отме-

чено, что сейчас в Литве постепенно приобретает влияние историческая концепция Э. Гудавичюса о многонациональном характере Великого княжества Литовского, ставшего родиной как для этнических литовцев, так и для большой массы русского («русинского») населения, внесшего свой вклад и в формирование современной литовской нации. Книга Э. Гудавичюса «История Литвы с древнейших времен до 1569 г.» (Вильнюс: изд-во Союза писателей Литвы, 1999) была передана Генеральным консулом в дар библиотеке ИИМК РАН.

Литовская делегация включала девять участников, преимущественно сотрудников отдела исследования городов Института истории Литвы во главе с доктором Г. Вайткявичюсом. Ими было зачитано шесть докладов, тематика которых охватывала преимущественно периоды средневековья и нового времени. Особенный интерес представлял блок из трех докладов по археологии средневекового Вильнюса.

Совместный доклад Г. Вайткявичюса и Р. Йонайтиса (Вильнюс) «Русский пригород Вильнюса Civitas Ruthenica» был посвящен археологическим исследованиям Русского конца Вильнюса (Civitas Ruthenica), начатым в 2006 г. Институту истории Литвы. В Русском конце изначально проживали православные жители города и было сосредоточено около десятка православных церквей. Наиболее ранние следы застройки, по имеющимся материалам, датируются 1320–1330-ми годами. Древнейшие православные церкви XIV в. строились по периметру Civitas Ruthenica. Следует отметить, что данный район средневекового Вильнюса никогда не исследовался прежде – ни во времена первой Литовской республики, ни в советское время.

В докладе О. Валенене (Вильнюс) «Становление плановой структуры Вильнюса: геоморфологический аспект» анализировалась древняя коммуникационная сеть Вильнюса, отражающая функциональные связи между различными структурными элементами города. По мнению автора, именно коммуникационная система как один из основных функциональных элементов плановой структуры помогает воссоздать и понять динамику и характер ее развития. Проведенный анализ позволил выявить четыре этапа в становлении плановой структуры Вильнюса. Из них первые три падают на период с конца XIII в. до 1390-х годов. Четвертый охватывает более значительный отрезок времени – с конца XIV до начала XVI в.

В докладе Г. Рацквичюса (Вильнюс) «Стрелки из *«Genevel»* при осаде Вильнюского замка в 1394 году» анализировалась серия арбалетных наконечников из раскопок Вильнюского замка – в широком контексте восточноевропейских материалов. В результате докладчик пришел к выводу, что все наконечники, найденные в Вильнюском замке, являются генуэзскими. В свете этого свидетельство хроники Виганда из Марбурга об участии «стрелков из Геневели [*Genevel*]» (?) в осаде замка в 1394 г. является указанием на то, что эти арбалетчики были из Генуи. Соответственно, анализируемая категория археологического материала получает узкую дату: все они выпали в слой в 1394 г.

Укрепленные поселения Литвы эпохи позднего средневековья рассматривались в докладе И. Каплунайте (Вильнюс) «Замки-резиденции литовской знати на окраинах страны в XVI в.» В нем достаточно исчерпывающе и разносторонне охарактеризована серия порубежных замков Великого княжества Литовского, основанных в период, когда привилегия их строительства перешла из рук короля в руки вельмож. Доклады А. Жалниерюса (Каунас) «Изразицы XVI в. в ратуше г. Каунаса» и А. Юкнявичюса (Кедайняй) «Шотландская община в Кедайняй в XVII–XVIII вв.» посвящены отдельным частным сюжетам истории и археологии позднесредневековой Литвы.

Росийская часть была представлена 15 докладами. В целом их можно объединить в четыре блока. Первый из них посвящен различным сюжетам археологии ранних славян и их связям с Прибалтикой в середине I тысячелетия н.э. В совместном докладе О.А. Щегловой (Санкт-Петербург) и В.Е. Родниковой (Москва) «Древности антов: между лесом и степью» было освещено развитие мужского и женского металлического убора, отложившегося вкладах «древностей антов» VII в. н.э. При этом оказалось, что основные элементы женского убора (за исключением фибул) имеют устойчивые связи с женским металлическим убором синхронных культур лесной зоны Восточной Европы, включая Прибалтику. Мужской убор, напротив, связан происхождением с культурами кочевников пояса степей.

В докладе О.В. Шарова (Санкт-Петербург) «О находке прибалтийской перекладчатой фибулы III в. н.э. в Старой Ладоге» упомянутая находка была представлена в широком контексте проблем хронологии римского времени на пространствах «варварской» Европы. Автор осветил в докладе различные этапы дискуссии в защиту «короткой» и «длинной» систем европейской хронологии, в результате которой в Европе повсеместно одержала верх короткая хронология Эггера-Годловского. По ряду объективных и субъективных причин эта система не была принята в Прибалтике, где гипотеза

Х. Моора о «запаздывании» местных типов предметов по отношению к импортам до сих пор принимается за аксиому многими археологами. Однако чем дальше, тем больше накапливается данных, свидетельствующих, что в действительности местный материал датируется синхронно «европейским импортам». По образному выражению докладчика, прибалтийской археологии «необходимо произвести перевод часов назад, на европейское время».

Второй блок докладов был посвящен новейшим исследованиям городских поселений Древней Руси VIII–XII вв. и синхронных им погребальных памятников. Открыл его совместный доклад С.В. Белецкого и А.Н. Киричникова (Санкт-Петербург) «Новые памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге». В ходе раскопок 2006 г. в культурном слое Ладоги обнаружено 43 сфрагистические находки (печати, пломбы и их заготовки). Для сравнения можно упомянуть, что во всех ладожских раскопах прошлых лет их насчитывалось только 14 (еще 107 представляли собой случайные находки). Следует особо отметить, что среди ранее известных печатей преобладают экземпляры XIV–XV вв. Подавляющее большинство находок в раскопе 2006 г. датируется XII–XIII вв. Заманчиво считать данное скопление сфрагистических памятников свидетельством существования в этой части Ладожского посада постройки, занятой административными службами.

В докладе Ю.М. Лесмана (Санкт-Петербург) «Динамика средневековой моды на бусы: Новгород, Сигтуна, Лунд» было рассмотрено распределение бус в культурном слое Новгорода XI–XII вв. (Неревский раскоп). Находки отражают общую тенденцию к сокращению количества бус в древнерусском уборе, которая определялась как постепенным выходом из моды, так и сокращением их количества, поступавшего на рынок. Динамика этого процесса в Новгороде в целом соответствует общей динамике европейской моды. Аналогичную динамику можно наблюдать в Лунде XI–XII вв. (метрополия Дании). В Сигтуне наблюдается противоположная картина: удельный вес бус в уборе XI–XII вв. неуклонно возрастает. Это указывает на некоторую обособленность Швеции от общеевропейских тенденций развития культуры в указанный период.

В докладе А.В. Плохова (Санкт-Петербург) «Средневековая стеклянная посуда Рюрика города» была ярко и исчерпывающе проанализирована коллекция посудного стекла, собранного в ходе исследований Новгородского (Рюрика) города. В коллекции представлены как древнерусские, так и привозные – византийские и западноевропейские находки. По объему, богатству и разнообразию материалов она вполне сопоставима

ма с коллекциями крупнейших городских центров Восточной и Северной Европы.

К.А. Михайловым (Санкт-Петербург) был представлен доклад «Реконструкция мужского костюма Древней Руси (IX–XI вв.) по данным погребальных памятников: к постановке проблемы». В нем рассмотрены находки текстиля из камерных погребений X в. в Гнездове, Кивеве, Пскове и Шестовцах. Археологически выявлен ряд общих черт в костюме древнерусской знати, аналогии которым автор видит в женском костюме скандинавских некрополей в Хедебу и Бирке. В то же время сохранившиеся элементы верхней мужской одежды позволяют усматривать их истоки в Византийской империи. Найдены в погребениях фрагменты текстиля указывают на широкое использование импортных тканей и подтверждают сведения письменных источников о торговле Руси с Византией.

В докладе В.Ю. Соболева (Санкт-Петербург) «Исследования древнерусских памятников на северо-западе Новгородской земли» основное внимание было уделено раскопкам Северо-Западной экспедиции НИИКСИ СПбГУ в верхнем Полужье и Пополье (Рапти-Наволоки II, III, VIII, Которский погост, Березицы, Засторонье и т.п.).

Б.Н. Харлашов (Псков) выступил с докладом «Каменные курганы в округе Изборска и Пскова: постановка проблемы», в котором дал обзор раскопанных насыпей с каменными конструкциями в указанном регионе (Малы, погост Выбуты и т.д.).

Сюда же примыкает отдельный блок из трех докладов, посвященных Передольскому погосту Новгородской земли – протогородскому поселению, основанному в X в., но затем по ряду причин пришедшему в упадок. В докладе Н.И. Платоновой (Санкт-Петербург) «Древнерусская застройка X–XI вв. на Передольском погосте» проанализированы материалы раскопок Передольского посада 1885–2006 гг., позволяющие реконструировать детали устройства древнерусских построек X–XII вв. Особенный интерес представляют обнаруженные отопительные сооружения (печи, частично обставленные известковыми плитами) и обширные углубленные части жилищ (подполья) с деревянным настилом по дну. По-видимому, эти последние имели два входа – из избы и со двора.

В совместном докладе В.И. Кацкевича, Н.И. Платоновой, Н.Н. Блохина, М.П. Кашкевич, М.В. Штова и Б.С. Короткевича «Геофизическое исследование Передольских сопок» подведены итоги трехлетнего цикла исследований коллектива по отработке методики применения методов сейсмотомографии к курганным материалам Древней Руси. Примером конкретного приложения метода к материалу является археофизическая модель, построенная для большого княжеского кургана Шум-гора.

А.В. Клева (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Византийская христианская надпись IX–X в. на золотом ювелирном изделии из Передольского погоста». Доклад содержал изысканный источниковедческий анализ уникальной находки – золотого диска (d=5 мм) из заполнения ямы X–XI вв. на посаде Передольского погоста. На одной стороне диска, покрытой зеленой эмалью, находится буквенное изображение, интерпретированное докладчиком как крестообразная «могильная монограмма». Монограмма содержит пять символов, составляющих слово «ΘΕΟΤΟΚΕ», с которого начинается молитва «ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΕΙ (Богоматерь, помоги)». Наибольшее распространение такие монограммы получили в сфрагистических памятниках Византийской империи иконоборческого периода. Предмет, найденный на Передольском погосте, представляет собой, по-видимому, вставку византийского ювелирного изделия (золотого креста или оклада) IX–X вв.

Четвертый блок докладов посвящен истории и археологии России в эпоху позднего средневековья и нового времени. По ходу их особо отмечались политические и культурные связи России с Великим княжеством Литовским и Прибалтикой в целом.

А.В. Зорин (Курск) выступил с докладом «Замок XIV в. на восточной границе Великого княжества Литовского: «царский дворец» у с. Гочево Беловского района Курской области». В нем сообщалось о предварительных итогах раскопок городища «Царский Дворец», входящего в состав Гочево-археологического комплекса. В результате исследований здесь были обнаружены следы сгоревших деревянных оборонительных сооружений, а также керамика и предметы вооружения, датирующиеся второй половиной XIV – началом XV в. Можно предположить, что городище являлось мощным пограничным замком на восточных рубежах Великого княжества Литовского.

В докладе А.И. Саксы (Санкт-Петербург) «Средневековый Выборг. Начало городской истории» рассматривались результаты проведенных автором широкомасштабных раскопок средневекового Выборга, в ходе которых впервые были выявлены горизонты деревянной застройки XIV–XV вв. На этом основании автор предположил, что в указанный период на месте города существовали 2–3 отдельных сельских поселения, объединившихся в единую структуру лишь с началом каменного строительства в конце XV в.

Я.В. Френкель (Санкт-Петербург) выступил с ярким, неординарным докладом «Методические возможности нового способа атрибуции фарфора для городской археологии». Предложенная им новая оригинальная методика анализа и установле-

ния дробной хронологии находок фарфора в городских слоях XVIII–XIX вв. встретила всеобщую поддержку. Вторая часть выступления содержала достаточно остроую критику современной постановки и методов раскопок культурного слоя Санкт-Петербурга. На вопросы, заданные докладчиком, обстоятельно ответил Ю.М. Лесман.

М.В. Рымша (Санкт-Петербург) прочел доклад «Служилые литовские князья в Новгороде Великом: военная помощь или политическая поддержка?» В нем достаточно подробно излагалась история взаимоотношений Новгорода Великого с «кормлеными» князьями из рода Гедиминовичей в XIV–XV вв.

По окончании заседания 05 декабря 2006 г. состоялась дискуссия и была составлена резолюция симпозиума. В ходе обсуждения было отмечено, что для всех участников характерен высокий профессионализм и тщательность анализа материала. В докладах представлен разносторонний анализ археологических данных на основе целого комплекса методов – типологического, картографического, стратиграфического, палеографического, сейсмофотографического, магнитометрического и т.д. Это, безусловно, свидетельствует об интенсивности современных исследований в указанных областях.

В резолюции отмечалось, что симпозиум способствовал налаживанию прерванных ранее связей России и Литвы в гуманитарной сфере. Формальное и неформальное общение ученых обеих стран в ходе симпозиума показало настоятельную необходимость и плодотворность дальнейшего научного сотрудничества между ними. Обе стороны единодушно приняли решение о проведении в Литве в 2008 г. следующего симпозиума по теме «Культура и история Литвы и России в эпоху средневековья». Литовская сторона внесла предложение об участии российских ученых-археологов ИИМК РАН в изучении Русского конца (*Civitas Ruthenica*) Вильнюса.

В последующие дни для участников симпозиума были проведены экскурсии – по памятникам Старой Ладоги, Государственному Эрмитажу, а также по архивным и книжным фондам Санкт-Петербурга (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Рукописный и фото отделы Научного архива ИИМК РАН). В ходе этих экскурсий выяснилось, что в архивах Санкт-Петербурга содержится огромное количество источников как по древней, так и по новой истории Литвы, по большей части не освоенных или даже вообще не известных литовским ученым. Это еще усилило заинтересованность литовской стороны в дальнейшем сотрудничестве.

Материалы симпозиума «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» запланированы к изданию в Санкт-Петербурге на русском языке в виде одноименного сборника статей (30 а.л.). Он должен включить все представленные доклады – как зачитанные, так и стендовые. В настоящий момент ИИМК РАН заключен договор с издательством «Нестор-История», книга готовится к печати.

Проведение симпозиума на высоком уровне оказалось возможным, благодаря финансовой поддержке РАН (в лице ее вице-президента акад. Н.А. Платэ), а также неизменной благожелательности и помощи со стороны Консульства Литовской Республики в Санкт-Петербурге (в лице Генерального консула Эйтвидаса Баярунаса) и Литовского культурного центра. Учитывая положительные итоги симпозиума, в резолюцию, принятую на заключительном заседании, было включено обращение в Президиум РАН и Институт истории Литвы с предложением поддержать дальнейшее сотрудничество ученых России и Литвы в области археологии.

А.Н. Кирпичников, Н.И. Платонова
Россия, Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры
РАН
Отдел славяно-финской археологии*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Протокол

о намерениях сотрудничества в области археологии между Институтом истории Литвы и Институтом истории материальной культуры Российской академии наук

Принят на заключительном заседании литовско-русского семинара «Процессы становления средневековых городов Восточной Балтии и Северо-Западной России, сходства и различия», состоявшегося 25–28 сентября 2005 г. в Институте истории Литвы, в котором участвовали ученые России и Литвы, а также представители власти и общественных организаций Вильнюса и Литвы. Собравшиеся представляли интересы с литовской стороны: Института истории Литвы, Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса, Исторического факультета Вильнюсского университета, Института консервации памятников, Кедайняйского краеведческого музея, мэрии г. Вильнюса, Департамента национальных меньшинств при Правитель-

стве Литовской Республики, политической организации «Союз русских Литвы». С российской стороны: Института истории материальной культуры Российской академии наук, Эрмитажа, Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН, Староладожского музея-заповедника.

Ссылаясь на продолжительное позитивное сотрудничество между археологами Литвы и России, стороны договорились о следующем:

1. Считать важным и актуальным расширение литовско-российского научного сотрудничества на северо-западной территории России и территории Литвы, что естественно ввиду многолетних традиций исследования литовских и древнерусских археологических памятников.

2. Считать важным наиболее широкое и многостороннее использование ресурсов как в области полевых, так и в иных сферах археологических исследований.

3. Считать наиболее плодотворными результаты, достигнутые объединением усилий и возможностей научных учреждений и музеев обеих стран.

4. Поддерживать организацию научных исследований, симпозиумов и различных выставок с целью максимально оперативной и актуальной публикации результатов в обеих странах. Считать целесообразным регулярные научные тематические встречи археологов, историков, искусствоведов, архитекторов-реставраторов двух стран.

5. Каждая из договаривающихся сторон окажет содействие в работе специалистов двух стран по тематике, представляющей обоюдный интерес, а также будет способствовать этим специалистам в ознакомлении с музеями, архивами и местами раскопок.

6. Каждая из договаривающихся сторон привлекает по договорным условиям ученых, аспирантов и студентов к археологическим полевым работам в Литве и России.

7. Целесообразным является обмен новой литературой по археологии Литвы и России.

8. Приветствуется содействие и помощь, которые смогут оказать власти Литвы и России в развитии научных и творческих контактов между учеными, студентами, аспирантами и работниками музеев обеих стран.

9. Литовская сторона публикует состоявшиеся на упомянутом выше семинаре доклады.

Срок действия протокола не ограничен. Его действие может быть приостановлено по желанию каждой из договаривающихся сторон.

Протокол вступает в действие с момента его подписания и утверждения.

По уполномочию литовской стороны
Руководитель Отдела исследований городов
Института истории Литвы
Доктор исторических наук
Гидиминас Вайткавичюс

По уполномочию российской стороны
Заведующий Отделом славяно-финской
археологии Института истории материальной
культуры
Доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской
Федерации
Кирпичников Анатолий Николаевич

Санкт-Петербург, 28 сентября 2006 г.

Памяти
Галины Федоровны
КОРОБКОВОЙ
(9.03.1933–27.08.2007)

27 августа 2007 года тяжелая болезнь оборвала жизнь замечательного человека. Ушла из жизни крупный археолог, специалист в области трасологии, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН Галина Федоровна Коробкова.

Она родилась 9 марта 1933 года в городе Ленинграде. Отец ее был рабочим на заводе «Красный треугольник», мать домохозяйкой. Во время войны Галина Федоровна вместе с мамой и сестрой находилась в осажденном Ленинграде и испытала все тяготы блокадной жизни.

После окончания школы в 1951 г. поступила в ЛГУ на кафедру археологии. Первым ее руководителем был П.И. Борисковский. В период учебы Галина Федоровна активно принимала участие в раскопках известных памятников археологии. В студенческие годы она с увлечением занималась в хоровой студии университета. Многие помнят ее прекрасное пение на дружеских вечеринках и в экспедициях у костра.

Вся жизнь Галины Федоровны была связана с Институтом истории материальной культуры РАН (ИОИА АН СССР до 1991 г.), где она прошла путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующей Экспериментально-трасологической лаборатории.

Галина Федоровна была первой ученицей С.А. Семенова. Под его руководством она в совершенстве овладела экспериментально-трасологическим методом исследования, став авторитетным исследователем в этой области археологии, и после смерти С.А. Семенова на протяжении 25 лет возглавляла лабораторию. Галина Федоровна много сделала для развития и совершенствования методики анализа археологических материалов, путем создания базы экспериментальных эталонов, связанных с производственными процессами.

В 1966 г. вышла ее первая монография «Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии». Тогда же эта работа была защищена в качестве кандидатской диссертации.

Г.Ф. Коробкова, творчески совершенствуя, продолжала развивать направление исследований и методику своего учителя. Специализируясь в области исследований первобытной техники и орудий труда, она особое внимание уделяла изучению ранних сельскохозяйственно-скотоводческих обществ юга СССР (Средняя Азия, Кавказ, Северо-Западное Причерноморье). В 1982 г. защитила докторскую диссертацию на тему: «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР».

Галина Федоровна первая предложила функциональную классификацию пластинчатых орудий, так называемых «ножевидных пластин». По материалам неолитических памятников Средней Азии она выделила серии орудий на геометрических микролитах. На материалах поселения Джейтун она установила существование специализированной мастерской по обработке шкур и изготовлению коженно-меховых изделий.

Ей принадлежат первые экспериментальные работы по созданию эталонов. Галина Федоровна произвела экспериментально-трасологическую реконструкцию всех производств трипольского поселения Костешты IV под названием «день трипольца». С помощью орудий, воспроизведенных по образцу археологических, были восстановлены землянка и оборонительный ров, воспроизведены работы по обработке земли, чистке рыбы, обработке шкур, выделке кож, изготовлению одежды. Эти работы позволили конкретизировать функции многих орудий. В частности, была разработана классификация жатвенных орудий в соответствии с их использованием для уборки целого ряда растений и разных видов злаковых. Г.Ф. Коробкова основала новое направление в трасологии – использование метода макротрасологического анализа, который успешно применяется при изучении массовых археологических коллекций мезолитических стоянок и поселений ранних земледельцев и скотоводов.

Особое место в ее исследованиях занимали проблемы времени и форм появления раннего земле-

делия на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Средней Азии и в Причерноморье. Микроанализ материалов натуфийской культуры привел к принципиально важному выводу о перерастании усложненного собирательства в собственно земледелие. Вывод подкреплялся многочисленными экспериментами с выявлением признаков, характерных для диких и окультуренных злаков.

Г.Ф. Коробкова оставила богатое творческое наследие, опубликовала более 200 работ, в том числе несколько монографий. У нее много учеников, успешно работающих сейчас не только в России, но и в бывших республиках СССР.

Мы знали Галину Федоровну легким, веселым и темпераментным человеком. Она никогда не копила обид и, обладая редким даром сопереживания, старалась помочь людям, попавшим в беду. Галина Федоровна была очень требовательна к себе и, даже уже будучи тяжело больной, из последних сил продолжала делать то, что было смыслом ее жизни.

Галина Федоровна была верной спутницей В.М. Массона, одного из крупнейших археологов современности, много лет возглавлявшего наш институт.

Для всех, кто знал Г.Ф. Коробкову, ее неожиданный, безвременный уход воспринимается как катастрофическая потеря близкого человека. Светлая память о ней навсегда сохранится в сердцах друзей, коллег и учеников.

Н.Н. Скакун, Т.А. Шаровская, В.Е. Щелинский

Институт истории материальной культуры РАН в 2006 году

В 2006 г. сотрудниками ИИМК РАН успешно были закончены работы по 18 темам, утвержденным для Института за 2004–2006 гг.

На 2007–2009 гг. коллективом ИИМК РАН было выдвинуто 15 новых крупных тем научно-исследовательской работы в области археологии и древней истории. Они соответствуют Основным направлениям фундаментальных исследований, утвержденным Президиумом РАН в 2006 г. Выдвинутые новые трехлетние темы научно-исследовательской работы ИИМК РАН были обсуждены и приняты на заседании Ученого совета ИИМК РАН 22 ноября 2006 г.

В 2006 г. в Институте были организованы полевые исследования 34 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России, на Украине и в Туркмении. Кроме того, сотрудники Института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, на Украине и в Средней Азии.

Основу деятельности ИИМК РАН в 2006 г., как и ранее, составило базовое бюджетное финансирование, наряду с которым исследования велись по 32 различным грантам, в том числе РГНФ (15), РФФИ (17). Следует отметить, что в Институте выполнялись исследования по двум совместным проектам РГНФ: исследовательский грант с АН Молдовы (Н.Н. Скакун), экспедиционный грант с НАН Украины (Н.Н. Скакун).

В 2006 г. в рамках выполнения Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 гг.)» в ИИМК РАН были проведены работы по шести проектам полевых исследований на Северном Кавказе (А.Д. Резепкин – 3 проекта), в Краснодарском крае (В.А. Горончаровский), в Туве (В.А. Семенов), в Красноярском крае (Н.А. Бокоренко) и по проекту изучения дольменных комплексов в Геленджикском районе Краснодарского края (В.А. Трифонов).

В 2006 г. в ИИМК РАН начаты работы по 10 проектам Программы фундаментальных исследо-

ваний Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (рук. С.А. Васильев, М.В. Анникович, Г.Ф. Коробкова, Ю.А. Виноградов, А.А. Силицын, Г.В. Длужневская, В.А. Трифонов, В.В. Питулько, Н.А. Бокоренко, Г.И. Зайцева). Также начались работы по трем проектам Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории 2006–2008 гг.» (рук. Е.Н. Носов, А.Н. Кирпичников, А.Е. Мусин).

Санкт-Петербургский научный центр РАН в 2006 г. профинансировал по программе научных исследований 12 проектов сотрудников ИИМК РАН, работы по которым были успешно проведены в срок (рук. А.К. Очеродной, А.Д. Резепкин, С.А. Васильев, П.Е. Сорокин, А.А. Пескова, Ю.А. Виноградов, В.А. Горончаровский, М.А. Юшкова, А.Н. Кирпичников, Л.Б. Кирчо, В.М. Горюнова, Г.В. Силицына).

Итоги научно-исследовательской деятельности ИИМК РАН за 2004–2006 гг. неоднократно докладывались на международных научных форумах, нашли отображение в изданных книгах, статьях и заметках.

2006 г. ознаменовался двумя значительными полевыми открытиями. Бейской экспедицией ИИМК РАН (нач. М.Н. Пшеницына) при раскопках погребальных памятников на территории Хаккасии (Красноярский край) были обнаружены уникальные ювелирные украшения из золота и серебра раннего железного века. Вторым важным итогом полевых работ стало открытие Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН (нач. В.А. Трифонов) уникальных рисунков – петроглифов на стенке дольмена, расчищенного в п. Джубга Туапсинского района Краснодарского края. Это первая находка подобного рода на Северо-Западном Кавказе. Среди полевых достижений ИИМК РАН в 2006 г. следует выделить продолжающееся

плодотворное изучение Старолadoжского поселения, где в культурных слоях древнерусского времени были найдены остатки городской канцелярии, из которой происходит уникальная серия более чем из 40 вислых свинцовых печатей и их заготовок, датруемых предварительно XIII–XIV вв. (нач. экспедиции А.Н. Кирпичников).

ИИМК РАН в 2006 г. был организатором ряда крупных научных мероприятий. В апреле 2006 г. Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем провел в Санкт-Петербурге крупную международную конференцию «Славяно-русское ювелирное искусство и его истоки», посвященную 100-летию со дня рождения выдающегося археолога-слависта, специалиста в области средневекового ювелирного искусства Гали Федоровны Корзухиной. В работе форума приняли участие около 100 ученых из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. К началу работы форума были изданы материалы конференции «Славяно-русское ювелирное дело и его истоки» (СПб., 2006. Отв. редакторы А.А. Пескова, О.А. Щеглова). Также в апреле 2006 г. Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН совместно с Институтом географии РАН (Москва) по гранту INTAS провела в Санкт-Петербурге международную конференцию «Человек и окружающая среда в плейстоцене и голоцене: эволюция водных путей и ранних поселений Северной Европы». В работе конференции приняли участие специалисты из других научных центров России, стран СНГ и дальнего зарубежья (около 30 участников). Ко времени работы конференции был подготовлен и издан сборник материалов «Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and Early Settlement of Northern Europe» (СПб., 2006. Отв. редактор Г.И. Зайцева). В ноябре 2006 г. в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН был организован и проведен в Санкт-Петербурге международный симпозиум «Археология и история Литвы и северо-запада России». В работе форума приняли участие около 40 ученых из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. В апреле 2006 г. на базе музея «700 лет – Ландскрона, Невское Устье, Ниеншанц» (Санкт-Петербург) Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН провел всероссийский семинар «Изучение и сохранение историко-культурного наследия Ижорской земли» (глава оргкомитета П.Е. Сорокин), который был приурочен к открытию выставки новых археологических находок Санкт-Петербургской экспедиции ИИМК РАН, связанных с древним народом – племенем ижора. А.Е. Мусин был одним из основных организаторов и участников всероссийской конференции «Новгородская земля в древнерусскую эпоху: открытия, исследования и идеи», которая проходила в мае 2006 г. в пос. Лю-

бытино Новгородской области, а также всероссийского семинара «Спор о “Софии” в христианской иконографии», прошедшем в июне 2006 г. в Великом Новгороде. Н.Н. Скакун являлась одним из активных организаторов и участников международной научно-практической конференции «Технологии и проблемы культурной адаптации населения Юго-Восточной Европы в эпоху неолита», прошедшей в августе 2006 г. в с. Вышневец, Украина. К началу работы конференции издан сборник материалов форума под тем же названием.

Н.Н. Скакун стала одним из организаторов и активных участников выставки «L'Europe, déjà a la fin des temps préhistoriques», на которой представлены археологические материалы неолитического памятника Бодаки (Украина). Выставка открылась в ноябре 2006 г. в г. Орлеан, Франция.

В 2006 г., так же как и ранее, материалы Научного архива ИИМК РАН широко привлекались для демонстрации на различных выставках: «Императрица Мария Федоровна и Император Александр III», Центральный выставочный зал, Санкт-Петербург; «Поездка Великого князя Константина Николаевича в Иерусалим», Петергофский музей, Санкт-Петербург; «Образы Империи», г. Карлсруэ, Германия.

Сотрудники ИИМК РАН принимали самое активное участие в проведении целого ряда международных научных форумов в России, странах СНГ и дальнего зарубежья, ученые ИИМК РАН прочитали на них 132 доклада. В Российской Федерации сотрудники Института приняли участие в конференциях в Москве, Твери, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Липецке, Ханты-Мансийске, Казани, Кызыле, Соловках, Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Туле, Петрозаводске, Нижнем Новгороде. В странах СНГ сотрудники ИИМК РАН выступали с докладами на конференциях в Одессе, Николаеве, Керчи и в с. Вышковец (Украина), в Куя-Ургенче (Туркменистан), Душабе (Таджикистан), Сухуме (Абхазия), Таллине (Эстония); в дальнем зарубежье сотрудники ИИМК РАН приняли участие в работе научных форумов в Ровене (Италия), Пекине (Китай), на о. Родос (Греция), в Мадриде (Испания), Лондоне, Оксфорде и Экстере (Англия), Берлине, Майнце и Висмаре (Германия), Стокгольме (Швеция), Трондхейме (Норвегия), Кракове (Польша), Париже (Франция) и Вашингтоне (США).

Основные итоги работы ученых ИИМК РАН в 2006 г. нашли отражение в многочисленных публикациях (около 400), в том числе 16 монографиях и коллективных монографиях; двух сборниках статей, двух сборниках материалов научных конференций и ежегоднике ИИМК РАН «Археологические вести» № 13.

В 2006 г. в ИИМК РАН начато издание «Записки ИИМК РАН». Издание отражает новые открытия, исследования и научно-организационную жизнь Отделов и Лабораторий Института истории материальной культуры. В данный выпуск вошли как оперативные публикации новейших полевых открытий, так и аналитические разработки. В разделе «Хроника» подводятся некоторые итоги деятельности структурных подразделений Института в 2001–2005 гг.

Значительным вкладом в изучение археологии и древней истории Евразии стала подготовка и публикация второго тома «Записок Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия» (Т. 2 (XXVII). Отв. ред. В.П. Никоноров). Это известнейшее ранее издание (основано в 1886 г.) было возобновлено силами сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН в 2002 г. Настоящий том ЗВОРАО, в полном соответствии с традициями отечественного востоковедения, включает в себя разработки российских ученых и их коллег из ближнего зарубежья не только в области собственно археологии, но и в области истории, нумизматики, филологии и эпиграфики, что позволяет существенно углубить наши представления о цивилизациях древнего и средневекового Востока. Кроме того, том содержит разнообразные материалы информационного и справочного характера.

Ученый совет ИИМК РАН в 2006 г. провел шесть заседаний, на которых, наряду с организационными вопросами, рассматривались и научные проблемы.

В феврале 2006 г. Г.П. Григорьев сделал доклад «Проблема развития палеолитического искусства». В мае 2006 г. на совместном заседании с Отделом археологии палеолита ИИМК РАН был заслушан доклад Дж.Ф. Хоффера (Университет Колорадо, США) «Люди современного вида и структура археологических данных».

В 2006 г. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15.01) провел защиты одной докторской и пяти кандидатских диссертаций, из которых четыре были защищены сотрудниками ИИМК РАН.

Состоялась защита на соискание ученой степени доктора исторических наук сотрудника Отдела археологии палеолита ИИМК РАН Л.Б. Вишняцкого по теме «Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и переход к верхнему палеолиту». Степень кандидата исторических наук в 2006 г. была присуждена И.П. Лазаретову (Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа) по теме «Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее»; А.В. Полякову (Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа) по теме «Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников)»; А.А. Ли-

патов (Отдел славяно-финской археологии) по теме «Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты».

На основании Лицензии на право ведения образовательной деятельности в сфере послевузовского профессионального образования ИИМК РАН осуществляет подготовку научных кадров по специальности археология (07.00.06). В 2006 г. в аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 18 соискателей ученых степеней (восемь из них сотрудники ИИМК РАН), один аспирант очной аспирантуры, один аспирант на контрактной основе и четыре стажера (два по темам докторских диссертаций и два по темам кандидатских диссертаций) из различных научных и музейных центров России и стран СНГ.

Специфика научно-исследовательской деятельности ИИМК РАН как археологического центра отражается и на формах участия ИИМК в образовательном процессе. В 2006 г. в экспедициях Института проходили летнюю полевую практику студенты различных вузов страны: в Новгородской областной экспедиции – Санкт-Петербургского государственного университета; в Староладжской экспедиции – Ленинградского областного государственного университета, Российского государственного педагогического университета, воспитанники Суворовского военного училища МВД России. В научном архиве ИИМК ежегодно проходят практику студенты из Санкт-Петербургского и Екатеринбургского государственных университетов.

Сотрудники ИИМК ведут регулярную педагогическую деятельность в вузах Санкт-Петербурга. Читают курсы лекций, спецкурсы, ведут семинары: на историческом, философском, восточном факультетах Санкт-Петербургского государственного университета – д.и.н., проф. Г.П. Григорьев, д.и.н., проф. В.М. Мазон, д.и.н. С.А. Васильев, к.и.н. Е.Ю. Гиря, к.и.н. В.А. Алёшкин, к.и.н. В.П. Никоноров, с.н.с. В.С. Бочкарев, к.и.н. Ст.А. Васильев, к.и.н. И.Ю. Шауб; в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусства – проф. С.В. Белещий, д.и.н. Ю.А. Виноградов, д.и.н. В.А. Горончаровский, к.и.н. Н.А. Боковенко; в Санкт-Петербургском государственном университете живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина – к.и.н., проф. В.А. Семенов; в Санкт-Петербургском институте управления и экономики – к.и.н. В.А. Алёшкин; в Санкт-Петербургском университете иудаики – к.и.н. В.А. Алёшкин, к.и.н. Л.Б. Вишняцкий; в Университете Орхуса (Дания) – к.и.н. В.Ф. Столба. Научные сотрудники ИИМК РАН постоянно участвуют в научном руководстве курсовыми, дипломными и аспирантскими работами на исторических факультетах Санкт-Петербургского гос-

университета, Санкт-Петербургского госуниверситета культуры и искусств.

Директор ИИМК член-корр. РАН Е.Н. Носов, являясь заведующим кафедрой археологии исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета, читает лекционные курсы на историческом факультете университета.

В 2006 г., так же как и ранее, ИИМК РАН продолжал интенсивно поддерживать старые и развивать новые научные контакты с зарубежными коллегами. В Институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с археологическими материалами 17 исследователей из Франции, Польши, Норвегии, США, Болгарии, Румынии, Кореи, Японии и стран СНГ (Литва, Молдова). ИИМК РАН имеет давние и прочные контакты со многими родственными археологическими учреждениями дальнего зарубежья, некоторые из них закреплены договорами о сотрудничестве, а именно: с университетами Хельсинки и Турку (Финляндия), с университетом г. Тарту (Эстония).

В 2006 г. заключены новые международные договоры с Южным Институтом общественных наук (Социалистическая Республика Вьетнам), с Фондом Гогурёских исследований (Республика Корея).

В отчетный период ИИМК РАН продолжал активно развивать сотрудничество с родственными учреждениями стран СНГ. В настоящий момент у Института заключено 19 договоров о сотрудничестве, которые являются основой для более конкретных договоренностей о совместных мероприятиях, экспедициях и т.д. В 2006 г. были заключены новые договоры с Институтом истории Литвы, с Институтом культурного наследия АН Молдовы, с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана (Казахстан), с Национальным управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры МК Туркменистана, Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

Ученый секретарь ИИМК РАН

С.А. Кулаков

Список сокращений

- АВ – Археологические вестн. СПб.
АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М.
АиПТ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АМА – Античный мир и археология. Саратов.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭГМГ – Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВАА – Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
ВАХ – Всероссийская Академия художеств. М.
ВВ – Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВОН АН Арм. ССР – Вестник общественных наук АН Арм. ССР. Ереван.
ГАВО – Государственный архив Владимирской области. Владимир.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГКИМ – Государственный Киевский исторический музей. Киев.
ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга. СПб.
ГРМ – Государственный Русский музей. СПб.
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея. М.
ЗООА – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии ИА НАНУ – Институт археологии НАН Украины. Киев.
ИГАИМК – Известия государственной Академии истории материальной культуры.
ИММК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЯЛИ Коми ИЦ – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР. Сыктывкар.
КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН (АН СССР). М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КЧ – Крушевские чтения по археологии Северного Кавказа. М.
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт. Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР – Материалы по археологии России. М.
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МГПИ – Московский Государственный педагогический институт. М.
МГУ – Московский Государственный университет. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь.
МЭС – Математический энциклопедический словарь. М.
НА ИЭХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Херсонес.
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НА ИИМК РАН. РА – Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Рукописный архив. СПб.
НИИКСИ СПбГУ – Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований СПбГУ
НИКА – Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.
НИЗИА – Новгород – Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. М.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАН – Полевые археологические исследования. Тбилиси.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА – Российская археология. М.
РА ИИМК РАН – Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. СПб.
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры. Л.
РИ АН – Радиевский институт АН СССР.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СИМСОИПЦ – Сборник научно-методического совета по охране и использованию памятников культуры. М.
СПБ ГАК – Санкт-Петербургская государственная академия культуры. СПб.
СПБГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбФ РНИИ КПН – Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. СПб.
СПИЛДИ – Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований. Тбилиси.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
ТЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТКАЭ – Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.

- ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
- ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия. Тверь.
- ФТИ РАН – Физико-технический институт РАН. СПб.
- ХСб – Херсонесский сборник.
- ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.
- АЕ – *Archaeologie in Eurasien*. Espelkamp.
- АfRW – *Archiv für Religionswissenschaft*.
- AJA – *American Journal of Archaeology*. Boston.
- AS – *Anatolian Studies*.
- AWA – *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*. München.
- BAH – *Bibliothèque archéologique et historique*. Paris.
- BAR – *British Archaeological Reports*. Oxford.
- ESA – *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki.
- FHG – *Fragmenta Historicorum Graecorum*.
- IG – *Inscriptiones Graecae*.
- IOSPE I, II – *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (Ed. B. Latyshev). Petropoli. 1916. Т. I. СПб. 1890. Т. II.
- Iran – *Journal of the British Institute of Persian Studies*.
- JAOS – *Journal of the American Oriental Society*.
- JAS – *Journal of Archaeological Science*.
- JRGZ – *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz.
- PPS – *Proceedings of the Prehistoric Society*. London.
- PZ – *Prähistorische Zeitschrift*. Berlin.
- RE – *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*. Stuttgart. 1893.
- TTKB – *Türk Tarih Kurumu Basimevi*. Ankara.
- TTKY – *Türk Tarih Kurumu Yayınlarından*. Ankara.
- VML – *Verlag Marie Leidorf*.
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*.

Научное издание

**Археологические
вести
Выпуск 15**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Издательская группа ИИМК РАН
*Н.В. Головачева, Т.С. Дорофеева,
Г.А. Кузнецова, В.Я. Стеганцева*

Адрес редакции:
Россия. 191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
Телефон (812) 312-14-84, факс (812) 571-62-71
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Заведующая редакцией “Наука – история” *Н.Л. Петрова*

Редактор *Г.В. Шевцова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, А.В. Морозова,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 14.08.2008. Формат 60 × 90 1/8
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,5. Усл.кр.-отт. 36,5. Уч.-изд.л. 35,2
Тип. зак. 3463

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием книжнических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoi@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамаша-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
akni@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77